

ИСТОРИЯ КОРЕИ

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ КОРЕИ

(с древнейших времен до наших дней)

том II

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

РЕДКОЛЛЕГИЯ

*акад. Б. Г. Гафуров, Ю. В. Ванин, И. С. Казакевич, Г. Ф. Ким,
М. Н. Пак, В. Д. Тихомиров, Ф. И. Шабшина, В. И. Шипаев*

РЕДАКТОР ТОМА

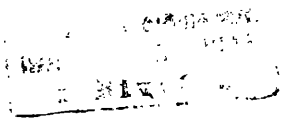
В. Д. Тихомиров

Второй том «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» охватывает новейший период (1917—1970). В книге показаны основные этапы национально-освободительной борьбы корейского народа и классовых выступлений трудящихся.

Книга обобщает опыт революционных преобразований в КНДР, показывает успехи республики, достигнутые на путях социализма, борьбу ТПК и правительства КНДР за мирное воссоединение страны. Большое внимание уделено изучению политического и социально-экономического развития Южной Кореи.

И— $\frac{10603-031}{013(01)-74}$ 117-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

ВВЕДЕНИЕ

Во втором томе «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» излагаются события корейской истории в новейшее время (1917—1970 гг.).

Эта периодизация вытекает из марксистско-ленинского положения о том, что рубежами крупных исторических эпох являются такие решающие события, которые наиболее отчетливо выражают общий перелом в развитии общества, переход от одной общественно-экономической формации к другой. Такой переход в первое время может быть ограничен немногими странами, но, если он оказывает определяющее воздействие на развитие всех других районов мира, он — начало новой эпохи.

Событием всемирно-исторического значения, важнейшим рубежом истории стал 1917 год. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла новую эру истории. Несмотря на то что фронт империализма был прорван в одной стране и лишь в России победила в 1917 г. пролетарская революция, результаты этой победы стали решающими для всех стран мира независимо от их географического положения, общественного устройства и уровня экономического развития. Кончилось безраздельное господство капитализма, развернулась полоса его общего кризиса; мир раскололся на две социально-экономические системы: капитализм и социализм.

«Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории», — писал В. И. Ленин¹.

После победы Октябрьской революции и создания первого в мире государства рабочих и крестьян, способного и готового в силу своей классовой природы стать могучим оплотом мирового общественного прогресса, коренным образом изменились международные условия революционной борьбы угнетенных и эксплуатируемых всего мира. Они обрели возможность вступить в бой с угнетателями и эксплуататорами не один на один, а опираясь на мощную идейную и материальную базу, на государственную помощь страны победившего пролетариата; вести этот бой не ощупью, а руководствуясь марксистско-ленинской теорией, проверенной и подтвержденной революционной практикой Великого Октября.

Самым непосредственным образом связаны с победой Октября и исторические судьбы народов Востока — возможность их быстрого и радикального освобождения от колониального гнета, достижения национальной независимости и социального прогресса, окончательного превращения в «активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма»².

Колониальный Восток, являвшийся тылом империализма, становился мощным резервом революции. Было положено начало непобе-

димому союзу международного пролетариата, его детища — социалистической системы — с национально-освободительным движением народов.

После победы Октября и создания Советского государства стала практически осуществимой предсказанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, теоретически развитая и обоснованная В. И. Лениным возможность для порабощенных, экономически отсталых народов не только освободиться от колониального ига, но и при интернациональной помощи государства победившего пролетариата двинуться к социализму, минуя полностью или частично капиталистическую формацию. При наличии необходимых внутренних условий, на созревании которых также огромное прогрессивное воздействие оказала победа Октябрьской революции, народы порабощенных империализмом стран получили перспективу самого полного и радикального, самого прогрессивного выхода из колониальной системы на путь социалистического развития.

В. И. Ленин отмечал, что в широком смысле слова все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение; а в самом узком смысле слова, «понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции»³.

Корея принадлежит к числу тех стран, на развитие которых Октябрьская революция оказала влияние и в широком и в узком смысле слова. Самые значительные вехи борьбы ее мужественного и вольнолюбивого народа связаны с решающим влиянием Октябрьской революции.

Гигантское прогрессивное воздействие Октября, имеющее объективный характер, буржуазное корееведение пытается представить как экспорт революционных идей, действий, общественных порядков, как насильственное их насаждение, искусственное создание в других странах революционного климата без наличия там внутренних условий.

Бескорыстную морально-политическую, дипломатическую, материальную помощь и содействие Советского государства развивающимся на базе внутренних условий революционным процессам в Корее буржуазные корееведы избражают как вмешательство большевиков во внутренние корейские дела, а закономерно завершившую многолетнюю борьбу трудящихся корейскую народную революцию пытаются представить как продукт советского экспорта.

Абсурдность, антинаучный характер таких попыток очевидны. «Конечно,— писал В. И. Ленин,— есть люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению. Эти люди либо безумцы, либо провокаторы... Мы знаем, что их (революции.— *Ред.*) нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя»⁴.

В выступлении на Конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 г. Л. И. Брежнев сказал: «Революцию, классовую борьбу, освободительное движение также нельзя и отменить по заказу или соглашению. Нет на земле силы, которая могла бы повернуть вспять неумолимый процесс обновления общественной жизни».

Революция в Корее была подготовлена всем предшествующим развитием корейского общества; об этом неопровержимо свидетельствуют исторические факты.

Тем не менее буржуазные социологи вопреки фактам пытаются представить революционные свершения корейских трудящихся как ре-

зультат насаждения извне. Такая трактовка преследует ярко выраженные политические цели; вместе с тем она неразрывно связана с коренными пороками буржуазной методологии исторической науки, с недооценкой решающей роли народных масс в историческом процессе, с неверием в их силы и возможности. Вместо анализа борьбы масс и социально-экономической обстановки перечисляются заговоры одиночек, групп, клик, ориентирующихся на те или иные внешние силы. Корея часто выступает в этих трудах лишь как объект исторического развития.

Разумеется, в буржуазном корееведении можно обнаружить немало разных течений, оно не едино. При общей с корееведами США и Японии методологии и идеологической основе многие южнокорейские историки подходят к оценке событий с сугубо националистических позиций.

Не ставя задачей исследование трактовок буржуазным корееведением даже наиболее крупных вопросов истории и современного положения Кореи, рассмотрим лишь некоторые из них, имеющие, как нам кажется, общее, принципиальное значение. В их числе концепция о якобы «прогрессивной» роли японского империализма в Корее, его культуртрегерской миссии. Основным ее глашатаем выступает японское буржуазное корееведение.

Японская литература о Корее насчитывает десятки монографий, справочников, юбилейных выпусков. Официальные издания пронизаны стремлением доказать, что установление японского господства явилось благом для Кореи, приобщило ее к прогрессу. Обильный, но тенденциозно подобранный материал призван обосновать этот генеральный тезис, главную политическую задачу японского официального корееведения. Между тем объективный научный анализ материала приводит к обратным выводам. Он свидетельствует, что все то, что колонизаторы ставят в заслугу себе, создано на корейской земле трудом ее народа, но использовано колонизаторами для обогащения и процветания японских дзайбацу. Уместно в этой связи напомнить слова В. И. Ленина.

«Постройка желдором,— писал он,— кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в „цивилизованных“ странах»⁵.

Этот ленинский вывод относится не только к постройке железных дорог, но и к другим «цивилизаторским» делам колонизаторов.

Исторические факты, часть которых проникла и на страницы японских изданий, говорят о тягчайших преступлениях японских империалистов в Корее, которую они грабили «с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»⁶; о нищете и бесправии корейского народа, о подавлении его богатой и древней национальной культуры.

Если даже открытые японские публикации не могут об этом умолчать, то особенно обнаженно встает правда со страниц секретных изданий японской администрации в Корее, немало способствующих опровержению мифа о «прогрессивной» миссии японского империализма. Эти издания после капитуляции Японии в августе 1945 г. стали доступны для исследователей корейской истории, в том числе и для авторов на-

стоящей книги. Они чрезвычайно ценны для исследователей⁷, особенно материалы, разоблачающие (помимо желания их авторов) террор, многообразные изощренные методы подавления народной борьбы, шантаж, провокации, вооруженную и идейную диверсию колонизаторов.

Таковы, например, секретные издания полиции и жандармерии, суда и прокуратуры «Тёсэн кэйсацу» («Корейская полиция»), Сеул, 1938; «Қото кэйсацу ёго дзитэн» («Словарь тайной полиции»), Сеул, 1935; «Сисо ихо» («Идеологический вестник») за 1934, 1936, 1937, 1938 гг., Сеул; серия закрытых изданий, подготовленных Комиссией по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства Кореи, — «Хокусэн-но токусюсэй-ни тайо суру хосаку-ни кан суру кэн» («Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи»), Сеул, 1938 и др.

В них содержатся материалы о методах выявления и уничтожения корейских революционных организаций и деятелей, о закрытых судебных процессах над ними. Вместе с тем они свидетельствуют о народном сопротивлении в Корее накануне революции, о героической борьбе широких народных масс и их авангардных сил — коммунистов, о серьезном беспокоестве колонизаторов, которым все труднее становилось управлять колонией.

Издания разворачивают перед читателем неприкрашенную картину нищеты и бедствий народа Кореи и помогают развеять миф о «прогрессивности» ее «присоединения» к Японии.

Разумеется, японское корееведение не сводится только к официальному. Оно содержит и труды ученых, пытавшихся (сколь это было возможно) даже в условиях японского господства в Корее воссоздать более или менее объективную картину ее развития. Можно назвать, в частности, том, посвященный Корее в десятилетней истории Японии (издание 1942 г.); автор — Хосокава Кароку.

Серьезные научные труды создали японские ученые Хатада Такаси, Ямабэ Кэнтаро после 1945 г. Их исследования посвящены истории Кореи, аннексии ее Японией, освободительному движению корейского народа, развитию Корейской Народно-Демократической Республики⁸.

Американское официальное буржуазное корееведение пропагандирует в разных формах, чаще завуалированно, тот же тезис об империалистическом господстве как ускорителе прогресса поработенных народов, но делается это с одной существенной поправкой: такой «ускоритель» — не японский, а американский империализм. При первом знакомстве со многими американскими изданиями о колониальной Корее может показаться, что авторы выступают поборниками корейской независимости. Они критикуют, порой очень резко, японские методы управления этой страной, пишут о недовольстве ее населения колониальными порядками. Однако за разоблачением и осуждением японского колониального господства следует тезис о спасительной роли империализма США.

«Допустим, японец осуждает аннексию Филиппин американцами. Спрашивается, многие ли поверят, что это делается из вражды к аннексиям вообще, а не из желания самому аннексировать Филиппины? И не придется ли признать, что „борьбу“ японца против аннексий можно считать искренней и политически честной исключительно в том случае, если он восстает против аннексии Кореи Японией, если он требует свободы отделения Кореи от Японии?»⁹ — писал В. И Ленин. Критика и осуждение американскими империалистами японского господства в Корее были продиктованы именно желанием самим вырвать у Японии эту лакомую добычу. И в работах американских историков нетрудно это увидеть.

«Америка — надежда Кореи» — такими словами начинается книга одного из реакционных американских корееведов, Р. Т. Оливера, «Корея — забытая нация»¹⁰. Они — лейтмотив аналогичных американских книг о Корее.

Однако не только в работах явно тенденциозных, прикладного характера и назначения, но и в трудах буржуазных ученых, пытающихся более или менее объективно оценить события, проглядывает та же идея о спасительном вмешательстве американского империализма в судьбы корейского и других поработанных народов (например, А. Гражданцев, Дж. Маккюн, Фр. Маккензи и др.). Такой подход связан с неверием в силы народа, рассматриваемого буржуазными авторами как «пассивная масса», господство над которой якобы является «исторической неизбежностью».

Характерно, что немало корейских буржуазных историков, экономистов, социологов, даже искренне стремящихся к независимости своей родины, с большой силой обличающих колониальные порядки, тоже оказались в плену этой идеи¹.

Им, так же как и другим буржуазным социологам, свойственны недооценка творческих действий масс или признание их только в качестве разрушительной силы, неверие в созидательные возможности своей нации, независимость которой многие из них в своих трудах отстаивают. Не видя правильных путей к достижению этой независимости и ее подлинных защитников на международной арене, они связывают будущее Кореи, ее прогрессивное развитие с помощью американских покровителей. И в конечном счете эти авторы из буржуазно-националистического лагеря, порой искренне желая восстановить правду о героической истории Кореи, поднять поруганное колонизаторами достоинство корейской нации, фактически сами принижают его, объективно смыкаются с империалистическими фальсификаторами корейской истории.

Отрицание единства мирового процесса, исторической закономерности общественных явлений, идеалистический подход к их оценке, непонимание определяющей основы истории (которую составляет общественно-экономическая формация), субъективизм в отборе и оценке фактов, а также другие пороки и ограниченность буржуазной методологии приводят к тому, что работы не только откровенно реакционных авторов, но и представителей либерального и буржуазно-националистического корееведения при наличии многих ценных и интересных материалов не воссоздают правильной картины развития корейского общества.

В числе проблем, которые привлекают особенно пристальное внимание буржуазных корееведов, следует назвать развитие в Корее коммунистического движения.

Ему посвятили несколько крупных работ американские авторы. В зависимости от общей обстановки и условий, от социального заказа менялись проблематика, аргументация, направление «главного удара», в частности, в трактовке корейского коммунистического движения. До конца второй мировой войны и до победы революции в северной части страны буржуазное корееведение, в том числе и в США, фактически не занималось этим вопросом. В общих работах о Корее и ее национально-освободительной борьбе последняя сводилась к борьбе одиночек — националистов, ориентированных на США. Развитие коммунистического движения в стране фактически замалчивалось.

После победы народного строя в Северной Корее и создания Корейской Народно-Демократической Республики работы американских кореевистов посвящались главным образом «успешному» развитию Южной Кореи и восхвалению южнокорейского режима. Что касается КНДР, то

она рассматривалась как сателлит Советского Союза, как государство, лишенное самостоятельности, политической и экономической независимости. Искажались, принижались успехи республики. Многочисленные работы о Корее (преимущественно статьи) выполняли ярко выраженный политический заказ правящих сил США: показать любыми средствами выгоды, эффективность, прогрессивность помощи США Южной Корее, скомпрометировать помощь СССР Корейской Народно-Демократической Республике. В любом случае буржуазные авторы рассматривали Корею как пассивную силу в процессе исторического развития, как объект воздействия внешних факторов.

Успехи социалистических стран, в том числе КНДР, рост их влияния среди народов Востока, а вместе с тем разногласия, появившиеся в лагере социализма, и курс империалистических стратегов на использование шовинистической политики маоистов в своих интересах — все это усиливало внимание буржуазной историографии к проблемам Кореи, как и других социалистических стран, к ее настоящему и ее историческому прошлому.

Примерно с начала 60-х годов в американском корееведении появляется новое направление. Для него характерно расширение научной проблематики. Наряду с традиционными темами (развитие Южной Кореи, помощь США, корейский вопрос в ООН и т. д.) шире стали разрабатываться вопросы развития КНДР, ее внутренней и внешней политики.

Резко усилился интерес и к развитию в Корее коммунистического движения. Было бы упрощением сводить появление новых веяний в американском корееведении только к его функции обслуживания политики. Немало авторов, как уже сказано, обнаруживают искреннее желание разобраться в огромных переменах, происходящих в Азии, в частности в Корее, посмотреть в лицо подлинным историческим событиям. Но пока еще трудно провести четкую грань между ними и теми, кто в политических целях с позиции яростного антикоммунизма фальсифицирует события. Мы в данном случае и не ставим задачей рассмотрение этого вопроса. Следует лишь отметить, что рост интереса и внимания к проблемам коммунистического движения в разных странах связан главным образом с сугубо политическими мотивами и стимулирован изменой маоистских руководителей марксизму-ленинизму, их раскольнической деятельностью в мировом революционном движении.

Из числа опубликованных в США работ (нам известны не все, вышедшие в последние годы), прямо или косвенно касающихся распространения в Корее революционной теории и развития коммунистического движения, наиболее крупными и характерными являются большая монография профессора Хьюстонского университета Со Дэсука «Корейское коммунистическое движение» (1967)¹² и работы историков Р. Скалапино и Ли Джонсика.

Книга Со Дэсука базируется на большом фактическом материале, преимущественно архивном (архивы японских министерств: иностранных дел, внутренних дел, военного и морского флота; закрытые материалы японской полиции), и на обширной литературе (американской). В своей значительной части приводимые им материалы достоверны. Автор, по-видимому, старался быть объективным, правдиво трактовать и анализировать факты. Его книга — без явных антикоммунистических выпадов.

И тем не менее при несомненной достоверности ряда материалов картина развития корейского коммунистического движения правдивой не получилась. Накопив факты, автор не смог отобрать из них главные,

определяющие, выявить тенденцию развития корейского коммунистического движения. Он искал корни движения не в самой Корее, а за ее рубежами. Корея в его книге предстает лишь объектом коммунистического воздействия извне. Это один из самых крупных пороков методологической концепции Со Дэсука, считающего, что коммунистическую теорию, идеологию, строй можно насадить извне без наличия необходимой почвы и условий внутри страны. Он не связывает развитие коммунистического движения с борьбой рабочих и крестьян, с национально-освободительными выступлениями корейских масс. Как истый буржуазный историк, он не верит в действенность масс, в их историческую роль, а признает двигателями истории личности. И подавляющее место в книге отводится личностям.

Отмечая, что корейское коммунистическое движение в самом начале развернулось вне страны (в России, Китае, Японии), где были созданы коммунистические группы, автор в конечном счете сводит работу этих групп к фракционной борьбе между их лидерами. В плане деятельности личностей трактуется и роль Коминтерна в корейском коммунистическом движении. В целом автор считает ее негативной, дезориентировавшей это движение. В книге обойдена работа первых корейских коммунистических организаций по распространению революционной теории, значение этой деятельности, как и другие крупные вопросы. Зато излагается много несущественных, частных фактов.

Со Дэсук не видит того размаха, который приобрело коммунистическое движение в самой Корее на базе внутренних условий. В тех редких случаях, когда автор говорит о распространении в Корее марксистско-ленинского учения, он утверждает, что «прогрессивная идея» под названием «коммунизм» была воспринята даже корейской интеллигенцией не как теория, а лишь как политическая доктрина.

Автор пытается найти какие-то противоречия между старыми (деятели первых коммунистических организаций) и новыми (пришедшие к власти после 1945 г.) коммунистами.

Партизанское движение 30-х годов, возглавленное коммунистами и явившееся важным завоеванием корейского коммунистического движения, равно как и другие массовые процессы, автор не смог охарактеризовать правильно.

Таким образом, подход к большому материалу, включающему и важные, и (чаще всего) второстепенные факты без их правильного научного анализа, оценка событий сквозь призму деятельности отдельных личностей без учета решающей роли масс и внутренних социально-экономических процессов, иными словами — несостоятельность буржуазной методологии, помешали автору показать в своей книге более или менее объективную картину развития корейского коммунистического движения.

Другие американские историки, разрабатывающие эту проблему, в частности Р. Скалапино и Ли Джонсик, базируются на той же методологии, проводят аналогичную концепционную линию. Вместе с тем тенденциозность заданности их работ проступает более отчетливо, чем у Со Дэсука. Эти книги, в первую очередь двухтомный труд «Коммунизм в Корее» (1972), также содержат обширный материал, извлеченный главным образом из японских полицейских фондов¹³. Авторы отводят основное место описанию борьбы разных коммунистических групп, характеристике их деятелей; хотя они и пытаются создать видимость объективного изложения событий, это им не удается. Работы Р. Скалапино и Ли Джонсика — попытка в новых условиях по-новому подойти к вопросу о развитии корейского коммунистического движения, заняться его изучением без резких антикоммунистических выпадов. При этом

основной упор по-прежнему делается на слабости и ошибки движения, на его мнимую зависимость от внешних влияний. Их работы навязывают тезис о невозможности единства коммунистических сил, о некоей фатальной закономерности борьбы между ними.

Для Р. Скалапино и Ли Джонсика, как и для других буржуазных авторов, исследующих главным образом негативные стороны коммунистического движения в Корее в 20-е годы (в частности, фракционность), характерен повышенный интерес к вопросу о его националистических наследииях (что отражает общую ориентацию буржуазной идеологии в борьбе против научного коммунизма, ее ставку на ревизионистские течения и силы).

Где, как, в каких формах, в каких сферах национализм может подтачивать изнутри коммунистическое движение? Эта остро интересующая буржуазных авторов проблема требует анализа всего предшествующего развития. Характеризуя шанхайскую коммунистическую группу, Р. Скалапино и Ли Джонсик с удовлетворением отмечают, что ее руководство было явно коммунистическим, а цели — националистическими¹⁴.

Тезис о превалировании у корейских коммунистов в 20-е годы идей национального освобождения над идеалами социального характера развивают и другие буржуазные историки и социологи, что отражает их курс на всестороннее изучение национализма для борьбы с теорией и практикой научного коммунизма.

В целом буржуазные авторы сводят распространение в Корее марксизма-ленинизма, его развитие, реализацию этого учения в освободительном движении и социалистическом строительстве только к внешним факторам. По существу они отрицают (хотя не во всех работах об этом говорится прямо) наличие в Корее внутренних условий, национальной почвы для восприятия марксистско-ленинских идей и их претворения в жизнь. Несостоятельность таких оценок решительно опровергает вся история корейского коммунистического движения, его победы, вся практика социалистического строительства в Корее.

Важное место в глобальной стратегии империализма принадлежит проблеме расчлененных стран и тому соревнованию общественных систем, которое развернулось на их территории. Выполняя политический заказ империализма, реакционное крыло корееведов вопреки исторической истине силится доказать «преимущества» капиталистического пути, по которому идет Южная Корея. Тенденциозно, спекулятивно подбираются, а то и просто фальсифицируются, факты, произвольно выхватываются из общей совокупности взаимосвязанных явлений частные, нередко второстепенные события, игнорируется общая тенденция, закономерности развития Севера и Юга страны. Войнствующий антикоммунизм лишает эти труды научного значения. Авторы пытаются представить временные, конъюнктурные сдвиги в экономике Южной Кореи, бум, связанный с участием ее во вьетнамской войне и с большими вливаниями иностранных капиталов, как некий стабильный подъем экономики. Они не только заведомо преувеличивают экономические успехи Юга, но и замалчивают усиление его зависимости от империализма США, его постепенное превращение в объект коллективного неоколониализма.

Антинациональный характер политики южнокорейских правящих сил изображается в этих работах как курс, отвечающий интересам корейской нации; подачи империалистов Южной Кореи, связанные с задачей превращения ее в один из бастионов антикоммунизма в Азии, в некий «эталон» прогресса слаборазвитых стран, изображаются как помощь и поддержка. Разумеется, в таких работах не говорится о цене, которую платят южнокорейские народные массы за американскую по-

мощь, о назначении этой помощи — прочно держать Южную Корею на привязи у империализма. Определенный интерес представляют труды американских корееведов (зачастую созданные совместно с учеными Южной Кореи), посвященные анализу отдельных проблем социально-экономического развития современной Южной Кореи. Хотя их методологическая основа — теория модернизации (взамен социальной революции) глубоко ошибочна, но вместе с тем конкретный анализ важных проблем социальной стратификации, экономического развития Южной Кореи не лишен научной базы. Прежде всего, такие исследования, как правило, базируются на материалах полевых исследований и содержат много новых сведений и наблюдений, важных для научных выводов.

В них раскрываются многие «механизмы», составляющие основу социально-экономического развития Южной Кореи, взаимоотношения классов и социальных групп. Вопреки замыслам авторов в этих работах четко прослеживается нарастание социально-классовых противоречий в ходе «модернизации» современной Южной Кореи¹⁵.

Одновременно, пренебрегая научными критериями сравнительного анализа, подчиняя свои работы чисто политическим, проимпериалистическим задачам, эти же авторы пытаются утверждать, что «Юг обгоняет Север» — социалистическую Корею.

Исторические факты утверждают обратное. Они свидетельствуют, что более чем за четверть века развития Северной и Южной Кореи на диаметрально противоположных путях именно социалистическая Корея одержала решающие победы в «соревновании» с Южной. Историческая правда заключается в том, что подлинная и полная политическая и экономическая независимость, всесторонний социальный прогресс достигнуты в КНДР, идущей по пути социализма в содружестве братских стран, в условиях бескорыстной взаимной помощи и поддержки. Именно на этом пути раскрылись богатые творческие силы народа.

Отношения народов-братьев, суверенных социалистических государств буржуазные социологи пытаются представить как отношения неравноправные; они активно спекулируют на национальных чувствах ранее зависимых народов. Грубо извращается в их трудах бесспорная истина, доказанная исторической практикой (в том числе корейской): интернациональная дружба и взаимопомощь социалистических государств, закономерно вытекающие из их социальной природы, не только не ущемляют национального достоинства народа, которому оказывается бескорыстная поддержка, но только не принижают его внутренние возможности, а, наоборот, всемерно повышают его национальный престиж, ускоряют прогрессивное развитие, способствуют повышению его роли субъекта международной политики.

Марксистское корееведение базируется на историческом материализме и рассматривает историю как строго закономерный процесс, который развивается при решающей роли народных масс, передовых классов.

«Люди сами творят свою историю,— писал В. И. Ленин,— но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческого общества, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,— на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»¹⁶.

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией и методологией, выделяя ведущие процессы развития, главные, решающие явления, пока-

зывая их основные тенденции, историки-марксисты Корейской Народно-Демократической Республики, Советского Союза и других стран создали немало трудов о Корее, значительная часть которых посвящена новейшему периоду. В них рассматривается широкий круг ключевых проблем корейской истории и современности: социально-экономические процессы, вопросы идеологии и культуры, развитие национально-освободительного движения и роль в нем различных социальных сил, классовая борьба трудящихся, становление и упрочение руководящей роли рабочего класса в этом движении, его союза с крестьянством и другими слоями народа, его интернациональных связей с международным пролетариатом, — иначе говоря, анализируются основные этапы развития корейского общества в новейшее время, вызревание внутренних объективных и субъективных предпосылок революции, роль пролетарского интернационализма в ее победоносном свершении.

Основное направление исторических исследований — изучение периода, последовавшего за освобождением страны от японского империалистического господства. В этих работах изучаются социалистическое переустройство общества в северной части страны, революционные преобразования в области политики, экономики, культуры, весь нелегкий многослойный процесс становления там новой формации, превращения в недавнем прошлом нищей, отсталой колонии, отягощенной грузом феодальных пережитков, в передовое, индустриально развитое социалистическое государство.

Узловые проблемы современности, исследуемые в марксистских трудах, — роль рабочего класса и его марксистско-ленинского авангарда в свершении революции и социалистическом строительстве, формы проявления в конкретных условиях КНДР основных общих закономерностей строительства социализма.

Если в работах, посвященных колониальному периоду, годам борьбы корейского народа за независимость и социальное раскрепощение, выявляется роль пролетарского интернационализма в разрушении старого мира, то в трудах о социалистической Корее раскрывается его значение для создания нового, социалистического общества, роль дружбы и взаимопомощи братских стран в прогрессивном развитии Корейской Народно-Демократической Республики, ее вклад в сокровищницу мирового социализма, в интернациональный опыт народов.

Значительное место в трудах марксистов-корееведов уделено исследованию социально-экономических и политических процессов, происходящих в Южной Корее, развитие которой пошло по капиталистическому пути, расстановке там классовых сил, неоколониалистским методам империалистов, движению сопротивления народных масс; воздействию, которое оказывают на это движение успехи Корейской Народно-Демократической республики и всего социалистического содружества. Большое внимание уделяют марксисты-корееведы проблеме достижения национального единства, политике Трудовой партии по объединению страны на мирной, демократической основе.

Не имея возможности назвать все наиболее крупные исследования по этим вопросам, изданные в КНДР, отметим лишь некоторые обобщающие коллективные издания: «Чосон тхонса» («История Кореи»), т. II, Пхеньян, 1958; «Чосон нодондан тхуджэнса» («История борьбы Трудовой партии Кореи»), ч. I, II, Пхеньян, 1958; «Чосон кындэ хёнмён ундонса» («История современного революционного движения в Корее»), Пхеньян, 1961; «Чаю ва тоннип ыль вихан чосон инминый чоный чогук хэбан чонджэн» («Справедливая отечественная война корейского народа за свободу и независимость»), Пхеньян, 1959, и многие другие моно-

графические исследования, созданные коллективами ученых институтов истории, экономики, других научных учреждений Академии общественных наук КНДР.

Одним из ценных источников для написания обобщающего исследования по истории Кореи явились труды и выступления руководителя Трудовой партии Кореи и главы государства КНДР — Ким Ир Сена — важный вклад в науку о современном корейском обществе, материалы съездов и пленумов Трудовой партии, а также другие партийные документы. В числе источников, использованных авторами «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)», — законодательные акты КНДР, изданные в пяти томах, объединяющие законы и правительственные постановления КНДР с 1946 по 1960 г.¹⁷; публикации источников, посвященные рабочему и национально-освободительному движению, в частности сборники материалов о событиях 1919 г.¹⁸, забастовочной борьбе в 20-х годах¹⁹. Издана обширная литература о партизанском движении 30—40-х годов, возглавленном коммунистами, — в основном воспоминания самих участников движения²⁰. Многочисленные документы опубликованы в журнале «Ёкса квахак» и в других периодических и неперiodических изданиях КНДР; вышло в свет много чисто справочных материалов²¹.

Как свидетельствует опыт, успешное развитие науки в странах социализма неразрывно связано с самым тесным сотрудничеством этих стран, с объединенными усилиями их ученых. Вместе с тем развитие корееведения в СССР и в других социалистических странах свидетельствует о глубоком интересе народов этих государств к судьбе братского корейского народа.

Ценность изданных в разных странах марксистских трудов о Корее — не только в их богатой фактологической основе, но и в их единственно научной марксистско-ленинской методологии.

В Советском Союзе изучению Кореи уделяется большое внимание. Хотя корееведение — молодая отрасль советской востоковедной науки (первые монографии о Корее вышли в свет лишь в 50-х годах), оно представлено ныне значительными кадрами специалистов и накопило уже немало публикаций по самым различным вопросам корейской истории и современности.

Говоря об исследованиях по новейшей истории Кореи, изданных в СССР, необходимо подчеркнуть важность публикаций в периодических изданиях 20—30-х годов, главным образом по вопросам корейского революционного движения. В частности, много интересных статей, имеющих большое значение для исследования корейской истории, было опубликовано в журналах «Коммунистический Интернационал», «Революционный Восток», «Тихий океан», «Крестьянский Интернационал», в сборнике «Материалы по национально-колониальным проблемам» и в других изданиях.

Исследования советских ученых по новейшей истории Кореи посвящены большому кругу проблем, в частности социально-экономическим процессам в стране и национально-освободительной борьбе корейского народа, широко развернувшейся после Великого Октября. Это сборник «Корея (История и экономика)», М., 1958; монографии Е. А. Пигулевской «Корейский народ в борьбе за независимость и демократию», М., 1952; Ф. И. Шабшиной «Народное восстание 1919 года в Корее», М., 1952; Г. Ф. Кима «Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию», М., 1957; В. М. Мазурова «Антаяпонская вооруженная борьба корейского народа (1931—1940)», М., 1958; И. С. Казакевича «Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны», М.,

1958; В. Б. Воронцова «Корея в планах США в годы второй мировой войны», М., 1962; В. И. Шипаева «Корейская буржуазия в национально-освободительном движении», М., 1966.

Центральное место в исследованиях советских корееведов занимают проблемы развития Кореи после ее освобождения от японского колониального ига, процессы становления и упрочения государственности и строительства социализма в КНДР, борьба корейского народа во главе с Трудовой партией за социализм и национальное единство. В числе опубликованных трудов по этим вопросам — коллективные издания: «Корейская Народно-Демократическая Республика», М., 1954; «15 лет Народно-Демократической Кореи», М., 1960; «15 лет освобождения Кореи», М., 1960; «Очерки экономического строительства КНДР», М., 1960; «Корея — Север и Юг», М., 1965; воспоминания и статьи «Во имя дружбы с народом Кореи», М., 1965; «Нерушимая дружба», М., 1971; монографии В. А. Кима «Государственный строй Корейской Народно-Демократической Республики», М., 1955; его же «Роль народно-демократического государства и права в социалистическом преобразовании сельского хозяйства», Алма-Ата, 1962; Г. Ф. Кима «Рабочий класс новой Кореи», М., 1960; Г. Е. Самсонова «Борьба за мирное, демократическое решение корейского вопроса», М., 1960; Ф. И. Шабшиной «Социалистическая Корея (о формах проявления в КНДР общих закономерностей строительства социализма)», М., 1963; Г. В. Грязнова «Социалистическая индустриализация в КНДР», М., 1966; С. Г. Нам «Формирование народной интеллигенции в КНДР», М., 1970.

Серия монографий и статей посвящена анализу южнокорейской действительности. В их числе коллективный труд «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945—1958 гг.)», М., 1959; монографии И. С. Казакевича «Аграрный вопрос в Южной Корее», М., 1964; Б. В. Сеницына «Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945—1959)», М., 1961; его же «Очерки экономики Южной Кореи (1953—1964)», М., 1967.

Опубликованы труды по географии и общим вопросам: В. Т. Зайчиков «Корея», М., 1954; В. В. Мартынов «Корея», М., 1970. По литературе и искусству: В. И. Иванова «Ли Ги Ён», М., 1962; Л. Е. Еременко и В. И. Иванова «Очерки корейской литературы», М., 1964.

Изданы сводные работы по истории: Ф. И. Шабшина «Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.)», М., 1959; ее же «Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953)», М., 1958.

Разным проблемам корейской истории посвящены многочисленные статьи и главы в общих работах по Востоку.

Большой и разнообразный фактический материал, извлеченный из источников, позволяющий дать достоверную картину событий, многочисленные монографические исследования по ряду ключевых проблем истории Кореи, способствующие правильному обобщению фактов, их анализу, — все это позволило авторскому коллективу настоящей книги попытаться создать обобщающий труд по новейшей истории Кореи.

Второй том «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» написан следующими авторами:

Часть первая

Глава 1 — Ф. И. Шабшина

Глава 2 — Ф. И. Шабшина

Глава 3 — Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина

Глава 4 — Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина

Глава 5 — Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина

Глава 6 — Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина

Глава 7 — Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабшина

Глава 8 — Ф. И. Шабшина

Глава 9 — В. И. Иванова

Часть вторая

Глава 1 — В. К. Пак

Глава 2 — В. К. Пак (раздел «Установление американского оккупационного режима в Южной Корее. Борьба народных масс Южной Кореи за независимость и демократическое развитие. Образование Трудовой партии Южной Кореи»); Б. В. Сеницын (раздел «Экономическая и социальная политика американской военной администрации»); В. И. Шипаев (раздел «Создание сепаратного южнокорейского государства»)

Часть третья

Глава 1 — В. К. Пак (раздел «Развитие культурной революции в КНДР» — Л. Е. Еременко)

Глава 2 — В. К. Пак

Глава 3 — Г. В. Грязнов (разделы «Корейский вопрос и международное совещание в Женеве» — В. Д. Тихомиров, «Рост материального и культурного уровня жизни трудящихся» — Г. В. Грязнов, В. Д. Тихомиров)

Глава 4 — Г. В. Грязнов (разделы «Усиление агрессивности империалистических сил и южнокорейской реакции», «Культурное строительство» и «Борьба за мирное объединение страны в период после Женевского совещания» — В. Д. Тихомиров)

Глава 5 — Г. В. Грязнов (разделы «Международная обстановка», «Проблема объединения Кореи в современных условиях» — В. Д. Тихомиров, «Рост материального благосостояния трудящихся и развитие культуры» и «V съезд ТПК. Перспективы экономического и культурного строительства» — Г. В. Грязнов, В. Д. Тихомиров)

Часть четвертая

Глава 1 — В. И. Шипаев (разделы «Земельная реформа и ее социально-экономические итоги» — И. С. Казакевич, «Апрельское восстание 1960 г. против лисынмановской диктатуры» — В. М. Мазуров)

Глава 2 — В. М. Мазуров

Глава 3 — В. М. Мазуров

Глава 4 — В. М. Мазуров

Глава 5 — Б. В. Сеницын (разделы «Социально-экономическая обстановка в стране; Государственный капитализм»), И. С. Казакевич (разделы «Состояние производительных сил в деревне; Аграрная политика правящих кругов»)

Глава 6 — В. Д. Тихомиров.

В книге, как и в некоторых других вышедших ранее научных изданиях, осуществлено дальнейшее уточнение корейской транскрипции. Унификация транскрипции корейских имен и географических названий проведена Л. Р. Концевичем. В томе использованы некоторые материалы из справочного издания «Современная Корея».

Указатели имен и географических названий составлены Л. М. Володиной и С. Г. Нам, перечень основных партий и общественных организаций — В. Д. Тихомировым, карта Кореи — В. И. Шипаевым.

Авторский коллектив и редакционная коллегия благодарят всех товарищей, участвовавших в обсуждении рукописи и подготовке ее к печати.

Часть первая

КОРЕЯ
В КОЛОНИАЛЬНЫЕ ГОДЫ
(1917—1945)

КОРЕЯ В НАЧАЛЕ ПЕРИОДА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Военно-полицейский режим

Корея к началу периода новейшей истории была колониальной полуфеодалной страной.

Договором об аннексии, подписанным 22 августа 1910 г. японским генеральным резидентом в Корее Тэраути Масатакэ и корейским премьер-министром Ли Ванъёном, все права суверенитета над страной передавались японскому императору (ст. 1), Корея была превращена в генерал-губернаторство Чосон (по-японски — Тёсэн). В преамбуле договора, призванного «узаконить» порабощение и колониальный грабёж страны, говорилось о желании императоров Японии и Кореи «способствовать общему благу двух государств и обеспечить постоянный мир на Дальнем Востоке» и о том, что «эти цели лучше всего могут быть достигнуты путем аннексии Кореи Японской империей»¹.

В первые же годы после аннексии японские империалисты создали в своей колонии широко разветвленный военно-полицейский аппарат угнетения. Генерал-губернатору, который назначался императором из числа наиболее влиятельных военных, принадлежали законодательные, исполнительные и судебные функции, контроль над командованием армии и флота. В Сеуле, Пхеньяне, Намане, Ёнсане и других городах и районах были расквартированы две дивизии японских войск. В военных портах у корейских берегов стоял наготове японский флот.

Кроме того, в Корею направили 15 тыс. японских резервистов. Страна была опутана густой сетью жандармских и полицейских постов. В 1919 г., по японским официальным данным, там насчитывалось более 2700 полицейских учреждений; полицейский корпус вырос по сравнению с 1910 г. почти в 3 раза. Органы полиции, жандармерия и «помощники жандармов» пользовались самыми широкими правами. Кроме них в Корею была создана сеть тайной полиции.

Полиция выполняла и судебные функции: выносила так называемые ускоренные приговоры за мелкие преступления. За самые незначительные «провинности» корейцев секли бамбуковыми палками. Как следует из правительственного отчета, с 1913 по 1918 г. по приговорам ускоренного полицейского суда этому наказанию были подвергнуты 294 тыс. человек, т. е. каждый 58-й кореец.

Аннексию страны японские власти ознаменовали открытием девяти центральных тюрем и пятнадцати их филиалов. В тюрьмах широко применялись телесные наказания, средневековые пытки.

Террористические законы, принятые японскими властями, главным образом были направлены против освободительного движения. В частности, Закон о поддержании общественного спокойствия, принятый

еще в период протектората, Закон об опасных мыслях, а также другие законы, указы и постановления властей предоставляли им неограниченные возможности для расправы с корейскими патриотами. Число арестованных возросло с 52 тыс. в 1912 г. до 142 тыс. в 1918 г.

С первых же дней своего господства японские колонизаторы наряду с военным террором развернули широкую идеологическую экспансию.

Они последовательно и методично проводили в жизнь колонизаторский принцип «разделяй и властвуй». Ему была подчинена политика правящих сил в разных сферах общественной жизни, в частности национальная дискриминация в отношении корейцев, ассимиляторский курс и многие другие акции колонизаторов.

Важное место отводилось так называемой системе круговой поруки. Население разбивалось на десятидворки, во главе которых стояло доверенное лицо властей. (Корея была разделена на 13 провинций, 218 уездов, 2202 волости, 28 498 деревень). Каждый входящий в десятидворку нес ответственность за действия других: за задержку уплаты налогов, арендной платы и т. п., а также отвечал за их настроения, взгляды. Члены десятидворок были обязаны следить друг за другом, доносить полиции обо всех подозрительных разговорах и поступках, о любом проявлении недовольства.

В условиях военно-полицейского режима, когда недонесение в полицию о «неблагонадежных» каралось как государственное преступление, созданная колонизаторами система круговой поруки серьезно тормозила единение масс. Больше того, она создавала обстановку недоверия, подозрительности, разобщенности.

Стремясь духовно поработить корейский народ, колонизаторы стали активно поддерживать феодальную идеологию, различные реакционные идеи и соответствующие институты.

Для курса японских колонизаторов было характерно эклектическое сочетание разнородных положений буддизма, конфуцианства, буржуазной европейской философии, в частности кантианства. Но господствующими были нормы синтоизма — обожествление предков императора Японии.

Воспитанию молодежи в духе послушания и покорности была подчинена система народного образования. Об этом, в частности, свидетельствовал изданный японским императором в августе 1911 г. рескрипт, провозглашавший целью образования формирование верноподданных Японской империи. Власти проводили курс на ограничение и искоренение наследия богатой и древней национальной культуры Кореи. Вытеснялись корейский язык, письменность.

Если у корейца находили книги по корейской истории или биографии национальных деятелей, это влекло за собой штраф или тюремное заключение. Официальным языком стал японский, на нем велось преподавание в школах и в других учебных заведениях. Корейский язык был переведен в категорию иностранных. Родной историей стала именоваться история Японии.

Подвергались гонениям национальная литература, искусство, уничтожались исторические памятники — свидетельства героического прошлого корейского народа. Японские власти закрывали частные школы, многие из которых были созданы корейскими просветителями и способствовали росту национального самосознания, распространению идей независимости. По бюджету 1919 г. на народное образование было ассигновано 773 тыс. иен (из них около 40% шло на обучение японских детей), а на содержание полиции — 17 734 794 иены, т. е. почти в 23 раза больше (по отношению ко всем статьям расходов затраты на образование в 1919 г. составили менее 1%).

Преподавательские кадры учебных заведений состояли преимущественно из японцев. Корейцам разрешалось преподавать лишь «второстепенные» дисциплины (к которым, в частности, был отнесен корейский язык). Педагогов обязали приходить в класс в форме, с саблей, что, по замыслу колонизаторов, должно было способствовать воспитанию у корейских детей верноподданнических чувств.

Корейцев лишили самых элементарных политических прав. Запрещалось создание не только национальных политических организаций, но и научных, литературных, спортивных кружков. В отношении корейцев официально проводилась жестокая национальная дискриминация. Законы издавались отдельно для корейцев и для японцев, существовали отдельные суды, школы, магазины, гостиницы, рестораны, вагоны в поездах. Весь навязанный колонизаторами уклад жизни в стране свидетельствовал и подчеркивал, что корейцы — самые бесправные люди в собственной стране.

Проводя политику «разделяй и властвуй», колонизаторы вместе с тем уделяли немало внимания и укреплению связей с феодально-компраторской верхушкой корейского общества, расширению своей социальной опоры в колонии, рядов своих корейских союзников. Деятельность в этом направлении велась в разных сферах — политической, экономической, идеологической.

Еще в договоре об аннексии Япония давала согласие оказывать покровительство и использовать на государственной службе в аппарате колонии корейцев, лояльно относящихся к новому режиму (ст. 6—7), иными словами — к японскому колониальному господству. При участии этих групп в Корее создавались всякого рода институты, имевшие целью укрепление господства Японии. Лояльные к новому режиму корейцы допускались к государственной службе, в аппарат колониальной администрации, состоявшей главным образом из японцев. Японцы, составлявшие всего около 2% населения Кореи², занимали в промышленности, на транспорте, в торговле и в других сферах экономики, а также в области культуры руководящее положение. Постепенно, после тщательной подготовки, обработки и испытания на лояльность и преданность, колонизаторы привлекали в государственный аппарат, на руководящие посты в компаниях, банках и других учреждениях своих корейских пособников.

Деятельность, направленная на разобщение масс и их идеологическую обработку, на создание социальной опоры режима, достигла наибольшего размаха в последующие годы. Но и в первое десятилетие своего господства в Корее японские империалисты проводили в этом направлении активную работу. В своей идеологической экспансии колонизаторы широко использовали идеи панasiatизма и расовые теории.

Однако основным методом утверждения господства японских империалистов в Корее в первое десятилетие после аннексии был неприкрытый военно-полицейский террор. И не случайно это десятилетие именуется периодом военного управления, сабельного режима.

Сельское хозяйство. Положение крестьянства

Уже за первые годы, прошедшие после аннексии Кореи, японский империализм сделал существенные шаги на пути превращения этой страны в аграрно-сырьевой придаток Японии, в выгодную сферу приложения капиталов и выкачивания баснословных прибылей, в источник дешевого продовольствия и сырья, в рынок сбыта своих промышленных

товаров, в поставщика рабочей силы. Особенно много внимания уделялось Корее как военно-стратегическому плацдарму в последующие годы, когда Япония развернула подготовку к войне.

Крайне болезненно сказалась политика колонизаторов на положении корейского крестьянства, составлявшего почти 85% населения страны. Владение землей — основным средством производства в полуфеодальной Корее — открывало перед колонизаторами возможности захвата продовольственных и сырьевых ресурсов Кореи, значение которых для Японии было огромно. Земельный грабеж приобрел широчайшие размеры.

Проведенная в 1912—1918 гг. земельная перепись, или «реформа», как она официально называлась, узаконила частную собственность на землю, закрепила за помещиками угодья, которыми они и ранее фактически владели. Вместе с тем она позволила японским монополистам выгодно вкладывать свои капиталы в сельское хозяйство и способствовала укреплению их союза с корейскими помещиками, заинтересованными в том, чтобы земля была законодательно закреплена за ними на правах частной собственности. Захваченные земли дробились и сдавались крестьянам на кабальных условиях в аренду.

Крестьян эксплуатировали монополистические земельные компании, банки, ирригационные и кредитные общества, помещики, ростовщики. В 1919 г. в стране функционировало 77 японских земельных компаний и обществ с объявленным капиталом 115 млн. иен и оплаченным — 84 млн. иен (в японские земельные компании вкладывали свои капиталы и корейские помещики).

Ведущей среди них было уже упоминавшееся в т. I Восточно-колониционное общество (ВКО), созданное в 1908 г. После аннексии Кореи крупнейшим пайщиком ВКО стало японское правительство, создавшее Обществу все условия для неограниченной эксплуатации крестьян. К 1919 г. ВКО принадлежало 77 298 чонбо плодороднейших земель, его капиталы были вложены в эксплуатацию шахт, рудников, оно владело промышленными предприятиями, лесными, рыболовецкими и кустарными промыслами, было крупнейшим ростовщиком. ВКО обирало крестьян, продавая им по высоким ценам товары, ввозимые из Японии, и устанавливая низкие закупочные цены на продукты сельского хозяйства. Общество сосредоточило в своих руках значительную часть водных источников, снабжение семенами и удобрениями.

Самые различные способы экономического давления, провокации, шантаж, обман ВКО (так же как и другие колониальные хищники) использовало для захвата облюбованных им крестьянских участков (например, прекращало доступ воды на эти земли, заставляя их владельцев волей-неволей продавать свою собственность за бесценок, и т. д.). Часто под залог намеченной к захвату земли владельцу выдавались ссуды, что вскоре приводило его к полному разорению. Применялись и прямые полицейские меры — крестьян сгоняли с земли в административном порядке.

Так, вопреки официальным заверениям колонизаторов, будто одной из главных задач ВКО является улучшение способов земледелия и помощь земледельцам — «всем, кто будет стараться», Общество помогало им лишь «освободиться» от земли. Об усовершенствованиях в земледелии не могло быть и речи, так как сдаваемая крестьянам в аренду земля дробилась на мельчайшие участки.

Большие земельные массивы захватили и другие японские компании: «Фуни», «Тояма», «Катакура», «Кумамото» и др. Часть захваченных земель компании передавали японским колонистам.

Активное участие в ограблении крестьянства принимал «Тёсэн гинко» — «Корейский банк», созданный в 1910 г., — крупный колониальный хищник, возглавивший сеть банков, кредитных товариществ и других ростовщических объединений. Являясь наряду с ВКО одним из важнейших каналов японского проникновения в экономику Кореи, выполняя функции государственного банка, «Тёсэн гинко» превратился в крупного земельного собственника, пайщика многих компаний и предприятий. В том же направлении развивали свою деятельность и другие банковские организации, в частности «Тёсэн сёкусан гинко» («Корейский промышленный банк»). Все они расширяли свои капиталы не только путем спекулятивных сделок, но и за счет непосредственного захвата крестьянских земель. Получая под залог земли ссуду в 20—30 иен и не имея возможности выплатить ее в срок, крестьянин нередко терял землю, стоимость которой составляла 150—200 иен и больше, или оказывался в неоплатной долговой кабале. Ссуды выдавались под имущественное обеспечение, поэтому крестьянину чаще всего приходилось обращаться к местному ростовщику, который, в свою очередь, зависел от банка. Местные банки ссужали кредиторов — помещиков, кулаков, ростовщиков, а те под высокие проценты давали ссуду крестьянам.

В целом вся кредитная система в Корее, именовавшаяся колонизаторами «орудие подъема благосостояния крестьянства», являлась одним из средств его разорения.

Источником прибылей колониальных компаний и помещиков стали ирригационные общества. Указом генерал-губернаторства в этой области была введена японская монополия. Ирригационным обществам предоставлялись большие правительственные субсидии. В Корее плата за орошение была вдвое выше, чем в Японии. Колонизационные компании определяли ее по своему усмотрению. Так, официально ВКО должно было взимать за пользование водой 10% урожая, фактически же брало 20—30% и больше. Крайне высокие цены были установлены и на искусственные удобрения, снабжение которыми также захватили в свои руки колонизационные компании и крупные помещики.

Основным рычагом эксплуатации крестьянства была феодальная арендная система. В 1919 г. более $\frac{3}{4}$ крестьян арендовали на кабальных условиях землю у помещиков, составлявших лишь 3,4% всех занимавшихся земледелием. Самые большие участки (свыше 100 чонбо) особенно плодородной земли перешли к японским компаниям. Однако удельный вес корейских помещиков в крупном землевладении оставался весьма значительным, а их экономические позиции прочными. Часть из них обладала обширными массивами в 200 чонбо и более. Помещичьи хозяйства размером от 5 до 50 чонбо земли находились почти целиком в руках корейцев. В конце 10-х — начале 20-х годов появились и новые помещики из бывших торговцев, ростовщиков, чиновников, не имевшие многих привилегий феодальной аристократии. В целом помещики владели 50,4% всей обрабатываемой земли и являлись носителями феодального способа производства.

Помещики, земельная аристократия, а также компрадорские группы буржуазии составляли главную социальную опору японского империализма в Корее в первые два десятилетия его колониального господства.

Многие помещики-корейцы были пайщиками японских акционерных компаний. Наиболее влиятельные из них привлекались на руководящие посты в компании, банки, в колониальный аппарат (представители помещичьей верхушки были и в директорате ВКО). Эти группы помещиков представляли собой самый реакционный отряд союзников японского империализма. Существовали в Корее и либеральные помещики, выра-

жавшие стремление к независимости страны, к ее политической и экономической самостоятельности.

Основную массу сельского населения составляла крестьянская беднота, на кабальных условиях арендовавшая землю у японских компаний и корейских помещиков, подвергавшаяся жестокой феодальной и капиталистической эксплуатации. В годы первой мировой войны при общем ухудшении условий жизни трудящихся Японии и ее колоний усилился и процесс обнищания корейского крестьянства.

Представление о социальном лице корейской деревни во втором десятилетии XX в. дает табл. 1.

Таблица 1

**Структура землевладения и землепользования
в корейской деревне в 1914 и 1919 гг. ***

Хозяйство	1914 г.		1919 г.	
	число	%	число	%
Помещиков **	46 576	1,8	90 386	3,4
Крестьян	2 546 483	98,2	2 574 439	96,6
Из них:				
собственников	569 517	22,0	525 830	19,7
полуарендаторов	1 065 705	47,1	1 045 606	39,3
арендаторов	911 261	35,1	1 003 003	37,6
Всего	2 593 059	100	2 664 825	100

* «Чосон тхонса», т. 2, стр. 185—186.

** В графу о помещиках включены кулацкие хозяйства; точных данных о них статистика не приводит.

Таким образом, за пятилетие общее число помещичьих хозяйств выросло почти вдвое. Объяснялось это в первую очередь активным проникновением в сельское хозяйство Кореи японских колонизаторов. Вместе с тем в годы первой мировой войны скупкой земли занимались и многие корейские капиталисты.

За те же годы число хозяйств крестьян-собственников сократилось почти на 34 тыс.; происходило вымывание этой прослойки. Одновременно появилось почти 100 тыс. новых арендаторских хозяйств. В эту категорию влилась часть полуарендаторов и часть собственников, потерявших свои клочки земли. Арендаторы и полуарендаторы составляли основную массу населения деревни. В годы войны, когда повысились цены на землю и поднялась арендная плата, тысячи из них лишились своих участков. Только за неуплату налогов потеряли землю с 1913 по 1917 г. около 25 тыс. крестьян.

В колониальный период арендная плата (преимущественно продуктами) достигала 50—70% урожая. Подавляющее большинство договоров, как правило, были устными, а если фиксировались, то не более чем на один год. В ряде мест арендаторы были обязаны выполнять и различные повинности: обрабатывать у помещика определенное число дней в году, убирать территорию усадьбы, ухаживать за домашним скотом и т. п.

Арендную плату взымали специальные сборщики, также обиравшие и обкрадывавшие крестьян. В еще больших размерах это делали сами управляющие или надсмотрщики. Подавляющее большинство помещиков жило в городах, и от этих доверенных (саым — все категории по-

средников между помещиками и крестьянами) зависело очень многое: они имели право определять условия аренды, заключать и расторгать договоры. Арендатор старался задобрить управляющего подарками и подношениями, бесплатно на него работал. Корейская газета «Тона ильбо» писала, что крестьяне ежегодно отдавали управляющим около 5% арендной платы помимо вносимой помещикам. Упразднение системы доверенных (саым) или ограничение их прав стало одним из распространенных требований крестьянского движения в Корее.

Тяжелым бременем для крестьянства были налоги. Налоговая политика колонизаторов строилась на установлении так называемой финансовой независимости, т. е. на том, чтобы весь огромный аппарат угнетения корейского народа содержался на народные средства. В 1919 г. насчитывалось 52 вида налогов, из них 11 прямых. К этому времени японские власти уже могли содержать колониальный аппарат без дотации японской казны. Бедствием для крестьян были принудительные жертвования на строительство железных дорог, судов, храмов и т. п.

Арендная плата, взносы за воду, инвентарь, тягловую силу, семена и удобрения, налоги, поборы и т. п. отнимали львиную долю урожая. Крестьянин был вынужден снова и снова под высокий процент брать ссуду у помещика и ростовщика. Большинство деревенского населения фактически было обречено на жизнь впроголодь. Это подтверждают официальные японские материалы. Так, изучение условий аренды на юге Кореи, проведенное в 1920 г. генерал-губернаторством, показало, что подавляющее большинство арендаторских хозяйств заканчивало год с дефицитом; арендатор вынужден был жить в долг; в лучшем случае после погашения долгов и налогов у него оставалось около 17% собранного урожая.

Крестьяне неизменно обращались к ростовщикам, получая ссуду под 60—70% (а иногда и больше) годовых.

Нужда заставляла многих арендаторов искать дополнительные заработки (на строительстве, на рубке и сплаве леса, на других сезонных работах). Таких поденщиков (пхумпхари нонмин) в 1917 г. насчитывалось 450 тыс., в 1912 г. — 340 тыс. Батраки работали без ограничения времени, от утренней до вечерней зари, выполняя самые различные работы (в том числе обязанности домашней прислуги) за мизерную плату. До 1934 г. статистика не приводила данных о численности батраков, включая их в графу поденщиков.

Одним из следствий усилившегося разорения деревни был рост числа хваджонминов. В 1916 г. площадь «огневых полей» составляла 81 702 чонбо, а хваджонминов насчитывалось более 245 тыс. Японские власти не только сгоняли их с земли, но и судили за сожжение лесов.

Прослойка полуарендаторов была весьма пестрой. Значительная их часть примыкала к крестьянской бедноте, имела карликовые участки земли и, теряя их, пополняла ряды безземельных издольщиков. Неустойчивым было и положение собственников. Многие из них лишь номинально числились собственниками. Их земля была заложена, и возможности ее выкупа они не имели. Одновременно из среды зажиточных крестьян-собственников выделялись кулаки. Характерно, что к этому времени основное ядро кулачества составляли японцы, скупавшие землю у корейских крестьян. В руках кулаков и крупных помещиков были сосредоточены сельскохозяйственные орудия, инвентарь, тягловая сила, водные источники. Часть из них сдавала землю в аренду, используя капиталистические и феодальные методы эксплуатации. Кулаки, как правило,

были одновременно и ростовщиками. Однако в целом капитализм в деревне развивался медленно.

Издавна бытовал в Корее термин «чхунгун», что означает «весенняя нужда». Весна была для крестьянина самой отчаянной, голодной порой. Основной пищей деревенской бедноты становились корни и стебли трав, кора деревьев.

Кабальная аренда, налоговый и ростовщический гнет, жестокая эксплуатация лишали крестьянина прибавочного, а порой и части необходимого продукта, не давали возможности расширять производство, задерживали развитие производительных сил сельского хозяйства, которое оставалось крайне отсталым. Использование агротехнических усовершенствований было доступно лишь крупным хозяйствам. Почва истощалась. Естественных удобрений было мало из-за слабого развития животноводства, искусственные же стоили очень дорого. Орудия труда были самые примитивные: соха, лопата, мотыга. У подавляющей массы крестьян не было заинтересованности в правильном использовании земли. Если им удавалось повысить урожайность, помещик сразу же повышал арендную плату.

Тяжкий урон наносили сельскому хозяйству стихийные бедствия, перед которыми крестьяне были бессильны.

Многие корейские труженики были вынуждены покинуть родину и отправиться на поиски заработка в другие страны. Около 10% корейского населения (большой частью крестьяне) находилось в колониальный период в эмиграции.

Промышленность. Ограничение национального капитала

Превращению Кореи в важную сырьевую и продовольственную базу Японии, в выгодную сферу приложения японских капиталов благоприятствовали многие обстоятельства. Корея богата полезными ископаемыми: большими запасами вольфрама, молибдена, магнезита, барита, графита, золота, плавикового шпата. Многообразию и близость источников сырья, дешевизна рабочей силы делали Корею «лакомым куском» для японских монополистов. Они вкладывали капиталы в железорудную, золотодобывающую и угольную промышленность, в другие отрасли добычи сырья, которого не хватало в Японии. Так, в 20-х годах в Корею добывалось 500 тыс. т железной руды; значительная ее часть отправлялась в Японию, остальная перерабатывалась в Корею японскими предпринимателями, которые занимались главным образом первичной обработкой руды.

О росте числа промышленных предприятий Кореи, их капитала и стоимости продукции в 1911—1918 гг. позволяют судить следующие данные³:

Год	Число предприятий	Капитал, иены	Стоимость продукции, иены
1911	253	10 613 830	19 639 655
1914	654	17 371 832	32 754 797
1918	1 700	48 308 485	156 801 637

Общая сумма капиталовложений в фабрично-заводскую промышленность возросла после аннексии почти в 4,5 раза, стоимость продукции — более чем в 11,5 раза, а число предприятий — в 3 с лишним раза.

Как свидетельствуют приведенные данные, наибольший рост предприятий и стоимости продукции произошел после первой мировой войны. В этот период в Корею началось строительство военных предприятий. В Чиннампхо (ныне — г. Нампхо) и Норянджине строил металлур-

гические заводы концерн Кухара. Японскими и корейскими капиталистами было построено также около 20 предприятий, производивших военное снаряжение. В мае 1918 г. был введен в эксплуатацию металлургический завод в Сонниме, принадлежавший концерну Мицубиси.

Допуская в колонии в ограниченных размерах и лишь в выгодных для себя сферах развитие промышленности, японские монополии приняли меры, чтобы захватить все командные высоты экономики, все ее ключевые позиции. Одной из таких мер был Закон о компаниях (декабрь 1910 г.), регламентировавший и серьезно ограничивавший развитие корейского национального капитала.

За ним последовал примерно такой же закон о горном деле (1915). Он запрещал выдачу разрешений на горнорудную разработку всем иностранцам (кроме японцев). Тогда же японские капиталисты создали горнорудную акционерную компанию в Ковоне, захватили Садонские шахты, которыми владело корейское правительство. К ним перешли и некоторые другие рудники, ранее принадлежавшие американцам. Наряду с ограничениями для корейского национального капитала устанавливались льготы для японских монополистов. В частности, был снят налог с добычи железа, меди, золота и серебра на рудниках японских предпринимателей; вскоре были отменены пошлины на машины и оборудование, ввозимые из Японии в Корею для разработки горных ископаемых. Особый закон японским монополистам предоставлял льготные условия для приобретения земельных участков, прилегающих к разрабатываемым площадям. Японские монополисты получали крупные государственные субсидии, налоговые и другие льготы и привилегии. Все это способствовало установлению их господства в важнейших отраслях промышленности.

Среди японских концернов, которые стали хозяевами Кореи, ведущее место принадлежало концерну Мицубиси.

В 1917 г. корейским капиталистам принадлежало 605 предприятий фабрично-заводской промышленности с капиталом 1,8 млн. иен (годовая продукция — 8,3 млн. иен), а японцам — 736 предприятий с капиталом 33,6 млн. иен (годовая продукция — 84,5 млн. иен). Хотя корейцы владели почти половиной всех имеющихся в стране предприятий, однако по масштабам, вложенному капиталу и объему производимой продукции эти предприятия значительно уступали японским.

Японскому капиталу принадлежали фабрики и заводы, хотя зачастую и небольшие (например, из 615 механических двигателей, имевшихся в то время в Корее, большая часть была сосредоточена на заводах, принадлежавших японцам), корейцам же в основном принадлежали кустарно-ремесленные мастерские, приспособленные главным образом для переработки сельскохозяйственного сырья и продуктов. В ряде отраслей промышленности, например в металлургической и энергетической, национальный капитал почти полностью отсутствовал.

Захвату японским капиталом ключевых позиций в экономике способствовали банки, кредитная система. Банки нередко участвовали в ряде японских предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности. Проникновению японского капитала в промышленность Кореи содействовали наряду с «Тёсэн гинко», ВКО и другие полуправительственные организации, получавшие всяческие льготы и привилегии.

Этим же целям служила и внешняя торговля, монополизированная японскими капиталистами. В 1919 г. доля Японии в экспорте Кореи составляла 90%, в импорте — 65,3%. Ввоз состоял почти полностью из продуктов японской промышленности: текстиля, машин, двигателей, керосина, жиров, масел, галантереи и других товаров. Что же касается

вывоза из Кореи, то его основными статьями были продукты сельского хозяйства (в первую очередь — рис, затем — бобы, хлопок), продукция горнорудной промышленности, морские продукты, лес.

С каждым годом экспорт риса из Кореи возрастал: если в 1912 г. было вывезено 500 тыс. сок, то в 1919 г. — 2882 тыс. сок. Вывоз к сбору составил соответственно 4,3 : 22,8%. Рис стал для корейского труженика, т. е. для самого его производителя, в буквальном смысле слова редким лакомством. Потребление риса на душу населения сократилось с 0,774 сок в 1912 г. до 0,680 в 1918 г.

В условиях политического и экономического господства японского монополистического капитала буржуазия Кореи была малочисленна и слаба. Значительную ее часть составляли компрадоры (посредники японских банков, промышленных и торговых фирм).

Национальная буржуазия к началу новейшего периода была представлена мелкими и отчасти средними предпринимателями и торговцами. В это время еще было трудно провести четкую грань между нею и мелкой буржуазией города. К национальной буржуазии относились и представители наиболее крупного корейского капитала, которые впоследствии сомкнулись с японскими монополиями и превратились в силу антинациональную.

Дифференциация буржуазии в тот период еще только обозначалась. Чтобы выжить, упрочить свое положение, часть ее сближалась с японскими капиталистами, от которых она зависела в получении сырья и техники, материалов и кредитов. Некоторые корейские капиталисты из числа наиболее состоятельных стали участвовать в смешанных японо-корейских обществах и компаниях, а иногда становились акционерами японских компаний. Постепенно этот процесс расширялся. Участие в таких компаниях и обществах еще не свидетельствовало об отходе этих групп буржуазии от национальных интересов, но в определенной мере ему способствовало.

Корейская национальная буржуазия была тесно связана с феодальным землевладением. Многие предприниматели и торговцы вкладывали свои капиталы в землю, будучи одновременно и помещиками. Это превращало их в силу, консервировавшую феодальные пережитки, и в определенной мере ограничивало их антиимпериалистическую настроенность.

В целом положение корейской буржуазии было двойственным. С одной стороны, ее деятельность сковывалась политикой колонизаторов, их экономическим давлением. С другой стороны, основой ее существования являлась эксплуатация трудящихся. Все это сказывалось, естественно, и на политических позициях национальной буржуазии. Для ее подавляющей части была характерна та или иная степень оппозиционности колониальному режиму, в которой немалую роль играл национальный момент.

Довольно многочисленной и активной силой в Корее были мелкобуржуазные слои города, занятые в сфере производства, обслуживания и обращения: мелкие служащие, люди свободных профессий — те, кого принято называть «городские средние слои». В их число входили ремесленники, владельцы небольших предприятий по производству бумаги, тканей, гончарных изделий (в 1917 г. стоимость продукции кустарного производства хлопчатобумажных, льняных и шелковых тканей превышала 8 млн. иен, фарфоровых изделий — 850 тыс. иен, бумаги — 1500 тыс. иен).

На положении этих групп городского населения особенно болезненно сказывались притеснения колониальных властей, зависимость от японского капитала. Они не выдерживали конкуренции с японскими, а также

с более крупными корейскими предпринимателями и быстро разорялись. Их недовольство общественными порядками было очень сильным, в особенности у корейской интеллигенции. По происхождению она в своей значительной части относилась к аристократии, по социальному положению — к мелкой буржуазии. Колонизаторы не допускали специалистов-корейцев на многие работы, соответствовавшие их квалификации. Имелся длинный перечень должностей, занимать которые не разрешалось лицам корейской национальности. Врачи-корейцы имели право работать лишь в третьеразрядных больницах; открытие своих лечебных учреждений им разрешалось только в окраинных районах городов, населенных преимущественно корейской беднотой. Адвокаты-корейцы могли участвовать лишь в процессах, не имеющих общественного значения. Педагоги-корейцы допускались к преподаванию только нескольких дисциплин и далеко не во всех школах. Заработная плата корейских специалистов была значительно ниже, чем японских. Так, например, учитель-кореец получал вдвое меньше учителя-японца и почти столько же, сколько зарабатывал неграмотный технический работник школы — японец.

Значительные слои национальной интеллигенции осознавали и остро ощущали потерю страной независимости, ее подневольное, колониальное положение. Политические позиции этих слоев интеллигенции в целом характеризовались сильным недовольством существующими порядками, протестом против колониального порабощения.

Положение рабочего класса

Колониальная политика японских монополий, сдерживавшая развитие капиталистических отношений в сфере промышленного производства, обусловила замедленный рост рядов рабочего класса Кореи. Общее число фабрично-заводских рабочих в 1919 г. составляло около 50 тыс. (на предприятиях, принадлежавших корейцам, было занято немногим более 10,5 тыс. человек).

Заметный рост числа рабочих произошел в годы первой мировой войны. Если в 1911 г. число рабочих составляло 14 575, в том числе корейцев — 12 180, то в 1914 г. соответственно — 20 964 и 17 325, а в 1918 г. — 46 749 и 40 083.

Подавляющее большинство (80%) рабочих трудились на предприятиях, принадлежавших японским капиталистам, что наложило свой отпечаток на характер рабочих выступлений.

В конце 10-х — начале 20-х годов в Корее формировалось первое поколение корейского пролетариата. Он, как известно, пополнялся крестьянами и оставался тесно связанным с деревней, что, с одной стороны, способствовало сближению рабочих и крестьян, их непосредственному общению, а с другой — тормозило рост классового самосознания пролетариата. Часть рабочих состояла из недавних ремесленников и кустарей, разорившихся и пополнивших армию рабочего класса. Его отличительной чертой в то время была не только молодость, но и отсутствие стойкого пролетарского ядра. Более 5 лет проработали лишь 0,7% рабочих, а свыше 10 лет — 0,22%. Зато почти треть рабочих имела стаж менее 6 месяцев. Большинство рабочих были неквалифицированными. Неграмотные и малограмотные составляли почти 90% рабочих. В составе корейского пролетариата был высок удельный вес женщин и детей. В некоторых отраслях промышленности (шелкопрядильная, табачная) их было подавляющее большинство.

Корейский пролетариат подвергался жесточайшей эксплуатации.

Продолжительность рабочего дня порой достигала 17 часов. В среднем она составляла: в текстильной промышленности — 14 часов; на транспорте — 14, на рисоочистительных предприятиях — 15 часов. Почти у половины всех пролетариев, занятых в промышленности, рабочий день длился более 12 часов, а в горнорудной промышленности — 10—12 часов. Регулярных дней отдыха не полагалось (кроме нескольких праздников).

Средний дневной заработок рабочего-корейца, по данным японской печати, не превышал 70 сэн, низший равнялся 17 сэн (в иене — 100 сэн). В то же время прожиточный минимум составлял около 1 иены в день. При одинаковой работе и квалификации кореец-рабочий получал 40—60% заработка рабочего-японца в Корее. Оплата труда женщины была вдвое, а иногда и втрое меньше заработка мужчины. Например, в керамической промышленности средний дневной заработок японского рабочего составлял 3 иены 50 сэн, корейца-мужчины — 1 иену 50 сэн, женщины-корейки — лишь около 50 сэн. Оплата труда подростков и детей была и вовсе мизерной. Мальчики в возрасте до десяти лет получали от 10 до 30 сэн в день, 10—12-летним платили от 12 до 50 сэн⁴. Их рабочий день практически не ограничивался.

В промышленности тоже сохранялись феодальные пережитки, усугублявшие тяжесть эксплуатации, в частности система долгосрочной контрактации рабочей силы. За ничтожную плату рабочие продавали себя на долгие годы в рабство капиталисту.

Особенно мучительной оказалась система контрактации для девушек-работниц. Корейцы рассказывают, как это происходило. В голодное весеннее время в деревню приезжал вербовщик. Он ходил из дома в дом, выбирая самые убогие, выясняя, есть ли там подходящие кандидатуры для контрактации на фабрики, строительство или на другие работы. Во многих семьях вербовщика и боялись, и ждали: нечего есть, нечего сеять, нечем платить долги. Контракт заключался на несколько лет. Отец получал аванс, а законтрактованный (чаще всего — девушка) был обязан эту сумму отработать. Но практически отработать ее было невозможно, так как хозяин за питание, одежду и жилище удерживал столько, сколько хотел, а заработная плата устанавливалась мизерная. Возвращались домой, как правило, немногие.

На текстильных фабриках компании «Тёсэн босэки» (принадлежавших крупному корейскому капиталисту Ким Сонсу) контракты заключались на 6—10 лет, при этом семье за работницу уплачивали 10—18 иен. Первые два года она работала бесплатно, затем ей устанавливали заработную плату в размере 20 сэн в день; на руки денег не выдавали, все шло на погашение «долга».

Законтрактованные фактически лишались личной свободы. Их общегития в Сеуле и других городах напоминали тюрьмы.

Выход в город разрешался только в сопровождении надзирателя.

Широко применялась и подрядная система. Рабочий был вынужден отдавать часть заработка подрядчику, устроившему его на работу, а также надсмотрщику, от которого во многом зависело сохранение работы. Кроме того, часть заработной платы поглощали всякого рода принудительные пожертвования и «сбережения». Практиковавшаяся выдача бон в рабочие лавки, где товары продавались по повышенным ценам, также болезненно сказывалась на бюджете рабочего. Бичом для него были штрафы.

Рабочее законодательство в Корее отсутствовало, как и охрана труда. Увечья на производстве нередко приобретали массовый характер. Инвалидам, лишившимся трудоспособности на производстве, пособия не выдавались. Естественно, что недовольство в среде рабочего класса

росло; протест против гнета и эксплуатации капиталистов переплетался с антиколониалистскими настроениями, чему немало способствовало то, что подавляющая масса рабочих была занята на предприятиях, принадлежавших японскому капиталу, и испытывала одновременно социальный и национальный гнет.

Слабость субъективного фактора освободительного движения. Деятельность религиозных сект и эмигрантских организаций

Корейский пролетариат в политическом отношении был еще очень слаб. Он не имел своей политической партии, своих организаций. Как единственный до конца революционный класс современного общества пролетариат должен быть гегемоном в борьбе всего народа за демократический переворот, в борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат, учит марксистско-ленинская теория, революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь идею гегемонии.

Рабочий класс Кореи в начале новейшего периода истории не только не был готов осуществлять руководство своим естественным союзником — крестьянством, а также другими классовыми силами, но еще и не осознавал свою роль гегемона.

Не имела своей политической партии и национальная буржуазия. В стране не было зрелых классовых сил, способных возглавить освободительную борьбу народа. Ни пролетариат, ни буржуазия не были готовы к тому, чтобы стать гегемоном движения. Политические функции нередко брали на себя различные религиозные организации.

Для Кореи, как и для многих других восточных стран, было характерно выражение политического протеста в религиозной форме, чему немало способствовала деятельность религиозных сект. Наиболее влиятельной среди них было общество Чхондогё — одна из организаций тонхаковского направления. К 1919 г. оно насчитывало около 130 тыс. членов. Это были главным образом представители состоятельных слоев деревни, городских буржуазных кругов и мелкобуржуазной интеллигенции. Не имея оснований согласиться с преувеличенными оценками роли и численности Чхондогё многими буржуазными корееведами, следует вместе с тем отметить, что и в среде трудового народа, особенно крестьянства, тоже имелось немало последователей Чхондогё. Их привлекали идеи равенства, пропагандировавшиеся учением Чхондо. Эти слои нередко оказывали заметное давление снизу на позиции руководства, вынуждая его в периоды подъема освободительного движения примыкать к нему.

Руководящая верхушка общества состояла из буржуазно-помещичьих элементов. По своим политическим воззрениям и ориентации она также не была однородной. Часть ее искренне хотела добиться национальной независимости родины, хотя не видела правильных путей и методов решения этой задачи. Однако наиболее активной в руководстве была группа, состоявшая из политиканствующих элементов, пытавшихся использовать общество и его влияние в своих узкокорыстных целях. В их числе первым следует назвать Сон Бёнхи (псевдоним Ыйам; 1861—1922), одного из главарей тонхак, имевшего официальный религиозный титул «сонса» («святой отец»). После разгрома тонхаковского движения Сон Бёнхи с группой сподвижников бежал в Шанхай, а оттуда в Японию, где стал активно сотрудничать с японскими монополистами, содействовать их проникновению в Корею. Сон Бёнхи выступил ярким

пропагандистом идей паназиатизма, которые Япония широко использовала для установления своего господства на Корейском полуострове. Он и стал главой Чхондогё. Чтобы создать впечатление, будто Чхондогё является наследником религиозных традиций тонхаков, его руководство сохранило некоторые внешние обряды, но по существу Чхондогё и возникло в недрах реакционных групп тонхак и продолжало их курс. Его создание и деятельность на первых порах были тесно связаны с прояпонской реакционной организацией Ильчинхве.

Проповедь ухода в чистую мистику, призывы заняться самоусовершенствованием, отказаться от участия в политике, характерные для деятельности общества в первые годы после его создания, претерпели затем некоторую трансформацию. Сон Бёнхи и другие руководители стали проповедовать идею неразрывной связи между религией и политикой, утверждая, что «политика и добродетель — основа жизни». В борьбе за независимость они признавали только ненасильственные методы.

Помимо Чхондогё и других религиозных организаций тонхаковского направления в Корее в рассматриваемые годы существовали буддийские, конфуцианские и прочие секты и общества.

Активную деятельность проводили в Корее христианские миссионеры — католические и протестантские. Они как бы разделили сферы влияния: американцы обосновались главным образом в северных районах и в Сеуле, как и немцы; французы — на юге; англичане — в центральной части страны.

Самый многочисленный отряд миссионеров составляли американские. Выполняя непосредственно политические задачи, заказ империалистических кругов, большинство из них насаждали и всячески разжигали в массах веру в заступничество и помощь США. Миссионеры и их организации были одним из важнейших каналов распространения в Корее американского влияния, поставщиком различных сведений, нужных правящим кругам США для экономического, политического и идеологического проникновения в Корею. Миссионеры строили там церкви, частные школы, больницы, создали издательства и все это использовали для соответствующей идеологической обработки населения (это в полной мере относится и к миссионерам других капиталистических стран в Корее). Американская пресвитерианская миссия имела почти 1900 церквей и молельных домов, 1332 проповедника; у нее было почти 142 тыс. прихожан-корейцев. В 1919 г. в Корее насчитывалось около 650 миссионерских школ и курсов, в которых обучалось свыше 27 тыс. корейцев. В ведении христианских миссий было 25 больниц и 27 диспансеров. Находившееся в подчинении у американской миссии Кидоккё чхоннёнхве (Христианское общество молодежи) раскинуло свои организации по всей стране (отделения общества, спортивные, научные и другие кружки). Оно развернуло активную проамериканскую деятельность среди корейской молодежи.

С помощью всех этих институтов США не только осуществляли идеологическую диверсию, но и формировали внутреннюю опору в стране, создавая под видом религиозных политические проамериканские группы и союзы. В 1919 г. в Корее насчитывалось около 300 тыс. корейцев-христиан.

В соответствии с политической обстановкой менялись и методы деятельности миссионеров, в частности американских. Так, в период порабощения Кореи японским империализмом они всячески ему содействовали, оправдывая японских колонизаторов. В условиях обострения японо-американских притязаний на Корею их деятельность нередко приобретала антияпонскую направленность.

Многообразные приемы, применявшиеся миссионерами непосредственно в Корее для сколачивания и организации своей социальной опоры и распространения своего политического влияния на корейские народные массы, сталкивались с противодействием японских властей. Тогда американские миссионерские организации широко развернули эту деятельность не только в Корее, но и в самих США и в Китае. Представители интеллигенции, эмигрировавшие из Кореи в США (часто по инициативе и при помощи американцев), сразу же вовлеклись в орбиту американского влияния. США устанавливали фактическое руководство и контроль над эмигрантскими организациями, а нередко сами их создавали, материально поддерживая своих наиболее надежных корейских союзников.

В числе организаций, активно использованных для формирования проамериканских кадров, следует назвать Тэхан кунминхве (Корейская национальная ассамблея). Она была создана буржуазными деятелями путем объединения существовавших в Америке эмигрантских групп. Официально ее задачей считалась «защита интересов корейских эмигрантов», но цели организации были политические. После победы Октября, в условиях общего подъема национально-освободительного движения в Корее и во всем мире, руководство Тэхан кунминхве заявило, что организует борьбу за независимость Кореи, связывая решение этой задачи с помощью американских покровителей.

Такой же характер имела и другая эмигрантская организация, Хынсадан (Корпус передовых борцов), созданная в 1914 г. (штаб — в Лос-Анджелесе). Она издавала «Известия Хынсадан». В Шанхае действовал ее Дальневосточный комитет. За туманно сформулированными задачами — «создать священную организацию, которая должна заложить основу для великих дел нации в будущем», — скрывались и другие цели Хынсадан: распространение идей о «спасительной роли США в судьбах корейской независимости». Эта пропаганда распространялась и среди населения Кореи.

Немало корейских эмигрантов, входивших в эти и подобные им организации, искренне стремились к освобождению своей родины от колониального гнета и верили в обещанную американскими покровителями помощь. Таких добросовестно заблуждавшихся постепенно отрезвляло время и ход событий, обнажавших захватнические устремления США в Корее. Часть же эмигрантских деятелей в США и в Китае постепенно превращалась в прямых пособников американских империалистов, активных проводников их политики и влияния.

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ. НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1919 г.

Влияние Октябрьской революции на Корею

Внутренние социально-экономические условия колониальной Кореи, рост национальных и классовых противоречий, большой накал народного недовольства — все это способствовало тому, что широкие слои корейских патриотов восприняли весть о победе Октябрьской революции, ее идеи с воодушевлением и надеждой. Рядом с Кореей появилось государство, которое с первых же дней своего существования стало проводить в жизнь идеалы подлинной свободы и независимости, мира и дружбы народов. И это, естественно, не могло оставить равнодушными не только трудящихся, но и всех, кто стремился к независимости и прогрессу родины.

С большим интересом и вниманием воспринимались известия о внешнеполитических акциях Советского государства, отвечавших коренным интересам народов, в том числе и оказавшимся в колониальной зависимости. Таким документом был и принятый 26 октября (8 ноября) 1917 г. на II съезде Советов Декрет о мире, оповещавший, что Советское правительство отказывается от всяких захватнических договоров и предлагает всем воюющим народам и их правительствам немедленно приступить к переговорам о заключении всеобщего справедливого демократического мира. В Декрете выражалась решимость Советского государства немедленно подписать мир на одинаково справедливых для всех народов условиях, без аннексий и контрибуций. Война объявлялась величайшим преступлением перед человечеством. В этом ленинском Декрете законодательно подтверждалась справедливость освободительной борьбы угнетенных народов, решительно осуждалась империалистический захват и порабощение.

Обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г., публикация Советским правительством тайных договоров и секретных дипломатических документов царского и Временного правительств, разоблачающая политику империализма, вся внешнеполитическая программа Страны Советов и первые практические действия по ее осуществлению не могли не вызвать острого интереса и одобрения в патриотических, прогрессивных кругах Кореи и других стран мира. Так же воспринималась и внутренняя политика молодого Советского государства, его мероприятия в разных областях общественно-экономической жизни.

Для народа колониальной Кореи исключительно большой интерес представляла политика Советской Республики по крестьянскому вопросу, быстрое и решительное выкорчевывание остатков средневековья, крепостничества в сельском хозяйстве, передача крестьянам земли, освобождение их от гнета помещиков и капиталистов, приобщение к государст-

венной и общественной жизни. Не меньшее значение для корейского народа имела и политика Советского правительства по национальному вопросу, его первые акции в этой области: ликвидация неравноправия и угнетения нерусских национальностей, провозглашение Декларацией прав народов России в законодательном порядке их равенства и суверенитета, а также права на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмены всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободного развития национальных меньшинств и этнических групп, населяющих территорию России¹.

Советское государство, определяя программу своей деятельности, неизменно учитывало единство внешнеполитических и внутренних задач, международную роль советского опыта, его значение для других народов.

«Нет более ошибочной и более вредной идеи,— писал В. И. Ленин,— чем отрывание внешней от внутренней политики»².

В России проживало в то время много корейцев (только на русском Дальнем Востоке в 1918 г.— более 100 тыс.). Основную массу их составляли крестьяне³. Вместе с трудящимися других национальностей они получили после победы Октября политические права, свободу и землю. Совместный труд в условиях общей эксплуатации со стороны богатеев стихийно создавал и укреплял дружбу русских и корейских трудящихся.

Партия большевиков вносила в стихийную тягу к единству действий сознательное, направляющее начало. Большевики разъясняли интернациональную сущность внешней и внутренней политики Советского государства. Пропаганда подкреплялась практикой. По постановлению IV Хабаровского краевого съезда Советов в апреле 1918 г. всему иностранному населению предоставлялось право на землю и на бесплатное получение наделов от сельских и волостных земельных комитетов. Эти комитеты производили размещение корейцев на Дальнем Востоке. В мае того же года Дальсовнарком издал постановление, отменившее закон царского правительства о повышенном налоговом обложении и паспортных ограничениях для корейцев (и китайцев); они уравнивались в правах с другими иностранцами. Все это укрепляло доверие корейских тружеников к Советской власти и Российской коммунистической партии, повышало интерес к тому великому учению, на базе которого была совершена Октябрьская революция и строилось новое общество в России.

Сближала корейских тружеников с русскими братьями по классу и общая борьба. Многие передовые, революционно настроенные корейцы, жившие в годы гражданской войны на Дальнем Востоке, так же как и интернационалисты других стран, понимали, что от судьбы Республики Советов зависит и их будущее; они участвовали в борьбе за власть Советов против интервентов и белогвардейцев. Все это оказывало непосредственное влияние и на народные массы Кореи, связи с которой в тот период расширились, так как граница России с Кореей была фактически открыта. Облегчилось возвращение корейцев на родину с русского Дальнего Востока, иногда насовсем, чаще на время. Корейские революционеры, жившие на русском Дальнем Востоке, печатали на самодельных ротаторах и шапирографах листовки и газеты, написанные по-корейски простым, доступным языком, и распространяли их среди населения Кореи.

Большое влияние на эту пропагандистскую деятельность оказал процесс политического размежевания сил корейской эмиграции в России, ускорившийся в период гражданской войны. Буржуазно-националистические слои все настойчивее выступали за обособление корейского национально-освободительного движения от Советской России. Револю-

ционная часть корейского населения отстаивала необходимость союза с Советским государством, связывая с этим планы национального освобождения и прогресса родины. Деятели этого революционного крыла организовали Ханин сахве тонмэн (Союз корейских социалистов). Он издавал на корейском языке газету «Чон» («Колокол») и проводил работу по революционному воспитанию корейских трудящихся на русском Дальнем Востоке. Хабаровская организация РКП(б) оказывала непосредственную помощь работе Союза, которая серьезно осложнялась неоднородностью его классового состава и тем, что проникшие в ряды Союза буржуазные националисты пытались направить его деятельность по буржуазному пути.

Борьба в лагере корейской эмиграции, происходившая в сложных условиях гражданской войны и интервенции, получала отклик и непосредственно в Корее. Из направляемой в страну литературы и рассказов возвращавшихся с русского Дальнего Востока корейских рабочих и крестьян корейцы узнавали правду о подвигах советских людей в борьбе за Республику Советов и об участии в этой борьбе корейских интернационалистов.

С гордостью и уважением произносили русские и корейские революционеры имя Александры Петровны Ким (Станкевич)⁴. В 1918 г., когда белогвардейцы с помощью японцев овладели Хабаровском, они в числе других коммунистов схватили А. П. Ким. Ее пытали, мучили. Но Ким держалась героически. Перед казнью она сказала: «Вера, за которую я умираю, восторжествует не только в России, но и в Корее. Да здравствует Советская власть!».

Благодаря соседству и связям с Россией идеи Октябрьской революции, принципы, политика, дела Советского государства становились известными в Корее сравнительно быстро. И хотя вести о них нередко доходили в урезанном, ограниченном, а порой и извращенном виде, корейские народные массы улавливали в них главное — в мире появилось государство, провозгласившее и проводящее в жизнь идеи независимости и свободы; у корейского, как и у других поработанных народов, появилась могучая международная опора в борьбе за освобождение, справедливый и бескорыстный помощник и друг.

Далеко не всегда это был осознанный вывод, глубокое понимание. Для трудящихся масс Кореи часто определяющим был классовый инстинкт. Для прогрессивных, патриотических групп буржуазии притягательную силу Октября определял национальный момент. В условиях слабой дифференциации классовых сил Кореи в тот период, разумеется, трудно провести и четкую грань между их позициями. Но все, кто стремился к независимости страны, прогрессу нации, в той или иной мере оказались в орбите революционизирующего влияния Великой Октябрьской социалистической революции.

Это убедительно подтверждало развитие корейского освободительного движения в послеоктябрьские годы. Вместе с тем его анализ свидетельствует и о большой сложности развернувшегося процесса.

Как известно, в противовес внешней политике Советского государства, ее антиимпериалистическим принципам, столь притягательным для многомиллионных масс Востока, мир капитала выдвинул свою программу. Ею стали 14 пунктов американского президента В. Вильсона, сулившие, в частности, «свободное, откровенное и безусловно беспристрастное рассмотрение всех колониальных притязаний, основанное на строгом соблюдении того принципа, что при разрешении всех таких вопросов о суверенитете интересы народов, которых это касается, должны соблюдаться наравне со справедливыми требованиями того правитель-

ства, права которого должны быть определены»⁵. 14 пунктов провозглашали также отказ от тайных договоров и тайной дипломатии, установление в качестве основ взаимоотношений западных держав со странами Азии и Африки принципа «открытых дверей», создание «союза народов».

На самом же деле это была программа сохранения в новых международных условиях господствующего положения империализма в слабо развитых странах Востока, программа удушения мировых революционных сил.

В ноте Советского правительства президенту США В. Вильсону от 24 октября 1918 г. раскрыта суть 14 пунктов, разоблаченных как обман народов. Советское правительство предложило в основу послевоенного устройства мира положить не декларирование на словах прав народов на самоуправление, а их фактическое самоопределение, «чтобы из союза народов не получился союз капиталистов против народов»⁶.

Однако многие буржуазные деятели Кореи восприняли демагогические посулы В. Вильсона и предстоящую Парижскую мирную конференцию как путь к достижению независимости.

В стране обозначились две ориентации, которые нередко сближались и даже переплетались. Такое переплетение, такая непоследовательность объяснялась нечеткой, слабой дифференциацией классовых сил корейского общества, стихийностью освободительных выступлений масс.

Связанный с влиянием Октябрьской революции подъем освободительного движения, охвативший страну, был обусловлен внутренними факторами.

Активизация массовой борьбы

Уже в 1918 г. в северных районах Кореи усилилось партизанское движение, имевшее ярко выраженную антиимпериалистическую направленность.

Характеризуя эту борьбу, японское полицейское издание «Тёсэн кэйсацу» («Корейская полиция») отмечало, что особенно участились партизанские действия с февраля 1919 г.; партизаны организовывали диверсии, разрушали полицейские участки, убивали полицейских и жандармов, захватывали оружие; они действовали небольшими группами, главным образом в горных и лесных районах, а местное население очень часто содействовало их борьбе, укрывало их и даже помогало разрушать полицейские посты и официальные учреждения.

Борьба партизан, свидетельствовавшая о нарастании народного протеста, в то время разворачивалась преимущественно в пограничных районах, которым японские милитаристы отводили особенно большое место в своих военных планах, направленных против Советского Дальнего Востока и Китая.

Активизируются и классовые выступления трудящихся, в первую очередь пролетариата. Если с 1912 по 1917 г. в Корее произошло 36 забастовок с 5747 участниками, то в одном только 1918 году — уже 50 забастовок, в которых участвовало 6150 человек. В феврале 1919 г. вспыхнула забастовка портовых рабочих в Инчхоне, прекратили работу более 450 рабочих кожевенного завода акционерной японской компании в Ёндынпхо; забастовщики требовали повышения заработной платы в 3 раза. В Ёнсане выступило более 600 рабочих акционерной компании «Стандард босэки», потребовавших улучшения обращения с ними. Улучшения экономических условий добивались забастовавшие в Анджу рабочие деревообделочного завода. Забастовки происходили и в других городах Кореи.

Постепенно рабочие переходили, хотя еще очень медленно, от обо-

роны к наступлению. Так, они не только протестовали против снижения расценок, задержки оплаты труда, но и требовали повысить заработную плату, улучшить обращение с ними, сократить рабочий день.

В деревне тоже росли волнения. Арендные конфликты, которые ранее имели чисто экономический характер, приобретали политическую окраску. На это обстоятельство указывало японское служебное издание «Сайкин-ни окэру Тёсэн тиан дзёкё» («Состояние общественного спокойствия в последнее время», Сеул, 1942 г.).

Рост антиимпериалистического движения отмечали и другие японские служебные материалы. В частности, «Тёсэн кэйсацу» (Сеул, 1938) отмечала, что «в политической и социальной области» наблюдалось немало «волнений», которые возникали как на внутренней основе, так и под воздействием извне («среди народа пропагандировалась мысль, что только борьбой можно добиться независимости»). В книге подчеркивается, что движение корейских народных масс особенно усилилось после Октябрьской революции в России и в период интервенции в Сибири, что идеи движения за независимость исходили от интеллигенции и нашли широкую поддержку масс.

Японская администрация усиливала репрессии против корейских патриотов. По сравнению с 1912 г. число арестов в 1918 г. возросло более чем вдвое. В 1917—1919 гг. расходы на содержание полиции и жандармерии увеличились в 2,5 раза.

В стране уже существовали отдельные патриотические объединения. Как явствует из материалов по истории корейского революционного движения, изданных в КНДР, одной из наиболее значительных организаций в то время было Чосон кунминхве (Корейское национальное общество), созданное весной 1917 г. учителем-революционером Ким Хёнджиком.

Выступления, развернувшиеся в послеоктябрьский период непосредственно в стране, явились первыми зарницами мартовского восстания. Нельзя согласиться с утверждениями буржуазных авторов, что оно началось за пределами Кореи и было организовано эмигрантскими буржуазными кругами. Восстание созрело на корейской почве и было подготовлено всем ходом развития корейского общества; оно началось и разгорелось непосредственно в стране. Вместе с тем нельзя не отметить, что эмигрантские буржуазные круги проявили немалую активность, направленную главным образом на то, чтобы подчинить растущее движение масс интересам буржуазии. В первую очередь это относится к корейским эмигрантским организациям в США.

Ведущей среди них, как уже сказано, была Тэхан кунминхве.

В феврале 1919 г. в Сан-Франциско был создан руководящий центр Ассамблеи, в состав которого вошли Ли Сынман и другие деятели проамериканской ориентации.

Они направили В. Вильсону обращение, гласившее, что великие державы должны содействовать Корее в освобождении от японского ига и помочь ей обеспечить независимость в будущем; Корея должна быть принята в Лигу Наций.

Корейские эмигранты ~~в США~~ решили направить своих представителей на Парижскую мирную конференцию. (но власти США не дали им выездных виз). Развернув активную пропаганду вильсоновских идей, эмигрантские организации направляли в Корею своих посланцев.

В послеоктябрьский период активизировалась деятельность и корейской эмиграции в Китае. Находившиеся в Маньчжурии Хон Бомдо, Ким Яён, Со Иль и др. предприняли в конце 1918 г. попытки объединить прогрессивные силы корейской эмиграции и установить непосредственные контакты с освободительным движением в самой Корее. В Шанхае

в феврале 1918 г. был создан Синхан чхоннёндан (Молодежный союз Новой Кореи), он состоял преимущественно из буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов, был малочислен, не имел ни массовой базы, ни четкой программы действий. Провозгласив своей основной задачей борьбу за независимость, союз связывал свои планы и надежды на решение этой задачи с помощью внешних сил. При этом революционное крыло союза во главе с Ё Унхёном (1885—1947) настаивало на установлении связей с Советской Россией.

Молодежный союз направил своих представителей на Парижскую мирную конференцию.

Один из них, Ким Гюсик, впоследствии писал, что, отправившись в Париж, он надеялся на помощь мирной конференции в получении Кореей независимости, в особенности уповал на поддержку американской делегации, возглавлявшейся президентом В. Вильсоном. Но как только корейские представители прибыли в Париж, они испытали глубокое разочарование. Американская делегация холодно отказывалась от всяких встреч; если кто и проявлял заботу о независимости Кореи, так это французские социалисты, которые через свою прессу выражали корейским посланникам теплые, дружеские чувства.

Несмотря на то что весь ход событий и поведение американских правящих кругов свидетельствовали о лживости их деклараций и обещаний, корейские буржуазные националисты продолжали ориентироваться на них, надеясь с помощью империализма США избавиться от гнета империализма Японии и пытаясь использовать американско-японские противоречия.

Одним из центров корейской эмиграции и районов нараставшего антияпонского движения стала сама Япония, где обучалась большая группа корейских студентов. Уже в 1916 г. там насчитывалось семь студенческих организаций корейцев (пять — в Токио, одна — в Киото и одна — в Осака). В послеоктябрьские годы деятельность этих организаций, формально просветительская, но и ранее содержавшая политические черты, приобретала все более ярко выраженный антиимпериалистический характер. На нее оказывала большое влияние развернувшаяся под влиянием Октября борьба японских трудящихся, в частности «рисовые бунты» в августе 1918 г.

28 декабря 1918 г. одна из студенческих организаций созвала в Токио собрание корейских студентов, на котором присутствовало более 500 человек. В целях конспирации оно именовалось «диспутом об ораторском искусстве». Собрание продолжалось и на следующий день. Полиция, узнав о подлинном характере «диспута», разогнала собравшихся, 12 его активных участников были арестованы.

Вскоре корейские студенты в Токио организовали нелегальный Чосон тоннип чхоннёндан (Молодежный союз независимости Кореи) и «оперативный комитет», который начал подготовку к антияпонскому выступлению. Так же как и другие буржуазно-националистические организации, Чосон тоннип чхоннёндан связывал свои планы с Парижской мирной конференцией, с вильсоновскими декларациями. В начале февраля 1919 г. более 600 студентов снова собрались на сходку для обсуждения Декларации независимости, текст которой по поручению «оперативного комитета» подготовил Ли Гвансу⁷.

Этот текст был утвержден и послан японскому правительству, министерству и членам парламента, иностранным дипломатам, в редакции газет и журналов. Хотя полиция усилила репрессии против студентов, выступления их продолжались, выражая глубокое недовольство корейской интеллигенции колониальным положением страны.

Декларация обличала и гневно клеймила империалистическую политику Японии, насильственный характер захвата Кореи и террор: «Присоединение Кореи к Японии не отвечает желаниям корейской нации. Мы вопреки нашей воле подверглись зверскому насилию японского империализма». В Декларации осуждались не только Япония, но Америка и Англия, первыми признавшие протекторат и аннексию. Они «должны сейчас нести ответственность за свои старые поступки». Но, обвиняя их, студенты вместе с тем связывали надежды на достижение независимости с помощью этих империалистических «миротворцев». В Декларации, в частности, выдвинуто требование, чтобы Парижская мирная конференция предоставила Корее право на самоопределение, а парламент и правительство Японии созвали корейское национальное собрание, которому было бы предоставлено право решать судьбу Кореи. «Наше государство настаивает,— гласила Декларация,— на предоставлении ему независимости, ибо присоединение Кореи к Японии не было следствием свободного волеизъявления нашей нации, ибо оно угрожает развитию и существованию нашей нации и миру на Востоке».

Одновременно в Декларации корейских студентов звучали и иные мотивы, связанные с победой Октябрьской революции и созданием Советского государства: «Если исходить из интересов мира на Востоке, то Россия, которая представляла угрозу этому миру, ликвидировала милитаризм и строит новое государство на основе справедливости и свободы... Мы издавна имели высокую культуру. В течение почти пяти тысяч лет мы имели людей, владеющих опытом государственного управления. К несчастью, сейчас мы лишены этого, мы бесправны. Но после создания нового государства, явившегося первым прогрессивным демократическим государством, построенным на принципах справедливости и свободы, у нас появилась надежда, что и наша нация сможет внести свой вклад в сокровищницу человеческой культуры, в дело мира и справедливости».

Таким образом, в Советском государстве молодые корейские патриоты видели воплощение идей свободы, мира и справедливости, источник своих надежд на независимость и процветание корейской нации. Декларация была документом боевого, наступательного звучания. Однако, так же как и другие документы буржуазных националистов, Декларация корейских студентов отражала непоследовательность, двойственность позиции и ориентации буржуазных слоев.

Мартовские демонстрации 1919 г.

А между тем в Корее нарастало массовое движение, и буржуазно-националистические деятели постарались захватить инициативу в свои руки.

В декабре 1918 г. в Сеуле сложился своего рода штаб, или инициативный центр, движения (48 человек). Характерен его социальный состав: служители религиозного культа — 64% (Чхондогё — 30%, христиане — 30, буддисты — 4%), фабриканты — 4%, помещики — 4, директора школ — 4, служащие — 6, педагоги, писатели и прочие — 18%. Служители религиозных культов, преобладавшие в «штабе», были одновременно в большинстве своем помещиками, предпринимателями и т. п.

На тайной сходке, состоявшейся в феврале 1919 г., «штаб» разработал план действий. Было решено составить документ с требованием независимости и направить его в верхнюю и нижнюю палаты японского парламента, генерал-губернатору Кореи и Парижской мирной конференции, а также послать обращение американскому правительству с просьбой оказать помощь. Для придания видимости всенародного характера

этих требований было решено провести мирную демонстрацию. Один из буржуазных деятелей того времени, Чхве Рин⁸, написал впоследствии в своей автобиографии: «Когда мы обсуждали во всех деталях меры, которые придется принять в будущем, слово взял учитель Сон Ёнам (Сон Бёнхи). То, что произойдет на наших глазах в недалеком будущем, сказал он, поистине важно. Мы не можем быть бездеятельными и упускать исключительный шанс. Мы должны напрячь все силы и без промедления творить великое дело»⁹.

Боясь упустить «исключительный шанс», буржуазные деятели действовали энергично: многими руководило искреннее стремление, используя международную обстановку, добиться независимости Кореи, некоторые преследовали личные, узкокорыстные цели, были среди них и прожженные политики. В общем, буржуазно-националистическое ядро, пытавшееся захватить руководство нарастающим народным движением; было чрезвычайно пестрым. Принятый план действий предусматривал чисто петиционный характер выступлений.

На совещании было решено составить текст Декларации независимости. Большинство сеульских буржуазных деятелей придерживались весьма умеренного курса. Декларация студентов показала им слишком решительной и ультимативной (напомним, что в ней содержалось предупреждение, гласившее: «Если Япония не удовлетворит справедливых требований нашей нации, то мы объявим против Японии кровавую борьбу»).

Текст новой Декларации было поручено составить Чхве Намсону¹⁰. Предложенный им вариант был принят. Декларацию подписали 33 «представителя нации»¹¹. В типографии секты Чхондогё она была отпечатана в 20 тыс. экземпляров и разослана со специальными гонцами во все крупные города и уезды Кореи. Декларация отражала не только робость и непослывательность корейских буржуазных националистов, но и отсутствие у них какой бы то ни было позитивной программы действий. Пронизанная идеями непротивления, Декларация выражала надежду добиться независимости путем воздействия на японское правительство: «Мы должны повлиять на японских политиков, придерживающихся ложной позиции, идущей вразрез с требованиями разума и природы, придерживающихся старых методов насилия, с тем чтобы они вернулись к справедливым принципам права и истины». Главное, к чему призвала корейский народ Декларация, — это ограничиться только петиционными формами движения, не вступать в борьбу.

Выдвигая задачу достижения национальной независимости, Декларация вместе с тем предостерегала массы от возможности активных выступлений в борьбе за независимость. Она выражала страх буржуазных националистов перед нарастающим шквалом народной борьбы.

Об этом же свидетельствовала вся их деятельность, в частности подготовка мирной демонстрации. Ей, как уже упоминалось выше, придавалось прикладное, чисто служебное значение: продемонстрировать перед великими державами «волю нации», ее стремление к независимости. Поначалу было решено провести демонстрацию и оглашение Декларации независимости 3 марта 1919 г. Но затем дата демонстрации была изменена. Дело в том, что на 3 марта были назначены похороны бывшего корейского императора Коджона (в Сеул на похороны собралось более 200 тыс. иногородних). Не вызвало сомнений, что полиция усилит в этот день свой надзор. Однако не только это вынудило «штаб» изменить день демонстрации. Его пугала нарастающая активность трудящихся масс, молодежи, патриотических групп интеллигенции, других слоев населения.

Буржуазные деятели заторопились. Демонстрация была назначена на 1 марта. Учащиеся сеульских школ и колледжей оповещали жителей столицы о месте и часе демонстрации. Однако «инициативный центр» 28 февраля изменил свое первоначальное решение — зачитать Декларацию в парке «Пагода» и избрал для этого один из сеульских ресторанов. Туда явились 29 «представителей нации» (из 33 подписавших декларацию), провозгласили тост за независимость, позвонили в полицейское управление и вручили прибывшим японским полицейским Декларацию. Они не только были тут же арестованы, но и своими действиями предупредили колониальные власти о готовящемся движении. Такая участь добровольных узников была избрана по нескольким причинам: дать массам пример непротivления (характерно, что некоторые учащиеся приходили 1 марта в полицейские учреждения и также требовали, чтобы их арестовали); обеспечить себе амнистию со стороны японских властей, доказать им, что буржуазные националисты не только на словах, но и на деле допускают лишь петиционные формы движения и не собираются бороться с колонизаторами, а намерены только просить.

Но не эти самозванные «представители нации» выражали ее волю.

После того как в парке «Пагода» учащиеся при большом скоплении народа (в парке собралось около 4 тыс. человек) зачитали Декларацию независимости, в городе начались митинги и демонстрации. Повсеместно звучали лозунги «Тоннип мансе!» («Да здравствует независимость!»), развевались корейские национальные флаги, долгие годы хранимые патриотами в тайниках.

Первыми перешли к активной борьбе сеульские рабочие. Вагоновожатые, кондуктора и служащие городского трамвая, принадлежавшего компании «Дэнки кайся», объявили 1 марта забастовку. Их поддержали печатники, рабочие табачных фабрик и других предприятий столицы. Сеульские пролетарии вышли на улицу с лозунгами, требовавшими создания независимого корейского государства. Не работали школы и колледжи: учащиеся и педагоги были в рядах демонстрантов. Торговцы закрыли магазины. Все население столицы вышло на улицы. В демонстрациях участвовали также иногородние, приехавшие на похороны экс-императора. Полиция и жандармерия саблями разгоняли народ.

Участник событий 1919 г. писатель Сон Ён в своих воспоминаниях о первомартовской демонстрации рассказывает, что молодые патриоты, забравшись на крыши трамваев, выкрикивали лозунги: «Да здравствует независимость Кореи!», «Японцы, убирайтесь домой! Корея принадлежит корейскому народу!». У всех было приподнятое настроение. Вечером начались жестокие массовые репрессии. Вместе с войсками полиция и жандармерия с оружием разгоняли демонстрантов. Многие улицы Сеула обогрились кровью, и национальные флаги приобрели красный цвет — цвет революции.

Массовые демонстрации и митинги проходили 1 марта и в Пхеньяне. Вначале они имели мирный характер. В одном из храмов была зачитана Декларация независимости. С национальными флагами, с пением корейского гимна народ вышел на улицу, и началась демонстрация. Мимо полицейских участков Пхеньяна для выражения протеста в этот день прошли 5—6 тыс. человек. Полицейские приказали демонстрантам разойтись, но в ответ прозвучало многотысячное «Тоннип мансе!». Когда же полиция и солдаты открыли огонь, патриоты Пхеньяна вступили с ними в рукопашные схватки. Мирный ход демонстрации был нарушен.

Многотысячные демонстрации состоялись 1 марта в городах Ыйджу, Чиннампо, Сончхоне (Северная Пхёнан), Вонсане, Анджу и в ряде крупных деревень. В них также участвовали самые широкие слои насе-

ления: рабочие, крестьяне, служащие, учащиеся, педагоги, ремесленники, торговцы. Несмотря на мирный характер этих демонстраций, полиция применила репрессии.

Развитие событий напугало не только японские власти, но и многих корейских буржуазно-националистических деятелей. Они не предполагали, что борьба масс перехлестнет петиционные рамки. Подготовку к мирной демонстрации «штаб» вел среди ограниченных групп населения, преимущественно среди буржуазии и интеллигенции. Но рабочим и не нужны были приглашения. Они сами активно включились в борьбу, что и предопределило в значительной степени ее дальнейшее развитие. Буржуазно-помещичье руководство «штаба» было обеспокоено и активностью крестьян. На демонстрацию приглашались главным образом последователи Чхондогё, а на улицы вышли широкие слои населения деревни.

«Штаб» сразу же принял меры к свертыванию демонстраций: 2 марта запрещалось их проводить «ввиду воскресенья», 3 марта в связи с похоронами бывшего императора. Деятели «штаба» рассчитывали, что постепенно волнения улягутся, пыл остынет и все ограничится первоапрельской демонстрацией.

Но народ решил иначе. Демонстрации и митинги продолжались, перекидываясь из города в город, из района в район. Создавались местные организации и инициативные группы, бравшие на себя руководство народными выступлениями. Их создателями преимущественно были интеллигенты-революционеры. Активную деятельность проводило ранее образованное Чосон кунминхве.

Революционеры распространяли среди населения прокламации, призывавшие к борьбе: «Требуйте независимости, бастуйте, не платите налогов и кабальной аренды, не поддерживайте никаких связей с японскими колонизаторами, не верьте лживым обещаниям их агентов, усиливайте борьбу за освобождение родины!». Тайно печатались и раздавались во время демонстраций рабочие листовки (нодон-хведо) с призывами бороться за независимость и социальные права. Вышло несколько номеров подпольных газет. Несмотря на запрещение «штаба», 2 марта состоялись демонстрации в Онджине, Анджу, Суане, Хванджу, 3 марта — в Кэсоне, Понсане, Коксане, Кымчхоне, Сохыне, Чэрёне, Хамхыне, Тхончхоне и во многих других местах.

В Сеуле 3 марта, во время похорон экс-императора, траурная процессия превратилась в антияпонскую демонстрацию. 4 марта выступления продолжались. Хотя в основном они имели мирный характер, в ряде мест уже начались столкновения демонстрантов с полицией, вызванные репрессиями властей — арестами, избиениями, расстрелами. Такая схватка произошла 3 марта, во время демонстрации шахтеров шахты в Садоне и крестьян окрестных деревень; многие патриоты были ранены, некоторые погибли. После этого выступления большинство рабочих шахты в течение месяца бастовали.

В этот же день около 200 рабочих металлургического завода в Чиннампхо вступили в вооруженную схватку с полицейскими и жандармами. 4 марта в Сончхоне (Южная Пхёнан) состоялась 6-тысячная демонстрация рабочих, объявивших политическую забастовку.

Перерастание мирных демонстраций в восстание

Японские власти обрушили против мирных демонстрантов жестокие репрессии. Столица и другие крупные города были объявлены на военном положении.

По инициативе передовых, революционно настроенных учащихся на 5 марта в Сеуле была снова назначена демонстрация. Среди населения распространялись листовки, призывавшие: «Поднимайтесь, соотечественники! Все на улицу демонстрировать свою волю к независимости!» И с утра 5 марта улицы снова заполнили жители столицы. В демонстрации участвовало более 100 тыс. человек. Наряду с национальными флагами в колоннах развевались красные знамена — символ поддержки революционных идей Октября.

Когда демонстранты, значительную часть которых составляли учащиеся, направились ко дворцу, полиция встретила их ружейным огнем. Многие, в том числе школьники, были ранены, убиты, изувечены. Зверства властей вызвали глубокое возмущение народа. Вопреки призывам организаторов мирной демонстрации к спокойствию и непотворению, вопреки их попыткам превратить выступление масс в «бунт на коленях» мирная демонстрация стихийно переросла в народное восстание.

В Пхеньяне 5 марта несколько тысяч восставших напали на железнодорожную станцию и японские учреждения. В городе бастовали рабочие. Учащиеся бойкотировали занятия. Вооруженной борьбой закончились демонстрации в Саривоне, Кунсане и в других городах, проходившие под лозунгом национального освобождения Кореи.

На следующий день, 6 марта, кровавое столкновение между полицией и жителями произошло в Кэсоне. В Тэгу в этот день около 25 тыс. патриотов в неравных схватках мужественно отражали попытки полицейских и жандармов разогнать демонстрации.

Во второй пятидневке марта вооруженные столкновения демонстрантов с японской полицией произошли в Чхорвоне, Кванджу, Вонсане, Ёнвоне, Сихыне и во многих других городах.

Со второй декады марта с новой силой вспыхнуло забастовочное движение, проходившее под лозунгами изгнания колонизаторов и создания независимого корейского государства. Бастовали кондуктора и вагоножатые сеульской электрокомпании, 800 сеульских железнодорожников, 1500 рабочих табачной фабрики «Тоа», печатники типографий газеты «Мэиль синмун», являвшейся в то время органом генерал-губернаторства.

Крупные забастовки рабочих происходили в середине марта в Пусане. Их начали рабочие электрогазовой компании. Всеобщую забастовку объявили пролетарии пхеньянского завода «Хэйдзё когёсё»; она длилась до конца апреля.

В марте бастовали шахтеры уезда Тэдон (Южная Пхёнан), шахтеры и рабочие промышленных предприятий уезда Самчхок (Канвон). В начале апреля вспыхнула забастовка трамвайщиков Пусана.

Это были наиболее крупные забастовки. Происходили стачки и меньших масштабов. В дни мартовского восстания неоднократно проводили стачки портовики Инчхона, литейщики Анджу, печатники Пхеньяна, горняки Унсана и др.

Постепенно в движение втягивалась деревня. В японских официальных изданиях отмечается, что волнения перекинулись туда после 5 марта, т. е. после того, когда мирная демонстрация переросла в восстание. Многолюдные демонстрации в деревнях также сопровождалась вооруженными столкновениями с полицией и солдатами.

Как свидетельствует ход восстания, оно развивалось не на основе петиционных принципов буржуазных националистов, которые на начальной стадии движения пытались его возглавить, свести к пассивному сопротивлению. Решали судьбу движения не они, а широкие народные массы.

В ряде мест рабочие пытались активно воздействовать на борьбу крестьян. Так, 19 марта в районе Квесан (Северная Чхунчхон) рабочие, проведя политическую демонстрацию, направили своих посланцев в деревни призывать крестьян к участию в антияпонском движении; более 400 крестьян вышли на демонстрации. Такие факты отмечались и в других районах страны.

На разгром мирных демонстраций, на аресты и расстрелы, на увечья и пытки народ отвечал нападениями на полицейские и жандармские участки, поджогами правительственных зданий, насильственным освобождением арестованных, забастовками, саботажем.

Из Японии были вызваны дополнительные воинские части. Усиливая террор, японская администрация принимала и другие меры «успокоения» восставшего народа. Она обратилась за помощью к американским миссионерам. В первый, мирный период движения японские власти обвиняли последних в том, что, исходя из интересов США, они подстрекают массы к антияпонским выступлениям. В те дни происходили даже обыски и аресты миссионеров. Когда же мирные демонстрации стали стихийно перерастать в народное восстание, японские колониальные власти решили использовать миссионеров для его подавления.

9 марта начальник департамента внутренних дел в Корее Усами созвал совещание миссионеров. Заверив, что сделает все возможное, чтобы прекратить распространение слухов о «подстрекательстве», он просил у миссионеров «совета и помощи». Усами указал на последствия, которыми грозит завоевание Кореей независимости. За независимостью, мол, «последовало бы создание различных партий, соперничающих между собой». Усами отметил, что это таит в себе общую опасность как для Японии, так и для тех империалистических стран, которых представляют миссионеры.

Было достигнуто взаимопонимание и заключен своего рода незафиксированный договор. Миссионеры дали понять, что колониальная администрация может на них рассчитывать. Они заявили, что и вообще-то христиане-корейцы согласились участвовать в движении за независимость лишь в том случае, если «демонстрация будет носить сугубо мирный характер»¹².

Миссионеры помогали колониальным властям, воздействуя как на рядовых участников движения — христиан, так и на буржуазно-националистических деятелей — руководителей «штаба», которые с началом активных действий масс вели себя все более трусливо. В самый разгар народных выступлений они подали генерал-губернатору Хасэгаве Ёсимити верноподданническое прошение, заверяя его, что восстание вспыхнуло вопреки их воле, и просили колонизаторов «внять голосу справедливости». Они готовы были отказаться от наиболее решительных требований Декларации независимости.

«Ваше превосходительство, — говорилось в прошении, — разве в нашей Декларации независимости мы настаиваем на предоставлении всех национальных прав? Нет, мы настаиваем на предоставлении свободы и самостоятельности ради справедливости и гуманности, в ней нет ничего противоречащего справедливости».

В своем послании эти буржуазные деятели даже склонялись к тому, чтобы объяснить «возвышенными» целями аннексию Кореи: «Ваше превосходительство, вспомните, что было сказано в обращении во время аннексии Кореи, что было объявлено миру? Разве не было заявлено, что причиной аннексии является то, что Корея не имеет военной силы, для того чтобы избежать оскорбления со стороны соседних государств, и что ввиду этого она является источником нарушения мира на Азиатском

материке? И в самом деле, разве не для охраны мира на Востоке Япония аннексировала Корею?» (разрядка наша.— Авт.).

В качестве главной своей заботы буржуазные националисты выдвигали «установление мира на всем Дальнем Востоке». Фактически же их интересовал лишь мир с Японией, полюбовная сделка с нею. Генерал-губернатор Кореи даже на такую верноподданническую петицию ответил новыми репрессиями. Авторы ее были арестованы.

А восстание тем временем полыхало по всей стране, вовлекая в свои ряды новые массы участников. 22 марта около 15 тыс. человек, собравшись в уездном центре Пхёнган (Канвон), в ответ на репрессии военщины захватили у солдат пушку, винтовки, боеприпасы и открыли по войскам огонь.

В борьбе крестьянства стала обнаруживаться не только антиимпериалистическая, но и антифеодалная направленность. Крестьяне нападали на помещичьи усадьбы, уничтожали кабальные арендные договоры и заемные документы. Они требовали снижения арендной платы, налогов, прекращения произвола помещиков и их посредников. Антифеодалные лозунги движения наиболее отчетливо проявлялись в южных провинциях Кореи (Северная и Южная Чолла), где было много крестьянской бедноты.

«Мы работаем не разгибая спины, а дети наши голодают, мы весь урожай отдаем помещику, а он всегда считает нас должниками. Мы хотим независимости и земли», — заявили крестьяне, собравшись на демонстрацию в районе Чонып (Северная Чолла). В этой демонстрации, закончившейся вооруженными стычками с солдатами и полицией, участвовало 18 тыс. человек. В Намвоне и Чхонджу в марте в восстаниях участвовало около 100 тыс. человек. Возмущенные репрессиями властей, крестьяне нападали на здания, принадлежавшие японским сельскохозяйственным компаниям, на японские и корейские помещичьи усадьбы, уничтожали арендные договоры и заемные документы. Повсеместно резко возросло число арендных конфликтов.

Со второй половины марта усилились и действия партизан, особенно на русско-корейской и китайско-корейской границах по рекам Туманган и Амноккан. Здесь создавались небольшие отряды (по 10—50 человек), в основном из крестьян. Их диверсионные акции, особенно на железных дорогах, в учреждениях телеграфной и телефонной связи, создавали немало трудностей для японских властей, мешали вовремя перебрасывать военные силы на подавление восстаний.

В конце марта снова вспыхнули волнения в Сеуле. Восставшие разгромили здания нескольких правительственных учреждений и японских компаний. То же произошло в Суане и в других городах. Длительной и упорной была борьба бастующих горняков ряда шахт и рудников Северной Кореи с солдатами и жандармами.

Массовые восстания происходили в Капхёнэ и Инчхоне (Кёнги), в Нампхо и Сончхоне (Южная Пхёнан), в Чхольсане (Северная Пхёнан), в Хамхыне и Ковоне (Южная Хамгён), в Чхорвоне, Пхёнгане и Канныне (Канвон) и в других местах.

В марте из 218 уездов Кореи восстаниями были охвачены 211. В выступлениях, происходивших в некоторых рабочих районах, все явственнее пробивались наряду с антиимпериалистическими социальными, классовые требования, и борьба приобретала упорный, длительный характер. Так, например, в уезде Ивон (Южная Хамгён) восставшие, значительную часть которых составляли рабочие, изгнали начальника уезда — японца и вместо него поставили корейца: восстание проходило

под лозунгами предоставления Корее независимости, а ее народу — политических прав и свобод.

В первой половине апреля восстания в стране продолжались. Наиболее крупным из них было выступление крестьян уезда Намвон (Северная Чолла), в котором участвовало население нескольких волостей (характерно, что 19 должностных лиц — корейцев в начале этого выступления заявили о своем уходе в отставку в знак протеста против действий японской полиции и жандармерии). Оно началось с мирной демонстрации. Когда полиция и жандармы попытались ее разогнать и арестовали многих активистов, демонстранты направились в столицу, чтобы заявить колониальным властям протест против действий военщины и выдвинуть свои требования. Они прошли около 120 км. В пути к ним примыкали новые группы демонстрантов, главным образом крестьян, и общее число участников достигло нескольких десятков тысяч. Для расправы с демонстрантами японские власти привлекли солдат; началась кровавая схватка. Марш патриотов в столицу был прерван; отбивались ножами, камнями, палками, но борьба оказалась неравной. Тысячи демонстрантов были арестованы, ранены, многие убиты.

В апреле в Чонджу (Северная Пхёнан) произошло ожесточенное столкновение восставшего народа с полицией.

Оно началось с мирной демонстрации. На улицу вышло более 25 тыс. жителей города и окрестных районов. Японские полицейские жестоко избили нескольких корейцев, которых они сочли организаторами выступления. Тогда демонстранты напали на полицейских и завладели их оружием. Мирная демонстрация, так же как и в других местах, превратилась в вооруженную схватку. Власти вызвали из соседних районов новые отряды карателей, которые с большой жестокостью расправлялись с патриотами. Десятки жилых домов, школа, церковь, молельня Чхондогё были сожжены дотла.

Крупные выступления, в каждом из которых участвовало от 13 до 15 тыс. человек, произошли в городах Кимпхо (Кёнги), Анак (Южная Хванхэ), Асан (Южная Чхунхон).

Всего в первой половине апреля состоялось около 100 массовых демонстраций, из-за репрессий властей переросших в вооруженные схватки патриотов с полицией и солдатами.

Кроме рабочих, крестьян, учащихся в апрельских выступлениях активно участвовали служащие учреждений и компаний, в том числе и японских. Многие из них отказывались работать под руководством японцев, проводили организованный саботаж; иногда корейцы-чиновники коллективно уходили в отставку. Ярко выраженный общенациональный характер движения, которое колонизаторам не удавалось долгое время разгромить, вызывал у них большую тревогу и озабоченность. Чтобы скрыть от мировой общественности подлинную сущность и размах этой всенародной героической борьбы, власти дали директиву органам печати изображать ее как действия небольшой группы заговорщиков. События в Корее согласно директивам властей должны были выглядеть следующим образом: народ не хочет участвовать в движении, но корейцам платят по иене в день, чтобы они кричали: «Мансе!»; крикуны до такой степени напугали жандармерию, что она стала стрелять; торговцы целый месяц не открывают магазины, потому что боятся нападений заговорщиков. Органам печати было запрещено употреблять выражения, которые позволили бы понять серьезность беспорядков в стране, и «слова, способные стимулировать идеи самоопределения». Однако материалы о всенародном размахе движения в Корее все же печатались на страницах буржуазных газет Японии и других стран. «Поразительно, какую

храбрость проявляют корейцы, хотя им даже нечем защищать себя», — писали буржуазные корреспонденты. «Поднялись все корейцы, даже самые отсталые рабочие стали патриотами», — удивленно восклицал корреспондент газеты «Джепэн кроникл»¹³.

Репрессии карателей достигли чудовищной жестокости, превосходившей ужасы средневековой инквизиции. Применялось около 70 видов пыток. Корейцам отрезали шашками языки и губы, вспарывали животы, резали штыками тело. Многих распяли на крестах. В Сеуле группу женщин привязали за голову и ноги к лошадям, которых погнали в разные стороны. В Пхеньяне жандармы, изнасиловав группу школьниц, раскаленным железом выжгли им на теле кресты. В деревне Чеамни (Кёнги) жителям было приказано явиться в церковь якобы на проповедь. На самом деле замышлялась страшная расправа с ними за то, что в этом районе был убит японский солдат. Облив церковь, где собралось около 30 человек, керосином, солдаты подожгли ее. Спасти удалось троим. Остальные, в том числе дети, сгорели. В 8 волостях того же уезда солдаты сожгли 15 деревень. Многие жители погибли во время пожаров.

Страна была покрыта виселицами. Тюрьмы не могли вместить арестованных. Заводы, церкви и другие здания срочно приспособлялись под тюрьмы. На улицах городов и деревень военщина установила пулеметы; повсюду патрулировали солдаты и полицейские.

Общее число убитых составляло около 8 тыс. человек, раненых — почти 16 тыс., арестованных — 52 770 человек. Было сожжено 760 домов.

подавляющее большинство арестованных были приговорены к длительному тюремному заключению, многие — к смертной казни. Организаторы петиционной демонстрации, в их числе Сон Бёнхи и еще семь человек, были приговорены к трем годам каторжных работ. На суде эти самозванные представители нации держались трусливо, оправдывались, просили пощады, доказывая, что массовое движение возникло вопреки их воле. Подлинные же представители нации — рабочие, крестьяне, учащиеся и другие патриотические слои народа — и после разгрома восстания проявляли непоколебимое мужество. Со словами: «Тоннип мансе!» — шли на виселицу патриоты. Эти слова звучали в тюремных застенках, и каратели были не в силах их заглушить. Слава о стойкости героев разнеслась далеко за пределы Кореи. Волну горячей солидарности вызвала их мужественная борьба у советского народа, который вел в это время тяжелую войну против интервентов и белогвардейцев.

Как известно, в этой войне участвовали многие корейские трудящиеся, жившие на русском Дальнем Востоке. Активными действиями откликнулись они на события 1919 г. в Корее. Так называемый Всекорейский национальный совет¹⁴, созданный 25 февраля 1919 г. в Никольск-Уссурийске, опубликовал 17 марта Декларацию независимости, призывавшую к борьбе за изгнание японских империалистов из Кореи. В тот же день состоялась демонстрация. В донесении колчаковского управляющего Никольск-Уссурийским уездом управляющему Приморской областью от 20 марта 1919 г. говорилось: «Доношу, что 17 марта проживающими в г. Никольске (имеется в виду Никольск-Уссурийск. — Авт.) и его окрестностях корейцами в числе нескольких сот человек была устроена демонстрация-протест против угнетения японцами корейской нации и против поглощения корейского государства японским. Демонстрация сопровождалась разбрасыванием прокламаций на русском и корейском языках... Затем был проведен митинг, на котором присутствовало до 500 корейцев»¹⁵.

Массовая демонстрация корейцев состоялась 18 марта 1919 г. во

Владивостоке; в ней активно участвовали и русские рабочие. В других районах русского Дальнего Востока также происходили демонстрации и митинги. Эти выступления сливались с борьбой русских трудящихся против белогвардейцев и японских интервентов. В нее включились и некоторые участники мартовского восстания, которые, спасаясь от террора властей, переходили на русский Дальний Восток.

Нарастающему единству русских и корейских трудящихся противостояла коалиция русских белогвардейцев и японских милитаристов. Сообщая, что белогвардейские власти принимают решительные меры против агитации и волнений среди корейцев, проживающих в Приморской области, иностранная печать подчеркивала, что это — доказательство взаимной помощи колчаковского правительства и японцев и готовности японцев принимать меры против всех, обвиняемых адмиралом Колчаком в большевизме; колчаковское правительство, в свою очередь, принимало меры против корейцев, подозреваемых в бунтах¹⁶.

В Северо-Восточном Китае, где проживало в это время около 450 тыс. корейцев, также происходили митинги и демонстрации. В них участвовало, по официальным японским данным, около 600 тыс. человек. Корейские патриоты во главе с видным корейским революционером Хон Бомдо¹⁷ сформировали партизанский отряд, насчитывавший около 1500 человек; этот отряд вел активные действия против японских карателей.

Восстание народных масс Кореи поддержали и корейские трудящиеся, проживавшие в Японии. Борьба имела не только национально-освободительный, но и классовый характер. С 14 февраля по 9 ноября 1919 г. в Японии произошли 63 забастовки корейских рабочих. Последние участвовали и в стачечном движении японского пролетариата.

В движении 1919 г. стали пробиваться первые ростки интернациональной солидарности корейских и японских пролетариев. Так, японские рабочие участвовали в демонстрации металлургов Чиннампо 3 марта. Двое из них — руководители демонстрации — были арестованы. Японские пролетарии нередко поддерживали забастовки своих корейских братьев по классу. Но в целом японский пролетариат в тот период не смог оказать действенной помощи народу Кореи, восставшему против империалистического господства Японии, хотя и пытался это сделать.

Несмотря на кровавый террор японской военщины, выступления народных масс в той или иной форме продолжались в Корею в течение всего 1919 года. Общее число участников восстания превысило 2 млн.

Для каждого класса и социальной прослойки были характерны свои методы борьбы. Наиболее многообразными они были у рабочих. Главной формой их участия в движении стала политическая забастовка в сочетании с политической демонстрацией и вооруженными выступлениями. Крестьяне, нападая на японские полицейские и жандармские участки, волостные управления, здания колониальных обществ и усадьбы наиболее жестоких помещиков, уничтожая кабальные арендные документы, участвовали также в демонстрациях и в петиционной борьбе. Основной формой выступлений учащей молодежи, являвшейся весьма активной и динамичной силой движения, была политическая демонстрация, бойкот занятий. Многие из них выступали инициаторами митингов, распространяли среди населения прокламации и листовки, участвовали в вооруженных схватках.

Представители национальной буржуазии и значительная часть буржуазной интеллигенции участвовали в петиционной борьбе и пытались к ней свести все движение. Вместе с тем предприниматели, торговцы

применяли такие методы протеста против колониальных порядков, как закрытие магазинов, бойкот японских товаров, задержка внесения налогов и т. п. Учителя, врачи, адвокаты прекращали работу. Служащие государственных и частных японских компаний и организаций коллективно подавали в отставку. Разумеется, такое деление условно; разные формы борьбы у тех или иных социальных прослоек нередко переплетались.

Наиболее последовательным и решительным участником движения был молодой корейский пролетариат. В восстании участвовало около половины промышленных рабочих страны. Но дело не столько в числе участников, сколько в том влиянии, которое они оказывали на общий ход движения. Рабочие первыми перешли от петиционных форм движения к наступательным, активным действиям. В Сеуле, Инчхоне, Пусане они начали баррикадные бои. В первый же день мирных демонстраций они объявили забастовки, имевшие не только экономическую, но и отчетливую политическую направленность. Выступления рабочих проходили под лозунгами изгнания из страны японских колонизаторов, достижения национальной независимости и политических свобод. В ряде случаев забастовки перерастали в вооруженную борьбу. И после того как войска и полиция добились спада восстания, выступления рабочих продолжались.

В конце апреля забастовали работники пусанского городского транспорта; в мае — железнодорожники Южно-Маньчжурской железной дороги. Во второй половине июля бастовали сеульские трамвайщики, 1 августа — грузчики Пусана, 18 августа — печатники типографий «Никкан инсацу» и «Кэйдзё инсацу», а в начале октября — печатники типографий генерал-губернаторства, их поддержали работавшие там японские пролетарии. 13 октября бастовало около 400 рабочих завода Мицубиси в Сонниме, 14 октября — рабочие сеульской табачной фабрики и других предприятий Сеула и Пхеньяна.

25 и 28 июля бастующие рабочие и служащие провели в Сеуле митинги. Полиция их разогнала. 27 августа в разных районах корейской столицы распространялись листовки, призывавшие народ к выступлению. 29 августа в ряде городов и деревень Кореи население на конспиративных сходках отмечало как траурную дату день аннексии. Снова бастовали рабочие на ряде сеульских предприятий. Были закрыты многие мастерские и магазины. Снова власти объявили Сеул на военном положении. Отголоски мартовского восстания еще долго сотрясали страну.

Особенно стойко держались горняки. Рудники и шахты стали важнейшим центром забастовочного движения. Там произошла почти половина всех забастовок 1919 г.

В 1919 г. состоялись 104 крупные забастовки, в которых участвовало более 11 300 человек. Произошло немало и мелких стачек, не отраженных в статистике.

Движение рабочих, происходившее в условиях жесточайших репрессий, свидетельствовало о большой стойкости корейского пролетариата. Совместные выступления рабочих и крестьян в демонстрациях, в вооруженных стычках с полицией и солдатами, участие рабочих в антиимпериалистических и антифеодальных выступлениях крестьян, в частности в провинциях Южная и Северная Чолла, говорили о некотором росте связей рабочих с крестьянством, о повышении политической зрелости пролетариата. Но, разумеется, это были лишь самые первые ростки его политического влияния, первые шаги на пути превращения пролетариата в самостоятельную политическую силу.

А буржуазно-националистические деятели, пытавшиеся свести дви-

жение к чисто петиционным действиям и оказавшиеся после начала массового народного восстания в стороне от баррикад, принимали в это время меры к тому, чтобы использовать в своих целях результаты народной борьбы. В апреле 1919 г. они создали так называемое временное эмигрантское правительство: инициативная группа собрала в начале апреля 1919 г. на территории французской концессии в Шанхае всех корейцев, проживавших в Шанхае или случайно там оказавшихся. Это собрание назвали Корейским национальным конгрессом. Оно образовало «временный парламент». Тогда же было провозглашено создание «правительства». Его идеологом и главой стал Ли Сынман¹⁸.

Была принята конституция, провозглашавшая, что власть в «Тэхан Мингук» (Корейской республике) принадлежит народу, и декларировавшая его политические свободы. Но, как свидетельствовал сам текст этого документа, «народом» именовались лишь буржуазные слои. Так, в нем прямо указывалось, что конституция гарантирует в первую очередь охрану собственности и свободу предпринимательской деятельности. Свои надежды на достижение национальной независимости «временное правительство» с самого начала своей деятельностью связывало с покровительством и помощью США. Вместе с тем оно заигрывало и с японскими колонизаторами. В частности, в июне 1919 г. Ли Сынман обратился с письмом к императору Японии. В нем делалась попытка доказать законность «временного правительства» и выражалась надежда, что разногласия между Японией и Кореей могут быть объяснены и устранены.

Однако, характеризуя политический курс и деятельность «правительства», необходимо учитывать, что оно не было однородным. Определенное время под его влиянием находились и даже участвовали в его деятельности честные патриоты, те, кого можно отнести к категории добросовестно заблуждавшихся. Некоторые из них были обмануты широковещательными лозунгами «правительства», провозглашавшими борьбу за национальную независимость и прогресс нации. Да и само понятие — «национальное правительство» — действовало на патриотов магически. Постепенно убеждаясь в демагогическом, не подкрепленном делами характере лозунгов и программных положений «правительства», эти группы отходили от него или составляли в нем оппозицию.

Вместе с тем некоторые корейские революционеры участвовали в эмигрантском «правительстве», рассчитывая таким образом укрепить единство антиимпериалистических сил. Но такие планы были нереальны, ибо эта организация оказалась на крепкой привязи у империализма. Непрочное с самого начала, ориентирующееся преимущественно на реакционные внешние силы, не имеющее опоры внутри страны «правительство» вскоре стало расщепляться на множество групп различных направлений, начиная от террористов и кончая открытыми сторонниками соглашения с Японией.

Слабело влияние «правительства» и в среде мелкобуржуазной эмиграции. Ее наиболее дальновидные, прогрессивные деятели меняли свои представления о международном союзнике корейского освободительного движения, постепенно убеждаясь на опыте, что таким союзником являются не США, а государство рабочих и крестьян — Советская Россия.

Многочисленные группы и фракции, образовавшиеся внутри эмигрантского «правительства», ускоряли его распад. Ли Сынман стал хлопотать о передаче Кореи под мандатное управление США.

В июне 1921 г. в Пекине состоялся съезд 15 корейских эмигрантских организаций (большинство которых было создано после движения 1919 г.). Съезд принял решение считать шанхайское временное «прави-

тельство» самозванным и объявил его распущенным. Но оно продолжало свою деятельность, которая приобретала все более откровенный антинациональный характер¹⁹.

Причины поражения и уроки движения 1919 г.

Движение 1919 г.— яркая полоса в истории Кореи. Оно серьезно обогатило корейское освободительное движение опытом народных выступлений, поучительными историческими уроками, главный из которых заключался в необходимости революционного руководства. Вместе с тем оно стало зеркалом, отразившим позиции и возможности разных классовых сил.

Рабочий класс Кореи, являвшийся наиболее активной, последовательной и стойкой силой движения (особенно на стадии и после его перерастания в вооруженную борьбу), не смог это движение возглавить — он не имел марксистско-ленинского авангарда. Это сказалось во всех сферах борьбы, отрицательно влияя на ее целенаправленность, содержание, методы и формы и в конечном счете — на действенность борьбы. Отсутствие революционного руководства самым непосредственным образом отражалось и на борьбе крестьянства. В условиях колониальной, полуфеодальной Кореи крестьянский вопрос, несомненно, составлял сущность, основное социальное содержание событий 1919 г. Крестьянство, в своей подавляющей массе безземельное и малоземельное, выступало не только за освобождение страны от иноземного господства, но и за землю, за ослабление гнета и эксплуатации. Борьба за национальную независимость и ликвидацию феодальных пережитков представляла две органически слитые стороны движения.

В ряде мест крестьяне действовали решительно и наступательно, нападали на усадьбы помещиков и колониальных компаний, уничтожали кабальные арендные и земельные документы. Но все эти требования и действия были стихийными, на них толкал крестьянина его «инстинктивный, первобытный демократизм»²⁰.

Помещичье-буржуазное руководство Чхондогё настойчиво противодействовало антифеодальной направленности движения. В таких условиях крестьянство, которое активно включилось в общенациональный натиск на колонизаторов, оказалось не способным к длительным наступательным действиям. Так, если в марте произошло около 30 крупных восстаний в сельских районах страны (в которых участвовало от 5 тыс. до 50 тыс. человек), то в апреле — только 4. Лишенная руководства борьба крестьян, их наступательный, революционный порыв угасали. В этом наглядно проявлялись, с одной стороны, слабость рабочего класса, не имевшего своей партии, не созревшего еще в тот период для осуществления своей руководящей роли в освободительном движении, с другой — враждебность национальной буржуазии (тесно связанной с феодальным землевладением) исконным крестьянским требованиям.

Стихийность, неорганизованность — основная черта и одна из главных причин поражения восстания 1919 г.— сказались не только на участии в нем крестьян, но и на всем процессе его развития. Движение охватило всю страну, однако распространялось крайне неравномерно. В марте в нем участвовали более 1,5 млн. человек, в апреле — около 500 тыс. При этом почти все участники апрельских выступлений включились в борьбу уже после того, как в большинстве районов движение было подавлено. Иными словами, зарево восстания занималось в новом районе тогда, когда первоначальные очаги его уже были потушены. Все

это, разумеется, ослабляло силы восставших и облегчало японским карателям расправу.

Буржуазные историки, которые обычно сводят движение 1919 г. к первоапрельской демонстрации (к сожалению, порой и в некоторых марксистских работах о Корее оно так именуется), считают его образцом организованности, тщательной и четкой подготовки. Однако 1 марта было лишь своего рода предысторией восстания. Восстание же началось позднее, когда в ответ на террор и зверства, учиненные колонизаторами, народные массы перешли к активной антиимпериалистической борьбе, к вооруженным столкновениям с японской полицией и солдатами.

Эта борьба была стихийной, она не имела руководителя. Мартовское восстание было восстанием безоружного народа, которому противостояли оснащенные новейшей техникой крупные силы войск и полиции. Корея в это время была окружена японскими войсками. Внутри колонии также были сосредоточены большие военные и полицейско-жандармские силы.

Героическое выступление народа было подавлено. И тем не менее оно сыграло выдающуюся роль в истории Кореи. Являясь прямым и ярким откликом на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, одним из потоков того могучего международно-революционного процесса, который развернулся в мире после победы Октября, движение 1919 г. стало важным рубежом в развитии всего корейского освободительного движения, ускорителем роста его наиболее прогрессивных сил.

Это было воистину общенациональное антиимпериалистическое выступление, в котором участвовали почти все классовые слои корейского общества, кроме реакционных помещиков и небольших прояпонски настроенных групп крупных буржуа и чиновников. Массовость, широкий классовый состав участников, общенациональные лозунги движения — все это опровергает концепции буржуазных историков, пытающихся доказать, что оно сводилось лишь к выступлениям буржуазно-националистических групп, что основную массу его участников составляли учащиеся.

По приблизительным подсчетам, социальный состав участников восстания 1919 г. был следующим: рабочие — около 10%, крестьяне — 50—60, учащиеся и другие слои интеллигенции — около 20%; остальные — торговцы, предприниматели, ремесленники и пр. В демонстрациях первого (мирного) периода движения принимали участие и некоторые либерально настроенные помещики.

Репрессии были направлены в основном против непосредственных участников восстания, в первую очередь — трудящихся. Что же касается организаторов мирной демонстрации, представителей буржуазных кругов, то колониальные власти обошлись с ними весьма мягко. Это подтверждают следующие официальные данные о социальном составе заключенных в «Содэму» (в одной из сеульских тюрем), арестованных за участие в мартовском движении ²¹:

Социальное положение	Число арестованных
Крестьяне	1339
Рабочие	174
Торговцы и предприниматели	465
Учителя частных школ	68
Учащиеся государственных и частных школ	178
Служители культа (христианство, Чхондогё и др.)	58
Полицейские	2
Без определенных занятий	80
Всего	2364

Таким образом, почти 65% арестованных составляли крестьяне и рабочие, более 10% — учащиеся и педагоги, около 20% — торговцы и предприниматели (преимущественно мелкие). Показателен и возрастной состав заключенных: старше 60 лет — 68 человек; от 50 до 60 — 154; от 40 до 50 — 352; от 30 до 40 — 595; от 20 до 30 — 1775; от 18 до 20 — 251; остальные — моложе 18 лет²². Это общенациональное движение, свидетельствуя о революционной энергии и творческой инициативе корейского народа, о его самоотверженности и свободолюбии, вместе с тем помогало народным массам Кореи, их передовым деятелям искать правильные пути борьбы за независимость и свободу, ибо на практике проверило позиции, последовательность и стойкость разных классовых сил корейского общества. Кто из них способен до конца, непримиримо бороться за национальные интересы Кореи, за ее освобождение от колониального господства? Движение 1919 г. отвечало на этот вопрос. Оно обнажило непоследовательность буржуазно-националистических деятелей, их склонность к компромиссам, боязнь активных народных выступлений. Весь опыт этих выступлений учил, что самым упорным и последовательным борцом за общенациональные интересы и неразрывно связанный с ними социальный прогресс является рабочий класс, что именно он способен отстаивать до конца коренные интересы крестьянства, бороться за землю, за демократические свободы; что ему должны принадлежать роль гегемона в последующей борьбе и что для выполнения такой роли необходима революционная партия. Если в то время широкие народные массы не всегда осознавали, а лишь чутьем угадывали этот вывод, то для передовых представителей он становился руководством к действию. Многим патриотам он помог отойти от буржуазно-националистической верхушки движения, резко поправившей в дни востания и следвавшей заметные шаги к сближению с колонизаторами.

Оценивая позиции и действия этой верхушки, неправомерно отождествлять с нею всю национальную буржуазию. В корейском, как и в любом ином буржуазном национализме угнетенных наций, содержалось прогрессивное начало — протест против империалистического угнетения. Не все группы национальной буржуазии выступали носителями этого протеста, некоторые пошли на сделку с империализмом. Но не они определяли позиции всей национальной буржуазии. Как класс в целом, она являлась антиимпериалистической силой.

Движение 1919 г. помогало корейским патриотам увидеть, кто является последовательным защитником корейской независимости за пределами страны, надежным международным союзником национально-освободительного движения народов. На эту роль претендовали империалистические «миротворцы». Они обещали независимость и Корею. Но Парижская мирная конференция, отказавшись даже выслушать ее представителей, фактически молчаливо соглашалась с чинимым японскими империалистами кровавым террором. Такая позиция держав, помогая Японии подавлять движение корейского народа, помогала и ему обречься от иллюзий, от надежды получить независимость из рук империалистов²³. Представитель Кореи на II конгрессе Коминтерна рассказывал, как правое крыло движения ожидало, что В. Вильсон, «этот мнимый спаситель, освободит поработанные народы Востока». «Но мы знали, что империалисты Америки, Японии и Англии ни в коем случае не будут столь великодушны, чтобы отказаться от тех выгод, которые они получают от своих колоний. Поэтому мы поставили вопрос ребром: Париж или Москва? Наша историческая оценка оказалась совершенно правильной. На Версальской конференции корейская делегация не имела никакого успеха, и наше влияние в массах стало расти и теперь про-

должна расти»²⁴. Опыт движения 1919 г. помог народным массам Кореи осознать, что Советское государство — первый победивший отряд международного пролетариата — является опорой и надежным международным союзником корейского освободительного движения.

Это подтверждалось всем ходом событий, той горячей поддержкой, которую оказывала корейскому народу Страна Советов. Одним из выражений этой поддержки было обращение к нему Советского правительства (26 июля 1919 г.), высоко оценивавшее мужество корейских патриотов и отмечавшее, что корейские революционеры в России активно участвуют в борьбе против интервентов, вступают в ряды Красной Армии. Их борьба и освободительное движение в Корее рассматривались в обращении Советского правительства как звенья единой интернациональной задачи. Оно призывало корейский народ к единству действий с рабоче-крестьянским правительством России. «Только тогда, — гласило обращение, — соединенными усилиями мы сможем прогнать японцев из Владивостока и Страны Утреннего Спокойствия»²⁵. Уместно в связи с этим привести и выдержки из Обращения правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г. В нем говорилось, в частности: «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию, — пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»²⁶.

С большим вниманием следил за революционными событиями в Корее В. И. Ленин. Гневным обвинением японским карателям звучали его слова на собрании актива Московской организации РКП(б) в декабре 1920 г. «Мы получили корейскую газету, рассказывающую, что делают японцы. Здесь, — говорил В. И. Ленин, — соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством»²⁷.

В этом и в других своих выступлениях В. И. Ленин предвидел нарастание борьбы за Корею со стороны американского империализма, обострение японо-американских противоречий в целом.

«Если возьмете две империалистические страны: Японию и Америку, — говорил В. И. Ленин, — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею... Но этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы»²⁸. Еще в 1918 г. В. И. Ленин подчеркивал, что экономическое развитие Японии и США подготовило бездну горячего материала: «Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно»²⁹.

Ленинский анализ, его выступления, раскрывавшие истинные цели корейской политики США, ленинская внешняя политика Советского государства, его неутомимая борьба за независимость народов — все это убеждало прогрессивные круги Кореи, что союз с первым в мире государством рабочих и крестьян — одно из решающих условий достижения независимости Кореи.

«Реформы» 1919 г.

Свои уроки и выводы извлекли из восстания 1919 г. и империалисты Японии. Грозное общенациональное движение в колонии свидетельствовало, что методы управления ею необходимо видоизменить, а главное —

нужно расширить и упрочить там внутреннюю социальную опору колонизаторов.

20 августа 1919 г. японский император издал рескрипт, в котором заверял своих «возлюбленных подданных-корейцев», что неустанной заботой Японии является обеспечение их безопасности, благополучия, мира и довольства. Полагая, что «ныне наступил момент, когда требуются известные реформы», император повелел их осуществить. Рескрипт оповещал о начале «эры культурного управления».

Премьер-министр Японии Хара Такаси, развивая содержание рескрипта, заявил, что правительство намерено добиваться того, чтобы «в вопросах образования, промышленности и гражданской службы была окончательно стерта разница между Кореей и Японией. Больше того, правительство считает возможным установить в свое время в Корее, поскольку это позволят обстоятельства, административную систему, подобную японской». Снова в качестве успокоительного средства была использована теория близкого родства Кореи и Японии. Подчеркивалось, что Корея географически связана с основными островами Японии, что эти две нации тесно объединены друг с другом своей расовой принадлежностью, равно как нравами и обычаями. И поэтому-де нетерпимо разграничение, будь то политическое, социальное или другое, поскольку и те и другие являются «любящими подданными» одного и того же императора.

В августе того же года маршал Хасэгава Ёсимити был отозван с поста генерал-губернатора и вместо него назначен «либерал», бывший морской министр Японии адмирал Сайто Макото. Началась подготовка реформ. Правящие круги попытались даже создать видимость участия в ней корейской общественности. Они провели нечто вроде консультативного совещания с некоторыми «представителями корейской нации». Однако, опасаясь, как бы народ колонии не воспринял реформы как ослабление колониального режима, новый генерал-губернатор предупредил, что, если кто-либо окажется виновным «в недозволенно непокорных речах или действиях, в плохом влиянии на народные умы, в нарушении общественного спокойствия», ему придется отвечать «перед суровым правосудием».

В инструкции начальникам провинций Кореи новый генерал-губернатор подчеркивал, что общественное мнение в Корее все еще взбудоражено и что власти должны быть полностью готовы быстро подавить любое выступление. Началось строительство семи новых тюрем.

Основные задачи реформ изображались их авторами следующим образом: «Восстановление мира и порядка, уважение к общественному мнению, улучшение общих жизненных условий и содействие культуре и благосостоянию народа». Указами и постановлениями генерал-губернаторства Кореи, изданными с августа 1919 по июль 1920 г., провозглашались: предоставление корейцам одинаковых прав с японцами, свобода слова, собраний и печати, распространение образования и развитие промышленности; уважение корейской культуры и обычаев, дружественные отношения между корейцами и японцами; увеличение числа лечебных учреждений и др. Вместе с тем предусматривались некоторые изменения в области административного управления колонией, которые также преподносились корейскому народу как «реформы, улучшающие жизнь» (к ним были отнесены реорганизация полиции, децентрализация управления, «совершенствование местной администрации», «ускорение» государственного делопроизводства и т. п.).

Провозглашая «эру культурного управления» и проведение реформ, японские власти, разумеется, не собирались менять существо своей колониальной политики. «Основной политики генерал-губернатора является

культурное управление, но это нисколько не меняет главных принципов управления полуостровом», — указывалось в японском официальном издании «Сисэй нидзюго нэн си». Вместе с тем самый факт провозглашения реформ, частичного видоизменения методов господства в колонии, некоторой, хотя и крайне ограниченной, либерализации режима был результатом народного движения.

К чему на деле свелись реформы Сайто Маконо?

Наиболее существенным их результатом было некоторое расширение сферы деятельности корейской буржуазии и в результате — укрепление социальной опоры японского империализма в Корее. В 1920 г. власти отменили «Закон о компаниях», серьезно ограничивавший возможность создавать компании, торгово-промышленные общества, банки. Увеличилось число смешанных японо-корейских компаний. Так, если в 1919 г. объявленный капитал смешанных промышленных обществ составлял 17 870 тыс. иен, то в 1925 г. — 105 млн. иен, а в 1929 г. — более 211 млн. иен. В 1929 г. было уже 165 смешанных японо-корейских компаний. Хотя руководящая роль в них принадлежала японскому капиталу, некоторые корейские буржуа, в первую очередь наиболее крупные, получили от японских властей возможность расширить свою предпринимательскую деятельность, увеличить свои капиталы. Это способствовало не только экономическому сближению их с японскими империалистами, союзниками которых они постепенно становились. Корейский капитал получил широкий доступ в легкую промышленность и торговлю. Например, братья Ким Сонсу и Ким Ёнсу основали в октябре 1919 г. акционерную компанию «Кэйдзё босэки» и впоследствии сконцентрировали в своих руках значительную часть текстильной промышленности Кореи.

Уступки корейскому капиталу не ослабляли господствующего положения японских монополий, а были в конечном счете направлены на их упрочение. Следует напомнить, что после войны на дальневосточные рынки вернулись старые конкуренты Японии. Ее монопольное положение там было нарушено. В Японии наступила депрессия, сменившаяся на некоторое время оживлением, вслед за которым весной 1920 г. начался новый экономический кризис. В таких условиях японский империализм принял меры к тому, чтобы еще более усилить эксплуатацию японских трудящихся и народных масс своей колонии. Некоторые уступки, сделанные корейской буржуазии, не меняли и не ослабляли этого курса. В целом они коснулись наиболее крупных корейских предпринимателей. За десятилетие, прошедшее после реформ, капитал национальных объединений даже несколько сократился (если в 1920 г. каждая корейская компания располагала в среднем капиталом почти 200 тыс. иен, то в 1929 г. сумма оплаченного капитала, приходившегося на одну акционерную компанию, составляла немногим более 50 тыс. иен). В смешанных же японо-корейских обществах — соответственно 330 тыс. и 580 тыс. иен³⁰. Корейский капитал по-прежнему не был в состоянии выдержать экономическое давление японского.

Реформы коснулись и политической сферы. Была создана, например, система «местного самоуправления»; эту реформу японская пропаганда пыталась представить чуть ли не как уравнивание прав корейцев с японцами. Это означало, по официальным декларациям, что будут созданы провинциальные, муниципальные, волостные и школьные советы, которым отводились функции консультативных органов. На самом же деле эта система не внесла изменений в политическое положение Кореи.

С конца 1920 г. при губернаторах провинций были созданы в качестве консультативных органов провинциальные собрания, представителем которых являлся губернатор. Деятельность консультативных орга-

нов сводилась главным образом к обсуждению финансовых дел. По остальным вопросам собрания имели право лишь подавать прошение губернатору, а установленные цензы гарантировали преобладание в этих органах японцев, корейских помещиков и состоятельных буржуа. Марионеточной организацией являлся и Центральный совет, существовавший в качестве консультативного органа при генерал-губернаторстве. На его обсуждение выносились преимущественно вопросы борьбы с национально-освободительным движением. Допуск в эти органы представителей корейской буржуазии имел целью содействовать ее политическому сближению с колониальным режимом.

В качестве самой радикальной среди реформ преподносилось предоставление корейскому народу «политических свобод».

В соответствии с положением о «свободе печати» кроме официальной корейской газеты «Мэиль синбо» был разрешен выпуск нескольких газет. Наиболее крупные из них — «Чосон ильбо» (начала выходить 6 марта 1920 г.) и «Тона ильбо» (1 апреля 1920 г.), журналы «Кэбёк» (с середины 1920 г.); «Пхехо» (с 1921 г.), «Пэкчо» (с 1922 г.). Эти издания находились под неослабным полицейским надзором. Вместе с тем было увеличено число японских изданий. К концу 1919 г. в Корее выходило 60 различных японских газет и журналов, ежегодников и тому подобных публикаций, основным назначением которых была борьба с национально-освободительными идеями.

«Свобода организаций» свелась к созданию деловых, спортивных, научных, литературных обществ, главным образом прояпонского направления. Но поскольку стали появляться и патриотические организации, власти поспешили вопреки декларированным свободам обрушить против них репрессии. Этому помог изданный в Японии в апреле 1925 г. «Закон о поддержании общественного спокойствия», который японские власти распространили и на свои колонии.

Обещанные изменения в системе административного управления Кореей свелись к тому, что пост генерал-губернатора разрешалось занимать гражданским лицам, отделы генерал-губернаторства переименовывались в департаменты, а функции жандармерии передавались полиции. Все это в конечном счете служило целям упрочения японского господства³¹.

«Новый курс» японских империалистов сопровождался усилением их идеологической экспансии, борьбы против идей национальной независимости, против коммунистического влияния. Насаждались идеи космополитизма. Империалистическая пропаганда внушала, что национальная независимость и суверенитет — тяжелое бремя для народов, что оно не под силу корейцам. Усилилась пропаганда расизма, ассимиляторская деятельность. Корейцы называли «новый курс» колонизаторов политической «бархатной кошачьей лапой».

В 1923 г. на 45-й сессии японского парламента генерал-губернатор Сайто Макото напомнил, как под влиянием лозунгов самоопределения наций в Корее поднялось движение за независимость, он заверил парламент, что проведенные им реформы «успокоили народ»; с течением времени «он совершенно успокоится и с радостью будет принимать благодеяния императора». Оптимизм барона Сайто был лишен оснований. Реформы не «успокоили» корейский народ. Они получили одобрение лишь наиболее правых групп буржуазии. Вместе с тем при крайней ограниченности и декларативности реформ 1919 г. сам факт их проведения свидетельствовал о кризисных явлениях в колониальной политике японского империализма в Корее как составной части общего кризиса колониальной системы империализма.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ В КОРЕЕ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА. РАЗВИТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1920—1925)

Первые марксистско-ленинские кружки и коммунистические группы

После народного восстания 1919 г. в корейском национально-освободительном движении начинается новый этап. Его главная черта — распространение и рост влияния марксистско-ленинской идеологии и постепенное соединение социалистических идей с массовым движением. Появляются первые коммунистические организации, профессиональные объединения рабочих, крестьян, интеллигенции. Крепнут связи освободительных сил Кореи с мировым революционным движением.

Первостепенной, насущнейшей задачей корейской революции было достижение национальной независимости. Крестьяне, томившиеся в тисках феодальной и капиталистической эксплуатации, немногочисленный, жестоко эксплуатируемый рабочий класс неизменно, хотя еще и стихийно, связывали воедино с национальными и социальными задачами, стремились к избавлению не только от чужеземных, но и от отечественных угнетателей. В дни народного движения 1919 г. скрытыми причинами участия в нем крестьянства были антифеодальные требования. В общем потоке движения появились и рабочие лозунги. В процессе борьбы рождалась тогда еще неосознанная тяга к интернациональному единению, к сплочению сил, а также к союзу рабочих и крестьян, к совместным антиимпериалистическим действиям и с нетрудовыми слоями. Это были пока еще стихийные процессы, но они уже давали о себе знать.

Серьезными противоречиями характеризовались отношения с японским империализмом национальной буржуазии, сфера деятельности которой, несмотря на реформы «эры культурного управления», серьезно ограничивалась. Для нее, а особенно для мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции, острейшим возбудителем недовольства по-прежнему оставался национальный момент. Поражение народного выступления 1919 г. заставило их серьезно задуматься над многими сложными вопросами революционной практики.

В тот период для них уже было ясно, чего они не хотят, против чего нужно бороться. Позитивной же программы будущего они не имели, не знали и методов избавления от национального и социального гнета.

Поражение мартовского движения учило многому. Оно свидетельствовало о несостоятельности платформы и методов буржуазных националистов, об их неспособности вести решительную борьбу против колонизаторов. И хотя в сознании даже наиболее прогрессивно мыслящей части интеллигенции этот вывод формулировался тогда не столь определенно, его все настоятельнее выдвигала практика.

Уроки движения 1919 г. диктовали необходимость создания организации с позитивной программой действий, необходимость поисков международного союзника корейского освободительного движения. Ориента-

ция буржуазных националистов на США сопровождалась уже тогда немалыми разочарованиями (отказ допустить корейских делегатов на Парижскую мирную конференцию, сговор японских и американских империалистов в подавлении восстания 1919 г. и т. д.). Вместе с тем события, происходившие в Советской России, воплощение в жизнь идей Октябрьской революции, ее национальной программы, Декрета о земле, героическая борьба народов Советской страны против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции — все это вызывало острый интерес корейской прогрессивной общественности. Он усугублялся тем, что вместе с другими национальными меньшинствами обрели свободу, права, избавились от угнетения и трудящиеся-корейцы, жившие в России, многие из которых с оружием в руках защищали ставшую для них родной власть Советов. Этот интерес неизбежно обращался и к той теории, под знаменем которой победила Октябрьская революция и строилось новое общество.

В стихийную тягу прогрессивных людей Кореи к изучению марксистско-ленинской теории, к союзу со страной, где эта теория претворяется в жизнь, постепенно вносилось сознательное, целенаправленное начало. В огромной мере этому способствовало создание в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала.

На международной конференции, на которой был основан Коминтерн, наряду с представителями стран Европы и Америки присутствовали китайские, корейские, турецкие революционеры, посланцы трудящихся других стран Востока. Впервые в истории международного рабочего движения деятельность его штаба вышла за пределы Европы и Америки, распространилась на Азию и Африку. Создание Коминтерна, ставшее важной вехой в укреплении связей пролетарского и национально-освободительного движения в международном масштабе, серьезно помогало становлению и упрочению единства революционных сил в разных странах, слиянию различных потоков их освободительной борьбы, выработке программы этой борьбы, донесению до широких народных масс марксистско-ленинского учения. Все это нашло свое проявление и в развитии корейского революционного процесса.

Важную роль в этом развитии, в частности в распространении в Корее марксизма-ленинизма, играло содействие советских коммунистов. В 1920 г. при ЦК РКП(б) была создана корейская секция и такие же секции при Дальневосточном бюро ЦК РКП(б).

В начале 1920 г. были переведены на корейский язык «Коммунистический манифест», «Устав и программа РКП(б)», издавались и переправлялись в Корею произведения основоположников марксизма-ленинизма, документы, пропагандистская литература. Среди брошюр, разъяснявших учение Маркса — Ленина, можно назвать: «К. Маркс и материалистическое мировоззрение», «О социализме», «В. И. Ленин», «Учение К. Маркса», «О рабочих профсоюзах», «О земельном вопросе» и другие.

До 1929 г. из СССР в Корею поступало более или менее регулярно 38 названий газет и журналов: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Тихоокеанская правда» (Хабаровск), «Красное знамя» (Владивосток), «Большевик», «Коммунистический Интернационал», «Под знаменем марксизма» и др. Немало корейцев, в частности из среды интеллигенции, знали русский язык и могли читать эти издания. В Корею проникало много периодики на корейском языке: «Мунхва» («Культура»), «Асиа чоксик хэгун тхонбо» («Азиатский вестник красных моряков»), «Чончихак токпон» («Книга для политического чтения»), «Нонон синбо» («Рабоче-крестьянский вестник»), «Тона консан синмун» («Восточно-азиатская коммунистическая газета»), «Нодонджа» («Рабо-

чий»), «Сонбондэ» («Авангард») «Пульгын пёль» («Красная звезда») и др.

«В нашей стране распространение марксизма-ленинизма происходило главным образом через Советский Союз,— отмечается в „Чосон нодондан тхуджэнса“,— корейские граждане, проживающие на Советском Дальнем Востоке, воодушевленные Октябрьской революцией, принимали активное участие в защите только что рожденного Советского государства от иностранных интервентов и белогвардейцев. Через них шло распространение в Корею советских газет, журналов и других печатных изданий, в том числе издаваемых на корейском языке. Эти советские печатные издания сыграли огромную роль в распространении марксизма-ленинизма в Корею»¹.

Марксистскую литературу, брошюры, популяризовавшие марксизм, пересылали в страну и корейские революционеры, проживавшие в Китае и Японии. Пропаганду марксистско-ленинского учения вели журналы «Синсэньхваль» («Новая жизнь»), «Чосон джигван» («Свет Кореи»), а также издававшиеся социалистическими кружками корейских студентов в Токио журналы «Апхыро» («Вперед») и «Минджунбо» («Вестник масс»).

Реформы 1919 г., несмотря на их верхушечный и декларативный характер, временно ослабили полицейские репрессии в Корею.

В 20-х годах в промышленных районах страны стали создаваться марксистско-ленинские кружки (отдельные кружки по изучению революционной теории существовали и ранее). Они стали своего рода центрами внутри страны, откуда революционная теория постепенно прокладывала путь к массам.

Их участники вспоминают, что собирались нелегально небольшими группами и читали марксистскую литературу. Ядро кружков составляли мелкобуржуазные интеллигенты. Были там и передовые рабочие. Наиболее жизнедеятельными оказались кружки и коммунистические группы, созданные в промышленных центрах страны — Сеуле, Пхеньяне, Инчхоне, Вонсане, Пусане, Тэгу и в приграничных с Россией районах. Отмечая, что ленинское учение полностью отразило назревшие потребности развития человеческого общества, интересы, чаяния и стремления эксплуатируемых и угнетенных народных масс, указало поработенным народам победоносный, единственно правильный путь освободительной борьбы, генеральный секретарь ЦК ТПК Ким Ир Сен писал: «Решающее влияние на освободительную борьбу нашего народа оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Ее победа способствовала быстрому проникновению и распространению в нашей стране великих революционных идей марксизма-ленинизма.

Многие корейские патриоты уже в то время стали изучать труды Ленина. Ленинские указания служили для них вдохновляющей силой и путеводной звездой в справедливой борьбе за освобождение своего народа»². Ким Ир Сен отмечал, что через созданные в промышленных центрах страны нелегальные кружки марксистско-ленинское учение проникало в широкие массы рабочих и крестьян и, преодолевая влияние мелкобуржуазных националистических теорий, постепенно становилось идейной основой этой борьбы. Некоторые кружки имели временный характер и непостоянный состав. В кружках изучалась биография В. И. Ленина, изданная в Токио, а также многие ленинские труды: «Шаг вперед, два шага назад», «Что делать?» и др.

С особым интересом кружковцы изучали марксистско-ленинское учение по национальному вопросу, национальную программу большевистской партии, существо которых — полное равноправие наций и право

их самоопределения. Произведение В. И. Ленина «Что делать?» помогло им разобраться в самых неотложных проблемах корейского революционного процесса, в путях его дальнейшего развития, давало ответы на многие выдвигаемые жизнью вопросы.

Важнейшим из них был вопрос о партии, создание которой становилось настоятельной задачей.

Применяя ленинские теоретические положения к условиям развития корейского национально-освободительного и зарождающегося рабочего движения, которое в то время не имело своего авангарда, наиболее дальновидные деятели этого движения понимали, что его главная задача — создание революционной партии. Но это была задача крайне сложная в условиях Кореи — страны крестьянской, со слабым и малочисленным рабочим классом, где классовая дифференциация оставалась еще весьма нечеткой. Революционная теория, учение Ленина нередко преломлялись там сквозь призму мелкобуржуазных воззрений.

Марксистско-ленинские кружки были призваны содействовать идейно-теоретической подготовке будущих членов партии, но они были слабы, не всегда могли правильно разобраться в вопросах теории. Немалый идейный ущерб их деятельности наносили буржуазные издания, публиковавшие (часто в извращенном виде) материалы, связанные с марксистско-ленинским учением.

И тем не менее возможность легального издания корейских газет и журналов имела в целом положительное значение и являлась одним из завоеваний массового народного движения.

После восстания 1919 г. в Корее начало выходить несколько ежедневных газет на корейском языке и среди них — упомянутые ранее «Тона ильбо» и «Чосон ильбо». Несмотря на некоторые различия в политике и в ориентации, эти газеты являлись рупором корейского буржуазного национализма, отражая свойственную ему непоследовательность и двойственность. Их издателями были корейские капиталисты, редакторами — буржуазные и мелкобуржуазные интеллигенты. Наиболее активную роль в политической жизни играла «Тона ильбо».

Среди журналов, издававшихся на корейском языке в 20-х годах, следует назвать «Кэбёк» («Сотворение мира»), «Кемён» («Утренняя звезда»), «Пэкчо» («Белый прилив») и др. Периодика, как и все другие издания, находилась под строжайшей японской цензурой. Газеты и журналы патриотической направленности подвергались репрессиям властей: длительный запрет на издание (на 4—5 и более месяцев), конфискация вышедших номеров, аресты и другие виды наказаний редакторов и журналистов, штрафы. И все же на страницах этих буржуазных изданий появлялось немало материалов об Октябрьской революции, о В. И. Ленине, о событиях в Советской России. Было бы упрощением полагать, что буржуазные деятели, которые стояли во главе газет и журналов, печатавших такие статьи, делали это с одной лишь целью — откликнуться на запросы читательских масс и вместе с тем освещать события со своих буржуазных позиций. Налицо были несомненный и острый интерес самих буржуазных патриотически настроенных групп к идеям и личности В. И. Ленина, поиск ответа на вопрос — какими путями добиваться независимости, искреннее восхищение подвигом советских людей во главе с партией Ленина.

Среди материалов буржуазно-националистической печати Кореи 20-х годов особенно интересна статья «Кто такой Николай Ленин», публиковавшаяся в 52 номерах (июнь — август 1921 г.) газеты «Тона ильбо». Связывая с именем В. И. Ленина начало новой эры всемирной истории, газета писала, что корейцы, живущие в век преобразования

мира, должны знать содержание и судьбы ленинского учения. Разумеется, рассказать о них читателям буржуазная газета не смогла. Но всем своим содержанием статья в «Тона ильбо» свидетельствовала об огромной популярности В. И. Ленина в разных слоях населения, о глубоким интересе к его учению. Десятки миллионов людей поддерживают Ленина, говорилось в статье, столько же его отрицают; угнетенные трудящиеся любят Ленина, остальные относятся к нему со жгучей ненавистью. Во всем этом сказывается его величие. Много места в статье было уделено биографии Ленина, его жизни в ссылке, в эмиграции, его деятельности по созданию и укреплению партии, борьбе против врагов партии. Подробно рассказано о роли Ленина как вождя Октябрьской революции, называемой «великим обновлением», как создателя и руководителя Советского государства.

Высоко оценивалась борьба Ленина за мир: его заслуга не только в свершении, но и в спасении революции. Статья особо выделяла Декрет о земле; в целом же внутреннюю политику правительства России она характеризовала как борьбу против капитализма, внешнюю — как борьбу за абсолютный мир.

Отмечая простоту и гениальность, прозорливость и скромность Ленина, авторы статьи писали, что он — подлинный отец народа, который живет, мыслит, болеет интересами народа; он с неприязнью относится к людям, опьяненным революционной фразеологией.

Российская история создала Ленина, Ленин создает новую Россию. Ленинские лозунги «кто не работает, тот не ест, тот не пользуется общественными правами», идеи Ленина об уничтожении общественного неравенства, угнетения, эксплуатации, произвола открыли новую эру истории. Таков вводный и заключительный тезисы статьи.

На базе этой статьи в 1922 г. в Корею вышла книга «История русской революции и Ленин» (с портретом Владимира Ильича).

В той же газете 21 января 1926 г. в статье, посвященной второй годовщине со дня смерти Ленина, было написано: «Хотя Ленин умер, но бессмертные в веках его идеи с каждым днем все новее и блистательнее предстают перед человечеством... Ленин был не только великим мыслителем, но и великим человеком, который для миллионов масс пролетариев был отцом, братом, другом, наставником и учителем, а также светочем надежды для малых угнетенных народов всего мира». Статья называла Ленина великим разрушителем старого мира и создателем нового, строительство которого рабочие и крестьяне продолжают и после смерти Ленина.

На страницах легальных корейских газет в первые годы «эры культурного управления» появлялись и другие статьи, прямо говорившие, часто с восхищением и тревогой одновременно, о неодолимом влиянии на массы идей коммунизма. «В мире сейчас существует ряд идеологических течений, между которыми имеются тысячи различий, — писала в ноябре 1922 г. „Тона ильбо“ в статье „Красные идеи завоевывают мир“, — ... но из всех этих многочисленных течений, по утверждению многих компетентных лиц, наиболее влиятельным является коммунистическое, социалистическое течение, рожденное русской революцией... Идеи большевизма, с каждым днем завоевывающие мир, вызовут пожар на противоположном берегу».

В «Тона ильбо» с начала 20-х годов была введена специальная информационная рубрика «О Российском государстве». В Москве газета имела своего специального корреспондента — Ли Гванъёна.

Разумеется, эти публикации воспринимались корейскими народными массами с большим интересом и жадностью. Но помешавшиеся в

буржуазных изданиях материалы о марксистско-ленинской теории, о делах Советского государства были очень противоречивы, во многом искажали революционное учение, содержали часто клеветнические измышления о Стране Советов, ее политике и деятельности. Все это, естественно, наносило серьезный ущерб распространению и пониманию идей научного коммунизма. Если такие издания, хотя и с ограничениями, навязываемыми цензурой, все же доходили до масс, то революционные публикации, нелегальные марксистские издания встречали самые ярые репрессии властей. Даже в период известной либерализации режима (после движения 1919 г.) японские власти конфисковали в Корее 50 наименований разных марксистских публикаций, нелегально распространявшихся в стране.

К авторам статей, популяризовавших революционный марксизм, к издателям и распространителям марксистской литературы применялись самые жестокие методы расправы. И все же, несмотря на многочисленные трудности и преграды, идеи научного коммунизма пробивали шаг за шагом дорогу к массам. Огромное содействие этому оказывали Коминтерн и его верный отряд — коммунисты Страны Советов. Одним из важнейших политических результатов их содействия было постепенное формирование кадров корейских революционеров, владеющих марксистско-ленинской теорией и искусством ее применения к конкретным условиям страны. Определенную помощь распространению в Корее учения марксизма-ленинизма оказывали и коммунисты Японии. Но в целом этот процесс оставался чрезвычайно сложным, причиной чему были слабость рабочего класса колониальной крестьянской Кореи, сильное влияние буржуазно-националистических идей в ее освободительном движении, тяжелые условия деятельности революционных сил, против которых было направлено острое полицейских репрессий. Все это дало себя знать и при создании корейских коммунистических организаций, и в их деятельности.

Оценивая коммунистическое движение в Корее, необходимо помнить очень важное замечание В. И. Ленина, высказанное им в работе «Разногласия в европейском рабочем движении»: «Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные... лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности»³.

Применительно к корейской действительности следует учитывать не только слабое развитие крупной промышленности, но и колониальную зависимость, в условиях которой буржуазно-националистическая струя возобладала над классовыми требованиями революционных сил.

Одна из особенностей развития корейского коммунистического движения заключается в том, что первые организации коммунистов появились за пределами страны. В 1918 г. в России был организован Союз корейских социалистов. Активным деятелем этой организации был Ли Донхви, по инициативе которого в апреле 1919 г. во Владивостоке был созван съезд корейских социалистов (на нем были представлены две организации: Союз корейских социалистов и Союз новых граждан). Образованная на съезде Социалистическая партия заявила о своем присоединении к Коминтерну. Но это была не партия, а кружок, объединявший главным образом мелкобуржуазных интеллигентов, довольно слабо связанных с Кореей, недостаточно теоретически зрелых, склонных

к левачеству и сектантству. Так, один из видных деятелей этой партии и корейского коммунистического движения, Пак Чинсун (Пак Дин Шунь), писал, что Корейская социалистическая партия окончательно порвала с отечественной буржуазией и дворянством, стала на платформу классовой борьбы и провозгласила лозунг «Свободной Корейской Республики». Корейские социалисты не смогли правильно оценить тогдашний этап национально-освободительного движения, тактические задачи корейской революции, ее движущие силы.

Под влиянием ленинского учения, Коминтерна, активной деятельности советских коммунистов среди иностранных революционеров многие корейские социалисты пересматривали свои позиции. В качестве примера можно назвать Пак Чинсуна. В 1919 г. он выступал против поддержки национально-революционных сил социалистами и коммунистами, но впоследствии отказался от подобных взглядов. И хотя многие его положения все еще оставались ошибочными (он считал, что революция на Западе невозможна без победы освободительного движения на Востоке; исходил из того, что гегемоном революции на первом этапе должна стать либеральная буржуазия), он постепенно преодолевал эти ошибки. Пак Чинсун подчеркивал в своих работах роль помощи рабочего класса Запада национально-освободительному движению народов Востока, их некапиталистическому развитию.

В мае 1920 г. группа революционеров во главе с Ли Донхви образовала в Шанхае, куда она переехала, Коммунистическую партию Кореи. Кроме Ли Донхви видную роль в ее создании и деятельности играли Кон Хандок, ранее долгое время живший в России, и Ё Унхён, известность которого возросла в связи с тем, что он перевел на корейский язык «Коммунистический манифест». Но и шанхайская организация не являлась партией в подлинном смысле этого слова, не выходила за рамки кружковой деятельности. Вместе с тем, так же как и владивостокская организация, она пропагандировала в массах марксистско-ленинские идеи.

В мае 1921 г. в Иркутске на базе корейских коммунистических организаций, действовавших в Сибири и на Дальнем Востоке⁴, также была создана Коммунистическая партия Кореи. Наряду с мелкобуржуазной интеллигенцией, составлявшей ее большинство, в ней были и крестьяне. Численно она превышала шанхайскую (свыше 1 тыс. членов и несколько тысяч сочувствующих), теоретически была более зрелой. И хотя это тоже была еще не партия, но, действуя в Советской России, испытывая непосредственное влияние русских большевиков, иркутская коммунистическая группа смогла развернуть широкую пропагандистскую работу, разъясняя корейским массам идеи научного коммунизма, интернациональной солидарности с Советской Россией. В числе руководящих деятелей этой организации были Нам Манчхун, Хан Мёнсе, Ан Бёнчхан, Ким Чхорхун, Ким Хасок и др. Многие деятели иркутской группы внесли существенный вклад в установление союза корейского освободительного движения с победившим пролетариатом России, в пропаганду революционной теории и базирующегося на ней советского опыта.

Заметно активизировалась в начале 20-х годов коммунистическая деятельность и в среде корейской эмиграции в Японии, куда приезжали представители шанхайской группы. Пропаганда коммунистических идей велась главным образом среди студентов, обучавшихся в Токио.

Для первых коммунистических групп, особенно для шанхайской, тесно связанной с эмигрантским буржуазным временным «правительством», были характерны серьезные теоретические ошибки. Так, в оценке задач и перспектив корейской революции деятели группы исходили из того, что ее гегемоном на первом этапе должна быть либеральная буржуазия

вместе с националистической интеллигенцией. Их точка зрения была высказана делегатом шанхайской группы на II конгрессе Коминтерна. Ей предшествовали заблуждения левацкого характера, курс на непосредственно социалистическую революцию. Теоретические ошибки, в частности болезнь «левизны», постепенно изживались, в чем огромную роль играли труд В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и его выступления на II конгрессе Коминтерна, II Всероссийском съезде народов Востока, VIII съезде Российской Коммунистической партии (большевиков), а также решения Коммунистического Интернационала, помогавшие корейским (как и всем другим) коммунистам выработать правильный курс и программу действий. Это происходило не сразу и не просто. Оторванность групп от страны, недостаточная зрелость их кадров вели часто к тому, что они не могли трезво и объективно оценить обстановку в Корее, определить очередные задачи революционной борьбы; все это накладывало печать догматизма на многие воззрения руководителей корейских коммунистических групп. Наличие нескольких центров коммунистического движения, особенно иркутской организации, с одной стороны, серьезно расширяло возможность распространения революционных идей среди корейских масс, облегчая задачу создания коммунистической партии внутри страны. Но, с другой стороны, между группами могла возникнуть борьба за право лидировать. Такая опасность усугублялась преимущественно мелкобуржуазным составом групп, отсутствием твердой дисциплины. Действительно, между шанхайской и иркутской «партиями» развернулась борьба за монопольное право представлять корейское коммунистическое движение.

Исполком Коминтерна приложил немало сил, чтобы прекратить борьбу. В частности, специальная комиссия в составе О. Куусинена, Бела Куна и Г. И. Сафарова предложила объединить обе группы, создав до созыва объединительного съезда Временный ЦК с представителями от обеих групп. Однако борьба продолжалась и внутри ЦК.

В октябре 1922 г. в Верхнеудинске состоялся объединительный съезд, на котором присутствовало более 130 делегатов. Съезд получил приветственную телеграмму от Исполкома Коминтерна. Выступивший на съезде секретарь Прибайкальского обкома РКП(б) П. П. Постышев призвал корейских коммунистов к единству: «Мы, русские коммунисты, сразили наших противников тем, что мы были едины, тогда как наши враги находились в раздоре между собой». Он призвал делегатов работать, отбросив в сторону фракционные распри. Но многие из них не прислушались к этим советам.

Наибольшую роль должны были сыграть коммунистические группы, созданные непосредственно в Корее. Будучи малочисленными, они состояли преимущественно из мелкобуржуазных интеллигентов, рабочих там почти не было.

Бряд ли можно было в то время провести разграничительную линию между коммунистическими группами и кружками по изучению марксизма-ленинизма. И те и другие занимались главным образом пропагандистской деятельностью. Но вместе с тем коммунистические группы пытались определять и программу непосредственных действий, применять в какой-то мере революционную теорию к корейской действительности. Крайне сложная обстановка, в которой приходилось работать коммунистам, мелкобуржуазный состав групп и недостаточная зрелость и закалка руководителей отражались как на характере их деятельности, так и на политических позициях и теоретических воззрениях. Коммунистические организации, действовавшие в стране, равно как и организации, созданные за ее пределами, допускали в эти годы теоретические и практические

ошибки. Тяжкой их болезнью стал фракционизм. Между группами развернулась борьба за право представлять корейское коммунистическое движение в целом⁵.

При всех трудностях развития корейского коммунистического движения и многих его крупных просчетах, в частности на стадии становления, оно накапливало и существенный положительный опыт. Устанавливались и крепились интернациональные связи корейских коммунистов с мировым революционным движением. Так, делегаты Кореи участвовали в работе конгрессов Коминтерна. На II конгрессе Коминтерна (июль 1920 г.) корейский представитель входил в комиссию по национальному и колониальному вопросам, которой руководил В. И. Ленин. В числе других членов комиссии корейский представитель выступил с докладом.

II конгресс Коминтерна, ознаменованный победой ленинизма над сектантскими элементами в национально-колониальном вопросе, определивший роль интернационального союза национально-освободительного движения с борьбой международного пролетариата, имел огромное значение для деятельности революционных сил Кореи.

Делегат корейских коммунистов участвовал и в работе III конгресса Коминтерна (22 июня — 12 июля 1921 г.). В своем выступлении он говорил, что Корея, находившаяся долгое время в вассальной зависимости от экономически отсталого Китая, раздираемая внутренними междоусобицами, не могла развивать свои производительные силы и находилась в состоянии застоя. После того как японский империализм лишил Корею самостоятельности и превратил ее в свою колонию, она стала объектом эксплуатации хищного японского империализма, еще более ухудшились экономические и социальные условия жизни населения.

Посланцы корейских коммунистов активно участвовали в работе последующих конгрессов Коминтерна и в работе других международных коммунистических форумов.

На съезде народов Дальнего Востока в 1921 г. корейская делегация была самой значительной и насчитывала 54 человека (15 ее членов прибыли из Кореи).

Неоценимое значение имели для корейских революционеров непосредственные встречи и беседы с В. И. Лениным. Об одной из них, состоявшейся в ноябре 1921 г., сохранились воспоминания ее участника — А. А. Кима (он был тогда секретарем корейской делегации, прибывшей в Москву в Исполком Коминтерна).

«Мы твердо решили, — пишет А. А. Ким, — прежде чем покинуть Москву, встретиться с любимым нашим вождем — Владимиром Ильичем.

Это удалось. На запрос по телефону нам вскоре ответили, что Ленин будет очень рад встретиться с корейским революционером Ли Донхы (Ли Донхви. — *Авт.*) — председателем нашей делегации. Свидание было назначено на 5 часов вечера... Мы вошли в большую комнату. Оттуда нас ввели в приемную — знаменитый кабинет Ленина... Но вот открылась дверь... Показалась дорогая, знакомая фигура Владимира Ильича. Мы сорвались со своих мест и, словно во сне, пожимали протянутые руки вождя. (В. И. Ленин очень тепло поздоровался со всеми членами делегации, по восточному обычаю пожимая каждому руку обеими руками.) Голосом, полным теплоты, Владимир Ильич произнес: „Очень рад увидеться с корейскими коммунистами“. Затем, опустившись в плетеное кресло, он пригласил нас сесть напротив себя... Боясь потерять драгоценное время (нам дали 30 минут), мы сейчас же начали беседу. Говорил на корейском языке Ли Донхы. Прежде всего он заявил, что мы пришли к Владимиру Ильичу как его ученики, поэтому будем весьма откровенны с ним. Владимиру Ильичу, очевидно, понравилось наше заявление. Он с

улыбкой сказал, что с удовольствием примет наше предложение говорить откровенно. Затем со свойственной ему прямоотой и скромностью заявил нам, что он „ничего не знает о дальневосточных делах“. Владимир Ильич просил подробно информировать его о положении в Корее и в соседних странах. Мы, как могли, сжато обрисовали экономическое и политическое состояние нашей страны. Наша информация временами прерывалась неожиданными вопросами Владимира Ильича. В процессе беседы создались самые непринужденные, самые теплые взаимоотношения с Владимиром Ильичем. Ленин с большим вниманием слушал о колониаторской политике, которую самым хищническим образом проводила Япония в Корее.

Раскрыв лежащий на столе атлас, мы показывали Владимиру Ильичу расположение и протяженность железных дорог в Корее. Рассказали ему о постройке трамваев, открытии фабрик и заводов японскими империалистами.

Ленин произнес весьма пророческие слова о роли железнодорожников и трамвайных рабочих в предстоящих революционных событиях. Он назвал их авангардом масс, выступающих на борьбу против империализма на Востоке...

Владимир Ильич интересовался организацией подпольных коммунистических кружков и групп. Внимательно выслушал наш рассказ о причинах мартовского поражения в Корее.

Ленин подробно расспрашивал Ли Донхы об условиях борьбы корейских революционеров. Владимир Ильич сказал: „Мы жили в культурных центрах, в то время как вам, преследуемым империалистами, приходится скитаться по сопкам и лесам. Для вас надо организовать международную помощь“»⁶.

Такая помощь была организована в самых широких масштабах. Одной из важнейших сфер, куда она направлялась, было формирование идейно зрелых, марксистски образованных кадров. Многие корейские революционеры учились в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока и в других учебных заведениях. Великую школу революционной борьбы проходили под руководством русских большевиков проживавшие в России борцы корейского освободительного движения. Во всех областях этого движения проявлялись плодотворные результаты союза корейских революционеров с первой в мире правящей партией коммунистов.

Победа советского народа в войне против интервентов и белогвардейцев, успехи социалистического преобразования общества в Стране Советов вдохновляли коммунистов Кореи, усиливали в массах притягательную силу идеалов коммунизма, принципов интернационального союза с Советским государством, с международным рабочим классом.

Складывались непосредственные связи корейских коммунистов с революционными силами Китая, где под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции ширилось освободительное движение. Многие корейские революционеры обучались в политических и военных учебных заведениях Китая, в частности в Хуанпу. В работе этой школы участвовали и советские советники, оказывая непосредственное содействие формированию революционных кадров Китая, Кореи и других стран.

Большую роль в оказании помощи корейским революционным силам были призваны сыграть коммунисты Японии. В Программе Коминтерна подчеркивалось, что в странах империализма коммунистические партии должны систематически помогать колониальным освободительно-революционным движениям и движениям угнетенных национальностей вообще: «Эта обязанность оказывать им самую активную помощь ложится в пер-

вую голову на рабочих той страны, от которой угнетенная нация зависит в финансово-экономическом или политическом отношениях. Со стороны коммунистических партий необходимо открытое признание права колоний на отделение и пропаганда этого отделения, т. е. пропаганда независимости колоний от империалистического государства, признание их права на вооруженную защиту от империализма (т. е. на восстание и революционную войну), проповедь и активная поддержка этой защиты всеми возможными средствами»⁷.

Коммунисты Японии прилагали немало усилий к тому, чтобы претворять в жизнь поставленные программой Коминтерна задачи.

«Если вам действительно дорога Япония, вы должны освободить народы Кореи и Тайваня, установить дружественные отношения с китайским народом»,— обратился к японским рабочим Катаяма Сэн. Вспоминая о своей беседе с В. И. Лениным во время I съезда революционных организаций Дальнего Востока, он отметил, что Ленин подчеркивал необходимость объединить революционные силы: «Вы защищаете единый фронт в дальневосточных странах». «Должно быть,— пишет Катаяма,— Ленин читал мою статью, где я утверждал, что корейские и японские рабочие должны образовать единый фронт против японского империализма, который одинаково угнетает и эксплуатирует рабочих обеих стран»⁸. Катаяма неоднократно подчеркивал, что «крушение японского империализма принесет пользу не только корейцам и китайцам, но и японскому пролетариату»⁹.

Коммунисты Японии, выступая за независимость Кореи и поддерживая борьбу ее народа, понимали значение этой борьбы и для революционных сил всего Дальнего Востока. «Корея — японская Ирландия — распята, причем к кресту пригвоздили ее японские империалисты, которым помогают корейские помещики, предатели и шпионы»,— говорил на III Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала делегат японской компартии Йосикара Таро. «Всякая попытка корейских рабочих и крестьян добиться хоть подобия свободы безжалостно подавляется японскими военными палачами. Тем не менее в Корее происходят довольно сильное движение против японского империализма и борьба за национальную независимость. И хотя движение это имеет само по себе националистический характер, мы все, в особенности коммунисты, должны его приветствовать, так как достижение национальной независимости в Корее сильно ослабит японский империализм и поведет к усилению революционного движения на всем Дальнем Востоке и, в особенности, в Корее и Японии»¹⁰.

Вскоре после своего создания (1922) Коммунистическая партия Японии выдвинула призыв к японским рабочим — «Объединяйтесь с рабочими Кореи!».

Что же касается практической деятельности, то содействие японских коммунистов корейским было крайне осложнено как обстановкой террора, так и внутренними условиями, сложившимися в самой Коммунистической партии Японии. Ей пришлось вести борьбу против анархо-синдикализма и парламентских иллюзий, против сектантства и фракционности в своих рядах. Наряду с положительным опытом из КПЯ в корейские коммунистические группы проникали и мелкобуржуазные веяния.

Создание организаций трудящихся

Первые организации трудящихся в Корее создавались в сложной внутренней обстановке. Движение 1919 г. усилило тягу масс к созданию своих объединений. Под влиянием его уроков и революционных идей они

начинали осознавать, что для успешной борьбы им нужна организация.

В апреле 1920 г. была создана первая в Корее общенациональная пролетарская организация Чосон нодон конджехве (Корейское общество рабочей взаимопомощи). Его основали рабочий Чха Ёымбон и интеллигент Пак Чунхва. Оно имело 15 филиалов в таких крупных городах, как Пхеньян, Инчхон, Тэгу, Кванджу и др. В 1921 г. численность членов Общества достигла 172 тыс.¹¹.

Его программа предусматривала повышение знаний и общего культурного уровня рабочих; совершенствование характера и поведения в общественной жизни для утверждения руководящих позиций и повышения авторитета членов Общества; оказание материальной помощи и моральной поддержки членам Общества и их семьям в случае потери работы, увечья или смерти; содействие в трудоустройстве безработных членов Общества; поощрение сбережений, рекомендация всемерно ограничивать расходы, дабы дети могли получить образование и оставались бы сбережения на старость.

В одном из разделов программы, где речь шла об улучшении санитарных условий труда и быта рабочих, содержались требования: сократить рабочий день, особо для несовершеннолетних, и запретить детский труд. Предусматривалась также необходимость изучения условий труда, производства и рынка труда — внутреннего и международного, — с тем чтобы Общество способствовало улучшению условий жизни рабочих и сокращению безработицы.

Программа выходила за рамки требований взаимопомощи, но она и не выдвигала коренных пролетарских задач, что объяснялось незрелостью корейского рабочего движения в ту пору и реформистскими позициями руководителей Общества. Вместе с тем оно проделало немалую работу и способствовало сплочению рабочих. Общество выступило также инициатором создания арендаторских союзов. Его печатный орган журнал «Кондже» публиковал наряду с реформистскими материалами марксистские статьи.

Но вся эта позитивная деятельность сводилась на нет фракционным, раскольническим курсом реформистов — мелкобуржуазного руководящего ядра Общества. Внутри его образовалось несколько течений и групп; в 1922 г. Общество фактически распалось (некоторые его местные отделения просуществовали до конца 20-х годов).

В октябре 1922 г. был создан Чосон нодон ёнмэн (Рабочий союз Кореи). Он объединил более 20 тыс. печатников, железнодорожников, трамвайщиков. Основные пункты программы Союза звучали весьма неопределенно. «Мы собираемся построить новое общество, — гласили они, — по законам общественной истории, соответствующей законам природы; мы совместными силами будем развивать знания для улучшения нашей жизни; мы будем спланировать на основе классового самосознания»¹².

Рабочий союз стал сравнительно крупным объединением. Но реформисты захватили и в этой организации руководящие позиции, они проникли также к руководству созданными в начале 20-х годов в промышленных городах профессиональными организациями рабочих (вначале деятельность этих профсоюзов ограничивалась пределами предприятия, района или города).

На базе развивающегося массового движения возникали более или менее крупные рабоче-крестьянские организации. Так, весной 1923 г. в Масане было создано Нонон тонухве (Рабоче-крестьянское товарищество), программа которого требовала более последовательной освободительной борьбы. Конкретное содержание этого требования не раскрывалось. В начале 1924 г. в Чинджу было создано Кённам чибан нонон ундон

канчхинхве (Общество дружбы рабоче-крестьянского движения провинции Южная Кёнсан), в марте того же года в Кванджу (с участием представителей 98 рабочих организаций) были основаны Чоннам нодон ёнмэн (Объединение рабочих провинции Южная Чолла), а в Тэгу (с участием 64 организаций) — Намчосон нонон тонмэн¹³ (Рабоче-крестьянский союз Южной Кореи).

В начале 20-х годов создаются и крестьянские организации (в форме арендаторских союзов). Сначала они имели локальный характер, рождаясь в процессе крестьянской борьбы, но постепенно объединялись, образуя крупные союзы. Так, к началу 1923 г. в уезде Сунчхон были созданы арендаторские союзы, в феврале они объединились, а затем вошли в Намчосон нонмин тонмэн (Крестьянский союз Южной Кореи).

Большинство создававшихся в стране организаций были рабоче-крестьянскими; рабочая часть таких организаций была представлена не только пролетарскими, но и полупролетарскими элементами — кустарями, ремесленниками. Рабочие и рабоче-крестьянские организации создавались по территориальному принципу. Как правило, в их программных положениях предусматривались взаимопомощь, повышение знаний и другие просветительные задачи, а деятельность ограничивалась до пределов урезанными в условиях колониального режима легальными возможностями.

В это же время в Корею возникали и молодежные организации. Так, в декабре 1920 г. была основана Чосон чхоннён ёнхапхве (Федерация корейской молодежи), провозгласившая в программе своей целью «обновление общества, широкое распространение мировых (научно-технических.— Авт.) знаний, объединение на здоровой идеологической основе, уважение моральных принципов, содействие развитию промышленности, укрепление здоровья ее членов, внесение своего вклада в мировую культуру».

В Федерацию входили 133 небольшие молодежные организации. Активную роль в ней играла мелкобуржуазная интеллигенция, что и сказалось при составлении программы, отличающейся весьма неопределенными и расплывчатыми формулировками. В дальнейшем часть деятелей Федерации составили сеульскую группировку в корейском коммунистическом движении, так называемую сеульскую молодежную партию. Это весьма характерный факт. Он свидетельствовал о том, что некоторые коммунистические организации Кореи вырастали непосредственно из буржуазно-националистических. Реформисты, учитывая незрелость молодежного состава Федерации, особенно активно насаждали в ней принципы сотрудничества труда и капитала. Но среди рядовых членов организации под влиянием марксистских кружков росло сопротивление реформистскому курсу, усиливавшееся вместе с расширением рабочей прослойки Федерации. Многие ее низовые звенья выступили против руководства и его программы. В апреле 1924 г. Федерация была распущена и вместо нее организован Чосон чхоннён чхондонмэн (Общекорейский союз молодежи) — около 45 тыс. членов. Наряду с интеллигенцией в Союз входили молодые рабочие и крестьяне.

Возникали в этот период и организации женщин. В январе 1924 г. в Сеуле был основан Ёджа чхоннён тонмэн (Женский молодежный союз). Его программа предусматривала «массовое воспитание и организованное обучение» молодых женщин; борьбу «за освобождение женщин и удовлетворение их неотложных нужд путем объединения усилий молодых женщин и обеспечения взаимной поддержки». В Токио корейские женщины основали Марксыхве (Марксистское общество).

С 1924 г. предпринимаются попытки объединить организации трудя-

щихся. В апреле 1924 г. была создана Чосон нонон чхондонмэн (Рабоче-крестьянская федерация Кореи). В ее программе ставились как общие задачи освободительной борьбы — освобождение рабочих и крестьян, создание нового общества, последовательная борьба с классом капиталистов, так и ближайшие требования трудящихся — установление 8-часового рабочего дня, минимума заработной платы, снижение арендной платы до 30% урожая и др. Вначале Федерация объединила 174 организации, в дальнейшем их число увеличилось. Хотя ее создание было шагом вперед в организации рабочего и крестьянского движения, она, однако, не смогла стать боевой, революционной организацией, не имела четкого классового лица. Наряду с рабочими в нее входили ремесленники и другие полупролетарские слои города и представители различных социальных слоев деревни — от батрака до зажиточного крестьянина. Взаимоотношения рабочих и крестьян сводились в Программе и деятельности Федерации к простому сотрудничеству. Попытка слить воедино рабочие и крестьянские требования мешала проведению четкой классовой, пролетарской линии. Все эти трудности и просчеты, объяснимые начальным периодом движения, слабостью пролетариата, использовали в своих целях буржуазные деятели, захватившие руководство в Федерации¹⁴.

Под влиянием марксистских кружков и групп в разных городах Кореи появились нелегальные организации: в Сеуле — Мусанджа тонмэн (Союз пролетариев), выдвинувший лозунг «Пролетарии, защищайте свои жизненные права!»; в Пхеньяне — Токсохве (Читательское общество); в Вонсане — Сахве квахак ёнгухве (Общество по изучению общественных наук).

В начале 20-х годов прогрессивная молодежь Кореи праздновала Международный день молодежи (в первое воскресенье сентября). Несмотря на противодействие полиции, распространялись листовки, прокламации.

Корейские трудящиеся в Японии также участвовали в революционных праздниках. Так, в первомайской интернационально-революционной демонстрации 1923 г. в Осака вместе с японскими пролетариями шли рабочие-корейцы.

Выступления рабочих, крестьян, интеллигенции

Создание союзов рабочих и крестьян, а также антиимпериалистических организаций происходило в процессе массового рабочего, крестьянского, национально-освободительного движения в стране. Его развитие диктовало необходимость быстрее объединения; нередко во время тех или иных массовых выступлений стихийно возникали союзы, общества, часто местного характера, без четкой программы действий и продуманных требований. Разумеется, это наложило свой отпечаток на боеспособность первых массовых корейских организаций. Наиболее значительным выступлением рабочих в 1920 г. была забастовка 700 рабочих фабрики курительных трубок в г. Тоннэ. Она вспыхнула незадолго до первомайского праздника, 27 апреля, в ответ на попытку предпринимателей снизить заработную плату. Через месяц на фабрике вновь развернулась забастовочная борьба. Более 400 рабочих окружили административное здание фабрики, требуя повышения заработной платы. Они попытались вывести из строя фабричное оборудование. Одновременно на предприятиях возникли рабочие организации — Нодон тэхве (Рабочий конгресс), Нодон чохап (Рабочая кооперация), Нодонхве (Рабочее общество) и т. п.

Всего в 1920 г. произошло более 80 забастовок (примерно 5 тыс. уча-

стников). Главным их требованием было повышение заработной платы и улучшение обращения администрации с рабочими. Руководили многими забастовками местные организации Чосон нодон конджехве. Это сказало-сь на результатах: в 38 забастовках рабочие одержали победу, в 12 закончили их компромиссом¹⁵.

Осенью 1921 г. произошла всеобщая забастовка рабочих Пусана. Ее начали 12 сентября 1 тыс. грузчиков порта, условия труда которых значительно ухудшились (по сравнению с 1920 г. наполовину сократилась заработная плата). Характерно, что в числе организаторов выступления были учителя вечерней рабочей школы Чо Донхён, Ким Гёнджик и др., которые помогли рабочим сформулировать их требования; главным было повышение заработной платы.

Администрация, обещавшая рассмотреть требования, не сдержала слова, и 26 сентября в Пусане началась всеобщая забастовка. В ней участвовало более 5 тыс. человек. Попытки властей мобилизовать на погрузку крестьян из окрестных деревень не дали результатов. Были организованы рабочие пикеты. Порт бездействовал.

30 сентября администрация объявила о повышении заработной платы в среднем на 10—15%. Хотя это было только частичным удовлетворением рабочих требований, все же забастовка явилась серьезной победой бастующих; она свидетельствовала о значении сплоченности и организованности в борьбе. Усвоение этой истины пусанскими рабочими, чему немало способствовал исход забастовки, было ее важнейшим результатом.

В августе 1923 г. произошла крупная женская стачка. Забастовали более тысячи работниц пхеньянских чулочных фабрик. Почти одновременно объявили забастовку 1700 текстильщиц Пусана.

В конце того же года бастовали рабочие рисоочистительных фабрик Инчхона. Наряду с экономическими требованиями они выдвинули политические, в частности о праве на организацию рабочих союзов.

С такими же требованиями выступили в начале 1924 г. рабочие 20 рисоочистительных заводов Кунсана. Их поддержали портовики, и забастовка стала всеобщей. Летом того же года бастовали сеульские печатники, а в октябре начались выступления железнодорожников. В то время много частных железных дорог Кореи передавалось в ведение генерал-губернаторства, и заработную плату рабочих предполагалось снизить. В собраниях и митингах протеста участвовали почти 14 тыс. человек.

Наиболее наглядно проявился рост организованного начала в забастовочном движении в 1925 г.

26 января прекратили работу 500 трамвайщиков Сеула. Они создали Унсу тонухве (Товарищество транспортников) и подпольный стачечный комитет, который распространял листовки и прокламации, содержавшие как экономические, так и политические требования.

В феврале того же года забастовали более тысячи рабочих пхеньянских чулочных фабрик, требуя повышения заработной платы. В ответ на арест организаторов забастовки рабочие создали пикеты. Они держались решительно и стойко. Администрация была вынуждена удовлетворить требования забастовщиков.

В феврале — марте прекратили работу 20 типографий Пхеньяна. Рабочие потребовали установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения обращения со стороны администрации, свободы слова и организаций. Попытки администрации привлечь штрейк-брехеров окончились провалом. Около 40 местных рабочих организаций оказывали забастовщикам материальную и моральную поддержку, что способствовало стойкости и солидарности бастующих.

В целом рабочее движение первой половины 20-х годов отличалось уже некоторыми новыми чертами, свидетельствовавшими о качественном (пока еще незначительном) его росте: появились политические требования (свобода слова и организаций), выросли организованность и классовая солидарность рабочих. С 1922 г. в промышленных районах страны стали проводиться первомайские собрания, демонстрации, маевки. Крупнейшей из них была первомайская демонстрация в Сеуле в 1923 г. Одним из ее организаторов был рабочий Чха Гымбон.

Первая половина 20-х годов ознаменована и новыми крестьянскими выступлениями. Больше всего их произошло в 1923—1924 гг., что было связано с ростом рабочего движения. В сентябре 1922 г. в уезде Чинджу (Южная Кёнсан) по инициативе местного отделения Чосон нодон конджехве был созван съезд арендаторов, в котором участвовала тысяча делегатов. После съезда состоялась демонстрация. В ноябре того же года собрался съезд крестьян Кисана в одном из уездов Северной Чхунчхон. Он принял обращение ко всем крестьянам, гласившее: «Мы честно и открыто отвергаем принудительные и несправедливые требования помещиков. Мы стремимся собственными силами, отвергая крепостное рабство, улучшить нашу жизнь».

В конце 1922 г. произошло крупное выступление арендаторов уезда Сунчхон (Южная Чолла). На своем съезде, в котором участвовало 1600 человек, они потребовали, чтобы арендная плата не превышала 40% урожая, чтобы земельный налог платили помещики, а использование бесплатного труда арендаторов и передача арендных прав были запрещены. «Наша сила — в сплочении» — стало девизом крестьян Сунчхона. В 13 селах они создали арендаторские союзы, объединившиеся в Общество крестьянских уездов Сунчхона, впоследствии вошедшее в Намчосон нонмин тонмэн.

К числу крупных выступлений относится борьба крестьян о-ва Амтхэдо (уезд Муан, Южная Чолла). Созданный здесь в конце 1923 г. союз арендаторов выдвинул следующие требования: арендная плата на поливных полях не должна превышать 40% урожая, на суходольных — 30%.

Всего за 1920—1924 гг. произошло 382 арендных конфликта; число их участников превысило 23 тыс. Основными требованиями крестьян наряду со снижением арендной платы и запрещением сгона арендаторов с земли было упразднение системы саым. В 1922 г. в Корее насчитывалось более 22 тыс. саым.

Что касается форм крестьянской борьбы, то и они постепенно начали меняться. В ряде районов крестьяне не ограничивались подачей петиций, а переходили к активным действиям, вступали в схватки с полицией. Важнейшей новой особенностью крестьянской борьбы явилась тяга к организации, пока еще неосознанная, стихийная. Возникли первые объединения, главным образом рабоче-крестьянские.

Начало 20-х годов ознаменовано значительными выступлениями учащейся молодежи, которая была наиболее активной силой движения 1919 г. Под влиянием его уроков росло стремление учащихся к созданию своих организаций.

Принятый в 1922 г. Закон о школьном образовании, целью которого было воспитать в молодежи покорность, послушание и преданность колониальному режиму, вызвал протест молодежи; начался бойкот наиболее реакционных преподавателей, появились и другие формы сопротивления.

Активизировалось и вооруженное движение корейских патриотов. Вновь развернулась борьба «Ыйбён», преимущественно в Маньчжурии

[напомним, что в августе 1919 г. Хон Бомдо во главе отряда Тонникун (Армии независимости) атаковал войска японских карателей в Капсане и Хесане]. Отряды Тонникун активно действовали в маньчжурских уездах Ванцин, Хэлун и др., провели многочисленные бои в долинах Амноккана и Тумангана.

Таким образом, первая половина 20-х годов характеризовалась оживлением борьбы на разных участках классового и национально-освободительного движения, стремлением его участников к объединению и организации.

В какой мере были связаны коммунистические группы с этим движением, с рабочими, крестьянскими и другими классовыми и антиимпериалистическими организациями? Достаточными материалами, отвечающими на этот вопрос, мы не располагаем. Но общая картина событий тех лет позволяет сделать вывод, что связи были слабыми. Они выразились в непосредственном участии членов коммунистических групп в работе тех или иных обществ, в массовых выступлениях, но организованного руководства со стороны коммунистов еще не было. Борьба между группами, естественно, серьезно ограничивала их влияние.

**ОБРАЗОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КОРЕИ.
РАССТАНОВКА СИЛ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х ГОДОВ
(1925—1929)**

**Создание Коммунистической партии Кореи.
Первые документы партии**

Положение в стране все настойчивее требовало создания марксистско-ленинского авангарда освободительного движения, сплочения коммунистических сил. Еще в ноябре 1923 г. IV конгресс Коминтерна отмечал в своем решении, что, несмотря на ограниченность базы для компартии в Корее (связанную в первую очередь со слабостью пролетариата), все же необходимо приступить к ее созданию, так как требуется организовать пролетарские массы в городе, батрацкие и полупролетарские массы по всей стране, стать вождем революционно-освободительного движения. IV конгресс Коминтерна принял решение о роспуске всех фракционных групп и создании (до организации компартии Кореи) Корейского бюро при ДВО Коминтерна в составе семи человек: по два представителя от иркутской, шанхайской и сеульской групп и одного представителя от корейских коммунистических организаций Японии. В феврале 1924 г. из-за продолжавшейся в его среде фракционной борьбы и это бюро было распущено Исполкомом Коминтерна.

17 апреля 1925 г. в одном из сеульских ресторанов на конспиративном собрании представителей коммунистических групп (сеульская группа отказалась участвовать в объединении) было провозглашено создание Коммунистической партии Кореи и избран Центральный Комитет в следующем составе: Ким Яксу (Ким Дуджон), Чу Джонгон, Ю Джинхи и др. Секретарем ЦК стал Ким Джэбон. На следующий день был основан Чосон консан чхоннён тонмэн (Коммунистический союз молодежи Кореи). Учредительные съезды партии и комсомола созвать было невозможно. Не смогли коммунисты предварительно выработать и принципиальные программные положения партии. На собрании представителей коммунистических групп был принят манифест партии. Правильно определяя антиимпериалистические задачи корейской революции, манифест, однако, не увязывал их с антифеодальными требованиями. Вопрос об аграрной революции, о крестьянстве был фактически обойден. Это было крупным просчетом корейских коммунистов. В. И. Ленин подчеркивал, что было бы утопией думать, будто пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в преимущественно аграрных странах, «смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах»¹.

Не дали ответа документы партии и на вопрос о роли и месте национальной буржуазии в освободительном движении. Ее влияние в тот период было весьма значительным и распространялось на массовые орга-

низации трудящихся. Национальная буржуазия претендовала на гегемонию в освободительном движении. Однако корейские коммунисты не выработали единой и четкой позиции по этому вопросу: часть признавала руководящую роль национальной буржуазии в буржуазно-демократической революции, другие же, наоборот, выступали не только против ее гегемонии, но и отрицали возможность ее участия в национально-освободительном движении вообще, не видели ее антиимпериалистических потенций. При создании компартии не был выработан и ее четкий устав. Разумеется, ставя эти вопросы, нельзя не учитывать крайне трудные условия деятельности первых корейских коммунистов, отсутствие у них опыта. А все эти обстоятельства крайне отрицательно сказались на результатах их самоотверженной борьбы.

Отсутствие четкой, последовательной линии в вопросе о союзниках мешало единению антиимпериалистических сил, что же касается основы единого фронта — союза рабочих и крестьян, то и эта проблема не заняла должного места в программных положениях и деятельности партии. Фактически многие важные вопросы революционной борьбы решались вслепую, без необходимых теоретических обоснований. Однако и в таких условиях деятельность коммунистов давала существенные результаты. В 1925 г. по инициативе компартии была создана Чосон пролетариаты есиль чхондонмэн (Корейская федерация пролетарского искусства), объединившая прогрессивных деятелей литературы и искусства и сыгравшая важную роль в развитии корейской культуры. Известным симптомом усилившейся под влиянием коммунистов тяги к единству национальных сил явился процесс слияния массовых организаций в центре и на местах.

В сентябре 1925 г. объединились 10 союзов молодежи на юге Кореи. По инициативе рабочей молодежи Вонсана слился ряд массовых организаций провинции Канвон. В октябре 1925 г. состоялось собрание представителей вонсанских печатников, трудящихся женщин и пролетарской молодежи, на котором присутствовавшим были розданы нагрудные знаки — красные звездочки, символ поддержки революционных идей.

В первой половине 1926 г. в 30 районах страны произошли забастовки, в которых участвовало 1800 рабочих. С развитием рабочего и национально-освободительного движения тяга к объединению усиливалась.

Июньская демонстрация 1926 г. Активизация классовых выступлений

Первым крупным антиимпериалистическим выступлением, возглавленным коммунистической партией, были июньские события 1926 г.

Компартия готовила первомайскую демонстрацию. Большой резонанс, который вызвала в среде прогрессивной общественности подготовка к демонстрации, вынудил японские власти разрешить празднование. Они опасались, что запрет приведет к взрыву протеста, и собирались при первой же возможности взять обратно свое разрешение. Смерть экс-императора Кореи Ли Чхока (26 апреля 1926 г.) власти использовали как предлог для запрета демонстрации, заявив, что в дни траура неудобно проводить празднества. Чтобы не допустить политической демонстрации, которую готовили коммунисты, японские власти решили устроить пышную похоронную церемонию. Тогда компартия перенесла демонстрацию на 10 июня — день похорон экс-императора. Был создан подготовительный комитет.

Рабоче-крестьянские, молодежные и другие организации провели разъяснительную работу среди населения, в подпольных типографиях отпечатали тысячи прокламаций и листовок, призывавших корейский на-

род к борьбе за освобождение. «Мы требуем земли, свободы, риса!», «Да здравствует независимость!», «Свободу народу!» — гласили листовки. Смерть экс-императора (хотя он и подписал акт об аннексии страны) взволновала общественность Кореи, религиозные организации объявили нечто вроде общественного траура: в разных районах страны они создали «лиги плача» и «лиги высокой печали». Ежедневно перед дворцом, где лежал умерший, происходила церемония «общественного плача» (в общей сложности в ней приняло участие до 200 тыс. человек).

Коммунисты попытались использовать эту своеобразную форму выражения народного недовольства. Они призвали население принять участие в патриотической демонстрации. Активно включились в ее подготовку многие учащиеся Сеула. Власти, опасаясь волнений, стянули в Сеул дополнительные полицейские и воинские силы из провинций якобы для отдачи почастей усопшему; в Инчхоне стояли четыре крейсера.

Компартия приняла меры, чтобы направить движение на революционный путь и превратить процедуру похорон и траур в массовое антиимпериалистическое выступление. Задача компартии осложнялась противодействием национал-реформистов. Не было единства и среди самих коммунистов. Сеульская и примыкавшие к ней группы были против июньского выступления, заявляя, что коммунисты не должны участвовать в похоронах императора, что это — проявление правого оппортунизма.

10 июня, когда траурная процессия вышла на улицы, революционеры стали разбрасывать листовки. Раздались призывы: «Да здравствует независимость Кореи!», «Долой японский империализм!», «Корея принадлежит корейцам!», «Изгоним японских поработителей!». На митингах, которыми сопровождалась демонстрация, коммунисты призывали народ к борьбе за независимость, к объединению антиимпериалистических сил.

Полицейские и солдаты пытались схватить коммунистов — инициаторов выступления, но демонстранты взяли их под свою защиту. Военщина стала применять оружие. И похоронная процессия, сначала переросшая в политическую демонстрацию, вылилась в кровавое столкновение патриотов с японской полицией и солдатами.

В выступлении 10 июня участвовали рабочие, мелкобуржуазные интеллигенты, служащие. Активной силой его была учащаяся молодежь. Руководящая роль коммунистов придала движению боевой, наступательный характер. Однако оно не распространилось за пределы Сеула и его окрестностей. Крестьянские союзы в своем большинстве оказались в стороне от выступления. Это свидетельствовало о слабых в то время связях компартии с массами крестьянства.

Значение событий 10 июня, несмотря на поражение патриотов, огромно. Оно заключается прежде всего в том, что массы на практике узнали коммунистов, убедились в их самоотверженности, верности интересам народа. Демонстрация показала, что в стране есть силы, на которые можно опереться в борьбе за независимость и социальные права. Не случайно японская военщина направила острие репрессий именно против коммунистов, вырвав из рядов партии значительную часть ее наиболее зрелых деятелей. Были арестованы многие члены Центрального Комитета партии, партийные активисты. Это отразилось и на идейной платформе партии, в ее рядах усилились левооппортунистические веяния; они уживались с правым оппортунизмом.

Часть руководящих деятелей партии утверждала, что в Корее происходит буржуазно-демократическая революция и руководство в ней должно принадлежать национальной буржуазии. Идейные шатания снижали эффективность усилий ее здоровой части, мешали крепить связи с

массаами, возглавить их национально-освободительные выступления, классовую борьбу трудящихся, которая неуклонно нарастала. Все активнее выступал рабочий класс. В 1925 г. произошло 55 забастовок, в 1926 г.— 81, в 1927 г.— 94, в 1928 г.— 119 забастовок. Число участников составило соответственно: 5700, 5884, 10 523, 7795².

Среди забастовок того времени, свидетельствовавших о росте организованности рабочих, выделяется одна — на предприятии, принадлежавшем «текстильным королям» Кореи Ким Сонсу и Ким Ёнсу (май 1926 г.). Она вспыхнула в связи с готовившимся увольнением рабочих. На предприятии действовала рабочая организация Чиккон санджохве (Общество взаимопомощи текстильщиков). Был создан забастовочный комитет. Требования забастовщиков гласили: не увольнять рабочих, отменить систему штрафов, уважать достоинство рабочих. Хозяева были вынуждены удовлетворить часть требований бастующих и отказаться от увольнения рабочих.

В феврале 1927 г. забастовали рабочие семи лесопильных предприятий Хамхына. Они требовали повышения заработной платы; на трех предприятиях эти требования были удовлетворены. Одновременно произошла забастовка на рисоочистительном заводе в Кунсане. Поводом послужило грубое обращение надсмотрщиков-японцев. Выступление приобрело ярко выраженную антияпонскую направленность.

Крупный конфликт возник в том же месяце между рабочими и предпринимателями японской вермишелевой фабрики в Пхеньяне. Когда хозяева уволили его инициаторов, союз рабочих созвал собрание, принявшее решение добиться восстановления на работе уволенных, в противном же случае объявить забастовку. Администрация была вынуждена удовлетворить требование рабочих.

Одно из наиболее значительных рабочих выступлений в 1927 г.— забастовка рабочих Вонсана. Ее объявили в июле грузчики, требуя повышения заработной платы. Свыше 1300 человек прекратили работу. Забастовка продолжалась более недели. Требования рабочих удовлетворили.

Одновременно с такими же требованиями выступили 200 рабочих вонсанского вермишелевого предприятия, их забастовка окончилась поражением рабочих. Руководители вонсанских профсоюзов, принимавшие участие в организации забастовки, были арестованы. Аналогичные требования выдвинули в этот период и 300 строителей железной дороги Пхеньян — Вонсан, а также 700 рабочих текстильной фабрики в Тэгу. Бастовали в знак протеста против злоупотреблений японской администрации рабочие рисоочистительного завода в Кунсане.

Наиболее значительным выступлением корейского рабочего класса после создания компартии была почти двухмесячная забастовка горняков свинцовых рудников Ёнхына (Южная Хамгён). 300 горняков забастовали в октябре 1927 г., они потребовали от хозяев концерна Сумитомо установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы и улучшения отношения со стороны администрации. Хозяева вызвали полицию, которая арестовала организаторов забастовки. В знак протеста около 500 членов союза рабочих уезда Ёнхын объявили забастовку, требуя освобождения арестованных. Концерн при помощи полиции направил на рудники рабочих из других районов, но большинство прибывших, узнав о забастовке, отказались от работы. Забастовку солидарности с шахтерами объявили печатники и рабочие других предприятий Ёнхына.

Важной чертой выступления в Ёнхыне явилось то, что его возглавил союз рабочих уезда. Он явился инициатором массовой демонстрации рабочих Ёнхына 1 декабря; к демонстрантам присоединились учащиеся и другие горожане. В тот же день на собрании членов союза было решено

потребовать от полиции освобождения арестованных. Были избраны уполномоченные для связей с семьями бастующих. Рабочие держались стойко. Забастовка длилась с 26 октября до 7 декабря и закончилась удовлетворением ряда требований рабочих (о повышении заработной платы и выплате пенсий при увечьях на работе). Немалую роль сыграл рабочий союз, деятельность которого сделала выступление целеустремленным и упорным.

В декабре 1927 г. в этом же уезде забастовали металлисты. Для борьбы против предпринимателей они организовали союз металлистов. В это же время объявили забастовку и рабочие рисоочистительных предприятий Тэгу, печатники Ири. Большинство забастовок имело наступательный характер. Выдвигая экономические требования, рабочие протестовали и против произвола японской администрации, против репрессий полицейских властей. Большинство забастовок либо происходило под руководством или при активном участии рабочих союзов, либо сопровождалось их созданием.

Рост организованного начала был той новой чертой движения, которая стала отчетливо проявляться после создания коммунистической партии.

С ростом рабочего движения была связана и активизация крестьянской борьбы. В 1927 г. произошло 275 арендных конфликтов, из них 22 крупных, в которых участвовало свыше 3 тыс. крестьян. Основные причины конфликтов — сгон крестьян с земли, грубое обращение надсмотрщиков. Усилилась наступательность движения — выдвигались требования снижения арендной платы до 50%, а иногда и до 30% урожая, отмены налогов и ирригационных взносов. Многие крестьяне, уходя на временные заработки в города, становились там свидетелями, а часто и участниками выступлений рабочего класса, что не могло не отразиться на их борьбе. После создания компартии организованность крестьянского движения возросла. В 1926 г. существовали 472 различные организации крестьян — союзы арендаторов, общества по улучшению земледелия и др.

В волостях почти всех уездов имелись рабоче-крестьянские союзы, входившие в Чосон нонон чхондонмэн. Кроме того, были созданы так называемые уездные крестьянские собрания, возглавлявшиеся главным образом безземельной молодежью и выдвигавшие классовые требования.

Создание компартии способствовало революционизированию многочисленных разнородных крестьянских организаций, хотя этот процесс происходил крайне медленно, в чем также сказывалась слабая связь компартии с деревней.

Нередко крестьянские союзы становились во главе выступлений, а иногда создавались во время этих конфликтов. Так, например, в уезде Пхочхон (Кёнги) колониальная компания повысила арендную плату с 60 до 65%, а с неосвоенных земель — с 50 до 60% урожая; тогда арендаторы создали собрание, чтобы решить: как воспрепятствовать повышению арендной платы? Полиция разогнала собрание. В ответ крестьяне создали союз арендаторов, чтобы организованно бороться против помещиков за свои права.

В волости Понсан (уезд Кымчхон, Северная Кёнсан) более 200 арендаторов в ответ на действия помещика, повысившего арендную плату до 70—80% урожая и цены на удобрения, также создали союз, который возглавил их борьбу. Помещик был вынужден удовлетворить требования крестьян.

Союз арендаторов возглавил борьбу крестьян против ВКО, которое повысило арендную плату до 80% урожая в уезде Ковон (Северная Хам-

гён). Участились нападения крестьян на полицейские участки, на японские учреждения и компании. Так, в ноябре 1927 г. в уезде Окку (Северная Чолла) более 500 арендаторов напали на полицейские участки, потребовав изменения условий аренды и прекращения репрессий. Полиция арестовала большую группу активистов. В декабре около 400 крестьян, пытаясь освободить арестованных, снова напали на полицейские участки уезда Окку. Уездный союз арендаторов возглавил это выступление.

Характерной чертой движения был рост забастовок сельскохозяйственных рабочих.

Объединялись в союзы не только арендаторы, но и корейские землевладельцы, чтобы организованно противодействовать попыткам японских колонизационных компаний и помещиков скупать землю по крайне низким ценам.

Известный рост организованности крестьянской борьбы, усиление антияпонской направленности в их требованиях серьезно беспокоили власти. Последние запрещали крестьянские союзы, разгоняли собрания, и их приходилось проводить нелегально. «Полиция все время вмешивается в борьбу арендаторов», — писала «Чосон ильбо» 19 ноября 1927 г. Активных участников крестьянских выступлений облагали «чрезвычайными» налогами.

По инициативе компартии в обстановке роста рабочего и крестьянского движения (сентябрь 1927 г.) Чосон нонон чхондонмэн разделился на Чосон нодон чхондонмэн (Всекорейский рабочий союз) и Чосон нонмин чхондонмэн (Всекорейский крестьянский союз). Первый объединил 156 профсоюзных организаций с 20 638 членами; второй — 32 крестьянских союза с 24 180 членами³. Такое разделение позволило компартии проводить более четкую классовую линию в организациях рабочих и крестьян, укреплять союз между ними и спланировать на этой основе единый антиимпериалистический фронт.

Важной и весьма активной антиимпериалистической силой по-прежнему являлась учащаяся молодежь. Со второй половины 20-х годов ее выступления участились. Если в 1926 г. их было 55, то в 1928 г. — 83. Учащиеся, требуя увольнения японских педагогов, выступали также за восстановление законных прав корейского языка и корейской истории: «Прежде всего нужно изучать корейский язык и историю Кореи; японский язык и японская история — второстепенные предметы»⁴. Они добились свободы слова, собраний, союзов⁵. В решениях ряда молодежных организаций, в частности молодежного объединения г. Кванджу, ставились еще более широкие задачи: решительная борьба за «завоевание прав корейской нации»; политические свободы, отмена жестоких полицейских законов, бесплатное обучение, уничтожение различий в обращении с разными социальными слоями народа⁶.

Во многих выступлениях корейских учащихся, которые в целом находились под влиянием национал-реформистов, сказывалось уже и определенное влияние компартии.

Так, например, осенью 1927 г. объявили антияпонскую забастовку учащиеся школы «Хвимун» в Сеуле. Когда полиция арестовала группу ее участников, забастовка распространилась на другие учебные заведения. Революционно настроенная молодежь распространяла листовки, отпечатанные в подпольных типографиях, призывавшие к борьбе за независимость и социальные права, вела социалистическую пропаганду. Репрессии властей только накаляли обстановку. Более ста учащихся сеульской школы «Чунан» потребовали от администрации восстановления в школе своих товарищей, исключенных за участие в забастов-

ке. Администрация вызвала полицию, тут же арестовавшую всех забастовщиков. В ноябре волнения охватили ряд новых учебных заведений — юридическую школу в Сеуле и др.

Позиции национальной буржуазии. Политика компартии Кореи в отношении буржуазно-националистических сил

Один из важных вопросов, с которым была связана задача создания единого фронта антиимпериалистических сил, — это вопрос о политических позициях национальной буржуазии, об эволюции ее воззрений после создания компартии, в условиях развития коммунистического движения. Национальная буржуазия была неоднородна, а ее отношение к империализму — крайне непоследовательно. «Эра культурного управления» и подачки, сделанные колонизаторами корейским капиталистам после движения 1919 г., содействовали переливанию сил из лагеря национальной в лагерь проимпериалистической буржуазии. Создание компартии, развитие классовой борьбы в стране еще более активизировали этот процесс. Но переливание сил шло и в обратном направлении. Наиболее прогрессивно, патриотически настроенные представители корейской буржуазии не могли не видеть, что в лице коммунистов нация имеет решительных и мужественных борцов за независимость. Притягательность марксистско-ленинского учения и опыта Советского государства сказались на политических позициях этих деятелей. И они постепенно, после мучительных колебаний, переходили в революционный лагерь либо как активные участники борьбы, либо как временные попутчики. Чтобы этих деятелей стало больше, а линия их — более стойкой, требовался в первую очередь правильный и гибкий курс компартии. Но его коммунисты Кореи в 20-е годы выработать не смогли.

Национал-реформизм и после создания компартии, оставаясь крупной силой, оказывал свое влияние не только на буржуазные и мелкобуржуазные, но и на рабочие и крестьянские организации.

По вопросу о классовой основе национал-реформизма, о том, идеологией каких групп буржуазии — национальной или компрадорской — он является, в историографии по Корею нет единого мнения.

В научных кругах КНДР развернулась оживленная дискуссия по этому вопросу. Как свидетельствует научный исторический журнал «Ёкса квахак» за 1966 г., основная задача дискуссии заключалась именно в выяснении вопроса: идеологией каких групп буржуазии был корейский национал-реформизм? Часть ученых утверждала, что национал-реформизм выражал интересы правого крыла национальной буржуазии, что после народного движения 1919 г. в националистическом лагере образовались три группы — левая, центристская и правая. Правая группа, занявшая в отношении империализма соглашательскую позицию, породила национал-реформизм, стала его основой. Переход националистов на позиции соглашательства с империализмом, отказа от освободительной, антияпонской борьбы, выжидания «естественной автоматической гибели японского империализма» сторонники этой точки зрения считают заксомерным, обусловленным слабостью национальной буржуазии, ее феодально-помещичьим происхождением, ее страхом перед рабочим движением.

Прослеживая эволюцию национал-реформистов, в конечном счете полностью скатившихся в лагерь империализма, они считают, что в 30-х годах национал-реформизм как самостоятельное течение в национально-освободительной борьбе перестал существовать, превратившись из выра-

зителя интересов верхушки национальной буржуазии в выразителя интересов компрадорской буржуазии.

С иной точки зрения выступила группа ученых, утверждающая, что проблему национал-реформизма необходимо рассматривать в самой тесной связи с политикой японского империализма.

Они не согласны с тезисом, что идеология компрадорской и правого крыла (верхушки) национальной буржуазии формировалась раздельно, и считают появление в Корее национал-реформизма результатом активного влияния на корейскую буржуазию японского империализма, использовавшего национал-реформизм для подавления растущего освободительного движения. Смысл «нового» курса, провозглашенного японскими правителями после движения 1919 г., по их мнению, заключался именно в том, чтобы «приручить» население колонии при помощи национал-реформизма, создать видимость наличия национальной идеологии и политики, которая по существу выражала бы интересы колонизаторов и их корейских союзников. В качестве доказательства приводятся материалы бесед видных деятелей японской колониальной администрации с представителями корейского капитала. Японские деятели доказывали следующее: стремление корейцев к независимости естественно. Но путь к ее достижению — сотрудничество с Японией, борьба за самоуправление в составе Японской империи. На этом пути возможен подъем экономики и культуры. Для достижения независимости необходимо «реформировать национализм в области идеологии и сознания» и «исправить национальный характер».

Иными словами, по мнению этих ученых, национал-реформизм, прикрываемый завесой национализма, являлся прежде всего продуктом империалистической политики. Используя его в качестве политического оружия, колонизаторы разлагали руководство националистического фронта и определенные группы («мелкобуржуазное течение») коммунистического движения, пытаясь ослабить весь фронт антияпонской борьбы. В конце концов соглашательская часть националистов в страхе перед подъемом массовой борьбы окончательно сомкнулась с национал-реформистами. В период партизанского движения произошла эволюция и в отношении японских колонизаторов к национал-реформизму, который не смог сдерживать натиск антиимпериалистических сил. В условиях подготовки и осуществления агрессии японские империалисты усилили террористические методы, политику открытого насилия, ассимиляции, развили «движение по объединению народов желтой расы».

Послушный воле империалистов, корейский национал-реформизм подхватил и поддержал это движение, отказываясь от старых лозунгов о самоуправлении. Таким образом, сторонники этой концепции считают, что корейский национал-реформизм не являлся течением внутри национально-освободительного движения, а выражал интересы корейской компрадорской буржуазии и колонизаторов. Они пытаются провести грань между национализмом и национал-реформизмом: национализм при всей его двойственности, колебаниях, непоследовательности содержит антиимпериалистические черты, национал-реформизм отрицает борьбу с империализмом. Проводя аналогию между национал-реформизмом и социал-реформизмом, они утверждают, что, точно так же как социал-реформизм, прикрываясь социалистической фразеологией, представляет собой идеологию буржуазии, национал-реформизм, сделав ширмой национализм, на деле представляет собой идеологию империализма, колониализма, отрицающую борьбу с империализмом⁷.

Сложность ответа на вопрос о том, идеологией каких групп буржуазии — национальной или компрадорской — являлся национал-рефор-

мизм, вызвана в первую очередь тем, что между этими двумя группами буржуазии трудно провести стабильную границу. С 20-х годов стал интенсивно развиваться процесс переливания сил из первой группы во вторую. Значительную часть правого крыла национальной буржуазии составляли как раз те корейские предприниматели и торговцы, для которых «реформы» 1919 г. расширили сферу деятельности, что укрепляло их связи с японским империализмом. Если в период народного движения 1919 г. они вместе с большинством нации выступали за национальную независимость, за освобождение от японского господства, то в период «культурного управления» они шаг за шагом сдавали свои позиции, отходили от фронта освободительной борьбы. Их лозунгом стала автономия в рамках Японской империи, точнее — под эгидой японского империализма. Эту задачу выдвигали и созданные ими организации (например, Енджонхве — Общество по изучению политики, Миллип тэ-хак кисон чунбихве — Подготовительный комитет по созданию независимого национального университета). Разумеется, они по-разному формулировали свои цели, задачи, но это касалось формы, а не существа. Таким образом, носителем национал-реформизма выступили компрадорская буржуазия и правое крыло национальной буржуазии, которые после 1919 г. эволюционировали в своей идеологии и политике, все ближе примыкая к соглашательским, проимпериалистическим слоям.

Отсутствие политической партии буржуазии, что являлось результатом ее политической слабости и раздробленности, расширяло вместе с тем в корейских условиях возможности маневрирования буржуазно-реформистских деятелей.

Не имея своей политической партии, корейская буржуазия, в частности ее национал-реформистское крыло, широко использовала и религиозные организации для воздействия на народные массы, а религиозные догмы — в качестве теоретических доктрин. В 20-е годы в Корее функционировало около 60 различных религиозных обществ и сект. Официально в годы японского господства там допускались три вероисповедания: синтоизм, буддизм и христианство; остальные не относились к числу официальных. Самым распространенным и влиятельным было общество Чхондогё. Оно объединяло в те годы 80—120 тыс. последователей⁸. На Чхондогё в значительной мере и опирались национал-реформисты.

В условиях Кореи Чхондогё имело ярко выраженный политический характер, оно оказывало непосредственное влияние и даже осуществляло руководство различными массовыми организациями — молодежными, женскими, особенно крестьянскими объединениями.

Неразвитость классовых противоречий в среде крестьянства, как указывал В. И. Ленин, создавала питательную почву для всякого рода религиозной идеологии. Это положение можно отнести и к тогдашней корейской деревне. Значение Чхондогё в пробуждении национального самосознания, особенно крестьян, вряд ли можно подвергать сомнению, но развитие массового освободительного движения эта организация в целом тормозила.

В самом Чхондогё происходила дифференциация сил. Об этом, в частности, свидетельствует эволюция позиций Чхонудан (Партия молодых друзей). Согласно программе, эта партия боролась за «царство небесное на земле». Под прямым контролем Чхонудан функционировали Нонминса (Крестьянское общество) — крупная организация национал-реформистского толка и другие аналогичные объединения. Создаваемые в деревнях вечерние школы, специальные курсы, лекции и другие просветительские мероприятия внушали крестьянству, что причина его бед и нищеты — нерациональный образ жизни, что нужно создавать обще-

ства взаимопомощи, потребительские и производственные союзы, развивать кооперативное движение. Тезис национал-реформистов — сначала независимость экономическая, а затем политическая — пропагандировался и в деревне, способствуя отвлечению крестьян от национально-освободительного движения.

Влиянию национал-реформистов благоприятствовали условия, созданные японской администрацией. Их деятельность по существу не встречала препятствий. В конечном счете она была даже выгодна колонизаторам. Хотя в литературе о Корее национал-реформистов нередко именуют буржуазными националистами применительно ко всему периоду их деятельности, это неточно. Их фактический отказ от идей национальной независимости не позволяет относить национал-реформистов к лагерю национальных сил. Разумеется, этот отказ был не единовременной акцией. В 20-е годы многие из них искренне, а некоторые — скрывая свои подлинные цели, свои крепнущие связи с империализмом, — провозглашали идеи независимости нации. Они утверждали, что развитие Кореи идет особым путем и, следовательно, ей должны быть свойственны особые формы независимости, что идеалом корейцев должна стать автономия.

За национал-реформистами в то время шли значительные слои населения. Национал-реформисты возглавляли не только буржуазные организации, но и многие объединения трудящихся, нанося серьезный урон развитию их классового самосознания, всему фронту корейского освободительного движения.

Буржуазно-национальные силы, продолжавшие борьбу против японского империализма, были представлены различными организациями и в стране, и за ее пределами, в частности в Китае. Они связывали избавление от ига японского империализма с помощью империализма США. Искренние патриоты из буржуазных националистов проявляли растущий интерес к марксистско-ленинскому учению, к программе и деятельности корейских коммунистов. Постепенно менялось их представление о международном союзнике корейского освободительного движения. Росла тяга к сотрудничеству с Советским государством, которое на практике оказывало свою бескорыстную помощь угнетенным народам.

Процессы, происходившие в буржуазно-националистическом лагере, формирование левого его крыла были связаны в Корее, как и в других странах Востока, с воздействием побед Октябрьской революции, политики и деятельности Советского государства. Не один корейский патриот прошел путь от умеренного буржуазного националиста до революционного демократа.

Следует напомнить, что передовые представители корейской буржуазной эмиграции в Китае еще в 1918 г. направили своего делегата в Советскую Россию; что корейские студенты в Японии в это же время в своей декларации независимости связывали освобождение Кореи от японского господства с победой Октябрьской революции и созданием Советского государства. От так называемого временного корейского правительства в Шанхае, которое первое время наряду с дельцами от политики группировало разных политических деятелей (чему немало способствовала сама вывеска — «корейское правительство»), отпочковывались прогрессивные группы, ориентировавшиеся на коммунистов, на союз с Советским государством, с международными революционными силами. Но и этот процесс развивался крайне противоречиво.

В таких условиях одной из важнейших задач компартии становилась выработка правильного курса в отношении союзников, попутчиков, противников революции — открытых и прячущихся под масками побор-

ников независимости. С этим курсом наряду с другими условиями была связана возможность установления гегемонии пролетариата в национально-освободительном движении, развитие, эффективность, направленность всего движения в целом. В 20-е годы корейские коммунисты не смогли решить этой задачи и допускали отступления влево и вправо. В то время как национал-реформисты оказывали большое влияние на массовые организации, компартия вместо повседневной работы в этих организациях (в частности и в особенности — в крестьянских) оставалась нередко в стороне. Такая позиция объективно облегчала деятельность национал-реформистов.

У компартии не было твердой линии и на использование антиимпериалистических потенций тех буржуазно-националистических сил, которые искренне стремились к независимости.

Как известно, В. И. Ленин, указывая на необходимость поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониальных и отсталых странах, подчеркивал, что эта поддержка не означает отказа от самостоятельности коммунистического движения, что рабочий класс должен бороться во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и, безусловно, охранять самостоятельность пролетарского движения, даже если оно находится в самой зачаточной форме⁹.

Корейское коммунистическое движение в 20-е годы не смогло реализовать этого важного требования.

Объявив в конце 1926 г. курс на единение патриотических сил, компартия одновременно допустила правоопортунистические ошибки. Это проявилось в деятельности Синганхве (Общество обновления), созданного по инициативе компартии в мае 1927 г. в качестве организации единого фронта. В Синганхве вошли объединения рабочих, крестьян, мелкой и отчасти средней патриотически настроенной буржуазии, члены религиозных организаций — христиане, буддисты, часть организации Чхондогё. Общество объединило около 10 тыс. членов и имело свыше 100 местных организаций¹⁰.

Программа Синганхве провозглашала скорейшее экономическое и политическое пробуждение народа, укрепление солидарности; отказ от всех видов оппортунизма¹¹. Такая неопределенность программы была одним из следствий линии руководства компартии, которое в тот период выступило фактически с тезисом об отказе от борьбы за гегемонию.

В одном из номеров теоретического журнала компартии, «Ирон тхуджэн», говорилось: «Синганхве, будучи национальным блоком всех угнетенных классов для совместных действий, является выражением национальной особенности Кореи... Здесь всякое высказывание о гегемонии какого-либо класса является бессмыслицей. Если какой-нибудь класс в Синганхве будет стремиться устанавливать свою гегемонию, то неизбежен развал этой организации»¹².

В организационном отношении Синганхве было построено по типу общенациональной политической партии. Народные массы, объединенные в союзы рабочих, крестьян, интеллигенции, женские, молодежные, вступали в Синганхве не организациями, а в порядке индивидуального членства, что в конечном счете вело к ликвидации этих организаций. Начался их массовый самороспуск под предлогом объединения патриотических сил.

Синганхве не смогло превратиться в организацию единого фронта во главе с компартией: к руководству пробрались национал-реформисты, договорившиеся до того, что «в интересах единого фронта нужно распустить все организации и ликвидировать также и коммунистическую пар-

тию»¹³. И хотя коммунисты и другие прогрессивные деятели из руководства Синганхве, в частности Хо Хон, Хон Мёнхи, активно боролись за превращение Общества в организацию единого фронта, сделать это не удалось; в 1930 г. руководство полностью захватили национал-реформисты во главе с Ким Бённо. В мае следующего года Общество было распущено.

Несмотря на крупные просчеты, приведшие к роспуску Синганхве, оно оставило след в борьбе за единый антиимпериалистический фронт корейского народа. Его история свидетельствовала, что только революционное руководство, учитывающее и отстаивающее самостоятельность классовых задач пролетариата, может обеспечить подлинное единство антиимпериалистических сил.

Самоотверженная революционная деятельность стойких коммунистов оказывала большое прогрессивное воздействие на те буржуазно-националистические силы, которые были искренне заинтересованы в достижении независимости Кореи. Но вместе с тем и буржуазно-националистическая идеология влияла на некоторых коммунистов, накладывая отпечаток на их идеологию и практику. Этому в первую очередь содействовало то, что руководящее ядро компартии составляла мелкобуржуазная интеллигенция, а рабочих в ее рядах, тем более в руководстве, в то время было мало.

Идейные колебания, просчеты в стратегии и тактике, резко ослаблявшие боеспособность партии, усугублялись внутривнутрипартийной фракционной борьбой — следствием мелкобуржуазной распущенности, — подтачивавшей здоровые силы партии. Непрерывные репрессии властей по-прежнему обрушивались в первую очередь против этих сил. Введенный властями в мае 1925 г., после создания КПК, Закон об охране безопасности явился смертельной опасностью для коммунистического актива. В ноябре 1925 г. была арестована группа руководящих деятелей КПК, в том числе секретарь ЦК — Ким Джэбон. Следующая волна репрессий прокатилась после июньских событий 1926 г.; были арестованы около 150 активистов партии и комсомола. Массовые аресты коммунистов происходили в 1927 г. и дважды — в 1928 г.

Во время судебных процессов народные массы имели возможность еще раз убедиться в мужестве, самоотверженности и неподкупности коммунистов, которые нередко превращали судилище в суровый суд над колонизаторами. Однако массовые репрессии ослабили партию. Из ее рядов были вырваны самые стойкие борцы. Это облегчало деятельность фракционеров, усиливало колебания наименее устойчивой части членов партии. Власти широко практиковали и засылку провокаторов в партийные организации.

Ведущее положение в партии заняли сторонники группы Эмэльхве, находившиеся под сильным влиянием левосектантского оппортунизма, распространенного тогда в японской компартии.

Их взгляды вели к отрыву партии от народа, к сужению ее массовой базы.

Вместе с тем ряд корейских коммунистов и новый секретарь ЦК КПК Ан Гванчхон (один из организаторов Эмэльхве) отстаивали и правооппортунистические положения, в частности идеи фактического отказа компартии от классовой борьбы и о том, что буржуазия должна быть гегемоном в антиимпериалистической национально-освободительной революции. В партии не прекращались фракционные распри.

«История революционного движения в Корею будет или переплавлять фракционеров, если они еще не абсолютно испорченный материал, даже в качестве утильсырья, или будет превращать их в политические

трупы... Фракционеры были все время в Корее деревьями без корней»¹⁴, — писал О. Куусинен.

Коммунистический Интернационал принимал меры, направленные на преодоление фракционной борьбы в компартии Кореи. В тезисах VI конгресса Коминтерна подчеркивалось, что коммунисты Кореи должны усилить свою работу в рядах пролетариата и в своем стремлении к всестороннему повышению активности и укреплению организаций рабочей и крестьянской федераций добиваться реорганизации профессиональных союзов, охвата ими важнейших слоев рабочего класса и увязки экономической борьбы с политическими требованиями. В то же время, подчеркивали тезисы, коммунисты должны теснейшим образом связывать требования национального освобождения страны с лозунгами аграрной революции, приобретающей все более актуальное значение вследствие возрастающей пауперизации крестьянства.

В рядах трудящихся масс, охватывавшихся крупными религиозно-национальными союзами (Чхондогё и др.), говорилось в тезисах, необходимо вести терпеливую революционно-просветительную работу, дабы освободить их из-под влияния национал-реформистских вождей. Во всех существующих революционных массовых организациях должно быть укреплено коммунистическое влияние; вместо того чтобы пытаться создать общую национал-революционную партию на основе индивидуального членства, следует стремиться к тому, чтобы координировать и объединять деятельность различных национал-революционных организаций при помощи совместных комитетов действия, создать фактический блок революционных элементов под пролетарским коммунистическим руководством, критикуя при этом половинчатость и колебания мелкобуржуазных националистов и постоянно разоблачая их перед массами. В коммунистическую партию следует втянуть новые силы, прежде всего из среды промышленных рабочих; это будет наилучшей гарантией большевистского развития партии и в особенности облегчит абсолютно необходимую ликвидацию вредного фракционного духа в ее рядах¹⁵.

Решить эти задачи могла партия, созданная на пролетарской базе, со здоровым ядром. Положение же, сложившееся в КПК, становилось угрожающим. Оно было чревато опасностью разгрома коммунистических сил. В таких условиях Коминтерн принял твердый «антифракционный» курс на ликвидацию фракций, на создание новой партии, нового руководящего ядра¹⁶.

В соответствии с решением Коминтерна компартия Кореи в 1928 г. перестала существовать как единая организационная сила. Три года ее деятельности, несмотря на многие допущенные ошибки и просчеты, не прошли даром: результаты сказались в повышении национального и классового самосознания трудящихся, в усилившемся стремлении патриотов к единству действий, в росте организованности массового движения рабочих, крестьян, интеллигенции. Главное же — под влиянием деятельности компартии шире распространились в массах революционные идеи, понимание необходимости бороться под знаменем этих идей в союзе с Советским государством за национальную независимость и социальный прогресс.

Причины неудач компартии Кореи — фракционизм и сектантство, негативная роль которых была особенно сильна в условиях террора колониальных властей, лишавшего партию наиболее стойких кадров, резко ограничившего деятельность коммунистов в массах подрывавшего ее силы, а также малочисленность теоретически зрелых деятелей, образованных марксистов в рядах партии. Глубинный фактор, вызывавший и эти, и многие другие неудачи, — в конечном счете слабость рабочего

класса Кореи, который состоял из вчерашних крестьян и представителей мелкобуржуазных слоев города, сильно подверженных влиянию мелкобуржуазной стихии.

Принятые декабрьским пленумом ИККИ (1928) тезисы о задачах коммунистов в качестве главной из них намечали и воссоздание партии — монолитной, сплоченной, с железной дисциплиной и пролетарским ядром, правильно сочетающей классовые и национально-освободительные задачи корейской революции.

«Декабрьские тезисы Исполкома Коминтерна явились для рабочего класса и коммунистов Кореи ценным руководством для коренной перестройки всей их революционной деятельности, оказали большую помощь корейским коммунистам в их практической работе»¹⁷.

После того как компартия прекратила свое существование, деятельность коммунистов (она проходила в глубоком подполье) развивалась в таких важных направлениях, как воздействие на освободительное движение, на массовые организации, работа в этих организациях, привлечение на свою сторону их рядовых членов, формирование единого фронта антиимпериалистических сил и постепенная подготовка условий для воссоздания компартии на пролетарской основе.

В сложной обстановке, когда, с одной стороны, японская полиция выискивала и изолировала коммунистических деятелей, а с другой — продолжалась деятельность фракционеров, стойкие коммунисты начали создавать фабрично-заводские партийные ячейки, подпольные коммунистические организации в деревнях и в учебных заведениях¹⁸. В эти суровые годы происходило очищение коммунистических рядов от временных попутчиков и разного рода случайных элементов¹⁹. Наиболее боеспособные коммунистические группы действовали в промышленных центрах страны — Сеуле, Пхеньяне, Вонсане, Хыннаме, все глубже внедряясь в рабочие союзы, оказывая растущее влияние на рабочее движение.

С их деятельностью был неразрывно связан подъем рабочего движения в конце 20-х годов, начало которому положила Вонсанская всеобщая забастовка.

Вонсанская забастовка

Пролетарии Вонсана (их крупнейшим отрядом были портовые рабочие) в начале 20-х годов уже имели свои организации. В 1924 г. на базе ранее созданного рабочего союза возникла Вонсан нодонхве (Вонсанская федерация труда), объединившая 28 первичных ячеек с 2,2 тыс. членов (из них около 1,7 тыс. — грузчиков).

13 сентября 1928 г. на американском нефтеперегонном заводе «Райзинг Сан» в Мунпхёне, близ Вонсана, вспыхнула забастовка в знак протеста против избития корейского рабочего японцем-десятиником. Профсоюз нефтеперегонщиков, входивший в Вонсан нодонхве, предъявил администрации завода требования: уволить десятиника, избившего рабочего; улучшить обращение с рабочими; принимать на работу и увольнять рабочих только с согласия профсоюза, выплатить заработную плату всем участникам забастовки. Были выдвинуты и дополнительные требования: выплачивать пособия за увечья на производстве, установить минимум заработной платы и др. Вначале администрация полностью отвергла эти требования и попыталась сорвать забастовку, переведя на завод рабочих с других предприятий. Но они (в том числе и японские рабочие) отказались стать штрейкбрехерами. В октябре арбитражная комиссия под руководством начальника полиции Вонсана вынесла ре-

шение прекратить забастовку на условиях частичного выполнения требований рабочих: десятник, избивший рабочего, будет уволен, забастовщикам выплатят 20% средней платы и не будут увольнять с работы. Остальные требования забастовщиков администрация обещала обсудить и разрешить в течение трех месяцев после обследования условий труда²⁰.

Рабочие приступили к работе. Но администрация и не собиралась выполнять своих обещаний. В декабре 1928 г. Вонсан нодонхве напомнила об обещанном и выдвинула ряд уточнений к своим требованиям. Комиссия ответила отказом, заявив, что не признает профсоюз и якобы намерена вести переговоры непосредственно с рабочими.

14 января 1929 г. 200 рабочих завода во главе с профсоюзом нефтеперегонщиков снова объявили забастовку. Вонсан нодонхве призвала своих членов поддержать бастующих. Она опубликовала около 400 воззваний и плакатов, призывавших к всеобщей забастовке. 18 января прекратили работу 450 грузчиков перевозочных компаний, сотни транспортных рабочих. 23 января бастовало уже более 2 тыс. рабочих. Забастовка стала всеобщей. В ней участвовали все союзы, входившие в Вонсанскую федерацию труда. Не работали предприятия, остановился транспорт, пустовал порт. Среди рабочих, насильственно мобилизованных в Вонсан из других городов, забастовщики, и в первую очередь коммунисты, проводили разъяснительную работу; распространялись листовки, прокламации, проводились митинги.

Полиция приняла чрезвычайные меры для подавления забастовки. Были вызваны полицейские силы из других городов. «Со всех уездов полицейские отряды стекаются к Вонсану для оказания помощи вонсанской полиции,— писала газета „Тона ильбо“ 24 января 1929 г.— Ситуация очень напряженная, и, возможно, из Хамхына будет двинута пехота». В помощь полиции были созданы террористические банды, а 22 января в городе введено чрезвычайное положение. Однако забастовщики держались стойко, чему немало способствовало широкое движение солидарности, развернувшееся по всей стране. В промышленных центрах — Сеуле, Пхеньяне, Чхонджине, Синьиджу, Сонджине, Чонджу, Анджу, Чиннампхо, Ёнхыне, Пусане, Инчхоне, Кунсане, Тэджоне, Тэгу — были созданы комитеты солидарности с вонсанскими рабочими. Они собирали средства для бастующих, вели разъяснительную работу среди населения, препятствуя вербовке штрейкбрехеров.

Более 100 рабочих, крестьянских и других массовых организаций страны послали средства в фонд бастующих. Забастовки солидарности с бастующим Вонсаном проходили в Хамхыне, Пукчхоне, Симпхо и в других городах. В городах и деревнях организовывались митинги и собрания, посвященные вонсанским событиям. Крестьяне присылали забастовщикам «рис помощи» и другие продукты питания, доставляли топливо²¹.

Вонсанских пролетариев поддержали не только трудящиеся Кореи, но и корейские рабочие в Японии (в городах Токио, Осака, Киото, Нигата) и в ряде районов Китая. Забастовку солидарности объявили транспортные рабочие Кобе. На многих предприятиях Японии собирались средства в фонд забастовщиков Вонсана. Письма со словами сочувствия и поддержки шли из Советского Союза, от трудящихся Франции и других стран.

Высокая классовая солидарность помогла вонсанским пролетариям не только стойко держаться перед натиском полиции, но и расширять борьбу. Забастовка приобретала все более ярко выраженный политический характер; на проводимых под руководством коммунистов митингах и собраниях выдвигались антияпонские лозунги. Генерал-губернатор

Кореи потребовал от провинциальных властей немедленно подавить забастовку. 8 февраля были арестованы большая и наиболее активная группа руководителей Вонсан нодонхве и многие участники забастовки. Вонсан был окружен полицейскими и отрезан от других городов. Для срыва забастовки власти и предприниматели широко использовали террористические организации, в частности так называемое Рабочее общество провинции Южная Хамгён. В ответ 1 апреля рабочие напали на здание, где помещалась эта организация, и разгромили ее.

Репрессии властей, смена руководства в Федерации, которую возглавили реформистские элементы, привели забастовку к поражению. Исполком Федерации принял решение о возобновлении работы с 7 апреля. Часть бастующих отказалась его выполнить, большинство же было вынуждено приступить к работе, согласившись на частичное удовлетворение своих требований.

Хотя вонсанская забастовка была подавлена, она вошла в историю корейского рабочего движения как его крупная победа. Корейский рабочий класс вышел на политическую арену в качестве самостоятельной и наиболее организованной политической силы. Популярный лозунг вонсанских рабочих «Наше оружие — сплочение» был подтвержден делами и укреплял понимание трудящимися важности единства действий. Забастовка еще больше закалила солидарность рабочих, расширила их интернациональные связи. Она помогла передовым рабочим понять, что национал-реформистские деятели, пытающиеся возглавить национально-освободительное движение, а также захватить руководство рабочими и другими организациями трудящихся, действуют в интересах буржуазии, что истинные борцы за независимость и классовые требования трудящихся — это коммунисты. В героические дни вонсанской забастовки ее активные участники — коммунисты — это еще раз доказали.

Вонсанское выступление рабочих, получившее общенациональный характер, открыло целую полосу классовых боев корейского пролетариата. В апреле 1929 г. забастовали 450 работниц прядильной фабрики в Тэчхоне, требовавшие улучшения обращения с ними администрации²². В мае объявили забастовку 200 рабочих рыбного промысла в Чиннампхо, требуя пересмотра системы оплаты труда. В июле провели объединенную забастовку рабочие пяти резиновых предприятий Пусана. Накал классовой борьбы в стране усиливался.

КОРЕЯ В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1929—1933)

Изменения в социально-экономической обстановке

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., охвативший капиталистическое хозяйство, болезненно отозвался на экономике Японии и ее колоний. Стоимость промышленной продукции Японии снизилась с 7,4 млрд. иен в 1929 г. до 5 млрд. иен в 1931 г. Число безработных составило к 1934 г. около 3 млн. В поисках выхода из кризиса японские империалисты усиливали наступление на трудящихся Японии, ограбление колоний. Резко упали цены на рис, корейский хлопок и коконы шелкопряда. Падение же цен на промышленные товары, особенно импортируемые из Японии, было не столь значительным. В результате неэквивалентный характер обмена еще более усилился, от него тяжело страдало корейское трудовое крестьянство. В годы кризиса сельскохозяйственные компании и помещики повысили арендную плату, размеры налогов и разного рода повинностей.

Во многих отраслях промышленности Кореи произошло сокращение производства (в 1930 г. в Сеуле закрылось более половины всех предприятий). Предприниматели усиливали наступление на рабочий класс, сократили заработную плату на 30—50%, увеличили рабочий день. На шахтах и мелких предприятиях работали неограниченное время. Выросла безработица. Общее число безработных в годы кризиса, по японским данным, достигло 200 тыс. Ряды их пополняли возвращавшиеся из Японии корейские рабочие.

Ухудшилось положение значительной части корейской буржуазии, в первую очередь мелкой и средней, снизились ее доходы. Сокращение производства вело ее к разорению.

Экономический кризис в Корее, в целом болезненно сказавшийся на положении разных социальных слоев корейского общества, имел свои характерные черты. Они были связаны с военными приготовлениями Японии и усилившимся выкачиванием необходимого ей корейского сырья. Это, в свою очередь, сопровождалось развитием в Корее транспорта, а также отраслей промышленности, производивших первичную обработку стратегического сырья.

Империалистическая буржуазия искала выход из кризиса не только в наступлении на трудящихся, но и на пути военных авантюр. Активную деятельность в этом направлении развивали и японские монополисты.

Поддерживаемая другими империалистическими странами, Япония издавна вынашивала планы захвата Монголии и Китая и последующего нападения на Советский Союз. Еще в меморандуме «О позитивной политике в Маньчжурии», представленном в 1927 г. японскому императору премьер-министром генералом Танака Гиити, были изложены далеко идущие захватнические планы Японии. Важное место отводилось

при этом Корею. Меморандум особо подчеркивал необходимость подготовки континентального плацдарма для агрессии на материке.

Спровоцировав инциденты, японская военщина вторглась в сентябре 1931 г. в Маньчжурию. Началось осуществление агрессивных планов японского империализма, что привело к серьезным изменениям в политической и социально-экономической жизни Кореи.

В годы кризиса и начала японской агрессии фактически были отменены те незначительные реформы, которые японская администрация провела после событий 1919 г. В июне 1931 г. ушел в отставку генерал-губернатор Сайто Макото, который выполнил возложенную на него миссию, а в новых условиях уже не удовлетворял запросам милитаристских кругов Японии из-за «чрезмерного либерализма». Место его занял Угаки Кадзусигэ (с 1924 г. он был военным министром Японии). Новый генерал-губернатор ввел в стране военное положение. Патриотические организации были вынуждены уйти в глубокое подполье. Если в 1931 г. число арестованных составляло 163 385, то в 1934 г. — 185 755; большинство из них обвинялось в политических «преступлениях».

Наряду с прямыми репрессиями «новый курс» включал и ряд мероприятий, направленных на упрочение корейского тыла путем дальнейшего расширения социальной опоры колонизаторов среди различных слоев корейского населения. В качестве «шага на пути к автономии» была преподнесена реорганизация провинциальных советов, являвшихся ранее только консультативными органами: в апреле 1933 г. они были преобразованы в «органы самоуправления». Право голоса при выборах в эти органы имели только самые состоятельные буржуазно-помещичьи слои. Так, в 1935 г. в уездных городах и поселках избирательным правом пользовалось около 10% всего населения.

Основное воздействие на позиции буржуазии, на ослабление ее оппозиционности японскому империализму оказывали его экономические мероприятия, политика приобщения корейских буржуазных слоев к военно-промышленному производству. Если до начала 30-х годов преобладающее место в корейской обрабатывающей промышленности, которая в целом развивалась крайне медленно, принадлежало отраслям легкой промышленности, то с указанного времени стали строиться предприятия военного значения — главным образом в северных районах Кореи, богатых сырьевыми и энергетическими ресурсами. В 1930 г. было закончено строительство химического комбината в Хыннаме, гидроэлектростанции и водохранилища на р. Пуджонган. Строились металлургические предприятия, заводы по производству цветных металлов, жидкого топлива и др.

В 1931—1936 гг. в Корею было создано более 1300 новых предприятий военного значения, а общая стоимость промышленной продукции возросла более чем в 2,5 раза.

Добывающая промышленность также была подчинена обслуживанию военных нужд японского империализма. Стоимость продукции горной промышленности увеличилась в 1936 г. по сравнению с 1931 г. более чем в 5 раз.

Продукция сельского хозяйства, составлявшая в 1931 г. (в валовой продукции всего хозяйства) 63,1%, снизилась в 1938 г. до 49,5%, продукция обрабатывающей и горнорудной промышленности возросла за это же время с 24,7 до 39,3%. Мощность гидроэлектростанций выросла с 383 710 *квт* в 1931 г. до 1 320 650 *квт* в 1938 г., т. е. почти в 3,5 раза.

Превращение Кореи в этапную базу для продвижения на материк сопровождалось строительством железных дорог и портов, чему японские империалисты уделяли большое внимание. Лишь в 1931 г. их ин-

вестиции в железнодорожное строительство составили почти 60% всех вложений японских монополий в транспортное строительство Кореи за предшествующие 30 лет.

Милитаристские цели развернувшегося в Корее строительства японские монополии прикрывали лозунгами «индустриализации», «промышленной революции» и тому подобной демагогией. В целом развитие корейской промышленности в 30-е годы не ослабляло, а усиливало ее зависимость от японского капитала. Но вместе с тем оно вызвало серьезные изменения в социальной области, в расстановке и политических позициях классовых сил корейского общества.

Значительно возросла численность рабочего класса. Если в 1919 г. было 48 тыс. промышленных рабочих, то в 1931 г.— 96 333, в 1932 г.— 99 923, в 1933 г.— 108 816, в 1934 г.— 124 436, в 1935 г.— 153 546¹. Постепенно росла концентрация рабочих на сравнительно крупных предприятиях (преимущественно в северной части страны). Это, в свою очередь, способствовало сплочению рядов пролетариата, росту его классового самосознания. Что касается положения рабочих, то в годы кризиса и подготовки Японии к большой войне оно еще более ухудшилось; рабочий день превышал на большинстве предприятий 12 часов (в 1931 г. в текстильной промышленности — на 82% предприятий, в деревообделочной — на 67,2%). Повышение цен вело к снижению реальной заработной платы.

Существенные перемены произошли в 30-е годы в положении разных групп корейской буржуазии.

В соответствии с законом 1931 г. об установлении контроля над всеми важнейшими отраслями промышленности многие предприятия, принадлежавшие корейцам, перешли в руки японских монополий (в 1931 г.— около 80% всех компаний в Корее принадлежало японцам; они сосредоточили более 90% акционерного капитала). Но кризис и военные приготовления Японии ударили лишь по мелкой и частично средней буржуазии. В целом же в первой половине 30-х годов деятельность корейской буржуазии оживляется.

Общее число предпринимательских объединений корейцев возросло к 1 сентября 1935 г. по сравнению с 1928 г. более чем в 4,6 раза, а их объявленный и оплаченный капитал увеличился соответственно на 123,9 и 214,2%. Корейские капиталы стали допускаться в такие отрасли, как горнодобывающая промышленность, морские промыслы, сельское хозяйство, лесоводство, куда ранее доступа для них фактически не было.

Ускорился процесс расслоения корейской буржуазии². Ее средние и особенно крупные слои активно устремились в открытые для них японским милитаризмом сферы деятельности, связанные с военным производством. Образовалось довольно устойчивое ядро крупных корейских капиталистов во главе с «текстильными королями» Кореи — Ким Сонсу и Ким Ёнсу. Они являлись хозяевами крупнейшей акционерной компании «Кэйдзё босэки», оплаченный капитал которой в 1933 г. составлял 1 млн. иен.

Капиталы «текстильных королей» были вложены и в другие области промышленности, в сельское хозяйство, а также в банковское дело. Они занимали руководящие позиции в ряде обществ и компаний. Используя военную конъюнктуру, расширяли предпринимательскую деятельность многие корейские капиталисты «средней руки», которые, в свою очередь, в экономических, военных и политических целях использовались японскими милитаристами.

Кризис и милитаризация вызвали изменения и в области сельского хозяйства Кореи. Провозглашенный генерал-губернатором Угаки

Кадзусигэ курс «хлопок — на юге, овцы — на севере» ставил целью добиться максимального вывоза сырья для военных нужд Японии и еще более усугублял для сельского хозяйства Кореи тяжелые последствия экономического кризиса. Резко сократилось, в частности, годовое потребление риса на душу населения (с 0,532 сок в 1925 г. до 0,380 сок в 1935 г.). Задолженность крестьян в 1935 г. превышала 1 млрд. иен. «Без преувеличения можно сказать, — писала 9 апреля 1931 г. „Кэйдзё ниппо“, — что голодает 80% крестьян-бедняков»; по сравнению с 1929 г. число безземельных арендаторских хозяйств увеличилось еще на 300 тыс. Число хваджонминов возросло почти в 2,5 раза.

В годы кризиса сфера деятельности японского капитала в корейской деревне продолжала расширяться. В частности, ВКО, владевшее в 1919 г. 77 тыс. чонбо корейских земель, в 1931 г. имело уже около 124 тыс. чонбо.

Для более полного использования корейской деревни в своих милитаристских целях и пресечения нарастающей в годы кризиса крестьянской борьбы японские власти предприняли ряд акций.

С 1932 г. они развернули «движение за возрождение деревни». Был разработан план «восстановления корейской экономики своими силами». Он предусматривал «мобилизацию всех трудовых ресурсов деревни» и «упорядочение жизни крестьян». Главное внимание уделялось «духовному возрождению, укреплению внутреннего самосознания» крестьянства. При генерал-губернаторстве был образован специальный «комитет по возрождению деревни». Его председателем стал вице-губернатор, а членами — начальники департаментов. Такие же комитеты были созданы в провинциях, уездах и волостях. Вместе с «комитетами по урегулированию арендных конфликтов», созданными на основе декрета об арендном арбитраже, в эти комитеты кроме японских чиновников и корейских помещиков вовлекались и представители буржуазных слоев. Комитеты настойчиво проповедовали крестьянам идеи сотрудничества землевладельцев с арендаторами. Пропагандистский аппарат колонизаторов вместе с корейскими помещиками внушал крестьянам, что в интересах возрождения деревни необходимо изыскивать самим способы восполнения недостатка в продуктах питания, «приводить в соответствие свои доходы и расходы», оплачивать долги. Крестьян призывали к мобилизации всех средств, к напряжению всех сил.

Власти, разумеется, не могли не учитывать, что основная масса участников крестьянских выступлений — безземельные и малоземельные арендаторы. В качестве одного из средств воздействия на них был разработан десятилетний (начиная с 1932 г.) план мероприятий «по увеличению численности крестьян-собственников». Отбор кандидатов в число будущих собственников проводился по признаку политической благонадежности.

В официальных японских материалах подчеркивалось, что, избрав из всех слоев сельского общества наиболее многочисленный слой — арендаторов, власти намерены превратить часть их в крестьян-собственников и «вдохнуть в них дух усердия и прилежания», что целью японской администрации является возрождение деревни, которой недостает ни идеологического равновесия, ни материальной устойчивости.

В апреле 1934 г. был принят земельный закон, согласно которому условия аренды устанавливались на основе «договоренности» между помещиками и арендаторами, а в случае если таковая не достигалась, ее устанавливал суд (при закрытых дверях). Разумеется, решения суда неизменно отвечали интересам помещиков.

В условиях мирового экономического кризиса, обострившего все

противоречия капиталистической системы: между империализмом и колониальными народами, между трудом и капиталом, между крестьянами и помещиками, усилившего антагонизм между мелкой и крупной буржуазией, между национальной буржуазией и иностранным капиталом, расширилась объективная основа для единства действий антиимпериалистических сил. В Корее оживилась деятельность и национал-реформистских и национал-революционных сил. Как известно, роль тех и других была в разных странах различной. В Корее, как и в предшествующие годы, четкую грань между ними провести было трудно. Бурная милитаристская активность японского империализма, его курс на приобщение корейской буржуазии к военно-промышленному строительству вели к тому, что корейский национал-реформизм все дальше уходил от национально-освободительного фронта. Но это происходило не просто, не сразу, не всегда явно.

Решающую роль в объединении антиимпериалистических сил призваны были играть коммунисты. Подпольные коммунистические группы, созданные после роспуска компартии в соответствии с декабрьскими тезисами ИККИ, развернули активную деятельность в промышленных центрах Кореи и в некоторых сельских районах, несмотря на крайне трудные условия. По их инициативе и при их участии создавались антиимпериалистические организации. Так, с 1931 г. в Сеульском университете и в других учебных заведениях стали действовать антиимпериалистические комитеты, объединенные затем в единый союз учащихся Сеула. Он издавал газету, распространял в учебных заведениях, учреждениях и на заводах прокламации и листовки, призывавшие к борьбе против колонизаторов.

Аналогичные организации действовали на промышленных предприятиях, особенно там, где коммунистические группы оказались наиболее жизнеспособными (Хыннамский химический комбинат, металлургический завод в Чхонджине, предприятия Пхеньяна, Сеула, Вонсана). Но деятельность антиимпериалистических организаций была разрозненной, не имела единой программы. Положение осложнялось тем, что фракционная борьба в подпольных коммунистических группах не была еще в то время преодолена. Все это болезненно сказывалось на развитии национально-освободительного движения и классовой борьбы трудящихся.

На всем фронте коммунистические силы сталкивались с национал-реформистами, захватившими руководство крупнейшими массовыми организациями. Национал-реформисты были и во главе Синганхве, которому отводилась роль организации единого антиимпериалистического фронта. Они продолжали возглавлять женские, молодежные общества, крупнейшие профсоюзные организации и крестьянские объединения.

Рабочее движение

Стремясь укрепить свое руководство рабочим движением, коммунисты начали создавать в противовес национал-реформистским революционные, «красные», профсоюзы.

В тезисах Исполкома Профинтерна «О задачах революционного профсоюзного движения в Корее» (18 сентября 1930 г.) указывалось, что основная слабость этого движения — отсутствие у корейского пролетариата революционной руководящей организации, что Чосон нодон чхондонмэн находится под руководством мелкобуржуазных и националисти-

ческих (национал-реформистских) элементов. Профинтерн ставил задачей создание подлинно революционных профессиональных союзов рабочих.

Реализуя рекомендации Профинтерна, корейские коммунисты стали создавать в промышленных центрах революционные «красные» профсоюзы: в Хыннаме — Комитет красных профсоюзов с ячейками на заводах и железнодорожном транспорте, в Сеуле — Всекорейский подготовительный комитет красных профсоюзов. Последний образовал на заводах подпольные рабочие группы, объединившиеся затем в заводские комитеты.

Деятельность «красных» профсоюзов с самого начала протекала в крайне трудных условиях. С 1931 по 1935 г. по делу этих профсоюзов было произведено свыше 70 групповых арестов и более 1700 активистов подверглись тяжелым наказаниям.

Недооценка важности сотрудничества с массовыми организациями трудящихся, во главе которых стояли национал-реформисты, бойкот этих организаций и ориентация исключительно на малочисленные «красные» рабочие и арендаторские союзы вели к самизоляции коммунистических групп. Тем самым они в определенной мере предали забвению ленинское указание об обязательности, необходимости «работать там, где есть масса» и «преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых... реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса»³.

Смысл и значение этих ленинских слов приобретали особую актуальность в кризисные годы, когда в Корее развернулась острая классовая и национально-освободительная борьба.

Рабочий класс Кореи продолжал мужественно бороться. Вонсанская забастовка обогатила его опытом классовых битв, закалила, подняла его авторитет среди крестьянства и других слоев трудящихся. В 1930 г. в Корее произошло 160 забастовок, в которых участвовало почти 19 тыс. рабочих (против 8 тыс. в 1929 г.)⁴.

Наиболее крупная из них — забастовка рабочих Пусанского текстильного комбината. Она началась 10 января 1930 г., когда от имени 3 тыс. текстильщиков администрации были предъявлены требования: повысить заработную плату, ввести 8-часовой рабочий день, отменить систему штрафов и т. п. Вызванная хозяевами полиция арестовала рабочих посланцев. На следующий день забастовали 2 тыс. текстильщиков (около 1 тыс. рабочих были задержаны полицией в общежитии, чтобы изолировать их от бастующих). Был создан забастовочный комитет, предъявивший хозяевам требования в основном экономического характера: повышение заработной платы, установление 8-часового рабочего дня, оплата беспричинных увольнений, выдача пособия по несчастным случаям; в случае смерти рабочего — выплата пособия семье; ликвидация системы штрафов; улучшение питания; отмена системы пропусков, выдаваемых рабочим при выходе в город; недопущение увольнений в связи с объявленной забастовкой и др. Одним из требований была ликвидация различия в обращении с японскими и корейскими рабочими. Администрация снова прибегла к помощи полиции, начались аресты организаторов выступления. Забастовщики остались без руководства.

Рабочие других предприятий Кореи развернули движение солидарности, слали письма, пытались помочь пусанским забастовщикам, собирали для них средства, хотя не всегда имели возможность их передать.

В забастовке приняла участие группа японских пролетариев, работавших на пусанском комбинате.

Представители местных федераций труда (отделения Чосон нодон чхондонмэн) вели себя крайне нерешительно и не смогли возглавить борьбу рабочих. Уже при организации забастовки были допущены ошибки: созданы, например, отдельные забастовочные комитеты для рабочих и работниц, что ослабляло силы бастующих, мешало их совместным организованным действиям. Хозяева же и полиция действовали согласованно и вынудили рабочих прекратить забастовку. 20 января было подписано компромиссное соглашение, фактически отвергавшее требования бастующих.

Почти одновременно с забастовкой пусанских текстильщиков и примерно с такими же требованиями выступили 300 рабочих рисоочистительной фабрики «Като» в Инчхоне; это выступление было подавлено полицией.

Весьма значительным событием в рабочем движении начала 30-х годов, свидетельствовавшим о серьезных качественных сдвигах в нем, была героическая борьба шахтеров Синхына (Южная Хамгён).

В уезде Синхын действовали небольшие угольные шахты; условия труда там были крайне тяжелые, заработная плата составляла от 25 до 50 сэн в день. Шахтеры работали по 10 и более часов.

На шахте функционировал подпольный марксистский кружок. Коммунисты, решив создать рабочий союз, собрались с этой целью 2 мая 1930 г. на сходку. Администрация ее разогнала. Возмущенные шахтеры 3 мая объявили забастовку. Сначала их было 150, затем к ним присоединились еще около 200. Выдвинутые ими требования гласили: улучшить обращение с рабочими, прекратить насилия, грубость надсмотрщиков; повысить заработную плату — женщинам на 20% и более, подросткам — на 30%, шахтерам (на подземных работах) — на 40%; сократить рабочий день до 8 часов; улучшить санитарно-гигиенические условия; выдавать пособие уволенным шахтерам и семьям погибших по вине предприятия; обеспечить лечение получивших увечье рабочих за счет предприятия и выдавать им пособие; прекратить вмешательство администрации в дела профсоюзов; запретить увольнения рабочих; продавать товары рабочим без наценок; прогнать трех особо ненавистных членов бюро охраны шахты⁵.

Стачечный комитет, созданный рабочими, используя опыт вонсанской забастовки, начал широкую разъяснительную работу среди шахтеров и населения, организовал пикеты. Для бастующих был создан продовольственный фонд. Уже в начале забастовки рабочие устраивали уличные демонстрации. Их поддержали пролетарии других районов страны.

10 мая администрация объявила всеобщий локаут, участников забастовки уволили. Руководители профсоюзов Хамхына стали уговаривать рабочих отказаться от своих требований, а администрацию — воздержаться от увольнений. При их посредничестве бастующие 14 мая приступили к работе, поверив в обещания администрации не применять к ним санкций. Однако в конце мая были уволены 10 руководителей забастовки, а многие активные ее участники переведены на самые тяжелые работы.

Возмущенные шахтеры, вооружившись лопатами, кирками, топорами, организовали штурмовые группы, напали на шахтоуправление, вывели из строя электростанцию, машинное оборудование, прервали телефонную связь. Выступление возглавил рабочий союз, созданный в дни майской забастовки.

Полиция и на этот раз расправилась с восставшими: 12 организаторов выступления и более 100 активных его участников были арестованы.

Героическая борьба шахтеров Синхына вызвала в стране движение солидарности. Оно развернулось при организующей роли подпольных коммунистических групп, которые распространяли листовки с призывом поддержать рабочих Синхына: «Наши товарищи, революционные рабочие! Поддержим героическую борьбу синхынских шахтеров... Наш путь ведет к новому обществу. Выступление рабочих Синхына является репетицией революционной войны. Товарищи рабочие! Демонстрациями и восстаниями мы повсюду поддержим синхынских товарищей»⁶.

Следуя призывам коммунистов, в ряде районов страны рабочие вели собрания и митинги. Из Хамхына, Вонсана и других промышленных центров в Синхын шли письма со словами поддержки и солидарности; крестьяне уездов Синхын, Тхончхон, Хонвон слали бастующим продовольствие. Росло классовое самосознание и классовая солидарность корейского пролетариата, усиливалось влияние коммунистов в рабочем движении. Характерно, что в 1931 и 1932 гг. в Синхыне и на других шахтах Кореи в ознаменовании годовщины майского выступления шахтеров при организующей роли коммунистов были объявлены забастовки.

В августе 1930 г. произошла 20-дневная забастовка 2 тыс. рабочих предприятий резиновой (обувной) промышленности Пхеньяна. Причиной этого совместного выступления было решение корпорации предпринимателей снизить с 1 августа заработную плату в среднем на 10%.

Забастовка началась 6 августа. 10 августа на общем собрании бастующие сформулировали свои требования, предусматривавшие решительную борьбу против снижения заработной платы, прекращение необоснованных увольнений и выдачу увольняемым пособий; оплату выходных дней и праздников, отмену ночной смены, лечение пострадавших за счет предприятий и выплату им пособия; ликвидацию системы штрафов; оплаченный отпуск работниц до и после родов по три недели, предоставление им возможности кормить новорожденных; улучшение обращения с рабочими, признание за ними права на организацию союзов и заключение коллективных договоров⁷.

Организаторы забастовки и ее участники действовали под руководством Пхеньян нодонхве (Пхеньянская федерация труда). Но ее реформистское руководство стремилось к компромиссу и уговаривало рабочих не прибегать к «крайним» мерам, а терпеливо ждать ответа хозяев. Тем временем хозяева, используя поддержку полицейских, начали расправу с организаторами забастовки. Более 20 активистов было арестовано.

На словах согласившись рассмотреть требования о повышении заработной платы и добившись прекращения забастовки, администрация не выполнила своих обещаний. Она уволила с предприятия свыше 200 рабочих.

Это вызвало новую волну протеста. Рабочие изгнали с фабрик штрейкбрехеров, а когда те оказали сопротивление, применили силу. Были выведены из строя машины, оборудование. Забастовка сопровождалась митингами и демонстрациями. Но, лишенные организованного руководства, рабочие были вынуждены отступить.

Наряду с реформистским руководством Федерации ответственность за поражение забастовки несли и руководители пхеньянского отделения общества Синганхве, в частности Чо Мансик, Ким Донвон и другие национал-реформисты, действовавшие в интересах предпринимателей и властей.

Выступления пхеньянских и пусанских пролетариев отразили харак-

терную для того периода противоречивость рабочего движения. С одной стороны, налицо был рост классовой солидарности, активизация форм борьбы, сочетание экономических и политических требований, вовлечение в борьбу работниц, стойкость и упорство рабочих, с другой — недостаточная организованность и определенная беспомощность перед действиями политиканов из национал-реформистских профсоюзных организаций.

В 1930 г. также произошли выступления почти 3 тыс. строительных рабочих Вонсана и ряд других забастовок.

4 января 1931 г. из-за удлинения рабочего дня до 15 часов забастовали 600 рабочих шелкомотальной фабрики компании Катакура в Хамхыне. Подавляющее большинство рабочих составляли женщины. Они потребовали сокращения рабочего дня и улучшения обращения с ними. Хозяева вызвали полицию, и у здания фабрики завязалась ожесточенная схватка работниц с полицейскими. Хотя организаторы забастовки были арестованы, но работницы продолжали борьбу, в течение нескольких месяцев на фабрике вспыхивали забастовки. Отсутствие руководства и здесь привело к тому, что требования работниц не были удовлетворены.

В апреле 1931 г. вспыхнула забастовка в Сеуле на текстильной фабрике компании «Кэйдзэ босэки», принадлежавшей Ким Сонсу. Эксплуатация рабочих на предприятиях корейских капиталистов была не менее жестокой, чем на японских. В апреле 1931 г. было объявлено о новом снижении заработной платы в среднем на 20%⁸.

28 апреля созданный рабочими забастовочный комитет сформулировал их требования, гласившие: не снижать заработную плату, установить ее минимум (80 сэн в день), ликвидировать систему штрафов, улучшить обращение администрации с рабочими, ввести 8-часовой рабочий день, установить женщинам одинаковую с мужчинами заработную плату, признать за рабочими право создания своих организаций. Забастовщики отказались обсуждать компромиссные предложения администрации и заняли фабрику. Вызванные хозяевами полицейские силой оружия вытеснили рабочих, арестовали организаторов и активных участников забастовки. Выступление было подавлено.

В марте 1931 г. произошла крупная стачка портовых рабочих Чхонджина. Около тысячи забастовщиков потребовали от предпринимателей не снижать заработную плату, установить ее по соглашению с рабочими; не преследовать за участие в профсоюзе; выдавать пособие при получении увечья на производстве. Рабочие действовали дружно и добились удовлетворения своих требований. Характерно, что в забастовке участвовали китайские и японские кули, работавшие в порту. Когда хозяева попытались привлечь в качестве штрейкбрехеров безработных китайцев и японцев, те присоединились к бастующим.

Яркой страницей истории рабочего движения Кореи в годы кризиса было выступление работниц резиновой фабрики в Пхеньяне, начатое 17 мая 1931 г. в знак протеста против снижения заработной платы (на 25%) и продолжавшееся до середины июля. Несмотря на позицию руководства Пхеньян нодонхве (Пхеньянская федерация труда), мешавшего распространению забастовки на другие предприятия, работницы продолжали мужественную борьбу, проводили митинги, на которые собиралось много людей. Когда полиция попыталась арестовать одного из организаторов забастовки — работницу Кан Джурён, — последняя взобралась на крышу и оттуда призывала забастовщиц не сдаваться. Она была арестована и погибла в тюрьме.

В июле того же года началась забастовка рабочих рисоочиститель-

ной фабрики «Рикибу» в Инчхоне. В ней участвовало около 400 рабочих. Забастовку поддержали 2 тыс. рабочих других рисоочистительных предприятий Инчхона. Они требовали установления минимума заработной платы и 8-часового рабочего дня; права участия в рабочих союзах; прекращения увольнений и полицейского вмешательства; улучшения обращения со стороны надсмотрщиков. Рабочие по решению забастовочного комитета захватили фабрику и заявили, что не уйдут до тех пор, пока их требования не будут удовлетворены. Отряды самообороны охраняли здание, а агитаторы, выделенные для разъяснительной работы среди населения, бдительно следили за тем, чтобы администрации не удалось завербовать штрейкбрехеров из числа безработных. Многих из них убедили участвовать в забастовке. Требования рабочих были удовлетворены.

Организованность и упорство, проявленные инчхонскими пищевиками, объяснялись прежде всего тем, что забастовкой руководила коммунистическая группа, действовавшая в Инчхоне.

Удовлетворением требований рабочих закончилась и стачка на химическом заводе в Хыннаме, и многие другие выступления.

Крупными рабочими выступлениями был ознаменован и 1932 год: состоялось 152 забастовки, в которых участвовало почти 15 тыс. рабочих.

В январе работницы чулочных фабрик Пхеньяна (в городе имелось несколько десятков небольших чулочных мастерских, в которых работали более тысячи женщин) создали объединенный забастовочный комитет, выдвинувший следующие требования: повысить заработную плату; установить 8-часовой рабочий день; отменить систему штрафов; предоставить рабочим право на создание своих организаций и т. д. Предприниматели отказались выполнить эти требования. Тогда 700 работниц 20 чулочных фабрик одновременно прекратили работу (характерно, что национал-реформистское руководство городского профсоюза чулочников фактически бойкотировало забастовку и ее возглавил созданный рабочими забастовочный комитет). Попытки предпринимателей вмешательством полиции и арестами подавить забастовку окончились неудачей, требования бастующих были удовлетворены.

В этом же месяце объявили забастовку около 200 портовых рабочих Унги. Они захватили склад с продовольствием и распределили продукты среди голодающего населения.

В феврале 1932 г. выступили транспортные рабочие Чхонджина. Бастующие требовали повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, заключения коллективного договора. Они проводили митинги, во время которых разъясняли задачи классовой пролетарской солидарности, клеймили штрейкбрехеров, завербованных предпринимателями. Забастовку подавили при помощи полиции. Однако хозяева были вынуждены пойти на частичные уступки — бастующим выдали за месяц заработную плату.

Весьма симптоматичной, наглядно раскрывающей качественный рост корейского рабочего движения в годы кризиса, была забастовка рабочих (подавляющее большинство их составляли женщины) шелкоткальной фабрики в Тэджоне, приуроченная ее организаторами к празднику пролетариата — 7 Ноября. Перед началом работы на фабрику собралось более 500 рабочих из разных смен. Один из присланных сюда местной коммунистической организацией пропагандистов рассказал о победе пролетарской революции в России и ее значении для народов мира. Затем забастовочный комитет огласил проект требований к администрации — не только экономических, но и политических: о прекращении национальной дискриминации, об установлении одинаковой оплаты

труда корейцев и японцев (корейцы получали на фабрике в среднем 17—18 иен в месяц, японцы — 40 иен), об улучшении обращения с рабочими. Когда руководители забастовки были арестованы, рабочие объявили голодовку. Хозяева были вынуждены в конце концов частично удовлетворить их требования.

Массовое выступление трудящихся произошло и на далеком острове Чеджудо. Остров отделен от материка Корейским проливом; жители занимаются главным образом морскими промыслами. Основную рабочую силу в 30-х годах составляли женщины. Их нещадно эксплуатировали японские дельцы, использовавшие созданные в этих целях рыбо-ловецкие кооперативы Чеджудо. В начале 30-х годов в такие кооперативы были объединены более 50 тыс. рыбаков.

В сентябре 1930 г. более тысячи рыбаков потребовали повышения закупочных цен на рыбу. Японские скупщики отвергли их требования. В конце 1931 г. рыбаки из поселка Хадори организовали демонстрацию протеста против грабительских условий труда. Стали создаваться боевые отряды; 7 января 1932 г. около 400 рыбаков окружили здание, где находилось правление кооператива, скандируя свои требования. Волнения перекинулись на другие рыбацкие поселки. 12 января более 3 тыс. рыбаков, вооруженных ножами и вилами, напали на контору правления и избили группу дельцов. В дополнение к ранее выдвинутым требованиям они настаивали на том, чтобы включить в состав правления кооператива своих выборных, улучшить условия жизни населения. Героическое восстание тружениц Чеджудо было подавлено полицией, а многие участники его арестованы. Выступление это вызвало горячий отклик корейских трудящихся. На ряде предприятий происходили стачки солидарности.

В 1930—1932 гг. в стране произошло 517 забастовок с 60 тыс. участниками.

После героической стачки вонсанских рабочих, обогатившей корейский пролетариат опытом классовых выступлений, корейское забастовочное движение стало более активным: в условиях растущей эксплуатации рабочие не только оборонялись, но и сами в большинстве случаев переходили в наступление. Они требовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, введения социального страхования и охраны труда. Наступательность их действий проявлялась не только в характере требований, но и в формах борьбы: многие забастовки сопровождались нападениями на полицейские участки, жаркими, хотя и неравными, схватками рабочих с полицией и солдатами, захватом предприятий. В движении заметно возросли и практически стали основными политические моменты (требования предоставления рабочим права на организацию, заключения коллективных договоров, прекращения вмешательства полиции в дела рабочих и т. д.). Почти во всех самых крупных выступлениях звучало требование уничтожить национальную дискриминацию корейских пролетариев.

В листовках и прокламациях, распространявшихся во время забастовок, антиимпериалистические задачи формулировались наиболее отчетливо и радикально и нередко содержали прямой призыв к свержению японского господства. Проводились и чисто политические забастовки, например в знак протеста против увольнения революционно настроенных рабочих.

Ярким свидетельством роста политической направленности рабочего движения, влияния коммунистических сил было то, что многие забастовки сопровождались демонстрациями и объявлялись в дни революционных праздников — 1 Мая и 7 Ноября. Нередко рабочие выходили

на улицы с красными флагами и революционными песнями; эти шествия так и назывались: «чокки сиви» — «краснознаменная демонстрация».

Несколько возросла организованность и целенаправленность рабочих выступлений. Одновременные забастовки сразу на нескольких предприятиях, движение в поддержку бастующих свидетельствовали о повышении классового самосознания и классовой солидарности корейских пролетариев. Обращает на себя внимание и расширение массовой базы рабочих выступлений, активное вовлечение в борьбу женщин-тружениц.

Обозначившиеся в годы кризиса сдвиги в рабочем движении были связаны в первую очередь с ростом влияния подпольных коммунистических групп. Коммунисты не только сами активно участвовали в забастовках, что, разумеется, влияло на организованность и целенаправленность рабочих выступлений, но и развернули борьбу за разоблачение антирабочей линии и деятельности руководителей таких влиятельных и крупных профсоюзных организаций, как Чосон подон чхондонмэи и его местных организаций. В процессе борьбы все более обнажалось антирабочее существо руководящей верхушки профсоюзов.

Стихийный путь отрезвления масс был бы крайне долгим и мучительным. Лишь целенаправленная разъяснительная работа коммунистов была способна облегчить и ускорить этот процесс.

Коммунисты, создавая в противовес реформистским свои революционные профсоюзные организации (следует отметить, что в последних развернули подрывную работу национал-реформисты, не желавшие сдавать своих позиций), разоблачая политику руководства национал-реформистских профсоюзов, должны были, разумеется, помнить о рядовых членах этих организаций, вести повседневную разъяснительную работу, применять гибкую тактику. В конце 20-х — начале 30-х годов это еще не было осуществлено. «Красные профсоюзы» нередко оказывались мало мощными, оторванными от организаций, где концентрировалась основная масса рабочих. Во всем этом сказывались непреодоленные еще сектантство, политическая слабость корейского пролетариата и коммунистического движения.

Подчеркивая, что нельзя идеализировать пролетариат Кореи и не видеть тех отрицательных сторон, которые препятствуют росту его политической активности, О. Куусинен писал: «Опыт у корейского пролетариата как у класса — незначительный, участие пролетариата в коммунистическом движении очень невелико. В движении преобладающую роль еще играет революционная интеллигенция»⁹.

Крестьянское движение

Успехи и слабости, сложность и противоречивость всего корейского революционного процесса в рассматриваемый период, который стал переходным к качественно новому этапу борьбы, проявились и в крестьянском движении.

Декабрьские тезисы ИККИ (1928) подчеркивали, что корейский рабочий класс в союзе с широчайшими массами крестьянства выступает на политической арене как самостоятельный субъект политики, которому предстоит обеспечить свою гегемонию в революции.

Как известно, проблема пролетарской гегемонии в первую очередь является проблемой привлечения на сторону рабочего класса крестьянства, установления с ним прочного союза, руководимого пролетариатом.

В. И. Ленин писал, что, являясь естественными союзниками пролетариата, различные слои трудового крестьянства способны оказать ему

решительную поддержку лишь после того, как «увидят на практике, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути»¹⁰.

В годы мирового экономического кризиса по инициативе коммунистов при участии передовых рабочих в сельских районах стали создаваться «красные крестьянские союзы», широко развернувшие свою работу. Однако коммунисты, сосредоточив основное внимание на деятельности этих организаций, не проводили надлежащей работы в массовых объединениях, руководимых национал-реформистами (Чхондогё и др.), не боролись за привлечение входящих в эти организации крестьян на сторону пролетариата и отрыв от национал-реформистского руководства. Созданные коммунистами «красные крестьянские союзы» в уездах Хонвон, Сонджин, Ёнхын и в других районах проводили большую работу среди крестьян, несмотря на репрессии, которые обрушили против них японские власти (в 1931—1935 гг. полиция произвела 143 ареста по делу «красных крестьянских союзов» и более 4 тыс. активистов-крестьян подвергла наказаниям). Эти союзы были революционными ячейками, к которым чаще всего стихийно тянулась молодежь. Но основная масса крестьянства находилась под влиянием национал-реформистов, входила в возглавляемые ими организации. Деятельность же коммунистов в этих организациях была недостаточной как из-за известной ее недооценки, что отражало сектантские тенденции, так и из-за крайне сложных условий работы. А национал-реформисты действовали беспрепятственно. Больше того, их аграрная политика устраивала колонизаторов, объективно содействовала их курсу в корейской деревне.

В годы кризиса и усилившейся крестьянской борьбы интерес национал-реформистов к деревне заметно вырос. Их орган — газета «Тонаильбо» 12 ноября 1932 г. опубликовала статью «Деревня Кореи и корейский народ», где было написано: «Деревня — это корейский народ, а корейский народ — деревня. Это нужно усвоить дважды и трижды... Корейский город не похож на иностранный город... Гибель деревни есть в то же время разрушение города».

Национал-реформисты разработали свою аграрную программу, исходя из концепции об исключительности и полной самобытности корейского общества, корейского пути к независимости. В ней декларировались: установление арендного законодательства, снижение арендной платы государственной властью, снижение или полная отмена косвенных налогов, снижение натурального налога и отмена дополнительных поборов (при этом не указывались ни размеры снижения, ни характер арендного законодательства). В программе говорилось также об установлении контроля над ростовщиками, предоставлении крестьянам малопроцентных кредитов, о национализации ирригационных обществ, создании мелкособственнических хозяйств путем обработки новых земель под пашни из государственных земель и пустырей, поощрении сельского хозяйства, рационализации сельскохозяйственных предприятий, организации производственных крестьянских кооперативов.

Эти основные положения аграрной программы национал-реформистов, широко пропагандировавшиеся среди крестьян, особенно тех, кто входил в Чхондогё, были сформулированы с учетом многих крестьянских требований тех лет. И хотя программа не предусматривала коренных изменений, не касалась даже вопроса о земельной собственности, она оказывала определенное влияние на крестьянские массы. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что японские власти, развернув в начале 30-х годов движение за «возрождение деревни», использовали аграрную программу национал-реформистов для дезорганизации и обуздания кре-

стьянской борьбы. Они реализовали те ее требования, которые не ущемляли помещиков, а у крестьян порождали надежды на улучшение их жизни мирными, реформистскими путями. Таким образом, объективно национал-реформисты действовали заодно с колонизаторами, для которых их аграрная политика являлась заслоном против революционных требований по крестьянскому вопросу, выдвигаемых коммунистами. Положение осложнялось и тем, что революционные требования не были оформлены в четкую и конкретную аграрную программу, а пропаганда их крайне затруднялась репрессиями властей.

В годы кризиса, ухудшившего положение крестьян, толкавшего большинство из них на борьбу с помещиками, нарастали активные крестьянские выступления, выходявшие за рамки обычных арендных конфликтов. В 1929—1932 гг. в Корее было зарегистрировано 237 таких выступлений (более 22 тыс. участников).

В собственно арендных конфликтах, которых в 1929 г. было 423, число участников превышало 5400; в 1930 г.—726 конфликтов охватили 13 тыс. человек; это были лишь те конфликты, в разрешении которых участвовали японские власти. Выступления крестьян, как и рабочие забастовки, приобретают в эти годы более активный, решительный характер. Петиционные формы борьбы еще сохранялись. Однако, отесняя такие приемы, как подача просьб и жалоб, голодовка, отказ от сна, ранее довольно широко практикуемые в крестьянском движении Кореи, все чаще происходили массовые выступления крестьян, выдвигавших свои требования помещикам. Когда же последние прибегали к помощи полиции, крестьяне отвечали на полицейский террор активным сопротивлением. Арендные конфликты перерастали в вооруженные схватки. Крестьяне нападали на полицейские участки, волостные и уездные управления, поджигали усадьбы помещиков, разрушали оросительные сооружения, сжигали заемные документы и кабальные арендные договоры.

В годы кризиса усилились непосредственные связи рабочих и крестьян. Многие рабочие, уволенные за участие в забастовочной борьбе; и просто безработные возвращались в деревню. Немало рабочих — выходцев из деревни оказалось в тюремных застенках. Все это не могло не оказывать влияния на крестьян.

Около 2 тыс. крестьян участвовали в арендном конфликте с Восточно-колониальным обществом, который вспыхнул в сентябре 1929 г. в провинции Южная Чолла. В декабре того же года начался крупный конфликт между арендаторами и компанией «Тёсэн точи когё» в уезде Кёнсан (Северная Кёнсан). В нем участвовали 2 тыс. крестьян.

Свыше 7 месяцев продолжалась борьба в уезде Ёнчхон (Северная Пхёнан), начавшаяся в первые дни 1930 г. В конфликте участвовали около 2 тыс. человек. В ответ на многочисленные случаи расторжения арендных договоров крестьяне потребовали установления постоянной аренды, переложения ирригационного сбора с крестьян на компанию, снижения арендной платы и налогов. Более 200 крестьян объявили голодовку и отказались от сна.

К наиболее значительным крестьянским выступлениям в период кризиса относится восстание в уезде Танчхон (Южная Хамгён). Поводом послужило избивание японцем-лесником беременной крестьянки, собиравшей хворост. Крестьяне во главе с членами местного Нонмин тонмэн (Крестьянский союз, создан в 1927 г.) выступили против варварского произвола, чинимого властями, помещиками и их прислужниками. Полиция арестовала группу крестьян под предлогом, что они якобы используют земли, принадлежащие японскому лесному союзу. 5 июля в Танчхоне состоялась демонстрация. 3 тыс. крестьян потребовали немедленно

уволить лесника, избившего крестьянку, освободить арестованных, отменить налоги и поборы, распустить японский союз, обиравший крестьян. Они протестовали против передачи корейских лесов японцам.

Требования крестьян Танчхона носили ярко выраженный антиимпериалистический характер. Они были пронизаны идеями классовой интернациональной солидарности, в чем сказалось влияние коммунистических групп: листовка с крестьянскими требованиями, написанная кровью, гласила: «Да здравствует освобождение всех угнетенных мира! За освобождение из тюрем борцов освободительного движения! Долой империализм! С этими лозунгами мы идем на всеобщую демонстрацию... Везде, где есть угнетение, будем бастовать.

С этим призывом мы обращаемся к вам, угнетаемые на заводах и в деревнях страны, ко всем угнетаемым массам»¹¹.

В ответ на репрессии полицейских демонстранты (среди них было много женщин) напали на уездное управление. Затем, вооружившись камнями и палками, они направились к полицейскому управлению.

Восстание в Танчхоне вызвало отклик в других районах. Крестьянские союзы провинции Южная Хамгён развернули работу по организации помощи восставшим. Отпечатанные в подпольных типографиях листовки призывали поддержать танчхонских крестьян.

Власти вызвали из Хамхына пехотный полк, и солдаты жестоко расправились с восставшими: 15 человек было убито, более 20 ранено, свыше 100 активистов арестовано¹².

Выступления в уезде Танчхон продолжались и в последующие годы.

После танчхонского восстания в разных районах страны все чаще происходили схватки между крестьянами и полицией. Так, в 1930 г. были совершены нападения крестьян на полицейские участки в волости Нам уезда Чансон (Южная Чолла), в уезде Намхэ (Южная Кёнсан), на о-ве Чеджудо и в других местах. В уезде Чонпхён (Южная Хамгён) в марте 1930 г. произошла массовая демонстрация протеста в связи с тем, что японские власти запретили проводить съезд Нонмин тонмэн.

В это же время в разных районах страны происходили «ирригационные бунты». Против непосильной эксплуатации со стороны ирригационного союза «Тайсё суйри кумиай» в Северной Пхёнан в 1930 г. выступили 9 тыс. крестьян. В 1931 г. в Северной Чолла более 500 крестьян с криками: «И так умирать, и так умирать» — разрушили оросительные плотины. Массовая база крестьянской борьбы расширилась. В нее активно включались и батраки. Они составили значительный процент участников крестьянского выступления в уезде Ёнхын (Южная Хамгён), организовавших в июле 1931 г. массовую демонстрацию, завершившуюся схваткой с полицией. Крестьяне требовали снижения налогов, арендной платы и платы за пользование водой. Полиция подавила выступление, 16 активистов были арестованы. Через некоторое время в Ёнхыне волнения вспыхнули вновь.

Летом того же года схватки крестьян с полицией произошли в Пукчхоне, Сунчхоне и других местах.

В 1932 г. происходили крестьянские волнения в уезде Кымчхон (Северная Кёнсан), в уезде Хванджу (Хванхэ), в уезде Коксон (Южная Чолла), в уезде Янсан (Южная Кёнсан).

В движение вовлекались, хотя и медленно, крестьяне-собственники, разорение которых в годы кризиса усилилось.

Подъем крестьянского движения характеризовался не только ростом числа выступлений, но и активизацией борьбы: демонстрации в ряде случаев перерастали в схватки с полицией, в нападения на усадьбы помещиков, на полицейские учреждения и посты. Некоторые сдвиги про-

изошли и в содержании крестьянских требований. Хотя наиболее распространенными из них оставались снижение арендной и ирригационной платы, запрещение сгона арендаторов с земли, заключение фиксированных арендных договоров, однако уже отчетливо раздавались и политические лозунги: свобода создания крестьянских организаций и созывов съездов, прекращение репрессий в отношении участников крестьянской борьбы. Нередко выступления крестьян приурочивались к международным революционным праздникам. Весьма важно, что начались уже совместные демонстрации рабочих и крестьян.

Не случайно служебное издание японской администрации «Сайкинни окэру Тёсэн тиан дзёкё» отмечало, что арендные конфликты, которые ранее были чисто экономическими, стали приобретать «политическую окраску». Самые массовые выступления крестьян, имевшие политическую направленность, происходили в сельских районах северной части страны по соседству с ее промышленными центрами.

Выступления учащейся молодежи. События в Кванджу

В годы кризиса заметно оживилось движение учащейся молодежи (студентов высших и средних специальных учебных заведений, старшеклассников), весьма разнородное по своему содержанию, отражавшее сложность и противоречивость политических позиций, характерные для буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

После восстания 1919 г. в среде последней усилилась дифференциация. Одна часть, встав на платформу национал-реформизма, пропагандировала идеи автономии, распространения образования. Другая, наиболее зрелая и прогрессивно настроенная, включалась в революционную борьбу, с интересом изучала марксистско-ленинскую теорию, искала и находила в ней ответы на вопросы: как достичь независимости и социального прогресса? Некоторые оказывались лишь временными попутчиками революции; со свойственной молодости горячностью и самозабвением ринувшись в освободительное движение, они затем остывали, отходили в сторону, порой испугавшись репрессий, а иногда тяготясь будничными, кропотливыми, повседневными делами, которыми были вынуждены заниматься революционеры, оказывались в конце концов по другую сторону баррикад.

В годы кризиса произошли наиболее крупные и массовые в истории колониальной Кореи выступления учащихся. Они начались в г. Кванджу (Южная Чолла) с обычного для тех времен случая: 30 октября 1929 г. в поезде, следовавшем из Кванджу, японские студенты оскорбили корейскую девушку. За нее заступились брат и товарищ, потребовавшие, чтобы японцы извинились. Те отказались, заявив, что «корейцы не люди, а скоты» и обижаться «не имеют права». Наглый поступок шовинистов вызвал возмущение. На перроне Наджу, куда прибыл поезд, завязалась драка между корейскими и японскими учащимися. Вызванная к месту побоища полиция встала на сторону зачинщиков скандала, а корейских школьников связали и бросили в тюрьму.

В знак протеста 3 ноября в Кванджу началась демонстрация. В ней участвовали более 1 тыс. учащихся (студенты сельскохозяйственного и педагогического техникумов, школьники). Они требовали освобождения арестованных и резко клеймили в выступлениях и распространяемых во время демонстрации листовках зверства колонизаторов, их политику, в частности в области просвещения. Затем демонстранты осадили редакцию и типографию японской газеты «Кванджу ильбо» (по-японски —

«Косю ниппо»), оскорбившей корейских учащихся, изобразившей их зачинщиками конфликта. Они требовали опровержений. Когда администрация ответила отказом, молодые патриоты повредили ротационные машины.

В городе было введено чрезвычайное положение. Для подавления волнений власти мобилизовали не только полицию, но и японских резервистов, пожарные команды и членов шовинистической молодежной организации Сэйнэндан. В Кванджу сразу направили два полка солдат из Енсана. Десятки участников демонстрации были арестованы. Однако 12 ноября патриотическая молодежь города вновь организовала демонстрацию, в которой помимо юношей и девушек участвовали их родители. Демонстрация переросла в кровавые стычки с полицией.

Разбросанные демонстрантами листовки гласили: «Долой японский империализм!», «Да здравствует освобождение корейского народа и всех угнетенных народов!», «Долой колониальную систему обучения!», «Силой отобьем арестованных!».

Учащихся Кванджу поддержала патриотическая молодежь других городов Кореи. В знак солидарности учащиеся ряда учебных заведений Сеула 4 и 5 декабря не явились на занятия. В демонстрации, организованной ими, участвовали около 10 тыс. человек. Демонстранты несли красное знамя.

8 января 1930 г. состоялись демонстрации в Синийджу, 8 и 9 января — в Кэсоне, 11 января — в Хамхыне и Пусане, 14 января — в Пхеньяне (в этих выступлениях участвовало в среднем по 300—500 человек). Наиболее распространенными требованиями, провозглашенными на этих митингах и демонстрациях, были: строго наказать виновников насилия над учащимися Кванджу, немедленно освободить арестованных, прекратить вмешательство полиции в школьные дела, радикально преобразовать систему обучения.

Все эти демонстрации имели боевой характер. Наряду с требованиями, непосредственно касающимися событий в Кванджу и вопросов образования в Корее, патриотическая молодежь выдвигала лозунги свержения японского империализма.

Несмотря на репрессии властей, демонстрации, митинги, забастовки учащихся продолжались. Нередко их поддерживали рабочие, крестьяне, преподаватели, врачи и другие прогрессивно настроенные группы интеллигенции и мелкой городской буржуазии. С ноября 1929 по апрель 1930 г. в движении солидарности с молодежью Кванджу участвовали около 60 тыс. учащихся из 200 учебных заведений (в 1929 г. произошло 78 выступлений, в 1930 г. — 107, в 1931 г. — 103 выступления).

Свыше 2,5 тыс. участников движения были исключены из учебных заведений, 17 тыс. — арестовано. Состоялось сто судебных процессов по делам «идеологических преступлений» учащихся и педагогов, было осуждено 1642 человека.

Выступления корейской учащейся молодежи в годы кризиса еще раз показали двойственность позиций мелкобуржуазной интеллигенции в целом. В начальный период событий (1929) борьба по своему характеру и форме была более наступательной, радикальной. Свидетельство тому — лозунги об освобождении корейского народа и всех угнетенных народов, требования политических свобод, выдвинутые учащимися Кванджу, красные флаги, с которыми вышла на улицы в декабре 1929 г. молодежь Сеула. Выступления в этот период отражали активизацию деятельности коммунистов среди учащейся молодежи.

Но национал-реформистское руководство молодежных организаций попыталось (и безуспешно) обуздать стихийно вспыхнувшую борьбу,

направить ее в русло умеренных требований и петиционных форм. Эта задача облегчалась тем, что репрессии властей вырвали из рядов движения наиболее стойких, революционно настроенных участников. И уже в 1930—1931 гг. в выступлениях учащих доминировали лозунги, касавшиеся лишь вопросов образования и его демократизации в рамках буржуазно-националистической программы.

В целом период мирового экономического кризиса и развязывания японской агрессии на Дальнем Востоке стал заметной полосой в корейском освободительном движении. Развернулась деятельность подпольных коммунистических групп, созданных после роспуска компартии, хотя и медленно, но все глубже внедрявшихся в рабочее и крестьянское движение, в национально-освободительную борьбу масс. Это выражалось в росте организованности, целенаправленности классовых и антиимпериалистических выступлений. Влияние национал-реформистов в широких массах было еще сильным, однако позиции корейского национал-реформизма постепенно ослабевали. Об этом свидетельствовали такие факты, как многочисленные случаи перерастания рабочих и крестьянских выступлений, движения интеллигенции в активную борьбу, выходившую за рамки, установленные реформистами; роспуск Синганхве, руководство которым захватили национал-реформисты, пытавшиеся создать единый национальный фронт под руководством буржуазии. Решение о роспуске Синганхве было принято на его съезде 17 мая 1931 г., хотя реформистское руководство всячески этому противилось. Вопрос о правильности и оправданности такой акции революционеров никак нельзя считать решенным. Можно допустить, что их повседневная терпеливая и настойчивая работа в Синганхве могла бы дать более действенные результаты, чем его роспуск.

Из-под влияния национал-реформизма начинали высвобождаться все большие группы трудящихся и прогрессивно настроенные мелкобуржуазные деятели. Это было неразрывно связано и с другим процессом — усилившимся сближением национал-реформистского лагеря с империалистическим. Оба процесса влияли один на другой.

То обстоятельство, что на Дальнем Востоке образовался очаг мировой войны, что японские империалисты вынашивали планы нападения на Советский Союз — оплот мировой революции и национально-освободительного движения народов, также серьезно влияло на дифференциацию корейских политических сил, на активизацию борьбы революционеров.

РАЗВИТИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТОВ (1932—1935)

Предпосылки перехода к организованной партизанской борьбе

С начала 30-х годов в корейском революционном движении происходят решающие сдвиги, обусловленные всем предшествующим ходом борьбы и требованиями времени. В условиях террора, резко усилившегося в годы кризиса и развязывания японской агрессии в Китае, когда исключалась возможность существования и деятельности легальных революционных организаций, стойкие корейские патриоты переходят на путь вооруженной борьбы. Основной базой партизанского движения стал Северо-Восточный Китай, где в начале 30-х годов проживали более 1 млн. корейцев. Условия для партизанских действий были в этом районе благоприятны (горные массивы занимали почти $\frac{4}{5}$ территории), к тому же здесь издавна сложились традиции корейской вооруженной борьбы («Вйбён»). После победы Великой Октябрьской социалистической революции, в обстановке подъема китайского революционного движения в Маньчжурии активно действовали отряды Тонникун (Армии независимости).

Когда Япония захватила Северо-Восточный Китай, развернув подготовку к большой войне, и китайский народ поднялся на освободительную борьбу, патриоты Кореи взялись за оружие.

В этот период на арене освободительной борьбы появился Ким Ир Сен. Он родился в 1912 г. в Мангёндэ (близ Пхеньяна) в семье учителя-революционера. Его отец — Ким Хёнджик был активным борцом за независимость Кореи, участником восстания 1919 г. и других антиимпериалистических выступлений. Патриоткой-революционеркой была и мать Ким Ир Сена — Кан Бансок.

В 1924 г. Ким Ир Сен с родителями уехал в Северо-Восточный Китай. Еще во время учебы в средней школе в Цзилине (Гирин) он активно включился в революционное движение учащихся, за что был арестован и два года провел в тюрьме. Выйдя из тюрьмы, Ким Ир Сен продолжал активную революционную деятельность. С 1931 г. он возглавил ядро стойких корейских коммунистов.

Деятельность созданного Ким Ир Сенем в 1932 г. партизанского отряда положила начало корейскому организованному вооруженному движению, возглавленному коммунистами. Оно было неразрывно связано с борьбой международного пролетариата. В тезисах XII пленума ИККИ (сентябрь 1932 г.) о международном положении и задачах секций Коммунистического Интернационала указывалось: «Коммунисты Кореи и Формозы в тесном сотрудничестве с КП Японии и КП Китая обязаны мобилизовать рабочих и крестьян Кореи и Формозы для борьбы против японского империализма, за независимость Кореи и Формозы, создавая революционный боевой союз всех угнетенных и эксплуатируемых для национально-освободительной борьбы»¹.

Курс на развитие вооруженной борьбы (это подчеркивается в работах ученых КНДР), выдвинутый корейскими коммунистами в условиях фашистского террора и невозможности легальной деятельности освободительных сил, являлся творческим применением марксистско-ленинской теории к конкретной действительности Кореи.

Отряды корейских партизан создавались в разных районах Северо-Восточного Китая. Возглавлявшие их коммунисты постепенно разрабатывали тактику партизанской борьбы. То обстоятельство, что она развернулась не в самой стране, а на территории соседнего государства, никак не снижает ее самостоятельного, глубоко национального характера. При этом непосредственные связи с борьбой китайских патриотов выражали те новые отношения дружбы и интернациональной солидарности между народами, которые сложились и крепили в мире после победы Великого Октября.

Японские милитаристы всячески старались подорвать эти связи. Они применяли излюбленную тактику колонизаторов «разделяй и властвуй», провоцировали инциденты, натравливали китайцев на корейцев и наоборот. Их проискам противостояла деятельность китайских, корейских и японских коммунистов-интернационалистов. В частности, компартия Японии еще в июле 1931 г. в своем воззвании к рабочим Японии, Китая и Кореи подчеркивала, что японские империалисты боятся быстрого развития революционного движения в этих странах; больше всего они опасаются того, что рабочие выступят против них единым фронтом: «Поэтому они стараются всеми средствами сеять национальную рознь и разгромить революционный единый фронт путем организации международной бойни»².

Коммунисты Китая и Кореи разъясняли массам значение интернациональной солидарности и единства в борьбе против империализма. Эта солидарность росла в процессе совместной борьбы. Так, в крестьянских восстаниях в Маньчжурии осенью 1931 г., известных как «восстания осеннего урожая», а также в весеннем восстании 1932 г. участвовало много корейских крестьян. Эти выступления, проходя под лозунгами борьбы против японского империализма и реакционных помещиков, сопровождалось разгромом их усадеб, захватом складов зерна и раздачей его беднякам.

В период этих массовых восстаний и развернули борьбу корейские партизанские отряды. Они формировались в районах Андона, Ванцина, Хуньчуня, Яньци, Хэлуна. В отрядах были созданы коммунистические и комсомольские организации, начавшие политическую работу в массах.

Курс корейских коммунистов заключался в том, чтобы, исходя из сложившейся в стране обстановки и с учетом международных условий, развернуть организованную партизанскую борьбу, создать постоянные вооруженные силы — армию революции; неразрывно связать вооруженную борьбу с другими формами массового движения непосредственно в Корее и в Северо-Восточном Китае.

Организаторы партизанского движения придавали большое значение формированию партийного ядра, его воспитанию и идейной закалке. Отряды партизан состояли из рабочих, крестьян, революционно настроенных интеллигентов.

В 1932 г. партизанские отряды, действовавшие в Восточной Маньчжурии, объединились в Восточноманьчжурский антияпонский народный партизанский отряд. В том же году корейские коммунисты совместно с китайскими приступили к созданию партизанских баз (в Дайванцине, Шоуванцине, Ваньугоу, Хуньхуне, Инкоу и в других районах Восточной Маньчжурии).

На территории партизанских баз активно действовали коммунистические и комсомольские организации; под их руководством устанавливалась народная власть и осуществлялись демократические преобразования: конфисковалась земля у прояпонских помещиков и раздавалась безвозмездно крестьянам; вводился 8-часовой рабочий день; ликвидировалась колониальная налоговая система; оказывалась помощь безработным и другим нуждающимся. В партизанских районах были открыты школы, больницы, созданы оружейные и пошивочные мастерские, предприятия по производству взрывчатки, проводилась военная подготовка и политическая работа среди населения, печатались революционные листовки, прокламации. Формировались революционные кадры борцов-интернационалистов. Опираясь на эти базы, партизаны развивали вооруженную борьбу (сначала малыми группами) и готовились к более крупным боевым операциям. Вместе с тем им приходилось в ожесточенных схватках с японскими карателями защищать освобожденные районы.

В начале 30-х годов, как подчеркивает историография КНДР, большой опасностью для развития корейского освободительного движения являлся левацкий авантюризм. Некоторые коммунисты партизанских отрядов заимствовали опыт компартии Китая вместе с левацкими ошибками (лилисаневщина), которые КПК в тот период допускала. Они игнорировали необходимость прохождения определенных и совершенно обязательных этапов революции, смешивали ее общедемократические, национально-освободительные, антифеодальные задачи с задачами борьбы против буржуазии, настаивали на «немедленном осуществлении социализма».

Левацкие элементы пытались ввести в освобожденных районах советы как органы пролетарской диктатуры. Проводя там экономические мероприятия, они настаивали на отмене всякого частного землевладения, на полной конфискации всей земли как помещиков, так и крестьян, выступали за ее коллективную обработку. Против этих опасных для революции левацких ошибок, отступлений от марксизма-ленинизма выступило руководящее ядро коммунистов-партизан.

В партизанских отрядах в Маньчжурии действовало около 40 партийных организаций.

Коммунистическое руководство партизан уделяло большое внимание организованному единству своих рядов, борьбе с расхлябанностью, групповщиной, фракционизмом, что имело исключительно большое значение для создания основ будущей компартии и для преодоления трудностей корейского коммунистического движения.

В 1933 г. в Ванцине по инициативе Ким Ир Сена состоялось совещание представителей корейских партизанских отрядов Восточной Маньчжурии. Оно осудило ошибки местных властей, выразившиеся в конфискации кулацких земель и лишении кулаков политических прав, а также факты проявления национальной вражды между корейским и китайским населением, которая насаждалась и разжигалась японскими колонизаторами.

Совещание решило преобразовать созданные в освобожденных районах рабоче-крестьянские советы в инмин хёнмён чонбу (народно-революционное правительство). В его программе указывалось, что оно борется за свержение японского империалистического господства в Корее и марионеточного правительства Маньчжоу-го, за освобождение корейского и китайского народов.

Мероприятия коммунистов в освобожденных районах укрепляли их влияние, способствовали росту и сплочению партизанских сил.

В 1933 г. отряд Ким Ир Сена установил непосредственные связи с отрядами Ким Чхэка и Чхве Ёнгона (Цой Ён Гена).

В апреле 1933 г. партизаны при поддержке населения отразили крупную японскую карательную экспедицию. Несколько сот японских солдат было взято в плен.

В сентябре того же года корейские партизаны совместно с китайскими мощным совместным ударом атаковали район Дунина на границе Северо-Восточного Китая с Советским Союзом. Около 1600 партизан ворвались на оружейный завод и военные склады, захватили большие трофеи, уничтожили японскую охрану.

В конце 1933 г. японская военщина вновь бросила против партизанских баз в Ванчине и Яньцзи около 10 тыс. карателей и вновь встретила стойкое сопротивление партизан. Активная их деятельность развернулась вдоль Цзилинь-Хэйлунской железной дороги. Налеты на поезда, японские автоколонны и обозы, нападения на военные объекты, на полицейские участки, воинские гарнизоны наносили ощутимый урон колонизаторам.

В 1934 г. после слияния партизанских отрядов образовалась Корейская Народно-революционная армия. Ее возглавил Ким Ир Сен. Это была важная мера в борьбе за консолидацию и укрепление партизанских сил. Продолжали существовать и партизанские отряды, которыми руководили как коммунисты, так и буржуазные националисты. Последние действовали совместно с войсками китайских националистов.

Партизанское движение стало центром корейской антияпонской борьбы, основным ее фронтом. Будучи по своему характеру и целям национальным, оно являлось составной частью мирового освободительного движения, было тесно связано с борьбой китайского народа.

Народно-революционная армия и партизанские отряды объединяли представителей разных социальных слоев, главным образом крестьян, а также рабочих и представителей прогрессивной интеллигенции. Коммунистическое руководство партизан проводило курс на объединение антияпонских освободительных сил. Стратегия и тактика движения, которая постепенно разрабатывалась коммунистами, предусматривала борьбу против соглашательских национал-реформистских элементов и единство действий с патриотами из буржуазно-националистического лагеря (некоторые из них стояли во главе партизанских отрядов, функционировавших в разных районах Маньчжурии). Такой курс был направлен на преодоление сектантских, левооппортунистических ошибок, допускавшихся корейскими коммунистами в 20-е годы. Коммунистическое руководство партизан, максимально привлекая к антияпонской борьбе все патриотические силы, в том числе и буржуазно-националистические, предусматривало руководящую роль в этом союзе рабочего класса и его авангарда — коммунистов. Уже на первом этапе партизанской борьбы создавались предпосылки для образования единого национального фронта.

Партизанские отряды, возглавлявшиеся буржуазными националистами, хотя и были немногочисленными, но играли немалую роль в привлечении интеллигенции к активной освободительной борьбе. Руководство партизан придавало большое значение пропаганде принципов единого фронта среди корейского населения.

Создание Народно-революционной армии позволило корейским революционерам расширить наступательные действия. В 1934 г. вместе с китайскими патриотами они провели важную операцию в районе Санчакоу, ворвались в город и разгромили японский гарнизон. В том же году командование Народно-революционной армии провело боевую опе-

рацию в уезде Ванцин. Тайно проникнув к укрепленному району, которому японские милитаристы придавали большое значение как расположенному на границе, корейские бойцы, поддержанные китайскими партизанами, после упорных боев заняли его и вынудили врага поднять белый флаг.

В октябре 1934 г. части Народно-революционной армии во взаимодействии с китайскими патриотами совершили рейд в пограничных районах Северо-Восточного Китая.

Корейские партизаны героически сражались и в рядах антияпонских армий Северо-Восточного Китая. Они составляли около 10% личного состава бойцов и командиров 4-й армии. Корейский коммунист Ким Чхэк стал политическим комиссаром 3-й армии.

В конце 1933 — начале 1934 г. японские войска усилили карательные действия против партизан, предприняв ряд экспедиций против освобожденных районов, положение которых крайне осложнилось. Партизаны, активно поддержанные населением, самоотверженно боролись с врагом. Но продолжение прямых столкновений с численно превосходящими, хорошо вооруженными силами противника грозило неоправданными потерями и расценивалось руководством партизан как авантюризм. Условия диктовали необходимость новой тактики борьбы. Выступая против тех, кто требовал продолжать «лобовые действия против японской военщины и отстоять во что бы то ни стало базы», партизанское руководство в начале 1934 г. переформировало партизанские отряды, разделив их на две части: одна осталась защищать базы, другая прорвалась во вражеский тыл и там развернула борьбу. Партизаны совершали нападения на военные склады, казармы, полицейские участки, держа противника в постоянном напряжении и не только нанося ему урон, но и серьезно мешая проведению карательных операций против освобожденных районов.

Со второй половины 30-х годов коммунистическое руководство партизан после ряда совещаний (в Дайхуанвэе, Вайвэньгоу и др.) взяло курс на ликвидацию партизанских баз, существовавших в виде постоянных освобожденных районов, которые оказали немалое влияние на процесс формирования и укрепления революционных сил и на развитие освободительного движения. Исходя из задач активизации борьбы и расширения ее арены, партизанское руководство стало создавать подпольные партизанские базы в форме лагерей, размещаемых в наиболее благоприятных лесных районах вдоль рек Амноккан и Туманган, вокруг горы Пэктусан, где среди населения действовали революционные организации. Создание партизанских лагерей облегчало оперативные боевые действия Народно-революционной армии, ее оборону в условиях непрерывных карательных налетов врага и позволяло сохранять силы, обеспечивать отдых и учебу бойцов.

Деятельность корейских партизан на территории Маньчжурии серьезно влияла на борьбу революционных сил в самой Корее. Рост этого влияния не был стихийным. Коммунистическое руководство партизан с самого начала оказывало помощь подпольным коммунистическим группам, действовавшим в Корее, вело разъяснительную работу среди населения, распространяя политическую литературу, листовки, прокламации, посылая агитаторов. Велись и непосредственные партизанские действия на корейской территории.

Но решающая роль партизанского движения 30—40-х годов в развитии всей корейской революционной борьбы определялась тем, что во главе ее стояли коммунисты. Именно на этом фронте, на базе марксистско-ленинского учения, творчески примененного к конкретным условиям

страны, постепенно вырабатывались стратегия и тактика всего корейского освободительного движения, формировались, закалялись кадры революции. Это был не единовременный акт, а длительный и сложный процесс. Он ощущался в Корее уже в первой половине 30-х годов. В то время, как и в последующие периоды, большое и непосредственное влияние на ее патриотические слои оказывала мужественная борьба, которую в крайне суровых условиях вели партизаны.

Особенно сильно их влияние сказывалось в северных районах Кореи. Это проявлялось, в частности, в забастовочной борьбе, идейно связанной уже в начале 30-х годов с партизанским движением. Коммунисты рассказывали рабочим о задачах движения, о неравной борьбе, которую вынуждены вести партизаны. Нередко в листовках бастующих содержались призывы к поддержке партизан. «Братья, рабочие-текстильщики Чхонджина! — говорилось, например, в листовке, распространявшейся коммунистами во время забастовки в Чхонджине (1933). — Японское правительство на средства, созданные потом и кровью японских и корейских рабочих, истребляет наших соотечественников в Цзяндао и Маньчжурии... Долой японский империализм!»³.

В японских слухебных изданиях неизменно подчеркивалось, что Цзяндао — «опасный очаг большевизма», что влияние, идущее оттуда, «пагубно для Кореи».

Призывы поддержать партизан содержались и в нелегальных революционных газетах и журналах, издававшихся в эти годы в Корее под руководством коммунистов. Так, в Вонсане выходили журнал «Вонсан нодонджаса» и газета «Нодонджаги»; в Хыннаме с июля 1931 г. — газета «Хамке», а с 1934 г. — газета «Тхуджэн синмун», в Мёнчхоне и Чонпхёне — газета «Пиннонги», в Сонджине — «Пульккот», в Кильчу — газета «Пульгум чумо». Разумеется, эти издания были нерегулярными. Но даже те номера, с которыми удалось ознакомиться, свидетельствуют о влиянии на рабочее и крестьянское движение в Корее партизанской борьбы уже в первые годы ее развития. «Активно поддержим вооруженный отряд Ким Ир Сена», — писала, в частности, газета «Пульгум чумо» в номере, посвященном XIX годовщине Октябрьской революции.

В этих изданиях подчеркивалась необходимость укрепления революционных связей корейских патриотов с народами других стран. Лозунг «Рабочие и крестьяне всех стран, соединяйтесь!» занял видное место в нелегальной корейской печати. «Поддержим Советский Союз!», — писала газета «Вонсан нодонджа». В первом номере газеты «Тхуджэн синмун» подчеркивалось, что Советский Союз — отечество рабочих и крестьян: «Товарищи! Не забывайте слов В. И. Ленина, что нужно крепить союз с рабочими и крестьянами всех стран».

Все это свидетельствовало о растущей роли революционеров-интернационалистов в корейском освободительном движении. С их влиянием были связаны и политические требования, выдвигавшиеся рабочими и крестьянами. В брошюре о 1 Мая, опубликованной революционным крестьянским союзом вместе с рабочими-коммунистами Хамхыша, подчеркивалось: «Сплотившись под руководством рабочего класса, вступим в борьбу против империалистической войны, за улучшение нашей жизни, за полное освобождение. Рабочие и крестьяне всего мира, объединяйтесь!»⁴. Газета «Тхуджэн синмун» в мае 1934 г. призывала: «Долой японский империализм, землю — крестьянам!»⁵. В апреле того же года эта газета писала: «Смело вставайте на борьбу за свое освобождение, за улучшение жизни... против грабительского японского империализма!».

В «Сайкин-ни окэру Тёсэн тиан дзёкё» говорилось, что быстрый рост

коммунистического движения чрезвычайно стимулировал рабочее и крестьянское движение и создавал в стране «напряженность и тревогу».

В листовках, распространявшихся в 1934 г. коммунистами, в частности в Хыннаме, наряду с лозунгами о независимости выдвигалось требование воссоздания компартии Кореи.

Развивавшееся в стране забастовочное движение характеризовалось в этот период ростом наступательности и политической направленности. Ярко выраженный политический характер имели, например, забастовки текстильщиков Пусана и Ёнсана в 1933 г., рабочих многих промышленных предприятий Пхеньяна, Сеула, Кванджу, Хыннама, а также шахт и рудников. Продолжались выступления угольщиков Синхына. Всего в 1933 г. произошло 175 забастовок. В них участвовало около 14 тыс. человек. Примерно столько же участвовало в 99 забастовках, происшедших в 1934 г.

С 1935 г. число забастовок стало несколько снижаться (в 1935 г.—170 с 12 200 участников). Но содержание рабочих требований, упорство, проявляемое ими в борьбе, свидетельствовали о качественном росте забастовочного движения, что, в свою очередь, было связано с активизацией деятельности коммунистических групп. В июне 1935 г. на металлургическом заводе в Чиннампхо забастовали 1300 металлургов, потребовав от администрации повысить на 50% зарплату, уравнивать оплату труда корейских и японских рабочих, улучшить условия труда, предоставить квартиры квалифицированным рабочим, отказаться от найма штрейкбрехеров и т. д. Администрация обещала удовлетворить требования, и часть забастовщиков приступила к работе. Тогда хозяева отказались исполнить обещанное. Забастовка металлургов возобновилась.

В сентябре того же года забастовали около 800 печатников Сеула, требовавших увеличить заработную плату, улучшить обращение с корейскими рабочими, отменить систему обысков при выходе из типографии, организовать столовую. В том же году объявили забастовку 400 текстильщиц фабрики, принадлежавшей компании «Тоё босэки» в г. Тэджон. Они также требовали повышения заработной платы.

На многих предприятиях, шахтах, в портах вспыхивали стачки, связанные с резким ростом цен на продукты и товары первой необходимости. Так, в марте 1937 г. повышения заработной платы потребовали свыше 5 тыс. горняков Кёнджу. Повысить заработную плату на 40—60% потребовали грузчики порта Наджин.

В крестьянском движении множились политические требования. В марте 1933 г. в уезде Суан (Хванхэ) крестьяне вышли на демонстрацию, добиваясь освобождения арестованных полицией товарищей. Упорная борьба крестьян развернулась в том же году в Северной и Южной Хамгён, в районах Кильчу, Сонджин, Танчхон, Пукчхон, Мёнчхон и др.

Наиболее значительным крестьянским выступлением было восстание в Мёнчхоне в 1934 г., которым непосредственно руководили революционные крестьянские организации. Весной 1934 г. в одной из деревень этого уезда был создан левый крестьянский союз, распространивший свое влияние на соседние районы. Союз проводил разъяснительную работу, призывал крестьян к борьбе против империалистического и феодального гнета. Как отмечается в одном из японских полицейских изданий, «члены союза были готовы пожертвовать всем ради достижения своей цели — создания коммунистического общества. К работе привлекались даже школьники, которые помогали своим братьям и отцам, участвуя в пикетах, передавая донесения и т. п.»⁶.

Союз координировал свою деятельность с подпольными крестьянскими организациями в Кильчу и Сонджине.

8 мая 1934 г. в районе Мёнчхона начались волнения, вызванные произволом японских и корейских помещиков и колониальных властей. В деревнях были созданы боевые дружины (так называемые комитеты охраны). Под их руководством действовали посты наблюдения и связи. Одновременно стали создаваться комитеты борьбы, и их члены в случае арестов товарищей оказывали полиции организованное сопротивление.

На совещании руководителей дружин Мёнчхона и соседних уездов было принято обращение к крестьянам, призывавшее: организованно требовать аннулирования всех долговых обязательств и кабальных арендных договоров, возвращения крестьянам отобранного у них властями и помещиками продовольствия. Обращение заканчивалось лозунгами: «Долой японских колонизаторов!», «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует китайская революция!».

Восстание из Мёнчхона перекинулось на соседние районы. Рабочие предприятий, рудников, транспорта активно поддерживали крестьян забастовками.

Несмотря на многочисленные аресты организаторов и активных участников восстания, члены революционных организаций Мёнчхона держались с большой стойкостью. В «Сисо ихо» указывалось, что они «ликвидировали провокаторов, оказывали сопротивление властям. В любую погоду, глубокой ночью они выставляли двойные и тройные пикеты»⁷.

Мёнчхонское восстание — одно из первых крупных выступлений корейских крестьян, которым руководили революционные организации. Оно свидетельствовало не только о росте активности крестьянства, но и об укреплении союза рабочих и крестьян Кореи.

Попытки воссоздания Коммунистической партии Кореи

В условиях растущего влияния революционных идей и развития массового движения корейские коммунисты предприняли попытку воссоздать партию. Отделения организованного в Хыннаме комитета по воссозданию корейской коммунистической партии возникли во всех провинциях Кореи.

В 1934 г. инициативная группа разработала и опубликовала «Платформу действия Коммунистической партии Кореи». В этом документе содержался анализ корейской действительности, в соответствии с которым были сформулированы основные задачи корейской революционной борьбы, пути завоевания в ней пролетарской гегемонии. В «Платформе» указывалось, что революция в Корее будет антиимпериалистической и антифеодальной, направленной против господства японских империалистов и помещичьего землевладения, что «аграрная революция (буржуазно-демократическая революция) составляет ось национально-освободительной революции корейских народных масс»⁸.

Содержавшаяся в «Платформе» аграрная программа выдвигала в качестве основных требований конфискацию всех земель, угодий, лесов, принадлежавших помещикам, ростовщикам, акционерным компаниям, генерал-губернаторству, и безвозмездную их передачу трудовому крестьянству; полную отмену всех долговых обязательств крестьян, национализацию всей системы орошения, ставшей в руках колонизаторов важным орудием ограбления трудового крестьянства; установление справедливой налоговой системы для крестьянства. В «Платформе» были сформулированы также частные, ближайшие задачи (улучшение положения крестьянства).

Большое место в этом документе занимали вопросы воссоздания

коммунистической партии, анализ роли пролетариата и становления его гегемонии в освободительном движении. «Для борьбы и победы корейской революции необходим коммунистический авангард пролетариата Кореи — вождя и организатора трудящихся масс нашей страны». Создание централизованной, дисциплинированной, идейно единой массовой подпольной коммунистической партии является сейчас главной, подчеркивала «Платформа», давно созревшей задачей революционно-освободительного движения страны.

Проблема пролетарской гегемонии в национально-освободительном движении неразрывно связана с руководящей ролью рабочего класса в едином антиимпериалистическом фронте, объединяющем все патриотические силы нации и базирующемся на союзе пролетариата с крестьянством. Если вопрос о крестьянстве в целом занял в «Платформе» надлежащее место, то проблема участия в едином фронте патриотических слоев национальной буржуазии была поставлена лишь в самой общей форме. И хотя авторы этого документа писали о необходимости отказаться от недооценки влияния буржуазных националистов в массах и вместе с тем от недооценки антиимпериалистических потенций национальной буржуазии, в целом правильного анализа роли буржуазии и тактики коммунистов в отношении ее различных групп «Платформа» не дала. Корейская буржуазия рассматривалась в ней как единая сила. Правильно ставя задачу разоблачения национал-реформистов, определяя методы борьбы с ними и деятельность коммунистов в различных массовых организациях, «Платформа» фактически обошла другую сторону проблемы — использование антиимпериалистических потенций патриотически настроенных слоев буржуазии, вовлечение их в единый национальный фронт. В общей форме, без конкретного определения принципов, задач, социальной базы был поставлен и вопрос о создании единого антиимпериалистического фронта. Все это означало, что в то время сектантские веяния в корейском коммунистическом движении не были еще полностью изжиты.

Хотя «Платформа» давала ответ на многие вопросы корейского освободительного движения, подчеркивала интернациональные задачи корейского пролетариата (необходимость союза с народами Китая и Японии против милитаризма, безусловная поддержка Советского государства)⁹ и в целом давала основу для сплочения корейских коммунистов, однако воссоздать марксистско-ленинскую партию в тот период они не смогли.

Одной из важнейших причин по-прежнему являлась фракционность. Об этом свидетельствует обращение инициативной группы ко всем фабрично-заводским и деревенским коммунистическим группам, опубликованное в 1935 г., — «О фракционной борьбе и задачах корейских коммунистов в борьбе с фракционными группами». Из-за групповщины «Платформа» не была доведена до широких масс трудящихся. С ней ознакомились в начале 30-х годов лишь немногие. Складывавшийся в процессе борьбы союз рабочего класса и крестьянства не имел организованного руководства, авангардной силы, становление его происходило в значительной мере стихийно. Неудача постигла в тот период коммунистов Кореи и в создании непосредственно в стране организации единого антиимпериалистического фронта.

В силу конкретно-исторических условий решение этих задач ложилось на плечи корейских коммунистов-партизан, действовавших в Маньчжурии и оказывавших своей мужественной борьбой воздействие на всё корейское национально-освободительное движение и классовую борьбу трудящихся.

СОЗДАНИЕ ЧОГУК КВАНБОКХВЕ. НОВЫЙ ЭТАП КОРЕЙСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (1936—1939)

Обстановка в стране во второй половине 30-х годов. Расширение карательных акций колонизаторов

Важной вехой в истории корейского освободительного движения явилось создание в 1936 г. Чогук кванбокхве (Общество возрождения отечества) в качестве организации единого фронта.

Это был тревожный период мировой истории, когда реакция вынашивала планы подготовки империалистической войны; проблема единения антифашистских сил стала особенно актуальной. Состоявшийся в августе 1936 г. VII конгресс Коминтерна уделил большое внимание этой проблеме. Он выдвинул задачу создания единого фронта антифашистских, антивоенных сил.

Вопрос о национально-освободительном движении, как известно, на VII конгрессе специально не стоял, но решения конгресса имели непосредственное и исключительно большое значение для революционного движения и в Европе, и на Востоке. Особенно тесно они были связаны с курсом на создание единого антифашистского фронта в Европе и антиимпериалистического — в колониальном мире. Решения конгресса нанесли удар по сектантству — опасной болезни, которой тогда страдали многие коммунистические партии, призывали их участвовать в массовых антиимпериалистических движениях, возглавляемых национал-революционерами и национал-реформистами, и организовывать совместные антиимпериалистические выступления на основе конкретных программ.

В ноябре 1936 г. Германия и Япония подписали «антикоминтерновский пакт», в котором содержались обязательства информировать друг друга о деятельности Коминтерна на территории договаривающихся сторон и преследовать всех, кто прямо или косвенно, внутри или вне страны действует в пользу Коминтерна. В приложенном к пакту секретном протоколе предусматривались совместные акции против Советского Союза.

Японские империалисты выполняли эти обязательства с исключительным рвением. Происходящие события непосредственно касались и освободительного движения в Корее, где обстановка накалялась.

В августе 1936 г. на смену Угаки Кадзусигэ пришел генерал-губернатор Минами Дзиро — генерал в отставке. (В 1928 г., будучи заместителем начальника генерального штаба Японии, он активно участвовал в разработке планов агрессивной войны и организации диверсий против СССР. С 1920 по 1930 г. был главнокомандующим японской армией в Корее, военным министром Японии, а затем главнокомандующим Квантунской армией, японским послом при дворе «императора» Пу И. В 1936 г., обвиненный в участии в военно-фашистском путче, был вынужден уйти в запас.) Минами Дзиро взял курс на дальнейшее усиление террора против патриотических сил, сочетаемого с идеологической диверсией. В Корее был расширен полицейский аппарат. Вместо 250 по-

лицейских управлений и 2320 полицейских участков в начале 30-х годов в 1941 г. насчитывалось 268 полицейских управлений и 2574 полицейских участка. Их общий штат составлял почти 22 тыс. человек.

В крупных промышленных центрах — Сеуле, Пхеньяне, Хамхыне, Тэгу, Чхонджине, Кванджу, Синыйджу — власти создали специальные «пункты по надзору и борьбе с идеологическими преступлениями».

В обязанность тайных сотрудников этих «пунктов» входило выявление «неблагонадежных» и слежка за ними. Общее число арестованных в 1937 г. составило 175 320.

Только за «особо важные политические преступления» (к ним власти относили в первую очередь участие в подпольных революционных организациях) было арестовано в 1937 г. 2218 человек. Состоялись судебные процессы над целыми организациями, в частности в марте — апреле 1937 г. — процесс над 918 революционерами Чхонджина. Им предъявили обвинение в создании революционных крестьянских союзов в уездах Мёнчхон и Кильчу (Северная Хамгён) и в проведении «подрывной деятельности»¹.

В октябре 1937 г. в Южной Хамгён было арестовано 224 патриота, обвиненных в связях с партизанами, в деятельности по созданию анти-японского фронта, в организации диверсий и вооруженного восстания.

Во время процесса были раскрыты непосредственные связи революционного движения в Корее с вооруженной борьбой корейских партизан в Северо-Восточном Китае². Еще более наглядно предстали эти связи и руководящая роль коммунистов-партизан в корейском освободительном движении во время процесса над 3 тыс. патриотов, арестованных по делу Чосон минджок хэбан тонмэн (Союз национального освобождения Кореи).

Одной из важнейших задач колониальные власти считали пресечение коммунистического влияния, подавление партизанской борьбы, в первую очередь в пограничных районах. На всем протяжении корейско-китайской границы была расширена сеть сторожевых постов, а некоторым приданы части регулярных войск.

С конца 1936 г. участились карательные экспедиции против партизан с привлечением регулярных войск и частей «особого назначения».

Усиление идеологической экспансии

Наряду с усилением террора колониальные власти при содействии своих корейских союзников развернули широкую идеологическую обработку корейского населения.

Летом 1937 г. была создана Сасан погук ёнмэн (Лига патриотических идей), в задачу которой входило содействие полиции в борьбе с «идеологическими преступлениями» и пропаганда идей сотрудничества корейского народа с японскими колонизаторами. Такую же пропаганду вел и издававшийся Лигой массовым тиражом журнал «Сасан погук», на страницах которого население призывали оказывать помощь японским милитаристам и военным действиям в Китае³. В 1938 г. был основан Кокумин сэйсин содоин рэммэй (Союз всеобщей мобилизации национального духа). Союз был построен таким образом, что механически охватывал все корейское население. Эту организацию возглавляли японские чиновники.

Низовые ячейки, называвшиеся «патриотическими группами», создавались по производственному и территориальному принципам и объединяли все взрослое население страны. В 1939 г. в Корее насчитывалось

350 тыс. «патриотических групп», в 1940 г. — 438 тыс. Число их членов соответственно составляло 4600 тыс. и 7080 тыс., причем статистика учитывала только глав семей⁴. В «группах» широко использовались принципы круговой поруки, которые в условиях полицейского террора приобретали весьма действенный характер. Члены «патриотических групп» коллективно отвечали за выполнение обязательств, возложенных колониальными властями на население Кореи (своевременная уплата налогов, приобретение облигаций различных военных займов, выполнение поставок риса и других продуктов питания и т. п.). Они были обязаны всемерно содействовать властям в наборе рабочей силы и в проведении других мероприятий.

Особое внимание японские власти уделяли осведомительской деятельности в «патриотических группах». Члены их должны были информировать полицию о настроениях друг друга, о «подозрительных» действиях и «опасных взглядах», о любых проявлениях недовольства существующими порядками. В «группах» велась активная и повседневная идеологическая обработка населения; ему внушалась идея единства Кореи и Японии. Уже в это время Япония широко пропагандировала лозунг «Найсэн — иттай» («Япония и Корея — единое целое»). Впоследствии эта пропаганда стала еще более широкой. «Патриотические группы» использовались для разжигания милитаристского, шовинистического угара, прояпонских настроений⁵, для дискредитации идей национальной независимости, для выявления борцов-патриотов и расправы с ними.

Той же цели служила и созданная в августе 1938 г. Чосон пангон хёпхве (Корейская ассоциация по борьбе с коммунизмом). Ее цель, как говорилось в уставе, заключалась в искоренении коммунистических идей и коммунистического движения и во всемерном подъеме японского духа. Отделения Ассоциации имелись в каждой провинции, а в городах и деревнях, на предприятиях и учреждениях, в религиозных обществах и организациях действовали ее низовые ячейки. Активную борьбу против коммунистических идей вел печатный орган Ассоциации — журнал «Пангон Чосон».

Колониальные власти уделяли большое внимание идеологическому одурманиванию молодежи, учитывая как активность ее участия в освободительном движении, так и незрелость, неустойчивость, неоформленность мировоззрения многих молодых патриотов, особенно из мелкобуржуазных слоев, их подверженность внешним влияниям. Особенно зловещую роль в идейной обработке корейской молодежи играла профашистская молодежная организация Сэйнэндан (яп. Молодежный корпус), созданная в начале 30-х годов. Она была построена по образцу союзов гитлеровской молодежи.

В конце 30-х годов создавались и другие профашистские организации. Активную роль в развернувшейся идеологической диверсии сыграли корейские союзники колонизаторов. Они не только участвовали в созданных японскими властями организациях, но и основали свои общества и союзы, призывавшие корейское население поддерживать японских милитаристов и развязанную ими войну. В числе этих организаций было и Тэдон ильчинхве (Общество прогресса Кореи), созданное в 1938 г.⁶ и широко пропагандировавшее идеи единства Кореи с империалистической Японией. Общество взяло на вооружение выдвинутый правительством Коноэ Фумимаро (1938 г.) девиз «Хакко-итиу» («Все углы мира под одной крышей»), отражавший стремление японского империализма к мировому господству. Важную роль в идеологическом воздействии на население японские власти отводили религии. В колониальный период государственной религией был объявлен синтоизм, провозглашавший «боже-

ственное» происхождение японской императорской династии и использовавшийся для насаждения расизма и шовинизма. Хотя синтоизм внедрялся насильственно, он не получил распространения в Корее. По японским официальным данным, в 1938 г. в стране насчитывалось менее 100 тыс. последователей этой религии; большинство из них составляли японцы.

Официально допускались буддизм (свыше 300 тыс. последователей) и христианство (около 500 тыс. последователей). Национальные религии, в первую очередь Чхондогё, которые официального признания властей не получили, продолжали оказывать значительное влияние на народные массы, особенно на крестьянство. Сохранялась и политическая направленность их деятельности.

В начале 30-х годов внутри Чхондогё образовались группировки, в частности «синпха» («новая фракция»), возглавленная Чон Гванджо и Чхве Соннёном, и «купха» («старая фракция») во главе с Квон Донджингом и Чхве Джунмо. В 1933 г. Чхве Рин, один из лидеров «синпха», создал Сиджунхве (Общество служения), преследовавшее политические цели. Общество развернуло движение за право участвовать в выборных правительственных органах. Журнал «Сиджун», издававшийся этим обществом, писал, в частности: «Всею душой и с полной искренностью корейцы должны осознать и вообразить себе, что они являются подданными империи, а японцы должны воспринимать корейцев как нацию истинных соотечественников»⁷.

Размежевание политических сил внутри Чхондогё усиливалось. Группа, возглавлявшаяся Чхве Рином и другими национал-реформистами, все более открыто провозглашала идеи сотрудничества с японским империализмом, проповедуя веру в его силы, в правильность его политики. Вместе с тем значительная часть последователей Чхондогё продолжала разделять принципы освободительной борьбы, преломляя их сквозь призму религиозных верований. Они группировались в основном вокруг Чхонудан, находившейся под влиянием «синпха». Как указывалось в программных положениях, Чхонудан стремилась «к духовному, национальному и социальному возрождению», боролась за «царство небесное на земле», за внедрение новой общественной системы, которая соответствовала бы природе человека, за установление новой этики, отвечающей идее «человек — это бог»⁸.

Патриотически настроенные последователи Чхондогё подвергались полицейским преследованиям. В 1937 г. большая их группа была арестована (при этом более 300 человек в знак протеста против произвола и несправедливости покончили жизнь самоубийством). Проводилась «чистка» религиозных организаций; было раскрыто 47 тайных обществ (почти с 25 тыс. участников).

Что же касается буддистских и других религиозных организаций, то японские власти всемерно их использовали для идеологического укрепления своего тыла в колонии, для превращения их в очаги японской шовинистической пропаганды⁹. Японские власти и их идеологический аппарат предприняли активные попытки подчинить своему влиянию и использовать в своих целях христианские организации, но столкнулись с противодействием американских и европейских миссионеров. Летом 1938 г. Корейский христианский союз был распущен и создана Корейская христианская федерация, объединившая христиан — корейцев и японцев — и вошедшая в японский Христианский совет. Как указывается в японских полицейских изданиях, генерал-губернаторству удалось установить общую линию руководства христианами и в конце концов они так же стали подчиняться требованиям правительства.

Вся эта тщательно разработанная колонизаторами программа идеологического воздействия на народ колонии осуществлялась методами непосредственного полицейского насилия и при помощи широкой демагогии, рупором которой все более активно выступали национал-реформисты.

Создание Чогук кванбокхве; его программа и деятельность

В сложившейся международной и внутренней ситуации задача единения антиимпериалистических сил Кореи приобретала острую актуальность. Решить ее были призваны корейские коммунисты-партизаны.

Вопрос о создании единого фронта стоял на совещаниях в Ляонингоу (февраль 1936 г.) и в Дунгуане (май того же года). Дав оценку сущности корейского национально-освободительного движения, неразрывно связанного с антифеодальным, учитывая опыт мирового коммунистического движения, совещания признали необходимым сплотить все силы нации для создания единого фронта. Решающим условием было признано укрепление коммунистического ядра партизанского движения. Майское совещание постановило создать организацию единого фронта — Чогук кванбокхве, приняло предложенные Ким Ир Сенем программу и учредительную декларацию Общества, призывавшие народ Кореи сплотиться для борьбы за независимость¹⁰.

Программа, состоявшая из 10 пунктов, выдвигала требования: мобилизовать всю корейскую нацию на создание широкого антияпонского единого фронта; свержение японского господства и образование подлинно народного корейского правительства. В ней ставилась задача: в тесном единении с китайским народом свергнуть иго японского империализма и ликвидировать созданное им марионеточное государство Маньчжоу-го; способствовать созданию китайским народом революционного правительства; добиться предоставления автономии корейцам, проживающим на территории Китая. Программа намечала разоружение японских войск, жандармерии, полиции и их агентуры, создание вооруженных сил народа — армии, способной вести борьбу за независимость родины.

Важное место отводилось экономическим вопросам. Предусматривались конфискация всех японских предприятий, банков, железных дорог, судов, плантаций, мастерских, а также всего имущества и земель национальных предателей и прояпонских элементов; передача этих ценностей в фонд движения за независимость и раздача части их в порядке помощи бедному населению, ликвидация установленных Японией и ее пособниками повинностей, налогов, монополий, улучшение жизни народных масс, всемерное развитие национальной экономики — промышленности, сельского хозяйства, торговли.

Программа намечала обеспечение народу политических свобод — слова, печати, вести, собраний и организаций; искоренение пережитков колониального гнета и феодальной идеологии, освобождение политических заключенных; ликвидацию неравноправия между янбанами и простым народом; установление равенства граждан без различия пола, национальности и вероисповедания; предоставление женщине всех социальных прав, введение охраны материнства и младенчества.

В специальном разделе программы говорилось о необходимости введения 8-часового рабочего дня, улучшения условий труда, повышения заработной платы, установления рабочего законодательства, введения системы страхования всех рабочих за счет государства и оказания помощи по безработице всем трудящимся.

Программа ориентировала массы на установление тесных связей с народами и государствами, относящимися к корейской нации как к равной, на поддержку дружеских отношений со странами и народами, которые придерживаются дружественного нейтралитета в отношении корейского национально-освободительного движения.

В целом это была развернутая и конкретная платформа действий для всех антиимпериалистических сил корейской нации. В качестве первоочередных она выдвигала антиимпериалистические задачи революции, что обеспечивало ей поддержку не только трудящихся, но и патриотических слоев буржуазии. Вместе с тем провозглашение необходимости создания подлинно народного правительства открывало перед трудящимися пути и перспективы социального раскрепощения.

Одной из важнейших проблем создания единого фронта, как известно, является союз рабочего класса с крестьянством, что составляет незыблемую основу такого фронта. Программа Чогук кванбокхве не предусматривала широких и радикальных аграрных преобразований, ограничиваясь требованием конфискации земель прояпонски настроенных помещиков, национальных предателей. Но в условиях Кореи, где подавляющее большинство помещиков поддерживало японских колонизаторов, такое требование приобретало далеко не ограниченный характер. Вместе с тем оно создавало возможность приобщения к единому антиимпериалистическому фронту патриотически настроенных помещиков. При разработке аграрных требований приходилось учитывать и то, что значительная часть корейских буржуа одновременно являлась и помещиками.

Создание программы, сочетавшей антиимпериалистические и антифеодальные задачи корейской революции, было новым шагом вперед по пути сплочения классовых сил нации, выступавших за независимость страны и демократические реформы. Необходимо было довести эту программу до масс, в первую очередь до крестьянства.

В. И. Ленин неизменно указывал на важность повседневной работы коммунистов среди крестьянства, систематической и планомерной агитации в деревне, проводимой главным образом через революционных рабочих-коммунистов, имеющих связи с деревней.

Чогук кванбокхве, председателем которого стал Ким Ир Сен, впервые в истории корейского освободительного движения широко развернуло такую работу. Этому немало способствовали решения совещаний партийных и военно-политических кадров (1936), призывавшие коммунистов неослабно проводить политику единого фронта, создавать революционные организации, расширять свое влияние в легальных обществах, терпеливо и настойчиво бороться за массы. Вместе с тем совещания указали на необходимость создания прочного партийного ядра, которое не только осуществляло бы руководство освободительной борьбой, но и стало бы костяком подлинно марксистско-ленинской партии.

Разработав программу революционной борьбы, платформу единых действий антиимпериалистических сил, коммунистическое руководство партизан наметило и методы ознакомления с нею широких народных масс (с учетом пестроты социальных групп, способных участвовать в едином фронте).

Низовые ячейки Чогук кванбокхве было решено создавать под разными названиями в зависимости от конкретных условий: в промышленных районах с сильным коммунистическим влиянием так и называть — ячейками Общества, а там, где были распространены буржуазно-националистические веяния, именовать их «антияпонскими союзами», «союзами освобождения нации» и т. п. Иными словами, подчеркивать только задачи национального освобождения отечества.

Намечая гибкую тактику в отношении разных социальных слоев, способных участвовать в едином национальном фронте, коммунисты-партизаны уделили большое внимание буржуазно-националистическим силам¹¹. В отличие от коммунистических организаций 20-х годов, недооценивавших антиимпериалистические потенции этих сил, руководство партизан взяло курс на максимальное их использование, на дифференцированный подход к их руководящей верхушке, все теснее смыкавшейся с проимпериалистическими силами, и к шедшим за ней массам. Продолжать борьбу против этой верхушки, за обманутые ею массы стало девизом коммунистических организаций. При этом и к руководителям буржуазно-националистического крыла они стремились подходить осторожно, дабы не оттолкнуть возможных союзников, привлечь в ряды единого фронта колеблющихся, «добросовестно заблуждающихся».

Коммунистическое руководство партизан требовало терпеливой работы среди верующих, учитывая, что в трудные годы колониального угнетения распространение и влияние различных религий в Корею усилилось.

Определяя тактику борьбы за единый фронт, коммунисты уделили большое внимание своей деятельности в разного рода легальных организациях, вечерних школах, религиозных обществах и даже в реакционных объединениях, с тем чтобы проводить там повседневную терпеливую разъяснительную работу, повышая национальное самосознание масс, пробуждая классовое самосознание трудящихся.

Взятый корейскими коммунистами в соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна курс на создание единого антиимпериалистического фронта, разработанная ими гибкая тактика должны были сыграть важную роль в завоевании масс, в преодолении сектантских пережитков, в развитии всего корейского освободительного процесса.

Совещания коммунистов подчеркивали, что главным условием реализации принятого курса и программы революции является тесная связь с международным революционным движением.

Коминтерн, его ведущий отряд — КПСС продолжали оказывать корейским революционерам неизменную помощь. Многие из них, как и раньше, учились в Москве, овладевая теорией марксизма-ленинизма, знакомясь с опытом строительства социализма в СССР.

После начала японо-китайской войны 1937 г. корейские патриоты усилили антиимпериалистическую борьбу. Рабочие по призыву коммунистов стали создавать так называемые ударные отряды, срывать выполнение военных заказов, организовывать диверсии на военных предприятиях и транспорте. Разумеется, эти действия помогали китайским патриотам, чью борьбу Советское государство решительно поддержало. Пакт о ненападении, подписанный СССР и Китаем в августе 1937 г., являясь огромной помощью китайскому народу, служил вместе с тем поддержкой и для корейских революционных сил. В Советском государстве они неизменно видели свою опору. Когда летом 1938 г. Япония совершила против СССР прямой акт агрессии в районе оз. Хасан, а в 1939 г. — в МНР, у р. Халхин-Гол, корейские партизаны развернули с тыла борьбу против японских милитаристов.

В крайне трудных условиях, подвергаясь постоянной опасности, преследованиям, репрессиям властей, коммунисты создавали в разных районах Маньчжурии и Кореи организации Чогук кванбокхве, разъясняли его программу. С этой целью из партизанских районов в Корею были направлены коммунисты Квон Ёнбёк, Ли Джесун, Ви Инчхан и др., установившие связь с местными подпольными коммунистическими группами. Они разъясняли решения VII конгресса Коминтерна, программу и цели Общества, помогали организационному и идейному укреплению

коммунистических групп, организовывали ячейки Чогук кванбокхве или, соответственно его целям и программе, содействовали перестройке ранее созданных антиимпериалистических организаций. Так, в конце 1936 — начале 1937 г. созданный в 1935 г. Капсанский Комитет действия был преобразован в Чосон минджок хэбан Тонмэн. Он стал крупнейшей организацией Чогук кванбокхве и, в свою очередь, имел разветвленную сеть подпольных ячеек (главным образом в сельских местностях). Коммунисты вели в деревнях работу и в легальных организациях. Они создавали Яхакхве (Общество вечернего обучения), Хёнджеге (Гильдия братства) и т. п.

Организации Общества под разными названиями создавались и в других районах Кореи. Наиболее крупные из них действовали в северных городах: Хамхыне, Хыннаме, Вонсане, Чхонджине, Синийджу и др. Руководили ими, как правило, коммунисты. Они распространяли среди населения издания Общества, в первую очередь газеты и журналы «Хваджонмин», «Согван», «Тхуджэн», «Чхонгу ильбо», брошюры и статьи Ким Ир Сена и других революционеров, воззвания, листовки, прокламации и прочую литературу¹².

Большую роль в пропаганде социалистических идей играл издававшийся Обществом журнал «Самиль» («1 марта»). Свое назначение, как указано было в первом номере, журнал видел в том, чтобы стать острым идейным оружием борющегося за свое освобождение народа.

После создания Чогук кванбокхве и при непосредственной его помощи заметно активизируется деятельность подпольных коммунистических групп в Кореи — не только в ее промышленных центрах (Хыннам, Сонджин), но и в сельских районах — в Капсане, Хесане, Мёнчхоне, Кильчу и других местах. Это, в свою очередь, стимулировало рост массовой освободительной борьбы. Отряды партизан пополнялись новыми силами. Группы молодежи по семь-восемь человек тайком переходили Амноккан и Туманган и вступали в отряды Ким Ир Сена на Северо-Востоке Китая; опираясь на свой военно-оперативный центр — базу в районе Чанбэксана, — партизаны развернули активную борьбу и на территории Кореи.

4 июня 1937 г. партизаны под командованием Ким Ир Сена внезапно ворвались в г. Почхонбо. Воззвание, с которым партизанское командование обратилось к населению города, гласило: «Над нашим народом нависла смертельная угроза. В поисках выхода из создавшегося положения и стремясь коренным образом изменить условия жизни народа, мы, объединенная армия корейского и китайского народов, в тесном единстве со всей нацией сражаемся против нашего врага — японского империализма, чтобы свергнуть его господство и освободить нашу родину... Много-страдальные соотечественники! Объединяйтесь в антияпонский фронт, всем, чем можете, помогайте партизанской борьбе! Решительно выступайте против господства японского империализма, всеми силами боритесь за создание народного правительства!»¹³.

Воззвание, отпечатанное в подпольной типографии, вместе с программой Чогук кванбокхве распространялось среди населения.

Рейд в Почхонбо, смелые выступления партизан в Хесанджине, Мунсане и в других районах Кореи содействовали сплочению патриотических сил, повышали авторитет коммунистов.

Японские власти приняли особо строгие меры в отношении всех, кто в какой-либо форме был связан с партизанами и распространял содержание программы Чогук кванбокхве. Местные полицейские власти получили приказ «применять к корейцам, у которых будут обнаружены листовки, содержащие 10 принципов Ким Ир Сена (так нередко назы-

вали эту программу.— Авт.), самые суровые меры наказания, так как этот документ опасно будоражит умы населения». Из 44 тыс. арестованных в 1938 г. значительная часть обвинялась в связях с партизанами-коммунистами.

Чогук кванбокхве развернуло большую работу по активизации антиимпериалистических союзов, крестьянских, молодежных, женских и других массовых организаций. В их деятельность вносилось целенаправленное, организованное начало.

Опираясь на наиболее прогрессивные, устойчивые силы этих объединений, коммунисты постепенно перестраивали их деятельность в соответствии с программой Общества.

После начала японо-китайской войны на совещаниях командиров и политработников Народно-революционной армии был разработан план развития вооруженной борьбы в соответствии со сложившейся обстановкой. В воззвании, с которым в 1937 г. Ким Ир Сен обратился к народу Кореи, указывалось, что китайские события принимают все более напряженный характер, что сложившиеся условия требуют и позволяют усилить борьбу за возрождение отечества. «Как бы ни сильна была японская армия,— говорилось в воззвании,— она понесла большие потери в боях. В самой Японии нет единства между военщиной и народом. Это тоже благоприятно для наших действий»¹⁴. Документ указывал на необходимость посылать прошедших обучение политработников в районы расположения японских военных баз (Хыннам, Хамхын, Вонсан и др.), с тем чтобы они устанавливали связь с ранее посланными туда коммунистами и совместно с ними помогали укреплению местных революционных организаций.

Особенно подчеркивались важность и неотложность создания ударных отрядов (вооруженных групп), которые стали бы авангардными органами по осуществлению активных действий в тылу. Успех освободительной борьбы связывался с помощью Советского Союза, с активными действиями широких слоев корейского и китайского народов¹⁵.

В этот период Корейская Народно-революционная армия, взаимодействуя с китайскими патриотами, активизировала свои действия. Ее борьба являлась немалой поддержкой для китайских революционных сил, в частности для 8-й и Новой 4-й китайских революционных армий.

В соответствии с решениями совещаний руководителей кадров Корейской Народно-революционной армией были проведены значительные военные операции: в октябре 1937 г. в уезде Динъюй; в апреле и августе 1938 г.— в уезде Линьцзян. В марте — июне 1939 г. партизаны развернули боевые действия в Корею — в районе Капсана и Мусана. Серьезный урон японской военщине был нанесен партизанами в марте 1940 г. в уезде Хэлун и в Хунцине.

«Как рыба не может жить без воды, так и партизаны не могут жить в отрыве от народа» — этот девиз коммунисты старались воплощать в повседневной работе. Создание Чогук кванбокхве позволило им связать движение за единый антиимпериалистический фронт с вооруженной освободительной борьбой.

Несмотря на усилившийся террор властей, в Корею продолжались классовые выступления трудящихся. Рабочие по призыву коммунистического руководства партизан создавали в ряде районов ударные отряды. Их борьба в этот период выражалась в саботаже на предприятиях, в отказе выполнять военные заказы, в диверсионных актах, в организации забастовок.

По сравнению с первой половиной 30-х годов кривая забастовочного движения пошла вниз. Если в 1935 г. было 170 забастовок с более

чем 12 тыс. участников, то в 1936 г. соответственно — 138 с 8246 участниками; в 1937 г.— 95 с 9209 участниками; в 1938 г. 83 забастовки с 6438 участниками. Но спад забастовочной борьбы не означал изменения ее общей направленности. Характер рабочих требований в целом остался примерно таким же, каким он был в предыдущие годы: экономические лозунги сочетались с политическими, национально-освободительными. При этом усиление террора вынуждало рабочих проявлять крайнюю осторожность при формулировании своих требований.

Наиболее крупными выступлениями рабочих в 1936—1938 гг. были забастовки 1300 портовых рабочих Пусана, около 700 рабочих-текстильщиков в Сеуле, 2 тыс. рабочих текстильной фабрики Кванджу, 1200 металлургов Чиннампхо, 1400 строителей Пусана¹⁶.

Основными требованиями забастовщиков были экономические — повышение заработной платы, сокращение рабочего дня. Но ряд выступлений имел и антиимпериалистическую направленность. Так, в январе 1938 г. забастовало около 500 работниц одной из прядильных фабрик в Северной Чхунчхон в знак протеста против дискриминации корейских работниц. Политической направленностью отличалась забастовочная борьба рабочих цементного завода в уезде Хэджу и некоторых других предприятий, а также транспортников¹⁷.

В числе самых успешных забастовок тех лет следует назвать выступление шахтеров рудника «Кильдон» (Северная Чхунчхон) в марте 1938 г. Организованность и упорство помогли им добиться повышения заработной платы на 20%. В июне того же года забастовали горняки рудника «Никко» в Южной Кёнсан, в августе — рабочие рудников в Южной Чолла. Одним из их требований было установление одинаковой заработной платы для корейских и японских рабочих.

Важной чертой рабочего движения конца 30-х годов становится его антивоенная направленность. Она нарастала вместе с расширением милитаристских акций Японии и была связана с организующей деятельностью коммунистов. Многочисленные случаи саботажа на военных предприятиях, выведение из строя машин и оборудования, диверсии на железных дорогах, в портах — все это наносило немалый ущерб японским милитаристам, держало их в постоянной настороженности. О непрочности корейского тыла (особенно в промышленных центрах) все чаще писала японская печать.

Создание и деятельность ячеек Чогук кванбокхве, усиление внимания коммунистов к работе с крестьянством привели к новым сдвигам и в борьбе крестьян. Закон военного времени, принятый японскими властями в 1939 г., запрещал забастовки и арендные конфликты с помещиками, квалифицируя участие в них как «государственное преступление». Несмотря на это, арендные конфликты продолжались, хотя число их и сократилось: в 1937 г. их насчитывалось немногим менее 32 тыс., в 1938 г.— 22,6 тыс., в 1939 г.— около 16,5 тыс.¹⁸. Антивоенные лозунги, недовольство милитаристскими акциями властей появились и в борьбе крестьян.

Основной формой не только национально-освободительного движения, но и классовой борьбы трудящихся Кореи стали вооруженные действия партизан, сконцентрировавшие все наиболее стойкие и боеспособные революционные силы. Своей мужественной борьбой они революционизировали и другие слои населения страны и корейской эмиграции в Китае: после создания Чогук кванбокхве развернулся процесс ее объединения и более активного участия в антияпонской освободительной борьбе. В декабре 1937 г. путем слияния нескольких организаций была создана Лига национального фронта, объединившая преимущественно буржуаз-

ные и мелкобуржуазные слои. Опубликованная ею декларация подчеркивала, что единственный выход для корейской нации — в объединении всех национальных сил для свержения японского империализма и для борьбы за национальную независимость Кореи, что это решительная и неизбежная линия, которой учит история. Декларация призывала поддержать фронт демократии и мира, противостоящий агрессивному фронту. Нетрудно заметить в этом документе прямое влияние программы Чогук кванбокхве.

Корейские эмигранты в Китае приняли участие в освободительных антияпонских выступлениях китайского народа. Когда в октябре 1938 г. компартия Китая создала добровольческую бригаду для обороны Уханя, многие корейские патриоты вступили в нее. После того как Ухань пал, большая группа корейских революционеров направилась в Яньань, а оттуда — в районы боевых действий, в ряды 8-й и 4-й китайских революционных армий. Часть из них обучалась в военных школах и академиях и пополняла затем командный состав этих армий. Некоторые корейские эмигранты, долгое время находившиеся под влиянием временного корейского «правительства», отошли от него и включались в антияпонскую освободительную борьбу.

Таким образом, создание Чогук кванбокхве как организации единого фронта, разработка программы революционной борьбы, базирующейся на принципах марксизма-ленинизма, борьба коммунистов за разъяснение этой программы широким народным массам оказали существенное влияние на разные потоки корейского освободительного движения, на различные классовые силы корейского общества, заинтересованные в достижении национальной независимости.

КОРЕЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1945)

Военно-промышленное строительство и рабочий класс

Вторая мировая война внесла существенные изменения в политическую и экономическую жизнь Кореи.

Япония, продолжая агрессию против Китая, вместе с тем усиленно готовилась к «большой войне». Ее вдохновляли победы фашистской Германии в Европе. Подписанный в сентябре 1940 г. «тройственный пакт» о военном союзе между Германией, Италией и Японией констатировал, что Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в создании «нового порядка» в Европе, Германия же и Италия признают и уважают руководство Японии, устанавливающее «новый порядок в великом восточно-азиатском пространстве».

После нападения фашистской Германии на Советский Союз Япония, надеясь, что ее союзница одержит быструю победу, стянула к советско-китайской и советско-корейской границам крупные вооруженные силы. Несмотря на японо-советский пакт о нейтралитете, Япония собиралась в подходящий момент выступить против Страны Советов. Но осуществление своих намерений японские милитаристы были вынуждены отложить. События свидетельствовали о невозможности изолировать Советский Союз и создать единый антисоветский фронт стран капитала. Складывались условия для образования мощной антигитлеровской коалиции, что было в решающей мере связано с миролюбивой политикой Советского государства.

Японские милитаристские круги рассчитывали, что удары гитлеровских войск ослабят Советский Союз и впоследствии можно будет без риска бросить против него Квантунскую армию. Между тем обострение японо-американских и японо-английских противоречий в борьбе за колониальный передел мира привело к тому, что Япония начала развивать свою агрессию на Юге и Юго-Востоке Азии.

7 декабря 1941 г. японские войска напали на Пёрл-Харбор и некоторые другие военно-морские базы США и Англии; была развязана война на Тихом океане. Японские части захватили значительные территории Юго-Восточной Азии, овладели Малайзией, Сингапуром, Филиппинами, Индонезией. Японские монополисты (дзайбацу) и японская военщина (гумбацу) открыто или завуалированно проводили свой агрессивный курс. Они пропагандировали антикоммунизм, использовали панasiatизм, обещали предоставить независимость угнетенным народам, усиленно внедряли в массах расово-шовинистический лозунг «Азия для азиатов», отстаивали тезис неизбежности японского руководства народами Азии, их объединения под эгидой Японии — «нации-руководителя», призванной «освободить» народы от европейско-американского насилия. Японская пропаганда подчеркивала расовый характер войны на Тихом океане. Однако важнейшее значение во второй мировой войне приобрело освободительное движение народов, ставшее ее составной частью.

Начавшись как империалистическая, война стала менять свой характер и превращаться в народную антифашистскую, освободительную войну, особенно после того, как решающей силой антигитлеровской коалиции выступило Советское государство, возглавившее широкий фронт антифашистской, освободительной борьбы народов.

Японские империалисты надеялись, что вторжение в Юго-Восточную Азию поможет им устранить серьезные экономические трудности, вызванные длительной войной против Китая. Они, в частности, рассчитывали использовать сырьевые ресурсы этих стран. Но это оказалось неосуществимым в первую очередь из-за недостатка транспортных средств.

Нехватка сырья и квалифицированных рабочих в японской промышленности ощущалась острее, чем до войны. Началось снижение производства промышленной продукции. В 1944 г. было выплавлено стали на 1,4 млн. т, а чугуна — на 1,2 млн. т меньше, чем в 1943 г. Добыча угля сократилась за это же время на 6 млн. т, снизился сбор риса.

В таких условиях важную роль японские империалисты отводили использованию ресурсов колониальной Кореи. Это наложило свой отпечаток на все развитие ее экономики. В годы войны росла добыча военно-стратегического сырья, продолжалось создание предприятий тех отраслей промышленности, в которых были заинтересованы японские милитаристы. Из Кореи в первую очередь выкачивались те виды сырья, которых не было в Японии и которые ранее ввозились из США и Англии. Удельный вес ряда важных полезных ископаемых Кореи в общей добыче ископаемых в японской империи в 1943 г. составлял: графит — 100%, слюда — 100, магнезит — 100, вольфрам — 88, молибден — 85, плавиковый шпат — 95, барий — 70, свинец — около 68%¹.

Добыча угля в Корее, уже в 1941 г. составлявшая около 6 млн. т (это был главным образом очень дефицитный в Японии антрацит), превысила в 1944 г. 8 млн. т. Добыча железной руды возросла соответственно с 2 до 3 млн. т. Часть ее вывозилась в Японию, часть перерабатывалась на месте. Для первичной обработки руды строились горнозаводские предприятия.

Валовая продукция горнорудной промышленности с 1937 по 1944 г. в целом возросла в 3 раза, при этом добыча железной руды — в 16 раз, вольфрама — в 5,5, молибдена — в 9, магнезита — в 4,3 раза. Самым крупным железорудным районом Кореи был Мусан. Мусанские рудники давали около 60—70% всей добычи. Серьезное внимание уделялось в годы войны добыче в Корее золота (в 1939 г. японские капиталисты выкупили у американцев Унсанские золотые прииски).

В обрабатывающей промышленности Кореи война также вызвала дальнейшие изменения.

Огромные запасы минерального сырья, дешевизна рабочей силы, а главное — соображения военно-стратегического характера побудили японские монополии расширить промышленное строительство в своей колонии. Основное внимание при этом было уделено отраслям, связанным с обслуживанием военных нужд японского империализма. Число промышленных предприятий в военные годы резко возросло. Если в 1939 г. их насчитывалось 6952, то в 1945 г. — 14 856.

В фабрично-заводской промышленности ведущее место по удельному весу и объему продукции принадлежало химической промышленности, обслуживавшей Квантунскую и другие армии Японии, находившиеся в Китае и Юго-Восточной Азии. На Хыннамском химическом комбинате в годы войны работали десятки тысяч рабочих. Кроме того, были построены химический комбинат в Пхеньяне, заводы жидкого топлива в Вонсане. Химическая промышленность производила взрывчатку, синтетическое го-

рнее. При техническом сотрудничестве с фирмами Круппа были расширены и реконструированы металлургические предприятия Кореи. На металлургических заводах в Чхонджине и Сонниме было занято по 6—8 тыс. рабочих. В Корею к концу войны функционировало пять крупных комбинатов черной металлургии с годовой производственной мощностью около 1 млн. т чугуна и 800 тыс. т стали.

В годы войны японские монополии уделяли большое внимание электроэнергетической промышленности Кореи. В 1941 г. закончилось строительство гидроэлектростанции в Супхуне. К концу войны в Корею было 150 сравнительно крупных гидроэлектростанций и теплоэлектростанций общей мощностью 2 936 716 квт.

Военно-стратегическое строительство вызвало рост строительной промышленности. В Сынхори, Воусане и в других местах были построены цементные заводы. Продукция промышленности строительных материалов в стоимостном выражении возросла, ее удельный вес поднялся с 1% в 1937 г. до 6% в 1943 г.

Для рассредоточения промышленности, разгрузки транспорта и использования на месте дешевой рабочей силы японские капиталисты перебазировали из Японии в Корею некоторые крупные автомобильные и авиаборочные заводы. В последние годы войны японские монополии развернули в Корею и самолетостроение, основав ряд авиационных компаний (среди них: «Тёсэн хикоки», имевшую завод в Пхеньяне, «Сёва хикоки» и др.).

Отрасли легкой промышленности также были подчинены военным целям. Текстильные предприятия перешли на выполнение военных заказов (поставка японской авиационной промышленности льняных и пеньковых изделий, обмундирования для армии и флота и т. п.). Это же относится и к пищевой промышленности (ее удельный вес в 1943 г. составлял 36% всей валовой промышленной продукции).

Большая часть крупных предприятий сосредоточилась в богатых энергетическими и сырьевыми ресурсами северных районах Кореи. Предприятия Севера давали около 85% продукции металлургии, 88% продукции химической промышленности, все производственное оборудование чугунолитейной промышленности, почти всю железную руду, 85% добычи угля, вырабатывали в 1945 г. 92% электроэнергии.

Расширилось транспортное строительство, переоборудовались военно-морские базы и порты Кореи.

Хотя удельный вес отраслей тяжелой промышленности увеличился с 34% в 1936 г. до 49% в 1943 г., корейская промышленность и в годы войны продолжала развиваться односторонне. Ее колониальный характер выражался, в частности, в огромной диспропорции между отдельными отраслями, в незаконченности циклов производства и в отсутствии станкостроительной промышленности. Машиностроительная промышленность, удельный вес которой составлял в 1945 г. лишь 2,5% во всей промышленности страны, по-прежнему целиком зависела от Японии.

В период войны на долю промышленности приходилось менее половины стоимости валовой продукции страны.

Значительный рост военно-промышленного строительства сопровождался дальнейшими изменениями в расстановке и политических позициях классовых сил. Главным следствием этого роста было увеличение численности рабочего класса Кореи, ускорение процесса концентрации его на крупных предприятиях.

Рабочий класс Кореи, в годы войны насчитывавший свыше 2 млн., имел более чем шестисоттысячную армию фабрично-заводского пролетариата. Она, в свою очередь, располагала ударными отрядами металлур-

гов (43,5 тыс.), химиков (почти 64 тыс.), машиностроительных рабочих (48 тыс.), текстильщиков (80 тыс.). В промышленность хлынули огромные массы крестьян, городских полупролетариев, что тормозило формирование классового самосознания пролетариата, его качеств как класса-гегемона, размывало крайне медленно складывавшееся пролетарское ядро.

Сложно и противоречиво развивался процесс концентрации корейского рабочего класса. Около 40% фабрично-заводских пролетариев были сосредоточены на крупных предприятиях (в металлургии, машиностроении, химии и текстильной промышленности этот показатель был еще выше — около 50%), примерно 15% рабочих трудились на предприятиях, насчитывавших свыше 1 тыс. занятых.

Уже в 30—40-х годах в Корее появились оснащенные современной техникой индустриальные гиганты, что имело большое значение для формирования пролетарского ядра. Но именно на таких предприятиях преобладали японские рабочие; допуск корейцев, особенно на квалифицированные работы, был затруднен, а на военные заводы и в цехи — сильно ограничен.

Наряду с крупными (насчитывавшими свыше 200 рабочих) и еще более интенсивно, чем они, росли мелкие предприятия, составлявшие в Корее и в военные годы абсолютное большинство. На них были заняты рабочие-корейцы. Все это отрицательно влияло на процесс концентрации корейского пролетариата, хотя он, несомненно, ускорился в годы войны.

Несколько выросла в этот период и квалифицированная прослойка рабочих, их образовательный уровень. Принятый еще в 1938 г. новый рескрипт о школьном образовании ставил в качестве одной из важнейших задач подготовки в Корее дешевой рабочей силы для обслуживания растущих потребностей японского военно-промышленного строительства. Продолжая использовать корейцев главным образом в качестве чернорабочих, монополии вынуждены были и отступить от этого курса. Обеспечить нужды промышленности квалифицированными рабочими-японцами становилось в годы войны все труднее. Поэтому власти стали создавать «элементарные профессиональные школы», в которых наряду с интенсивным изучением японского языка давались навыки индустриального труда. Это вело к росту грамотности рабочих. Расширялась прослойка квалифицированных пролетариев. Примерно 20% кадров квалифицированных рабочих в этот период составляли корейцы.

Подготовка корейских квалифицированных рабочих происходила не только в Корее, но и в Японии и в Северо-Восточном Китае, тем самым объективно способствуя расширению интернациональных связей корейского пролетариата. По плану «национальной мобилизации», разработанному японскими властями, значительное число корейских рабочих было послано в метрополию.

В 1945 г. их численность в Японии достигла почти 1 млн., причем 80% этих рабочих было занято в угольной промышленности. В свою очередь, в Корею направлялись японские инженеры, техники, мастера для обучения корейских рабочих. Все это характеризует некоторые новые черты занятого в горной промышленности пролетариата, хотя степень концентрации и компактности последнего была несколько выше, а образовательный уровень ниже, чем у рабочих других отраслей промышленности. Вместе с тем, если в большинстве отраслей промышленности значительную часть рабочих (40% и более) составляли женщины и подростки, то в горнорудной промышленности процент их был невелик.

Одним из старейших отрядов корейского рабочего класса были транспортники. В годы войны в связи со значительным расширением же-

лезнодорожного и шоссевого строительства ряды их выросли. Но к квалифицированным работам на транспорте корейцев, как правило, не допускали. И не случайно после освобождения страны в Северной Корее было всего лишь несколько машинистов-корейцев.

Что касается такого многочисленного, но молодого отряда рабочего класса Кореи, как строители, то для них была характерна большая текучесть кадров. В подавляющем большинстве это были крестьяне, использовавшиеся на неквалифицированной работе. Сельскохозяйственный пролетариат Кореи и в годы войны оставался сравнительно немногочисленным (около 130 тыс. человек).

Война, вызвав быстрый рост рядов рабочего класса, объективно содействуя его качественным сдвигам, не улучшила условий его труда и жизни; они стали еще тяжелее. Рабочий день в связи с введением чрезвычайных законов военного времени достигал на многих предприятиях 16 часов. Праздничные дни были отменены. Выросла интенсификация труда. На большинстве заводов военного значения был введен казарменный режим. Проблема рабочей силы, проведение трудовой мобилизации и т. п. решались методами военно-полицейского принуждения. В годы войны усилились репрессии в отношении участников рабочего движения. По закону 1941 г. запрещались забастовки и другие рабочие выступления. Все эти акции японской военщины вызывали в среде корейского пролетариата нарастающий протест.

В предвоенные и военные годы колонизаторы объективно ускоряли созревание и укрепление рабочего класса, тех классовых сил, которые должны были возглавить борьбу за свержение империалистического гнета и создание нового общественного строя.

Положение различных групп корейской буржуазии

С начала 30-х годов усилилось расслоение корейской буржуазии, приобщение крупной и отчасти средней к военно-промышленному строительству. Этот процесс протекал особенно интенсивно в годы войны, хотя и далеко не просто, что было связано с политикой японских монополий. Развитие промышленности допускалось японскими властями только при условии подчинения национального капитала, чему немало способствовали насильственная концентрация производства, законы «о военном урегулировании», дававшие дополнительные привилегии крупным японским концернам. На них были возложены функции «контроля над выполнением твердых заданий».

В 1943 г. японские правящие круги приняли «основную программу реорганизации промышленности и торговли». Была создана «Всекорейская компания важнейших ресурсов», на которую возложили проведение этой реорганизации. Правительственные органы давали предпринимателям твердые задания в соответствии с требованиями войны. В результате всех этих акций пострадала мелкая и частично средняя корейская буржуазия. Разорение этих групп в годы войны ускорилось. Они поглощались крупным капиталом, сфера деятельности которого расширялась. В 1942 г. был издан Закон о упорядочении производства на мелких и средних предприятиях — часть из них была переведена на выполнение военных заказов, часть закрыта. С весны 1944 г. разорение мелких предпринимателей и торговцев стало массовым.

Вместе с тем в годы войны укрепилась экономические и политические позиции крупной корейской буржуазии, которая уже с начала 30-х годов сближалась с японским капиталом. Хотя введенная в 1937 г.

«система военного времени» по-прежнему ограничивала развитие корейской национальной промышленности, японские монополии были вынуждены привлекать и корейский капитал. Это вызывалось не столько экономическими, сколько политическими соображениями, необходимостью укреплять свою социальную опору в колонии.

В период войны в Корее имелась шестерка крупных промышленных и финансовых тузов, которые с полным основанием характеризуются как эмбрион корейского монополистического капитала. Сформировался он на базе сотрудничества с японскими дзайбацу.

В числе крупнейших корейских капиталистов были «текстильные короли» — братья Ким Сонсу и Ким Ёнсу. В период войны их допустили в гидроэнергетическую компанию «Ханган», созданную в конце 1938 г., и в другие отрасли. Общая сумма акционерного капитала, контролируемого этой группой, составляла почти 50 млн. иен.

Видное место среди промышленно-финансовых тузов Кореи занимал Пак Хынсик. Он владел крупными пакетами акций в компаниях «Тёсэн сэйсю» (производство масел), «Хокусэн сэиси кагаку» (производство бумаги), контролировал деятельность машиностроительной, нефтяной и других компаний, владел банками, был президентом смешанной японо-корейской авиационной компании «Тёсэн хикоки» (характерно, что Пак Хынсик являлся членом совета директоров текстильной компании братьев Ким Сонсу и Ким Ёнсу и был с ними тесно связан).

Одним из корейских магнатов был Хан Санён. Его группа сосредоточила в своих руках крупные страховые компании и общества.

Капиталы богачей Мин Гюсика и Мин Тхэсика были вложены в сельское хозяйство, в предпринимательскую и банковско-финансовую деятельность.

Крупный капиталист Хён Джунхо владел более одной трети акций банка «Хонам» и являлся ведущим акционером шелкопрядильной и других компаний.

Группа Чан Джиксана контролировала торгово-промышленный банк в Тэгу и ряд электроэнергетических компаний.

Таким образом, шестерка крупнейших корейских капиталистов действовала в разных сферах промышленности и финансово-банковского бизнеса. Вместе с тем они не порывали и с сельским хозяйством, вкладывая в него свои капиталы. Японские монополии допустили их в ранее запретные для корейского капитала области.

Весь процесс роста крупнейших корейских капиталистов происходил при активной поддержке японского монополистического капитала, в тесном сотрудничестве с ним.

Корейские магнаты были допущены не только в важные экономические сферы, но и в руководящие органы (советы директоров) компаний и обществ в качестве их президентов, членов, советников, ревизоров и т. п.

Кроме названных, в Корее были и другие крупные капиталисты. Так, капиталы Ким Саёна были вложены в пивоваренную промышленность; Пан Ыйсока — в транспортную компанию; Ким Ингю, Ким Суиля и Чхве Чханхака — в горнорудную промышленность. Список можно было бы продолжить. Эти капиталисты также были тесно связаны с японскими монополиями и корейским феодальным землевладением².

При этом, разумеется, крупное производство Кореи по-прежнему находилось в руках японского капитала. Привлечение корейских буржуа к военно-промышленному строительству имело целью упрочение господствующего положения Японии в Корее. В этой связи уместно напомнить, что многие из крупных корейских капиталистов играли активную роль

в политической жизни. Так, Ким Сонсу в течение десятилетий пытался выступать в качестве «представителя нации», борца за национальную независимость Кореи. Показательна в этом отношении фигура Хан Саннёна, сотрудничавшего с колонизаторами с первых дней порабощения Кореи, одного из лидеров (вице-президента) созданного колонизаторами Кокумин сорёку рэммэй (Союз общенациональных сил).

В годы войны сблизилась с японскими монополистами и часть средней корейской буржуазии, которая была нужна колонизаторам для обслуживания военной машины. Эта группа корейской буржуазии шла на союз с японским капиталом, рассчитывая нажиться на военном строительстве и получить привилегии от колониальных властей.

Можно считать, что именно в годы второй мировой войны произошла, с одной стороны, полная «капитуляция» национал-реформизма, сопровождавшаяся дальнейшим упрочением блока колонизаторов и коллаборационистской буржуазии, и, с другой стороны, активизация антиимпериалистической деятельности левого крыла национальной буржуазии. Этот двуединый процесс был логически подготовлен всем предшествующим этапом борьбы в лагере корейской национальной буржуазии.

Сельское хозяйство и положение крестьянства в годы войны

Целям войны было подчинено и развитие сельского хозяйства Кореи; оно должно было снабжать японскую промышленность сырьем, а армию и тыл — продовольствием.

Доля сельского хозяйства Кореи (вместе с лесным и морским промыслами) составляла в продукции всего народного хозяйства свыше 55%. В 1942 г. в сельском хозяйстве было занято более 66% всего самодеятельного населения страны. Посевная площадь Кореи в годы войны равнялась 4,5 млн. чонбо, из них 1,7 млн. занимали поливные поля.

Переключая сельское хозяйство Кореи на военные рельсы, японские милитаристы опирались на своих испытанных союзников — корейских помещиков. В эти годы расширилась спекулятивная деятельность последних, участие в японских и смешанных японо-корейских компаниях и обществах.

Возросло число «отсутствующих» помещиков (в 1942 г., по официальным японским данным, в городах проживали около 78 тыс. семей). Это вызывало беспокойство властей, развернувших кампанию за возвращение их в поместья. «Большинство помещиков проживают в городах и, не ведя сельского хозяйства, сдают свои земельные участки в аренду, — писала газета „Тёсэн сёко симбун“ 27 января 1944 г. — При таком положении помещики не интересуются повышением производительности труда, а также не поощряют применение удобрений. В связи с проведением мероприятий по увеличению урожая сельскохозяйственных продуктов решено усилить контроль за обработкой помещиками своих земельных участков и препятствовать уходу помещиков в города». Если на помещиков колонизаторы возлагали ответственность за проведение в деревне мероприятий военного времени, то вся тяжесть этих мероприятий ложилась на плечи крестьянства. Введенная в годы войны в важнейших отраслях хозяйства «система ответственности» распространялась и на сельское хозяйство. Каждой провинции, уезду, волости и деревне давались «твердые задания» по всем видам продукции. Военно-феодалные методы эксплуатации крестьянства ускорили процесс его расслоения, еще более ухудшили и до того тяжкое положение бедноты. Хотя капитализм в сельском хозяйстве Кореи по-прежнему был развит слабо,

с расширением капиталистической промышленности и торговли он, пусть и крайне медленно, но развивался, что влекло за собой некоторый рост сельскохозяйственного пролетариата. К концу войны было уже около 150 тыс. батраков.

Росло и число хваджонминов, пауперов, занимавшихся в глухих горных районах подсечным земледелием. В 1941 г. насчитывалось более 320 тыс. дворов хваджонминов. К обработке «огневых полей» прибегали и многие арендаторы; ряды их множились за счет размывания прослойки собственников (за 1940—1942 гг. число хозяйств крестьян-собственников сократилось почти на 20 тыс.). Одновременно несколько укрепилась кулацкая верхушка деревни, концентрировавшая в своих руках сельскохозяйственную технику. Кулаки занимались и ростовщичеством. Кулацкая прослойка пополнялась также за счет японской иммиграции.

Происходило дробление и без того мелких крестьянских наделов. Так, в 1942 г. 759 858 хозяйств возделывали участки менее 1 тана³, 2 082 658 хозяйств — от 1 тана до 1 чонбо.

Возросшие налоги, принудительные займы, всякого рода поборы способствовали разорению крестьян, вели к росту задолжников. Долги имело около 75% крестьян. Средняя задолженность на каждое крестьянское хозяйство колебалась между 170—200 иенами. Получая ссуды под залог земли и не имея возможности вернуть деньги, крестьяне в конце концов лишались своих участков. Около половины поливных полей на юге страны находилось под залогом.

Массовая мобилизация крестьян на военно-строительные работы, резкое сокращение поголовья тяглового скота, отсутствие минеральных удобрений тормозили развитие сельского хозяйства (урожай риса снизился в 1942 г. по сравнению с 1941 г. на 40%; японская печать писала, что в 1944 г. урожай риса в Корее составлял 70% среднего урожая).

Более 70% сельскохозяйственной продукции Кореи вывозилось в Японию. Еще в довоенные годы специальные продовольственные компании, контролировавшиеся японскими монополиями, закупали рис у крестьян в принудительном порядке по низким ценам. В 1943 г. генерал-губернаторство приняло новое постановление, усиливавшее контроль над производством и распределением продовольствия. Торговля зерновыми культурами была монополизирована. Все это крайне болезненно отражалось на положении крестьянства. Система принудительного сбыта лишала крестьян возможности продавать свою продукцию на рынке. При этом, сдавая ее закупочным организациям по ценам значительно ниже рыночных, крестьяне были вынуждены платить высокие цены за промышленные товары.

В годы войны резко ухудшилось положение не только рабочих и крестьян, но и других слоев населения, в частности мелкой городской буржуазии, национальной интеллигенции.

Потребление зерновых на душу населения за это время сократилось на 35%. Пища корейцев — преимущественно растительная и рыбная. Рис — главный продукт питания — стал лакомством. Его заменили кукуруза, гаолян. Выкачивание из страны сырья и продовольствия, сокращение ввоза промышленных изделий привели к недостатку продуктов питания и товаров первой необходимости, к росту цен и спекуляции. На продукты и товары была введена карточная система, справедливо именовавшаяся корейцами голодным пайком: зерна полагалось 150 г в день на человека, овощи выдавались нерегулярно и в мизерных количествах, а рыбу и сахар получали только японцы и корейские богачи. В зависимости от имущественного положения распределялись и другие продукты питания.

На «черном рынке» на месячную заработную плату служащего средней квалификации можно было купить лишь 4—5 кг риса. Так называемые займы сбережений (они принудительно вручались при покупке продуктов и товаров), военные займы (для всех слоев населения, включая детей — учащихся начальных школ, устанавливалась ежемесячная норма приобретения этого займа), разные «пожертвования» отнимали 50—60% заработка рабочего и служащего, дохода ремесленника и мелкого торговца. В тяжелом положении находилась интеллигенция.

«Корея сейчас питается сосновой хвоей, сосновой корой, китайским чернобыльником и другими растениями», — вынужден был признать в беседе с корреспондентами генерал-губернатор Кореи. Вместе с тем власти усиленно призывали народ «во имя победы» мириться с трудностями и даже пытались утверждать, что эти трудности благотворны, что есть следует не больше одного раза в день — «для пользы здоровью». Разумеется, эти призывы у большинства корейцев вызывали лишь глубокое возмущение.

Военно-политические мероприятия колонизаторов. Освободительное движение народных масс

В мае 1942 г. японское правительство объявило о введении в Корею с 1944 г. всеобщей воинской повинности. Генерал-губернатор Минами Дзиро объяснил журналистам, что это «даст возможность полностью использовать для дела обороны страны людские ресурсы Кореи». Указ о воинской повинности был преподнесен «корейским братьям» как акт высочайшего к ним доверия и благодеяния. Но то обстоятельство, что на подготовку самого мероприятия было отведено два года, свидетельствовало о серьезных сомнениях колонизаторов относительно верноподданнических чувств «корейских братьев». Им боялись дать в руки оружие, опасаясь, что оно может быть направлено против колонизаторов.

Решение задачи максимального использования материальных ресурсов и людских континентов Кореи в войне, требовавшее гибкой политики, было возложено на сменившего в 1942 г. Минами Дзиро генерал-губернатора Коисо.

Указом властей в октябре 1942 г. вводилось военное обучение корейцев: в возрасте от 17 до 21 года — на специальных площадках, а от 21 до 30 лет — в качестве «добровольцев». Уклонявшихся арестовывали или штрафовали. К 1944 г. в Корею действовало уже около 3 тыс. спецплощадок, где допризывники проходили военную и идеологическую подготовку. Были созданы учебные городки для «добровольцев». Военизировались все учебные заведения. В 1943 г. организовалось корейское отделение японских резервистов с филиалами в каждой провинции, одной из важнейших задач которого было милитаристско-шовинистическое воспитание молодежи.

Все эти подготовительные мероприятия не принесли, однако, ожидаемых результатов. Антияпонские, антивоенные настроения допризывников вызывали серьезную тревогу японских властей. Они так и не решились дать в руки всех мобилизованных корейцев оружие и большинство из них направили на вспомогательные работы.

Вся деятельность японских милитаристов, направленная на максимальное использование Кореи в войне, наталкивалась на сопротивление народных масс. Это заставило колонизаторов изыскивать новые, более гибкие приемы и методы сохранения своего господства в колонии, однако

основными оставались террор и демагогия, что в годы войны проявилось особенно отчетливо.

В марте 1941 г. был введен в действие «измененный» Закон о поддержании общественного спокойствия. Изменения сводились к усилению борьбы с «опасными мыслями» и расправ с патриотами. Своим острием Закон был направлен на борьбу с «коммунистическими силами и идеями», как и принятый в конце того же года Указ о поддержании общественного спокойствия в чрезвычайное время.

Согласно последнему указу, для организации каких бы то ни было союзов и обществ необходимо было получить разрешение властей, которым следовало сообщать цели, программы создаваемых организаций, адреса всех их членов; требовались специальные разрешения для проведения любых мероприятий, даже обрядов. «Нельзя собираться более двух человек и вести разговоры о современном положении... Запрещено создание без разрешения властей религиозных и других групп. Свадьбы, похороны, обрядовые шествия допустимы только с разрешения полиции», — писала 2 августа 1942 г. газета «Кэйдзё ниппо».

В годы войны усилилась и идеологическая диверсия против корейского народа, охватившая различные сферы общественной жизни. На ее проведение были мобилизованы все средства пропаганды. Еще в начале войны колонизаторы выдвинули лозунг создания «правственной» (иначе говоря — послушной) Кореи, которая «в содружестве с японскими братьями призвана способствовать победе Японии в войне». Они говорили, что война направлена на «построение общества высших идеалов для людей Великой Восточной Азии», в том числе и корейцев. Широко пропагандировались единство Кореи и Японии, идеи их общей родословной.

Важной составной частью идеологической диверсии было усиление ассимиляторской политики. Еще в 1937 г. был опубликован указ об употреблении во всех общественных местах исключительно японского языка. В дальнейшем за нарушение этого указа налагались все более жесткие административные наказания.

В 1942 г. всем учащимся было вменено в обязанность писать и говорить только по-японски. За разговор на родном языке в ряде мест взимался штраф (по 10 иен за слово).

«Задача корейского народа в новой социальной обстановке, — писала газета „Кэйдзё ниппо“ 6 сентября 1940 г., — состоит в том, чтобы отказаться от употребления иностранных языков (к их числу относили и корейский. — Авт.), повысить и укрепить дух японской нации, пронизать всю свою жизнь японским языком, сделав своим девизом „Думать, говорить и писать по-японски“».

Вместе с тем за знание японского языка работники учреждений, компаний и предприятий получали особую надбавку к заработной плате.

Кокумин сорёку рэммэй, Сэйнэндан и другие прояпонские организации разработали даже специальную программу, состоящую из 15 пунктов, в которой подчеркивалось, что «знание японского языка содействует пониманию японского духа, участию в построении Великой Восточной Азии». Были выделены средства для разъяснения этого тезиса среди населения. Проводились лекции, издавались специальные учебники, публиковались статьи в газетах и журналах, было организовано изучение японского языка по радио. Главным же средством воздействия на массы оставались полицейские меры. Однако и они не давали ожидаемых результатов. Упорное нежелание изучать японский язык, пользоваться им было одной из специфических форм народного сопротивления в условиях военного времени. «Уже прошло более 30 лет, как Корея управляется по

новой системе (стала японской колонией.— *Авт.*), а корейцев, знающих японский язык, еще мало. Они составляют лишь 20% населения»,— писала 2 августа 1944 г. газета «Тёсэн сёко симбун».

Репрессии властей обрушились в связи с этим на Чосон охакхве (Корейское лингвистическое общество) — научную организацию, созданную после событий 1919 г. Было арестовано более 40 ее членов. После следствия, длившегося год, суд приговорил тринадцать из них к каторжным работам на срок от двух до шести лет за нарушение Закона о поддержании общественного спокойствия.

При активном полицейском вмешательстве проводилась и кампания принудительной замены корейских фамилий на японские, начатая еще в феврале 1940 г.⁴ Хотя японская печать утверждала, что в августе того же года около 70% корейцев сменили фамилии, на самом деле это было не так. Вынужденное зарегистрировать в соответствующих административных органах свои новые, японские фамилии, подавляющее большинство населения, даже в Сеуле, сохраняло национальные фамилии. Это являлось одной из форм сопротивления ассимиляторской политике колонизаторов.

Крупные корейские капиталисты и помещики активно содействовали ассимиляторской и всей другой деятельности колониальных властей. В дополнение к ранее созданным прояпонским организациям они основывали новые. В октябре 1941 г. возник Ринсэн хококудан (Патриотический союз военного периода). Его возглавили известные прояпонские деятели — Ким Ёнсу, Пак Хынсик, Чан Доксу, Ким Сонсу и др. В сентябре 1944 г. было создано Кокумин доин сокусинкай (Общество содействия мобилизации нации) во главе с Ким Сонсу, Чан Доксу, Пак Хынсиком, Ан Джэхоном. В 1945 г. был организован Гэнрон хококукай (Патриотический союз общественного мнения) и другие объединения. Их целью являлось всемерное содействие японским милитаристам. Наряду с крупными капиталистами и помещиками активную роль в этих организациях играли недавние идеологи и руководители национал-реформистского лагеря. Они призывали народ поддерживать Японию и утверждали, что без победы Японии Восточная Азия не будет освобождена. Корейская печать военных лет была заполнена аналогичными заявлениями национал-предателей. Пропаганду идеи создания «Великой азиатской сферы сотрудничества» развернули буржуазные газеты «Тона ильбо» и «Чосон ильбо».

Колониальные власти продолжали обработку религиозных организаций. В ноябре 1944 г. на совещании руководителей различных религиозных направлений — синтоизма, буддизма и христианства под давлением властей было решено создать Тёсэн сэндзи сюкё хококукай (Корейское религиозно-патриотическое общество военного времени) с отделениями в провинциях и уездах. Целью этой организации провозглашались поднятие духа корейского населения, его веры в победу, популяризация призыва в армию и трудовой мобилизации.

Идеологическая диверсия японского империализма развивалась по всем направлениям. Составной ее частью стал разжигавшийся пропагандистской машиной колонизаторов шовинистический психоз, особенно на первом этапе войны, когда Япония одерживала временные успехи.

Невозможность открытой борьбы, массовых выступлений создавали только видимость спокойствия в колонии. В освободительном движении корейского народа происходили серьезнейшие глубинные процессы. Его авангардная сила — коммунисты, учитывая изменения в международной и внутренней обстановке, выработали новую тактику борьбы, соот-

ветствовавшую историческому моменту. Ее определило состоявшееся в августе 1940 г. совещание коммунистического руководства Народно-революционной армии. Исходя из того, что соотношение сил корейских революционеров и японских карателей не позволяло партизанам проводить большие наступательные операции, что игнорирование этого обстоятельства могло привести к неоправданным жертвам, совещание решило перейти к тактике мелких боев, внезапных ударов небольшими группами в тылу врага. Вместе с тем были определены соответствовавшие новым условиям задачи и формы работы коммунистов в городах и деревнях Кореи: помощь восстановлению разгромленных подпольных и создание новых революционных организаций, собрание, сплочивание и организация патриотических сил, подготовка масс к активной наступательной борьбе против японского империализма.

Тактика, разработанная августовским совещанием, учитывавшая реальное соотношение сил, нацеливала корейских коммунистов на кропотливую работу в массах, на подготовку их к решительным битвам с империализмом. В военных условиях такая работа, проходившая в глубочайшем подполье, связанная с постоянной опасностью для жизни, была подвигом.

В соответствии с решениями августовского совещания корейские партизаны, разбившись на небольшие отряды, продолжали борьбу. Весной 1941 г. группа таких отрядов создала временную опорную базу в округе Ванцин. Выступления партизан продолжались и в других районах Северо-Восточного Китая, и на севере Кореи.

Большое значение для идейного роста, для марксистского образования коммунистических кадров имела их учеба в Советском Союзе, их связи с мировым коммунистическим движением.

После августовского совещания 1940 г. посланцы Народно-революционной армии, тайно переправляясь из Северо-Восточного Китая в Корею, связывались с местными коммунистами и вместе с ними проводили разъяснительную работу среди населения. Она стала особенно активной после вступления Советского Союза в войну против гитлеровской Германии. Эта работа была нередко индивидуальной, ибо было невозможно проводить даже малолюдные собрания и встречи. Коммунисты под видом сезонных рабочих, бродячих торговцев ходили по городам и деревням, в первую очередь разыскивая надежных людей. Это было крайне трудно. Полиция, руководители «патриотических групп» и других про-японских организаций, имевших филиалы на местах, зорко следили за каждым новым человеком, появившимся в их местности. Каждому члену «патриотической группы» вменялось в обязанность немедленно сообщать не только о подозрительных, но и любом незнакомце в доме, «десятидворке» или на улице. И тем не менее многие местные жители не сообщали о появившихся в их районах коммунистах. Они жадно слушали их рассказы о событиях на фронтах Великой Отечественной войны, о победах Советской Армии, с которыми прогрессивная Корея связывала свои надежды на независимость. Из рук в руки передавались революционные листовки, распространяемые коммунистами, разъясняющие положение в стране, задачи и тактику освободительной борьбы в новых условиях. В разных районах страны создавались подпольные революционные организации (в 1942 г. их было 183).

В промышленных районах на заводах Пхеньяна, Чхонджина, Хыннама, несмотря на строжайший запрет властей, происходили стачки.

Газета «Тёсэн симбун» 21 июня 1941 г. писала, что в Хыннаме часто поднимает свой голос «красный дьявол» и его влияние распространяется не только на промышленный Хыннам, но и на другие районы.

Весной 1942 г. восстали рабочие японской военно-воздушной базы на о-ве Чеджудо. Они подожгли четыре подземных ангара, уничтожили около 70 самолетов, две бензиновые цистерны и убили более 140 японских пилотов и механиков. В марте того же года рабочие произвели крупную диверсию в порту Унги.

Широкое распространение приобрели в военные годы диверсии на заводах и шахтах, в первую очередь — военных, наносившие серьезный ущерб японским милитаристам. В 1943 г. были взорваны угольные копи в уезде Хверён, сожжен военный завод в Чонджу. Взрывы, организованные рабочими на военных предприятиях, аэродромах, железных дорогах, в портах, стали частым явлением. Это была одна из форм антивоенной борьбы в Корее. Выводились из строя станки и оборудование. Широко применялся саботаж на заводах, в шахтах, на транспорте.

Сведения об этом просачивались даже в японскую печать, пытавшуюся создать видимость спокойствия и благополучия в стране.

Готовя антиимпериалистические, антивоенные выступления, рабочие и подпольные коммунистические группы нередко распространяли листовки и прокламации, разъясняющие задачи борьбы. В частности, это сделали металлурги Чхонджина в 1943 г. Одним из распространенных в то время лозунгов было установление связей с партизанскими отрядами. Пролетарии Пхеньяна, готовя антияпонское выступление, разработали план обеспечения таких связей; молодежь, находившаяся в отряде приморской охраны Чинхэ, пыталась присоединиться к партизанам. В том же, 1943 г. произошла забастовка рабочих, обслуживавших оросительные сооружения Манпхо.

В этих выступлениях все более отчетливо проявлялись антивоенные черты. Японский империализм отводил Корее важную роль в обслуживании войны, поэтому выведение из строя военных объектов, диверсии на транспорте, срыв выполнения военных заказов наносили серьезный ущерб японской милитаристской машине.

Антивоенную, антиимпериалистическую направленность получили «рисовые волнения», происходившие в городах. Генерал-губернатор Кореи Коисо Куниаки в одном из своих выступлений весной 1943 г. был вынужден публично признать, что ухудшение условий жизни, недостаток продовольствия, рост налогов и другие тяготы военного времени вызвали недовольство, «создалась трещина в общественном мнении народа, куда просачиваются разные тревожные мысли, вызывающие в обществе беспокойство»⁵.

Брожение происходило не только в городе, но и в деревне. В 1941 г. было отмечено более 4850 конфликтов (главным образом из-за права аренды и величины арендной платы). В них участвовали 10,4 тыс. человек. Сопrotивление крестьян мероприятиям властей выражалось в невыполнении программы военных обложений, плана рисопоставок. В условиях войны, тяжесть которой Япония обрушила и на корейские народные массы, каждое из таких выступлений приобретало антияпонский характер.

Настроение крестьянства серьезно беспокоило власти. «Если по отношению к крестьянам будет применяться метод нажима, то это может вызвать события», — писала 22 декабря газета «КЭйдзэ ниппо».

Продолжались выступления и прогрессивных слоев интеллигенции. Когда корейским студентам было приказано идти «добровольцами» в японскую армию, многие из них отказались, а часть ушла в горы к партизанам. Для того чтобы в полную меру оценить мужество и стойкость молодых патриотов, следует учесть не только террор в стране, но и ту настойчивую пропаганду, которую вели национал-предатели. Они ис-

пользовали в этих целях печать, радио, всякого рода организации и «патриотические группы».

«Мы являемся свидетелями того, как осуществляются наши стремления к вооружению Корейского полуострова. Я не сомневаюсь, — писал Чо Мансик в газете „Мэиль синбо“ 16 ноября 1942 г., — что вы, корейские юноши, во имя процветания Кореи исполните свой долг до конца... Наши жизни предопределены богом, жертвуйте ими за дело процветания Восточной Азии».

С подобными призывами обращались к учащейся молодежи и другие лидеры национал-реформистов. Группа этих деятелей направилась в Японию для соответствующей работы среди обучавшихся там корейских студентов (в 1943 г. их было около 1300, из них 365 учились в университетах). В числе посланных в Японию агитаторов были Ким Ёнсу, Чхве Намсон, Ли Сонгын, Ли Гвансу и др. Большинство студентов не вняло их призывам — наиболее решительные и последовательные включились в борьбу не в защиту милитаристской Японии, а против нее.

У подавляющего большинства населения Кореи война усиливала протест против невыносимых условий жизни (часто не всегда осознанный). «Мы ведь знали, если не знали — догадывались, — говорил после освобождения в сентябре 1945 г. на одном из митингов в Сеуле корейский коммунист Чо Бомён, — сколько горя обрушила война на советский народ, сколько пролито им крови, сколько принесено им жертв. Но это делалось ради великой цели спасения своей родины, освобождения других народов. А мы? Чего ради мы должны были страдать? Во имя чего должны были идти воевать наши юноши? Почему мы должны были работать еще больше обычного, недоедать, ехать по трудовой мобилизации на японские шахты, приобретать вместо еды и одежды облигации военного займа, ходить в рубищах? Не победы, а поражения мы должны были желать нашей угнетательнице — Японии, и мы ей этого от всей души желали. А лучшие люди Кореи немало и делали для поражения японского милитаризма»⁶.

В августе 1944 г. группа прогрессивных буржуазных деятелей во главе с Ё Унхёном⁷ создали Конгук тонмэн (Союз возрождения государства).

В программе Союза, принятой в октябре 1944 г. и отражавшей влияние программы Чогук кванбокхве, говорилось: «Сплотив и объединив всех людей и все группировки, следует во имя возрождения государства изгнать все силы японского империализма и восстановить свободу и независимость корейской нации. В сотрудничестве с государствами, выступающими против стран оси, создать объединенный антияпонский фронт и устранить все реакционные силы, препятствующие полной независимости Кореи».

Конгук тонмэн предполагал установить связи с Народно-революционной армией. Но его деятельность была прервана полицейскими арестами. Хотя заметных следов в развитии освободительного движения Союз не оставил, создание его было весьма симптоматичным, свидетельствуя об антиимпериалистических настроениях буржуазной интеллигенции.

Активный протест населения вызывала трудовая мобилизация. Проводы мобилизованных нередко приобретали политическую, антияпонскую направленность. Часто случалось так, что мобилизованных отправляли в Японию, а провожающих — в тюрьмы. Многие уклонялись от мобилизации, уходили в горы, создавали там отряды сопротивления либо вливались в уже действующие. Они пускали под откос японские

воинские эшелоны, разбирали железнодорожные пути, организовывали диверсии.

Непрерывные облавы, массовые аресты, полицейские угрозы, создавая в стране обстановку предельной напряженности, не могли, однако, ослабить народного сопротивления. Оно уходило лишь глубже в подполье. Исключительно большое влияние на настроения масс оказывали события на фронтах Великой Отечественной войны. Многие корейские патриоты тайно слушали передачи из Советского Союза. Вести о победах Советской Армии передавались из уст в уста, хотя это грозило тяжелыми последствиями. Не случайно одной из главных причин волнения народа, «которую никак нельзя упустить из виду», генерал-губернатор Кореи Абэ Нобуюки считал «изменения в военной обстановке как на Востоке, так и в Европе»⁸.

Абэ сменил Коисо Куниаки на посту генерал-губернатора в июне 1944 г. Хотя он заявил, что во всем «будет следовать политике своего предшественника», жизнь заставила внести в эту политику немало поправок. Одна из причин назначения Абэ Нобуюки заключалась именно в том, чтобы более гибкими, учитывающими сложность обстановки мерами сдерживать «неспокойный корейский тыл».

Революционная ситуация в стране назревала с такой быстротой, что ограничиваться только полицейскими репрессиями и пропагандистскими маневрами колонизаторы уже не могли. При кабинете министров Японии был создан специальный комитет по изучению вопроса о политических мероприятиях в отношении «японских братьев» в Корее и на Тайване. Был разработан закон о предоставлении корейцам политических прав. Он предусматривал улучшение положения корейцев в Японии, отмену ограничений при поездках туда корейцев. Закон намечал также «новые реформы», якобы для того чтобы обеспечить рабочим-корейцам в Японии спокойную и нормальную жизнь, способствующую максимальной производительности труда. Детям корейцев, проживавших в Японии, было обещано создать такие же условия, как и японским детям. Было решено облегчить корейской молодежи поступление в высшие учебные заведения Японии. Рекомендовалось также оказывать содействие в поступлении корейцев на работу в неправительственные учреждения и в продвижении по службе «с учетом способностей и образования».

Наиболее значительной из всех проведенных или декларированных колонизаторами в годы войны мер было принятие в 1944 г. закона о предоставлении корейцам избирательных прав. Закон распространялся только на помещичье-буржуазную верхушку корейского общества и даже в этом виде не был полностью проведен в жизнь. Лишь в верхнюю палату японского парламента микадо успел назначить корейцев, которые были рекомендованы генерал-губернатором Абэ из числа наиболее активных японских пособников. Все эти меры преподносились корейскому народу как осуществление лозунга «Корея и Япония — единое целое», как проявление заботы о «корейских братьях».

И хотя предоставляемые корейскому народу права и уступки имели весьма ограниченный характер, они являлись наглядным результатом нарастания в стране революционной ситуации, свидетельством невозможности для правящих сил Кореи по-старому управлять колонией.

В годы войны произошли очень важные сдвиги и в преодолении слабости субъективного фактора надвигающейся революции в Корее. Ускорилось формирование организационных и идеологических основ марксистско-ленинской партии, выкристаллизовалось ее ядро. Многолетней самоотверженной борьбой коммунисты доказали народу, что явля-

ются самыми последовательными, мужественными и неподкупными защитниками его нужд и интересов. Возросло их влияние в рабочем и крестьянском движении, в организациях прогрессивной интеллигенции. Коммунисты достигли существенных результатов в создании единого антиимпериалистического фронта. Отсутствие организованной коммунистической партии по-прежнему сдерживало осуществление гегемонии пролетариата в общенациональном масштабе, однако основные, обязательные предпосылки для установления его руководящей роли в обществе созрели. Это было неразрывно связано с тем, что сложились важнейшие факторы воссоздания коммунистической партии и коммунисты шли во главе самых крупных антиимпериалистических и классовых выступлений.

Немалую роль в укреплении их влияния на массы сыграло то, что идеологи корейской буржуазии — главари национал-реформистских организаций в годы войны полностью, открыто, всенародно дискредитировали себя. Пройдя извилистый путь лавирования между борьбой за независимость и соглашениями с империализмом, они в конце концов оказались в лагере империалистической реакции. Лагерь национал-реформизма в Корее фактически распался.

Развитие корейского освободительного движения подтверждало положение Программы Коминтерна, что систематический подкуп различных слоев буржуазии в колониях и полуколониях, их сближение с империалистами могут лишь временно парализовать развитие революционного процесса: «В конечном счете,— говорится в Программе,— это ведет к усилению империалистического гнета, к падению влияния национальной буржуазии на народные массы, к обострению революционного кризиса, к развязыванию аграрной революции широчайших масс за независимость и полное национальное освобождение»⁹. Эти процессы протекали не прямолинейно, они проявлялись порой крайне противоречиво, о чем также свидетельствует опыт Кореи. Сближение с империализмом антинациональных групп корейской буржуазии оказывало свое отрезвляющее воздействие на ее патриотические силы, особенно на буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию.

Если одна часть корейских буржуазных лидеров сомкнулась с японским империализмом, то другая — преимущественно из числа эмигрантов в США и в Китае — еще более укрепила в годы войны свои связи с американскими претендентами на господство в Корее и превратилась в их политическую агентуру.

Корейские буржуазные эмигрантские организации в США резко активизировали свою деятельность, ориентируя освободительное движение в Корее на помощь американского империализма. Наиболее значительными среди этих организаций были так называемая Корейская комиссия, возглавлявшаяся Ли Сынманом, одновременно выполнявшим обязанности представителя временного «правительства» Кореи в США, и Корейско-американский совет, в который кроме корейских эмигрантов входили представители правительственных, деловых кругов и сотрудники разведывательных организаций США¹⁰.

В сложившихся условиях, когда США участвовали в антигитлеровской коалиции, когда в результате исторических побед Советской Армии соотношение сил в мире резко менялось в пользу социализма, когда усиливалось национально-освободительное движение народов, империалистические круги США были вынуждены очень тщательно и умело маскировать свои притязания на Корею, прикрывать их антиколониалистской демагогией, а корейская буржуазная эмиграция в США оказывала в этом непосредственную и весьма действенную помощь.

Характерно, что и китайская реакция попыталась использовать в своих целях сложившуюся обстановку. В годы второй мировой войны, особенно после начала военных действий на Тихом океане, чанкайшистские власти усилили внимание и покровительство находившемуся в Китае корейскому временному «правительству». Во время Каирской конференции (1943) на заседании Объединенного комитета начальников штабов Ф. Рузвельт выразил уверенность, что гоминьдан намерен оккупировать Корею¹¹. Эмигрантская корейская печать писала, что временное «правительство» от имени корейского народа заключило с правительством Чан Кай-ши договор, в котором предусматривалась передача будущим корейским правительством прав по внешним сношениям и управлению корейской промышленностью гоминьдановцам. Со своей стороны, Чан Кай-ши брал обязательство оказывать временному «правительству» материальную помощь и содействовать его приходу к власти. Американская и чанкайшистская реакция решала будущее Кореи за спиной корейского народа, намереваясь использовать в своих захватнических целях поражение в войне японского империализма.

Но одним из важнейших результатов побед во второй мировой войне советского народа, социалистического строя было именно то, что угнетенные народы получали возможность вырваться из-под ига иноземных господ, обретали право взять в собственные руки судьбу родины.

Изменение соотношения сил на мировой арене самым непосредственным образом влияло и на расстановку сил внутри Кореи. В частности, весьма существенным был процесс дифференциации сил в среде рядовых членов национал-реформистских организаций. Трудящиеся, входившие в них, под влиянием революционной пропаганды, а главное — уроков самой жизни, убеждаясь, что истинными их защитниками являются коммунисты, фактически рвали с национал-реформистами; многие из них примкнули к освободительному движению.

Что же касается представителей буржуазных и мелкобуржуазных слоев, особенно интеллигенции, то их путь из национал-реформистского лагеря в ряды борцов за независимость оказался более извилистым и трудным. Те из них, кто искренне хотел внести свой вклад в достижение независимости и прогресса, долго и мучительно искал ответа на вопрос о методах и программе борьбы.

Национал-реформизм по мере обнажения его сущности вызывал серьезные опасения искренних патриотов. Их пугала и отталкивала все отчетливее проводившаяся лидерами реформистских организаций линия на сближение с колонизаторами. Однако классовая природа буржуазных и мелкобуржуазных групп мешала им приобщиться к активному революционному движению. Иными словами, для них стало ясно, какая программа борьбы неприемлема, за какими лидерами нельзя идти, какие лозунги лживы. Но позитивных ответов на мучившие их вопросы многие из патриотов в то время найти не смогли. Колебания и поиски продолжались. Наиболее прогрессивные буржуазные деятели, порвав с национал-реформизмом, стали ориентироваться на программу коммунистов. В привлечении их к активной революционной борьбе сыграла свою благотворную роль борьба коммунистов-партизан за преодоление сектантских тенденций в освободительном движении, за единый национальный антиимпериалистический фронт.

В какой-то мере объективно способствовали переходу ряда буржуазных деятелей на позиции марксизма-ленинизма сами японские власти, бросавшие в тюрьмы патриотически настроенных людей из разных социальных слоев, разделявших различные политические воззрения. Там, в длительном общении с революционерами, они проходили политическую

школу. Значительные группы патриотов искали решения трудных проблем общественной жизни в учении научного коммунизма. Некоторые из них этим и ограничивались, не избрав для себя программы действий, другие же либо становились временными попутчиками революционного движения, либо воспринимали идеи социализма в извращенном, анархо-синдикалистском преломлении, либо брали на вооружение лишь национально-освободительные задачи марксистско-ленинской программы. Однако самые мужественные и последовательные вставляли под знамена марксизма-ленинизма. Достаточно назвать таких видных деятелей корейского революционного движения, как Хо Хон, Хон Мёнхи и другие.

Буржуазное корееведение, отстаивая тезис об экспорте революции в Корею и вместе с тем пытаясь принизить решающую роль Советского государства в освобождении Кореи от японского колониального господства, извращает картину корейских революционных событий.

Однако научный анализ обстановки в стране свидетельствует, что она характеризовалась в годы второй мировой войны обострением внутренних противоречий корейского общества, нарастанием национального и социального кризиса, складыванием и ростом основных элементов революционной ситуации — объективной базы для революционных действий. Налицо был определенный «кризис верхов», их неспособность старыми методами управлять колонией, их вынужденное лавирование, уступки. Нарастал «кризис низов», не желавших жить по-старому, росло их недовольство в условиях обострения выше обычного нужды и страданий. Вместе с тем конкретно-исторические условия породили своеобразные черты, определенную специфику этой революционной ситуации, что коснулось и всех ее компонентов.

Хотя японский империализм к концу второй мировой войны был ослаблен и по-старому управлять колонией не мог, ликвидация его господства в Корее являлась задачей очень трудной. Определяющую роль в ее решении сыграла победа Советского Союза во второй мировой войне.

Своя специфика была присуща и «кризису низов». Хотя обстановка войны объективно ускоряла и обостряла этот кризис, она вместе с тем сдерживала возможность массовых открытых выступлений, и народный протест выражался главным образом в скрытых формах. Для периода, предшествовавшего освобождению, были характерны главным образом глубинные, качественные сдвиги в освободительной борьбе.

Как известно, созревание революционной ситуации, объективных предпосылок и условий революции не может обеспечить ее победы без зрелости субъективного фактора, означающей высокую организованность и боеспособность рабочего класса, его умение реализовать объективные условия революции. А это связано с руководством марксистско-ленинской партии. В Корее, несмотря на серьезные успехи, достигнутые революционным движением в формировании идеологических и организационных основ коммунистического авангарда, особенно в 30—40-е годы, единой организационно оформленной марксистско-ленинской партии не было. Субъективный фактор революции продолжал отставать. Подтягивание его, преодоление этого отставания, также тесно связанное с общим соотношением политических сил в мире, с помощью международного коммунистического движения, с ростом его мирового авторитета, имело своеобразные черты. Коммунистическая партия смогла быть воссоздана лишь после освобождения страны Советской Армией. Но эта специфика никак не меняет тезиса о применении ко всем без исключения странам основного закона революции — обязательности революционной ситуации и наличия революционных сил, способных эту ситуацию реализовать.

СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ

Аннексировав Корею, японские империалисты провели ряд реформ, рассчитанных на то, чтобы подчинить целям упрочения своего господства в колонии, своему неограниченному влиянию духовную жизнь корейского народа, общественное сознание и культуру. Они прибегли к прямому террору и к завуалированным формам воздействия; к насильственной ассимиляторской политике и к заигрыванию с наименее устойчивыми, склонными к соглашательству представителями национальной культуры.

Эта идеологическая экспансия в разные периоды проявлялась по-разному, в зависимости от конкретных условий и задач. Но сущность ее оставалась неизменной. Она заключалась в стремлении колонизаторов духовно поработить корейский народ, искоренить его богатую, древнюю национальную культуру, превратить корейцев в верноподданных японского императора.

Колонизаторы установили свое безраздельное господство в области просвещения и печати, литературы и искусства, науки и религии. И все же, несмотря на многообразные формы идейного одурманивания корейского народа, вопреки репрессиям в отношении прогрессивных сил развивалась и постепенно крепла в тесной связи с национально-освободительным движением демократическая культура Кореи. Ее наиболее последовательными выразителями были деятели пролетарского искусства и литературы, объединившиеся в 20-х годах в Чосон пролетариаты есультчхондонмэн (Корейская федерация пролетарского искусства), в исторические и лингвистические общества, которые ставили своей целью развитие национальной демократической, прогрессивной культуры.

Народное образование

В августе 1911 г. кабинет министров Японии принял специальное постановление о школьном образовании в Корее. Рескрипт генерал-губернаторства, обнародованный в октябре того же года, определил три типа государственных школ, получивших право на существование: начальная и профессиональная школы, профессиональные техникумы.

Серьезным гонениям подверглись частные корейские учебные заведения, многие из которых в начале века были опорой национального сопротивления. Программа этих школ была пересмотрена и подчинена задаче воспитания в корейских детях верноподданнических чувств к японскому императору, рабской покорности колонизаторам. Нетронутыми остались лишь немногочисленные конфуцианские школы иероглифического письма.

Большинство корейских детей не имели возможности получить даже начальное образование. В деревнях лишь 15% детей посещали школы. Практически мало что изменила и «эра культурного управления», провозглашенная после 1919 г.

В этом же году японское генерал-губернаторство в числе прочих реформ провело реформу школьного образования. В ноябре 1920 г. вышел закон об изменении школьного рескрипта 1911 г. По этому закону был удлинён срок обучения в начальных школах до шести лет, пересмотрены учебные программы: увеличено количество часов, отведённых на преподавание японского языка и истории Японии.

В начале 30-х годов, в период подготовки Японии к войне и усиленного превращения Кореи в военно-стратегический плацдарм, произошли новые изменения в системе образования корейцев. Дважды, в 1931 и в 1938 г., японское правительство принимало законы об образовании. Развитие военной промышленности в Корее требовало всё больше квалифицированной рабочей силы, поэтому упор делался на профессиональную подготовку школьников, на обучение детей навыкам труда. Вместе с тем встала задача использования на квалифицированных работах и дешёвого женского труда. Это заставило японское правительство серьёзно подумать о расширении начального женского образования. К 1941 г. число девочек, учащихся в начальных школах, составляло более 0,5 млн. Произошло общее увеличение сети начальных государственных школ — с 535 в 1919 г. до 1750 в 1930 г. (зато продолжало сокращаться число частных и миссионерских школ).

Наиболее интенсивно развернулся этот процесс в 30-х — начале 40-х годов, что было связано с потребностями военно-промышленного строительства. Однако рост числа школ не менял колониального характера системы образования в Корее. Это относилось ко всем её ступеням. Хотя закон 1938 г. провозгласил равное право корейцев и японцев на образование во всех областях просвещения, корейцы, как и ранее, подвергались дискриминации. Японцы в Корее имели значительно больший доступ к образованию, чем в собственной стране. Так, в 1934 г. дети японцев, проживавших в Корее, были полностью охвачены всеобщим начальным обучением.

Начальное и среднее образование дети корейцев и японцев получали в разных школах. Лишь дети корейских высокопоставленных чиновников, крупных помещиков и буржуа с особого разрешения могли быть приняты в школы для японцев. Женщины-корейки в университет не допускались вовсе.

В стране работало 479 начальных школ для японцев на 80 тыс. учащихся, тогда как 3,5 млн. корейских детей школьного возраста обслуживалось лишь 2017 школами. В 1932—1934 гг. только 20—25% корейцев, окончивших начальную школу, имели возможность продолжать образование. В средних школах, техникумах и колледжах число учащихся-японцев почти равнялось числу корейцев. В единственном корейском Сеульском императорском университете обучалось больше японцев, чем корейцев, в то время как японское население составляло лишь 2,9% общего населения Кореи.

Техническое образование в Корее на первых порах сводилось к ремесленному обучению. Однако нехватка технических специалистов и квалифицированных рабочих стала препятствием на пути осуществления военных планов японских империалистов.

Для того чтобы успешно преодолеть эти трудности, генерал-губернаторство в 1939 г. открыло ряд краткосрочных курсов (машиностроительных, электротехнических, горных).

В эти годы значительно возросло число технических школ, а в период второй мировой войны колониальные власти стали применять и систему подготовки кадров за пределами Кореи. Они направляли корейцев на промышленные предприятия Японии и Северо-Восточного Китая, чтобы обучить их наиболее сложным и дефицитным специальностям.

Политика колонизаторов в области просвещения всячески тормозила процесс формирования национальной интеллигенции, а в тех случаях, когда японские власти не могли обойтись без корейских кадров, они готовили их целенаправленно, учитывая колонизаторские интересы. Так, например, они поощряли подготовку национальных кадров учителей начальных школ. Для этого были созданы специальные так называемые нормальные школы (в 1941 г. их было 11). Японские империалисты считали, что таким путем, руками самих корейцев, они смогут более эффективно воздействовать на юношей и девушек, прививая им покорность японскому императору.

Среди педагогов начальных корейских школ преобладали корейцы¹.

Техническое образование корейцев всячески сдерживалось и ограничивалось. До освобождения в Корее почти не было высших технических учебных заведений. Высшее техническое образование могли получить немногие, преимущественно представители богатых семей, направляемые в Японию, США, Германию и в другие страны. При Сеульском императорском университете в 1938 г. был открыт промышленный факультет; однако заметного влияния на подготовку корейских технических специалистов он оказать не мог, так как доступ корейцев к занятиям в университете был ограничен. Реальные училища и технические школы лишь в незначительной мере способствовали подготовке корейских специалистов средней квалификации.

В различных отраслях промышленного производства все руководящие должности производственно-технической службы были заняты инженерно-техническим персоналом японской национальности. Корейцев не допускали на командные посты и на военных предприятиях. В последние годы второй мировой войны, когда обострилась потребность в инженерно-технических работниках, в отраслях тяжелой и добывающей промышленности в виде исключения на некоторые предприятия были допущены инженеры-корейцы.

В гуманитарных высших учебных заведениях Кореи также в основном обучались японцы. Студенты японской национальности составляли большинство в Сеульском университете.

Наука

Плачевное состояние высшего образования сказывалось на развитии национальной научно-технической мысли.

Творческая деятельность представителей общественных наук протекала под надзором властей. Однако корейские ученые-патриоты продолжали работать и в таких условиях. Так, в 1921 г. в Сеуле было организовано Общество по изучению корейского языка. Оно достигло некоторых успехов в деле сохранения и систематизации корейского языка, стремясь сделать достоянием своего народа национальную письменность. Это общество внесло большой вклад в культурную и духовную жизнь страны. Членами его были Ли Юнджэ (1888—1943), Чхве Хёнбэ (1894—1970), Ким Юнгён, Чан Джиён, Чон Инсол. Труды лингвиста Ли Гынно в области диалектологии, грамматического строя, словарного состава, написанные в то время, не утратили своего значения и по сей день. Боль-

шой научный интерес представляли собой работы историков Пэк Намуна и Пак Сихёна, археолога То Юхо, экономиста Ким Гванджина и др., но должное признание деятельность этих ученых получила позже, после освобождения Кореи.

Многое в изучение фауны Кореи внесли труды биолога Вон Хонгу. Для исследования зональной фауны ученый исходил пешком провинции Кёнги и Хванхэ и район Кэсона. С 1926 г. он приступил к изучению всей фауны Кореи — от северных гор Пэктусан до горы Халласан на о-ве Чеджудо. В 1931 г. Вон Хонгу опубликовал ценный научный труд, в котором описал 45 семейств и 245 видов и подвидов птиц, обитавших в Корее.

Определенную исследовательскую деятельность в Корее организовали и колониальные власти, преследуя главным образом собственные цели. Так, были начаты некоторые работы исследовательского характера в области истории и археологии Кореи. В 30-х годах были представлены в форме докладов генерал-губернаторству исследования раскопок древних захоронений. Некоторые из них имели значение научных открытий. Большая работа была проделана японскими исследователями по сбору и систематизации письменных памятников Кореи. Результатом этих усилий явилась тридцатисемитомная библиография Кореи. Разумеется, японские историки рассматривали историю Кореи как часть японской, описывая ее, делали упор на экономическую и культурную отсталость Кореи, преодолеть которую она сможет якобы только с помощью Японии.

Японские колонизаторы предприняли также ряд исследований этнографического характера. Были представлены доклады об обычаях, традициях и нравах корейцев, об источниках национальных верований и суеверий. Кроме того, были проведены изыскания и представлены доклады социально-экономического характера (о взаимоотношениях между арендаторами и помещиками и т. д.). Большинство таких работ были проделаны японскими учеными из Сеульского императорского университета.

Литература

Ведущую роль в литературе начала 20-х годов играли буржуазные писатели. Наиболее известными из них были Ли Гвансу (1892—1951), Чхве Намсон (1890—1957), Ким Донъин (1900—1951), Чу Ёхан (род. в 1900 г.), Ём Сансон (1897—1963), Пак Чонхва (род. в 1907 г.). В их творчестве нашли отражение взгляды и настроения корейской национальной буржуазии, с одной стороны, болезненно переживавшей утрату Кореи независимости, но, с другой стороны, убежденной в бессилии корейской нации, в ее неспособности к независимому существованию. В 1917 г. был опубликован первый современный реалистический роман. Его автором был Ли Гвансу, который почти тридцать лет оставался крупнейшим буржуазным романистом Кореи, вождем и идеологом корейского национал-реформизма.

Роман «Бессердечие» — первая попытка создания реалистической прозы о современнике. В нем слышны отголоски больших социальных потрясений, пережитых корейской буржуазией после аннексии. Ущемленное национальное достоинство, утрата полноценного ощущения жизни, сознание собственного бессилия изменить ход событий, роковых для родины, нашли свое отражение в многочисленных лирических отступлениях романа. Спасение нации Ли Гвансу видел в духовном совершенствовании народа, в европеизированной национальной морали. Он с го-

речью писал о старых традициях, калечивших личную жизнь человека, лишавших его естественного чувства любви к женщине, попиравших человеческое достоинство современника. Большой эмоциональный пафос романа, простой безыскусный язык снискали ему популярность.

Средством достижения независимости родины Ли Гвансу считал совершенствование национальной морали. Революционную борьбу с колонизаторами он активно отвергал. В разные годы Ли Гвансу исповедовал и пропагандировал христианство, буддизм, толстовство, гандизм и т. д. Все это находило отражение в его творчестве. Христианские мотивы, представление о земной жизни как о временном пристанище человека, о вечном блаженстве за гробом, об искупительной жертве легли в основу романа Ли Гвансу «Возрождение». Его героиня кончает жизнь самоубийством, бросившись со скалы в водопад «Девяти драконов». Смерть очищает ее от скверны жизни, освобождает от несправедного прошлого.

В период увлечения буддизмом писатель создал несколько крупных произведений; самое значительное из них — роман «Любовь». Восемь (из двадцати одного) его романов были посвящены разным периодам средневековой истории Кореи.

В конце творческого пути позиция активного непротивленчества привела Ли Гвансу к политическому союзу с колонизаторами. Созданное в 1939 г. и возглавленное им Чосон мунин погукхве (Патриотическое общество корейских литераторов) видело свое главное назначение в распространении верноподданнических идей и настроений среди корейского народа. В феврале 1945 г. Ли Гвансу вошел в комитет Тэхва тонмэн (Союз Великой Японии) и обращался в печати с призывом к корейцам «выполнить гражданский долг» и содействовать победам Японии на фронтах. Предательская политическая деятельность Ли Гвансу вызвала презрение к нему патриотов и по существу свела на нет все то ценное, что внесло его творчество в корейскую литературу.

В начале 20-х годов в культурной жизни страны заняли место новые люди: литераторы, кинематографисты, артисты, чья деятельность вдохновлялась протестом демократических масс.

В истории развития корейской литературы 20-е годы — время становления корейской демократической прозы. В печати появляются рассказы и новеллы целой плеяды писателей, посвятивших свое творчество жизни низов общества: На Дохян (1902—1927), Чхве Сохэ (1901—1932), Ли Иксан (1895—1932), Чо Мёнхи (1892—1937) и др. Два литературных общества — Ёмгун (Пламя, 1922—1924) и Пхаскюла (название составлено из инициалов членов кружка в латинской транскрипции) — объединили группу литераторов, в которую вошли Сон Ён (р. в 1903 г.), Пак Сеён (р. в 1902 г.), Ли Иксан (1859—1932) и др. Они ставили цель создать литературу, «полезную для простого люда».

Эти писатели осветили жизненный материал, к которому до них в Корею никто не прикасался. Поэтому их произведения были сразу названы литературой «нового направления». Рассказы этих писателей резко отличались от произведений буржуазных прозаиков, изображавших жизнь своей среды и рассчитанных на читателей своего круга. Литература «нового направления» отразила и бедственную жизнь согнанных с земли крестьян, и переселение корейцев в Северо-Восточный Китай, и нищенство безработной интеллигенции. Судьбы персонажей этих рассказов во многом необычны, а сюжеты отличаются подчеркнутой остротой драматизма.

Творческий метод писателей «нового направления» характеризуется пристрастием к патетике, гиперболе. Их герои, измученные бесплодными поисками работы и пропитания для семьи, видят наяву кошмары, схо-

дят с ума, в диком озлоблении убивают таких же несчастных, как они сами. Никто из писателей этого периода не достиг большой силы в воплощении крупных типических характеров, глубины и цельности в художественном постижении современного им общества. Родной народ представлялся им безликой, темной массой или большим ребенком, несобственным постоять за себя. Все они мечтали о новом человеке — яркой, сильной личности, умеющей отдать себя целиком борьбе за счастье горемычной родины. Классическим примером этой литературы считается рассказ Чхве Сохэ «Тхальчхульги» («Исповедь беглеца»). Герой его долго скитается по стране в поисках какого-нибудь заработка. Вместе с ним ездят его мать и беременная жена. Но ни изобретательность героя, ни его труд не избавляют семью от постоянного голода. Он приходит к выводу, что бороться с общественным злом в одиночку бесполезно. Бросив на произвол судьбы семью, герой вступает в революционную организацию. Как и за что он борется — Чхве Сохэ не может рассказать читателю, осмысленное действие, направленное на социальное обновление, было для автора лишь героической мечтой.

И все же литература «нового направления» была первым в корейском искусстве шагом к изучению антагонизмов общества. Ее можно считать прологом пролетарской корейской литературы, которая родилась в середине 20-х годов как литература сопротивления.

Это был особенный период в истории развития корейской современной культуры. На целое десятилетие влияние в области культуры перешло к идеологам корейского рабочего класса. Люди, вдохновленные борьбой за социализм, сделали попытку проложить новые пути духовного развития корейского общества. Сплотить все прогрессивные силы общества, средствами искусства бороться за свободу родины — такие задачи ставила перед собой Чосон пролетариаты есульт чхондонмэн. Эта Федерация объединила свыше двухсот членов: литераторов, артистов, кинематографистов, художников и музыкантов. Основные силы нового пролетарского искусства были сосредоточены в Сеуле, филиалы располагались в десяти городах: Пхеньяне, Хэджу, Вонсане, Кэсоне, а также в Токио. В разное время она выпускала журналы «Кунги» («Боевые знамя»), «Есульт ундон» («Движение за искусство»), «Чиптан» («Коллективизм»). Строжайшая цензура была причиной того, что время существования этих журналов было непродолжительным.

В 1927 г. Федерация приняла программу, которая ориентировала ее членов на создание произведений, проникнутых идеями марксизма.

«Мы, — говорилось в программе, — за марксистское понимание истории и классовой борьбы. Рассматривая пролетарскую литературу как один из фронтов общепролетарской борьбы, мы ставим перед собой задачу бороться, во-первых, за воспитание сознательного авангарда — пролетариата, во-вторых, против феодальной и буржуазной идеологии и, в-третьих, против варварского режима и деспотизма»².

В кружках Федерации изучались труды классиков марксизма, велись горячие дискуссии о принципах нового творчества. Четкую классовую позицию занимали ведущие пролетарские писатели Юн Гиджон, Ли Гиён, Сон Ён, поэты Пак Сеён, Пак Пхарян (род. в 1905 г.). Они показали своих героев не только в их зависимости от общества, от среды, но и в сопротивлении этой среде.

Члены Федерации осознавали свое время как эпоху перемен. Произведения пролетарских писателей этого периода проникнуты ощущением остроты и непримиримости социальных конфликтов. Критика современной жизни, которую они описывали, приобретала постепенно более четкие акценты.

Более того, в рассказах ведущих пролетарских писателей — «Вонбо» (1928) и «Поселок бумажной фабрики» (1930) Ли Гиёна, «Нактонган» (1927) Чо Мёнхи, «Индийский солдат» (1927) и «В перерыве между сменами» (1930) Сон Ёна — пафос критики неотделим от утверждения. Писатели рисовали образы корейских революционеров и с ними связывали надежды на обновление родины.

Примерно со времени принятия Федерацией новой программы началась и острая идейная борьба деятелей пролетарского искусства с его многочисленными противниками из стана буржуазной литературы. Классовая направленность пролетарского искусства вызвала нападки реакционной критики и всего лагеря буржуазной литературы, сформировавшейся и окрепшей значительно раньше пролетарской. В 20-е годы в этом лагере царили те же буржуазные писатели: Ли Гвансу, Чхве Намсон, Ким Донъин, Чу Ёхан. Но это были не единственные враги.

События, связанные с вторжением Японии в Китай, оказали самое непосредственное влияние на состояние корейской культуры. В эти годы репрессиям подвергались все демократические культурные организации. Были закрыты популярные журналы «Тонгван», «Хэбан», «Синмин», «Синмунхак». Жертвами массовых арестов 1931 г. стали и многие члены Федерации; широкий полицейский рейд 1934 г. захватил всех тех, кто оставался еще на свободе. Были арестованы даже те, кто вышли из рядов Федерации. Около двух лет просидели в тюрьме лидеры пролетарской литературы Ли Гиён и Сон Ён. Следствие по делу Федерации завершилось к концу 1935 г. (еще 21 мая 1935 г. департамент культуры объявил о ее «самороспуске»).

И все же, несмотря на репрессии японских властей, середина 30-х годов — время активной деятельности пролетарских писателей. Это связано с общим подъемом корейской освободительной борьбы, возглавленной коммунистами. Тогда были созданы первые значительные произведения пролетарской литературы, отразившие глубокие социальные противоречия корейской действительности, — романы Ли Гиёна «Родная сторона» (1934) и Кан Гёнэ «Проблема человечества» (1934).

Первый из них повествует о событиях, происходивших в корейской деревушке в конце 20-х годов. В романе нашла отражение проблема, волновавшая Ли Гиёна всю жизнь, — проблема взаимоотношений интеллигенции и народа.

Герой романа — учитель Ким Хиджун полон желания служить своему народу, переделать его жизнь. Сначала индивидуальный акт милосердия представляется ему наилучшим способом противопоставить жестокости человечность. Ли Гиён показывает, как надежды на мирное преобразование жизни с помощью просвещения каждой личности терпят крах. Интеллигент-подвижник в конце романа превращается в вождя забастовки крестьян-арендаторов.

Героями большой внутренней чистоты и силы, ищущими конкретных путей переделки жизни, населяет свою книгу писательница Кан Гёнэ (1907—1943). Время действия романа — конец 20-х — начало 30-х годов XX в. В нем показаны обострение классовых противоречий в корейской деревне, уход крестьянской молодежи в город, где она пополняет ряды пролетариата. Именно у молодых зарождается новое классовое сознание, они поднимаются на борьбу против поработителей — вот основная тема романа.

Кан Гёнэ верит, что корейский народ собственными силами сможет освободиться от японского гнета. Преодоление всего, что угнетает народ, что стоит на пути человека к свободе, — основная проблема человечества.

В конце 30-х — начале 40-х годов в официальной литературе Кореи снова возобладали буржуазные писатели. Цель созданного в 1939 г. при участии японского правительства Чосон мунин погукхве была сформулирована так: «Разрушить партийную и фракционную литературу, держать под контролем все, что касается литературы».

В это же время родилась литература партизанских отрядов, действовавших в Северной Маньчжурии. Как пишут корейские литературоведы, в этих отрядах сочинялись революционные песни, ставились короткие комедии и скетчи (авторами которых были сами партизаны). Иногда в часы коротких стоянок в корейских деревнях их показывали корейскому населению.

Некоторые произведения партизан известны и сегодня — это пьесы «Море крови», «Митинг», «Победил отец», «Чхунбо и Кальлам», «Завещание» и др.

Искусство (театр, кино, музыка, живопись)

Первым драматическим профессиональным театром типа западного в Корее был театр «Хёксиндан» («Труппа новаторов»). Его создали в 1911 г. актеры Им Сонгу, Ким Досан, Ким Соран, Ян Сонхён и др. «Хёксиндан» старался подбирать и ставить пьесы просветительского содержания. Наиболее популярными постановками были анонимные пьесы «Закон законов», «Убийство брата-клятвопреступника», «Похититель пистолетов». Все эти пьесы носили название «драмы нового стиля» (т. е. европейского, а не традиционного).

В последующие годы появилось множество театральных трупп. Но жизнь их была очень коротка. Редкая из них играла больше года.

Свой вклад в театральное искусство внесли корейские студенты, обучавшиеся в Японии. Созданная ими в 1921 г. труппа «Енгык ёнмэн» («Союз драматического искусства») пропутешествовала со своими постановками через всю Корею. Как и все труппы, после турне она распалась. Но студенческие труппы внесли в театральное дело Кореи многое из опыта европейских театров.

Самым высоким уровнем спектаклей славился театр «Тховольхе» («Общество земли и луны», 1922), основанный критиком Ким Гиджином (род. в 1903 г.), художником и декоратором Ким Бокчином (1901—1941). Эти молодые корейцы, тогда только что вернувшиеся из Токио, ратовали за реалистический театр. В студенческие каникулы они ставили «Воскресение», «Медведь», «Любовь и смерть Кармен».

Подлинно реалистическое театральное искусство развивала в Корее театральная секция Корейской федерации пролетарского искусства, начавшая свою работу после 1925 г.

Пролетарское театральное искусство представляли «Уличный театр» (1930) в Тэгу, «Народный театр» (1931) в Кэсоне, «Театральный цех» (1931) в Хэджу, театр «Синяя блуза» (1931), «Наш театр» (1931) и «Малый подвижной театр» в Сеуле, «Северо-восточный театр» (1932) в Хамхыне, «Театр будущего» в Пхеньяне (1932). Театры ставили европейские классические пьесы и пьесы национальных молодых драматургов Сон Ена и Ким Ёнпхаля.

В год первого полицейского налета на Федерацию эти театры сильно пострадали. Дольше других работала труппа «Синконсоль» («Новое строительство», 1932); особым успехом у зрителя пользовалась постановка «На западном фронте без перемен» (по роману Э. Ремарка).

Из многочисленных театральных коллективов, не примыкавших к

Федерации и работавших в 30-е годы, следует назвать «Сирхом мудэ» («Экспериментальная сцена»). Ее актеры занимались изучением европейской драмы. В начале 30-х годов ими поставлены «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Кукольный дом» Г. Ибсена, «Ворота тюрьмы» — переложение пьесы «Белая кокарда» И. Грегори, «Влюбленные» В. Ирвинга, «Венецианский купец» В. Шекспира. «Сирхом мудэ» внесла свой вклад в развернувшееся в то время движение за новую драму. Ее члены руководили самодеятельностью в нескольких колледжах, прививая учащимся интерес к театральному искусству.

С помощью артистов «Сирхом мудэ» колледж «Ёнхи» поставил «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «Кукольный дом» Г. Ибсена, «Справедливость» Д. Голсуорси, женский колледж «Чонсин» — пьесу К. Чапека «Жизнь насекомых», а медицинский колледж — «Венецианского купца» В. Шекспира.

В начале 30-х годов в Сеуле корейской оперной труппой «Самчхолли кагыктан» («Оперная труппа Кореи») были поставлены первые оперетты.

В 1924—1925 гг. известный детский сказочник, создатель Сэктонхве (Общество защиты детства) и редактор ежемесячного журнала для детей «Орини» — Пак Сонхван выступил инициатором театрализованных представлений для детей.

В годы войны Японии с Китаем деятельность всех театральных трупп строго контролировалась полицией. В 1940 г. японские власти в Корее создали театральный союз, но в 1942 г. он был распущен и заменен Ассоциацией драматической культуры. В результате деятельность национальных корейских театральных коллективов значительно сократилась.

Начало 20-х годов — время рождения корейского кинематографа. В 1923 г. в Лусане возникло корейское акционерное общество «Чосон кинема», и в том же году оно выпустило первые корейские фильмы — «Сказание об Унъён» и «Сказание о девушке Симчхон». Роль слепого отца во второй картине исполнял молодой актер На Унгю, которому впоследствии суждено было оставить памятный след в истории корейской кинематографии. На Унгю проработал в кино 12 лет, его творчество сконцентрировало в себе важнейшие художественные проблемы того времени. Современники рано обратили внимание на его творчество и следили за его развитием. На Унгю участвовал в постановке фильмов, при этом в 21 картине выступал как сценарист, актер и режиссер.

В 1926 г. На Унгю поставил первый звуковой корейский фильм — «Ариран». Лирическая тема Родины, образы нищеты и богатства, торжествующая сила денег — основное содержание фильма. Зритель восторженно принял картину. Два года первая часть фильма не сходила с экрана.

В 1927 г. На Унгю вышел из «Чосон кинема» и создал свою студию, которая за два года успела выпустить шесть фильмов: «Счастливо оставаться», «Нефритовая девушка», «Парень», «В поисках любви», «За Туманганом», «Глухонемой». Сценарии этих фильмов были написаны самим На Унгю. В 1929 г. его студия была закрыта. Тем не менее На Унгю не оставляет работу в кино. В 1930 г. в объединении «Вонбанкакса» он принимает участие в постановке фильма «Чхориндо» («Город железных людей»), а затем снимается в фильме «Кымганхан» («Алмазная ненависть») в кинокомпании «Тояма продакшн».

В 1932 г. На Унгю снимает фильм «Кэхваданимум» («Курьезы из истории партии просветителей»), который был запрещен японской цензурой. Неудача тяжело травмировала На Унгю. Он едет в Японию и изу-

чает новый стиль кино, а после возвращения снимает фильм «Паром без хозяина», в котором играет главную роль.

Тяжелый труд и нищета крестьян, растущий гнев народа, сам тип крестьянина как новое социальное явление в искусстве — таково содержание ряда художественных фильмов, созданных На Унгу в конце 30-х годов. Появление этого цикла произведений вряд ли можно истолковать как результат теоретического осмысления явлений. Здесь скорее сказалось непосредственное влияние жизненных впечатлений.

Много труда приложили в 20—30-е годы корейские музыканты и артисты для спасения и развития национального музыкального и танцевального искусства. Большая заслуга в этом принадлежит Чосон чаккокка тонмэн (Союз корейских композиторов), входившему в те годы в Корейскую федерацию пролетарского искусства. Традиции корейской национальной оперы поддерживали выдающиеся мастера чхангык Ан Гиок, Пак Тонсиль и Чон Намхи. Большой вклад в развитие песенного искусства был внесен композитором Ли Мёнсаном. Он создал несколько популярных и до нашего времени песен, в частности «Ульсан тхарён».

Много сделала для развития традиций национального танца известная танцовщица, балетмейстер и хореограф Чхве Сынхи.

Внесли свою лепту в дело создания пролетарского искусства Кореи художники Федерации. Наиболее популярными из них были Ким Бокчин, Ли Сандэ, Чон Хабо, Кан Хо, Ким Ирён, Юн Санъэль. Как и литераторам, им приходилось работать в условиях японских репрессий и острой идеологической борьбы. Немало статей, опровергавших идеи «надклассового искусства», было опубликовано в то время известным декоратором и основоположником корейской скульптуры Ким Бокчином. Художники Федерации работали преимущественно в жанрах плакатной живописи, карикатуры, гравюры и графики. Они рисовали обложки журналов и делали иллюстрации к книгам пролетарских писателей. Большую помощь они оказали профессиональным и студенческим театрам. Их декорации неизменно выполнялись в реалистической манере. Благодаря заботам этих художников хорошими декорациями славилась связанная с Федерацией «Синконсоль».

В 1930 г. в городке Суwon (Кёнги) была устроена «Первая выставка пролетарского изобразительного искусства». На ней было представлено около 130 работ корейских пролетарских художников: масло, акварель, гравюра, карикатура, плакат, скульптура, а также картины японских пролетарских художников. Выставка длилась только три дня. Она закончилась арестами организаторов.

До сегодняшнего дня сохранились очень немногие работы пролетарских художников того времени. Некоторое представление о них дают только репродукции на страницах журналов 30-х годов.

Поиски новой проблематики, острой политической темы, стремление своим творчеством служить пролетариату Кореи в его борьбе с угнетателями отличали работы этих художников.

Передача непосредственных впечатлений от природы характерна для картины Чон Хабо «Судебный процесс». Главный герой его картины — человек, вступивший в борьбу за свободу Родины. Он — подсудимый, его лицо закрыто синим арестантским колпаком. Но в его осанке чувствуется воля и благородство. Каждая из фигур, изображенных на картине, наделена своим характером и имеет свое отношение к происходящему. С уважением смотрят на осужденного люди, присутствующие в зале суда. Тень страха и неуверенности лежит на лице полицейского, стоящего возле героя.

Художниками-пролетариями был сделан ряд превосходных живописных портретов представителей художественной интеллигенции Кореи.

Ли Сандэ написал портрет В. И. Ленина.

Прогрессивная живопись Кореи в этот период поднималась до монументально-выразительных композиций, торжественно звучащих обобщений. Общий вклад пролетарских художников в корейское искусство был плодотворен.

Своим прогрессивным демократическим творчеством они будили в гуще народа свободолюбивые настроения и содействовали развитию патриотических идей. Их непримиримая борьба с представителями буржуазного так называемого чистого или надклассового искусства сыграла весьма позитивную роль, проложила пути для расцвета в дальнейшем реалистических традиций. Эти традиции легли в основу современной живописи в Корейской Народно-Демократической Республике, обогатившись новым социалистическим содержанием.

Часть вторая

КОРЕЯ

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

(август 1945 — сентябрь 1948)

ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ. РАЗВИТИЕ В СТРАНЕ РЕВОЛЮЦИИ (август 1945 — сентябрь 1948)

Освобождение Кореи от японского колониального ига. Пути развития страны после освобождения

Весной 1945 г. война в Европе закончилась полным разгромом фашистской Германии. Но на Дальнем Востоке и Тихом океане продолжало полыхать пламя войны. Империалистическая Япония, несмотря на очевидность неизбежного поражения после капитуляции фашистской Германии, продолжала вести борьбу против США, Англии, Китая. Провокациями, постоянной угрозой нападения на советские дальневосточные границы, тесными союзническими отношениями с государствами «оси» японская военщина давно свела на нет договор о нейтралитете, заключенный в апреле 1941 г. между Советским Союзом и Японией. Поэтому Советское правительство 5 апреля 1945 г. денонсировало этот договор.

Для ликвидации последнего очага второй мировой войны, устранения постоянной угрозы нападения японских империалистов на СССР, освобождения от японских захватчиков северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии) и Кореи, Советский Союз, верный союзническим обязательствам, 8 августа 1945 г. объявил о вступлении в войну с Японией. Это заявление Советского правительства было встречено горячим одобрением корейского, китайского и других угнетенных народов Азии, поднявшихся на борьбу против колониального гнета японских империалистов.

9 августа 1945 г. войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия развернули боевые действия на дальневосточных рубежах. За несколько дней была разгромлена Квантунская армия — главная сухопутная сила японского империализма.

2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Она лишилась плацдармов, с которых японская военщина десятилетиями готовилась напасть на Советский Союз. Северо-Восток Китая, Северная Корея, Южный Сахалин, Курильские острова были очищены от японских оккупантов.

Большую роль в боевых операциях по освобождению Кореи сыграли соединения 25-й армии под командованием генерал-полковника И. М. Чистякова, части Тихоокеанского флота под командованием адмирала И. С. Юмашева. Войска 25-й армии, нанося удары по частям Квантунской армии вдоль побережья Северной Кореи, во взаимодействии с соединениями Тихоокеанского флота с 11 по 20 августа овладели портами Унги и Наджин, военно-морской базой Чхонджин и г. Нанам. 21 августа военно-морской десант занял военно-морскую базу Вонсан, а 24 и 25 августа советские авиадесантные войска высадились в Хамхыне и Пхеньяне.

Продвигаясь дальше на юг, разоружая японские войска, жандармерию и полицию, части 25-й армии вступили временно на территорию Северной Кореи до 38-й параллели.

На Берлинской конференции великих держав летом 1945 г. было принято решение считать 38-ю параллель разграничительной линией военных действий американских и советских войск в Корее. В соответствии с этим решением советские войска должны были принять капитуляцию японских войск в Корее к северу, а американские войска — к югу от 38-й параллели. Таким образом, единственной целью временного раздела Кореи было принятие капитуляции японских войск.

В освобожденных Советской Армией городах и селах происходили многочисленные митинги и демонстрации в честь освободителей. Корейское население горячо благодарило советских воинов за освобождение от японских колонизаторов.

Выполняя свой интернациональный долг, воины Советской Армии помогли корейским братьям избавиться от ненавистных поработителей. Соединения одной только 25-й армии потеряли 4717 человек, из них около 1500 — убитыми.

Благодарный корейский народ, свято чтя память погибших советских воинов, во многих городах Северной Кореи воздвиг памятники своим освободителям. В Пхеньяне, на горе Моранбон, высится обелиск. На нем по-корейски и по-русски высечены слова: «Великий советский народ разгромил японских империалистов и освободил корейский народ. Кровью, пролитой советскими воинами при освобождении Кореи, еще больше укрепились узы дружбы между корейским и советским народами. В знак всенародной благодарности воздвигнут этот памятник. 15.8.1945 г.». На памятнике, сооруженном в Вонсане, начертаны следующие слова: «Здесь покоятся воины Военно-Морского Флота Советского Союза, героически павшие за дело освобождения от японского ига и независимость корейского народа».

В честь Советской Армии — освободительницы корейского народа — Президиум Верховного народного собрания Корейской Народно-Демократической Республики своим указом от 16 октября 1948 г. учредил медаль «За освобождение Кореи», ею были награждены воины Советской Армии, принимавшие участие в освобождении страны.

День 15 августа 1945 г., когда японские войска в Корее капитулировали и народ избавился от ига колонизаторов, стал праздником корейского народа — Днем Освобождения.

После вступления советских войск на корейскую территорию командование 25-й армии обратилось с воззванием к населению Кореи, в котором говорилось: «Граждане Кореи! Запомните, счастье в ваших руках. Вы получили свободу и независимость, и теперь ваша судьба зависит только от вас самих. Советская Армия создала все условия для свободного созидательного труда корейского народа. Корейский народ должен сам стать творцом своего счастья»¹.

Японские колонизаторы при уходе из Северной Кореи уничтожили десятки крупных предприятий, затопили 64 шахты и рудника, вывели из строя железнодорожный транспорт. Бездействовали 1015 крупных и средних предприятий (из 1034), почта и телеграф.

Советское командование, опираясь на активную поддержку корейского населения, приступило к налаживанию нормальной жизни. При командующем 25-й армии в октябре 1945 г. была создана Советская гражданская администрация во главе с генерал-майором А. А. Романенко.

В управлении Советской гражданской администрации работали специалисты по вопросам промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, юстиции, торговли, здравоохранения и культуры. Советская гражданская администрация оказала большую помощь корейскому на-

роду в трудный период становления народной власти, демократизации страны, возрождения национальной культуры.

Отмечая заслуги советских воинов в восстановлении разрушенного народного хозяйства, Ким Ир Сен писал: «Великая Советская Армия, находившаяся в северной части нашей республики, протянула руку бескорыстной помощи в деле восстановления заводов, предприятий, железнодорожного транспорта, рудников, шахт. Бойцы и командиры Советской Армии во всех уголках северной части нашей республики с энтузиазмом трудились рядом с нашими рабочими и специалистами и оставили нам ценные плоды самоотверженного труда»².

В результате военно-политического разгрома японского империализма Советской Армией Корея отпала от колониальной системы, была решена главная задача национально-освободительного движения — ликвидация системы японского колониального господства и национального угнетения корейского народа. Уничтожение японского колониального аппарата одновременно нанесло сильнейший удар по всему фронту внутренних реакционных сил — помещикам, компрадорской буржуазии, национальным предателям, прояпонским элементам. В Корее произошло коренное изменение в расстановке классовых сил. В условиях пребывания в стране Советской Армии позиции внутренней реакции были значительно ослаблены. Национальная буржуазия, кровно заинтересованная в том, чтобы направить развитие страны по капиталистическому пути, была крайне слаба.

Демократический лагерь Кореи, включавший абсолютное большинство населения — рабочий класс, крестьянство и патриотически настроенную часть национальной буржуазии, — был неизмеримо сильнее лагеря реакции. Прогрессивные силы страны возглавлял рабочий класс, показавший себя еще в годы колониального господства самой активной и последовательной антиимпериалистической силой. Освобождение Кореи Советской Армией укрепило позиции корейского рабочего класса.

Корейская реакция после освобождения страны оказалась дезорганизованной. Помещики, крупные капиталисты, национальные предатели и прояпонские элементы после краха японского господства потеряли опору и не могли оказать сколько-нибудь серьезного влияния на развитие событий в стране. Соотношение сил сложилось в пользу демократического лагеря. Это относилось не только к Северной Корее, но и ко всей стране. На III съезде Трудовой партии Кореи подчеркивалось: «Хотя до освобождения 15 августа рабочий класс нашей страны и не имел своей революционной партии, но с уничтожением великой Советской Армией японского империалистического аппарата управления в Корее, в первые дни после освобождения создавалась весьма благоприятная обстановка для развития революционного движения не только в Северной Корее, но также и в Южной Корее»³.

Высадка американских войск в сентябре 1945 г. в Южной Корее (спустя месяц после капитуляции Японии) крайне осложнила политическую обстановку в Корее. Вместо содействия демократическим силам в подготовке создания независимого корейского государства, что предусматривалось Каирским и Потсдамским соглашениями, американские войска начали проводить политику репрессий и террора, разогнали созданные волею трудящихся народные комитеты, повели дело к срыву международных обязательств.

Последующие события показали, что американские войска прибыли в Южную Корею с единственной целью — с самого начала задушить народное движение за независимость и демократическое развитие Кореи. Американские оккупанты нашли верных помощников в лице южнокорей-

ской реакции, которая стала консолидироваться, опираясь на американское командование. В стране происходила поляризация политических сил. Как в Северной, так и в Южной Корее началось складывание широкого фронта демократических сил во главе с рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией. Одновременно формировался лагерь корейской реакции, руководимый американским империализмом.

Дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие Кореи определяла острая классовая борьба между силами демократии и силами реакции в условиях присутствия Советской Армии на севере страны, американских войск — на юге.

Руководящей и организующей силой в демократическом строительстве новой Кореи выступили коммунисты. Горячо встреченные народом, вернулись на родину корейские партизаны, возглавляемые Ким Ир Сенем.

Корейские партизаны, вышедшие из подполья и тюрем коммунисты составили костяк Коммунистической партии Кореи, воссоздание которой началось сразу же после освобождения страны.

10 октября 1945 г. было учреждено Северокорейское Оргбюро Коммунистической партии Кореи. С этого момента компартия становится боееспособным руководителем масс. Быстро расширяются ее ряды, растет влияние.

К концу ноября 1945 г. оформление партийных организаций во всех районах Северной Кореи завершилось. К декабрю 1945 г. Коммунистическая партия Северной Кореи объединяла 6 провинциальных, 93 уездных, 11 городских, 45 волостных и 2537 первичных организаций⁴. Корейские коммунисты строили свою партию на незыблемых идейных и организационных основах марксизма-ленинизма.

Важное значение для создания массовой марксистско-ленинской партии и ее идейного и организационного укрепления имели решения III расширенного пленума компартии Северной Кореи, состоявшегося в декабре 1945 г. Пленум поставил перед партийными организациями задачу — очистить ряды партии от враждебных и чуждых элементов, укрепить партию снизу доверху проверенными кадрами, увеличить прием в партию рабочих и крестьян. Компартия возглавила борьбу народа за укрепление органов народной власти — народных комитетов, подготовку к проведению демократических преобразований, объединение и сплочение всех патриотических сил Северной Кореи, создание единого демократического национального фронта.

Образование органов народной власти

Сразу же после освобождения во всех уголках страны по инициативе масс возникли органы демократической власти — народные комитеты, представлявшие блок рабочего класса, крестьянства, всех патриотических сил во главе с рабочим классом. Они были продуктом революционного творчества освобожденного народа не только на севере страны, но и на юге, где в первые дни после освобождения было создано более 140 народных комитетов. Коммунисты активно содействовали созданию народных комитетов, помогали им в работе и направляли их деятельность.

До образования Временного народного комитета Северной Кореи в феврале 1946 г. народные комитеты существовали только на местах и создавались по принципу представительства от партий и общественных организаций. Совещание представителей народных комитетов Северной

Кореи, состоявшееся 8—10 октября 1945 г. в Пхеньяне, выработало единую структуру построения народных комитетов и принципы руководства хозяйственной и культурной политикой. В ноябре 1945 г. были организованы 10 административных департаментов для оказания помощи органам народной власти в их государственной и хозяйственно-культурной жизни. К этому времени назрела необходимость создания центрального органа власти, который руководил бы деятельностью народных комитетов всех ступеней.

В феврале 1946 г. по инициативе Коммунистической партии Северной Кореи в Пхеньяне было созвано объединенное совещание представителей народных комитетов, политических партий и общественных организаций. На этом совещании в качестве временного центрального органа народной власти на территории Северной Кореи был избран Временный народный комитет Северной Кореи во главе с Ким Ир Сенем.

В качестве политической программы Временный народный комитет принял 20 пунктов, разработанных Коммунистической партией Северной Кореи, которые отразили коренные задачи народно-демократической революции и предусматривали переход Северной Кореи на социалистический путь развития. Эта программа, в частности, намечала:

Ликвидацию в Корее всех остатков и последствий японского господства в политической и экономической жизни; предоставление всем гражданам независимо от пола, вероисповедания и имущественного положения широкого права на участие во всех сферах государственной, политической, экономической, общественной и культурной жизни; обеспечение всему народу свободы слова, печати, собраний и совести; создание условий для свободной деятельности рабочих, крестьянских объединений и других демократических общественных организаций.

Всемерное развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта и торговли с целью подъема материального благосостояния народа; национализацию крупных промышленных предприятий, основных средств транспорта, банков, шахт, рудников и лесов; конфискацию всей земли, принадлежавшей ранее японскому государству, его гражданам, национальным предателям и помещикам, передачу всей конфискованной земли безвозмездно крестьянам в их пользование, конфискацию всех оросительных сооружений и передачу их в государственное управление.

Установление 8-часового рабочего дня для рабочих и служащих, социального страхования и минимума заработной платы, а также единой системы прибылей и налогов.

Осуществление всеобщего обязательного обучения, проведение демократической реформы народного образования, всемерное содействие развитию национальной культуры, науки и техники, создание специальных учебных заведений для подготовки кадров, необходимых народному хозяйству; расширение сети государственных лечебных учреждений, введение бесплатного лечения для бедных⁵.

Программа наметила главную задачу корейского народа на первом этапе народно-демократической революции — провозглашение народно-демократической республики.

Созданием Временного народного комитета завершился период формирования временных органов власти, подготовки к широким демократическим преобразованиям.

Коммунистическая партия сплотила вокруг себя все демократические и патриотические силы Северной Кореи.

Кроме коммунистической партии в Северной Корее возникли и другие демократические политические партии.

Пукчосон минджудан (Демократическая партия Северной Кореи) была создана в ноябре 1945 г. и состояла главным образом из представителей мелкой и средней городской буржуазии и интеллигенции. Эта партия провозглашала создание народной республики, установление единства действий со всеми демократическими партиями, развитие национальной культуры и т. д. Реакционные элементы пытались использовать ее для раскола единого фронта демократических сил, возглавляемого коммунистической партией. Часть руководства ЦК Пукчосон минджудан во главе с Чо Мансиком установила связь с реакционными силами Южной Кореи, саботировала проведение демократических преобразований в Северной Кореи и выступила против решения Московского совещания министров иностранных дел о Кореи. Чо Мансика и его сообщников, разоблаченных как агентов южнокорейской реакции, исключили из партии, и был избран новый состав ее ЦК. Очищенная от враждебных элементов, партия стала активно сотрудничать с коммунистической партией, полностью поддерживая ее политику.

Сининминдан (Новая народная партия) Северной Кореи образовалась в феврале 1946 г. на базе Чосон тоннип тонмэн (Союз независимости Кореи), созданного в 1942 г. в Китае. В декабре 1945 г. в Корею из Китая прибыли руководящие деятели Союза и образовали две демократические партии — Сининминдан Северной Кореи и Сининминдан Южной Кореи. Партия объединяла в своих рядах преимущественно прогрессивную интеллигенцию и мелкую городскую буржуазию, часть рабочих, крестьян. Ее программа близко примыкала к программным требованиям коммунистической партии, с которой Сининминдан активно сотрудничала.

Партия Чхонудан организовалась после освобождения, в октябре 1945 г. на базе прогрессивной части религиозного общества Чхондогё и, будучи весьма разнородной по классовому составу, объединила в своих рядах преимущественно крестьян, мелкую городскую буржуазию. Первоначально сложившаяся как общекорейская партия, Чхонудан в феврале 1946 г. разделилась на две — Чхонудан Северной и Чхонудан Южной Кореи⁶. В своей программе Чхонудан провозгласила необходимость создания демократического корейского государства и активно сотрудничала с коммунистической партией.

Под руководством Коммунистической партии Северной Кореи образовался ряд массовых общественных организаций. В сентябре — октябре 1945 г. было создано 15 отраслевых профессиональных союзов, которые образовали Пукчосон чигоп тонмэн (Профсоюзы Северной Кореи), в октябре 1945 г. — Пукчосон минджу чхоннён тонмэн (Демократический союз молодежи Северной Кореи)⁷; в ноябре 1945 г. — Пукчосон минджу ёсон тонмэн (Демократический союз женщин Северной Кореи), который в январе 1951 г. объединился с Намчосон минджу ёсон тонмэн (Демократический союз женщин Южной Кореи) в Чосон минджу ёсон тонмэн (Демократический союз женщин Кореи); в январе 1946 г. организационно оформился Пукчосон нонмин тонмэн (Крестьянский союз Северной Кореи), в январе 1951 г. он объединился с Намчосон нонмин чохап чхонъёмэн (Федерация крестьянских союзов Южной Кореи), и был образован Чосон нонмин тонмэн (Союз корейских крестьян). Возникли и другие демократические организации: Пукчосон есиль ёнмэн (Ассоциация деятелей искусств Северной Кореи), Чоссо мунхва хёпхве (Корейско-советское общество культурной связи), Пукчосон соби чохап (Потребительский союз Северной Кореи), Пукчосон коноп кисиль ёнмэн (Ассоциация работников промышленности и техники Северной Кореи) и др.

По инициативе коммунистической партии все демократические партии и массовые общественные организации Северной Кореи объединились в Пукчосон минджуджуый минджок тхонъиль чонсон (Единый демократический национальный фронт Северной Кореи, ЕДНФ). Организационное оформление ЕДНФ произошло в июле 1946 г. на объединенном совещании руководителей политических партий и общественных организаций, которое приняло программу ЕДНФ и избрало его ЦК. В ЕДНФ вошли коммунистическая партия, Сининминдан, Минджудан, Чхондоге-Чхонудан, а также 15 общественных организаций: Чигоп чхондонмэн, Нонмин тонмэн, Минджу чхоннён тонмэн, Минджу ёсон тонмэн и др. Единый демократический национальный фронт к концу 1946 г. объединял около 5 млн. человек ⁸.

Руководящей и направляющей силой ЕДНФ явилась коммунистическая партия, а после объединения ее с Сининминдан — Трудовая партия Северной Кореи. Программные положения ЕДНФ отражали задачи антифеодальной и антиимпериалистической революции в Корее. В программе говорилось, что ЕДНФ борется за быстрое и полное осуществление решений Московского совещания министров иностранных дел о Корее, за обеспечение корейскому народу демократических свобод, за экономическое и культурное возрождение страны на основе демократических преобразований, за укрепление власти народных комитетов, закрепление и распространение на всю страну проведенных в Северной Корее демократических преобразований. В программе провозглашалась необходимость укрепления и развития дружбы корейского народа с Советским Союзом и со всеми миролюбивыми народами мира ⁹.

Образование ЕДНФ имело важное значение в борьбе за сплочение всех демократических и патриотических сил корейского народа, за создание независимого демократического корейского государства.

Политика СССР и США по решению корейской проблемы. Московское совещание министров иностранных дел

Борьба Советского Союза с агрессивной политикой США, уже издавна пытавшихся проглотить корейский «лакомый кусок», началась сразу же после оккупации Южной Кореи американскими войсками. Как уже упоминалось, единственной целью временного разграничения территории Кореи на две зоны по 38-й параллели было принятие капитуляции японских войск, что отмечалось и официальными представителями США ¹⁰.

Оккупировав Южную Корею, правящие круги США стали превращать временную демаркационную линию в границу между двумя частями Кореи и тем самым стали нарушать соглашения о временном разделении Кореи. Общенациональная борьба за возрождение корейской государственности, за создание независимого демократического государства встретила упорное сопротивление правящих кругов США, стремившихся определить послевоенное устройство Кореи в интересах колониализма и реакции, изолируя при этом Советский Союз. Но учитывая невозможность устранения Советского Союза от решения корейской проблемы, они хотели низвести его роль до минимума.

Еще на Ялтинской конференции великих держав в феврале 1945 г. представители США высказались за установление опеки над Кореей. Президент США говорил о том, что «в вопросе учреждения опеки у США есть опыт Филиппин, где ими был установлен 50-летний срок для подготовки филиппинского народа к самоуправлению». Ссылаясь на опыт

«подготовки филиппинского народа к независимости», президент США считал, что «в отношении Кореи может быть намечен переходный период в 20—30 лет»¹¹. Хотя Ф. Д. Рузвельт и не пошел дальше предложения об опеке, но приведенный факт говорит о том, что еще в годы второй мировой войны правящие круги США готовили план длительного закабаления корейского народа.

Советский Союз, исходя из ленинской национальной политики, всегда стремился действительно помогать народам Востока в их борьбе за освобождение от иго и за достижение полной государственной самостоятельности.

Эти две линии, две политики проявились в подходе к решению корейского вопроса и на Совещании министров иностранных дел Советского Союза, США и Англии в декабре 1945 г., в Москве, где обсуждался и корейский вопрос.

Корейский вопрос был поставлен на Совещании по инициативе делегации США. Она же внесла проект, который предусматривал превращение Кореи в подопечную США территорию: до получения независимости Корея должна была пройти два периода иностранного управления — военное управление, которое осуществлялось бы командующими американскими и советскими войсками в Корее, и управление четырех держав — США, СССР, Великобритании и Китая (гоминьдановского) на основе заключенного между ними соглашения об опеке. В качестве ближайшей цели США предлагали создание единой администрации с двумя военными командующими, действующими сообща во всех вопросах, касающихся корейских национальных интересов (вопросы валюты, торговли, транспорта и т. д.)¹².

Выдвигая на первый план экономические вопросы, американский проект даже не упоминал о создании национального правительства. Этим американская делегация явно стремилась отвлечь внимание от обсуждения проблем, связанных с созданием корейского демократического государства. В проекте лишь указывалось, что «корейцы будут привлекаться, поскольку это осуществимо, в единую администрацию как администраторы и как консультанты и советники при военных командующих»¹³ (японские колонизаторы, аннексировав в 1910 г. Корею, тоже предусматривали привлечение корейцев в административные органы при генерал-губернаторстве).

Проект США предусматривал также образование исполнительного совета из представителей СССР, Англии, США и Китая, который действовал бы от имени Объединенных Наций и народа Кореи, с предоставлением ему исполнительной, законодательной и судебной власти в стране¹⁴. Американский проект и на это время не предполагал создать корейское национальное правительство; корейский народ и в этот период отстранялся от участия в управлении своей страной; опека четырех держав могла быть продлена до 10 лет.

Таким образом, американский проект ставил целью не допустить создания национального корейского правительства, задержать предоставление Кореи независимости. Советский Союз не мог согласиться с американским проектом решения корейского вопроса, идущим вразрез с национальными интересами и чаяниями корейского народа.

Советский проект предусматривал в качестве неотложной задачи образование общекорейского Временного демократического правительства в целях восстановления Кореи как независимого государства. Совершенно по-иному в советском проекте ставился вопрос об опеке. Советская делегация решительно выступила против установления над Кореей такой опеки, которая препятствовала бы восстановлению ее неза-

висимости. Учреждение временной опеки рассматривалось исключительно как средство всесторонней помощи демократическим силам страны, как содействие созданию единого национального корейского правительства. Согласно советскому проекту условия опеки в отношении Кореи должны были выработываться с обязательным участием корейского правительства, демократической общественности и всего народа; опека должна была осуществляться через Временное корейское правительство и его органы, а не через иностранные органы¹⁵. Срок опеки — до пяти лет, продление ее исключалось.

На Московском совещании советская делегация согласилась на установление опеки, исходя из готовности Советского Союза решать послевоенные проблемы во имя мира, безопасности народов, в духе сотрудничества.

Представители США, не решаясь открыто выступить против советского предложения, высказались за его принятие. Советский проект был принят с небольшими поправками как соглашение, «определяющее политику трех держав в отношении Кореи»¹⁶.

В решении Московского совещания было записано: «В целях восстановления Кореи как независимого государства, создания условий для развития страны на демократических началах и скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корее создается Временное демократическое правительство, которое будет принимать все необходимые меры для развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства Кореи, и национальной культуры корейского народа»¹⁷.

Решение Совещания признало неотложным образование Временного корейского демократического правительства, что отвечало «назревшим национальным требованиям корейского народа»¹⁸; оно должно было состояться «на основе широкого участия корейских демократических партий и общественных организаций»¹⁹.

Для содействия образованию Временного корейского демократического правительства было решено создать совместную комиссию из представителей командования американских войск в Южной Корее и командования советских войск в Северной Корее.

Ей поручалось с участием Временного корейского правительства, с привлечением корейских демократических организаций разработать меры помощи и содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи.

Предложения совместной комиссии после консультации с Временным корейским правительством согласно решению подлежали передаче на рассмотрение правительств четырех держав для выработки соглашения об опеке. Был установлен срок опеки — пять лет. Для рассмотрения неотложных вопросов, касающихся как Южной, так и Северной Кореи, а также для выработки мероприятий по установлению в административно-хозяйственной области постоянной координации между американским и советским командованиями в Корее соглашение предусматривало созыв в двухнедельный срок совещания представителей американского и советского командований²⁰.

Решения Московского совещания трех министров иностранных дел о Корее отвечали требованиям политического, экономического и социального развития Кореи. Их осуществление содействовало бы превращению Кореи в суверенное демократическое государство, а создание единого национального правительства препятствовало бы закабалению страны Соединенными Штатами.

Корейский народ с одобрением и надеждой встретил решения Московского совещания о Корее. В городах и деревнях состоялись многотысячные митинги в поддержку этих решений; демократические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи выступили с заявлениями о поддержке Московского соглашения²¹. Однако правящие круги США и реакционные силы Кореи пошли на его срыв. Реакционная корейская печать организовала клеветническую кампанию, утверждая, будто установления опеки в Корее добивался Советский Союз, а США придерживались противоположной позиции. Корейские реакционеры при прямой поддержке военного командования США выступили с заявлениями о непризнании Московского соглашения, всячески фальсифицируя его решения и распространяя антисоветскую клевету.

Провокационные действия представителей США и организованные при их поддержке выступления корейской реакции вызвали возмущение корейского народа. В Северной Корее в демонстрациях и митингах в поддержку Московского совещания 6 января 1946 г. приняло участие свыше 3 млн. человек. Такие же митинги состоялись и в Южной Корее. Народные массы требовали точного и немедленного осуществления Московского соглашения.

Под давлением народа правящие круги США вынуждены были принять участие в работе Совместной советско-американской комиссии. 16 января 1946 г. в соответствии с п. 4 Московского соглашения в Сеуле открылось совещание представителей советского и американского командований по вопросу об экономических связях между Южной и Северной Кореей. Но по вине американской стороны соглашение о товарообороте между Севером и Югом не было достигнуто. Представители США выдвинули совершенно неприемлемые условия, чтобы сорвать Московское соглашение. Северная Корея ради установления нормального товарооборота между Севером и Югом согласилась поставлять в Южную Корею электроэнергию, уголь, химические удобрения, цветные металлы и другие товары на общую сумму 90 млн. иен. В обмен Северная Корея рассчитывала получить продовольствие (рис), запасные части, оборудование для железнодорожного транспорта. Американское командование, нарушив договоренность об эквивалентности (оно представило список товаров только на 10 млн. иен), отказалось поставлять рис. В результате соглашение о товарообмене не было достигнуто.

20 марта 1946 г. в Сеуле началась работа Совместной советско-американской комиссии, созданной для содействия образованию Временного корейского демократического правительства. Советскую делегацию возглавил генерал-полковник Т. Ф. Штыков. Однако с самого начала работы комиссии американская сторона стала препятствовать созданию Временного корейского демократического правительства. Вопреки решениям Московского совещания она настаивала на проведении консультации не с демократическими партиями и организациями, а с реакционными организациями и группами, которые выступали против Московского соглашения. Тем самым американские представители хотели устранить все подлинно демократические партии и общественные организации Южной Кореи от консультаций с совместной комиссией.

Советская делегация, решительно и последовательно отстаивая национальные права и интересы корейского народа, отклонила американские предложения. Американская делегация, встретив решительное сопротивление попыткам использовать совместную комиссию для осуществления империалистической политики в Корее, сорвала работу комиссии. 8 мая 1946 г. по настоянию американской делегации работа комиссии была прервана, что вызвало глубокое возмущение всего корей-

ского народа. В Южной и Северной Корее происходили массовые демонстрации и митинги с требованием возобновить работу совместной комиссии. Военные власти в Южной Корее усилили террор против демократических организаций, в первую очередь против коммунистической партии.

Проведение демократических преобразований в Северной Корее

В Северной Корее закладывались основы народно-демократического государства, создавалась прочная политическая и экономическая база борьбы корейского народа за единую независимую демократическую Корею.

На основе 20 пунктов политической программы Временного народного комитета в Северной Корее были проведены широкие демократические преобразования, прежде всего — земельная реформа, уничтожившая помещичье землевладение и кабальную арендную систему, создавшая условия для развития производительных сил в сельском хозяйстве.

Главным в решении аграрного вопроса было наделение крестьян землей. Основную массу крестьянского населения Северной Кореи составляли арендаторы и полуарендаторы, не имевшие или почти не имевшие своей земли. Помещики, составлявшие около 4% общего числа сельского населения Северной Кореи, владели почти 60% всей пахотной земли²². Арендная плата на Севере, как и во всей Корее, составляла от 50 до 80% урожая. Успех народно-демократической революции, подъем сельского хозяйства и всей экономики Северной Кореи были немислимы без ликвидации системы помещичьего землевладения.

В конце 1945 — начале 1946 г. в Северной Корее развернулось массовое крестьянское движение за ликвидацию помещичьего землевладения и осуществление земельной реформы.

Коммунистическая партия всесторонне готовилась к проведению этого важного мероприятия. В феврале 1946 г. под руководством коммунистов в провинциях и уездах состоялись конференции крестьянских делегатов, на которых обсуждались требования крестьян. Собравшийся в конце февраля 1946 г. II съезд Пукчосон нонмин тонмэн обратился к Временному народному комитету с предложением немедленно принять соответствующий закон.

После предварительной подготовки V расширенный пленум коммунистической партии (начало марта 1946 г.) принял решение провести земельную реформу и определил основные ее направления. Компартия рекомендовала создать на местах крестьянские комитеты, состоявшие из арендаторов и крестьян-бедняков, для осуществления конфискации и распределения помещичьих земель.

Руководствуясь решениями V пленума компартии, Временный народный комитет Северной Кореи 5 марта 1946 г. принял Закон о земельной реформе. Статья 1 Закона гласила: «Земельная реформа в Северной Корее является исторической и экономической необходимостью. Задача земельной реформы — ликвидировать японское землевладение, землевладение корейских помещиков и уничтожить арендную систему. Право пользования землей принадлежит тем, кто ее обрабатывает»²³.

Согласно этому Закону конфисковались и передавались в собственность крестьян без выкупа земли, принадлежавшие японскому правительству и японским физическим и юридическим лицам, земли измен-

ников корейского народа, активно сотрудничавших с японскими властями, и корейцев, бежавших со своих земель во время освобождения Кореи.

Конфисковались и передавались в собственность крестьян все земли корейских помещиков, имевших свыше 5 чонбо, а также земли независимо от их размеров, принадлежавшие землевладельцам, которые своего хозяйства не вели, а систематически сдавали землю в аренду. Конфискации подлежали также владения церковей, монастырей и других религиозных организаций, имевших более 5 чонбо. Вся конфискованная земля безвозмездно передавалась батракам, малоземельным и безземельным крестьянам. Долги и долговые обязательства батраков и крестьян аннулировались.

Земли, принадлежавшие крестьянам, которые обрабатывали их своим трудом, разделу не подлежали.

В максимально короткий срок — в течение марта 1946 г. — земельная реформа была проведена на территории всей Северной Кореи. Коммунистическая партия направила в села свыше 10 тыс. передовых рабочих для оказания помощи крестьянам в проведении земельной реформы. В результате земельной реформы было конфисковано 1 млн. 325 тыс. чонбо. Землю получили 724 522 крестьянских хозяйства (17 137 батрацких хозяйств — 22 387 чонбо, 442 973 безземельных арендатора — 603 407 чонбо, 260 501 малоземельное крестьянское хозяйство — 345 971 чонбо) и 3911 помещиков (9622 чонбо)²⁴. После распределения часть земли перешла в государственный фонд. Впоследствии народно-демократическая власть создала на этих землях государственные хозяйства. Лесные угодья, сады и важнейшие ирригационные сооружения перешли в распоряжение Временного народного комитета, т. е. по существу стали всенародной собственностью.

Земельная реформа в Северной Корее сопровождалась острой классовой борьбой. Помещики и другие реакционные элементы ожесточенно сопротивлялись ее проведению, прибегая к саботажу и к различным диверсиям. В ряде мест помещики убивали активистов и распускали провокационные слухи, чтобы вызвать у крестьян недоверие к мероприятиям народно-демократической власти. Однако руководящая роль рабочего класса и коммунистической партии в проведении земельной реформы, мощный подъем политической активности трудового крестьянства — все это опрокинуло расчеты реакции. Для подавления различных форм враждебных выступлений коммунистическая партия мобилизовала свой актив, прежде всего крестьянскую бедноту. Реакционные элементы, лишённые социальной опоры в стране, не смогли помешать проведению земельной реформы; коммунисты в союзе с крестьянством успешно подавили враждебные вылазки.

Земельная реформа 1946 г. подорвала экономическую базу помещичьего землевладения, помещики были ликвидированы как класс, и тем самым была уничтожена наиболее реакционная сила в Северной Корее. Ликвидировав и арендную систему, земельная реформа нанесла удар по кулачеству. Статья 10 Закона гласила, что земли, которыми наделяются крестьяне, не могут быть проданы, сданы в аренду или отданы под залог.

Земельная реформа сыграла огромную роль в утверждении народно-демократического строя в Северной Корее и превращении ее в революционно-демократическую базу страны. Она раскрепостила производительные силы северокорейской деревни, дала мощный толчок для общего подъема сельского хозяйства и всей экономики страны. Земельная реформа была важнейшим революционным мероприятием при демократическом переустройстве страны, при ликвидации пагубных последствий

многолетнего господства японского империализма. Это была большая победа корейского народа под руководством рабочего класса. В этом — ее важнейшее политическое и социально-экономическое значение.

Временный народный комитет Северной Кореи по рекомендации ЦК компартии в июне 1946 г. принял также постановление о едином натуральном сельскохозяйственном налоге: все существовавшие ранее многочисленные кабальные налоги были отменены, крестьяне должны были выплачивать государству поземельный налог — 27% урожая риса и 23% урожая зерно-бобовых культур и картофеля. В мае 1947 г. это постановление было изменено. Временный народный комитет Северной Кореи ввел налог в зависимости от урожайности — от 10 до 27% урожая. Уплатив налог, крестьянин получал право свободно распоряжаться своим урожаем.

Осуществив земельную реформу, народная власть в Северной Корее перешла к другим демократическим преобразованиям. 26 июня 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял Закон о труде рабочих и служащих, провозгласивший 8-часовой рабочий день, ликвидировавший эксплуатацию женского и детского труда, введивший систему отпусков и бесплатного лечения. Принятие Закона о труде вызвало патриотический подъем рабочих и служащих.

Важное значение имел также Закон о равноправии женщин, обнародованный 30 июля 1946 г. Веками корейская женщина подвергалась тяжелым унижениям и жестокой эксплуатации. Для нее был закрыт доступ к общественной, политической и культурной жизни. Этот гнет усугублялся феодальными, семейными отношениями, основанными на конфуцианских догмах.

Закон 1946 г. предоставил корейским женщинам равные с мужчинами права во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни, на труд и отдых, на получение равной оплаты за равный труд, на социальное страхование, на образование. Закон навсегда освободил корейскую женщину от тяжкого гнета, бесправия, унижения и нищеты, запретил многоженство, принудительные браки, браки несовершеннолетних. Проведение в жизнь Закона о равноправии женщин приобщило к государственной и общественной деятельности широкие слои корейских женщин.

Важной предпосылкой создания фундамента национальной экономики являлась национализация бывшей японской промышленности, транспорта, средств связи и банков. После вступления в Северную Корею советские войска взяли под свою охрану бывшее японское имущество: промышленные предприятия, оборудование и сырье, транспорт, средства связи, банки, принадлежавшие ранее японскому правительству, японским компаниям и отдельным лицам, и все это передали вновь созданной власти — Временному народному комитету Северной Кореи.

Советские войска не только сохранили для корейского народа все бывшее японское имущество на Севере Кореи, но и провели большие восстановительные работы.

10 августа 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял Закон о национализации промышленности, средств связи и банков.

В Законе говорилось: «Все промышленные предприятия, шахты, рудники, электростанции, железнодорожный и водный транспорт, связь, торговые и культурные учреждения, банки, принадлежавшие ранее японскому государству, японским физическим и юридическим лицам, а также изменникам корейского народа, безвозмездно конфисковать и объявить

собственностью корейского народа, т. е. национализировать»²⁵. К народным комитетам перешло 1034 промышленных предприятия, балансовая стоимость которых составила на 15 августа 1946 г. 3 млрд. иен. В результате национализации все основные средства производства, командные высоты промышленности и финансовой системы перешли к народно-демократической власти. В экономике Северной Кореи была ликвидирована капиталистическая собственность на важнейшие средства производства, создан крупный государственный сектор, охватывавший 80% всего промышленного производства.

Национализация основных средств производства дала мощный толчок развитию производительных сил Северной Кореи, явилась большой победой рабочего класса, который становился руководящей силой не только в политической, но и в экономической сфере.

Национализация промышленности на данном этапе непосредственно не ущемляла интересов средней и мелкой корейской буржуазии. Народно-демократическая власть проводила иную политику, так как стремилась установить с этими слоями отношения сотрудничества, приобрести их к народно-хозяйственному строительству. Учитывая, что средняя и мелкая национальная буржуазия входила в единый фронт патристических сил, что она выступала вместе с рабочим классом и крестьянством за национальную независимость и демократическое строительство, народно-демократическая власть взяла курс на использование частного капитала в интересах развития и укрепления экономической базы народной власти, на постепенное социалистическое преобразование капиталистических предприятий.

Вскоре после национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков народная власть приняла меры к поощрению мелкого предпринимательства. 4 октября 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял специальное постановление «Об охране права частной собственности и о мерах поощрения частной инициативы в промышленности и торговле»²⁶.

Закон допускал существование частных капиталистических предприятий с числом рабочих не более 50. Банкам Северной Кореи было разрешено выдавать частным промышленникам и коммерсантам на общих условиях краткосрочные кредиты. В целях ограничения роста частного капитала органы власти выдавали разрешения на открытие лишь небольших по размеру предприятий. Прибыли частных предпринимателей регулировались налоговой политикой, кредитной системой, политикой цен. Таким образом, органы государственной власти устанавливали действенный контроль над предприятиями частнокапиталистического сектора. Эти меры имели большое экономическое и политическое значение. Гарантируя в определенных рамках интересы мелких и средних предпринимателей, они способствовали не только нейтрализации, но и более активному вовлечению мелкой и значительной части средней буржуазии в общее дело демократического строительства.

Революционные преобразования, проведенные в Северной Корее под руководством рабочего класса и его партии, создали необходимые предпосылки для быстрого подъема экономики и культуры, для роста материального благосостояния народных масс. «В результате проведенных демократических преобразований,— сказал на III съезде ТПК Ким Ир Сен,— в северной части Республики утвердился народно-демократический строй, были созданы демократическая база для объединения родины и материальные условия для подготовки строительства основ социализма»²⁷.

Образование Трудовой партии Северной Кореи

Сложные условия борьбы корейского народа за создание единого независимого государства, обеспечение задач по дальнейшему развитию корейской революции диктовали необходимость объединения сил рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции под руководством марксистско-ленинской партии. Перед корейскими коммунистами встала задача создания марксистско-ленинской партии с широкой социальной базой для успешного руководства демократическим развитием страны. Программные положения коммунистической партии и Сининминдан, совпадавшие в основном и главном, выдержали проверку в период осуществления демократических преобразований.

При создании новой партии корейские коммунисты должны были исходить из политической обстановки, сложившейся на севере и юге страны. В Северной Корее были успешно решены задачи антиимпериалистической и антифеодальной революции, началось осуществление программы социалистического преобразования. В Южной Корее на пути революции встали американские империалисты и силы внутренней реакции. В этих условиях создание Трудовой партии происходило отдельно на Севере и Юге.

Для обсуждения вопроса о слиянии Коммунистической партии Северной Кореи с Сининминдан собрался пленум Центральных комитетов обеих партий, который проходил 28—29 июля 1946 г. На пленуме было принято решение объединить Коммунистическую партию Северной Кореи и Сининминдан и образовать Пукчосон нодондан (Трудовая партия Северной Кореи). В течение августа 1946 г. в местных организациях коммунистической партии и Сининминдан происходили объединительные собрания и конференции. 28—30 августа 1946 г. состоялся Учредительный съезд Трудовой партии Северной Кореи (ТПСК). Съезд принял Программу и Устав партии и Обращение к корейскому народу.

Трудовая партия была создана на незыблемых организационных и идеологических основах марксизма-ленинизма. «Наша партия,— подчеркнул Ким Ир Сен,— считает марксистско-ленинское учение своей теоретической основой, а боевой опыт большевистской партии — путеводителем в своей практической работе»²⁸.

Трудовая партия расширяла свои ряды за счет широкого вовлечения в партию передовых представителей рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Ее Программа в качестве основной цели намечала «строительство сильного независимого демократического государства»²⁹.

В области политической и социальной предусматривались: создание народной республики и передача на территории всей Кореи власти народным комитетам как органам подлинно народной власти; предоставление всем гражданам, достигшим двадцатилетнего возраста, независимо от пола, вероисповедания, образования и имущественного положения право избирать и быть избранным; обеспечение всем гражданам свободы слова, собраний, демонстраций и организаций; обеспечение женщинам равных с мужчинами прав в экономической и политической жизни; ликвидация остатков японской идеологии в системе школьного воспитания путем осуществления реформы школьного образования; предоставление всем гражданам права на образование; введение системы обязательной воинской службы и создание национальной армии; установление дружественных отношений со всеми миролюбивыми странами и народами.

В экономической области было провозглашено осуществление в общенациональном масштабе земельной реформы и закрепление огромных преобразований, проведенных в Северной Корее; национализация

всех промышленных предприятий, принадлежавших японским империалистам и национальным предателям; введение 8-часового рабочего дня для рабочих и служащих, системы социального страхования; ликвидация японской налоговой системы и введение новой, справедливой³⁰.

Программа Трудовой партии, отражая насущные задачи народно-демократической революции, полностью соответствовала интересам демократических сил страны. Многие ее пункты уже были осуществлены в Северной Корее. Поставленные в Программе задачи относились не только к Северной Корее, но и ко всей стране.

В основу организационной структуры Трудовой партии лег ленинский принцип демократического централизма. Устав предусматривал создание монолитной, организованной и боевой партии нового типа.

В первом параграфе ее Устава говорилось, что Трудовая партия является передовым и организованным авангардом трудящихся Кореи и принимает в свои ряды трудящихся — рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию³¹.

Учредительный съезд обнародовал обращение ко всему корейскому народу. Там, в частности, говорилось: «Сининминдан и Коммунистическая партия Северной Кореи, исходя из полного совпадения своих идейных и программных установок, решили объединиться и своим объединением положить начало деятельности новой партии и впредь именоваться Трудовой партией. Объединительный съезд Трудовой партии призывает трудящиеся массы Кореи сплотиться вокруг своей партии и активно помогать ей в осуществлении идеи полного демократизма в Корее»³².

На Учредительном съезде был избран Центральный Комитет партии в составе 43 человек (от коммунистической партии — 29, от Сининминдан — 14), а на I пленуме ЦК 31 августа — Политический совет из 5 человек и Президиум ЦК партии в составе 13 человек. Печатным органом партии утвердили газету «Нодон синмун». В августе 1946 г., к моменту создания Трудовой партии Северной Кореи, в объединившихся партиях насчитывалось 366 тыс. членов, из них в компартии — 276 тыс., а в Сининминдан — 90 тыс. Были созданы провинциальные, уездные, городские (районные) комитеты партии, а также 4270 партийных комитетов и 13 210 низовых партийных организаций.

Трудовая партия Северной Кореи быстро превратилась в массовую марксистско-ленинскую партию. К марту 1947 г. в ней насчитывалось 600 тыс., а к январю 1948 г. — уже 750 тыс. членов³³. Ко II съезду партии (март 1948 г.) рабочие составляли 20,2%, крестьяне-бедняки — 53,1% общего числа членов партии, остальные были крестьяне-середняки, служащие и пр.³⁴.

Трудовая партия Северной Кореи стала руководящей и направляющей силой корейского народа в его борьбе за создание единого независимого демократического государства, организующей и ведущей силой Единого демократического национального фронта.

Укрепление органов народной власти

Большое значение для дальнейшего укрепления органов народной власти, демократизации Северной Кореи имело проведение всеобщих выборов в провинциальные, городские и уездные народные комитеты и замена временных народных комитетов постоянными органами власти. По «Положению о выборах» от 3 сентября 1946 г. избирательное право предоставлялось всем гражданам, достигшим 20 лет. Лишались избирательных прав лица, активно сотрудничавшие с японцами, а также

осужденные судом. Политические партии и общественные организации, входившие в ЕДНФ, выступили на выборах с единой программой и общим списком кандидатов.

3 ноября 1946 г. впервые в истории Кореи состоялись выборы в провинциальные, уездные и городские народные комитеты на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В них приняли участие 99,6% избирателей. За кандидатов ЕДНФ голосовали 97% всех избирателей. Всего по Северной Корее в члены провинциальных, уездных и городских народных комитетов было избрано 3459 человек, из них 13,1% — женщин. Избранные члены народных комитетов по социальному составу распределялись следующим образом: рабочие — 502 (14,5%), крестьяне — 1259 (36,4%), служащие — 1058 (30,6%), интеллигенция — 315 (9,1%), предприниматели и торговцы — 218 (6,3%), служители культа — 93 (2,7%), прочие — 14 (0,4%)³⁵.

25 февраля 1947 г. были проведены выборы в сельские, а 5 марта — в волостные народные комитеты. В первом случае в выборах участвовали 99,8% избирателей, во втором — 99,9%. Социальный состав депутатов волостных и сельских народных комитетов был примерно таким же, как и в провинциальных и уездных комитетах. Выборы в местные органы власти происходили в обстановке большого политического подъема народных масс Северной Кореи. Выборы показали, что народные комитеты как форма власти полностью соответствуют задачам демократического развития Кореи и что абсолютное большинство населения Северной Кореи полностью поддерживает политическую платформу ЕДНФ.

Из политических партий Северной Кореи наибольшее число голосов на выборах получила Трудовая партия, что свидетельствовало об ее огромном авторитете. Среди избранных в народные комитеты члены Трудовой партии составляли 57,7%, Минджудан — 7,7, Чхонудан — 5,3, беспартийные — 29,3%.

17 февраля 1947 г. в Пхеньяне открылся I съезд народных комитетов, на котором присутствовали 1124 делегата от народных комитетов провинций, уездов и городов и 35 — от политических партий и общественных организаций, которые избирались на пленумах центральных комитетов этих организаций.

Съезд утвердил законы, изданные Временным народным комитетом, принял план восстановления народного хозяйства Северной Кореи на 1947 г. и избрал Народное собрание в качестве высшего органа государственной власти Северной Кореи.

В состав Народного собрания было избрано 237 депутатов, из них членов Трудовой партии — 87 (36%), членов Минджудан — 30 (13%), членов Чхонудан — 30 (13%), беспартийных — 90 (38%). По социальному составу среди избранных 237 депутатов Народного собрания рабочих было 52 (22%), крестьян — 62 (26%), служащих — 56 (24%), представителей интеллигенции — 36 (15%), торговцев — 10 (4%), промышленников — 7 (3%), кустарей — 4 (2%), служителей культа — 10 (4%)³⁶. Среди депутатов Народного собрания было 34 женщины.

Первая сессия Народного собрания Северной Кореи, открывшаяся 20 февраля 1947 г., избрала Президиум Народного собрания и сформировала Народный комитет как высший орган исполнительной власти (впредь до образования в Корее Временного демократического правительства) во главе с Ким Ир Сенем.

Осуществив радикальные, революционные преобразования, создав государственный аппарат и органы народной власти, трудящиеся Северной Кореи приступили к восстановлению народного хозяйства, разрушенного японскими колонизаторами накануне капитуляции.

Народнохозяйственный план Северной Кореи, принятый в феврале 1947 г., предусматривал восстановление решающих отраслей промышленности. Наряду с этим встала задача коренной перестройки народного хозяйства, связанной с преодолением последствий многолетнего японского господства в экономике страны. Трудности восстановления и развития народного хозяйства усугублялись тем, что в Северной Корее почти не было подготовленных технических кадров, не хватало оборудования и сырья.

Национализация промышленности, транспорта, средств связи и банков создала необходимые условия для решения задач восстановления.

Благодаря героическим усилиям рабочего класса и большой помощи Советского Союза в строй действующих предприятий вступили химический и машиностроительный заводы в Пхеньяне, Кансонский завод электротехнического оборудования, Пурёнская ТЭС, Чхонджинский металлургический завод, стекольный завод в Нампхо и др. Уже к концу 1947 г. 840 национализированных промышленных предприятий Северной Кореи были восстановлены и вступили в строй. План промышленного производства в 1947 г. был выполнен на 102,5%. Удельный вес государственного сектора в выпуске валовой продукции промышленности увеличился в 1947 г. до 83,2% по сравнению с 72,4% в 1946 г. Трудовая партия и руководимые ею профсоюзы развернули массовое движение по подъему производства, охватившее в 1947 г. более 163 тыс. рабочих. План 1947 г. предусматривал решение важных задач и в области развития сельского хозяйства. Посевные площади было намечено увеличить на 16,9% по сравнению с 1946 г., валовой сбор зерновых культур — на 18,6%. В 1947 г. на строительство ирригационных сооружений Временный народный комитет израсходовал в 5 раз больше средств, чем в 1946 г., а это позволило увеличить посевную площадь под рис на 19 тыс. чонбо. Северная Корея, оторванная от житницы Кореи — юга страны, в основном наладила производство необходимой продовольственной продукции и сырья для промышленности.

По всем показателям народнохозяйственный план 1947 г. был успешно выполнен.

Большую помощь корейскому народу в восстановлении и развитии промышленности, в подготовке национальных кадров оказал Советский Союз. Инженерные войска Советской Армии помогали корейским трудящимся восстанавливать промышленность, овладевать новыми профессиями. С их помощью была налажена работа железнодорожного транспорта. В 1946 г. первая группа корейской молодежи направилась на учебу в советские вузы. Советские специалисты командировались в различные отрасли народного хозяйства. Большое значение для экономического развития страны имела помощь Советского Союза в снабжении промышленных предприятий недостающим оборудованием и материалами.

Многогранная помощь Советского Союза корейскому народу — пролетарский интернационализм в действии, одно из важнейших условий успеха в строительстве демократической Кореи.

ОККУПАЦИЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ АМЕРИКАНСКИМИ ВОЙСКАМИ И СОЗДАНИЕ СЕПАРАТНОГО ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (август 1945 — сентябрь 1948)

Установление американского оккупационного режима. Борьба народных масс за независимость и демократическое развитие. Образование Трудовой партии Южной Кореи

Совершенно по-иному сложилась обстановка в Южной Корее. С 15 августа по 8 сентября 1945 г., т. е. с момента капитуляции Японии и до высадки американских оккупационных войск, в Южной Корее оставались японские войска, японская колониальная администрация. Этот период характеризуется небывалым подъемом демократического движения. Несмотря на противодействие японских властей, трудящиеся Юга под руководством рабочего класса повсеместно стали создавать свои органы власти — народные комитеты; уже к концу августа 1945 г. их было более 140. В ряде мест народные комитеты изгоняли владельцев фабрик и заводов, объявляя эти предприятия достоянием народа. На многих из них вводился рабочий контроль, изгонялась японская администрация. В деревнях народные комитеты потребовали снижения арендной платы до 30% урожая. Они прогоняли ненавистных крестьянам управляющих и запрещали помещикам сгонять арендаторов с обрабатываемых ими участков. По всей Южной Корее ширилось демократическое движение, бурно шел процесс создания демократических политических партий и общественных организаций; их число к моменту высадки американских войск составляло уже более 200. Постепенно шел процесс консолидации демократического лагеря, который возглавили вышедшие из подполья и тюрем корейские коммунисты. Под их руководством в Южной Корее развернулось широкое движение народных масс за создание корейского демократического государства.

8 сентября 1945 г. на территории Южной Кореи высадились американские войска. Стараясь помешать развитию демократического движения, американские оккупационные власти запретили деятельность народных комитетов, созданных по инициативе трудящихся. 7 сентября 1945 г., за день до высадки американских войск в Южной Корее, главнокомандующий вооруженными силами США на Тихом океане генерал Д. Макартур обратился к населению Южной Кореи с воззваниями. В первом, в частности, говорилось: «Настоящим устанавливается военный контроль к югу от 38-й параллели... Вся власть на территории Кореи к югу от 38-й параллели будет осуществляться под моим руководством»¹.

Во втором воззвании Д. Макартур открыто объявлял корейскому народу, что в случае невыполнения приказов и распоряжений военной администрации, а также любого выступления или протеста против американских вооруженных сил будут применены самые суровые наказания, вплоть до смертной казни². Это воззвание послужило «юридическим основанием» для подавления всяких патриотических, демократических выступлений корейского народа, для произвола и насилия.

Американские оккупационные власти, стремясь сохранить старые, колониальные порядки, отдали распоряжение оставить на время в силе все введенные японскими колонизаторами законы. Это мотивировалось тем, что японский аппарат якобы поможет поддержать спокойствие и порядок. Такие действия вызвали глубокое возмущение народных масс. В Сеуле и в других городах состоялись многочисленные демонстрации протеста, участники которых решительно требовали немедленного изгнания японцев со всех занимаемых ими постов, роспуска полиции и жандармерии. Но командующий войсками США в Южной Корее генерал Д. Ходж заявил, что японские чиновники останутся на своих местах до тех пор, пока не прибудет достаточное число американского персонала, чтобы заполнить все звенья администрации. Лишь 14 сентября под давлением народа был снят со своего поста японский генерал-губернатор Абэ Нобуюки, смещен японский персонал.

В Южной Корее была учреждена Американская военная администрация (АВА) во главе с генералом А. Арнольдом. 10 октября 1945 г. генерал Арнольд откровенно заявил, что суверенитет в Южной Корее принадлежит не корейскому народу, а Американской военной администрации (АВА)³. О характере деятельности этого учреждения можно судить по декларации командования американских оккупационных войск (опубликована в октябре 1945 г.), гласившей: «Военная администрация есть временное правительство, созданное американскими оккупационными войсками к югу от 38-й параллели... на юге Кореи оно является единственным правительством»⁴. Декларация отвергла право корейского народа на управление своей страной и явилась открытым посягательством на его суверенитет.

К работе в системе американского оккупационного аппарата привлекались самые реакционные элементы и предатели корейского народа. 18 октября 1945 г. военная администрация издала приказ, запрещающий проводить митинги и демонстрации без специального разрешения; приказ от 30 октября 1945 г. обязывал все газеты и другие органы печати испрашивать специальное разрешение на право публикации; 12 декабря 1945 г. военные власти опубликовали официальное заявление о роспуске народных комитетов. В феврале 1946 г. был издан приказ, согласно которому деятельность всех партий и организаций Южной Кореи ставилась под контроль военной полиции США. Он был направлен против демократических сил; любая неугодная оккупационным властям партия или организация легко могла быть распущена.

Вся созданная американским военным командованием система управления Южной Кореей была подчинена задачам военной оккупации. Вопреки воле корейского народа он был отстранен от участия в управлении страной, в решении судеб своей родины. Враждебные корейскому народу действия американских оккупационных властей в Корее свидетельствовали, что американская армия прибыла в Южную Корею вовсе не для того, чтобы содействовать восстановлению независимого демократического корейского государства. Стремясь сдержать движение масс и направить политическую активность в выгодное для себя русло, американские оккупационные власти в Южной Корее декларировали политические свободы, заигрывая с общественностью и выдавая себя за поборников независимости страны. В действительности же американские империалисты стремились установить в Корее свое политическое и экономическое господство, превратить страну в военный плацдарм США на Азиатском материке.

С этой целью оккупационные власти приступили к собиранию сил внутренней реакции, к созданию антидемократического лагеря. Их соци-

альную опору составили помещики, представители крупной буржуазии, реакционное чиновничество, предатели и изменники корейского народа. Под непосредственным руководством американских военных властей стали создаваться реакционные политические партии, правые профсоюзные организации, крестьянские, женские, молодежные объединения. Ведущей среди правых реакционных организаций Южной Кореи стала Хангук минджудан (Демократическая партия Кореи), созданная 16 сентября 1945 г. Она выражала интересы крупных капиталистов и помещиков. В нее вошли фабриканты, денежные воротилы, помещики, крупные чиновники, коллаборационисты. Руководящее ядро партии состояло из самых отъявленных японских пособников, сменивших теперь старых хозяев на новых. К числу правых партий, созданных в Южной Корее в этот период, относилась также Кунминдан (Национальная партия), которая была организована 25 сентября 1945 г. на основе слияния четырех правых групп, именовавших себя партиями (социал-демократическая, либеральная, республиканская и корейская национальная партия). В Кунминдан входили преимущественно представители крупной и отчасти средней буржуазии, помещичьих элементов и кулаков.

Под руководством американских военных властей создавались реакционные политические группы, молодежные союзы и всякого рода общества. В них нашли прибежище бежавшие из Северной Кореи помещики, капиталисты, прояпонские элементы — предатели корейского народа. Обычно они не выдвигали никаких социально-экономических программ вазве что демагогически требовали немедленного предоставления независимости Кореи.

Эти союзы и общества были по существу террористическими организациями на службе американских оккупационных войск и южнокорейской реакции. В них входило также значительное число уголовных преступников, различного рода деклассированных элементов и хулиганствующего сброда. Американские оккупационные власти субсидировали эти общества, инструкторы обучали их членов методам борьбы с демократическими силами, натравливали на прогрессивные организации.

Американские империалисты, не ограничиваясь собиранием сил реакции внутри страны, импортировали их в Южную Корею из-за рубежа, особенно из США. В октябре 1945 г. на американском самолете в Южную Корею был доставлен Ли Сынман. Американские оккупационные власти сочли его кандидатуру наиболее подходящей для руководства всей корейской реакцией. Генерал Д. Ходж устроил Ли Сынману шумную встречу. Он именовал этого авантюриста и предателя корейского народа «великим государственным деятелем и отцом корейского народа». В свою очередь, Ли Сынман назвал генерала Д. Ходжа «великим освободителем и лучшим другом корейского народа».

Правящие круги США перебросили в Южную Корею наиболее реакционную часть представителей корейской эмиграции, которые прошли специальную подготовку в США. Они преданно служили американскому командованию и составили опору лисынмановского режима.

Укрепившись, оккупационные власти начали готовить наступление на демократический лагерь. Однако силы демократического лагеря, возглавленного рабочим классом, тоже росли: продолжалось образование новых и укрепление ранее созданных прогрессивных организаций.

Возникли Намчосон минджу ёсон тонмэн, Намчосон минджу чхоннён тонмэн. В начале ноября 1945 г. были организованы различные отраслевые профсоюзы (транспортников, печатников, железнодорожников и др.), а 3 ноября создана Чосон нодон чохап чонгук пхёныйхве (Всекорейская конфедерация труда).

12 ноября 1945 г. организационно оформилась Намчосон инминдан (Народная партия Южной Кореи). В нее входили рабочие, трудовое крестьянство, прогрессивная интеллигенция и мелкая буржуазия. В своих программных документах партия выдвигала идею создания демократического государства на основе плановой экономики, обеспечивающей самостоятельное существование Кореи.

Близость основных программных положений Намчосон инминдан и коммунистической партии предопределяла возможность совместной борьбы и прочного сотрудничества между ними. Этим партиям приходилось действовать в исключительно сложных условиях. Особенно тяжелые испытания выпали на долю коммунистической партии. Оккупационные власти и южнокорейская реакция направили главный удар против рабочего класса и его авангарда, по общественным организациям, руководимым коммунистами. Компартия стремилась прежде всего объединить все патриотические и прогрессивные силы Юга на борьбу за решение общедемократических задач, против политики расчленения, проводимой американскими империалистами. Эти усилия корейских коммунистов привели к созданию Намчосон минджуджубый минджок чонсон (Демократический национальный фронт Южной Кореи — ДНФ).

В феврале 1946 г. по инициативе коммунистов состоялся Учредительный съезд ДНФ, на котором присутствовали 458 делегатов от 40 политических партий и общественных организаций левого направления (в том числе от компартии — 30 человек, от Намчосон инминдан — 30, от Чосон тоннип тонмэн (Союз независимости Кореи) — 15, от партии Чхонудан — 10 человек), представители молодежных, женских и других демократических организаций. Съезд провозгласил создание Демократического национального фронта Южной Кореи, принял декларацию, где были изложены основные программные задачи ДНФ: борьба за создание независимого демократического государства в соответствии с решением Московского совещания министров иностранных дел о Корее, осуществление широкой программы демократических преобразований.

В конце ноября 1946 г. в подполье произошло объединение коммунистической партии, Чосон инминдан, Сининминдан в Намчосон нодондан (Трудовая партия Южной Кореи). Демократические организации поддержали идею объединения этих партий. В своем заявлении от 8 августа 1946 г. ДНФ отметил, что объединение трех левых партий будет означать укрепление народно-демократических сил страны и ослабление антинародного, реакционного лагеря. Создание Трудовой партии Южной Кореи было крайне необходимо в условиях нарастания выступления народных масс, в обстановке оккупационного режима для сохранения сил партии, для обеспечения возможности ее легального существования и сплочения вокруг нее патриотических сил Южной Кореи. Объединение проходило в сложных условиях. В это время в Южной Корее нарастали октябрьская всеобщая забастовка и вооруженная борьба народных масс. Компартию и другие левые организации жестоко преследовали.

Объединение началось с местных организаций, ибо в тех условиях не представлялось возможным провести объединительный съезд.

Трудовая партия Южной Кореи стремилась укрепить антиимпериалистические и патриотические силы, мобилизовать их на борьбу за создание единого независимого демократического государства. Партия выдвигала следующие задачи: создание в Корее народно-демократической республики и передача власти народным комитетам по всей Корее; ликвидация феодальных пережитков в стране; конфискация земель, ранее принадлежавшей японским колонизаторам и корейским помещикам, и безвозмездное распределение ее между безземельными и малоземель-

ными крестьянами; введение 8-часового рабочего дня, социального страхования, равной оплаты за равный труд; национализация заводов, фабрик, рудников, шахт, транспорта, средств связи, банков, принадлежавших японцам и изменникам корейского народа; обеспечение свободы слова, печати, демонстраций, вероисповедания; предоставление активного и пассивного избирательного права всем гражданам, достигшим 20 лет, независимо от пола, имущественного положения и образования; предоставление женщинам политических и экономических прав наравне с мужчинами; устранение феодальных пережитков в семье, охрана материнства со стороны государства; ликвидация японской системы образования; уничтожение введенной японскими властями налоговой системы.

Между программами Трудовой партии Северной Кореи и Трудовой партии Южной Кореи нет принципиального различия, они совпадают в главном, ибо та и другая были нацелены на осуществление задач антиимпериалистической и антифеодальной революции, на построение независимого демократического корейского государства. Однако осуществление намеченных задач на Юге страны затруднялось рядом серьезных обстоятельств. Трудовая партия Южной Кореи создавалась в подполье. Коммунистическая партия, не освободившись от старого груза фракционной борьбы, раздиравшей в прошлом корейское коммунистическое движение, не очистившись от враждебных и случайных элементов, объединилась с партиями, далекими от идеологии научного коммунизма. Трудовая партия Южной Кореи идейно-теоретически была слабо подготовлена, объединение не было закреплено соответствующими организационными мерами; партийные организации быстро распались из-за арестов руководителей, раздоров представителей трех объединенных партий, отхода части членов от революционного движения. Впоследствии III съезд Трудовой партии Кореи отметил, что «идейный уровень членов Трудовой партии Южной Кореи был крайне низок, партия очень слабо вела работу по вооружению членов партии революционными идеями»⁵.

В Южной Корее нарастала борьба народных масс против политики оккупационных властей. Их политика, направленная на срыв решений Московского совещания и превращение Южной Кореи в военно-стратегический плацдарм США, вызвала массовые выступления южнокорейского народа. Его освободительную борьбу вдохновлял пример Северной Кореи, где были осуществлены широкие демократические преобразования. Несмотря на запрет оккупационных властей, забастовки, стачки, демонстрации и митинги протеста прокатывались по всей Южной Корее.

15 августа 1946 г., в день первой годовщины Освобождения, состоялись мощные демонстрации, организованные ДНФ. В одном только Сеуле в них приняло участие около 300 тыс. человек. Участники демонстраций несли лозунги: «Мы требуем передачи власти трудовому народу!», «Мы требуем проведения земельной реформы!», «Мы требуем претворения в жизнь решений Московского совещания министров иностранных дел по Корее!» и др. Американское командование двинуло против народа войска и полицию, которые зверски расправились с демонстрантами. В течение лета 1946 г. по всей Южной Корее не прекращались демонстрации, забастовки и крестьянские волнения.

В сентябре 1946 г. железнодорожники потребовали, чтобы американские власти повысили им заработную плату и улучшили их продовольственное снабжение. Получив отказ, они объявили забастовку, которая охватила Сеул, Пусан и многие другие города Южной Кореи. Бастующих поддержали рабочие и служащие промышленных предприятий, судововерфей, служащие государственных учреждений, студенты учебных заведе-

ний. Вся хозяйственная жизнь Южной Кореи была парализована. Забастовочный комитет, созданный во время выступления, предъявил оккупационным властям требования немедленно прекратить террор, освободить из тюрем всех политических заключенных, изгнать из учреждений и полиции национальных предателей, передать власть в руки народных комитетов, предоставить народу Южной Кореи политические свободы, немедленно возобновить работу совместной советско-американской комиссии и создать демократическое правительственное на основе Московского соглашения о Корее, принять немедленно меры к восстановлению и пуску бездействующих предприятий, провести земельную реформу, национализацию промышленности, увеличить нормы снабжения населения продовольствием и т. д.

Забастовка, возникшая как экономическая, приняла ярко выраженный политический характер. Волнения охватили деревню. В конце сентября Намчосон нонмин чохан чхонъёнмэн заявила о полной поддержке требований рабочих.

Американское военное командование отвергло справедливые требования рабочих и крестьян.

В начале октября 1946 г. забастовка переросла во всеобщее политическое выступление, охватившее всю Южную Корею. Начались вооруженные столкновения патриотов с войсками и полицией. Серьезные волнения произошли в Сеуле, Кванджу, Мокпхо, Масане, Сунчхоне и в других городах. Общее число их участников превысило 2 млн.

Во главе народного выступления 1946 г. стоял рабочий класс Южной Кореи. Он первым поднялся на борьбу, проявив наибольшую стойкость и организованность, и потребовал коренных демократических преобразований, отражающих интересы широких слоев населения.

Октябрьское выступление народных масс, хотя и было жестоко подавлено оккупационными властями и южнокорейской реакцией, нанесло удар по политике закабаления и расчленения страны, проводимой американскими империалистами. Американские власти вынуждены были лавировать, пытаясь дезорганизовать борьбу народа, направив ее на конституционный путь. В конце 1946 г. были созданы «законодательная палата» и «корейская гражданская администрация», которые в мае 1947 г. Американская военная администрация переименовала в «переходное правительство» Южной Кореи. «Законодательная палата» наделялась лишь совещательными функциями; каждое ее решение утверждалось американской военной администрацией. Она состояла из 90 депутатов, причем одна половина назначалась Администрацией, а другая — избиралась. «Законодательная палата» должна была стать ядром будущего реакционного правительства, созданием которого реакционеры хотели подорвать Московское соглашение о Корее. Демократические организации Южной Кореи бойкотировали образование «законодательной палаты».

Явно реакционное, антидемократическое учреждение оккупационные власти всячески пытались выдать за орган самоуправления народа. Генерал Д. Ходж, выступая на открытии сессии «законодательной палаты» 12 декабря 1946 г., заявил, что ее учреждение представляет собой «величайший из всех сделанных до сих пор шагов к самоуправлению Кореи».

Тем временем администрация США и ее пособники с неслыханной жестокостью преследовали корейских патриотов именно за их стремление осуществить подлинное народовластие, создать свободную демократическую Корею. Только в период октябрьского выступления было убито и ранено свыше 7 тыс. человек, около 25 тыс. арестовано и брошено в тюрьмы.

И все же, несмотря на жестокие репрессии, выступления масс продолжались. 1 марта 1947 г., в 28-ю годовщину мартовского восстания 1919 г., во многих городах Южной Кореи произошли демонстрации трудящихся под лозунгом «Да здравствует независимая Корея!». Полиция расправилась с демонстрантами, многие были убиты, несколько тысяч заключено в тюрьмы.

В знак протеста 22 марта 1947 г. в Южной Корее началась всеобщая массовая забастовка, в которой приняли участие более 200 тыс. рабочих, 157 тыс. крестьян, 80 тыс. учащихся. Забастовка проходила под лозунгом: «Немедленно ввести демократический закон о труде!» «Отобрать землю у помещиков и безвозмездно передать ее крестьянам, как в Северной Корее!», «Возобновить работу совместной советско-американской комиссии!». Митинги и демонстрации с требованием возобновить работу Совместной советско-американской комиссии прокатились по всей Южной Корее. Американские власти вынуждены были в мае 1947 г. согласиться на возобновление работы Комиссии. Однако правящие круги США по-прежнему не пожелали выполнить решения Московского совещания и пошли на срыв работы советско-американской комиссии. В июле из-за угла был убит реакционерами видный патриотический деятель, создатель Намчосон инминдан, один из руководителей ДНФ Южной Кореи, Е Унхён. В августе резко усилился террор, начались массовые аресты прогрессивных деятелей и активных членов демократических организаций; было арестовано 12 тыс. демократических деятелей. Массовыми репрессиями американское командование стремилось обезглавить прогрессивные организации, нанести удар по силам, выступавшим за осуществление решений Московского совещания.

Позиция, занятая делегацией США на заседаниях Совместной комиссии, сделала невозможным образование Временного корейского демократического правительства на принятых Московским совещанием условиях. Поэтому глава советской делегации Т. Ф. Штыков 26 сентября 1947 г. внес от имени Советского правительства предложение об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск и о предоставлении корейскому народу возможности самому решить свои внутренние дела. Советские предложения соответствовали коренным интересам корейского народа, поэтому демократическая общественность Северной и Южной Кореи полностью поддержала их. Но правящие круги США отказались принять советское предложение. Работа Совместной советско-американской комиссии оказалась сорванной.

Обсуждение корейского вопроса было перенесено американской стороной на II сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Правительство СССР выступило против обсуждения корейского вопроса в ООН, поскольку он являлся частью проблемы послевоенного урегулирования и по этому вопросу имелись специальные международные соглашения, принятые в декабре 1945 г. в Москве. Но поскольку корейский вопрос был включен в повестку, советская делегация в ООН приняла участие в дискуссии. Она предложила одновременно вывести американские и советские войска из Кореи и пригласить представителей корейского народа участвовать в обсуждении корейской проблемы. Однако США и другие империалистические государства отклонили предложения Советского Союза. 14 ноября 1947 г. делегации США удалось протащить резолюцию о создании Временной комиссии ООН по Корее, которой поручалось контролировать проведение выборов по плану западных государств.

8 января 1948 г. Временная комиссия ООН прибыла в Сеул. По Южной Корее прокатилась волна митингов и демонстраций протеста, положивших начало широкому движению, участники которого называли его

«борьбой за спасение Родины». Это были различные формы народного сопротивления: стачки, демонстрации, митинги протеста, вооруженные выступления.

Трудовая партия возглавила борьбу за всенародный бойкот «выборов». ЕДНФ Северной Кореи в своем воззвании к народу подчеркнул, что корейский народ никогда и ни при каких условиях не согласится признать созданное под прикрытием ООН марионеточное правительство. 7 февраля 1948 г. в знак протеста против «выборов» и создания Комиссии ООН по Корее началась всеобщая забастовка южнокорейских рабочих, в ряде мест переросшая в вооруженную борьбу. В феврале — марте 1948 г. в ней участвовали свыше 1 млн. человек. Корейский народ требовал удаления Комиссии ООН из Кореи, вывода оккупационных войск, предоставления корейскому народу права самому решать свои внутренние дела.

Движение протеста против сепаратных выборов в Сувоне, Вонджу, Кунсане и в других городах переросло в вооруженные выступления. 3 апреля 1948 г. на о-ве Чеджудо вспыхнуло народное восстание, в котором участвовали около 10 тыс. человек. Захватив арсенал, восставшие вступили в борьбу с полицией. Восстание охватило весь остров. Во многих местах были воссозданы народные комитеты. Героическая борьба повстанцев на Чеджудо вызвала огромный политический резонанс в стране. Во многих городах и селах Южной Кореи состоялись массовые митинги, на которых принимались решения о солидарности с повстанцами, о проведении демонстраций, митингов, забастовок протеста и т. д. Восстание вызвало серьезную тревогу американских властей, направивших на остров большое число войск. Однако карателям в течение года не удалось установить полный контроль над Чеджудо, хотя они сожгли десятки деревень, убили 2 тыс. повстанцев, 6 тыс. патриотов бросили в тюрьмы.

Вооруженное выступление на о-ве Чеджудо, хотя и было подавлено, оказало огромное влияние на развитие освободительной борьбы.

Экономическая и социальная политика Американской военной администрации

По мере усиления и закрепления политического раскола Кореи (неизбежный результат неокOLONиалистского курса правящих кругов США, направленного на создание в Южной Корее проамериканского режима) все больше ослабевали хозяйственные связи между двумя частями страны, обособлялась их экономическая жизнь.

На смену экономической зависимости от Японии, в значительной мере предопределившей однобокий аграрно-сырьевой характер развития корейской экономики вообще и южнокорейской в частности на протяжении 40 лет колониального господства, пришла экономическая зависимость от империализма Соединенных Штатов Америки.

Все это в большой степени обусловило становление производственно-технической основы южнокорейской экономики, ее топливно-энергетической и сырьевой баз. Формирование внутривозрастных связей и пропорций, характерные их черты, темпы развития производительных сил определялись социально-экономической политикой Американской военной администрации, а затем южнокорейских властей.

Сущность этой политики в конечном счете сводилась к тому, чтобы создать в Южной Корее более или менее широкую социальную опору для реакционного проамериканского режима. Поддержка и укрепление такого режима в Южной Корее были, есть и остаются одними из важней-

ших принципов колониалистского курса правящих кругов США в Южной Корее. В этих целях США предоставляли и предоставляют Южной Корее большую экономическую и военную помощь; опираясь на нее, южнокорейские власти осуществили ряд важных социально-экономических мероприятий. Искусственный разрыв устоявшихся экономических связей Юга с Севером, а также с бывшей метрополией дезорганизовали хозяйственную жизнь Южной Кореи. Последствия этого разрыва отрицательно повлияли и на сельскохозяйственное производство (оно лишилось минеральных удобрений) и особенно сильно — на промышленность.

К началу 40-х годов в совокупном производстве промышленности и сельского хозяйства Кореи доля промышленности составляла почти 45%. Столь значительный уровень промышленного производства, достигнутый в колониальный период, объясняется экономическими потребностями метрополии, в частности нуждами японской военной машины. После разделения страны обнаружилась неравномерность размещения промышленных предприятий, обусловленная природно-климатическими особенностями страны, а также колониальной эксплуатацией ее ресурсов.

В 1937 г. на долю Южной Кореи приходилось около 29% продуктов горнодобывающей, 50% — обрабатывающей, 16% — электроэнергетической промышленности всей Кореи. В тяжелой индустрии (металлургия, машиностроение, химическая промышленность) удельный вес продукции Юга составлял в 1940 г. всего 20,6, а в легкой — 70%.

В результате искусственного расчленения страны Южная Корея почти лишилась таких важных отраслей промышленности, как металлургическая, химическая, цементная. Это видно из следующих данных о доле Юга и Севера в продукции важнейших отраслей корейской промышленности в 1937 г. (%) ⁶:

Отрасли	Юг	Север
Металлургия	7,3	92,7
Машиностроение	69,4	30,6
Химическая промышленность	14,3	85,7
Текстильная промышленность	76,8	23,2
Производство строительных материалов	38,0	62,0
Пищевая промышленность	60,7	39,3
Деревообрабатывающая промышленность	68,0	32,0
Полиграфическая промышленность	90,0	10,0
Электроэнергетическая промышленность	16,0	84,0
Прочие	77,0	23,0

Таким образом, в Южной Корее сосредоточивалась подавляющая часть предприятий легкой промышленности, а также машиностроения. Однако в результате раскола страны эти отрасли были отрезаны от главных источников снабжения топливом, электроэнергией, некоторых важных видов минерального сырья и полуфабрикатов. Действительно, в 1945 г. Юг давал всего 21% добычи угля, лишь 3% — железной руды и только 8% — среднегодового производства электроэнергии всей Кореи. В значительной степени зависела от поставок сырья с Севера деревообрабатывающая промышленность. Минеральные удобрения также привозились с Севера, а химические заводы Юга выпускали продукцию преимущественно бытовой химии. Из восьми крупных цементных заводов Кореи лишь один находился на Юге. Самые крупные металлургические заводы были на Севере, южнокорейское машиностроение (изготовление несложных метизов, сборка, ремонт) базировалось на поставках полуфабрикатов с Севера, а также из Японии.

Наконец, непосредственным результатом расчленения Кореи явилось усиление унаследованной со времен японского господства диспро-

порции между различными отраслями промышленности. Об усилении диспропорции в структуре, например, обрабатывающей промышленности можно судить по сравнительным данным, показывающим, какая часть валовой продукции приходилась на различные отрасли этой промышленности в колониальной Корее в 1936 г. и в Южной Корее в 1948 г. (%) ⁷:

	Вся Корея, 1936 г.	Южная Корея, 1948 г.
Металлургия	5	4
Машиностроение	2	6
Химическая промышленность	27	28
Текстильная промышленность	14	41
Пищевая промышленность	27	13
Цементная промышленность	3	3
Прочие отрасли (деревообрабатывающая, полиграфическая, бумажная)	22	5

Как видно из этих данных, 54% продукции обрабатывающей промышленности приходилось на долю двух отраслей — текстильной и пищевой. В то же время три отрасли первого подразделения (металлургия, машиностроение, цементная) производили лишь 13% всей продукции. Что же касается химии, то большие издержки производства (вследствие значительной энергоемкости и дороговизны сырья) обусловили чрезвычайно высокие стоимостные показатели ее продукции в общей структуре обрабатывающей промышленности.

Таким образом, искусственное расчленение страны еще более усилило колониальную однобокость южнокорейской экономики, обнаружив при этом и все пагубные последствия 40-летнего господства японского империализма в Корее: огромную диспропорцию между различными отраслями, отсутствие крупного машиностроения, типичное для колоний размещение промышленности как для Кореи в целом, так и для Севера и Юга в отдельности и т. д.

Во всех отраслях хозяйства ощущалась острая нехватка квалифицированных рабочих и технического персонала. Достаточно сказать, что в 1944 г. во всей Корее из 9852 инженеров и техников 7953 были японцы.

Американская военная администрация поспешила прибрать к рукам все бывшее японское имущество в Южной Корее. Указами № 2 от 25 сентября 1945 г. и № 33 от 12 декабря 1945 г. запрещались какие бы то ни было сделки и операции в отношении бывшей собственности японского правительства, японских монополий и отдельных предпринимателей; она объявлялась собственностью АВА (золото, серебро, платина, валюта, ценные бумаги, счета в финансовых учреждениях, кредиты и любое прочее имущество, как и доходы от него).

В руках АВА в Южной Корее оказалось также 9096 торговых предприятий, 2818 складских помещений, 225 судов, 48 456 жилых домов, 324 404 чонбо пахотной земли и большое количество других земельных участков ⁸. Это означало, что АВА получила возможность контролировать всю экономику Южной Кореи, ибо, как уже говорилось выше, японцам принадлежало от 70 до 90% капитала, вложенного в различные отрасли экономики. Достаточно сказать, что в руках АВА оказалось 2690 предприятий горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, которые в годы японского господства давали большую часть промышленной продукции Южной Кореи.

Все бывшее японское имущество, а правильное — собственность корейского народа, находилось в непосредственном ведении специального органа АВА — Управления по охране имущества. Прибыль, получаемая

от эксплуатации этого имущества, переводилась на счета Управления по охране имущества в Корейском банке. Несколько позже, указом № 8 от 31 января 1946 г., вся бывшая японская собственность была передана в непосредственное ведение департаментов и отделов АВА. Особо уполномоченные чиновники департаментов и отделов осуществляли непосредственный контроль за сохранностью и управлением бывшей японской собственности.

Сохранив за бывшими японскими компаниями номинальное право на их имущество, АВА назначила в качестве руководителей этих организаций своих управляющих, в большинстве случаев — бывших служащих той же самой фирмы, строго контролируя при этом их деятельность. Даже выплата заработной платы не могла быть произведена без письменного разрешения соответствующего чиновника АВА.

АВА захватила все товарные запасы сырья, оборудования, строительных материалов, продовольствия, а также различные другие потребительские товары, находившиеся на складах «Корейской корпорации по контролю над важнейшими материалами». Последняя — бывшая японская правительственная компания, созданная в конце войны для строгого учета и контроля над распределением всех дефицитных товаров, — также была сохранена (с несколько измененным названием) и использована АВА в своих целях. Хотя официально этой корпорации поручалась распродажа складированных товарных запасов, а также всего движимого и недвижимого личного имущества японских лиц, на самом же деле при ее помощи было выявлено, взято на учет и вывезено в США все наиболее ценное стратегическое сырье, материалы и т. д. Общая стоимость сырья, вывезенного в США с октября 1946 по март 1948 г., составила более 185 млн. долл. (половина этой суммы приходилась на вольфрамовую руду).

Чтобы обеспечить беспрепятственный вывоз различных материальных ценностей из Южной Кореи, а также использовать южнокорейский рынок в своих интересах, АВА ввела монополию внешней торговли, открывшую перед американскими концернами благоприятные возможности для сбыта лежалых товаров. В начале 1947 г. была создана Корейско-американская торговая палата, которую возглавил президент «Колониэл траст компани» Артур Климэн. В правлении этой организации были представлены крупнейшие американские компании: «Интернэшнл телефон энд телеграф», «Калифорния Тексас ойл», «Сокопн вакуум ойл», «Интернэшнл бизнес мэшинз», «Америкен форин иншуренс ассошиэйшн». Учредители Торговой палаты торжественно обещали «помогать» экономическому развитию Кореи, как только «стабилизируется политическая ситуация».

Американские монополии проявили большой интерес к Южной Корее. Так, например, финансовым агентом компании «Новая Корея» (создана 12 ноября 1945 г. на базе ВКО), капитал которой составлял более 1 млн. долл., стал «Нэйшнл бэнк оф Нью-Йорк», принадлежащий финансовой группе Моргана. Особую активность развила американская фирма «Ориентал консолидейтид майнинг компани», один из руководителей которой был назначен советником по вопросам минеральных ресурсов при созданном в мае 1947 г. «временном корейском правительстве».

Многие крупные чиновники АВА в Южной Корее, а также высшие офицеры американской армии на Дальнем Востоке одновременно были акционерами крупнейших компаний и банков США или даже занимали в них важные посты. Например, главнокомандующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке Д. Макартур был акционером одной из моргановских фирм. Эти представители американских мо-

нополий, одетые в военную форму, стали новыми хозяевами южнокорейской экономики.

Главной опорой оккупационного режима США была южнокорейская реакция — помещики и крупная буржуазия. Из представителей этих двух классов формировались консультативные органы АВА. В равной степени это относится и к «демократической палате представителей Южной Кореи» (февраль 1946 г.) и к «законодательной палате» (декабрь 1946 г.) и к «переходному корейскому правительству» (май 1947 г.), куда не вошел ни один представитель трудящихся.

В качестве консультативного органа по вопросам экономики в мае 1945 г. указом № 90 была создана «центральная экономическая комиссия», председателя и секретаря которой назначал глава АВА. Привлекая корейских реакционеров через консультативные органы к сотрудничеству с оккупационными властями, американские военные власти стремились создать видимость демократического управления и жалкими подачками отвлечь трудящихся от революционных выступлений в защиту независимости своей страны. Вместе с тем эта политика способствовала консолидации сил в лагере южнокорейской реакции, деморализованном крушением колониального аппарата управления.

Оккупанты опасались, что непрекращающаяся борьба народных масс Южной Кореи против господства американских империалистов, выразившаяся в многочисленных забастовках, массовых демонстрациях и, наконец, в вооруженных выступлениях, а также успехи демократических преобразований в Северной Корее и предложения Советского Союза об одновременном выводе вооруженных сил СССР и США сорвут экспансионистские планы американского империализма в отношении Кореи. Правящие круги США вынуждены были маневрировать, скрывая свои истинные намерения. Учитывая необходимость изменения форм и методов американского господства в Южной Корее, АВА с лета 1947 г. начала подготовку сепаратных выборов на Юге и создания «национального» южнокорейского правительства.

Планы американских империалистов заключались в том, чтобы поставить у власти проамериканский режим, с его помощью превратить оккупированную ими территорию в военную базу и плацдарм для нападения на социалистические страны. Агрессивные круги США, напуганные успехами китайской революции, большое внимание уделили созданию южнокорейской армии. АВА, не отказываясь от прямого подавления национально-освободительного движения вооруженной силой, предприняла шаги, направленные на его раскол.

Широкий размах национально-освободительного движения в Южной Корее обуславливался тем, что в нем наряду с рабочим классом активно выступали крестьянство и национальная буржуазия. Назревала аграрная революция, которая грозила смести помещичье землевладение, ликвидировать помещичью эксплуатацию. Для правящих кругов США были необходимы реформы сверху, которые предотвратили бы революционный захват помещичьей земли и отвлекли бы крестьян от борьбы. Руководствуясь этим, АВА с конца 1946 г. начала широко рекламировать земельную реформу, одновременно объявив о ликвидации компании «Новая Корея» и распродаже ее земель частным лицам. В специальном декрете «временного правительства» Южной Кореи от 22 марта 1948 г. указывалось, что цель этого мероприятия — сделать безземельных земледельцев-арендаторов независимыми сельскохозяйственными владельцами посредством продажи хозяйственной земли, ранее принадлежавшей японцам.

Распродажа бывших японских земельных владений послужила про-

логом к земельной реформе, проведенной в Южной Корее в 1949—1951 гг. Эти два мероприятия, осуществление которых представляет собой два этапа единой политики американского империализма и южнокорейской буржуазии, были рассчитаны на то, чтобы упразднить крупное помещичье землевладение, превратить массу арендаторов и полуарендаторов в собственников малых земельных участков и тем самым «умиротворить» деревню.

Планы юридического оформления проамериканского режима в виде 1-й Южнокорейской республики поставили перед правящими кругами США вопрос о статусе бывшего японского имущества.

После того как АВА захватила всю бывшую японскую собственность, она неоднократно заявляла, что намерена «распорядиться этим имуществом в пользу корейского народа», хотя избегала принимать какие-либо конкретные меры. Характерно свидетельство американского ученого Д. Маккюна, который писал: «Чтобы оправдать свое бездействие, Американская военная администрация заявляла о том, что окончательное решение этого вопроса (о бывшем японском имуществе. — Авт.) будет осуществлено южнокорейским правительством лучше, чем американцами»⁹. В марте 1947 г. было, наконец, объявлено о продаже лишь мелких предприятий, принадлежавших ранее частным японским лицам. Бывшая собственность японского правительства, а также крупных предпринимателей-японцев не подлежала распродаже и должна была перейти к «временному правительству».

Распродажа бывших японских предприятий проводилась в очень незначительных масштабах и, по-видимому, не затронула промышленные и торговые предприятия. В докладе генерального агента Администрации ООН по восстановлению Кореи на VII сессии Генеральной Ассамблеи указывалось, что «в отношении земельной собственности Военная администрация смогла осуществить частичное распределение в марте 1948 г., но в отношении промышленного и коммерческого имущества такие шаги не предпринимались»¹⁰.

Таким образом, бывшее японское имущество, представленное важнейшими предприятиями и учреждениями в промышленности, торговле, финансах, на транспорте и связи, оставалось в руках АВА.

Передача бывшего японского имущества южнокорейским властям зафиксирована в так называемом предварительном финансовом и имущественном соглашении от 11 сентября 1948 г. Значительная часть этого имущества была распродана частным лицам в целях стимулирования частнокапиталистического предпринимательства (преимущественно предприятия легкой промышленности, торговые фирмы, различные учреждения сферы услуг). Ключевые предприятия в важнейших отраслях промышленности (угольной, металлургической, машиностроительной), все электроэнергетические предприятия, транспорт, связь и банки сохранились в руках южнокорейских властей и стали материальной основой государственной собственности.

Хозяиничанье империалистов США пагубно повлияло на состояние промышленности Юга. Даже в одном из докладов Временной комиссии ООН по вопросу о Корее отмечалось, что состояние промышленности и транспорта вследствие отсутствия запасных частей, сырья, высококвалифицированных рабочих и административных кадров было «упадочным». Уровень промышленного производства в первой половине 1948 г. составлял 20% довоенного уровня¹¹.

Уже к концу 1946 г. стал ощущаться острый недостаток сырья, поскольку запасы, находившиеся на складах, иссякли; положение стало катастрофическим. Предприятия закрывались, резко сократилось число

занятых, быстрыми темпами увеличивалась армия безработных. К марту 1947 г. по сравнению с 1943 г. число функционирующих предприятий обрабатывающей промышленности сократилось на 55%, а число занятых на них рабочих — почти на 48%. Аналогичное положение было и в горнодобывающей промышленности. В ноябре 1946 г. общее число безработных в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности Южной Кореи составляло, по официальным данным, более 300 тыс.

К концу 40-х годов южнокорейская промышленность производила продукции в 2,5—3 раза меньше, чем в 1941 г. В ведущей отрасли обрабатывающей промышленности Южной Кореи — текстильной — объем производства составил 27,3%, а в цементной — только 6,6% от уровня 1941 г. Выплавка чугуна прекратилась вовсе.

В 1949 г. валовые капиталовложения во все отрасли хозяйства составили всего 1,6% валового национального дохода Южной Кореи. Южнокорейская буржуазия стремилась инвестировать капитал прежде всего в отрасли, обеспечивающие быструю оборачиваемость средств и высокую норму прибыли. О направлении капиталовложений можно судить по данным об акционерных обществах, созданных в Южной Корее с августа 1945 по август 1947 г.¹²:

Отрасль	Число об-ществ	Объявленный капитал, тыс. иен	Оплаченный капитал, тыс. иен	Удельный вес оплаченного капитала, %
Машиностроение	15	133 915	47 405	4,0
Химическая промышленность	37	138 950	50 137	4,3
Текстильная промышленность	31	72 581	26 391	2,3
Металлообрабатывающая промышленность	42	199 380	66 465	5,7
Электротехническая промышленность	16	46 634	12 244	1,1
Земледелие и лесоводство	15	68 800	20 120	1,7
Строительство	132	485 175	167 475	14,4
Торговля	251	1 600 910	479 782	41,2
Транспорт	36	169 260	73 402	6,3
Прочие	158	489 347	221 315	19,0
Итого:	733	3 404 952	1 164 746	100

Из приведенных данных видно, что в отрасли обрабатывающей промышленности было вложено немногим более 17% оплаченного капитала новых компаний, тогда как в торговлю — более 41%; на долю транспорта (строительство и ремонт дорог, мостов, подвижного состава, железнодорожных путей) — только 6,3%.

Такое направление капиталовложений было обусловлено слабостью южнокорейской буржуазии. Это обстоятельство облегчило экспансию американского капитала в Южную Корею под флагом помощи. Помощь стала главным инструментом неокOLONIALИСТСКОЙ политики США по отношению к Южной Корее, где они преследовали прежде всего военно-политические цели.

Активное проникновение американского капитала в южнокорейскую экономику началось еще в период оккупационного режима.

В период оккупации помощь предоставлялась Корее через Управление по оказанию помощи в оккупированных районах (ГАРИОА). После создания лисынмановского правительства помощь стала поступать на основе двусторонних договоров с США. В 1948 г. на Южную Корею было распространено действие «плана Маршалла», что и было оформлено подписанием 10 декабря 1948 г. американо-южнокорейского «Договора

о дружбе и торговле», который лег в основу всех позднейших программ помощи. По этому договору Южная Корея обязалась обеспечить США поставки стратегических материалов и увеличить их производство; расходовать запасы иностранной валюты в первую очередь для этих целей; поощрять вложения частного иностранного капитала и способствовать деятельности иностранных коммерсантов. Южнокорейское правительство соглашалось на то, чтобы распределение помощи контролировал специальный представитель США, полномочия которого простирались так далеко, что он мог рекомендовать своему правительству прекратить ее.

В январе 1950 г. «план Маршалла» заменила «программа взаимной обороны», что усилило милитаристский характер помощи, а с января 1952 г. последняя стала поступать на основе «Акта о взаимном обеспечении безопасности».

Южная Корея получала помощь от США также по линии ООН. В декабре 1950 г., оказав давление на представителей стран — получателей американской помощи и использовав голоса своих союзников по агрессивному блоку НАТО, США протащили на Генеральной Ассамблее резолюцию по корейскому вопросу, в соответствии с которой были созданы Управление ООН по оказанию помощи гражданскому населению в Корее (1 июля 1953 г. переименованное в Корейское управление гражданской помощи (КСАС) и действовавшее по ноябрь 1955 г.), и Администрация ООН по восстановлению Кореи (ЮНКРА, функционировавшая до 30 июня 1958 г.). Помощь в соответствии с программами ГАРИОА и КСАС была предоставлена исключительно сырьем и потребительскими товарами (медикаменты, продовольствие, одежда, уголь, удобрения). Сумма помощи по этим двум программам в 1945—1953 гг. превысила 1 млн. долл.

Создание сепаратного южнокорейского государства

После освобождения Кореи на политическую арену выступили весьма многочисленные и крайне разношерстные слои национальной буржуазии; ее активность проявилась в небывалом росте политических партий и общественных организаций. К концу 1945 г. в одном Сеуле их насчитывалось около 200.

«Беспартийная» в прошлом буржуазия старалась наверстать и восполнить то, что было упущено и не сделано в колониальных условиях. Главная причина коренилась в условиях формирования корейской буржуазии, в неполной завершенности этого процесса.

Неравномерность развития различных слоев торговой, промышленной и сельской буржуазии предопределила в прошлом разные пути и методы их борьбы за национальную независимость, в основе которых, в свою очередь, лежали различные воззрения на политический и экономический строй будущего независимого государства. В годы колониального господства буржуазный лагерь никогда не был единым: его ряды раздирала ожесточенная фракционная борьба. После освобождения эта разобщенность немедленно дала о себе знать. Каждый из буржуазных слоев в зависимости от степени или уровня развития начал борьбу за превращение своих идеалов в жизнь.

Политические партии национальной буржуазии, образовавшиеся после освобождения страны от японского господства, имели самые различные оттенки; если взять только «полюса», то здесь были партии откровенно фашистского толка и партии, стоявшие на социал-демократи-

ческих позициях или приближавшиеся к ним. Между ними находилось бесчисленное множество промежуточных группировок: консервативных, либеральных, национал-реформистских. При всем обилии и разнообразии буржуазных партий, при всей эфемерности некоторых из них и несмотря на незатухавшую между ними борьбу, их роднило одно — все они были настроены антикоммунистически и стремились создать независимое и демократическое буржуазное государство, вкладывая в понятие «демократия» свой собственный смысл. Участие корейской национальной буржуазии в общем потоке движения за независимость и в борьбе за создание самостоятельного государства представляло собою сложный и запутанный процесс, но на пути этого естественного процесса оказалась сила, несравненно более мощная, нежели многочисленные, но разобщенные слои корейской национальной буржуазии, — американский империализм.

Прямое вмешательство Американской военной администрации во все внутренние дела наложило весьма заметный отпечаток на политическую обстановку. В условиях оккупационного режима с политической арены были устранены прогрессивные, патриотические силы; судьбами страны стали вершить самые реакционные и продажные элементы, пользовавшиеся покровительством американских оккупационных властей. Из числа корейских коллаборационистов и компрадоров, служивших в колониальной администрации в годы японского господства и скопивших крупные капиталы, был отобран и укомплектован вспомогательный аппарат оккупационных властей, в том числе — совещательных учреждений. Эти люди, как уже отмечалось, стали играть определяющую роль в политической жизни Южной Кореи, объединившись в Хангук минджудан. Первоначально ее руководство выглядело весьма пестрым. Наряду с феодально-помещичьими и компрадорскими элементами (как прояпонской, так и проамериканской ориентации) туда входили и отдельные консервативно настроенные националисты, подвизавшиеся в освободительном движении за пределами страны. Первую группировку в руководстве представляли Сон Джину (1890—1945), Ким Сонсу (1891—1955), Ким Бённо (1887—1964), Чан Доксу (1896—1946) и др., вторую — Ли Сынман, Со Джепхиль (1863—1951), Юн Чхиён (род. в 1898 г.) и др., третью — Вон Сехун (1887 — ?), Ли Сиён (1869—1953), Юн Босон (род. в 1897 г.) и др.

Этот конгломерат не мог быть долговечным. Временную политическую коалицию до некоторой степени сплачивала общая и безграничная ненависть к прогрессивным и демократическим силам. Однако претензии каждой группировки на безраздельную власть оказались сильнее этой ненависти. Непримиемые противоречия, порожденные стремлением к монополии в государственном управлении, расшатывали непрочное объединение.

За годы его существования наметились расхождения и во взглядах на экономический строй государства. Одна группировка ратовала за государственный капитализм и за «рациональный пересмотр» земельной системы, в то время как другая отвергала государственный капитализм и выступала против каких бы то ни было изменений в системе землевладения и землепользования. Эти расхождения послужили дополнительным фактором, предопределившим развал временной коалиции. Как таковая, Хангук минджудан прекратила свое существование в 1949 г. Тем не менее за неполных четыре года она успела сыграть роковую роль в дальнейшей судьбе освобожденной Кореи.

Опираясь на всестороннюю поддержку американских оккупационных властей, с ведома своего правительства Хангук минджудан высту-

пила одним из инициаторов проведения на Юге сепаратных выборов и создания обособленного южнокорейского правительства, которое «представляло» бы всю территорию страны.

К сепаратным «выборам» на Юге американское командование готовилось как к военным действиям: в порты Пусан и Инчхон были стянуты американские военные корабли, приведены в состояние боевой готовности авиация и сухопутные части, в Сеуле и в других крупных городах Южной Кореи введено чрезвычайное положение. В начале мая 1948 г. Американская военная администрация издала приказ, под угрозой сурового наказания запрещающий митинги и демонстрации в период подготовки «выборов» и во время их проведения.

В Южной Корее установили такой свирепый полицейский режим, при котором не могло идти и речи о свободном волеизъявлении народа на предстоящих «выборах».

10 мая 1948 г. начались «выборы». Их сопровождали шантаж и грубый обман избирателей. Голосование проводилось под непосредственным надзором полиции, в обстановке фальсификаций и подтасовок.

Народные массы Южной Кореи встретили «выборы» активным бойкотом. В мае в Южной Корее вспыхнула всеобщая забастовка рабочих против сепаратных «выборов». Южнокорейские патриоты уничтожили 140 избирательных участков, разрушили во многих местах телеграфно-телефонные линии. Полностью провалились «выборы» на о-ве Чеджудо. Даже по данным «избирательной комиссии» Южной Кореи, в провинциях Северная и Южная Кёнсан число «голосовавших» не превышало 10—20% всех избирателей.

Несмотря на провал комедии «выборов», разыгранной США с санкции ООН, американские власти создали марионеточное «правительство» Южной Кореи во главе с предателем корейского народа Ли Сынманом. Идя на явную фальсификацию, оккупационные власти и Комиссия ООН признали выборы «законными» и «успешными».

Так США с помощью Организации Объединенных Наций пошли на раскол Кореи, создав реакционный режим Ли Сынмана и подготовив базу для проведения и в дальнейшем политики расчленения Кореи. Созданная в результате «выборов» так называемая Корейская республика воплощала власть блока помещиков и крупной буржуазии. С первых же своих шагов она стала защищать интересы помещиков и крупной буржуазии, проамериканских и прояпонских элементов, национальных предателей и других реакционных сил.

В результате сепаратных выборов было сфабриковано Национальное собрание Южной Кореи, состоявшее из 198 депутатов. В него оказались избранными 84 помещика, 32 крупных капиталиста и 23 прояпонских чиновника. Остальные 59 человек — главари реакционных, террористических организаций, проамериканские элементы и пр. В составе Национального собрания не было ни одного рабочего и крестьянина, ни одного представителя прогрессивных организаций.

Первая сессия Национального собрания открылась 31 мая 1948 г. Председателем Национального собрания был избран американский ставленник Ли Сынман, а его двумя заместителями — депутаты от Тэхан тонип чхоксон кунминхве (Национальное общество по ускорению независимости Кореи) и от Хангук минджудан. На том же заседании Национального собрания был создан Комитет по составлению проекта конституции, во главе которого встал один из участников движения за независимость — депутат от Хангук минджудан Со Сангиль (1885—1962). Составленный Комитетом проект предусматривал парламентскую систему правления.

В случае принятия этого проекта реальная власть в Южной Корее оказалась бы в руках Хангук минджудан, сумевшей в результате выборов обеспечить себе необходимое большинство мест в Национальном собрании за счет собственных депутатов и переметнувшихся на ее сторону депутатов от других реакционных политических партий и общественных организаций.

Однако представленный проект конституции встретил решительный протест Ли Сынмана, которого прочили на пост президента и у которого уже в то время проявились диктаторские замашки. Неожиданно для многих политических деятелей его поддержали заместитель председателя Национального собрания Син Икхи (1894—1956) — ранее участник освободительного движения и депутат от Хангук минджудан Ким Джунъён (род. в 1895 г.). Проект пришлось пересмотреть, и 12 июля 1948 г. была обнародована южнокорейская конституция, которая предлагала компромисс между парламентской и президентской формами правления.

Таким образом, временная коалиция, которую южнокорейские реакционеры сколотили для противодействия прогрессивным, патриотическим силам, с самого начала дала заметную трещину. Ее непрочность обнаружилась еще явственнее при формировании правительства, т. е. на том этапе, когда борьба различных группировок за власть приняла вполне конкретные формы.

Закон о формировании южнокорейского правительства прошел через Национальное собрание 15 июля 1948 г., а 2 августа президент Ли Сынман¹³, избранный на этот пост депутатами парламента 20 июля, назначил премьер-министром Ли Бомсока (1900—1972) — известного корейского ультранационалиста, ярого японофоба и антикоммуниста, выходящего из знатной дворянской семьи. С 1915 г. и вплоть до освобождения страны он жил в эмиграции на территории Китая, где получил высшее военное образование и участвовал в вооруженной борьбе против японских империалистов. Во время второй мировой войны Ли Бомсок стал агентом американского Управления стратегических служб. Сразу после капитуляции Японии он вернулся на родину. Обуреваемый честолюбивыми замыслами, Ли полагал, что имеет законное право стать одним из главных руководителей нации в силу, как ему казалось, неоспоримых заслуг и преимуществ перед всеми прочими буржуазными деятелями. Руководствуясь этим, он решил сделать ставку на южнокорейскую молодежь, ибо только она, по его убеждению, могла принести «национальное спасение».

Используя чувства патриотизма, с особой силой проявившиеся после освобождения страны от японского господства, Ли Бомсок создал Чосон минджок чхоннёндан (Националистический союз корейской молодежи) — полувойсковую организацию, построенную по типу «Гитлер югенд», число членов которой к началу 1948 г. дошло до 900 тыс. Влияние, которым располагал Ли как руководитель этого корпуса, равно как и тесные его связи с американскими империалистами, сыграло не последнюю роль при назначении на пост премьер-министра. Однако зловещая фигура фашиствующего ультранационалиста пришлась далеко не всем буржуазным деятелям по душе. Группировка, состоявшая из пассивных участников освободительного движения, прочила на пост премьера Ли Юньёна (род. в 1889 г.), — бежавшего из Северной Кореи антикоммунистически и проамерикански настроенного религиозного деятеля, который занимал посты заместителя председателя в Хангук минджудан и в комитете по составлению проекта конституции.

Ли Сынман был склонен согласиться с кандидатурой Ли Юньёна, но она встретила решительные возражения со стороны прочих группи-

ровок Хангук минджудан. Это в конечном итоге сказалось на решении Национального собрания: кандидатура Ли Юнъёна была отвергнута.

В обстановке интриг и ожесточенной борьбы между различными группировками происходило распределение министерских портфелей. Формирование кабинета министров было окончательно завершено только 11 августа. Состав первого южнокорейского правительства, которое возглавил Ли Бомсок (он же по совместительству был и министром национальной обороны), выглядел следующим образом.

Министром иностранных дел был назначен крупный помещик Чан Тхэксан (1893—1969), обучавшийся в Эдинбургском университете. До 1948 г. он занимал высшие посты в южнокорейской полиции. Портфель министра внутренних дел получил Юн Чхиён, бывший секретарь Ли Сынмана, окончивший университет «Васэда» в Японии и Принстонский университет в США. Министром финансов стал Ким Доён (1894—1967) — член постоянного исполнительного комитета Хангук минджудан, обучавшийся в частном японском университете «Кэйо» и получивший в США ученую степень доктора экономических наук. Министром юстиции был назначен адвокат Ли Ин (род. в 1896 г.), окончивший юридический факультет университета «Ниппон». При Американской военной администрации он находился на посту главного прокурора Южной Кореи и входил в состав высшего руководства Хангук минджудан. Министром просвещения стал доктор философских наук Ан Хосан (род. в 1902 г.) — нетерпимо относившийся к любым проявлениям буржуазного либерализма, ярый враг демократических сил. Портфель министра торговли и промышленности получила Им Енсин, она же Луиза Им (род. в 1899 г.). Долгие годы она провела в Соединенных Штатах, где окончила университет в штате Южная Каролина; пользовалась особым покровительством Ли Сынмана. Министром социальных дел был назначен Чон Джинхан (род. в 1901 г.) — председатель Тэхан нодон чохап чхоннёнхапхве (Всеобщая федерация рабочих союзов Кореи), окончивший политико-экономический факультет университета «Васэда». Министром транспорта стал выходец из дворянской семьи Мин Хисик (пробывший на этом посту всего два месяца), а министром связи был назначен Юн Сокку, в мае 1948 г. избранный в состав Национального собрания как «независимый» кандидат.

В известной мере инородным элементом в этой компании американских ставленников, наделенных министерскими портфелями, оказался Чо Бонам (1898—1959), который был назначен на пост министра сельского хозяйства и лесоводства. У этого человека, после освобождения страны прославившегося деятелем реформаторского направления, была сложная биография. В годы японского господства Чо Бонам участвовал в перво-мартовском движении 1919 г., а затем стал одним из руководителей Коммунистической партии Кореи. Правда, будучи типичным представителем патриотически настроенной, но неустойчивой интеллигенции, он никогда не относился к числу убежденных и последовательных марксистов. Последнее обстоятельство не уберегло его от преследований колониальных властей: он провел в застенках в общей сложности около восьми лет и только после капитуляции Японии был освобожден. Оказавшись на свободе, он с головой окунулся в политическую деятельность. Однако жестокие репрессии американских оккупационных властей против южнокорейских демократов надломил его волю. Своекорыстные расчеты взяли верх над идеалами, ради которых он рисковал когда-то жизнью и жертвовал свободой, и в июне 1946 г. он вышел из рядов коммунистов. Этот предательский шаг, несомненно, сыграл роль в его судьбе: в мае 1948 г. он беспрепятственно прошел в состав Национального собрания (как «не-

зависимый» кандидат), а в августе получил важный в условиях Южной Кореи пост министра сельского хозяйства и лесоводства.

Сформированное правительство, в состав которого вошли преимущественно самые реакционные представители проамериканской группировки из Хангук минджудан, было призвано отстаивать интересы тех слоев компрадорской буржуазии и помещиков, которые, переориентировавшись после капитуляции Японии, связали свою судьбу с американским империализмом. Прояпонскую группировку, представлявшую значительную силу в Хангук минджудан, явно обделили министерскими портфелями, что вызвало недовольство; взаимоотношения партии с Ли Сынманом осложнились. Но особенно резкую критику вызвал состав сформированного правительства в среде национальной буржуазии, которая, если не считать отдельных исключений, была фактически отстранена от управления страной.

5 августа Национальное собрание утвердило назначение Ким Бённо на пост председателя Верховного суда, а к 11 августа процедура формирования кабинета министров была завершена. Таким образом, в Южной Корее сепаратным порядком образовалась законодательная, исполнительная и судебная власть, а 15 августа, в день третьей годовщины освобождения от японского господства, было провозглашено создание Корейской республики.

С созданием южнокорейского марионеточного правительства колонизаторская политика американских империалистов вступила в новый этап. Создалась угроза увековечения раскола страны. Все демократические партии и общественные организации Южной Кореи, а также центристские партии выступили с протестом против проведенных при помощи террора «выборов». «Новое правительство появилось раньше, чем объединилась Корея,— писала газета „Сеул синмун“ 10 августа 1948 г.,— народ не ожидает от этого правительства, что оно может решить жизненные вопросы. Это правительство не выражает мнения народа».

В Заявлении Демократического национального фронта Южной Кореи говорилось: «Мы не признаем Национального собрания, ибо выборы были незаконными и проводились в обстановке террора».

Часть третья

КОРЕЙСКАЯ
НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА
(1948—1970)

СОЗДАНИЕ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1948—1950)

Борьба корейского народа против раскола страны, за национальное единство

Успешное осуществление в Северной Корее демократических преобразований и превращение ее в прочную революционно-демократическую базу страны позволили корейскому народу и его революционному авангарду — Трудовой партии поставить задачей создание единой народно-демократической республики.

На Юге страны нарастало движение масс за образование корейского народного государства. Глубокое возмущение и протесты широких слоев населения вызвало намерение США сепаратно создать зависимое южнокорейское правительство. Трудовое население Юга, прежде всего рабочие и крестьяне, вдохновляемые успехами Северной Кореи, требовали установления народно-демократического строя, выступали против намерения американских колонизаторов увековечить раскол страны.

Единодушному стремлению всего корейского народа к национальному и государственному единству на демократической основе в значительной мере способствовали благоприятные международные условия, усиление могущества стран социализма, прежде всего Советского Союза, его неизменная и последовательная поддержка борьбы корейского народа.

Намного осложняло эту задачу продолжавшееся присутствие в Южной Корее американских войск.

В стране происходил активный процесс вызревания необходимых предпосылок создания единого демократического корейского государства. Для защиты завоеваний трудящихся Северной Кореи после освобождения в феврале 1948 г. была создана Корейская Народная армия (КНА). Ее ядро составили бойцы антияпонского партизанского движения, которыми руководил Ким Ир Сен.

Курс на мирное объединение страны, на создание народно-демократической республики был принят II съездом Трудовой партии Северной Кореи, происходившим в марте 1948 г. Он предусматривал одновременный вывод с территории Кореи войск Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, последующее проведение всеобщих, равных, прямых, при тайном голосовании выборов и создание общекорейского верховного законодательного органа, который выработает и примет демократическую конституцию, а на ее основе образует единое демократическое центральное правительство. Съезд уделил большое внимание дальнейшему сплочению всех патриотических и демократических сил страны. Для выработки конкретных мер борьбы против политики национального раскола, проводимой американскими империалистами, развернувшими форсированную подготовку к проведению сепаратных выборов в Южной Корее, съезд предложил созвать Объединенное совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи.

Он также уделил серьезное внимание укреплению демократической базы Севера страны.

В соответствии с курсом, выработанным II съездом, Трудовая партия приступила к подготовке совещания представителей политических партий и общественных организаций всей страны. В воззвании Единого демократического национального фронта, опубликованном в связи с созывом совещания, говорилось: «На этом совещании мы предлагаем обсудить политическое положение страны и выработать конкретный план совместных усилий, направленных к тому, чтобы, во-первых, сорвать все попытки реакции расчленить Корею на две части, во-вторых, ускорить дело объединения Кореи, дело создания единого демократического корейского государства»¹.

По инициативе Трудовой партии Северной Кореи с 20 по 25 апреля 1948 г. в Пхеньяне состоялось первое объединенное совещание, в котором участвовали 545 представителей 56 политических партий и общественных организаций всей страны. Совещание обратилось ко всему корейскому народу с призывом бойкотировать антинародные выборы на Юге, назначенные на 10 мая. На совещании был образован Тансон пандэ чонгук тхуджэн вивонхва (Всекорейский комитет по бойкоту сепаратных выборов). Такие же комитеты были созданы в городах и деревнях. Под руководством Трудовой партии по всей стране развернулось движение протеста против сепаратных выборов.

Выборы в Верховное народное собрание КНДР

С образованием сепаратного государства и правительства на Юге делу создания единой корейской демократической республики был нанесен серьезный удар. Трудовая партия в борьбе за мирное объединение страны учитывала изменившееся положение. Политическая обстановка требовала эффективных мер по созданию народно-демократической республики. II пленум ЦК Трудовой партии Северной Кореи (апрель 1948 г.) принял решение о необходимости проведения общекорейских выборов для утверждения Конституции и создания центрального корейского правительства.

Эта инициатива встретила единодушное одобрение на втором объединенном совещании руководителей политических партий и общественных организаций Севера и Юга страны, происходившем с 29 июня по 5 июля 1948 г. в Пхеньяне. В нем приняли участие руководители политических партий и общественных организаций: 16 — от Северной и 17 — от Южной Кореи. Совещание решило на основе проведения свободных выборов создать Верховное народное собрание Кореи и образовать центральное правительство из представителей обеих частей страны.

Еще в ноябре 1947 г. Народное собрание Северной Кореи приняло решение о разработке проекта Конституции. Проект был опубликован и поставлен на всенародное обсуждение в феврале — апреле 1948 г. Специальная сессия Народного собрания Северной Кореи в апреле 1948 г. одобрила проект Конституции и решила внести его на рассмотрение будущего законодательного органа Кореи — Верховного народного собрания.

В сессия Народного собрания Северной Кореи, открывшаяся 9 июля 1948 г., постановила ввести в действие Конституцию на территории Северной Кореи и провести 25 августа 1948 г. на основе этой Конституции всекорейские выборы в Верховное народное собрание.

В августе 1948 г. для единого руководства партийными организациями Севера и Юга и сплочения всех революционных сил страны был со-

здан объединенный Центральный Комитет Трудовой партии Северной и Южной Кореи во главе с Ким Ир Сенем.

На Севере и Юге выборы проводились по-разному. В Северной Корее, где были обеспечены все условия для свободного волеизъявления народа, выборы были прямыми, равными, при тайном голосовании, а в Южной, где царил военно-полицейский режим, такие выборы были невозможны, и поэтому они были косвенными: сначала избирались делегаты на съезд народных представителей Южной Кореи, который, в свою очередь, должен был избрать депутатов в Верховное народное собрание.

Несмотря на различия в организации, выборы носили всеобщий характер, происходили в обстановке мощного политического подъема как на Севере, так и на Юге, и показали, что абсолютное большинство населения обеих частей страны решительно поддерживает политику Трудовой партии и преисполнено решимости бороться за создание народно-демократической республики.

В Северной Корее более 99% избирателей отдали свои голоса за кандидатов Единого демократического национального фронта, возглавлявшегося Трудовой партией. В Южной Корее, несмотря на невероятно сложные условия, в избирательной кампании приняло участие более 77% всего населения избирательного возраста². Съезд народных представителей Южной Кореи, состоявшийся 21—25 августа в г. Хэджу, избрал в Верховное народное собрание своих депутатов.

В Верховное народное собрание были избраны 572 депутата, из них 360 — от Южной Кореи и 212 — от Северной. В состав Верховного народного собрания вошли 120 рабочих, 194 крестьянина, 152 служащих, 33 работника культуры и искусства, 7 кустарей, 22 торговца, 29 предпринимателей, 14 служителей религиозных культов, 1 помещик³. Среди депутатов было 69 женщин. По числу мандатов Трудовая партия стала первой партией: она получила 157 мест. Состав верховного органа народной власти свидетельствовал о том, что он является подлинным выразителем интересов различных классов и слоев корейского народа.

Провозглашение КНДР и принятие Конституции

Первая сессия Верховного народного собрания, проходившая со 2 по 10 сентября 1948 г., провозгласила Корейскую Народно-Демократическую Республику, создала правительство и приняла Конституцию КНДР. Конституция законодательно закрепила народно-демократический строй, утвердившийся в Северной Корее. В ней отражены и закреплены демократические завоевания народных масс северной части страны, достигнутые под руководством Трудовой партии, результаты проведенных там аграрной реформы, национализации промышленности и других демократических преобразований. Для южной части страны Конституция стала программой борьбы за единство, независимость и демократическое развитие Кореи.

В Конституции определен характер государства и его верховной власти. Статья 2 гласила: «Власть в Корейской Народно-Демократической Республике принадлежит народу. Народ осуществляет власть через посредство своего представительного органа и местных народных собраний всех ступеней»⁴.

Конституция КНДР исходила из существования на Севере страны нескольких форм собственности на средства производства: государственной, кооперативной, частной собственности крестьян, ремесленников, кустарей, частнокапиталистической собственности; объявила государ-

ственную собственность на средства производства основой народного хозяйства и обеспечила преобладающее и господствующее положение социалистического сектора во всей экономике страны; провозгласила основные права и обязанности граждан, установив их равноправие во всех областях государственной, политической, экономической, общественной и культурной жизни, гарантировав им широкие политические свободы. Она четко определила и обязанности граждан — трудиться и защищать свою Родину.

Конституция определила систему органов государственной власти во главе с Верховным народным собранием. Высшим исполнительным органом государственной власти стал Кабинет министров, а местными органами народной власти — народные собрания.

Создание Корейской Народно-Демократической Республики явилось большой победой корейского народа в его многолетней борьбе за национальную независимость под руководством коммунистов. Создание КНДР означало не только победу демократических сил Кореи, но и способствовало укреплению мировой социалистической системы. Появление в Азии нового народно-демократического государства внесло большой вклад в дело укрепления лагеря мира, демократии и социализма.

Несмотря на то что КНДР была образована волею всего корейского народа, ее реальная власть распространялась лишь на северную часть страны, так как на Юге буржуазно-помещичьи силы, опиравшиеся на поддержку империализма США, создали Корейскую республику.

Развитие Севера и Юга Кореи пошло по двум диаметрально противоположным направлениям: одно — по пути социального прогресса, мира и созидания, другое — реакции, угнетения и войны.

На I сессии Верховного народного собрания правительство КНДР изложило программу своей деятельности по созданию единого демократического государства и обеспечению мирного объединения страны. Программа подчеркивала необходимость укрепления дружеских связей со всеми свободолюбивыми демократическими странами и народами. Трудовая партия и правительство республики возглавили борьбу корейского народа за выполнение этой революционной программы.

Советский Союз первым признал Корейскую Народно-Демократическую Республику и 12 октября 1948 г. установил с нею дипломатические отношения. Затем последовало установление дипломатических отношений с Монгольской Народной Республикой, Польской Народной Республикой, Чехословацкой Социалистической Республикой, Социалистической Республикой Румынией, Венгерской Народной Республикой, Народной Республикой Болгарией, Народной Республикой Албанией, Китайской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой, Демократической Республикой Вьетнам.

Установление дипломатических отношений с Советским Союзом и со всеми социалистическими странами упрочило внешнеполитическое положение молодой республики как суверенного государства. КНДР выступила на международной арене в качестве действительно независимого государства, как полноправный член могучего социалистического лагеря.

Экономическое строительство в северной части страны. Двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства

Проведение коренных демократических преобразований, успешное выполнение первых народнохозяйственных планов и создание КНДР позволили трудящимся Северной Кореи перейти к решению непосредст-

венно социалистических задач в области экономики. Осуществление этих задач проходило в условиях искусственного расчленения страны, раскола единого хозяйственного организма, разрыва традиционных экономических связей. Промышленные районы Северной Кореи были оторваны от сельскохозяйственных районов Юга.

Чтобы создать новую, социалистическую экономику, нужно было преодолеть однобокую колониальную структуру экономики, восстановить промышленность, разрушенную японскими колонизаторами, изгнанными из Кореи.

Эти задачи решались в процессе выполнения первых народнохозяйственных планов 1947 и 1948 гг. Их успешное осуществление позволило перейти к разработке двухлетнего плана.

В феврале 1949 г. Верховное народное собрание КНДР приняло закон о двухлетнем плане восстановления и развития народного хозяйства (1949—1950). В законе подчеркивалась необходимость в кратчайшие сроки восстановить и развить национальную экономику, укрепить материальную базу республики. В качестве основных задач предусматривались ликвидация колониальной структуры и создание новых отраслей промышленности, резкое повышение темпов роста производства, повышение благосостояния народных масс. Двухлетний план намечал быстрый темп роста тяжелой промышленности, в первую очередь ее сердцевины — машиностроения. Metallургическая промышленность должна была увеличить производство более чем в 4,5 раза по сравнению с 1946 г. Намечалось значительное развитие легкой промышленности.

Двухлетний план, отражая общие закономерности экономического строительства в социалистических странах, предусматривал преимущественное развитие государственного сектора (при одновременном развитии всех секторов народного хозяйства). Так, доля государственного и кооперативного секторов в области промышленности к 1950 г. должна была составить почти 90% всего промышленного производства.

В области сельского хозяйства план намечал расширение посевных площадей, улучшение агротехники и повышение урожайности: площади под рисом должны были вырасти по сравнению с 1946 г. на 21,5%, под техническими культурами — на 40,7%, а общий сбор зерновых в 1950 г. должен был составить 3 млн. т (на 7,9% больше по сравнению с 1948 г.).

Двухлетний план выполнялся успешно. В 1949 г. валовая продукция промышленности увеличилась по сравнению с 1946 г. в 3,4 раза (в том числе производство средств производства — в 3,7 раза), а производство средств потребления — в 2,9 раза; продукция металлургической промышленности выросла в 3,9 раза, топливной — в 3, электроэнергетической — в 1,5, машиностроительной — в 5,4, горнорудной — в 4, химической — в 3,1 раза. В легкой и пищевой промышленности самыми быстрыми темпами развивались текстильная и рыбная отрасли, увеличившие за 1946—1949 гг. выпуск продукции в 6 и 7,8 раза соответственно.

В 1949 г. на предприятиях социалистического сектора в результате быстрого развития государственной и кооперативной промышленности было произведено уже 90,7% всей валовой продукции промышленности; производительность труда по сравнению с 1948 г. выросла на 24,4%, а заработная плата — на 5% по сравнению с 1948 г. и на 52,8% по сравнению с 1946 г.

Строительство фундамента социалистической экономики КНДР проходило в благоприятной международной обстановке. Социалистический лагерь оказывал неизменную политическую поддержку и экономическую помощь молодой республике. Братские страны, прежде всего Советский Союз, удовлетворяли потребности КНДР в машинах и оборудовании.

Успешному выполнению двухлетнего плана развития народного хозяйства, осуществлению перспективного планирования в КНДР, подъему ее экономики и культуры способствовало заключенное 17 марта 1949 г. Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между КНДР и СССР. Ким Ир Сен, выступая на III сессии Верховного народного собрания и отмечая значение этого акта, сказал: «Соглашение создаст возможность перевыполнения двухлетнего плана развития народного хозяйства, что еще больше укрепит политическую и экономическую основу нашей республики и еще больше повысит материальный и культурный уровень жизни народа»⁵.

На основе Соглашения Советский Союз поставлял КНДР важнейшее машинное оборудование и сырье для промышленности, составлявшие 66,8% всего экспорта из СССР в КНДР. Взамен КНДР вывозила в СССР металлопродукцию, химические удобрения, продукцию сельского хозяйства и другие товары. Соглашение предусматривало всемерное расширение торговых связей между СССР и КНДР на основе взаимной выгоды, а также обмен опытом в области промышленности, сельского хозяйства, оказание технической помощи и широкое культурное сотрудничество. В его развитие были подписаны соглашения о товарообороте и платежах, о предоставлении КНДР кредита на сумму 212 млн. руб., технической помощи.

Поставляя КНДР оборудование для производства средств производства, Советский Союз содействовал созданию материально-технической базы социализма. Во многих отраслях народного хозяйства КНДР советские специалисты помогали осваивать ввозимое из Советского Союза оборудование, готовить национальные кадры специалистов.

Советско-корейские соглашения сыграли важную роль в укреплении дружбы между советским и корейским народами, в развитии народного хозяйства КНДР, в подъеме ее культуры.

Благодаря самоотверженному труду народных масс в КНДР была не только восстановлена, но и значительно реконструирована промышленность, началось строительство новых предприятий, значительно пополнились ряды рабочего класса. В 1949 г. численность рабочих и служащих в КНДР по сравнению с 1946 г. удвоилась.

По призыву Трудовой партии сотни тысяч трудящихся включились в патристическое соревнование за досрочное выполнение двухлетнего плана. Уже в первой половине 1950 г. большинство предприятий республики выполнило задания двухлетнего плана.

В 1949 г. валовой сбор зерновых культур составил 120,9% по сравнению с 1944 г. К 1949 г. в результате освоения целинных и залежных земель, строительства ирригационных сооружений посевная площадь в КНДР увеличилась на 94 тыс. чонбо по сравнению с периодом до земельной реформы.

Народная власть оказывала крестьянам существенную помощь. В марте 1949 г. правительство КНДР выделило 300 млн. вон долгосрочного кредита для оказания помощи крестьянам в приобретении скота. Применение тракторов и других сельскохозяйственных машин, поступавших в КНДР из Советского Союза, способствовало подъему сельского хозяйства. К 1950 г. в северной части страны было создано 28 государственных земледельческих хозяйств и 9 животноводческих ферм, которые помогали крестьянам внедрять передовые формы и методы сельскохозяйственного производства. В феврале 1950 г. правительство КНДР приняло решение о создании в важнейших сельскохозяйственных районах машинопрокатных станций. Первые машинопрокатные станции были созданы в пяти важнейших земледельческих районах.

Трудовая партия уделяла серьезное внимание воспитанию единоличного крестьянства в духе коллективизма. В деревнях появились простейшие формы сельскохозяйственного кооперирования — группы по совместной обработке земли и совместному использованию тяглового скота. Под руководством народной власти они стали важной формой внедрения коллективного труда, необходимой ступенью создания сельскохозяйственных производственных кооперативов и вовлечения крестьян на социалистический путь развития.

Успехи хозяйственного строительства позволили правительству КНДР систематически снижать цены на товары: к 1949 г. трижды снижались цены в государственной и кооперативной торговле, что значительно повысило реальную заработную плату рабочих и служащих.

В связи с успешным выполнением плана 1949 г. Кабинет министров КНДР в феврале 1950 г. повысил контрольные цифры народнохозяйственного плана на 1950 г., а в июне 1950 г. по инициативе Трудовой партии было принято решение Кабинета министров о составлении трехлетнего плана развития народного хозяйства страны (1951—1953). В предстоящей трехлетке намечалось завершить восстановление народного хозяйства и осуществлять социалистическую индустриализацию страны. Но война помешала выполнению этого плана.

Социально-экономическая структура КНДР

Основными общественно-экономическими укладами колониальной Кореи были капиталистический, феодальный и мелкотоварный. После августа 1945 г. в результате демократических преобразований произошли коренные изменения социально-экономической структуры страны. Национализация основных средств производства, принадлежавших японским колонизаторам и изменникам корейского народа, резко ослабила капиталистический уклад, привела к образованию нового — социалистического — уклада, базирующегося на государственном и кооперативном секторах. Земельная реформа, ликвидировавшая помещичье землевладение и арендную систему, покончила с феодальным укладом, а наделение крестьян землей повысило хозяйственную роль мелкотоварного уклада.

Сразу же после своего возникновения социалистический уклад занял ведущее место в народном хозяйстве Северной Кореи, определяя характер и направление ее общественно-экономического развития. Основу социалистического уклада составил государственный социалистический сектор в промышленности. Предприятия этого сектора в 1946 г. давали 75%, а в 1949 г. свыше 90% всей валовой продукции промышленности, доля же частнокапиталистических предприятий в промышленном производстве сократилась почти в 3 раза. Предприятия государственного сектора появились и в сельском хозяйстве. На национализированных землях стали создаваться государственные хозяйства, которые сыграли важную роль в социалистическом преобразовании сельского хозяйства страны. Трудовая партия и правительство КНДР придавали важное значение деятельности этих хозяйств — первых очагов социалистического земледелия. Госхозы показали преимущества крупного сельскохозяйственного производства, прививали крестьянам навыки коллективизма.

Параллельно с развитием государственного сектора в Северной Корее начала развиваться и вторая форма социалистической собственности — кооперативная. Кооперативный сектор был представлен потребительской, промысловой и производственной кооперацией в городе и де-

ревне. В 1950 г. первой из них было охвачено 83% населения Северной Кореи. Производственные и промысловые кооперации в условиях восстановления народного хозяйства играли немаловажную роль, хотя их удельный вес в выпуске промышленной продукции был еще незначителен (5,2% в 1949 г.) Государство всемерно поддерживало развитие кооперации, предоставляя ей льготы и привилегии (ссуды, помощь сырьем, средствами производства).

В народном хозяйстве Северной Кореи существовал также капиталистический уклад, охватывавший частную торговлю и кулацкие хозяйства деревни. Национализация основных средств производства не означала ликвидации экономических позиций корейской национальной буржуазии. Однако роль капиталистического уклада была весьма незначительной, а его экономические позиции в народном хозяйстве — слабыми. В 1949 г. на долю частнокапиталистического сектора в структуре промышленного производства страны приходилось 7,8%. Поскольку частнокапиталистические предприятия могли способствовать восстановлению и развитию народного хозяйства, Трудовая партия и правительство КНДР приняли меры по использованию и поощрению частного капитала. В условиях, когда основные экономические рычаги находились в руках народной власти, частнокапиталистическая инициатива не представляла реальной опасности для нового общественно-экономического строя. Народное государство осуществляло жесткий контроль над развитием частного капитала, профсоюзы строго следили за выполнением владельцами предприятий рабочего законодательства, а прибыли капиталистов регулировались налоговой политикой, кредитной системой, политикой цен и т. д.

Мелкотоварный уклад был наиболее широко представлен в деревне. В результате земельной реформы господствующее положение в сельском хозяйстве Северной Кореи заняло мелкотоварное производство; на его долю приходилось 94,4% всей валовой продукции сельского хозяйства. В условиях Северной Кореи, где основные средства производства принадлежали государству и где власть находилась в руках народа, развитие мелкотоварного хозяйства по капиталистическому пути было резко ограничено. Народное государство установило предельный размер земельной собственности — 5 чонбо, запретило куплю и продажу земли, сдачу ее в аренду или под залог. Это препятствовало концентрации земли в одних руках и превращению ее в орудие эксплуатации. В то же время народная власть проводила политику всесторонней помощи беднейшим и средним крестьянам, что укрепляло их хозяйства и создавало благоприятные условия для социалистического преобразования в будущем.

Развитие социалистического уклада в деревне, в частности снабженческо-сбытовой и потребительской кооперации, способствовало укреплению связи города и деревни, регулировало товарно-денежные отношения в стране. Все это содействовало развитию мелкотоварной формы хозяйства в деревне не по капиталистическому, а по социалистическому пути.

В результате земельной реформы коренным образом изменился социальный состав северокорейской деревни. Класс помещиков был уничтожен. Кулачеству, как наиболее зажиточной прослойке крестьянства, был нанесен сильный удар. Основной фигурой в северокорейской деревне стало трудовое крестьянство. Средний размер хозяйства после реформы составил 1,5—2 чонбо. Значительно сократилось число крестьянских хозяйств, владевших участками менее 1 чонбо. Середняк становился центральной фигурой в деревнях Северной Кореи.

В мелкотоварный уклад народного хозяйства Северной Кореи входило производство кустарей и ремесленников города. Народная власть для быстрой ликвидации разрухи и расширения производства товаров ши-

рокого потребления поддерживала кустарей и ремесленников, предоставляла им денежные средства, необходимое сырье и материалы. В то же время государство контролировало производство и сбыт, а также ограничивало развитие частнокапиталистической тенденции мелкотоварного производства соответствующей налоговой системой и политикой цен.

Коренные изменения, происшедшие в общественно-экономической жизни Северной Кореи, создали благоприятные условия для дальнейшего укрепления политической основы народно-демократического строя. В марте 1949 г. состоялись выборы депутатов в народные комитеты провинций, городов, уездов и районов. В голосовании участвовало 99,9% зарегистрированных избирателей. Было избрано 5853 депутата. Все избранные являлись кандидатами Единого демократического национального фронта.

Победы в демократическом строительстве были завоеваны народными массами Северной Кореи под руководством корейского рабочего класса и его боевого авангарда — Трудовой партии Кореи. Росли влияние и авторитет партии в массах. Если в момент своего создания (август 1946 г.) Трудовая партия насчитывала 366 тыс. членов, то к началу 1948 г. их число более чем удвоилось, составив 750 тыс. Рост числа членов партии происходил главным образом за счет рабочих и беднейшего крестьянства.

Важным этапом дальнейшего упрочения единства рабочего класса Кореи и повышения его руководящей роли в корейской революции стало объединение в июне 1949 г. Трудовых партий Северной и Южной Кореи в единую Трудовую партию Кореи, избрание Центрального Комитета партии, а председателем ЦК — Ким Ир Сена.

Развитие культурной революции в КНДР

С первых дней установления народной власти в Северной Корее развернулась борьба за создание новой культуры, началась культурная революция — органическая составная часть всей социалистической революции, без которой невозможно закрепить и развивать успехи пролетарского социального переворота. Народные массы, ставшие хозяевами своей страны, должны были занять руководящие позиции и в области культуры, овладеть накопленными всем человечеством духовными ценностями.

После освобождения в Северной Корее существовали все предпосылки для успешного развертывания культурной революции, идеологической основой которой явилась политика Трудовой партии, политической — народная демократия как одна из форм диктатуры пролетариата, экономической — социалистический способ производства, установленный в процессе революционных преобразований. Пролетариат, пришедший к власти в стране, получил возможность осваивать методы управления государственным, хозяйственным и культурным строительством.

Культурная революция в Корее развивалась на базе общих закономерностей социалистического преобразования общества, отличаясь в то же время некоторыми специфическими особенностями, порожденными, с одной стороны, длительным периодом колониального унижения и порабощения, а с другой — искусственным расчленением в прошлом единой страны на две части с противоположными социальными системами.

До освобождения Корея была не просто страной с низким уровнем образования — это была страна, где господствовали иноземная, чуждая народу речь и письменность, где искусственно тормозилось развитие на-

циональной культуры, насаждались реакционная идеология и дух покорности, задерживалось создание кадров национальной интеллигенции. Это породило важную особенность корейской культурной революции: перед народными массами стояла задача не только развивать национальную культуру, поднимая ее до уровня социалистической, но и ликвидировать тяжелые последствия длительного засилья японских колонизаторов.

Другой не менее важной особенностью культурной революции в КНДР являлось то, что она происходила в условиях расчленения родины, существования на Юге антикоммунистического, реакционного режима, фактической оккупации Юга войсками США, в обстановке постоянного проникновения буржуазной идеологии из-за 38-й параллели.

Строительство новой, социалистической культуры, проникнутой духом гуманизма, интернационализма, высокой коммунистической идейности, проходило в КНДР по многим направлениям. Надо было как можно быстрее ликвидировать массовую неграмотность населения, перестроить всю систему образования, создать национальные кадры интеллигенции, развивать передовую науку и технику, возродить приведенное японскими колонизаторами в упадок национальное искусство. Главное заключалось в том, чтобы создать нового человека, преобразовать его сознание на социалистический лад, воспитать из него настоящего патриота и революционера, достойного строителя новой жизни. Эти основные направления и задачи, стоявшие перед культурной революцией, определили ее развитие, ее быстрые темпы.

Культурная революция в КНДР явилась убедительным подтверждением ленинского учения об общих закономерностях строительства социализма. В своем развитии она прошла несколько этапов, тесно связанных с историей борьбы корейского народа за строительство нового общества. Широкие народные массы активно и сознательно участвовали в осуществлении намеченного Трудовой партией Кореи большого плана создания национальной по форме, социалистической по содержанию культуры — одного из важнейших средств строительства нового общества в эпоху мировой научно-технической революции.

Первый значительный этап культурной революции — 1945—1950 годы, когда закладывался фундамент новой демократической культуры, науки и системы народного образования, когда делались первые шаги по пути строительства новой, социалистической культуры.

Для ликвидации противоречия между установившимся в Корее после освобождения передовым, демократическим общественно-политическим строем и колониальной, феодальной отсталостью в области культуры и просвещения следовало как можно быстрее, с наименьшей затратой сил и средств осуществить перестройку всей системы просвещения, чтобы на ее основе организовать подготовку большого числа национальных кадров, крайне необходимых для успешного экономического строительства. Кроме того, предстояло в кратчайшие сроки объединить вокруг Коммунистической (Трудовой) партии Северной Кореи всех прогрессивно настроенных представителей буржуазной интеллигенции, чтобы привлечь их к активному и сознательному участию в экономической деятельности партии и в подготовке новых специалистов.

Руководствуясь словами В. И. Ленина о том, что социализм невозможно построить в неграмотной стране, органы народной власти Северной Кореи уделили большое внимание системе народного образования. Народная власть сразу же после освобождения активно занялась созданием народной школы. 21 сентября 1945 г. было опубликовано «Временное положение о школах Северной Кореи», согласно которому повсеместно упразднились старые школы: частные, миссионерские, муниципальные

и пр., создавались новые народные школы; был разработан и принят единый учебный план, установлены сроки обучения и распорядок работы. Для руководства перестройкой школы были учреждены специальные ведомства: в октябре 1945 г. организовано управление просвещения, в феврале 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи создал департамент просвещения, а после образования Корейской Народно-Демократической Республики всей работой системы народного образования стало руководить министерство просвещения КНДР. В последующие годы в правительстве КНДР было организовано два специальных органа, ведающих системой образования, — министерство общего образования и министерство высшего образования.

Перед органами народной власти стояла очень сложная задача — в кратчайший срок поставить всю систему образования на службу народу, ослабить, а затем уничтожить влияние колонизаторской и феодально-конфуцианской идеологии, поднять общий уровень образования населения, для чего ликвидировать неграмотность среди взрослых⁶. Было очень трудно сразу перестроить всю структуру школьного обучения; этот процесс происходил постепенно — сначала в центре, потом на местах; принципиально менялся характер и содержание преподавания.

Учителя-корейцы заменяли в школах японцев и прояпонски настроенные элементы, уничтожали учебники на японском языке, своими силами создавали хотя и несовершенные, но составленные на корейском языке учебные материалы и пособия.

Политическая программа Временного народного комитета Северной Кореи, принятая в феврале 1946 г., предусматривала введение системы всеобщего обязательного начального образования, всемерное расширение сети государственных начальных, средних, специальных и высших школ, перестройку системы народного образования на демократической основе.

Осуществляя эту программу, Временный народный комитет Северной Кореи принял в марте 1946 г. постановление «Об улучшении работы школ», которое наметило расширение сети школ, повышение общего культурного уровня народа, введение в ближайшем будущем всеобщего обязательного начального обучения.

Профсоюз учителей и школьных работников, созданный 5 апреля 1946 г., возлагал работу по подготовке новых учительских кадров, по созданию собственных учебных материалов и пособий, привлекая к этому богатый опыт школьного образования, накопленный в Советском Союзе. Летом 1946 г. большие группы корейских учителей и работников народного образования совершили поездки в СССР, где изучали постановку школьного дела.

В августе 1946 г. Трудовая партия Кореи выдвинула конкретную программу, предусматривавшую проведение реформы системы народного образования, искоренение влияния японского империализма в области просвещения, предоставление права на обучение всем гражданам КНДР независимо от пола, имущественного положения, вероисповедания и социального происхождения, дальнейшее развитие корейской национальной культуры и искусства.

В начале 1946/47 учебного года на основе этой программы городские отделы народного образования приняли план работы, намечавший подготовку новых преподавательских кадров из трудящихся, перестройку системы образования, новые сроки обучения (поскольку оно проводилось на родном языке), организацию сети дошкольных воспитательных учреждений, издание специального журнала для работников системы просвещения.

Были открыты краткосрочные курсы, на которых проходили подготовку более 10 тыс. человек, а также 2 педагогических техникума и 8 педагогических школ.

18 декабря 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял «Положение о системе школьного образования в Северной Корее», на основании которого была установлена следующая структура народного образования: одногодичный подготовительный курс при народной (начальной) школе для детей в возрасте шести лет, четырехлетняя народная школа, трехлетняя неполная средняя и затем трехлетняя полная средняя школа. Уже в 1948 г. 78% выпускников народных школ поступили в неполную среднюю школу и 96% школьников перешли в полную среднюю школу.

В дальнейшем система школьного обучения претерпела некоторые изменения. Так, в 1948 г. был упразднен подготовительный класс и вместо четырехлетнего обучения в народной школе установлено пятилетнее начальное обучение.

С 1 сентября 1947 г. по новому учебному плану для всех школ вводилось изучение корейской истории, географии и литературы, расширялось изучение математики, естествознания. Из плана было исключено изучение основ конфуцианства.

Значительно возросло число школ и учащихся. Так, если в 1945 г. насчитывалось всего лишь 1372 народные и 50 неполных средних школ, то в 1947 г. их было соответственно уже свыше 877 тыс. и более 17 тыс. С этого же года были открыты и начали функционировать 26 808 полных средних школ.

Быстрое развитие системы школьного образования сопровождалось ее демократизацией. Если до освобождения большинство учащихся даже в начальных школах, не говоря уже о средних, составляли дети японцев и национальной буржуазии, то с первых же дней народной власти двери школ всех ступеней широко открылись для детей трудящихся города и деревни, впервые за многовековую историю Кореи получивших возможность учиться. К 1947 г. дети рабочих, служащих и крестьян-бедняков составляли: 90% — учащиеся начальных школ, 68% — учащиеся неполных средних и 64% — учащиеся полных средних школ.

В Северной Корее после освобождения было более 2,5 млн. неграмотных. Это существенно затрудняло проведение всех демократических преобразований и строительство нового общества. Учтявая это, органы народной власти развернули работу по ликвидации неграмотности. Уже в первый период после освобождения повсеместно появились школы национальной письменности, задачей которых было научить неграмотных основам чтения, письма и счета. Число таких школ быстро росло, и к сентябрю 1946 г. их было уже 9262.

Отдел народного образования при департаменте просвещения представил проект развернутой борьбы за ликвидацию неграмотности, на основе которого 25 ноября 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял постановление «О проведении в зимний период в деревне кампании по ликвидации неграмотности». Все политические партии и организации, все работники просвещения и культуры, включая студентов и школьников старших классов, приняли активное участие в рассчитанной на четыре месяца кампании.

В апреле 1947 г. Народный комитет Северной Кореи принял «Решение о системе образования взрослых». В эту систему входили школы трех типов: «азбуки», «взрослых» и «средние». Первые были предназначены для обучения на протяжении четырех месяцев письму и арифметике, вторые рассчитаны на обучение в течение двух лет по программе на-

чальной школы, а третья — на обучение в течение трех лет по программе неполной средней школы.

Затем Народный комитет Северной Кореи принял еще одно постановление — «О движении за ликвидацию неграмотности», и на его основе в ноябре 1947 г. была организована Центральная комиссия по ликвидации неграмотности. Под ее руководством с 1 декабря 1947 г. по 31 марта 1948 г. была проведена кампания по борьбе за окончательную ликвидацию неграмотности; более 951 320 человек стали грамотными. Грандиозная работа по ликвидации неграмотности была проведена органами народной власти в рекордно короткие сроки — за три года; к весне 1949 г. во всей Северной Корее была в основном ликвидирована неграмотность.

На основании того же апрельского решения (1947) Народного комитета Северной Кореи в стране были введены система обучения без отрыва от производства и система профессионального обучения. Это представляло широким массам рабочей и крестьянской молодежи, получившей начальное образование, возможность продолжать обучение одновременно с работой.

После создания в сентябре 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики ее Конституция в законодательном порядке закрепила право всех граждан на образование, гарантировала все условия, необходимые для того, чтобы трудящиеся могли пользоваться этим правом. В ст. 18 Конституции КНДР было зафиксировано, что начальное образование является обязательным для всех граждан страны.

Конституция предусматривала выделение больших средств на школьное строительство и на расширение системы народного образования. Уже в 1949 г. по сравнению с последним периодом японского колониального владычества число начальных школ возросло в 2,8 раза, неполных средних — в 18,5 раза; было создано 177 полных средних школ, которых до освобождения в Корее почти не было.

Верховное народное собрание КНДР приняло в сентябре 1949 г. закон, предусматривавший введение с 1 сентября 1950 г. всеобщего обязательного начального образования. Создание для этого всех материальных предпосылок всего лишь через пять лет после освобождения являлось свидетельством успешного развития культурной революции в стране, где совсем недавно царила средневековая отсталость, где большинство населения было неграмотным.

Успехи, достигнутые молодой республикой в области культурного строительства, свидетельствуют, что, если бы не война, развязанная в июне 1950 г. лисынмановцами и их заокеанскими подстрекателями, Закон о всеобщем обязательном начальном обучении был бы проведен в жизнь уже в 1950 г.

Культурная революция предусматривает также решение проблемы подготовки кадров национальной интеллигенции, большого числа высококвалифицированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Для Кореи создание системы высшего образования было исключительно важным потому, что до августа 1945 г. в стране по существу (кроме Сеульского императорского университета) не было высших учебных заведений; немногочисленные кадры национальной интеллигенции готовились в основном за рубежом, в японских или в американских университетах.

О важности этого вопроса в условиях народной Кореи говорит то, что он был вынесен на повестку дня Учредительного съезда Трудовой партии Северной Кореи. Следуя указаниям партии, Временный народный комитет Северной Кореи 8 июля 1946 г. принял решение о создании

с 1 сентября 1946 г. университета в Пхеньяне; для детей рабочих и крестьян, не имевших среднего образования, был организован трехлетний подготовительный факультет.

Университет создали на базе Пхеньянского политехнического и Пхеньянского медицинского техникумов, причем студенты второго и третьего курсов этих техникумов переводились в университет после сдачи экзаменов. В августе 1946 г. на подготовительное отделение, на первый, второй и третий курсы университета было зачислено 1610 студентов. В 1947/48 учебном году в университете функционировало восемь факультетов: сельскохозяйственный, промышленный, транспортный, медицинский, химический, физико-математический, историко-литературный и эконо́мико-юридический. На гуманитарных факультетах срок обучения составлял четыре года, на технических — пять. Библиотека университета насчитывала 10 тыс. томов.

В 1946 г. открылось три института: Пхеньянский учительский (600 учащихся), Чхонджинский учительский (400) и Хамхынский медицинский (300 учащихся), а в 1947 г. еще три — политехнический в Хыннаме, учительский в Сипыйджу и медицинский в Чхонджине. В 1946 г. в республике насчитывалось 7 вузов с 6399 студентами, а в 1950 г. — уже 15 вузов и более 12 тыс. студентов.

Постановлением Временного народного комитета Северной Кореи от 24 июня 1947 г. в высших учебных заведениях вводилась государственная стипендия.

В 1948 г. на базе промышленного, медицинского и сельскохозяйственного факультетов университета были организованы соответственно политехнический и медицинский институты в Пхеньяне и сельскохозяйственный — в Саривоне.

В 1946—1947 гг. была создана и успешно развивалась система фабрично-заводского обучения. Повсюду возникали курсы для подготовки специалистов, техников, административных работников, руководителей промышленных предприятий.

Возникла и постоянно расширялась система вечернего и заочного высшего образования, благодаря чему рабочая молодежь могла учиться без отрыва от производства. В феврале 1948 г. в Пхеньянском государственном университете было организовано семь вечерних факультетов — физико-математический, химический и др.

Трудовая партия Кореи и органы народной власти обращали большое внимание на демократический характер системы высшего образования, на социальный состав студентов. В первую очередь в вузы принимали детей рабочих и крестьян, несмотря на то что уровень их общеобразовательной подготовки был низок. На первых порах это влекло за собой некоторые издержки, увеличенные затраты на обучение, но они целиком окупались тем, что готовились специалисты не только знающие, но и преданные народной власти.

Успешно разрешая проблему создания собственных национальных кадров интеллигенции, Трудовая партия и правительство республики уделяли большое внимание использованию буржуазных специалистов, привлечению их к активному участию в строительстве новой жизни.

Особенно значительной была роль старых специалистов и ученых в подготовке кадров гуманитариев. Если в подготовке технической интеллигенции большую помощь оказывали Советский Союз и другие страны социалистического лагеря, где обучались многие корейские студенты и стажировались специалисты, то для подготовки квалифицированных специалистов в области общественных наук трудно было обойтись без корейских ученых старой школы, поскольку в то время только они в до-

статочной степени хорошо знали историю страны, ее литературу и искусство. Политические убеждения и взгляды буржуазных ученых часто не соответствовали интересам народной власти, поэтому рабочий класс должен был перевоспитать их, убедить в том, что будущее науки неразрывно связано с успехами народно-демократического строя. Политика японских колонизаторов в области науки и культуры порождала у корейской интеллигенции недовольство и возмущение, поэтому многие из буржуазных специалистов и ученых сразу признали народную власть. Трудовая партия Кореи всячески помогала таким людям, решительно боролась против тех, кто пытался противодействовать укреплению нового строя.

Большую помощь в создании национальных кадров, главным образом технических, оказала широко распространенная в первые годы после освобождения практика подготовки наиболее опытных рабочих на специальных курсах, после окончания которых эти рабочие могли самостоятельно руководить отдельными участками производства и строительства.

Кадры квалифицированных работников готовились и на многих предприятиях, где для рабочих были созданы различные курсы, кружки техницизма и обмена опытом. Часто такими курсами и кружками руководили советские специалисты, сначала из рядов воинов Советской Армии, а затем и специально посылаемые в Корею.

В 1945 г. в Северной Корее насчитывалось только 4,7 тыс. техников. Поэтому уже с 1946 г. стали создавать краткосрочные школы и курсы по подготовке кадров для различных отраслей хозяйства. Специалистов готовили по сокращенной программе, обучение продолжалось от трех месяцев до двух лет. Одновременно были открыты средние технические учебные заведения. В 1946 г. в Северной Корее было создано 19 техникумов (5058 учащихся) и 9 педагогических училищ (4845 учащихся) с трехлетним сроком обучения. В 1949/50 учебном году их число возросло до 69. Уже к 1950 г. на предприятиях и в учреждениях КНДР работало много специалистов с высшим и средним техническим образованием, подготовленных в учебных заведениях страны.

Большие успехи были достигнуты за эти годы и в развитии отечественной науки. После освобождения страны ученые, получившие впервые в истории Кореи возможность свободно заниматься научной работой, начали искать формы объединения в творческие, исследовательские коллективы. Так появились первые научные центры — комитеты по отдельным отраслям науки. В феврале 1947 г. были созданы Комитет корейской филологии, Комитет по составлению истории Кореи и Комитет по изучению медицинских наук. В июле 1946 г. был создан первый практический научный орган — Центральная метеорологическая станция в Пхеньяне. Позднее были также организованы Комитет по изучению и охране исторических памятников материальной культуры при Кабинете министров КНДР, первые исследовательские технические институты: Центральный химический институт, Центральный институт горной промышленности и Государственный научно-исследовательский ветеринарный институт.

В целях воспитания квалифицированных научных кадров была разработана система их подготовки в аспирантуре на базе высших учебных заведений страны. Положение о создании трехгодичной аспирантуры было утверждено «Законом о системе школьного образования в Северной Корее», принятым Временным народным комитетом Северной Кореи 18 декабря 1946 г.

Первая аспирантура была организована в мае 1947 г. в Пхеньянском государственном университете. В июле 1948 г. Временный народный ко-

митет Северной Кореи принял постановление о присвоении научным работникам ученых степеней и званий.

Ученые Советского Союза и других социалистических стран оказали корейскому народу большую помощь в развитии науки и в создании научных кадров. В КНДР было направлено много видных советских ученых, которые читали лекции в институтах, помогали в организации научных центров и в развертывании научно-исследовательской работы. Многие корейские аспиранты проходили подготовку в научных центрах в СССР и в других странах социализма.

По мере развития народного хозяйства республики перед наукой ставились все более сложные задачи; для их решения необходимо было собрать все научные силы в едином организационном центре, который руководил бы всей научно-исследовательской работой в стране. Создание такого центра должно было помочь укрепить связи науки с производством, нацелить научных работников на разрешение вопросов, наиболее важных для быстрейшего развития народного хозяйства.

Однако война 1950—1953 гг. поначалу задержала создание научно-го центра; в то же время она сделала его организацию особенно необходимой. Для быстрейшей победы над врагом и послевоенного восстановления народного хозяйства надо было как можно быстрее решить эту проблему. И она была решена в годы войны.

Большим достижением культурной революции в КНДР явилось создание новой литературы и искусства, национальных по форме и социалистических по содержанию. Их бурное развитие началось сразу же после освобождения Кореи, которое явилось поворотным пунктом в истории всей корейской культуры.

Руководствуясь основными положениями ленинской концепции культурной революции, Трудовая партия Кореи обращала большое внимание на сферу деятельности творческой интеллигенции, последовательно проводила в жизнь принципы партийности литературы и искусства. Она всегда выступала перед работниками культурного фронта с ясной программой, нацеливающей на правильное раскрытие в художественной форме сущности всех перемен, происшедших в жизни корейского народа после августа 1945 г., призывала писателей, поэтов, артистов и художников показать во всем величии и грандиозности исторические события, означавшие начало новой эры в истории страны. Генеральная линия Трудовой партии в области литературы и искусства была изложена в принятой в марте 1946 г. Политической программе, а также во многих других партийных документах.

В марте 1946 г. было организовано объединение работников искусства Северной Кореи, позже расширенное в Пукчосон мунхак есультчхонъёмэн (Ассоциация работников литературы и искусства Северной Кореи). Она объединила передовых, демократически настроенных писателей и деятелей искусства и сыграла большую роль в становлении демократической культуры, сплотив всю творческую интеллигенцию, нацелив ее на активное участие в создании народного государства.

В мае 1946 г. Ассоциация созвала съезд деятелей литературы и искусства. От имени Центрального Комитета Трудовой партии на съезде выступил Ким Ир Сен с речью «Культура и искусство должны служить народу». Важным документом в истории развития культурной революции в первые годы народной власти явилось также решение 29-го заседания Президиума ЦК ТПК, состоявшегося в марте 1947 г., — «О строительстве демократической национальной культуры в Северной Корее».

В этих решениях и документах ЦК ТПК определялся характер ли-

тературы и искусства народной Кореи, разъяснялась сущность социалистического реализма как творческого метода, единственно приемлемого для правильного отображения грандиозных перемен в жизни народа, подчеркивалась роль партийности и народности в искусстве, недопустимость влияния реакционной, буржуазной идеологии. Трудовая партия призывала деятелей литературы и искусства помочь воспитывать широкие массы трудящихся в духе преданности новому строю, мобилизовать народ на активное участие в демократическом строительстве.

Учитывая важность критического освоения и развития культурного наследия прошлого, Трудовая партия указывала творческим работникам на необходимость критического изучения с позиций марксизма-ленинизма, творческого восприятия и дальнейшего развития национального культурного наследия, призывала художественную интеллигенцию учиться у лучших литераторов и художников мира, в первую очередь у выдающихся советских писателей, подчеркивала важность воспитания всех работников литературы и искусства в духе коммунистической идеологии.

На призыв Трудовой партии первыми откликнулись писатели и поэты, давно связавшие свои судьбы с борьбой корейского пролетариата за национальное и социальное освобождение, принимавшие активное участие в деятельности Корейской федерации пролетарского искусства. Это были Ли Гиён, Сон Ён, Ли Бунмён, Мин Бёнгюн, Пак Пхарян, Ли Чхан и др. К ним присоединились молодые поэты и прозаики, творческое рождение которых приходится на первые годы народной власти,— Чо Гичхон, Ли Чхонгу и др.

Уже в первые годы после освобождения были созданы произведения, заслужившие признание читателей,— роман Ли Гиёна «Земля» и его повесть «Возрождение», повести Ли Бунмёна «Новый путь» и «Рабочая семья», рассказы Пак Унголя «Серная кислота», Хван Гона «Забой», Чхон Себона «Новый пульс» и «Кантата о земле», Чхве Мёнъика «Подорожник», Юн Сичхоля «Инженер-геолог», поэмы Чо Гичхона «Гора Пэктусан» и «Песнь земли»; многочисленные поэтические произведения малых форм.

Значительное место в поэзии тех лет занимали стихотворения, посвященные Советской Армии, освободившей Корею от полувекового колониального рабства. К лучшим из них относятся стихи Пак Пхаряна «Пою Советскую Армию», Ли Чхонгу «Вечное рукопожатие», Пэк Инджуна «Песнь о красноармейце Николае», Ли Чхана «Стихи о Советском Союзе», «Летопись побед» и многие другие. Вышли сборники стихотворений Ан Нёнмана «Другу» и Мин Бёнгюна «Освобожденный остров», Пак Сеёна (род. в 1902 г.) «Истина».

Большое положительное влияние на развитие молодой корейской демократической литературы оказала советская литература. После освобождения на корейский язык были переведены многие произведения лучших советских поэтов и писателей, а также значительное число шедевров русской классики. Большими тиражами издавались стихи В. Маяковского, В. Лебедева-Кумача, М. Исаковского, С. Щипачева, А. Суркова, К. Симонова, С. Маршака. Любовью корейских читателей пользовались прозаические произведения — «Мать» и «Мои университеты» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева.

Быстрое развитие демократической литературы происходило в серьезной борьбе с влиянием реакционной, буржуазной культуры и идеологии. Немногочисленные группы сторонников «чистого искусства», проповедовавших уход от жизни, замыкавшихся в «башне из слоновой

кости», пытались помешать поступательному движению в литературе. Эти попытки встретили решительный отпор прогрессивных, творческих работников и подверглись критике в решениях ЦК ТПК, осудивших формализм и декадентство сборника стихов «Благоухание» (1946) и «Литературной хрестоматии» (1946), в которой были собраны произведения, чуждые духу и стремлениям народных масс.

Важнейшей задачей культурной революции является создание искусства, доступного всему народу, приобщение широких народных масс к вершинам национальной и мировой культуры.

Сразу после освобождения страны перед органами народной власти встала задача ликвидации пагубных последствий колониального прошлого в области искусства, возрождение национальных традиций и развития нового искусства, которое служило бы делу построения социалистического общества, воспитывало бы в народных массах чувство общественного долга, заботу об интересах своего государства, способствовало бы быстрейшему очищению сознания людей от пережитков и предрассудков старого общества.

С первых дней народной власти началась борьба за создание демократического театра, за возрождение и развитие лучших национальных театральных традиций. В городах и поселках страны стали создаваться театральные труппы, которые постепенно реорганизовались в стационарные театры.

В январе 1947 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял постановление о создании сети стационарных государственных центральных и провинциальных театров. Только в одном Пхеньяне в 1947 г. были открыты Государственный театр (позже переименован в Государственный драматический театр) и Народный художественный театр (в 1948 г. переименован в Пхеньянский городской театр). В следующем году были открыты Театр министерства транспорта, Театр министерства внутренних дел, Крестьянский театр, а в 1949 г. — Молодежный театр, Рабочий театр, Художественный театр Народной армии. Кроме того, были созданы художественные театры в провинциях Северная и Южная Хамгён, Северная и Южная Пхёнан, Северная и Южная Хванхэ.

В эти годы ставились пьесы, посвященные мирному, созидательному труду: спектакль «Сестры» — в театре провинции Южная Хамгён, «Огненный путь» — в Государственном драматическом театре; пьесу о героической борьбе партизанских отрядов против японских империалистов «Люди, ожидающие солнца» — в театре провинции Южная Хамгён и другие пьесы корейских драматургов.

Ставились и пользовались большим успехом у зрителей пьесы советских авторов: «Русские люди» К. Симонова, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова. Эти произведения оказали влияние на развитие драматургии в КНДР. Театральные работники Кореи познакомились со спектаклями многих театров Советского Союза; это помогло им овладеть системой К. С. Станиславского.

Быстро развивалось оперное и танцевальное искусство. Традиционной формой оперного искусства в Корее является народная музыкальная драма — чхангык. В колониальные годы эта форма искусства подвергалась серьезным притеснениям властей. Только после освобождения почти во всех провинциях Северной Кореи были открыты стационарные театры, специально ставившие чхангык. По мотивам народных легенд и сказаний Государственный художественный театр в Пхеньяне создал замечательные оперные спектакли — «Сказание о Чхунхян», «Цветочная туфелька», ставил произведения мировой оперной классики, в част-

ности «Кармен». В этом же театре на основе изучения национальных традиций и опыта русской, советской и европейской оперы стала развиваться и современная корейская опера — кагык. На ее становление повлияло творчество известных корейских композиторов Ли Мёнсана и Хван Хаккына (1925—1951). Первые оперные постановки интонационно и сюжетно были тесно связаны с народными легендами и песнями. В Государственном художественном театре были поставлены оперы кагык «Восемь фей Кымгансана», «Сказание о Чхунхяне» и «Сказание о Симчхон» Ли Мёнсана, «Ондаль» Хван Хаккына и др.

В 1949 г. впервые в истории корейского хореографического искусства силами подготовленных в государственной балетной студии артистов была осуществлена постановка балетного спектакля «Сказание о крепости Панныяволь».

Развитие корейской музыки долго сдерживалось дискриминационной политикой японских колонизаторов. После освобождения по всей стране возникают музыкальные театры, хоровые коллективы, симфонические оркестры, оркестры народных инструментов, создаются музыкальные школы и училища. В 1949 г. в Пхеньяне была организована Государственная консерватория, ставшая центром подготовки профессиональных музыкантов и научно-исследовательской работы по воссозданию и развитию национальной музыки, традиционных корейских музыкальных инструментов и т. п.

Наиболее полное развитие в первые годы после освобождения получила современная массовая песня. Над созданием такого рода песен успешно работали композиторы Ли Мёнсан, Син Досон (род. в 1924 г.), Ким Оксон (1915—1965), Ким Вонгюн, Пак Хангю и др. Примером бережного воссоздания старинных народных песен профессиональными музыкантами могут служить обработки Хван Хаккына «Песни рыбаков бухты Понсонпхо», Ким Джесона «Песня девушки» и «Кукушка». Широкую известность получили оратория Ким Оксона на слова поэта Чо Гичхона «Река Амноккан» и музыка к балетному спектаклю «Сказание о крепости Панныяволь» Чхве Оксама.

Освобождение открыло широкие пути для развития изобразительного искусства, особенно после создания Пукчосон мунхак есуль чхонъёнмэн, объединившей также художников и скульпторов. Художники получили возможность ежегодно устраивать выставки своих работ, которые демонстрировались по всей Северной Корее. Наибольшей известностью пользовались картины «В канун сбора урожая» Хан Санъика, «Голос народа» О Тхэккёна, «Проводы Советской Армии» Тхак Вонгиля, скульптуры Мун Сого и др. Наряду с произведениями на современные темы развивалась также традиционная корейская живопись — чосонхва, для которой характерны выполненные тушью или акварелью пейзажи, изображения птиц, цветов и животных.

Учитывая, что кино является самым действенным пропагандистом достижений искусства, науки и техники, самым массовым видом искусства и эффективным средством культурного воздействия на широкие народные массы, органы народной власти уже вскоре после освобождения страны развернули работу по созданию национальной кинематографии и обеспечению ее собственной производственной базой.

В феврале 1946 г. при Оргкомитете Коммунистической партии Северной Кореи была создана киностудия, в которую входили Чон Джунчхэ, Хон Пхильсон, Юн Джэён, О Унтхак и др. В июле 1946 г. они выпустили первый документальный фильм «Наше строительство», а в сентябре того же года второй — «Демократические выборы». В феврале 1947 г. решением Временного народного комитета Северной Кореи была

создана Киностудия Северной Кореи (с 1948 г. — Государственная киностудия), ставшая центром производства корейских фильмов. Уже в августе того же года корейские кинематографисты сняли документальный фильм — «Народные комитеты» и начали регулярное производство хроникальных киножурналов «Новости Кореи».

Корейские сценаристы, режиссеры и операторы приступили к созданию художественных фильмов. В 1949 г. на экраны республики вышел первый корейский полнометражный звуковой художественный фильм «Моя родина», который рассказывал о партизанской борьбе лучших сынов корейского народа во времена японского владычества. До 1950 г. было выпущено три художественных фильма.

Курс Трудовой партии и правительства КНДР на мирное объединение страны

После провозглашения Корейской Народно-Демократической Республики по-прежнему первоочередной политической задачей общенационального значения оставалась задача мирного объединения страны. В сентябре 1948 г. Верховное народное собрание КНДР, выражая волю народа, обратилось к правительствам СССР и США с просьбой об одновременном выводе из Кореи американских и советских войск. Советский Союз, относящийся с глубоким уважением к суверенным правам больших и малых народов, удовлетворил законную просьбу Верховного народного собрания. Правительство СССР дало указание о выводе советских войск из Северной Кореи до конца 1948 г. Правительство США отказалось отозвать американские войска из Южной Кореи, опасаясь, что их вывод может привести к крушению лисынмановского режима.

Агрессивные круги США и лисынмановское правительство, не желая мириться с созданием Корейской Народно-Демократической Республики, стали усиленно форсировать подготовку нападения на Север.

Южнокорейское правительство с первых же дней своей деятельности поставило себя на службу американскому империализму. Оно заключило кабальные договоры и соглашения с США, закрепившие военную оккупацию Южной Кореи. В августе 1948 г. было подписано военное соглашение, предусматривавшее создание южнокорейской армии и передачу оперативного контроля над вооруженными силами Южной Кореи командованию американских войск. США было предоставлено право использования территории Южной Кореи для создания военных баз. Соглашения «Об урегулировании вопросов собственности и финансовых вопросов» (сентябрь 1948 г.) и «Об экономическом сотрудничестве между США и Южной Кореей» (декабрь 1948 г.), договор «О взаимной помощи и обороне» (январь 1950 г.) и др. закрепляли за американцами политический, экономический и военный контроль над Южной Кореей. «Вся политика американских империалистов в южной части нашей страны в течение прошедших пяти лет, — говорил Ким Ир Сен, — была политикой порабощения и превращения нашей родины в колонию; политикой расчленения нашего народа, политикой провоцирования междоусобной войны»⁷.

Американские империалисты к маю 1949 г. вооружили 100-тысячную южнокорейскую армию и 50-тысячный корпус полицейских. Развивая военные приготовления, лисынмановские войска провоцировали инциденты вдоль 38-й параллели; только за один 1949 год было совершено 1836 вооруженных вторжений на территорию Северной Кореи. Как подтверждают документы, захваченные Народной армией КНДР в Сеуле во время войны, уже в июле 1949 г. клика Ли Сынмана замышляла поход на Се-

вер⁸. Однако всенародное движение за мирное объединение страны, охватившее всю Корею, ненадежность армии, растущая сила мировой социалистической системы заставили южнокорейский режим и американских империалистов на время отложить развязывание междоусобной войны.

В обстановке усиливающихся военных приготовлений южнокорейского режима и нарастающей военной угрозы с Юга задача мирного объединения страны стала особенно актуальной. ТПК и правительство КНДР принимали энергичные меры к сплочению всех патриотических и демократических сил, выступавших за мирное объединение.

В мае 1949 г. восемь политических партий и общественных организаций Южной Кореи обратились ко всем партиям и общественным организациям Северной Кореи с предложением создать Чогук тхонгиль минджуджуый чонсон (Единый демократический отечественный фронт — ЕДОФ). В обращении, в частности, говорилось, что неотложной задачей корейского народа является борьба за немедленный вывод американских войск с территории Кореи и ее объединение. Обращение подписали Трудовая партия, Минджу тонниптан (Демократическая независимая партия), Инмин конхвадан (Народно-республиканская партия), Кылло инминдан (Партия трудового народа), Чхондогё-Чхонудан, Сахве минджудан (Социал-демократическая партия), Минджу ёсон тонмэн, Чосон нодон чохап чонгук пёныйхве и другие организации Южной Кореи.

ЦК ЕДНФ Южной Кореи полностью поддержал предложение о создании ЕДОФ. Это предложение одобрила часть правых партий и организаций, различные культурно-просветительные, религиозные и другие общества Южной Кореи.

25—28 июня 1949 г. в Пхеньяне состоялся Учредительный съезд ЕДОФ, на котором присутствовали 704 делегата от 72 партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Съезд избрал ЦК ЕДОФ, принял Программу и Обращение ко всему корейскому народу. Программа призывала корейский народ бороться за немедленный вывод американских войск из Южной Кореи и удаление из Кореи Комиссии ООН, мобилизовать все силы народа на мирное объединение страны; поддерживать правительство КНДР в Северной Корее, бороться за закрепление демократических преобразований, а в Южной — за восстановление и легализацию народных комитетов, за осуществление демократической земельной реформы, за национализацию бывшей японской промышленности, против репрессий и террора в отношении демократических деятелей.

В Программе говорилось о необходимости содействия развитию и укреплению дружеских отношений с Советским Союзом, Китаем, странами народной демократии и со всеми миролюбивыми государствами⁹.

В Обращении к народу указывалось, что после вывода из Южной Кореи американских войск политические партии и общественные организации не допустят возникновения гражданской войны и обеспечат мирное объединение страны¹⁰. ЦК ЕДОФ направил тексты Обращения партиям, организациям, органам печати Южной Кореи, а также южнокорейскому Национальному собранию и Генеральному секретарю ООН с просьбой передать правительствам государств — членов ООН.

Кроме Трудовой партии Северной и Южной Кореи в состав ЕДОФ вошли следующие партии: Пукчосон минджудан, Пукчосон Чхондогё-Чхонудан, Намчосон минджу тонниптан, Намчосон инмин конхвадан, Намчосон Чхондогё-Чхонудан, Кылло инминдан, Чинбодан (Прогрессивная партия) и другие южнокорейские партии, а также массовые демократические организации Северной и Южной Кореи¹¹.

Руководящей и организующей силой ЕДОФ была Трудовая партия. Вооруженный программой ЕДОФ, корейский народ под руководст-

вом Трудовой партии еще решительнее развернул борьбу за объединение страны. Несмотря на террор, массовые митинги и демонстрации в поддержку программы ЕДОФ прошли по всей Южной Корее. 20 июля 1949 г. началась забастовка солидарности с решениями ЕДОФ о мирном объединении страны. Выступления рабочих активно поддержали крестьяне, широкие слои интеллигенции, мелкой и средней буржуазии.

После создания ЕДОФ партизанское движение в Южной Корее усилилось. Оно сопровождалось крестьянскими восстаниями. Только в ноябре 1949 г. в этих восстаниях участвовали свыше 43 тыс. человек. Напуганная размахом народных выступлений клика Ли Сынмана обрушила новую волну террора и репрессий, в первую очередь против партизан. Было предпринято несколько карательных кампаний против очагов партизанского движения. Каратели с неслыханной жестокостью расправлялись с населением, поддерживавшим партизан. Террор южнокорейских властей и принятые ими специальные меры (подготовка закона о земельной реформе, амнистия участникам партизанского движения, провокационная кампания за их выход из Трудовой партии), а также подрывная деятельность лисынмановских агентов, пробравшихся в руководящие органы партизанских отрядов и партийных организаций, привели к дезорганизации и ослаблению партизанского движения, которое к концу 1949 г. стало все более ослабевать. Но борьба народных масс против лисынмановского режима не прекращалась, она приняла новую форму.

IV пленум ЦК ЕДОФ, состоявшийся 20 января 1950 г., призвал народ к усилению борьбы за вывод американских войск из Южной Кореи и за свержение лисынмановского режима. В начале июня 1950 г. Единый демократический отечественный фронт вновь выдвинул предложение о мирном объединении Кореи. «Мы никогда не считали и не можем считать 38-ю параллель государственной границей,— говорилось в Обращении ЦК ЕДОФ к народу.— Корейский народ на Юге и на Севере с нетерпением ждет объединения родины. Он желает жить в государстве, едином в экономическом, культурном и политическом отношениях»¹².

ЕДОФ выдвинул конкретный план мирного объединения страны, предложив провести 5—8 августа 1950 г. на всей территории Кореи всеобщие выборы и создать единый законодательный орган власти, а 15 августа 1950 г. созвать в Сеуле сессию верховного органа власти. ЕДОФ направил в Южную Корею делегацию для передачи плана мирного объединения страны политическим партиям, общественным организациям и политическим деятелям Южной Кореи. Но лисынмановские власти арестовали посланцев ЕДОФ и предали их суду военного трибунала.

Настойчиво борясь за мирное объединение родины, за предотвращение гражданской войны, ЕДОФ и Верховное народное собрание КНДР вновь предприняли попытку добиться мирного объединения. 19 июня 1950 г. Президиум Верховного народного собрания предложил осуществить объединение страны мирным путем, слияние Верховного народного собрания КНДР и Национального собрания Южной Кореи в единый всекорейский законодательный орган, который примет конституцию и сформирует правительство. На основе этой конституции в последующем должны быть проведены всеобщие выборы во всекорейский законодательный орган. Все мероприятия, связанные с мирным объединением страны, было предложено полностью осуществить к пятой годовщине освобождения Кореи от японского ига.

Эти предложения Верховного народного собрания были встречены горячим одобрением народных масс Северной и Южной Кореи. Однако клика Ли Сынмана, поощряемая агрессивными кругами США, отвергла все предложения о мирном объединении и готовила нападение на КНДР.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА КОРЕЙСКОГО НАРОДА (1950—1953)

Подготовка агрессии против Корейской Народно- Демократической Республики

В 1949—1950 гг. политическая обстановка на Корейском полуострове продолжала оставаться напряженной. Здесь столкнулись две линии, два подхода к решению послевоенных проблем, в частности и корейского вопроса. Советский Союз и другие социалистические страны вели целеустремленную борьбу за ослабление международной напряженности в этом районе, за решение корейского вопроса в соответствии с интересами народа. Силы мира, демократии и социализма продолжали наступление на позиции империализма. Мировая социалистическая система превратилась в решающий фактор общественного развития. В то же время возросла агрессивность империалистических держав, прежде всего США. Особенно отчетливо это проявилось в политике США на Дальнем Востоке. Американские империалисты стремились подорвать национально-освободительное движение народов Азии, ликвидировать народно-демократический строй, завоеванный народами Кореи, Вьетнама, Китая. Особое место в далеко идущих планах американского империализма занимала Корея, которая рассматривалась как важный военно-стратегический плацдарм.

Южнокорейский режим при поддержке заокеанских покровителей стремился распространить свою власть на всю Корею. Отвергая все конкретные предложения КНДР, направленные на мирное объединение страны, лисынмановская клика готовилась уничтожить социалистический строй на Севере. Американский империализм всячески поощрял эту опасную политику южнокорейских марионеток, вел усиленную подготовку к агрессии против КНДР.

После оккупации Южной Кореи американские империалисты стали на путь превращения ее в военный плацдарм и зависимое от них государственное образование. Соединенные Штаты развернули в Южной Корее строительство военно-воздушных и военно-морских баз, начали формировать южнокорейскую армию. Уже в конце 1945 г. американское военное командование создало Департамент корейских вооруженных сил с отделами сухопутным, морским и авиационным. Американские оккупационные власти открыли ряд военных училищ для подготовки и переподготовки кадров южнокорейской армии. Намечалось увеличить армию и флот до 100 тыс. (под видом охранных отрядов).

Агрессивная политика американских империалистов стала еще более откровенной после создания лисынмановского правительства. В августе 1948 г. США заключили с Южной Кореей военное соглашение: правительство США обязалось вооружить южнокорейскую армию и флот, а Южная Корея предоставляла в распоряжение американского командования аэродромы, порты и другие военные сооружения.

10 апреля 1949 г. Ли Сынман в письме Чо Бёноку, своему личному представителю в Вашингтоне, сообщил о подготовке нападения на КНДР следующее: «По существу мы готовы к объединению в настоящее время во всех отношениях, за исключением одного: нам недостает вооружения и снаряжения... Мы должны иметь достаточные вооруженные силы, с тем чтобы двинуться на Север»¹.

В 1949 г. США предоставили режиму Ли Сынмана вооружение на 190 млн. долл. (105 тыс. винтовок американского образца, 2 тыс. противотанковых ружей «базук», много 105-миллиметровых гаубиц, 2 тыс. пулеметов, 4,9 тыс. грузовых машин и др.). К июню 1949 г. численность лисынмановской армии возросла до 8 дивизий (более 100 тыс. человек), не считая 50 тыс. полицейских².

Западная пресса, в том числе и американская, писала о южнокорейской армии как о «лучшей боевой силе на Азиатском континенте».

30 сентября 1949 г. в письме своему советнику — американцу Роберту Оливеру Ли Сынман заявил: «Я твердо убежден в том, что сейчас психологически наиболее подходящий момент для того, чтобы предпринять агрессивные меры... Мы отгоним часть людей Ким Ир Сена в горный район и там постепенно заморим их голодом. Тогда наша линия обороны должна быть укреплена по рекам Тумынь и Ялу»³.

Лисынмановские власти не скрывали своих агрессивных намерений. Министр обороны лисынмановского правительства Син Сонмо 17 июля 1949 г. сказал: «Наша армия национальной обороны ждет только приказа Ли Сынмана. Мы располагаем силами, чтобы, как только будет отдан приказ, в течение одного дня полностью захватить Пхеньян и Вонсан»⁴. В интервью, данном корреспонденту Юнайтед Пресс 7 октября 1949 г., Ли Сынман утверждал, что объединение Кореи осуществимо только путем захвата Северной Кореи.

19 июня 1950 г., т. е. за неделю до вторжения южнокорейских войск в Северную Корею, Ли Сынман, выступая в Национальном собрании, повторил: «Мы добьемся победы в горячей войне против коммунистического Севера».

Американские войска также активно готовились к войне в Корею. Было создано единое командование сухопутных и морских сил США на Дальнем Востоке. Сухопутные соединения и части были объединены в 8-ю армию, насчитывавшую в своем составе 83 тыс. человек, 1081 орудие и миномет, 495 танков. Военно-воздушные силы США на Дальнем Востоке располагали 1172 самолетами и 33 625 солдатами и офицерами, военно-морские силы в начале войны — 26 боевыми и 200 вспомогательными кораблями различных классов⁵. Все эти войска были приведены в боевую готовность.

В августе 1950 г. журнал «Лайф» писал о подготовке США к агрессии против КНДР: «Никогда прежде на протяжении нашей истории мы не были до такой степени подготовлены к началу какой-либо войны, как этой».

Правящие круги США открыто поддерживали и поощряли подготовку южнокорейского правительства к нападению на КНДР. Главный американский военный советник в Южной Корею генерал В. Робертс, инструктируя министров лисынмановского правительства в январе 1950 г., заявил, что план похода против Севера — дело решенное и до начала его осуществления времени осталось немного. «Хотя нападение начнем мы, — сказал В. Робертс, — все же надо создать предлог для нападения, чтобы оно имело обоснованную причину»⁶. Посетивший Южную Корею советник Д. Макартура В. Сэболд заверил Ли Сынмана, что в походе на Север американский военно-морской флот и авиация, бази-

рующиеся в Японии, будут воевать на стороне южнокорейского правительства⁷.

Накануне корейской войны на Дальний Восток совершили поездку министр обороны США Л. Джонсон, начальник объединенной группы начальников штабов генерал О. Брэдли и советник государственного департамента Д. Ф. Даллес, которые провели секретное совещание с генералом Д. Макартуром. Даллес совершил также инспекционную поездку в район 38-й параллели, куда были стянуты южнокорейские войска. Выступая 19 июня 1950 г. в Национальном собрании, Д. Ф. Даллес заявил, что США готовы оказать Южной Корее всю необходимую моральную и материальную поддержку в ее борьбе против Северной Кореи.

Подготавливая нападение на Северную Корею, лисымановцы расширили военные провокации в районе 38-й параллели. Только с января по декабрь 1949 г. они совершили 1836 вооруженных вторжений на территорию Северной Кореи. Во второй половине мая 1950 г. их провокационные действия по всей линии 38-й параллели участились. Лисымановская и американская разведка засылала большое число шпионов и диверсантов на Север.

Правительство КНДР, учитывая провокационные действия лисымановской клики и имея доказательства готовящейся против Северной Кореи агрессии, приняло меры для укрепления обороноспособности республики. Корейская Народная армия за короткий срок при братской помощи Советского Союза была вооружена современным оружием и боевой техникой. В состав вооруженных сил КНА входили сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы. Сухопутные войска состояли из стрелковых, артиллерийских частей и соединений, а также танковых подразделений; военно-морские силы — из торпедных катеров, «морских охотников», сторожевых кораблей, тральщиков и вспомогательных судов; военно-воздушные силы — из авиационной дивизии. Весной 1950 г. численность КНА была увеличена за счет четырех новых дивизий; были укреплены оборонительные рубежи у демаркационной линии и в глубине республики⁸.

Нападение лисымановских войск на КНДР. Военное вмешательство США. Начало Отечественной освободительной войны корейского народа

Рано утром 25 июня 1950 г. южнокорейская армия численностью до 10 дивизий совершила внезапное нападение на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели. Ей удалось вторгнуться на территорию Северной Кореи на глубину от 2 до 3 км.

Правительство КНДР потребовало от южнокорейских властей немедленного прекращения начатых ими военных действий и предупредило, что в противном случае примет решительные ответные меры. Однако лисымановская армия продолжала вторжение. Тогда правительство КНДР отдало приказ охранным отрядам и частям Корейской Народной армии перейти в контрнаступление и преследовать врага на территории Южной Кореи.

По зову Трудовой партии и правительства корейский народ поднялся на защиту отечества. Выступая 26 июня 1950 г. по радио с обращением к народу, Ким Ир Сен сказал: «Над родиной нашей и народом нависла большая опасность. В этой войне против предательской клики Ли Сымана корейский народ должен отстоять Корейскую Народно-

Демократическую Республику и ее Конституцию... Война, которую мы ведем, выступая против навязанной нам предательской кликой Ли Сыньмана междоусобицы, является справедливой войной за объединение, независимость, свободу и демократизацию Родины»⁹.

Трудовая партия и правительство призвали народные массы мобилизовать все силы на разгром врага, всемерно укреплять тыл, подчинить всю работу нуждам фронта, организовать всенародную помощь армии, непрерывно пополняя ее людскими силами, снабжать фронт всеми необходимыми материалами. Трудовая партия и правительство призывали население Южной Кореи интенсивнее разворачивать партизанское движение, подрывать и дезорганизовывать тыл противника, создавать и расширять освобожденные районы, оказывать всемерную помощь наступающим частям Народной армии. Президиум Верховного народного собрания КНДР своим Указом от 26 июня 1950 г. учредил Военный комитет во главе с Ким Ир Сенем. Этот комитет как высший орган государственной власти в период войны сконцентрировал военное, политическое и экономическое руководство страной. Вся жизнь перестраивалась на военный лад. Десятки тысяч юношей и девушек вступили добровольно в ряды Народной армии. В первые же дни войны более 850 тыс. юношей и девушек подали заявления с просьбой принять их в армию и отправить на фронт.

27 июня 1950 г. ЦК Трудовой партии обратился с письмом ко всем партийным организациям и членам партии, в котором наметил ряд мероприятий по повышению мобилизующей и организующей роли партии в военное время, поставил политические и экономические задачи, связанные с перестройкой деятельности всех партийных организаций на военные рельсы. В письме, в частности, говорилось: «Наша всенародная война против реакции, за национальную независимость и суверенитет государства вызовет всестороннюю моральную поддержку мирового антиимпериалистического, демократического лагеря, в том числе великого Советского Союза, освободившего наш народ от японского империализма»¹⁰.

27 июня 1950 г. Президиум Верховного народного собрания КНДР опубликовал Указ о введении на территории КНДР чрезвычайного военного положения, а 1 июля — об объявлении всеобщей мобилизации.

Корейская Народная армия, успешно отразив нападение лисынмановских войск, перешла по всему фронту в контрнаступление. Лисынмановские войска были деморализованы и стали отступать на юг. 28 июня Народная армия освободила Сеул. Реакционный, антинародный режим Ли Сыньмана стал разваливаться.

Для спасения южнокорейского режима американские империалисты прибегли к прямой вооруженной интервенции против корейского народа. 27 июня 1950 г. президент США Г. Трумэн отдал приказ американским военно-воздушным и военно-морским силам поддержать южнокорейскую армию. Но уже 26 июня американская авиация начала варварские бомбардировки городов и сел КНДР. 30 июня Г. Трумэн отдал приказ об отправке американских сухопутных войск на корейский фронт. Эти войска были переброшены из Японии и введены в действие¹¹.

В результате открытой вооруженной интервенции американских империалистов против корейского народа война приобретала все более ожесточенный характер. Трудовая партия приняла ряд мер по укреплению фронта и тыла.

4 июля 1950 г. Указом Президиума ВНС КНДР Ким Ир Сен был назначен Верховным главнокомандующим Корейской Народной армией. Для более оперативного управления войсками и укрепления руковод-

ства войсковыми соединениями в начале июля 1950 г. были созданы фронтовое управление и две армии: 1-я действовала на западном участке фронта, а 2-я — на восточном. Командующим фронтом был назначен Ким Чхэк (1911—1951) — один из выдающихся военных и государственных деятелей КНДР, член Политбюро ЦК ТПК; начальником штаба — Кан Гон (1918—1950), талантливый военачальник, начальник Генерального штаба КНА (погиб 8 сентября в боях у р. Нактонган); членом Военного совета — Ким Ир, начальник Политического управления КНА.

Для усиления обороны морского побережья были созданы новые части. В целях усиления партийного руководства и политической работы в КНА была введена система военных комиссаров. Военный комитет принял меры для мобилизации населения на восстановление промышленных предприятий, железных и шоссейных дорог, мостов и других объектов, разрушенных американской авиацией. Правительство республики пересмотрело народнохозяйственный план 1949—1950 гг. и перешло к составлению хозяйственного плана военного времени (по кварталам).

Для солдат и офицеров Народной армии, проявивших мужество и героизм при защите социалистической родины, Президиум Верховного народного собрания КНДР указом от 30 июня 1950 г. учредил звание «Герой КНДР». В июле 1950 г. Президиум ВНС КНДР утвердил Положение о награждении воинов КНА орденами «Свобода и независимость» I и II степени, «Ли Сунсин» I и II степени, «Солдатская слава» I и II степени. В июле 1950 г. Президиум ВНС КНДР принял Положение о гвардейских частях и соединениях и нагрудных знаках за ранение в бою.

Свою вооруженную интервенцию в Корею США постарались прикрыть флагом Организации Объединенных Наций. На заседании Совета Безопасности 25 июня 1950 г., созванного по настоянию правительства США, американская делегация в отсутствие представителя СССР протавила резолюцию, обвинявшую КНДР в агрессии, а лисынмановскую клику представлявшую «жертвой» агрессии.

27 июня 1950 г., после того как американские вооруженные силы на Дальнем Востоке получили приказ Г. Трумэна прийти на помощь южнокорейской армии, американская делегация протавила в ООН еще одну резолюцию, вновь обвинявшую Северную Корею в нарушении мира, одобрявшую интервенцию США против КНДР и содержащую призыв к членам ООН предоставить Южной Корее военную помощь для отражения «нападения» и восстановления мира в Корею. Разоблачая незаконный характер резолюции Совета Безопасности, заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в заявлении, сделанном 4 июля 1950 г. от имени Советского правительства, указал, что правительство Соединенных Штатов Америки начало вооруженную интервенцию в Корею до созыва заседания Совета Безопасности 27 июня, не считаясь с тем, какое решение примет Совет Безопасности¹².

В заявлении говорилось также, что «вторжение американских вооруженных сил в Корею представляет собой открытую войну против корейского народа. Ее цель — лишить Корею национальной независимости, не допустить создания единого демократического корейского государства и насильственно установить в Корею антинародный режим, который позволил бы правящим кругам Соединенных Штатов превратить ее в свою колонию и использовать корейскую территорию в качестве военно-стратегического плацдарма на Дальнем Востоке».

7 июля 1950 г. под нажимом США Совет Безопасности принял новую резолюцию, рекомендовавшую всем членам ООН, поддержавшим

резолюцию Совета Безопасности от 27 июня, предоставить вооруженные силы и другие средства в распоряжение так называемого Объединенного командования для ведения войны в Корее. Резолюция указывала, что Объединенное командование под руководством США может использовать по своему усмотрению флаг Организации Объединенных Наций в ходе операций против сил Северной Кореи.

Так называемые силы ООН в Корее в основном были американскими, и руководило ими командование американских войск. Около $\frac{2}{3}$ вооруженных сил, участвовавших в войне против корейского народа, были американскими: сухопутные силы США составляли 50,3% всех вооруженных сил, Южной Кореи — 40,1, остальных участников — 9,6%; военно-морские силы США составляли 85,9%, Южной Кореи — 7,4, остальных — 6,7%; военно-воздушные силы США составляли 93,4%, Южной Кореи — 5,6, остальных — 1%¹³.

Расширение агрессии американских империалистов против корейского народа, варварская бомбардировка городов и селений Кореи, уничтожение гражданского населения вызвали волну гнева всего миролюбивого человечества. Во всем мире росло движение за немедленное прекращение агрессии против корейского народа. «Руки прочь от Кореи!» — требовали народы мира.

13 июля 1950 г. премьер-министр Индии Дж. Неру обратился с посланием о мире и урегулировании корейского вопроса к председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину. Отвечая Дж. Неру, И. В. Сталин предложил осуществить урегулирование корейского вопроса через Совет Безопасности при участии правительства КНР и представителей корейского народа.

В целях мирного урегулирования корейского вопроса советская делегация в Совете Безопасности в августе 1950 г. предложила резолюцию, предусматривавшую прекращение военных действий и одновременный вывод иностранных войск из Кореи. Однако проамериканское большинство в Совете Безопасности отклонило все советские предложения.

На фронте Народная армия развивала успешное наступление. Освободив Сеул, она продолжала стремительное наступление на Юг. На западном направлении соединения КНА, прорвав оборонительный рубеж, расположенный на южном берегу р. Ханган, 4 июля освободили Сувон, а 6 июля — Пхёнхэк. На центральном и восточном направлениях в начале июля были освобождены Чхунджу и Самчхок, и части КНА вынудили противника все дальше отступать на Юг.

20 июля после успешного форсирования р. Кымган соединения КНА освободили Тэджон. В этой операции были окружены и разгромлены 24-я американская пехотная дивизия и взаимодействовавшие с ней силы 1-го и 2-го корпусов лысунмановской армии. Командир 24-й дивизии генерал Дин был взят в плен солдатами 18-го гвардейского полка КНА.

Части Народной армии, успешно преодолевая многочисленные водные преграды и оборонительные рубежи, в начале августа вышли к излучине р. Нактонган. Войска противников были оттеснены на юго-восточную оконечность Корейского полуострова. За полтора месяца контр-наступления КНА освободила свыше 90% всей территории Южной Кореи и более 92% ее населения. Форсировав в нескольких местах Нактонган, Народная армия вступила в ожесточенные бои. Агрессоры были зажаты в тиски на Пусанском плацдарме. Командование Народной армии рассчитывало в ходе военной операции на Пусанском плацдарме окончательно разгромить противника и тем самым завершить освобождение всей территории страны. Однако по ряду причин — недостаточность резервов, превосходство противника в военно-воздушных и военно-

морских силах, ведение непрерывных боев в условиях растянутых коммуникаций, ослабление обороны береговых линий — решение этих задач было затруднено.

В освобожденных районах Южной Кореи стали восстанавливаться организации Трудовой партии, органы народной власти, а также массовые общественные организации: профессиональные союзы, крестьянские, молодежные, женские и другие. 14 июля 1950 г. Президиум Верховного народного собрания КНДР опубликовал Указ о проведении выборов в уезды, волостные и сельские (поселковые) народные комитеты в освобожденных районах Южной Кореи. Выборы происходили с 25 июля по 13 сентября 1950 г. в 108 освобожденных уездах, 1168 волостях и в 13 654 ри. В них участвовало 97—98% избирателей.

В освобожденных районах было осуществлено большинство тех демократических преобразований, которые ранее были проведены на Севере.

В соответствии с Указом Президиума Верховного народного собрания КНДР от 4 июля 1950 г. была осуществлена земельная реформа; более 573 тыс. чонбо земли, принадлежавшей американским оккупантам, лисынмановскому правительству, корейским помещикам, а также постоянно сдававшейся в аренду, было конфисковано и безвозмездно передано крестьянам.

Демократические преобразования еще более укрепили доверие населения к политике Трудовой партии и правительства КНДР. Оно активно поддержало народную власть, оказывая всемерную помощь Народной армии: восстанавливало разрушенные дороги и мосты, перевозило на передовую боеприпасы, ухаживало за ранеными и т. п.

На фронте продолжались ожесточенные сражения КНА с интервентами. США бросили на фронт все сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, находившиеся в районе Тихого океана, а также войска своих союзников. В войне против корейского народа кроме лисынмановских и американских войск принимали участие под флагом ООН вооруженные силы Англии, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда, Турции, Бельгии, Колумбии, Голландии, Эфиопии, Греции, Южно-Африканского Союза, Люксембурга. Это не могло не изменить соотношения сил в пользу агрессоров. На Пусанском плацдарме американское командование готовилось к контрнаступлению, сосредоточив там 10 пехотных дивизий (6 лисынмановских и 4 американских общей численностью до 160 тыс. человек), 500 танков, свыше 1600 орудий и минометов, более тысячи самолетов. Войскам противника противостояли 1-я и 2-я армии КНА, понесшие значительные потери в ходе боевых операций.

15 сентября интервенты высадили 50-тысячный десант в районе Инчхона, в тылу КНА. 16 сентября 8-я американская армия перешла в контрнаступление с Пусанского плацдарма.

Народной армии пришлось вести бои в чрезвычайно трудных условиях, на двух изолированных друг от друга фронтах — на рубеже р. Нактонган и в районе Инчхон — Сеул. Несмотря на героизм и стойкость, проявленные защитниками о-ва Вольмидо, Инчхона и Сеула, интервенты, заняв последний, отрезали основные силы КНА, действовавшие на юге. Тыл и фронт Народной армии оказались оторванными друг от друга.

В соответствии с указаниями командования части Народной армии стали с боями отходить к 38-й параллели. Часть войск, оказавшись в окружении, перешла к ведению партизанской войны в тылу врага. Так, соединения 2-го и 5-го стрелковых корпусов, действуя в центральной

части Кореи, сковывали значительные силы противника и контролировали этот район.

Как отмечают военные историки КНДР, эти соединения составили второй фронт, который проводил боевые операции под руководством Верховного командования КНА.

Организуя десант в тылу Народной армии, генерал Макартур стремился уничтожить вооруженные силы КНДР. Но этой цели он не достиг. В тылу Народной армии формировались новые воинские части; вышедшие из окружения соединения направлялись на переформирование. В ряды Народной армии вливались все новые силы.

В крайне трудных условиях отступления Трудовая партия и правительство КНДР мобилизовали трудящихся на борьбу за обеспечение фронта всем необходимым. Задача усложнялась тем, что пришлось перебазировать основные промышленные предприятия из зоны фронта в северные районы. На новых местах — в горах и под землей — начали работу эвакуированные предприятия, производившие военную продукцию. На предприятиях под лозунгами «Все для победы!», «Давать продукцию за двоих и троих!» ширилось трудовое соревнование за досрочное выполнение планов. Повсюду создавались фронтовые бригады. По примеру рабочего класса крестьяне, интеллигенция и другие слои населения активно включались в патриотическое движение по оказанию помощи фронту продовольствием, одеждой, медикаментами.

Ким Ир Сен, выступая по радио 11 октября 1950 г., призвал воинов Народной армии до последней капли крови отстаивать родную землю, а население — в случае вынужденного отступления забирать все материалы, не оставляя врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, ни грамма риса, в занятых врагом районах широко развернуть партизанское движение¹⁴.

Трудовая партия приняла решительные меры для установления железной воинской дисциплины в армии, ликвидации недостатков, выявившихся в период временного отступления, повышения партийной и государственной ответственности работников. Для усиления роли партийного руководства и улучшения политико-воспитательной работы в армии 21 октября 1950 г. Политбюро ЦК ТПК приняло решение создать партийные организации в Народной армии; культурно-просветительные отделы армии были реорганизованы в политические, а во всех частях и подразделениях созданы партийные организации ТПК.

Войскам противника ценой больших потерь удалось занять значительную часть территории Северной Кореи: 20 октября 1950 г. они вступили в Пхеньян, а к концу октября в ряде пунктов вышли к р. Амноккан, на корейско-китайскую границу. На Северо-Востоке интервенты заняли Чхонджин, расположенный недалеко от границы с СССР. Выход интервентов на корейско-китайскую границу создавал непосредственную угрозу безопасности Китайской Народной Республики.

С расширением американской агрессии в Корее, особенно после перехода войск интервентов за 38-ю параллель и с приближением их к корейско-китайской границе, в Китае развернулось широкое народное движение в помощь корейскому народу и в защиту безопасности КНР. Повсеместно создавались Комитеты сопротивления американским империалистам и оказания помощи Кореи. Демократические партии и общественные организации Китая выступили инициаторами создания отрядов народных добровольцев для участия в освободительной борьбе корейского народа. По всему Китаю проходила запись добровольцев.

25 октября 1950 г. первые отряды китайских народных добровольцев перешли Амноккан и присоединились к Корейской Народной армии.

4 ноября Коммунистическая партия Китая, демократические партии и общественные организации опубликовали совместное заявление, в котором говорилось, что американские империалисты замышляют не только уничтожить Корейскую Народно-Демократическую Республику, но и аннексировать Корею, вторгнуться в Китай, установить свое господство над Азией. Оказание помощи Корее отвечает интересам всего китайского народа и вызывается необходимостью самообороны¹⁵.

Участие в войне китайских народных добровольцев на стороне корейского народа умножило его силы и содействовало успешному развитию событий на фронте. Начался новый этап освободительной борьбы.

Освобождение территории КНДР от оккупантов. Героическая борьба корейского народа на фронте и в тылу

К моменту вступления в войну китайских народных добровольцев командование Народной армии вывело окруженные части, произвело их переформирование и подготовило новые резервы. На временно оккупированных врагом территориях успешно действовали многочисленные партизанские отряды. Командование войсками ООН должно было признать, что в ноябре — декабре 1950 г. около 30% войск ООН было занято в Корее борьбой против партизан, а партизанские силы насчитывали 30—35 тыс. человек¹⁶.

План командования Народной армии на новом этапе войны заключался в том, чтобы в тесном взаимодействии с китайскими народными добровольцами приостановить наступление противника, перейти в контрнаступление и отбросить агрессоров за 38-ю параллель. Для координации боевых действий КНА и китайских народных добровольцев было создано Объединенное командование. Командующим китайскими народными добровольцами был назначен маршал Пын Дэ-хуай. 25 октября 1950 г. части КНА и китайских народных добровольцев, начав первую совместную операцию, нанесли мощный удар в районе Унсапа; территория севернее р. Чхончхонган была очищена от противника.

Войска интервентов начали отступление по всему фронту. Пытаясь вернуть потерянные позиции, 24 ноября 1950 г. противник предпринял наступление, широко разрекламированное штабом генерала Макатура как «последнее и решающее». Но 25 ноября КНА и китайские народные добровольцы, перейдя в контрнаступление с плацдарма в районе Анджу и оз. Чанджин, нанесли сокрушительный удар по интервентам. С 27 ноября американские войска начали поспешное отступление на западном, а с 1 декабря — и на восточном участке фронта. Американские и южнокорейские войска бежали на юг, спасаясь от окружения. 6 декабря 1950 г. части КНА и китайских народных добровольцев вступили в Пхеньян, а к концу декабря на всем фронте вышли к 38-й параллели. Одновременно развернули наступление части КНА, действовавшие в тылу врага, отрезая пути отхода интервентов на юг. Войска интервентов были отброшены за 38-ю параллель, а временно оккупированная территория Северной Кореи была полностью освобождена. Не давая противнику возможности закрепиться на 38-й параллели, Народная армия и китайские народные добровольцы 31 декабря 1950 г. вновь перешли в наступление. 4 января 1951 г. был вторично освобожден Сеул. К 10 января соединения Народной армии и китайских народных добровольцев, преследуя противника, продвинулись на 90—100 км южнее 38-й параллели, где им и приказано было закрепиться. Они перешли к обороне, не позволяя противнику прорваться за 38-ю параллель.

После освобождения Северной Кореи от временной оккупации перед Трудовой партией и правительством Республики встала крайне неотложная задача — быстро восстановить разрушенное войной народное хозяйство, стабилизировать жизнь народа. На временно захваченных территориях оккупанты установили террористический режим. Американские военнослужащие и лисынмаповские каратели совершали массовые убийства граждан КНДР. Только в одной провинции Хванхэ было убито 120 тыс. человек, в уезде Синчхон той же провинции — 35 тыс. (четверть населения), в г. Анак — 19 тыс. В расправах особой жестокостью отличались «чиандэ» («отряды общественной безопасности»), созданные из предателей и уголовных элементов. Отступая, оккупанты насильственно угнали на Юг сотни тысяч человек, многие города и села они превратили в развалины, уничтожали исторические памятники и культурные учреждения. Американское командование отдало своим войскам приказ — превратить Северную Корею в «зону выжженной земли».

Выполняя его, американская авиация сбрасывала на города и села, где не было никаких военных объектов, огромное количество напалма, фугасных бомб, истребляла мирное население, лишая жителей крова и средств к существованию.

В материалах Комиссии ЦК ЕДОФ по расследованию злодеяний и определению ущерба, причиненного интервентами, в отчетах Международной женской комиссии, в докладе Комиссии, созданной Советом Международной ассоциации юристов-демократов, и в других документах приводятся многочисленные факты, свидетельствующие об уничтожении мирного населения и разрушении городов и сел Кореи¹⁷. Злодеяния интервентов в Корею вызвали глубокое возмущение во всем мире. Комиссия Международной ассоциации юристов-демократов отмечала: «Многие из этих преступлений не могли быть совершены без полного ведома и без подготовки их руководителями правительства США и высшим командованием американских вооруженных сил... комиссия предъявляет обвинение этим людям и офицерам действующих войск, несущим ответственность за эти преступления»¹⁸.

Военные неудачи США на корейском фронте привели к усилению разногласий в их правящих кругах, к обострению противоречий между США и их союзниками. Сторонники расширения войны в Корею во главе с генералом Д. Макартуром считали возможным идти на риск «большой войны», настаивая на перенесении военных действий на территорию Китая и использовании атомных бомб против корейского народа. Но план Макартура не нашел поддержки в руководящих кругах США. Он был отвергнут американскими империалистами не по соображениям миролюбия, а потому что США в то время остерегались начинать «большую войну».

Однако «главным соображением, заставившим правительство ограничить размах войны в Корею, — писал американский историк Р. Осгуд, — была боязнь вызвать вмешательство России и развязать третью мировую войну»¹⁹. Трумэн в своих мемуарах писал: «Если бы мы избрали путь расширения войны в отношении Китая, нам следовало бы ожидать возмездия. Пекин и Москва были союзниками как идеологически, так и по договору. Если бы мы напали на коммунистический Китай, мы должны были ожидать русского вмешательства»²⁰.

Существование Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенного СССР с Китаем 14 февраля 1950 г., явилось главным препятствием, мешавшим американским войскам вторгнуться в пределы Китая.

Поражение американских войск на фронте вызвало взрыв военной

истерии в США. 30 ноября 1950 г. президент Трумэн заявил, что военным командованием США рассматривается вопрос о применении в Корее атомного оружия. Заявление Трумэна вызвало бурю возмущения во всем мире. 500 млн. сторонников мира, поставивших свои подписи под Стокгольмским воззванием, заявили решительный протест. Протест миролюбивых народов явился одним из факторов, заставивших американских империалистов отказаться от реализации своего плана.

Намерения расширить корейский конфликт вызвали противодействие и партнеров США по агрессии в Корее. По мере выявления бесперспективности этой войны союзники США высказывались против ее расширения. Англия и Франция выступили за прекращение войны, правительство Канады предложило урегулировать отношения с социалистическими странами Азии.

Молодые государства Азии и Африки сочувственно отнеслись к борьбе корейского народа и требовали покончить с кровопролитием в Корее.

Спротивление народов Кореи и Китая американской агрессии с каждым днем нарастало. Правящие круги США не могли не учитывать эти тенденции и факторы; они вынуждены были ограничить военные действия пределами Кореи.

В трудных условиях войны ТПК и правительство КНДР принимали меры по улучшению бедственного положения населения. 8 декабря 1950 г. ЦК ТПК и Кабинет министров КНДР приняли постановление «О мерах по стабилизации жизни населения в освобожденных районах», в соответствии с которым населению была оказана помощь в первую очередь одеждой, продовольствием и жильем.

Кабинет министров КНДР на основе решения Политбюро ЦК ТПК в январе 1951 г. ввел снабжение рабочих и служащих товарами первой необходимости, выделил ссуды семьям, потерявшим жилище, освободил крестьян-бедняков от уплаты части натурального налога. Общегосударственная комиссия оказывала помощь пострадавшим от войны. Часть населения была эвакуирована из городов и прифронтовых районов, усилилось строительство бомбоубежищ и укрытий. Особой заботой окружались семьи погибших воинов и инвалиды²¹. В августе 1951 г. правительство КНДР увеличило помощь семьям военнослужащих, патриотов, погибших во время временной оккупации, а также нетрудоспособным инвалидам. Для детей-сирот были созданы детдома, школы, технические училища, для инвалидов войны — курсы по обучению различным специальностям и ремеслу. В марте 1952 г. правительство КНДР приняло Постановление о предоставлении крестьянам продуктовых и семенных ссуд в счет нового урожая. В сентябре 1952 г. Кабинет министров постановил освободить нуждающихся крестьян от натурального налога и возврата семенных ссуд. В соответствии с этим Постановлением от натурального налога и других поставок из урожая поздних культур, от возврата семенных и других зерновых ссуд освобождались семьи военнослужащих и патриотов, погибших в войне, лишившиеся крова и беднейшие крестьяне. Были повышены нормы снабжения рабочих и служащих, с 1 января 1953 г. введено бесплатное лечение для всех трудящихся. Жизнь населения стала постепенно нормализоваться.

Под руководством ТПК трудящиеся совершали трудовые подвиги в тылу. Рабочие заводов и фабрик, рудников и шахт выполняли не только свою норму, но и норму ушедших на фронт товарищей; широко развернулось движение за увеличение производства. Возникли тысячи фронтовых бригад. Все предприятия поддержали почин рабочих текстильной фабрики в Синийджу трудиться сверхурочно и в выходные дни.

Рабочие оборонных предприятий во много раз увеличили выпуск продукции, обеспечивая фронт оружием и боеприпасами. Самоотверженно трудились рабочие химического завода в Понгуне, горняки рудников Комдока, Мусана, Коксана, шахтеры Аоджи и Садона, машиностроители Пхеньянского завода и многих других предприятий; уже в начале войны они увеличили выпуск продукции более чем на 50% по сравнению с довоенным временем.

Чудеса героизма проявили корейские железнодорожники. Невзирая на бесперывные налеты вражеской авиации и артиллерийские обстрелы, они своевременно доставляли военные грузы на фронт, восстанавливали железнодорожное хозяйство — пути, мосты, депо. Железнодорожники Пхеньяна, Чхонджина, Хамхына, Анджу развернули соревнование за досрочный ремонт паровозов и вождение тяжеловесных составов. Не меньший героизм и самоотверженность проявили и работники автотранспорта, в срок обеспечивая доставку грузов для фронта и народного хозяйства.

За героический труд Президиум Верховного народного собрания только в 1951 г. присвоил 14 работникам промышленности и транспорта звание «Герой КНДР», а шестерым — звание «Герой Труда». Среди них — бурильщик Чо Дусиль, зачинатель движения за перевыполнение планов на промышленных предприятиях, рудниках и шахтах: машинист Хан Намсу, водитель тяжелых составов с военными грузами; машинист Ким Джинсу. Герои Труда Юн Джонхва, Им Донгю, Ким Вониль добились выдающихся результатов, перекрыв в несколько раз технические нормы. По ним равнялись тысячи тружеников тыла. Героические усилия прилагали крестьяне, чтобы увеличить производство зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Они оказывали большую помощь Народной армии, восстанавливая разрушенные дороги, мосты, перевоза на фронт боеприпасы, нередко перенося их на себе.

Сельское хозяйство переживало большие трудности: не хватало рабочих рук, тягловой силы. Во время отступления оккупанты частью перебили, частью угнали рабочий скот (до 60% поголовья). ТПК и правительство КНДР особое внимание обращали на восстановление и развитие сельского хозяйства. Трудовая партия выдвинула лозунг: «Главные силы партии — в деревню!». Оккупанты расправились со многими сельскими активистами, особенно с членами Трудовой партии, поэтому большое число представителей ТПК было направлено в села, а партийные организации и органы народной власти укомплектованы проверенными кадрами. Партия широко развернула в селе движение по созданию групп трудовой взаимопомощи, совместного использования рабочего скота. Самоотверженный труд корейского крестьянства под лозунгом «Борьба за хлеб — есть борьба за Родину» и большая организационная деятельность ТПК способствовали обеспечению фронта и тыла необходимым продовольствием. В 1952 г. крестьяне собрали на 113% больше зерновых, чем в 1951 г.

По всей республике широко развернулось патриотическое движение за сбор средств в фонд Народной армии. К июлю 1951 г. было собрано свыше 1,5 млрд. вон наличными и 168 тыс. мешков риса.

С первых же дней освободительной войны народы Советского Союза и других социалистических стран пришли на помощь сражающемуся корейскому народу. Эта помощь нарастала по мере того, как война принимала все более затяжной характер. Проводя миролюбивую внешнюю политику, страны социалистического лагеря развернули борьбу за прекращение американской агрессии и разрешение корейского вопроса мирным путем. Советский Союз продолжал активно выступать на между-

народной арене за немедленное прекращение вооруженной интервенции империалистов в Корею. Усилия Советского Союза и других социалистических стран, направленные на прекращение войны, оказали большое влияние на расширение движения сторонников мира за солидарность с народом Кореи.

Бескорыстная братская помощь Советского Союза, других социалистических стран имела большое значение в деле укрепления тыла. Выполняя свой интернациональный долг, Советский Союз оказывал корейскому народу помощь оружием, боеприпасами, транспортными средствами, горючим, промышленными товарами, продовольствием, медикаментами. В КНДР находились советские военные советники. В северо-восточных провинциях Китая, вблизи корейских границ, действовали советские авиационные дивизии, надежно прикрывая тыл Корейской Народной армии и китайских добровольцев. Были сбиты десятки американских самолетов. В боевых операциях участвовали опытейшие советские летчики²².

Летом 1952 г. в КНДР сложилось весьма тяжелое положение с продовольствием; Советский Союз не только выделил 50 тыс. т муки, но и прислал десятки тысяч тонн минеральных удобрений, 400 тракторов, несколько тысяч разных сельскохозяйственных машин, автомашин и большое количество товаров массового потребления. Группа медицинских работников из Советского Союза оказывала помощь населению и бойцам Народной армии.

Большую помощь оказал китайский народ. Китайские народные добровольцы сражались на фронте вместе с Корейской Народной армией, а в тылу помогали крестьянам в полевых работах, участвовали в восстановлении разрушенных коммунаций. Только в 1950—1952 гг. из Китая поступили 192 вагона продовольствия, 100 тыс. шерстяных одеял, 300 тыс. комплектов теплой одежды и много других товаров. Китайское правительство содержало тысячи эвакуированных корейских семей.

Народы социалистических стран — Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Болгарии, Албании, Монгольской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам — послали корейскому народу ткани, одежду, продовольствие, медикаменты и другие товары. В 1951 г. и в первой половине 1952 г. монгольский народ направил корейскому народу около 100 тыс. голов лошадей, крупного рогатого скота, овец.

С помощью медицинских работников, приехавших из Советского Союза и из других братских стран, была восстановлена и расширена сеть лечебных учреждений, быстро ликвидированы очаги эпидемических заболеваний, оказывалась медицинская помощь населению и воинам Народной армии. Братская солидарность и поддержка Советского Союза и других социалистических стран явились ярким проявлением принципов пролетарского интернационализма.

«В тяжелые дни войны, — писал Ким Ир Сен, — наш народ как никогда испытывает значение солидарности свободолюбивых народов, основанной на принципах пролетарского интернационализма»²³.

И в годы войны Трудовая партия Кореи и правительство КНДР уделяли большое внимание вопросам культурного строительства. Большинство детей продолжали учиться, несмотря на то что почти все школьные здания были разрушены американскими бомбардировщиками. Часть школ вместе с учениками эвакуировали в безопасные места, для многих школ были выкопаны подземные помещения, занятия проходили в бомбоубежищах. В 1951 г. во всех учебных заведениях занимались более

1 млн. учащихся. Была создана широкая сеть учебно-воспитательных учреждений для детей погибших воинов; государство взяло на себя все расходы по обучению и воспитанию сирот. Организовывались специальные училища для инвалидов; пострадавшие на войне могли приобрести новую профессию.

Война нанесла большой ущерб подготовке национальных кадров. Здания большинства институтов и техникумов были разрушены, многие преподаватели с оружием в руках защищали родную землю от захватчиков; ушли в армию многие студенты. Однако занятия продолжались. Оставшиеся студенты и преподаватели своими силами оборудовали подземные аудитории и помещения для практических занятий. С июня 1951 г. все 15 высших учебных заведений КНДР возобновили работу. Увеличилось число студентов, обучавшихся в СССР и в других социалистических странах.

Военное время настойчиво требовало объединения всех научных сил КНДР, мобилизации их на борьбу с захватчиками. В апреле 1952 г. состоялся всекорейский съезд ученых, обсудивший задачи развития науки. В соответствии с его решениями вся научная работа перестраивалась таким образом, чтобы быть тесно связанной с нуждами военного времени и послевоенного восстановления и развития народного хозяйства. На съезде был поставлен вопрос о создании Академии наук КНДР.

9 октября 1952 г. Кабинет министров КНДР принял постановление об организации Академии наук КНДР, и с 1 декабря того же года началась работа ее институтов.

Академия наук КНДР в тот момент имела три отделения (общественных наук, естественных и технических наук, сельскохозяйственных наук) и восемь научно-исследовательских институтов, а также научную библиотеку. Начал издаваться первый печатный орган академии — «Вестник АН КНДР».

Академия объединила 10 действительных членов, 15 членов-корреспондентов, а также большое число научных работников. Ученые КНДР давали научные рекомендации для народного хозяйства, закладывали основу быстрого развития научных исследований в послевоенный период.

Война поставила и перед творческой интеллигенцией новые задачи, дала новые темы, изменила условия работы. Писатели и поэты КНДР направляли все усилия на то, чтобы мобилизовать своими произведениями народные массы на борьбу с врагом, воспевали массовый героизм воинов Корейской Народной армии и тружеников тыла. Многие представители творческой интеллигенции ушли добровольцами на фронт, стали военными корреспондентами или солдатами. С оружием в руках сражались писатели Пак Унголь, Хван Гон, поэты Мин Бёнгюн, Ким Чхогю и др. Многие пали смертью храбрых. Во время варварской бомбардировки Пхеньяна погиб выдающийся поэт Чо Гичхон (его стихи военных лет объединены в сборник «Сражающаяся Корея»).

В огне войны родились новые произведения, отображавшие героическую борьбу корейского народа за свободу родной страны. Сначала это были в основном очерковые произведения и репортажи Ли Гиёна («Кровь за кровь»), Ким Саряна («В окопах на берегах Нактонгана»), Пак Унголя («Фронтной дневник»). Затем появились рассказы — «Командир саперного взвода» Пак Унголя, «Пылающий остров» Хван Гона, «Ветеран и новобранец» Юн Седжуна, «На рельсах» Ли Чхонмина и множество других больших и малых рассказов и новелл, описывавших самоотверженную борьбу и героизм воинов, партизан и бойцов тыла. Была создана первая большая повесть военных лет — «Люди

сражающейся деревни» Чхон Себона, в которой правдиво и впечатляюще показана героическая борьба против несправедливых врагов жителей небольшого села, находившегося на временно оккупированной территории. Создавалось много поэтических произведений, правдиво передававших чувства и мысли народа, поднявшегося на справедливую и суровую борьбу с врагами.

В годы войны часть прогрессивно настроенной творческой интеллигенции, ранее жившая на Юге, перешла на Север, влилась в организацию деятелей литературы и искусства.

Продолжало развиваться драматическое искусство. Многие исполнительские коллективы выступали со спектаклями и концертами в воинских частях и на заводах; создавались пьесы, правдиво и впечатляюще воплощавшие образы героических защитников родины, вселявшие в народные массы непоколебимую уверенность в победе. В репертуар театров прочно вошли пьесы на исторические темы, посвященные борьбе корейского народа против иноземных захватчиков в прошлом. Большой популярностью пользовалась поставленная Государственным художественным театром опера Ю. Мейтуса «Молодая гвардия».

В условиях войны широкое развитие получили самодеятельные формы искусства.

Несмотря на тяжелый урон и суровые условия военных лет, культурная жизнь в Корейской Народно-Демократической Республике не прекращалась: развивались и обогащались новым опытом многообразные формы литературы и искусства, закалялись и росли в борьбе кадры национальной интеллигенции.

Борьба корейского народа против американской агрессии, его успехи на фронте и в тылу были неразрывно связаны с деятельностью Трудовой партии. В трудных условиях войны регулярно созывались пленумы ЦК партии для обсуждения неотложных задач, стоявших перед партией и народом. Вместе с тем во время войны, особенно в период временного отступления КНА, в деятельности партийных организаций, органов государственной и военной власти выявились и серьезные недостатки. Отступление Народной армии вызвало временные трудности, некоторую дезорганизацию в жизни страны. Они стали предметом обсуждения на III пленуме ЦК ТПК (декабрь 1950 г.).

Пленум подвел некоторые итоги политики партии за шесть месяцев, наметил военные, политические и экономические задачи партии в военных условиях, подверг критике ряд военных руководителей, работников партии и органов власти за нарушение воинской, партийной и государственной дисциплины. Пленум привлек к партийной ответственности руководящих работников, нарушивших во время отступления партийную, государственную и воинскую дисциплину, нацелил партийные организации на скорейшую ликвидацию выявившихся недостатков, на дальнейшую мобилизацию сил всего корейского народа во имя победы над врагом.

После III пленума Трудовая партия провела перерегистрацию членов партии, изгнала неустойчивые элементы. Одновременно она расширила свои ряды за счет привлечения в партию лучших представителей рабочих и крестьян. В партию были приняты в это время многие женщины — героини тыла.

Трудовая партия в период войны уделяла большое внимание укреплению Единого демократического отечественного фронта. IV пленум ЦК ТПК, проходивший в ноябре 1951 г., призвал партийные организации крепить ЕДОФ, усилить связь с дружественными партиями (Миндзудан, Чхонудан). Была осуждена практика их игнорирования, проявив-

шаяся в результате того, что некоторые представители этих партий в период временного отступления сотрудничали с оккупантами.

Пленум отметил значительное сокращение рядов ТПК в связи с потерями на фронте и в тылу, подверг критике некоторых партийных работников за попытку ограничить прием в ряды партии представителей трудового крестьянства (из-за боязни снизить процентный состав рабочих), подчеркнул настоятельную необходимость расширения рядов партии за счет передовых представителей рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции. Все это способствовало превращению Трудовой партии в подлинно массовую, объединяющую свыше миллиона человек, привело к сплочению вокруг партии широких патриотических сил.

V пленум ЦК ТПК, собравшийся в декабре 1952 г., отметил большой рост партийных рядов после IV пленума и вместе с тем указал на недостатки организационной и идеологической работы, в результате чего создалось некоторое несоответствие между количественным ростом и качественными изменениями рядов партии. Пленум счел необходимым усилить идеологическую работу, подчеркнул важность правильного марксистско-ленинского воспитания членов партии, подверг критике подмену партийной работы администрированием, поставил задачу усилить коллективные методы руководства, указал на необходимость решительной борьбы с групповщиной и фракционностью. Пленум принял ряд постановлений по укреплению фронта и тыла и повышению боеспособности Народной армии.

Заключение перемирия

Весной 1951 г. части Народной армии и китайских народных добровольцев после ряда успешных операций отошли на стратегические позиции у 38-й параллели. В середине февраля 1951 г. они нанесли сильный контрудар противнику и продвинулись на глубину до 30 км, а во второй половине апреля мощным контрударом отбросили противника к Сеулу. В середине мая 1951 г. войска Народной армии и китайских народных добровольцев, перейдя в наступление на восточном участке фронта, окружили и ликвидировали две лысымановские дивизии. На западном участке фронта наступающие войска вышли на подступы к Сеулу. Но город взять не смогли. План командования американских войск,— разгромив основные силы Народной армии и китайских народных добровольцев, вновь захватить Северную Корею,— был сорван. Противника вынудили остановиться на 38-й параллели. Американские и южнокорейские войска несли большие потери. Инициатива ведения войны окончательно была вырвана из рук агрессоров.

В апреле 1951 г. президент Трумэн сместил генерала Макартура с поста главнокомандующего войсками ООН в Корею. На его место был назначен генерал М. Риджуэй. Смещение Макартура было использовано правительством Трумэна для оправдания своей политики, неудач и поражений в корейской аванюре.

К июню 1951 г. обе воюющие стороны перешли к позиционной войне по обеим сторонам 38-й параллели. С этого времени линия фронта стала стабилизироваться там, откуда была начата агрессия против Корейской Народно-Демократической Республики. Это позволило миролюбивым силам во главе с Советским Союзом развернуть широкую международную кампанию за окончательное и решительное прекращение военного конфликта в Корею.

23 июня 1951 г. представитель СССР в ООН Я. А. Малик, выступая

с речью по радио, предложил в качестве первого шага мирного урегулирования корейского вопроса отвод воюющими сторонами своих войск от 38-й параллели и прекращение огня. Провал военной интервенции американского империализма в Корею, возросшая боевая мощь Народной армии и китайских народных добровольцев, давление мировой общественности — все это заставило правящие силы США пойти на переговоры. Они начались 10 июля в Кэсоне, а затем были перенесены в Пханмунджом (Паньмыньчжон).

Глава корейско-китайской делегации на переговорах генерал Нам Ир предложил прекратить все военные действия, одновременно отвести войска обеих воюющих сторон от 38-й параллели, которая должна стать демаркационной линией, и вывести все иностранные войска из Кореи. Американская делегация выступила против двух последних пунктов предложений. В то же время, выдвигая совершенно неприемлемые требования политического и территориального характера, американская сторона стремилась всячески осложнить переговоры, затянуть их, а затем сорвать.

Против переговоров яростно выступили лисынмановские власти. Они по-прежнему добивались объединения Кореи военным путем под властью сеульского режима. Лисынмановцы потребовали полного вывода китайских народных добровольцев из Северной Кореи, разоружения Корейской Народной армии, пресечения Организацией Объединенных Наций помощи КНДР со стороны третьих стран. На всем протяжении переговоров сеульские представители саботировали их.

Американская сторона, согласившись на переговоры, прибегла к тактике затяжек, всяческих провокаций и два года оттягивала заключение перемирия. Уже после начала переговоров стало ясно, что агрессивные круги США преследуют цели, далекие от подлинно миролюбивого урегулирования конфликта. «Когда переговоры начались,— пишет Ким Ир Сен,— обнаружилось, что американская сторона явилась на них с хитро задуманным планом. Сущность его кратко можно передать так: немедленное заключение перемирия — лишь на диктаторских американских условиях; если же северокорейцы и китайские добровольцы будут сопротивляться этому диктату, то американской стороной в ход будет пушена тактика проволочек, шантажа, провокаций, военного нажима — авось северокорейцы и китайские добровольцы испугаются и согласятся на американские условия. А если не согласятся? Тогда никакого перемирия, продолжение агрессии в еще более зверской форме»²⁴.

Корейско-китайская сторона, проявляя выдержку и настойчивость, вопреки грубому давлению последовательно отстаивала интересы корейского и китайского народов, интересы мира. Она предложила установить демаркационную линию по фактическому расположению войск воюющих сторон вдоль 38-й параллели. Командование американских войск предъявило ультимативное требование, настаивая на проведении этой линии на 70—80 км севернее 38-й параллели, т. е. требуя отторжения части территории КНДР, имевшей важное военно-стратегическое значение. Если бы это предложение было принято, под контроль войск США отошло бы около 13 тыс. кв. км. Это была грубая попытка агрессоров добиться на переговорах того, чего они не смогли достигнуть военным путем. Однако территориальные притязания американской стороны не были приняты. Тогда они снова попытались оказать военный нажим.

В 1951 г. американские войска дважды пытались развернуть крупное наступление на Север. 18 августа они начали «летнее наступление», бросив в бой более чем 130-тысячную армию. 22 августа американская сторона прервала переговоры в Кэсоне, рассчитывая новым наступле-

нием навязать корейско-китайской стороне свои требования. Но, встреченные контрударами частей Народной армии и китайских народных добровольцев, войска интервентов вынуждены были откатиться на исходные рубежи. Такая же судьба постигла и «осеннее наступление», предпринятое противниками в конце сентября — начале октября 1951 г. на западном и восточном участках фронта. Особенно жестокие бои шли за высоты 1211 и 1052. Их защитники героически отстояли свои позиции, показав беспрецедентное мужество и бесстрашие. О них в КНДР сложены песни и легенды. На склонах высот 1211 и 1052 интервенты оставили убитыми около 16 тыс. солдат и офицеров. По каждому квадратному километру высоты 1211 интервенты выпустили десятки тысяч снарядов, забрасывали ее тысячами бомб, но мужественные защитники отстояли свои позиции. Отмечая боевые заслуги 2-й пехотной дивизии, не сдавшей врагам высот 1211 и 1052, Президиум Верховного народного собрания удостоил дивизию звания гвардейской им. Кан Гона, а 15 ее солдатам и офицерам присвоил звание «Герой КНДР». Среди них был 19-летний командир подразделения Ли Субок, который в решающий момент сражения прикрыл своей грудью амбразуру вражеского дота.

В активных оборонительных боях осенью 1951 г. Народная армия, отбив атаки интервентов, накопила богатый опыт. В ноябре 1951 г. части КНА приступили к строительству подземных оборонительных позиций на главных участках фронта, а также на побережье Японского и Желтого морей. Подземные оборонительные линии тоннельного типа сыграли большую роль в обеспечении прочной обороны, в сохранении живой силы, боевой техники, в проведении активных контратак КНА.

Замечательным подвигом воинов Корейской Народной армии в освободительной войне явилось движение стрелков-охотников за вражескими самолетами. 11 самолетов противника сбил за один месяц молодой воин Народной армии Ким Гиу, одним из первых он заслужил звание дважды «Герой КНДР». В каждом соединении Народной армии существовали отряды стрелков-охотников за самолетами. После состоявшегося в феврале 1952 г. всеармейского съезда по обмену опытом стрелков-охотников число сбитых вражеских самолетов резко повысилось.

В начале ноября «осеннее наступление» врагов было приостановлено по всему фронту. Еще 26 октября 1951 г. американское командование вынуждено было возобновить переговоры, но и тогда продолжало проводить тактику провокаций и грубого нажима.

Несмотря на провал весенне-летней кампании и попыток наступления, предпринятых в августе 1952 г., интервенты предприняли вновь наступление осенью и зимой 1952 г. Его целью являлось «стратегическое» окружение частей Народной армии и китайских народных добровольцев, ликвидация всего фронта их обороны и выход к корейско-китайской границе. Накануне наступления, 8 октября 1952 г., американское командование вновь прервало переговоры в Пханмунджоме. Против Народной армии и китайских народных добровольцев американцы бросили 17 дивизий, поддерживавшихся двумя американскими воздушными армиями. Более двух месяцев продолжалось ожесточенное сражение. Но войска интервентов не смогли прорвать оборону Народной армии и китайских народных добровольцев.

Пытаясь сломить моральный дух армии и корейского народа, оказывать давление на переговорах, военно-воздушные силы США в августе 1952 г. провели массированные бомбардировки всех городов, крупных населенных пунктов, гидроэлектростанций и ирригационных сооружений Северной Кореи. 78 городов были превращены в руины, сотни деревень сожжены напалмом. Интервенты стремились нанести максимальный

ущерб народному хозяйству, вызвать голод и разруху. С начала войны и до подписания перемирия ВВС США совершили 836 877 самолето-вылетов, сбросив 448 366 т бомб и 36 276 тыс. л напалма. Подвергая варварским бомбардировкам мирные города и села, американское командование, используя также бактериологическое и химическое оружие, хотело запугать корейский народ, дезорганизовать народное хозяйство.

Однако трудящиеся КНДР под руководством ТПК, преодолевая огромные трудности, обеспечивали всем необходимым фронт, восстанавливали разрушенные предприятия, вели сельскохозяйственные работы. Опыт войны в Корее вскрыл несостоятельность концепции об исключительной, решающей роли авиации в современной войне. Безраздельное господство американских самолетов в воздухе кончилось с появлением реактивных истребителей МИГ-15, которые с ноября 1950 г. стали наносить ощутимые удары по ВВС интервентов. Большие потери несла американская авиация и от зенитной артиллерии КНА, мощь и эффективность которой в ходе войны быстро парастали.

В начале 1953 г. американские и южнокорейские войска вновь предприняли наступление. Сочетая десантные операции на восточном и западном побережьях с наступлением сухопутных войск, американское командование поставило целью выйти на рубеж Вонсан — Пхеньян — Нампхо и уничтожить главные силы Народной армии и китайских народных добровольцев. Встретив мощный отпор, агрессоры откатились на прежние позиции.

КНА и китайские народные добровольцы в ответ на попытки американского командования затянуть и сорвать переговоры о перемирии, в мае — июле 1953 г. на восточном, западном и центральном участках фронта нанесли противнику три мощных контрудара. Это наступление продемонстрировало, что всякая попытка американских империалистов и клики Ли Сынмана продолжить войну и оттянуть заключение перемирия обречена на провал.

Безнадежность попыток добиться победы в Корее привела к усилению разногласий в правящих кругах США. Кандидат в президенты от республиканской партии Д. Эйзенхауэр 25 октября 1952 г. объявил, что в случае избрания его президентом он отправится в Корею, чтобы добиться «скорейшего и почетного окончания войны». В Америке нарастало недовольство народа в связи с бесперспективной войной в Корее. Союзники США, особенно Франция и Англия, критиковали позицию командования ООН на переговорах и все более решительно высказывались за прекращение огня и заключение перемирия. Разногласия в правящих кругах США, углубление противоречий среди стран — участниц интервенции ослабляли позиции воинствующих кругов США, выступавших за продолжение войны.

Во всем мире ширилось движение за прекращение войны в Корее. «Руки прочь от Кореи!» — решительно заявляли народы Советского Союза и других социалистических стран, миролюбивые силы во всем мире.

Американское командование в течение двух лет чинило препятствия на пути заключения перемирия, прибегая то к военному нажиму на фронте, то к обструкциям за столом переговоров. Но Народная армия и китайские народные добровольцы сорвали военные замыслы интервентов, а терпеливые и настойчивые усилия представителей корейско-китайской стороны на переговорах свели на нет все попытки сорвать заключение перемирия в Корее.

27 июля 1953 г. в «Доме мира» в Пханмунджоме американская сторона была вынуждена подписать Соглашение о перемирии в Корее.

В тот же день, с 22 часов были прекращены все военные действия между обеими воюющими сторонами.

Соглашение о перемирии состояло из преамбулы, пяти статей и приложения²⁵. Ст. 1 определяла военную демаркационную линию и предусматривала отвод войск от нее на 2 км для создания демилитаризованной зоны; ст. 2 предусматривала прекращение огня и отвод войск обеих сторон из демилитаризованной зоны в течение 72 часов после вступления в силу Соглашения; стороны обязались прекратить ввоз в Корею военных подкреплений (вооруженного персонала), кроме смены частей и военнослужащих по принципу 1:1. Предусматривалась замена боевой техники и вооружения через определенные пункты выгрузки также по принципу 1:1 (в соответствии со ст. 2 были созданы две комиссии по наблюдению за перемирием: военная комиссия по перемирию в составе представителей воевавших сторон и комиссия из представителей нейтральных стран — Польши, Чехословакии, Швеции и Швейцарии; в задачу второй из них входило наблюдение за заменой военных частей и вооружения, расследование случаев нарушений Соглашения); ст. 3 касалась вопроса о репатриации военнопленных. Она предусматривала незамедлительную репатриацию тех военнопленных, которые настаивали на репатриации; всех остальных следовало передать в распоряжение комиссии по репатриации, состоявшей из представителей нейтральных государств (Индия и четыре вышеупомянутых государства); ст. 4 рекомендовала в течение трех месяцев после вступления перемирия в силу созвать политическую конференцию заинтересованных государств для разрешения путем переговоров вопросов о выводе из Кореи всех иностранных вооруженных сил и мирного урегулирования корейской проблемы; ст. 5 гласила, что поправки и дополнения к Соглашению о перемирии должны приниматься со взаимного согласия командующих обеих сторон.

Приложения включали текст Соглашения о компетенции комиссии по репатриации и пять карт, на которых обозначены демаркационная линия, демилитаризованная зона, пункты выгрузки, основные линии коммуникаций.

Заключение перемирия явилось большой победой корейского народа и всех миролюбивых сил во всем мире. Оно наглядно показало, что спорные международные вопросы следует урегулировать методом переговоров, а не «с позиции силы», что нельзя строить отношения с социалистическими странами на основе метода диктата.

Американские империалисты, развязав войну в Корее, через 37 месяцев очутились на тех же самых рубежах, откуда начали войну,— на 38-й параллели. Провалился замысел интервентов покончить с молодой Корейской Народно-Демократической Республикой. Они понесли тяжелое военное и морально-политическое поражение.

Интервенты и лисынмановцы потеряли на корейском фронте 1 093 839 солдат и офицеров (из них более 390 тыс.— американцев). Корейская Народная армия и китайские народные добровольцы захватили, уничтожили и повредили несколько тысяч вражеских танков и самолетов, около 8 тыс. орудий, свыше 13 тыс. автомашин, более 250 кораблей. Американские империалисты использовали в войне против корейского народа третью часть своих сухопутных войск, пятую часть своих ВВС, большую часть военно-морского флота. В период войны американские агрессоры перебросили в Корею свыше 73 млн. т военных грузов, а расходы на войну в Корее составили около 20 млрд. долл.

В боях с американскими захватчиками воины Корейской Народной армии проявили массовый героизм и стойкость. 746 тыс. бойцов и офи-

церов КНА были награждены орденами и медалями, 480 воинам Народной армии было присвоено звание «Герой КНДР» с вручением ордена «Государственное знамя» I степени и медали «Золотая звезда». Из них 76% — члены Трудовой партии Кореи. Выдающиеся подвиги по корейском фронте совершили китайские народные добровольцы. Президиум Верховного народного собрания КНДР наградил орденами и медалями 353 тыс. китайских народных добровольцев, многим было присвоено звание «Герой КНДР». Среди Героев КНДР — стрелки-охотники за самолетами, снайперы, летчики, танкисты, пехотинцы, моряки, зенитчики, медики. Многим командирам соединений и частей КНА также было присвоено это высокое звание. Одним из первых его получил заместитель командира дивизии по политчасти Ан Донсу, находившийся в дозорном танке в бою под Осаном, до последнего дыхания личным примером вдохновлявший танкистов и обеспечивший победу над врагами. За потопление американского крейсера в Японском море звание «Герой КНДР» получили командир отряда торпедных катеров Ким Гунок и командир катера Ли Вангын. Летчики Ким Гинок и Ли Мунсун вступили в бой с 10 американскими самолетами и сбили 4 из них. Они также стали Героями КНДР. Командир танковой роты Ким Дусоп проник в расположение противника, уничтожил несколько дотов, захватил много пленных. За этот подвиг он тоже был удостоен звания Героя КНДР.

Беспримерный подвиг совершили защитники о-ва Вольмидо. Три дня они сдерживали натиск американского десанта. Бойцы береговой артиллерии под командованием Ли Дэхуна потопили и повредили четыре корабля противника, затем горстка защитников бросилась в рукопашную схватку с врагами. Они сражались до последнего бойца. Героизм и презрение к смерти показали девушки-бойцы Ли Инсиль и Ли Гёндже, в сентябре 1950 г. под Сеулом бросившиеся с противотанковыми гранатами под американские танки.

На всю Корею прогремел подвиг первой Героини КНДР Чо Окхи. С первых дней войны с оружием в руках она пошла отстаивать свободу и независимость своей родины. Вступив в партизанский отряд, действовавший в уезде Пэксоп, она неоднократно принимала участие в боях. Во время одной из операций Чо Окхи была ранена и схвачена врагами. Страшные пытки и истязания не сломили волю патриотки. Перед казнью она крикнула: «За меня отомстит наша Народная армия! Да здравствует Трудовая партия Кореи!». В период временной оккупации в Анджу, Пакчхоне, Сончхоне, Хамхыне, Мунчхоне действовали партизанские отряды «Молодая гвардия». Они разрушали коммуникации врага, уничтожали склады боеприпасов, распространяли агитационные листовки.

Высокое мужество и отвагу проявил в бою за высоту Комакпон у Вонджу командир отделения Кан Хоён. Будучи ранен в обе руки и ноги, он дополз до противника и уничтожил гранатами 55 вражеских солдат. Санитарка Ан Ёнэ под бомбежкой и обстрелом вынесла десятки раненых с поля боя, пока сама не была тяжело ранена.

Подобных примеров много, они говорят о массовом героизме, проявленном в войне защитниками родины.

Народная армия в ходе освободительной войны становилась все более сильной, выросло ее боевое мастерство. Операциями Народной армии руководили такие выдающиеся военачальники, как Ким Чхэк, Кан Гон, Чхве Хён, Ю Гёнсу и др.

В трехлетней отечественной войне корейский народ и его армия отстаивали народно-демократический строй и революционные завоевания, защитили созданную в Северной Корее революционно-демократическую базу воссоединения. Справедливые, освободительные цели войны поро-

дили высокую стойкость армии и народа, массовый героизм на фронте и в тылу.

Народная армия имела устойчивый тыл, который обеспечивал фронт всем необходимым. Героические усилия работников тыла, которые трудились в тяжелых условиях, переноса лишения и бедствия войны, помогали армии одерживать победу над врагом. Вдохновителем и организатором побед корейского народа явилась Трудовая партия. Партия перестроила работу на военный лад, мобилизовала все силы страны на отпор агрессору; за время войны в нее вступили более 450 тыс. человек.

Война, которую вел корейский народ, носила справедливый, освободительный характер.

Развязав войну в Корее, агрессоры рассчитывали сразу же покончить с Народной армией. Но это был грубый просчет. Молодая Народная армия не дрогнула перед агрессорами. Совместно с пришедшими ей на помощь китайскими народными добровольцами она нанесла противнику сокрушительные удары и отстояла независимость своей родины.

Корейский народ был не одинок в борьбе. Его поддержали страны социалистического содружества, все миролюбивые силы. Советский Союз решительно боролся на международной арене за прекращение войны, за мирное решение конфликта в интересах корейского народа и дела мира во всем мире. Говоря о причинах победы в освободительной войне, Ким Ир Сен в своем обращении к корейскому народу в связи с подписанием перемирия в Корее, заявил: «Морально-политическая поддержка народов стран лагеря социализма и демократии, их материальная помощь нашему народу и участие китайских народных добровольцев в корейской войне являются одним из решающих факторов победы нашего народа над американскими агрессорами»²⁶.

Победа корейского народа над интервентами убедительно продемонстрировала силу единства и сплоченности всех стран социалистического содружества в обуздании империалистических агрессоров. Она имела большое международное значение, показав решимость народов Азии отстоять свою свободу и национальную независимость. Она вдохновила освободительную, антиимпериалистическую борьбу зависимых и колониальных стран. Трудящиеся КНДР своей героической борьбой внесли значительный вклад в дело защиты мира и безопасности в Азии.

КНДР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1953—1956)

Корейский вопрос и Международное совещание в Женеве

В 1953—1956 гг. развитие мировых событий определялось борьбой двух противоположных тенденций — обострения международной обстановки, которое активизировали милитаристские, реакционные, империалистические круги, и урегулирования нерешенных острых проблем, устранения опасных для дела мира конфликтов, обеспечения в целом разрядки международной напряженности, которых добивались социалистические государства, все прогрессивное человечество. Миротворческая инициатива Советского Союза стала одним из важнейших факторов, оказывавших огромное воздействие на весь ход мировых событий. Возглавляемые Советским Союзом прогрессивные силы вели упорную борьбу за обеспечение безопасности на Европейском континенте (на основе создания коллективной системы ответственности и принципиального, справедливого решения германской проблемы) и за ликвидацию очагов агрессии в азиатском регионе.

Одной из самых важных акций в этой борьбе стало подписание 27 июля 1953 г. Соглашения о перемирии в Корее. Совместными усилиями корейского народа, социалистических стран, миролюбивого, прогрессивного человечества удалось погасить опасный очаг войны. Существенным достижением было также временное прекращение войны в Индокитае. Хотя оба события заметно оздоровили обстановку в Азии, однако предстояло еще сделать многое, чтобы эти первые успехи могли привести к установлению в Азии надежного и длительного мира.

Советский Союз, КНДР и другие социалистические страны приложили немало усилий, чтобы добиться обсуждения проблем Кореи на международном форуме. Значительным шагом в этом направлении стал созыв Международного совещания в Женеве, в повестку дня которого был включен корейский вопрос.

Соединенные Штаты Америки и их союзники, согласившись на заключение перемирия в Корее, на деле не намеревались соблюдать его условия. 27 июля 1953 г., т. е. в день вступления в силу Соглашения о перемирии, 16 стран — участниц войны на стороне США подписали Декларацию о том, что в случае возобновления войны в Корее они будут совместно участвовать в военных действиях и не остановятся перед их перенесением за пределы Кореи. 1 октября 1953 г. между США и лисыньмановским правительством был заключен Договор о взаимной обороне, устанавливавший постоянное пребывание американских войск на территории Южной Кореи (что прямо противоречило Соглашению о перемирии). В январе 1954 г. командование США в Южной Корее, нарушая перемирие, насильственно задержало 21 тыс. подлежащих репатриации корейских и китайских военнопленных, передав их в руки лисыньмановцев и чанкайшистов.

В соответствии с п. 4 Соглашения о перемирии предусматривалось проведение политического совещания по вопросам послевоенного устройства Кореи. На VII сессии Генеральной Ассамблеи в августе 1953 г. советская делегация внесла предложение о созыве политического совещания в форме «круглого стола» с участием США, Англии, Франции, СССР, КНР, Индии, Польши, Швеции, Бирмы, КНДР и Южной Кореи. Однако американская делегация на сессии Генеральной Ассамблеи постаралась сорвать инициативу СССР. Она стремилась любыми путями устранить от участия в работе совещания нейтральные государства, в частности Индию, а функции СССР свести к минимуму, ограничив их лишь правом участия в качестве одного из членов корейско-китайской стороны. С помощью послушного им механического большинства в ООН представителям США удалось добиться принятия резолюции, ограничившей состав совещания воевавшими в корейской войне государствами. Из-за сопротивления США вопрос о политическом совещании не был разрешен и на VIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1953 г., а также на переговорах в Пханмунджоме в октябре того же года. Действия представителей США фактически были направлены к тому, чтобы не допустить проведения этого форума.

На Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции в январе — феврале 1954 г. делегация СССР вновь предложила рассмотреть корейский вопрос. Под давлением общественного мнения и благодаря настойчивости СССР и других социалистических стран министры иностранных дел приняли решение созвать в Женеве Международное совещание и рассмотреть наряду с другими проблемами возможность мирного урегулирования корейского вопроса.

Совещание в Женеве открылось в апреле 1954 г. В нем участвовали делегации пяти держав — СССР, КНР, США, Франции и Англии, представители КНДР, Южной Кореи и 12 стран, воевавших в Корее на стороне США (кроме Южно-Африканского Союза).

В начале Совещания делегация КНДР внесла предложение «О восстановлении национального единства Кореи и проведении свободных общекорейских выборов», предусматривавшее осуществление общекорейских выборов силами самих корейцев (путем создания общекорейской комиссии из представителей Северной и Южной Кореи для разработки избирательного закона и обеспечения подлинно демократических выборов), вывод из Кореи всех иностранных войск, чтобы не допустить их вмешательства во внутренние дела корейского народа, и, наконец, принятие на себя государствами, наиболее заинтересованными в поддержании мира на Дальнем Востоке, обязательств содействовать мирному развитию Кореи и созданию условий для ее скорейшего объединения.

Эта программа открывала возможность достижения национального единства и решения корейского вопроса самими корейцами, без вмешательства извне; она получила полную поддержку социалистических государств. Советский Союз и КНР не только поддержали инициативу КНДР, но и выразили готовность взять на себя обязательства по обеспечению независимого демократического развития объединенной Кореи. Делегации США и Южной Кореи противопоставили этой реалистической программе резолюцию Генеральной Ассамблеи от 7 октября 1950 г., по которой южнокорейский политический режим должен был быть распространен на всю Корею. Они выступили по существу против общекорейских выборов, предложив проводить их в соответствии с конституционной процедурой Корейской республики.

Это означало прямой отказ от одновременности выборов на всей территории страны и попытку навязать угодные лисынмановскому ре-

жиму условия выборов в Северной Корее, не обеспечивавшие демократического развития страны. Отвергались идея образования общекорейского органа (Комиссии) для подготовки и проведения выборов, а также согласование между обеими частями Кореи вопросов о восстановлении культурных и экономических связей. Противники урегулирования корейской проблемы настаивали, чтобы число членов этой Комиссии от каждой части Кореи было бы пропорционально численности населения, а решения принимались бы большинством голосов. Такой подход мог дать Южной Корее значительные преимущества и не отразил бы реального положения на Корейском полуострове.

Делегации США и Южной Кореи саботировали предложение о выводе всех иностранных войск из Кореи до проведения выборов. Они требовали вывода лишь войск китайских добровольцев, предлагая оставить войска ООН до установления вновь избранным правительством полного контроля над всей Кореей и подтверждения этого факта Организацией Объединенных Наций.

Большую дискуссию вызвал вопрос о международном органе по наблюдению за выборами в Корее. Западные державы настаивали на том, чтобы контроль за общекорейскими выборами осуществляла ООН, несмотря на то что эта организация в корейской войне формально и по существу выступала в качестве одной из воюющих сторон. Социалистические же страны предлагали создать комиссию, состоящую из нейтральных государств.

Таким образом, весь ход обсуждения корейской проблемы на Женевском совещании свидетельствовал, что западные державы и южнокорейские представители пытались добиться путем переговоров тех же целей, которых они не смогли достичь во время корейской войны насильственными средствами. Убедившись, что на этом пути их встречает твердое сопротивление прогрессивных сил, они повели дело к прекращению работы Совещания и к отказу от дальнейших переговоров.

В поисках выхода из тупика делегация КНДР внесла новые предложения: принять меры к скорейшему выводу из Кореи всех иностранных войск; государствам — участникам Женевского совещания немедленно согласовать сроки вывода; сократить в течение года численность войск до 100 тыс. с каждой стороны; создать комиссию из представителей КНДР и Корейской республики для рассмотрения вопроса о постепенной ликвидации существующего военного положения и выработки предложений о заключении соответствующего соглашения между правительствами обеих сторон; признать несовместимыми с целями мирного объединения страны соглашения с другими государствами, содержащие военные обязательства той или иной части Кореи; в целях сближения обеих частей Кореи образовать общекорейский комитет для разработки соответствующих мероприятий по установлению и развитию экономических и культурных связей между КНДР и Корейской республикой; признать необходимым обеспечение государствами — участниками Женевского совещания мирного развития и условий, гарантирующих мирное объединение Кореи.

Однако и эти предложения были встречены делегациями стран американского блока отрицательно. Даже согласие представителей социалистических стран на установление международного контроля за общекорейскими выборами при условии, чтобы этот контроль осуществлялся не ООН, а нейтральными странами, а также с выводом иностранных войск по этапам, на чем настаивали США, не повлияло на ход обсуждения. Западные державы отклонили советские предложения зафиксировать договоренность в тех случаях, когда точки зрения сторон совпадали или

были близки, чтобы в дальнейшем продолжить дискуссии по остальным проблемам. США и их союзники отказались подтвердить обязательства о соблюдении перемирия, отвергли предложение принять декларацию, в которой бы заявлялось о том, что до окончательного урегулирования корейского вопроса не будет предприниматься никаких действий, угрожающих сохранению мира в Корее. Они ультимативно потребовали (как условие любого соглашения) проведения выборов в Корее под контролем ООН.

Переговоры по корейскому вопросу были сорваны.

Хотя обсуждение корейской проблемы на Международном совещании в Женеве не принесло желаемых результатов, тем не менее сам факт созыва такого рода совещания продемонстрировал силу социалистического лагеря, его значение в борьбе за демократическое решение корейского вопроса, возросшую роль КНДР на мировой арене. Он показал также, что проблема воссоединения Кореи не может всерьез рассматриваться без участия Корейской Народно-Демократической Республики.

Впоследствии КНДР, Советский Союз и другие социалистические страны не раз предлагали урегулировать корейскую проблему путем переговоров на международном совещании. Однако позиция реакционных кругов США, рассматривавших Южную Корею в качестве бастиона антикоммунизма и плацдарма новой агрессии на Дальнем Востоке, и политика южнокорейских властей сорвали решение корейской проблемы на международной основе. В борьбе за национальное воссоединение решающее значение приобретала последовательная миролюбивая политика КНДР, пользующаяся постоянной поддержкой Советского Союза, социалистических стран, всего миролюбивого человечества.

Наряду с корейским вопросом на Женевском совещании рассматривалось и положение в Индокитае. 20 июля 1954 г. были подписаны соглашения, по которым к 11 августа того же года военные действия во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе полностью прекращались. Так был, тоже временно, положен конец войне в Индокитае, ликвидирован другой опасный очаг агрессии, заложены основы для вероятного последующего политического устройства в Северном и Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

Естественно, что такое развитие событий не устраивало империалистические круги США; сразу же после закрытия Женевского совещания они повели дело к обострению обстановки в Индокитае. Империализм США использовал поражение французского колониализма для захвата позиций в Южном Вьетнаме и для создания послушного режима Нго Динь Зьема.

США стали инициатором образования 8 сентября 1954 г. под их главенством Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) в составе США, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда и Пакистана. Новый агрессивный политический блок своим острием был направлен против национально-освободительных революций и вел к обострению обстановки в Азии.

Борьба за международную стабилизацию продолжалась. Ей были свойственны подъемы и спады. Однако уже первые достигнутые успехи позволили ряду стран заняться вплотную своими внутренними проблемами. Корейская Народно-Демократическая Республика больше чем какое-либо другое государство нуждалась тогда в быстрой ликвидации тяжелых последствий трехлетней опустошительной войны, стремилась восстановить и развить экономику и культуру, поднять уровень жизни народа.

**Переход КНДР к мирному строительству.
Трехлетний план восстановления и развития
народного хозяйства КНДР (1954—1956)**

Прекращение военных действий в Корее дало возможность трудящимся КНДР вновь вернуться к мирному, созидательному труду, продолжить начатое в довоенные годы социалистическое преобразование общества. Исходя из объективных требований социалистической революции и ее главной задачи — построения социализма, Трудовая партия и правительство КНДР наметили широкую программу социального, экономического и культурного развития республики. На первый план было выдвинуто создание в КНДР основ социализма. Для этого было необходимо прежде всего восстановить разрушенное войной народное хозяйство и создать высокоразвитую, современную индустрию, крупное механизированное социалистическое сельское хозяйство, осуществить широкую культурную революцию, поднять жизненный уровень населения.

Строительство основ социализма в КНДР тесно связывалось с дальнейшим упрочением на севере страны революционно-демократической базы — главной гарантии успешного решения проблемы мирного объединения Кореи.

Трехлетняя война явилась суровым испытанием для молодой Корейской Народно-Демократической Республики. По далеко не полным данным, общая сумма ущерба народному хозяйству превысила 420 млрд. вон. В результате временной оккупации части территории КНДР американскими и лисынмановскими войсками, варварских бомбардировок и артиллерийского обстрела было разрушено более 8700 заводских и фабричных зданий, 28 млн. кв. м жилой площади, 5 тыс. школ, 1 тыс. больниц и амбулаторий, 263 театра и кинотеатра и тысячи других культурно-бытовых учреждений¹.

Большой ущерб нанесла война промышленности КНДР, отраслям тяжелой индустрии. Полностью были разрушены предприятия по добыче и обогащению железной руды, производству чугуна, стали, меди, цинка, электрооборудования, кокса, серной кислоты, химических удобрений, карбида кальция, кальцинированной соды, цемента и других видов промышленной продукции. Резко сократилось производство товаров широкого потребления.

В 1953 г. промышленное производство КНДР составило всего 64% от уровня довоенного, 1949 г.; в электроэнергетической промышленности оно сократилось на 73%, в топливной — на 89, в металлургической — на 90 и в химической — на 78%². Большие разрушения война нанесла сельскому хозяйству. Были выведены из строя ирригационные сооружения, речные дамбы; пострадало более 370 тыс. чонбо обрабатываемых земель. Поголовье крупного рогатого скота сократилось на 250 тыс., а свиней — на 380 тыс. голов. Валовая продукция сельского хозяйства составила всего 76% от уровня 1949 г. Война нанесла немалый ущерб транспорту, связи, рыболовству и другим отраслям народного хозяйства. Общее число рабочих и служащих сократилось почти на 26%³. Резко снизился жизненный уровень населения.

Инициатором и вдохновителем всенародной борьбы за скорейшее восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства республики выступила Трудовая партия Кореи. Состоявшийся в начале августа 1953 г. VI пленум ЦК ТПК определил главное направление социалистического строительства в КНДР в послевоенный период. На основе всестороннего учета сложившейся обстановки, внутренних и внешних факто-

ров пленум наметил три основных этапа восстановления и развития народного хозяйства.

Первый этап, рассчитанный менее чем на год, предусматривал проведение полного учета разрушений, всестороннюю мобилизацию людских и материальных ресурсов для восстановительных работ, составление народнохозяйственного плана на 1954—1956 гг. На втором этапе намечалась реализация этого плана, рассчитанного на достижение довоенного уровня производства во всех отраслях народного хозяйства. На третьем этапе предполагалось осуществить пятилетний народнохозяйственный план: выполнить первоочередные задачи социалистической индустриализации, заложить прочный фундамент социалистической экономики. Определяя главное направление экономического строительства, пленум наметил пути развития отдельных отраслей народного хозяйства и повышения материального и культурного уровня жизни населения.

В области промышленности следовало обеспечить быстрое восстановление и развитие ведущих отраслей на основе преимущественного развития тяжелой индустрии при одновременном быстром росте легкой промышленности. Для ликвидации колониальной однобокости развития производительных сил намечалось не простое восстановление заводов и фабрик, а коренная их реконструкция, широкое строительство новых крупных промышленных объектов, с тем чтобы заложить прочную производственную базу для осуществления социалистической индустриализации.

Было решено в первую очередь восстанавливать и строить те промышленные предприятия, продукция которых способствовала бы ускоренному восстановлению всего народного хозяйства, а также те, которые в короткие сроки могли дать экономический эффект, обеспечивая экономию денежных средств, материалов, сырья и рабочей силы.

Послевоенное промышленное развитие КНДР неминуемо должно было сопровождаться качественными изменениями как в структуре производства, так и в размещении производительных сил, в формировании высокоразвитого комплекса промышленного производства. Пленум поставил задачу изменить нерационально сложившееся в колониальный период размещение производительных сил с учетом максимального приближения промышленных предприятий к источникам сырья, топлива и электроэнергии, с учетом интересов обороны страны.

VI пленум ЦК ТПК определил также основные пути подъема сельскохозяйственного производства. Было намечено дальнейшее расширение и более рациональное использование пахотного фонда, повышение урожайности и увеличение производства зерновых и технических культур, рост животноводства, шелководства, садоводства и овощеводства. Пленум указал на необходимость организационно-хозяйственного и материально-производственного укрепления госхозов и машинно-тракторных станций, с тем чтобы обеспечить необходимые предпосылки для развития сельского хозяйства по социалистическому пути.

Большое внимание пленум уделил кооперированию сельского хозяйства. Постепенный перевод мелкотоварного крестьянского хозяйства на путь социалистического развития рассматривался пленумом как назревшая экономическая и политическая задача.

Намечалось в кратчайшие сроки восстановить главные железнодорожные магистрали, осуществить электрификацию участков дорог со сложным профилем, построить ряд новых железнодорожных линий, восстановить и построить заводы по ремонту и производству подвижного состава, упорядочить сеть железнодорожной связи, наладить бесперебойную работу автотранспорта, создать необходимую для этого авто-

ремонтную базу, восстановить и построить шоссевые дороги. Для обеспечения работы морского и речного транспорта ставилась задача восстановить и построить судоремонтные предприятия и портовое хозяйство.

Пленум предусмотрел расширение производства товаров народного потребления и продовольствия, систематическое снижение розничных цен, повышение заработной платы. Пленум указал на необходимость широкого развертывания жилищного строительства в городах и селах.

В области культурного строительства пленум главное внимание обратил на подготовку в широких масштабах национальных кадров, прежде всего технических специалистов. Была поставлена задача улучшить в целом работу в области высшего образования, к 1956 г. достичь довоенной численности школ всех ступеней, педагогических училищ, институтов, организовать сеть краткосрочных курсов, развернуть строительство высших учебных заведений технического профиля и т. д. Было намечено также восстановление клубов, кино, театров, налаживание работы Государственного издательства, постройка музеев, развертывание и организация их деятельности. Серьезное внимание было уделено развитию здравоохранения, усилению охраны материнства, строительству детских учреждений, организации санитарной службы, восстановлению и строительству больниц, амбулаторий, повышению квалификации врачей, пропаганде медицинских знаний.

Пленум обсудил также политические проблемы, связанные с подписанием перемирия и решением задачи мирного объединения Кореи, отметил, что восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства КНДР имеют не только экономическое значение для самой Кореи, но и большое политическое международное значение, так как укрепление экономической основы мирного объединения страны создает необходимые предпосылки для превращения перемирия в Корею в прочный мир. Заключение перемирия — важный шаг на пути к мирному решению корейского вопроса и к ослаблению международной напряженности. В связи с этим пленум указал, что первоочередная задача на предстоящей политической конференции — борьба за полное мирное решение корейского вопроса, вывод из Южной Кореи всех иностранных войск и предоставление корейскому народу возможности самому, без всякого вмешательства со стороны, решить национальную проблему. Эти указания легли в основу деятельности делегации КНДР на Жепевской конференции.

Задачи, выдвинутые пленумом, были чрезвычайно сложными. В его решениях особо подчеркивалась необходимость поднять всю партию, весь народ на их решение, широко развернуть производственное соревнование, движение рационализаторов и новаторов производства, борьбу за экономию средств, сырья и материалов, за рациональное использование рабочей силы.

Отмечая всю сложность стоящих перед партией и народом задач, пленум указал, что в стране существуют вполне реальные внутренние условия успеха: дальнейшее упрочение политической основы народно-демократического строя, выстоявшего и закалившегося в суровые годы войны, окрепшее морально-политическое единство корейского народа, тесно сплотившегося вокруг Трудовой партии и правительства КНДР.

Для успешного решения экономических проблем страна располагала сравнительно богатыми природными ресурсами, значительным опытом хозяйственного строительства, приобретенным в довоенные годы и в период освободительной отечественной войны. Вместе с тем наличие мощного государственного социального сектора в экономике КНДР, и прежде всего в ведущей сфере материального производства — в про-

мышленности (где государственный и кооперативный секторы к 1954 г. охватывали 98% всего производства), создавало возможность планового регулирования экономики, мобилизации финансовых, материальных и трудовых ресурсов, правильного использования революционного энтузиазма и активности масс.

Важным внешним фактором реализации выдвинутой программы являлись дальнейшее укрепление политического и экономического могущества мировой социалистической системы, возросший международный авторитет и престиж КНДР, более широкие возможности экономического ее сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами.

«В борьбе за послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства,— говорил на пленуме Ким Ир Сен,— мы будем получать надежную поддержку и помощь со стороны международного демократического лагеря»⁴.

VI пленум ЦК ТПК обратился ко всем трудящимся КНДР с призывом активно развернуть борьбу за выполнение этой программы. Корейский народ встретил решения пленума единодушной поддержкой и одобрением. По всей стране развернулись восстановительные работы: за короткий срок были учтены разрушенные предприятия, подготовлены строительные площадки, возвращено эвакуированное в годы войны оборудование, заготовлены материалы и сырье. Ряд предприятий восстановили и ввели в строй. Особое внимание уделили производству строительных материалов. Несмотря на тяжелые разрушения, цементный завод в Сынхори стал выпускать продукцию уже спустя несколько недель после окончания войны. Строительство Тэсонского керамического и Каннамского кирпичного заводов было осуществлено за четыре месяца. Начал давать первую продукцию Кансонский сталелитейный завод. Рабочие Хыннамского завода минеральных удобрений уже в сентябре 1953 г. пустили в эксплуатацию цех электродов, на Сунчхонском химическом заводе вступили в строй две печи по производству карбида кальция. Быстро восстанавливались электростанции, рудники и шахты. Через неделю после окончания войны было налажено движение на важнейших железнодорожных магистралях. В деревне шло восстановление пахотного фонда и ирригационных сооружений.

Опыт хозяйственного строительства, накопленный корейским народом за этот период, стал предметом специального рассмотрения пленума ЦК Трудовой партии Кореи в марте 1954 г. Пленум поставил перед партийными органами задачу повысить уровень хозяйственной деятельности предприятий и учреждений, изжить методы бюрократического, канцелярского и формального руководства, а перед хозяйственниками — в кратчайшие сроки овладеть знанием современного производства и новой техникой.

На пленуме обсуждалась и весьма острая проблема подбора и расстановки кадров. Много квалифицированных специалистов работали в министерствах и ведомствах, непосредственно на производстве было занято всего лишь 28% их общего числа. Пленум потребовал рационально использовать кадры.

Неправильная организация заработной платы, подчас приводившая к уравниловке, порождала большую текучесть рабочей силы на предприятиях и стройках республики. Пленум указал, что принцип распределения по труду и материальная заинтересованность рабочих и служащих в результатах своей работы должны быть положены в основу установления заработной платы. Особо подчеркивалась необходимость самого решительного улучшения жилищно-бытовых условий трудящихся.

Важное место в работе мартовского пленума 1954 г. заняли вопросы правильной организации труда и обеспечения народного хозяйства рабочей силой и квалифицированными инженерно-техническими кадрами, для чего было необходимо расширить подготовку специалистов за счет увеличения числа различных технических школ, техникумов и институтов, а также посылать студентов и практикантов на учебу в Советский Союз и в другие социалистические страны.

Большой объем восстановительных работ потребовал значительных капиталовложений в народное хозяйство. Пленум обсудил проблемы народнохозяйственных накоплений и указал на необходимость укрепления системы хозяйственного расчета, строгого соблюдения режима экономии, мобилизации всех материальных и трудовых ресурсов страны.

Решения мартовского пленума легли в основу хозяйственной деятельности государственных и партийных органов. Они были учтены при разработке и составлении заданий трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства КНДР.

Успешное завершение восстановительных работ первого этапа позволило корейскому народу приступить к осуществлению трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства (1954—1956), принятого на VII сессии Верховного народного собрания КНДР в апреле 1954 г.

Определяя основные задачи промышленного развития в годы трехлетки, Трудовая партия Кореи исходила из необходимости создания условий для дальнейшего осуществления социалистической индустриализации. В отличие от планов довоенного времени трехлетний план значительно шире ставил задачи реконструктивного порядка. Следы уродливого, однобокого развития производительных сил в период японского господства ощущались еще очень остро, а диспропорции в народном хозяйстве усилились в результате военных разрушений. Поэтому было необходимо не только достигнуть довоенного уровня производства, но и в значительной мере ликвидировать однобокость и диспропорции в развитии и размещении производительных сил страны.

План предусматривал широкую программу капитального строительства во всех отраслях промышленности, перевод многих промышленных предприятий от производства сырья и полуфабрикатов на выпуск готовой продукции, преодоление отсталости в технологии производства, в создании ряда новых отраслей, улучшение территориального размещения предприятий с учетом их максимального приближения к сырьевым базам, путям сообщения, источникам электроэнергии и топлива, районам потребления продукции, рекомендовал учитывать интересы укрепления обороны страны при строительстве промышленных объектов.

Согласно плановым заданиям трехлетки, объем валовой продукции промышленности в 1956 г. должен был возрасти по сравнению с уровнем довоенного, 1949 г. в 1,5 раза, а по сравнению с уровнем 1953 г. — в 2,6 раза⁵.

К концу 1956 г. намечалось довести мощности по выработке электроэнергии до 1350 тыс. *квт*, добычу угля — до 4 млн. *т*, минеральных удобрений — до 82,6 тыс. *т*, выплавку чугуна — до 180 тыс. *т*, производство цемента — до 650 тыс. *т*. Серьезные задачи ставились перед отечественным машиностроением, которому отводилась важная роль в решении проблем технической реконструкции народного хозяйства. Выпуск продукции этой отрасли к концу трехлетки должен был превзойти уровень 1949 г. в 2,5 раза.

Большое внимание было уделено вопросу подъема материального благосостояния трудящихся, которое резко снизилось за годы войны.

Этот вопрос был неразрывно связан с задачей скорейшего восстановления и развития отраслей легкой и пищевой промышленности. Трехлетний план предусматривал восстановление 42 и строительство 11 новых предприятий. К концу 1956 г. производство товаров широкого потребления и продовольствия должно было превысить уровень 1949 г. почти в 2 раза.

Проблема снабжения населения продовольствием, а легкой промышленности — сырьем непосредственно увязывалась в плане с задачей скорейшего восстановления и развития сельского хозяйства. Было намечено полное использование пахотных земель под посевы, широкое применение повторных посевов в районах с благоприятными для этого климатическими условиями, изменение специализации ряда сельскохозяйственных районов, восстановление и новое строительство ирригационных систем и т. д. Перед работниками машинопрокатных станций, государственных зерновых и животноводческих хозяйств, членами производственных сельскохозяйственных кооперативов ставилась задача улучшить использование сельскохозяйственной техники, внедрять передовые методы ведения хозяйства.

Согласно плановым заданиям, общий объем сельскохозяйственного производства в 1956 г. должен был превысить уровень 1949 г. на 19%, в том числе риса — на 31, овощей — на 200, фруктов — почти на 40%. поголовье крупного рогатого скота по сравнению с 1953 г. должно было вырасти на 38, а свиней — на 72%.

Успешное выполнение народнохозяйственного плана в значительной степени зависело от быстрого восстановления и бесперебойной работы транспорта, прежде всего железнодорожного. Предстояло восстановить 119 км основных железнодорожных магистралей и 327 км станционных путей, соорудить свыше 500 мостов и десятки тоннелей, проложить новые линии, электрифицировать наиболее трудные участки дорог общей протяженностью около 150 км. Намечалось построить и восстановить 3 паровозоремонтных завода, 10 локомотивных и 5 вагонных депо. Парк локомотивов должен был увеличиться на 128 единиц.

Большие задачи ставились перед строителями. Наряду с восстановлением промышленных объектов предстояло построить тысячи жилых и культурно-бытовых зданий.

Успешная реализация народнохозяйственного плана должна была значительно поднять экономический потенциал страны, повысить уровень материальной и культурной жизни населения.

В 1956 г. национальный доход КНДР должен был превысить уровень 1948 г. не менее чем на 30%.

Задачи трехлетнего плана неразрывно связывались с главной задачей переходного периода — созданием экономического фундамента социализма. Осуществление плана должно было привести не только к возрождению производительных сил страны, но и ускорить процесс социалистического преобразования общества, укрепить экономический базис социализма, поднять жизненный уровень трудящихся.

Борьба трудящихся за выполнение трехлетнего плана. III съезд Трудовой партии Кореи

Политика Трудовой партии Кореи, направленная на восстановление и развитие национальной экономики, на построение основ социализма, полностью соответствовала интересам корейского народа и потому была встречена единодушной поддержкой самых широких слоев трудя-

щихся. Корейский народ с большим энтузиазмом приступил к осуществлению трехлетнего плана. В мирных условиях с новой силой проявились трудолюбие, героизм и настойчивость, творческая роль народных масс — решающие факторы развития производительных сил страны.

На массовых митингах рабочие, инженерно-технические работники, служащие, крестьяне, работники всех отраслей народного хозяйства выражали твердую решимость выполнить поставленные перед ними экономические задачи. Широко развернулось движение за увеличение выпуска продукции, экономию средств и материалов, повышение производительности труда. Многие предприятия республики, в том числе металлургический завод в Сонпиме, Сонджиинский сталеплавильный завод, завод цветных металлов в Нампхо, Хальтонский и Тэдонский рудники, Синчхонские, Тончхонские и Саривонские угольные шахты и др., развернули соревнование за досрочное выполнение производственных планов.

Уже в 1954 году — первом году трехлетки были частично восстановлены и сданы в эксплуатацию такие важнейшие промышленные объекты, как мартеповская печь и цех крупносортового проката на металлургическом заводе «Хванхэ», плавильный и блюминговый цехи на Кансонском сталелитейном заводе, коксовые батареи металлургического завода им. Ким Чхэка, плавильные цехи заводов цветных металлов в Нампхо и Мунпхёне, машиностроительный завод в Хичхоне, Киянский завод сельскохозяйственных машин, химические предприятия в Хыннам и Понгуне, цементные заводы в Сынхори, Чхоннэри, Хэджу и Комусане и др. Это позволило приступить к производству стали, проката, кокса, электролитического свинца, цинка, меди, цемента и других видов продукции, крайне необходимых для восстановления народного хозяйства.

Предприятия химической промышленности начали выпуск сульфата аммония, цианамиды кальция и других химикатов. Частично восстановленные гидроэлектростанции уже к концу 1954 г. дали стране почти в 2 раза больше электроэнергии, чем в 1953 г.

За сравнительно короткое время машиностроительные заводы освоили производство ряда станков, электрооборудования, сельскохозяйственных машин и других видов продукции, которые ранее в Корею не выпускались. По всей стране интенсивно велись геологоразведочные работы: изыскание и освоение новых месторождений полезных ископаемых, в первую очередь железа, угля, меди, цинка, свинца, в которых остро нуждалась страна.

Одна за другой вступали в строй Пхеньянская текстильная, Пакчхонская шелкопрядильная, Кильчуская целлюлозная фабрики, Пхеньянская фабрика резиновой обуви, мукомольный завод в Нампхо и маслобойный — в Чхонджине, бумажная фабрика в Синийджу и многие другие.

На предприятиях широко развернулось движение рационализаторов и новаторов производства: усовершенствовались технология и методы работы, что способствовало успешному выполнению производственных заданий, экономии сырья и материалов, снижению себестоимости продукции. В текстильной промышленности развернулось движение многостаночниц.

В горнорудной промышленности была применена веерообразная система обрушения рудных массивов шпурами большого диаметра, в металлургии — скоростная плавка в доменных печах, в машиностроении — метод силового резания металла.

В сельском хозяйстве развернулась борьба за эффективное исполь-

зование пахотного фонда, сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений, внедрялись передовые методы выращивания рисовой рассады, проводились большие селекционные работы.

Новые формы организации труда, многочисленные патриотические начинания, трудовое соревнование были направлены к одной цели: изо дня в день повышать производительность труда, увеличивать выпуск продукции, улучшать ее качество. Исходя из ленинского положения о том, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»⁶, ТПК постоянно поддерживала и развивала творческую инициативу масс.

Трудовая партия Кореи широко развернула идеологическую и воспитательную работу среди трудящихся. Основные направления и конкретные методы этой работы были определены апрельским пленумом ЦК ТПК 1955 г. Пленум указал на необходимость постоянного воспитания трудящихся в духе непримиримости к буржуазной идеологии, индивидуалистическим, собственническим настроениям, в духе нетерпимости к недостаткам, косности, формализму и бюрократизму, в духе социалистического отношения к труду и к общественной собственности.

Вопросы идеологического воспитания трудящихся, вооружения их марксистско-ленинским мировоззрением тесным образом увязывались с решением ряда актуальных проблем хозяйственного строительства. Расширение объема капитального строительства и необходимость повышения жизненного уровня народа весьма остро поставили задачу изыскания дополнительных источников накопления. Апрельский пленум 1955 г. указал на необходимость укрепления производственной дисциплины, повышения ответственности за выполнение народнохозяйственных планов со стороны партийных и государственных органов, соблюдения строгого режима экономии на предприятиях и стройках.

В соответствии с решениями пленума усилился контроль за использованием государственных средств и сохранность общественной собственности, повысилась ответственность за выполнение плана прибылей и заданий по снижению себестоимости. Значительно улучшились подбор и расстановка хозяйственных кадров. Решительно проводилась борьба против рвачества и разбазаривания государственного имущества.

Трудовой энтузиазм корейского народа позволил успешно решить задания народнохозяйственных планов на 1954 и 1955 гг. Опираясь на достигнутые успехи, Трудовая партия Кореи организовала и возглавила всенародное движение за досрочное выполнение трехлетки.

В обстановке политического и трудового подъема в апреле 1956 г. открылся III съезд Трудовой партии Кореи. Он не только подвел итоги самоотверженной, героической борьбы за свободу и независимость родины, за восстановление и развитие национальной экономики в послевоенные годы, но и определил главное направление дальнейшего развития Корейской Народно-Демократической Республики по пути социализма.

Съезд отметил, что правильная политика Трудовой партии и правительства КНДР, помощь могучего мирового социалистического лагеря и героические усилия корейского народа позволили добиться больших успехов в хозяйственном и культурном строительстве, в повышении материального благосостояния трудящихся. Укрепилось морально-политическое единство народа, упрочилась революционно-демократическая база в северной части страны. Успехи, достигнутые в развитии общественного производства, в укреплении и расширении социалистических форм хозяйства, дали возможность перейти к составлению перспективного плана развития КНДР на ближайшее пятилетие.

Определяя основное направление и задачи пятилетнего плана, Ким Ир Сен подчеркивал: «В первой пятилетке, осуществление которой начнется с будущего года, нужно сделать крупный шаг вперед по пути строительства социализма...

Во всех отраслях народного хозяйства необходимо еще более расширять и развивать социалистический сектор, еще активнее ускорять создание базы индустриализации, поднять на новую ступень развития легкую промышленность и сельскохозяйственное производство, неуклонно повышать материальный и культурный уровень жизни населения»⁷.

Ключ к решению основных социальных и экономических проблем и условие упрочения революционно-демократической базы Трудовая партия Кореи видела в осуществлении индустриализации и в завершении социалистического преобразования производственных отношений в корейской деревне.

Съезд обсудил ориентировочные задания по развитию отдельных отраслей народного хозяйства, которые легли в основу первого пятилетнего плана. Съезд подчеркнул необходимость неуклонного укрепления сотрудничества и взаимопомощи с социалистическими странами. Он определил широкий круг мероприятий по дальнейшему развитию народного образования, национальной литературы и искусства.

Наметив развернутую программу экономического и культурного строительства на ближайшие пять лет, съезд обсудил вопросы укрепления государственного и общественного строя, партийного и государственного строительства, проблемы мирного объединения Кореи. Выражая настроения и чаяния трудящихся КНДР, III съезд ТПК принял Декларацию о мирном объединении страны. На съезде был принят также новый устав партии.

Решения III съезда Трудовой партии Кореи были встречены единодушной поддержкой и одобрением корейского народа. Горячо откликнувшись на патриотический призыв рабочих, инженерно-технических работников и служащих Пхеньяна и Хыннама, трудящиеся республики взяли на себя обязательства завершить трехлетку за 2 года 8 месяцев.

Уже к концу июля 1956 г. более 160 предприятий страны, в том числе Хыннамский завод химических удобрений, цементный завод в Сынхори, металлургический завод в Соннине и др., успешно выполнили задания трехлетки по всем показателям, а вскоре трехлетний план завершили и другие заводы, фабрики, шахты и рудники. По данным ЦСУ Государственной плановой комиссии КНДР, 14 августа 1956 г. вся промышленность республики на четыре с половиной месяца раньше срока выполнила трехлетний план восстановления и развития народного хозяйства. В результате широко развернувшегося социалистического соревнования, творческого почина рабочих и служащих, внедривших в производство за годы трехлетки свыше 17 тыс. рационализаторских предложений, и повышения технической квалификации трудящихся производительность труда в 1956 г. по сравнению с 1953 г. в промышленности выросла на 94, а в строительстве — на 32%.

В период выполнения трехлетнего плана трудящимся КНДР пришлось преодолеть не только большие экономические трудности, но и ожесточенное сопротивление враждебных элементов. В материалах и документах ТПК отмечалось, что с нападками на генеральную линию партии в послевоенном восстановлении и развитии народного хозяйства выступили фракционеры. Они пытались принизить достигнутые успехи, ставили под сомнение реальность программы социалистического строительства, выступали против курса партии на обеспечение преимущественного развития тяжелой промышленности, говорили о преждевремен-

ности кооперирования сельского хозяйства и т. д. Партия разоблачила враждебную деятельность фракционеров и нанесла им сокрушительное поражение. Сплоченность и монолитность рядов партии явились важным условием закрепления достигнутых побед и дальнейшего успешного решения больших и сложных задач нового этапа социалистического строительства, выдвинутых III съездом Трудовой партии Кореи.

Успехи промышленного развития КНДР в годы трехлетки — важная предпосылка перехода к социалистической индустриализации

Состоявшийся в конце 1956 г. декабрьский пленум ЦК Трудовой партии Кореи, подводя итоги трехлетки, констатировал, что благодаря самоотверженным усилиям корейского народа и помощи социалистических стран трехлетний народнохозяйственный план был значительно перевыполнен. Особенно крупные успехи были достигнуты в возрождении и развитии промышленности. За годы трехлетки было восстановлено 240 и вновь построено свыше 80 современных промышленных предприятий, в числе которых крупные гидроэлектростанции, заводы черной и цветной металлургии, химические и машиностроительные предприятия, текстильные и пищевые фабрики и комбинаты, шахты, рудники и другие объекты.

На 1 января 1957 г. мощности по производству электроэнергии по сравнению с 1 января 1954 г. возросли в 3,4 раза, карбида кальция — в 12, стали — в 13, проката — в 3,2, ферросплавов — в 3,7, концентрата свинца и цинка — в 2,4, строительного кирпича — в 2,6, хлопчатобумажных тканей — в 3 раза.

Расширение производственных мощностей и неуклонный рост производительности труда явились главными факторами быстрого увеличения промышленного производства.

Валовая продукция государственной и кооперативной промышленности КНДР в 1956 г. по сравнению с 1953 г. увеличилась в 2,9 раза, превысив уровень довоенного, 1949 г. в 2 раза. Среднегодовой прирост промышленной продукции за период трехлетки составил 41,7%.

Последовательное претворение в жизнь экономической политики партии, направленной на преимущественное развитие тяжелой индустрии при одновременном быстром развитии легкой промышленности, обеспечило опережающие темпы роста производства средств производства: в 1956 г. по сравнению с 1953 г. оно выросло в 4 раза, а производство предметов потребления — в 2,1 раза⁸. В результате доля производства средств производства в общем объеме валовой продукции промышленности, резко сократившаяся в годы войны, в 1956 г. вновь выросла до 53,9% (против 37,7% в 1953 г.).

В ходе восстановления промышленности были частично ликвидированы колониальная однобокость в развитии производительных сил страны и диспропорции, возникшие в годы войны между отдельными отраслями промышленности, созданы необходимые материально-технические предпосылки для последующего осуществления социалистической индустриализации.

Значительные качественные сдвиги произошли в отраслевой структуре промышленности. За годы трехлетки наряду с энергетической, горнорудной, металлургической, химической и другими отраслями тяжелой индустрии быстрое развитие получили отрасли машиностроительная и металлообрабатывающая. Было восстановлено и построено свыше 20 специализированных крупных машиностроительных предприятий, ко-

торые стали производить станки, оборудование, различные механизмы и инструменты, ранее не выпускавшиеся в стране. В 1956 г. продукция машиностроения выросла по сравнению с 1949 г. более чем в 4 раза, а ее удельный вес в валовой продукции промышленности повысился до 17,3% против 1,6% в 1944 г. Машиностроение постепенно превращалось в ключевую отрасль тяжелой промышленности.

На металлургических заводах были восстановлены доменная печь и коксовая батарея, 2 мартеновские печи, 13 прокатных станов, 14 электропечей и т. д. Продукция металлургической промышленности за годы трехлетки выросла в 13,9 раза, превысив на 46% уровень довоенного, 1949 г.

Быстро развивалась промышленность строительных материалов. Было восстановлено и построено пять крупных цементных заводов, большое число кирпичных и деревообрабатывающих предприятий, что помогло обеспечить строительными материалами широкий фронт восстановительных работ. Валовая продукция отрасли в 1956 г. по сравнению с довоенным, 1949 г. выросла в 3,6 раза.

Быстрыми темпами шли восстановление и реконструкция предприятий электроэнергетической, топливной и химической промышленности. В 1956 г. объем производства продукции этих отраслей по сравнению с 1953 г. вырос соответственно в 3,2 раза, 7,1 и 4,3 раза⁹. И все же, несмотря на высокие темпы развития, довоенный уровень производства ими не был достигнут.

Из отраслей легкой промышленности особенно быстро развивалась текстильная: в 1956 г. ее валовая продукция по сравнению с 1953 г. увеличилась в 2 раза, а удельный вес в общем объеме промышленного производства вырос с 5,5% (1946) до 18,4%¹⁰.

Заметные успехи были достигнуты в развитии пищевой промышленности и других отраслей, производящих товары широкого потребления.

Наряду с крупной государственной промышленностью центрального подчинения быстрое развитие получила местная промышленность и производственная кооперация в городах. К концу 1956 г. в КНДР насчитывалось 160 предприятий провинциального подчинения, 511 промысловых артелей и 162 рыболовецких кооператива, которые позволили значительно шире использовать местные сырьевые и трудовые ресурсы, улучшить снабжение населения товарами народного потребления и продовольствием.

За годы трехлетки в связи со строительством большого числа новых промышленных объектов в глубинных районах страны заметно улучшилось территориальное размещение промышленности.

Большое внимание было уделено скорейшему восстановлению и развитию транспорта. Капиталовложения в транспорт и связь за годы трехлетки составили более 13% всех средств, вложенных в народное хозяйство.

Было восстановлено 71 км магистральных и 225 км станционных железнодорожных путей, 228 больших и малых мостов, 30 тоннелей и много других путевых сооружений, восстановлены и заново построены здания вокзалов в Пхеньяне, Синьиджу, Канге и Кэсопе, паровозные депо в Пхеньяне, Ковоне и в других пунктах, паровозовагоноремонтные заводы в Пхеньяне и Вонсане.

За трехлетку число локомотивов увеличилось на 26%, товарных вагонов — в 2,1 раза, пассажирских вагонов — в 2,7 раза. Объем железнодорожных грузоперевозок в 1956 г. на 12% превысил уровень 1949 г. Заметно улучшились технико-экономические показатели работы железнодорожного транспорта.

Ведущая роль промышленности в народном хозяйстве упрочилась. Доля промышленности в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства повысилась с 47% в 1949 г. до 60% в 1956 г., а в национальном доходе увеличилась соответственно с 32,8 до 33,6%¹¹.

Восстановление и развитие промышленности сопровождалось значительным расширением и укреплением рядов рабочего класса, ростом его трудовой и политической активности. Число рабочих хозрасчетных предприятий с 350 тыс. в 1953 г. выросло до 526 тыс. в 1956 г. В социальном составе населения доля рабочих выросла с 21,2% в 1953 г. до 27,3% в 1956 г.¹².

Рабочий класс явился начинателем социалистического соревнования, массового движения новаторов и рационализаторов производства, инициатором развертывания всенародной борьбы за досрочное выполнение трехлетки. Из среды рабочего класса выдвинулись тысячи передовиков производства, активисты, герои труда, овладевшие новейшей техникой и передовыми методами труда.

Свидетельством роста политической сознательности и активности рабочего класса стал значительный приток заявлений от рабочих о приеме их в ряды Трудовой партии Кореи; это способствовало укреплению социального состава партии. В 1956 г. рабочие в рядах партии составляли уже 22,6%, в то время как в 1948 г. — 20,2%.

Успешное выполнение трехлетки в области промышленности заложило необходимые материально-производственные предпосылки для осуществления развернутых задач социалистической индустриализации и технической реконструкции народного хозяйства.

Социалистические преобразования в деревне и подъем сельскохозяйственного производства

Годы трехлетки явились поворотным этапом в развитии производительных сил сельского хозяйства КНДР.

Для скорейшего восстановления и развития сельского хозяйства (без чего невозможно быстрое развитие всего народного хозяйства и повышение жизненного уровня населения) в эту отрасль за годы трехлетки были сделаны огромные государственные капиталовложения — 7,4 млрд. вон, т. е. в 1,8 раза больше средств, чем было первоначально предусмотрено планом. За трехлетку было восстановлено и построено 51 водохранилище, 686 насосных станций и множество других ирригационных сооружений. Это позволило значительно расширить площадь орошаемых земель; удельный вес устойчиво орошаемых земель в 1956 г. достиг 74% против 47% в 1953 г. Посевная площадь в целом расширилась на 123 тыс. чонбо.

Для обеспечения сельского хозяйства машинами и инвентарем число машинопрокатных станций за три года увеличилось с 15 до 48, а число тракторов (в 15-кратном исчислении) — с 761 до 2561. Машиностроительные заводы значительно расширили снабжение деревни различными сельскохозяйственными машинами и инвентарем.

После восстановления Хыннамского химического завода снабжение деревни минеральными удобрениями увеличилось в 6,8 раза.

Окрепла материально-производственная база государственных сельских хозяйств. В госхозах проводились работы по улучшению селекции, внедрению современных агротехнических методов — выращивания рисовой рассады в сухом открытом и закрытом грунте, широкорядного и перекрестного способа сева. Это позволило собирать обильные урожаи.

Для обеспечения сельского хозяйства рабочей силой Трудовая партия и правительство республики направили в деревню большое число демобилизованных военнослужащих и выпускников средних школ; ежегодно в разгар сельскохозяйственных работ в деревню выезжали сотни тысяч служащих, студентов и воинов Народной армии. Был расширен Вонсанский сельскохозяйственный институт, создан институт ветеринарии и животноводства, увеличено число сельскохозяйственных техникумов и различных курсов по подготовке специалистов сельского хозяйства.

Все эти мероприятия партии и правительства способствовали быстрому подъему сельскохозяйственного производства. В 1956 г. оно превысило довоенный уровень. Валовой сбор зерна достиг 2870 тыс. т. Значительно выросла продуктивность животноводства: по сравнению с 1953 г. в 1956-м производство мяса увеличилось в 3,6 раза, молока — на 72%, шерсти — на 86%.

Решающим условием быстрого подъема сельского хозяйства стало социалистическое преобразование корейской деревни.

Трудовая партия Кореи, руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, опираясь на опыт социалистического строительства в Советском Союзе и странах народной демократии, сообразно с конкретными условиями, сложившимися в стране, выдвинула курс на постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства.

Этому благоприятствовало соотношение классовых сил, сложившееся в деревне в послевоенные годы. После войны более 30% всех крестьян составляли беднейшие, не имевшие возможности прокормить себя и нуждавшиеся в постоянной помощи государства. Что же касается центральной фигуры корейской деревни — середняка, то экономическая база его хозяйства за годы войны также значительно сузилась. Большинство середняков владели сравнительно небольшими участками земли. Значительно ослабли и позиции кулачества, которое составляло всего 0,6% всех крестьянских хозяйств.

Выдвигая задачу социалистического преобразования деревни, ТПК исходила из того, что при сохранении раздробленного единоличного крестьянского хозяйства, сильно пострадавшего в годы войны, невозможно быстро поднять производительные силы сельского хозяйства и тем более успешно решить одну из наиболее сложных проблем — продовольственную.

Мелкотоварная форма крестьянского хозяйства являлась серьезным тормозом планомерного развития всего народного хозяйства и создавала угрозу возникновения глубоких диспропорций в темпах развития двух основных сфер материального производства — промышленности и сельского хозяйства.

В соответствии с решениями VI пленума ЦК ТПК (1953) было намечено (первоначально в порядке опыта) во всех уездах страны создать по несколько кооперативов. Исходя из местных условий и уровня сознательности крестьян, ТПК рекомендовала на основе строгого соблюдения принципа добровольности создавать кооперативы трех форм. Первая форма — постоянная бригада трудовой взаимопомощи, при которой обобществляется только труд, вторая — полусоциалистическая, при которой обобществляется земля и ведется коллективное хозяйство, но распределение производится по труду и земельному паю, и третья — высшая, полностью социалистическая, при которой обобществляется земля и основные средства производства, распределение же производится только по труду.

Особенностью социалистического преобразования корейской дерев-

ни явилось то, что оно проводилось при сохранении частной собственности на землю и на весьма слабой экономической и технической базе крестьянских хозяйств.

Решения партии и правительства КНДР о социалистическом переустройстве сельского хозяйства были горячо поддержаны широкими слоями трудового крестьянства. По всей стране началось движение за организацию производственных кооперативов. Трудовая партия развернула большую политическую работу на селе, разъясняя крестьянским массам необходимость кооперирования хозяйства как важнейшего условия повышения материального и культурного уровня жизни крестьян. Вместе с тем партия вела решительную борьбу против различного рода подрывных элементов, пытавшихся дискредитировать политику партии в области сельского хозяйства. Решительный отпор был дан тем, кто пытался поставить под сомнение правильность курса ТПК на кооперирование деревни и утверждал, что социалистическое преобразование сельского хозяйства нельзя проводить до тех пор, пока страна не объединена, пока под сельское хозяйство не подведена развитая материально-техническая база.

В организации сельскохозяйственных кооперативов ТПК опиралась прежде всего на сельский партийный актив и широкие слои бедняков, которые уже в годы войны на практике убедились в преимуществах коллективного ведения хозяйства, создавая группы взаимопомощи. К ноябрю 1954 г. был фактически закончен экспериментальный период, на практике доказавший преимущества сельскохозяйственных кооперативов по сравнению с единоличным хозяйством.

Большое значение для дальнейшего развития кооперативного строительства в деревне имели решения ноябрьского (1954) пленума ЦК Трудовой партии. Изучив опыт организации и деятельность первых сельскохозяйственных кооперативов, пленум принял решение приступить к проведению массовой коллективизации и организационно-хозяйственному укреплению кооперативов.

К концу 1954 г. в КНДР насчитывалось уже 10 098 сельскохозяйственных кооперативов, объединявших 31,8% всех крестьянских дворов. Социалистическое преобразование сельского хозяйства вступило в полосу массового кооперирования, рушились вековые устои мелкотоварного хозяйства, отчетливо обозначился решительный переход корейской деревни к новой жизни.

Вместе с тем в процессе массового кооперирования крестьянства были вскрыты серьезные ошибки и искривления линии партии, допущенные на местах. В отдельных районах необоснованно форсировались темпы организации кооперативов, чтобы добиться высокого процента коллективизации и широкой организации кооперативов высшей формы без соответствующих на то условий. Это вело к нарушению принципа добровольности.

В ряде случаев враждебные элементы, воспользовавшись массовостью движения за кооперирование, проникали в кооперативы под видом крестьян-активистов, занимали там руководящие посты.

Для преодоления недостатков и ошибок, допущенных в организации сельскохозяйственных кооперативов, ЦК Трудовой партии в феврале 1955 г. принял специальное решение «О мерах по организационно-хозяйственному укреплению сельскохозяйственных кооперативов», а в июне того же года направил в деревню для оказания помощи в руководстве сельхозкооперативами свыше 4 тыс. руководящих работников партийных и государственных органов. Укреплялась материально-производственная база кооперативов.

Часть сельскохозяйственных кооперативов и крестьян-бедняков государство освободило от задолженности по натуральному сельскохозяйственному налогу и продовольственным ссудам, от погашения денежной задолженности крестьянскому банку. Заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты были повышены, крестьянам предоставлены племенной скот, денежные ссуды и т. д.

В целях укрепления материально-технической базы созданных кооперативов и обеспечения дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства, темпы которого еще заметно отставали от развития промышленности, в сельское хозяйство были вложены дополнительные средства.

Мероприятия партии и правительства способствовали быстрому росту сельскохозяйственного производства. В 1955 г. сельскохозяйственные кооперативы собрали урожай зерновых культур с одного чонбо в среднем на 9,8% выше, чем в единоличных хозяйствах. Заметно выросли доходы кооперативов от животноводства, рыболовства, шелководства, садоводства и овощеводства.

В кооперативах доход на каждый двор в среднем по стране (за вычетом отчислений в общественные фонды накоплений и на социально-культурные мероприятия) возрос по сравнению с доходами единоличного хозяйства на 15—35% (зерно), а наличными деньгами — в 1,5—2 раза.

Декабрьский пленум ЦК ТПК 1955 г. подвел итоги первого года массового развития кооперативного движения в деревне.

Отметив большие успехи в развитии сельского хозяйства, пленум вместе с тем указал, что в хозяйственной деятельности ряда кооперативов имеется еще немало недостатков. Первоочередная задача на данном этапе кооперирования — усиление борьбы за их дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление.

Решительная борьба партии с ошибками и перегибами, допущенными в кооперативном строительстве, существенная помощь государства крестьянам и другие меры способствовали быстрому развитию кооперативного движения в деревне. К концу 1955 г. в КНДР насчитывалось уже 12 132 сельскохозяйственных кооператива.

Большое значение для развития кооперативного движения имели решения III съезда Трудовой партии Кореи, нацелившие партию и народ на завершение социалистического преобразования корейской деревни.

«В области социалистического преобразования сельского хозяйства, — говорилось в резолюции съезда, — задача заключается в стимулировании растущего движения крестьян за кооперирование и в укреплении уже созданных сельскохозяйственных кооперативов как в организационном, так и в экономическом отношении»¹³.

Съезд обратил серьезное внимание на необходимость улучшения подготовки и воспитания управленческого и технического персонала сельскохозяйственных кооперативов, внедрения и применения передовой научной агротехники, усиления социалистического воспитания членов кооператива, повышения производительности их труда.

1956 год характеризовался дальнейшим подъемом кооперативного движения. Трудовая партия уделила большое внимание организационно-хозяйственной работе, оказывала кооперативам помощь в развитии производства. Кооперативы и крестьяне-единоличники получили дополнительные кредиты (3,3 млрд. вон) на капитальное строительство, приобретение скота, сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений, были снижены зернопоставки государству по натуральному налогу, списана задолженность по кредитам, уменьшена плата за пользование ирригационными сооружениями. Отрасли промышленности заметно расширили поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений, сельскохо-

зяйственных машин и инвентаря. В 1956 г. в стране производилось 195 тыс. т минеральных удобрений, т. е. почти в 7 раз больше, чем в 1953 г.

Для укрепления кооперативов кадрами по решению ЦК ТПК со второй половины 1956 г. из городов в деревни были дополнительно направлены несколько тысяч руководящих работников и специалистов, а также тысячи демобилизованных воинов Народной армии.

К концу 1956 г. в стране насчитывалось уже 15 825 сельскохозяйственных кооперативов, объединявших 80,9% всех крестьянских дворов и 77,9% всей пахотной земли. 98% всех кооперативов составляли объединения высшей формы.

Успехи социалистического преобразования деревни способствовали росту политической зрелости и активности крестьянских масс, упрочению союза рабочего класса с трудовым крестьянством, укреплению диктатуры пролетариата.

Укрепление социалистического уклада. Рост материального и культурного уровня жизни трудящихся

В годы трехлетки наряду с восстановлением и развитием народного хозяйства успешно решалась одна из основных задач переходного периода — задача обеспечения безраздельного господства социалистических производственных отношений и подготовки необходимых материальных и социально-экономических предпосылок для перехода к развернутому строительству экономического фундамента социализма. Значительно расширились и окрепли позиции социалистического уклада в народном хозяйстве КНДР.

Быстрое восстановление и развитие государственной и кооперативной промышленности обеспечило дальнейший рост удельного веса социалистического сектора в выпуске валовой промышленной продукции. В 1956 г. его доля в промышленном производстве страны достигла 98% против 90,7% в 1949 г.

Массовое кооперирование крестьянских хозяйств способствовало быстрому расширению и укреплению позиций социалистического сектора в деревне. В 1956 г. на его долю приходилось уже 73,9% валовой продукции сельского хозяйства против 8% в 1953 г. (64,5% — на кооперативные хозяйства и 9,4% — на государственные). Доля мелкотоварного сектора в валовой продукции сельского хозяйства сократилась с 92% в 1953 г. до 26,1% в 1956 г.

Важное значение в укреплении и расширении позиций социалистического уклада в экономике страны имела последовательная политика Трудовой партии, направленная на постепенное социалистическое преобразование частнокапиталистических элементов в промышленности и торговле путем вовлечения их в производственные кооперативы. Кроме того, органы народной власти, учитывая хозяйственные трудности страны, частично использовали капиталистическую инициативу в интересах социалистического строительства и стабилизации жизненного уровня трудящихся.

Естественно, использование частнокапиталистической инициативы происходило под строгим контролем и при ограничении со стороны государства. Если в довоенный период и в годы войны (1950—1953) в основном проводилась политика использования капиталистических элементов с целью стабилизации хозяйственной жизни страны, то в послевоенный период возобладала политика ограничения и социалистического преобразования.

Этому способствовали как национализация основных средств производства и сосредоточение в руках народно-демократического государства командных экономических высот, всемерное расширение и укрепление позиций социалистического сектора в народном хозяйстве, так и слабость экономических позиций частнокапиталистического уклада, которые особенно сильно были подорваны в результате успешного социалистического преобразования деревни.

Большие успехи КНДР в строительстве социализма, резкое сокращение сферы деятельности частных предпринимателей и торговцев в годы трехлетки (в результате бурного развития государственной и кооперативной промышленности и торговли) окончательно убедили частного, что единственный путь, по которому ему следует идти,— это социалистическое кооперирование, постепенное превращение в социалистического труженика.

Кооперирование частных предпринимателей в годы трехлетки шло успешно. Быстро росло число промысловых и рыболовецких кооперативов. Их валовая продукция в 1956 г. по сравнению с 1949 г. увеличилась в 2,1 раза. В результате массового вовлечения предпринимателей в производственные кооперативы заметно сократилась сфера деятельности частных предприятий, а удельный вес частнокапиталистического сектора в промышленном производстве страны снизился с 7,8% в 1949 г. до 1,3% в 1956 г.¹⁴

Массовое социалистическое преобразование частной торговли практически началось в 1956 г. Уже к концу этого года в результате укрепления государственной и кооперативной торговли и вовлечения частных торговцев в кооперативы удельный вес частной торговли в розничном товарообороте страны составил всего 12,7% против 43,5% в 1949 г.

За годы трехлетки социалистический уклад превратился в господствующий во всех сферах народного хозяйства, о чем говорит быстрый рост доли социалистического уклада в создании совокупного общественного продукта. В 1956 г. на его долю приходилось 89% против 47,6% в 1949 г. Доля частнокапиталистического уклада сократилась соответственно с 8,2 до 2,3%, а мелкотоварного — с 44,2 до 8,7%¹⁵. Трудовая партия Кореи и правительство КНДР большое внимание уделяли повышению материального благосостояния народа, развитию культуры и образования. Благодаря быстрому росту промышленного и сельскохозяйственного производства, повышению производительности труда и увеличению числа занятых в народном хозяйстве значительно вырос национальный доход республики, являющийся одним из обобщающих показателей экономического подъема страны и роста материального благосостояния общества. В 1956 г. он вырос по сравнению с 1953 г. в 2,1 раза, а по сравнению с 1949 г.— в 1,5 раза.

В послевоенные годы ТПК и правительство КНДР провели пять снижений цен на товары широкого потребления. В 1956 г. по сравнению с 1953 г. цены на эти товары в государственной и кооперативной торговле в среднем снизились на 45% и трудящиеся КНДР получили от государства дополнительный доход в размере 78 млрд. вон. Неоднократно повышалась и заработная плата. За трехлетку денежная заработная плата рабочих и служащих выросла на 58%, а их реальная заработная плата превысила уровень 1949 г. Значительно улучшилось снабжение населения продовольственными и промышленными товарами через государственную и кооперативную торговлю; розничный товарооборот в 1956 г. по сравнению с 1953 г. увеличился в 2,8 раза, а по сравнению с довоенным, 1949 г.— в 2,1 раза.

За годы трехлетки на социальное страхование, социальное обеспече-

ние, отдых и медицинское обслуживание, а также на просвещение и другие социально-культурные мероприятия для рабочих и служащих государство выделило 29,5 млрд. вон. Ежегодно значительное число рабочих и служащих проводило бесплатно свои отпуска в санаториях и домах отдыха. Большие средства были израсходованы государством на восстановление и расширение жилищного фонда страны.

Серьезно улучшилось материальное положение крестьянства. Правительство КНДР предоставило крестьянам продовольственные и семенные ссуды, денежные кредиты, освободило их от погашения задолженности по натуральному налогу и зерновым ссудам, а также денежным ссудам (всего 1,4 млрд. вон). Повышению реальных доходов крестьян способствовало также сокращение размеров натурального налога, повышение заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты, сокращение платы за пользование ирригационными сооружениями и ряд других мероприятий, проведенных правительством КНДР.

В довоенные годы, несмотря на серьезное внимание, которое уделялось подготовке специалистов, потребности народного хозяйства в кадрах не удовлетворялись. Особенно возросла нужда в специалистах в восстановительный период, когда резко расширились масштабы промышленного строительства. Учитывая это, VI пленум ЦК ТПК, состоявшийся в августе 1953 г., вынес решение обучать студентов преимущественно техническим специальностям, направлять на обучение в братские страны главным образом в технические учебные заведения, строить и восстанавливать прежде всего институты и техникумы технических направлений. За годы трехлетки были восстановлены и построены 127 техникумов и 17 вузов, 4300 человек занимались в вузах и техникумах Советского Союза и других стран социализма.

В числе вновь построенных специальных учебных заведений были инженерно-строительный, химико-технологический, политехнический и другие институты. Открылись 10 техникумов повышенного типа (высшие технические школы), многие средние школы были превращены в техникумы. В 1955/56 учебном году насчитывалось свыше 50 тыс. учащихся только в средних учебных заведениях и на курсах технической подготовки, созданных для обучения специальным производственно-техническим процессам.

После войны началась перестройка системы образования в народных школах, техникумах и в высших учебных заведениях. В соответствии с постановлением правительства от 19 июля 1953 г. срок обучения в техникумах и вузах был продлен (в вузах — на год). В университетах и политехнических институтах было введено пятилетнее обучение, а во всех остальных вузах — четырехлетнее.

В процессе выполнения трехлетнего плана было затрачено много усилий на строительство новых и восстановление старых школьных зданий. Их общее число в 1956 г. превысило 5 тыс. К этому же времени во всех учебных заведениях страны обучались свыше 2080 тыс. учащихся.

В 1956 г. в КНДР также было введено всеобщее бесплатное обязательное начальное обучение, т. е. осуществлена задача, которую не удалось решить ранее из-за войны. Все эти меры подготовили последующее приближение системы образования к потребностям развивающегося промышленного производства, создали условия для более широкого и многостороннего развертывания культурной революции в стране.

В годы, последовавшие за войной, стали особенно актуальными проблемы быстрого развития науки, ее тесной связи с жизнью, внедрение в производство результатов и методов научно-исследовательской работы передовых стран. На базе созданной в годы войны Академии наук

КНДР, которая стала подлинно научным центром, объединялись усилия ученых на решение практических задач социалистического строительства. Она имела отделения общественных наук с четырьмя институтами (истории, экономики и права, материальной культуры и институт корейского языка и литературы), технических наук с двумя институтами (химическим и физико-математическим) и сельскохозяйственных и медицинских наук (сельскохозяйственный и медицинский институты). В первом составе Академии было 10 академиков и 15 членов-корреспондентов. Наличие Академии наук способствовало установлению тесных научных связей и сотрудничества КНДР с социалистическими странами.

Значительно возросла идейно-воспитательная роль корейской литературы. Спустя два месяца после окончания войны в Пхеньяне состоялся республиканский съезд деятелей литературы и искусства, который особо подчеркнул необходимость преодолеть отставание от стремительного ритма жизни, ликвидировать проявления безыдейности и беспринципности, глубже вникать в суть великих преобразований и откликаться на них в своем творчестве. Резолюция съезда указывала, что надо нащупать пульс героической эпохи и воспеть ее, выбрать из корейской действительности и отобразить в художественной форме и с высоких идейных позиций современного типического героя. Съезд принял решение разделить Ассоциацию деятелей литературы и искусства на творческие союзы — писателей, композиторов, художников, работников кино, театральных работников и т. д., что отразило быстрый рост национальной культуры и было необходимо для более четкой и целенаправленной организации деятельности творческих сил.

Трудовая партия Кореи уделяла постоянное и неослабное внимание развитию литературы и искусства, боролась за их идейную чистоту, народность и партийность. В этом плане большую роль сыграло решение Президиума ЦК ТПК «Об усилении борьбы против реакционной буржуазной идеологии в области литературы и искусства», принятое в январе 1956 г. Оно обязало творческих работников более глубоко изучать марксизм-ленинизм, правильно воспринимать богатое наследие национальной культуры, умело использовать творческий метод социалистического реализма, наметило принципиальные направления борьбы с влиянием буржуазной, реакционной идеологии.

В этот период были созданы многие художественные произведения, отражающие славное революционное прошлое и героические будни трудового народа, подвиги героев в войне против американских империалистов и лисынмановцев. Роман Ли Гиёна «Туманган» (о народных ополченцах в восстании 1 марта 1919 г.), роман-очерк Сон Ёна «Пэктусап виден отовсюду» (о партизанах 30-х годов) и другие повести и стихотворения знаменовали новую страницу истории корейской художественной прозы и поэзии.

На основе сочетания принципов и традиций народности и революционности успешно развивались также различные формы корейского искусства: театр, музыка, хореография, кино и т. д. Широкий размах получила художественная самодеятельность — свидетельство подлинного расцвета талантов освобожденного от колониального гнета народа.

Интернациональная помощь социалистических стран

Большие успехи, достигнутые за годы послевоенной трехлетки в восстановлении и развитии национальной экономики и культуры КНДР, явились прежде всего результатом героических трудовых усилий корейского народа, строящего социализм под руководством Трудовой партии

Кореи. Вместе с тем исключительно важным фактором успешного восстановления и развития народного хозяйства КНДР стала братская помощь стран социалистического лагеря.

Сразу же после заключения перемирия в Корее Советский Союз, верный политике пролетарского интернационализма, дружбы и сотрудничества, предоставил КНДР для восстановления разрушенного войной хозяйства безвозмездную помощь в размере 1,3 млрд. руб. (в старом исчислении, или 292,5 млн. руб. в новом). Советское правительство отсрочило платежи по всем ранее предоставленным кредитам и установило новые льготные условия их погашения.

Средства, выделенные СССР для восстановления народного хозяйства КНДР, предусматривалось в основном использовать для возрождения промышленного потенциала страны. В соответствии с соглашением Советский Союз в годы трехлетки оказал помощь КНДР в восстановлении и строительстве важнейших промышленных предприятий республики, в том числе Сонджинского сталелитейного завода, металлургического завода им. Ким Чхэка, Хыннамского завода химических удобрений, завода цветных металлов в Нампхо, Супхунской гидроэлектростанции, Пхеньянского текстильного комбината, шелкопрядильной фабрики, мясокомбината, рыбоконсервного завода, завода соляной кислоты, трактороремонтного завода, центральной радиостанции и ряда других объектов.

Предприятия, восстановленные или построенные с помощью Советского Союза, заняли значительное место в выпуске важнейших видов промышленной продукции КНДР. Достаточно сказать, что в 1956 г. на Супхунской ГЭС было выработано 50% всей электроэнергии страны, на Хыннамском химическом комбинате произведено более 70% минеральных удобрений, Пхеньянский текстильный комбинат выпустил около 80% всех хлопчатобумажных тканей. Металлургический завод им. Ким Чхэка в то время был единственным в стране производителем чугуна и кокса.

Наряду с поставками комплектного оборудования и оказанием технической помощи в строительстве различных промышленных объектов Советский Союз отправил в КНДР в счет безвозмездной помощи много различных товаров производственного и потребительского назначения. Так, в 1953—1956 гг. машиностроительным и другим предприятиям КНДР было предоставлено около 800 единиц станочного и кузнечно-прессового оборудования. Для восстановления горнорудной промышленности из СССР в КНДР было завезено большое число перфораторов, буровых станков, компрессоров, насосов, экскаваторов, автосамосвалов и других машин. Рыболовному флоту КНДР, сильно пострадавшему во время войны, СССР поставил различные рыболовные суда. Большое значение для подъема сельского хозяйства КНДР имели поставки из СССР минеральных удобрений, ядохимикатов и сельскохозяйственных машин. За годы трехлетки Советский Союз послал в КНДР также большое количество медикаментов и медицинского оборудования, хлопчатобумажных и шерстяных тканей и другие товары широкого потребления.

По мере восстановления народного хозяйства КНДР все большее значение для подъема экономики и повышения благосостояния населения приобретала внешняя торговля, в первую очередь с СССР. Внешнеторговый оборот КНДР с Советским Союзом в 1956 г. составил 94,5 млн. руб., т. е. примерно на 25% превысил уровень довоенного, 1949 г. Только за годы трехлетки товарооборот между СССР и КНДР увеличился более чем в 2 раза.

Наибольший удельный вес в советском экспорте принадлежал товарам производственного назначения.

Значительную помощь в восстановлении экономики КНДР оказала КНР. Она предоставила корейскому народу безвозмездную помощь в размере 800 млн. юаней (около 190 млн. руб. в новом исчислении). В счет этой помощи за годы трехлетки были восстановлены и построены паровозные депо в Пхеньяне, Чхонджине, Ковоне, восемь водохранилищ, 191 км плотин и дамб, сотни мостов. Китай ежегодно ввозил в КНДР в среднем по 800 тыс. т каменного угля, более 150 тыс. т зерна, по 35 млн. м хлопчатобумажных тканей и т. д. Только в 1954—1955 гг. в КНДР из Китайской Народной Республики было отправлено 70 паровозов, 210 пассажирских и 3298 товарных вагонов.

В соответствии с Соглашением об экономическом и культурном сотрудничестве между КНДР и КНР осуществлялся широкий культурный обмен и техническое сотрудничество.

Большую экономическую помощь в возрождении народного хозяйства КНДР в послевоенный период оказали и другие социалистические страны. Чехословацкая Социалистическая Республика участвовала в строительстве завода автозапчастей, инструментального завода, станкостроительного завода в Хичхоне, гидрозлектростанций и других промышленных объектов. Венгерская Народная Республика помогла корейскому народу в сооружении станкостроительного завода в Кусоне, химического завода, завода измерительных приборов и т. д. Германская Демократическая Республика построила завод дизельных двигателей, завод электроизмерительных приборов, полиграфический комбинат, оказала помощь в восстановлении Хамхына.

Польская Народная Республика безвозмездно восстановила и построила паровозоремонтный и вагоностроительный заводы, три угольные шахты и ряд других объектов. Социалистическая Республика Румыния в счет безвозмездной помощи построила цементный завод, завод по производству кирпича, завод по выпуску аспирина и т. д. Народная Республика Болгария оказала техническое содействие в строительстве деревообрабатывающего и кирпичного заводов и других предприятий.

Большое значение для успешного выполнения трехлетнего плана имели и другие формы экономического и технического сотрудничества КНДР с социалистическими странами: внешняя торговля, кредитные отношения, научно-технические связи, подготовка кадров, техническое содействие в строительстве предприятий, сотрудничество в области транспорта, геологоразведочных работ и т. п.

О том, какое значение имела братская помощь социалистических стран в восстановлении и развитии народного хозяйства КНДР в годы выполнения трехлетки, говорит весьма высокий ее удельный вес в общей сумме поступлений в государственный бюджет республики. В 1954—1956 гг. в среднем за год она составила 23,6% всех поступлений¹⁶.

Отмечая исключительно важную роль интернациональной солидарности, сотрудничества и экономической помощи социалистических стран в строительстве социализма в КНДР, Ким Ир Сен сказал: «Каждый раз, когда корейский народ оказывался в трудном положении, народы Советского Союза и стран социалистического лагеря оказывали ему моральную поддержку и бескорыстную экономическую и техническую помощь. Интернациональная солидарность и сотрудничество с социалистическими странами, возглавляемыми Советским Союзом, явились не только прочным залогом национальной независимости корейского народа, но и важным фактором, облегчающим построение социализма в нашей стране, ускоряющим ее общественное развитие и обеспечивающим победоносное движение нашей революции вперед»¹⁷.

ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНО-АГРАРНОГО ГОСУДАРСТВА

Усиление агрессивности империалистических сил и южнокорейской реакции

В середине 50-х годов международная обстановка складывалась в целом благоприятно для развития в КНДР социалистического строительства. Силы мирового социализма продолжали укрепляться. Капиталистические страны были охвачены экономическим кризисом, ускорялся распад колониальной системы империализма, обострялись противоречия между трудом и капиталом. К 1960 г. социалистические страны увеличили объем промышленного производства по сравнению с 1937 г. в 6,8 раза, доля стран социализма в мировом промышленном производстве возросла с 27% в 1955 г. до 36% в 1960 г. Успешно развивалось национально-освободительное движение. За 1956—1961 гг. 28 колониальных в прошлом государств Азии и Африки добились политической независимости. Ширились классовые бои пролетариата с капиталом. В забастовочной борьбе против монополий за один только 1960 год участвовали свыше 53 млн. человек.

Одновременно происходило оздоровление международной обстановки в мире и в Азии: была достигнута нормализация советско-японских отношений (официально прекращено состояние войны и установлены дипломатические отношения), значительно окрепли связи с Индией, состоялась знаменательная Бандунгская конференция представителей народов стран Азии и Африки, которая продемонстрировала их твердую решимость бороться за национальную независимость и сотрудничество. Хотя эти и другие факторы способствовали созданию «зоны мира», привели к формированию более устойчивой внешнеполитической атмосферы в Азии и в мире, однако агрессивные, империалистические круги продолжали активизироваться. Они срывали всякую миролюбивую инициативу, отказывались от ранее достигнутых соглашений, насаждали и укрепляли реакционные режимы в зависимых странах, организовывали военно-политические блоки, возрождали милитаризм и обостряли обстановку в мире. Возобновилась «холодная война», подрывная деятельность, организация прямых диверсий против социалистических стран. Особенно осложнили обстановку контрреволюционный мятеж в Венгрии и англо-франко-израильская интервенция в Египте в 1956 г. Хотя заговоры империалистической реакции потерпели поражение, агрессивность сил империализма, в особенности США, возрастала.

Поощряемые империалистическими силами, южнокорейские реакционеры стали активно призывать к новому «походу на Север». В марте 1955 г. Национальное собрание приняло резолюцию, призывавшую участников интервенции в Корею отказаться от Соглашения о перемирии, а в конце того же года Ли Сыпман заявил, что «объединение Кореи будет осуществлено силой», ибо это «единственный способ» добиться объеди-

нения. Военное министерство США опубликовало в июне 1957 г. сообщение об отправке в Южную Корею «современного оружия» для перевооружения 21-й южнокорейской дивизии. В следующем году в Южную Корею были завезены ракетные установки «Онест Джон» и 280-миллиметровые пушки, использующие снаряды с атомными боеголовками. Правящие американские круги стали грубо нарушать Соглашение о перемирии. В Южной Корее водворился штаб так называемых войск ООН (который раньше находился в Токио), началось превращение Кореи в атомно-ракетную базу американских империалистов. В июне 1956 г. южнокорейское правительство односторонне запретило деятельность инспекционных групп комиссии нейтральных стран по наблюдению за перемирием, а 21 июня 1957 г. заявило, что снимает с себя обязательство по выполнению пункта «г» параграфа 13 Соглашения о перемирии, который запрещал ввоз в Корею какого бы то ни было вооружения.

Несмотря на возрастающую агрессивность империалистических сил и провокационную политику южнокорейских властей, социалистическое строительство в КНДР продолжало развиваться, опираясь на возрастающую экономическую и военную мощь страны, получая всестороннюю и эффективную поддержку Советского Союза, всех социалистических государств.

На развитие мировых событий и строительства социализма в СССР и странах социалистического лагеря в 1956—1961 гг. огромное влияние оказали исторические решения XX и XXI съездов Коммунистической партии Советского Союза, документы международных Совещаний коммунистических и рабочих партий в Москве в 1957 и 1960 гг.

Особенно важное значение имела творческая разработка и обоснование КПСС таких проблем современного развития, как вопрос о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем, о возможности предотвращения войн, о формах перехода различных стран к социализму. Принципиальные положения по этим проблемам легли в основу главных выводов, сделанных коммунистическими и рабочими партиями, в том числе и Трудовой партией Кореи, нашли отражение в принятых на международных совещаниях программных документах. Отмечая, в частности, важную роль исторических решений московских Совещаний 1957 г., Ким Ир Сен на расширенном пленуме ЦК ТПК в декабре того же года в докладе о работе делегации ТПК на этих Совещаниях подчеркивал, что Декларация, принятая на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, обобщила опыт мирового коммунистического и рабочего движения и строительства социализма, осветила общие боевые задачи, стоящие перед коммунистическими и рабочими партиями всех стран, и стала программным документом для каждой партии.

Существенное влияние на социалистическое строительство и деятельность братских партий в социалистических странах оказало развенчание на XX съезде КПСС культа личности Сталина и восстановление ленинских норм партийной жизни. В различных партиях реакция на эти процессы протекала по-разному, не всегда гладко и безболезненно. Кое-где ревизионистские элементы попытались повернуть здоровые процессы укрепления внутрипартийной демократии в русло фракционной борьбы, нарушить единство партийных рядов, подорвать авторитет признанных руководителей. Однако этим попыткам был дан должный отпор. Врагам не удалось внести замешательства в ряды международного коммунистического движения, бросить тень на великие идеи марксизма-ленинизма, подорвать доверие трудящихся к первой в мире стране социализма — СССР. Преодолев трудности, связанные с восста-

новлением внутрипартийной демократии, мировое коммунистическое движение еще более укрепило свой авторитет и расширило сферу влияния.

В эти годы Трудовая партия Кореи добилась дальнейшего укрепления своих рядов, усилила борьбу против фракционных элементов внутри партии, классовое воспитание трудящихся масс. В условиях противостояния американскому империализму и агрессивному южнокорейскому режиму ТПК успешно мобилизовала трудовой народ на борьбу за взятие новых высот в социалистическом строительстве.

Курс на социалистическую индустриализацию. Первый пятилетний план развития народного хозяйства КНДР на 1957—1961 гг.

Закончив в основном восстановление народного хозяйства, Корейская Народно-Демократическая Республика вступила в новый период своего развития — борьбы за превращение КНДР в развитое, индустриально-аграрное социалистическое государство.

Решающим звеном строительства экономического фундамента социализма явилась социалистическая индустриализация, провозглашенная III съездом ТПК как генеральная линия партии и важнейшая практическая задача трудящихся КНДР на новом этапе социалистического строительства. В резолюции съезда ставилась задача «заложить прочный фундамент социалистической индустриализации страны, осуществить социалистическую коллективизацию сельского хозяйства и тем самым продвигать вперед строительство социализма в северной части республики»¹.

Трудовая партия Кореи исходила из ленинского положения, что единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие². Необходимость индустриализации была продиктована как объективными экономическими законами развития общества, так и назревшими задачами строительства материально-технической базы социализма в стране.

Без быстрого развития социалистической индустрии невозможно было обеспечить подъем других отраслей народного хозяйства, ликвидировать технико-экономическую отсталость страны и превратить КНДР в экономически развитое государство, повысить материальное благосостояние и культурный уровень жизни трудящихся. Несмотря на большие успехи, достигнутые в восстановлении народного хозяйства, экономическое положение в стране оставалось напряженным. Еще не были полностью ликвидированы тяжелые последствия военных разрушений и не была устранена колониальная односторонность в развитии производительных сил. Хотя за годы трехлетки промышленное производство выросло почти в 2 раза, такие важнейшие отрасли промышленности, как электроэнергетическая, угольная, химическая и др., не достигли еще довоенного уровня производства. Развитие производительных сил страны и жизненный уровень населения были еще невысокими, материально-техническая база социализма только начинала закладываться.

Необходимость индустриализации диктовалась не только экономическими нуждами, но и требованием всемерного укрепления политической основы диктатуры пролетариата. Ее осуществление означало рост численности рабочего класса, его политической зрелости и активности, повышение профессионально-культурного уровня, укрепление союза с крестьянством, усиление руководящей роли рабочего класса в политиче-

ской и экономической жизни страны. Вместе с тем в условиях расчленения страны индустриализация была жизненно необходима и для укрепления революционно-демократической базы в КНДР как важнейшего условия успешного решения проблемы мирного объединения страны.

Определяя задачи и сроки проведения индустриализации, ТПК и правительство КНДР учитывали внутренние и внешние факторы развития страны, принимали во внимание трудности, которые встретятся на пути. Сложность решения проблем индустриализации состояла прежде всего в том, что она проводилась в экономически слаборазвитой и расчлененной стране, в стране с тяжелым наследием колониального прошлого в развитии производительных сил, дважды преодолевшей трудности послевоенной хозяйственной разрухи. Однако имелся ряд благоприятных факторов для осуществления социалистической индустриализации: мощный государственный социалистический сектор в экономике, сравнительно богатые природные ресурсы, определенный опыт хозяйственного строительства, приобретенный в довоенный период и в годы восстановления народного хозяйства, патриотический трудовой подъем в стране и, наконец, возможность широкого использования опыта и большой экономической и технической помощи братских социалистических стран.

Характеризуя внешние благоприятные условия для проведения индустриализации, Ким Ир Сен отмечал: «Наша страна проводит индустриализацию в совершенно иной международной обстановке, чем Советский Союз, который осуществлял задачу индустриализации самостоятельно в условиях капиталистического окружения. Мы имеем несравненно более благоприятные для этого условия: наша страна входит в могучий лагерь социализма и пользуется бескорыстной братской помощью могучего Советского Союза, Китайской Народной Республики и других стран народной демократии»³.

В основу промышленного развития КНДР были положены социалистические принципы и методы индустриализации. Главными источниками ее финансирования должны были стать внутренние накопления. Индустриализацию предполагалось осуществлять высокими темпами на основе преимущественного развития тяжелой промышленности при одновременном быстром росте легкой промышленности сельского хозяйства.

Наличие сравнительно развитой базы тяжелой индустрии, представленной топливно-энергетическими и сырьевыми отраслями, а также большая материально-техническая помощь социалистических государств давали возможность успешно реализовать курс партии на одновременное быстрое развитие первого и второго подразделений общественного производства в промышленности.

Одна из важнейших задач индустриализации состояла в том, чтобы радикально преобразовать производственную структуру промышленности. Последняя была несколько улучшена за годы трехлетки, однако еще не отвечала требованиям социалистического расширенного воспроизводства.

Необходимо было обеспечить быстрое развитие профилирующих отраслей индустрии, в первую очередь машиностроения и металлообработки, перевести многие предприятия от производства сырья и полуфабрикатов к полному производственному циклу (в годы японского колониального господства около 70% валовой продукции промышленности Северной Кореи приходилось на сырье и полуфабрикаты), создать развитую базу легкой промышленности, расширить номенклатуру выпускае-

мой продукции, ликвидировать диспропорции между добывающими и обрабатывающими отраслями, улучшить территориальное размещение производительных сил.

Курс ТПК на социалистическую индустриализацию давал возможность окончательно ликвидировать тяжелые последствия колониального прошлого в развитии производительных сил страны, успешно решить проблемы технической реконструкции народного хозяйства и обеспечить крутой подъем уровня материальной жизни трудящихся.

В соответствии со сложившимися историческими условиями и конкретными возможностями страны было принято решение проводить индустриализацию в два этапа.

На первом этапе предусматривалось превращение КНДР в индустриально-аграрную социалистическую страну, на втором — создание развитого, индустриального государства.

Опыт планового руководства экономикой и успехи, достигнутые в период трехлетки, позволили разработать и принять первый в истории КНДР пятилетний план развития народного хозяйства (1957—1961). В нем нашли свое отражение задачи первого этапа индустриализации.

III съезд ТПК, рассмотрев наметки плана, предложил всем партийным, государственным и хозяйственным органам провести повсеместно широкое их обсуждение. В ходе всенародного обсуждения проекта пятилетки коллективы предприятий выдвинули встречные планы и повышенные обязательства. Результаты всенародного обсуждения, а также итоги выполнения плана первого года (1957) пятилетки были учтены при окончательном составлении контрольных цифр пятилетнего плана, рассмотренных и одобренных I партийной конференцией ТПК в марте 1958 г.

Утверждение народнохозяйственного плана состоялось несколько позднее, на III сессии Верховного народного собрания второго созыва в июне того же года.

Рассматривая социалистическую индустриализацию как главное звено в решении экономических и социальных задач строительства социализма, Трудовая партия Кореи в пятилетнем плане наметила широкую программу хозяйственного и культурного развития страны. Основная задача пятилетки состояла в превращении КНДР в индустриально-аграрное социалистическое государство, предусматривалось окончательное вытеснение капиталистических элементов из экономики и обеспечение безраздельного господства социалистических производственных отношений во всех отраслях народного хозяйства КНДР, неуклонное повышение уровня материальной и культурной жизни. Предстояло в основном решить проблему обеспечения населения продовольствием, одеждой и жильем.

План предусматривал широкое капитальное строительство в промышленности: не только окончательное восстановление и реконструкцию заводов и фабрик, но и создание большого числа новых промышленных предприятий, новых отраслей производства, дальнейшее улучшение промышленной структуры КНДР. Запланированные капиталовложения в промышленность составили 808 млн. вон, что примерно в 1,5 раза превышало капиталовложения в годы трехлетки. Расширение производственных мощностей должно было обеспечить высокие темпы роста промышленного производства.

Валовая продукция промышленности за пятилетие должна была возрасти более чем в 2,6 раза, при этом производство средств производства увеличивалось в 2,9 раза, а предметов потребления — в 2,2 раза.

Выработка электроэнергии к концу пятилетки должна была достиг-

нуть 9,7 млрд. *квт·ч*, добыча угля — 10 млн. *т*. Перед металлургией ставилась задача обеспечить производство 700 тыс. *т* чугуна, 200 тыс. *т* кричного железа, 670 тыс. *т* стали и 500 тыс. *т* стального проката.

Исключительно важное место в плане отводилось машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Предусматривалось значительно расширить производство металлорежущих станков, оборудования для металлургических, горнорудных и электроэнергетических предприятий, строительных механизмов и сельскохозяйственных машин, освоить выпуск комплексного оборудования для предприятий тяжелой и легкой промышленности, увеличить производство различных запасных частей и инструментов. Объем валовой продукции этой отрасли должен был возрасти более чем в 2,6 раза.

Предприятия химической промышленности должны были к концу пятилетки произвести около 700 тыс. *т* минеральных удобрений, 310 тыс. *т* серной кислоты, 135 тыс. *т* карбида кальция, 32 тыс. *т* каустической соды, расширить выпуск химического волокна, ядохимикатов, медикаментов, реактивов и других химикатов. Выдвигалась задача заложить базу производства синтетических материалов.

Для осуществления широкой программы капитального строительства намечалось резко увеличить производство строительных материалов. К концу пятилетки производство цемента должно было достигнуть 2200 тыс. *т*, деловой древесины — 2,9 млн. *куб. м*, пиломатериалов — более 1,2 млн. *куб. м*.

Пятилетний план предусматривал также значительный рост ведущих отраслей легкой промышленности: производство товаров широкого потребления должно было возрасти в среднем в 2,2 раза (текстильной промышленности — в 2,7 раза, пищевой — в 3,8 раза, рыбной — более чем в 2,2 раза).

Индустриализация страны требовала быстрого развития транспорта, прежде всего железнодорожного. За пятилетку намечалось построить 300 *км* новых железнодорожных магистралей, на ряде участков проложить вторую колею, другие — перевести на широкую колею, электрифицировать участки Чхонсон — Ковон, Синсан — Яндок, значительно повысить уровень использования подвижного состава, расширить производство товарных вагонов. Объем грузоперевозок железнодорожным транспортом в 1961 г. должен был достигнуть 32 млн. *т* вместо 18,3 млн. *т* в 1956 г. Грузоперевозки автомобильным транспортом к концу пятилетки должны были составить 17,7 млн. *т*, а водным транспортом — свыше 3,5 млн. *т*.

Решение проблемы обеспечения населения продовольствием, а промышленности — сырьем в плане неразрывно связывалось с задачей быстрого роста производительных сил сельского хозяйства, увеличения производства зерна, продукции животноводства, технических культур, садоводства и т. п. Производство зерна должно было вырасти до 3760 тыс. *т*, мяса (в живом весе) — до 200 тыс., хлопка — до 30 тыс., фруктов — до 150 тыс. *т*. Намечалось завершение социалистического преобразования деревни и дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление сельскохозяйственных кооперативов. Ставилась задача осуществить широкую программу ирригационного строительства, сделать значительный шаг вперед в электрификации, механизации и химизации сельскохозяйственного производства. Дальнейшее развитие в годы пятилетки должны были получить и другие отрасли народного хозяйства: внутренняя и внешняя торговля, средства связи, рыбное хозяйство и т. д. Розничный товароборот государственной и кооперативной торговли должен был возрасти более чем в 2,2 раза.

На основе быстрого роста производства и повышения общественной производительности труда за пятилетку национальный доход должен был вырасти примерно в 2,2 раза. Реальные доходы рабочих, служащих и крестьян к концу пятилетки должны были увеличиться более чем в 1,5 раза.

В области культурного строительства в период пятилетки намечалось ввести всеобщее обязательное семилетнее обучение, расширить систему высшего образования. Число учащихся неполных средних школ должно было увеличиться в 2 раза, а полных средних школ — в 2,5 раза. Число студентов вузов к концу пятилетки должно было превысить 28 тыс. В связи с возросшими потребностями народного хозяйства в квалифицированных кадрах в пятилетнем плане предусматривалось осуществить массовую подготовку специалистов с высшим и средним образованием.

Ставилась задача шире охватить выпускников неполных средних школ занятиями в дополнительных классах технического обучения, расширить сеть таких классов, преобразовать часть полных средних школ в техникумы. Увеличение выпуска технических кадров с высшим образованием планировалось осуществить путем создания новых отраслевых институтов на базе факультетов политехнического института. Намечался также ряд мер по подготовке техников и инженеров из среды рабочих (без отрыва от производства).

Большое внимание в плане уделялось подъему национальной культуры, развитию кинематографии, театрального искусства, издательско-печатному делу, здравоохранению и социальному обеспечению. На все эти цели государство выделяло большие бюджетные ассигнования.

По совокупности поставленных задач пятилетка должна была стать важным этапом в строительстве основ социализма в КНДР.

Борьба корейского народа за превращение КНДР в индустриально-аграрное социалистическое государство

Для успешного выполнения широкой программы экономического и культурного строительства, намеченной пятилетним планом, требовались максимальная мобилизация всех сил и ресурсов, дальнейшее развитие творческой активности масс, усиление организационно-хозяйственных функций государства. «Осуществление первого пятилетнего плана,— говорил Ким Ир Сен,— это огромная и трудная задача. Пятилетка может быть успешно выполнена лишь при условии напряженной трудовой борьбы всего народа и преодоления им многочисленных трудностей. Строгий режим экономии и изыскание внутренних резервов во всех отраслях народного хозяйства являются центральной проблемой в деле выполнения пятилетки»⁴. Претворение в жизнь больших и сложных задач социалистической индустриализации требовало от Трудовой партии усиления организационной и политической работы в массах.

Развертывание борьбы за социалистическую индустриализацию стало центральной задачей всех партийных, государственных и общественных организаций. Особенно остро встала проблема накопления и финансирования. Необходимо было не только окончательно восстановить и переоборудовать старые предприятия, но и в широких масштабах осуществлять новое промышленное строительство. Техническая реконструкция народного хозяйства была немыслима без создания новых отраслей производства, бурного развития отечественного машиностроения, расширения производства металла, топлива, электроэнергии, различных машин, механизмов и оборудования. Все это требовало огромных капиталовложений.

За годы трехлетки были достигнуты немалые успехи в восстановлении и развитии народного хозяйства, однако экономика республики испытывала немалые трудности. Внутренние источники накопления были еще ограниченными, ощущался недостаток сырья, топлива, материалов.

ТПК и правительство КНДР уделили особое внимание выявлению дополнительных внутренних источников накопления, наиболее рациональному их использованию. Декабрьский (1956) пленум ЦК ТПК поставил задачу всемерно улучшить использование оборудования, добиваться повышения производительности труда, укреплять систему хозрасчета, развернуть всенародное движение за экономию и повышение экономической эффективности капиталовложений.

На предприятиях и стройках развернулось массовое движение за изыскание дополнительных ресурсов расширения производства, укрепление трудовой дисциплины, лучшее использование производственных мощностей, внедрение и быстрое освоение новой техники, неуклонный подъем производительности труда.

В связи с решениями декабрьского пленума ЦК ТПК, Президиум ЦК Чосон чигон чхондонмэн (Объединенные профсоюзы Кореи) обратился к трудящимся с призывом шире развернуть социалистическое соревнование за подъем производительности труда, максимальное использование оборудования и техники, предельную мобилизацию внутренних ресурсов предприятий, за улучшение качества выпускаемой продукции. Социалистическое соревнование, один из решающих факторов выполнения и перевыполнения производственных планов, в 1957 г. охватило 75,6% всех рабочих на промышленных предприятиях — почти вдвое больше, чем в 1956 г. С каждым днем росло число бригад, цехов и предприятий, включившихся в социалистическое соревнование за досрочное выполнение плановых заданий.

27 августа 1957 г. при активном участии широких масс проводились выборы в Верховное народное собрание второго созыва. Избирательная кампания продемонстрировала рост политической сознательности и активности трудящихся, сплоченность и единство корейского народа вокруг ТПК и правительства республики. В выборах приняли участие 99,99% избирателей; за кандидатов в депутаты голосовали 99,92% всех избирателей, участвовавших в выборах. В верховный орган власти были избраны 215 депутатов (рабочих — 40%, крестьян — 32% и представителей народной интеллигенции — 28%). Состав депутатов Верховного народного собрания отражал подлинно демократический характер высшего органа народной власти.

Большие задачи социалистического строительства порождали и новые формы социалистического соревнования. Одной из них стало движение «Чхоллима». Стремясь быстрее построить экономически развитое социалистическое государство, трудящиеся КНДР сделали «Чхоллима» — легендарного крылатого коня — символом стремительного движения по пути социального, экономического и культурного прогресса. Движение «Чхоллима» стало олицетворением быстрых темпов развития, высокой производительности труда, максимальной экономии средств и материалов, непрерывного совершенствования социалистического производства и производственных отношений, массового новаторства, борьбы за внедрение в производство достижений передовой науки и техники, упорного преодоления трудностей.

Наращивались производственные мощности предприятий, осваивался выпуск новых видов продукции, ломались старые технические нормы. Велось широкое строительство новых заводов и фабрик, элек-

тростанций, шахт и рудников, прокладывались новые дороги, расширялась сеть ирригационных сооружений. Многие промышленные предприятия страны благодаря лучшему использованию производственных мощностей и неуклонному росту производительности труда обеспечили выпуск сверхплановой продукции. Так, работники электроэнергетической промышленности к концу 1957 г. дали сверх плана более 670 млн. квт·ч электроэнергии. Рабочие металлургического завода им. Ким Чхэка дали стране 270 тыс. т чугуна вместо запланированных 250 тыс. т. На Кансонском сталелитейном заводе вместо 90 тыс. т слябов было произведено 120 тыс. т. На предприятиях легкой промышленности без дополнительных затрат было выпущено сверх плана около 5,8 млн. м хлопчатобумажных и свыше 1,7 млн. м шелковых тканей, более 1,4 млн. пар обуви и т. д. Легкая промышленность за год дала сверх плана товаров на 7 млрд. вон.

В результате самоотверженной борьбы трудящихся задания первого года пятилетки были успешно выполнены, а план выпуска валовой промышленной продукции перевыполнен на 17%. Те отрасли промышленности, которые в период трехлетки еще не были полностью восстановлены, уже к концу первого года пятилетки превзошли уровень производства довоенного, 1949 г. Валовая продукция промышленности КНДР в 1957 г. выросла по сравнению с 1949 г. в 2,8 раза.

Итоги первого года пятилетки свидетельствовали о весьма высоких темпах индустриального развития страны, что создавало реальные возможности для досрочного выполнения пятилетнего плана.

Вступление КНДР во второй год пятилетки означало качественный скачок в развитии производительных сил: в еще более широких масштабах выдвигались задачи технической реконструкции и нового капитального строительства.

Выступая на I сессии Верховного народного собрания второго созыва 20 сентября 1957 г., Ким Ир Сен сказал: «Теперь на старой технической основе нашу промышленность невозможно продвинуть вперед ни на шаг. Во всех отраслях промышленности необходимо неустанно осуществлять техническую реконструкцию, механизировать производственные процессы, внедрять новые методы производства... активно изучать и смело внедрять в наше народное хозяйство развитую технику Советского Союза и других передовых стран»⁵.

Рост доходов государства, полученных от социалистических предприятий за счет выполнения и перевыполнения народнохозяйственных планов, давал возможность значительно расширить капиталовложения на цели индустриализации и технической реконструкции народного хозяйства. Вместе с тем новые большие задачи реконструктивного порядка требовали дальнейшего развертывания творческой инициативы масс, совершенствования системы и методов управления промышленностью, ускорения технического прогресса во всех звеньях народного хозяйства.

Трудовая партия Кореи повела самую решительную борьбу со всякими проявлениями косности и пассивности в отношении новой техники. В сентябре 1958 г. ЦК ТПК обратился с «красным письмом» ко всем членам партии. Это был призыв «Смело мыслить и смело действовать!». Он нашел широкий отклик среди трудящихся КНДР. По всей стране развернулось массовое движение новаторов. Рабочие, инженерно-технические работники и служащие выступали инициаторами ломки старых технических норм, изо дня в день совершенствовали производство, внедряли прогрессивные методы труда. Менее чем за год были восстановлены и построены доменные и коксовые печи на металлургических заводах «Хванхэ» и им. Ким Чхэка, за 75 дней вместо предполагавшихся 3—4 лет было завершено строительство ширококолейной железной дороги между

Хэджу и Хасоном. При сооружении многих современных заводов и предприятий, таких, как Хыннамский завод химических удобрений, Хичхонский и Кусонский станкостроительные заводы, цементный завод в Мадоне, Супхунская ГЭС и др., рабочие значительно сократили сроки ввода в строй промышленных объектов.

В ответ на решение июньского пленума ЦК ТПК 1958 г. о расширении производства товаров народного потребления и продовольствия путем изыскания и мобилизации местных резервов и возможностей по всей стране развернулось массовое строительство предприятий местной промышленности. Уже спустя два-три месяца после пленума в КНДР было построено без централизованных государственных ассигнований около тысячи таких предприятий.

После решения сентябрьского пленума ЦК ТПК 1958 г. «Об ускорении развития металлургической промышленности» корейские металлурги развернули движение за увеличение выпуска металла; внедрили в производство около 3 тыс. рационализаторских предложений, они дали в 1958 г. дополнительно тысячи тонн металла и сэкономили государству около 343 млн. вон. Металлурги выступили инициаторами борьбы за завершение пятилетки в два с половиной года.

Широко откликнулись трудящиеся КНДР на призыв ТПК развернуть движение «от станка — станок». Выдвигая этот лозунг, Трудовая партия учитывала, что в результате быстрого развития всех отраслей народного хозяйства возникло несоответствие между производственными возможностями специализированных машиностроительных заводов и потребностями страны в станках. Такая диспропорция становилась серьезным тормозом на пути социалистической индустриализации и технической реконструкции народного хозяйства. Учитывая это, расширенное заседание Президиума ЦК ТПК в мае 1959 г. приняло решение увеличить в несколько раз станочный парк страны, организовав на каждом предприятии специальные цеха и бригады по производству станков, с тем чтобы, используя имеющееся оборудование, произвести в течение года не менее одного нового станка.

Движение «от станка — станок» охватило все отрасли народного хозяйства. За короткие сроки оно дало хорошие результаты. Так, рабочие и техники льнопрядильной фабрики в Чуыле, имея всего 3—4 металлорежущих станка, собственными силами изготовили 44 ткацких станка и запасные части к ним. На многих заводах республики развернулось движение за производство своими силами не только необходимых запасных частей, но и комплектного оборудования для специализированных машиностроительных предприятий. Рабочие металлургического завода им. Ким Чхэка построили карусельный станок с диаметром стола 4 м, на машиностроительном заводе в Южной Пхёнан в 1959 г. было изготовлено 60 различных станков; это же предприятие выпустило 4 тыс. плугов, 5,8 тыс. повозок, 12 тыс. культиваторов и много других сельскохозяйственных орудий.

Корейские рабочие и инженерно-технические работники приступили к изготовлению крупных специализированных станков. Коллектив Ёнсонского машиностроительного завода своими силами спроектировал и создал крупный карусельный станок с диаметром стола 8 м и весом более 300 т. Работники Токчхонского автомобильного и завода сельскохозяйственных машин в Кияне изготовили сложное оборудование по обработке цилиндров блока мотора и других деталей автомашин и тракторов.

В 1959 г. было произведено сверх плана свыше 13 тыс. станков, что позволило расширить станочный парк по сравнению с 1958 г. в 1,8 раза. Движение «от станка — станок» способствовало дальнейшему подъему

социалистического соревнования, сыграло важную роль в ускорении технической реконструкции народного хозяйства, пробудило творческую инициативу масс, значительно расширило ряды новаторов и рационализаторов производства.

Если в 1958 г. число изобретений, технических усовершенствований и рационализаторских предложений в промышленности составило 37 тыс., то в 1959 г. оно превысило 40 тыс. Всего за годы пятилетки в производство было внедрено около 83 тыс. рационализаторских предложений. Внедрение в производство передовых методов труда, изобретений и технических усовершенствований способствовало быстрому росту производительности труда, успешному выполнению плановых заданий.

Новыми формами обогатилось и «движение Чхоллима», в недрах которого выросли тысячи передовиков производства. Инициаторы движения за звание «Бригада Чхоллима» — члены бригады Чин Ынвона на сталелитейном заводе в Кансоне — в марте 1959 г. сократили время ремонта электропечи с 13—15 до 8—9 часов. В результате распространения этого опыта за счет сэкономленного времени было получено дополнительное количество стали. Бригады, участвовавшие в этом движении, успешно выполняли задания, боролись за повышение производительности труда, улучшение качества продукции и снижение себестоимости, внедрение в промышленность новой техники и технологии. Члены бригад «Чхоллима» обязывались повышать деловую квалификацию, строго соблюдать принципы социалистической морали.

Это движение охватило многие предприятия, стройки и сельскохозяйственные кооперативы. В него включились десятки тысяч трудящихся. В 1960 г. 958 производственных бригад и коллективов было удостоено звания «бригада Чхоллима», а 15 бригад — высокого звания «бригада дважды Чхоллима».

Трудовая партия рассматривает это движение как высшую форму социалистического соревнования, как метод вовлечения трудящихся в активное социалистическое строительство. Организуя социалистическое соревнование и движение «Чхоллима», ТПК упорно и систематически вела борьбу за новую, сознательную дисциплину на производстве, воспитывала в массах социалистическое отношение к труду.

В 1960 г. пятилетка была выполнена досрочно, а по выпуску валовой промышленной продукции завершена в два с половиной года.

В результате успешного завершения пятилетнего народнохозяйственного плана была выполнена главная задача первого этапа социалистической индустриализации — превращение Корейской Народно-Демократической Республики из экономически отсталой страны с тяжелым наследием колониального прошлого в индустриально-аграрное социалистическое государство.

За годы пятилетки был выполнен огромный объем капитального строительства в промышленности. Общая сумма капиталовложений в социалистическую индустрию за пятилетку превысила 1 млрд. вон (что было почти вдвое больше ассигнований за годы трехлетки).

Для обеспечения преимущественного развития производства средств производства за годы пятилетки 82,6% всех капиталовложений в промышленность было направлено в отрасли тяжелой индустрии, а 17,4% — в легкую промышленность. В 1957—1960 гг. было восстановлено, реконструировано и вновь построено свыше 1,5 тыс. промышленных объектов. Общее число государственных промышленных предприятий в 1960 г. достигло 2254 против 742 в 1954 г.

За годы пятилетки производственные мощности по выработке элект-

троэнергии выросли почти в 1,6 раза, выплавке чугуна — примерно в 3 раза, по выпуску стали — в 4,3 раза и производству стального проката — в 4 раза⁶.

В ходе выполнения решений июньского пленума ЦК ТПК (1958) о развитии местной промышленности за годы пятилетки в КНДР было построено много промышленных предприятий местного значения. Практически к концу пятилетки они были созданы в каждом городе или уезде, что способствовало значительному расширению производства товаров народного потребления. Мощности легкой промышленности по выпуску хлопчатобумажной ткани на 1 января 1960 г. по сравнению с уровнем, достигнутым на 1 января 1950 г., выросли более чем в 11 раз, а по производству шелковых тканей — примерно в 2 раза.

В восстановлении и реконструкции заводов, фабрик, электростанций, шахт и рудников, а также в сооружении новых промышленных объектов большую помощь КНДР в годы пятилетки оказали Советский Союз и другие социалистические страны. Достаточно сказать, что в 1960 г. промышленные предприятия, восстановленные и построенные только при техническом содействии Советского Союза, дали республике 40% общего производства электроэнергии, 51% — чугуна, 53% — кокса, 22% — стали, 32% — проката, 90% — аммиачной селитры, 67% — хлопчатобумажных тканей и т. д.

Оценивая значение экономической помощи Советского Союза, Ким Ир Сен в 1961 г. на митинге дружбы между СССР и КНДР сказал: «Многочисленные заводы и фабрики, восстановленные, расширенные и построенные с помощью Советского Союза, выполняют большую роль в осуществлении социалистической индустриализации и в быстром повышении жизненного уровня населения»⁷.

Как и в годы трехлетки, индустриальное развитие КНДР в годы пятилетки шло очень быстро. В 1960 г. промышленное производство республики выросло по сравнению с 1956 г. почти в 3,5 раза. За четыре года пятилетки среднегодовые темпы прироста валовой продукции составили 36,6%. К концу пятилетки промышленность КНДР за 40 дней стала выпускать столько продукции, сколько ее было произведено за весь 1944 год. За счет роста производительности труда, которая за пятилетку в промышленности увеличилась в 1,4 раза, было получено примерно $\frac{2}{3}$ общего прироста промышленного производства.

Расширение производственных мощностей и неуклонный рост производительности труда позволили значительно увеличить выпуск важнейших видов промышленной продукции. В 1960 г. в КНДР было выработано 9,1 млрд. кВт·ч электроэнергии, добыто 10,6 млн. т угля, произведено 853 тыс. т чугуна и кричного железа, 641 тыс. т стали, 474 тыс. т стального проката, около 3 тыс. металлорежущих станков, более 3 тыс. тракторов, свыше 3 тыс. автомашин, 561 тыс. т минеральных удобрений, 2,3 млн. т цемента и около 190 млн. м тканей.

За 1957—1960 гг. среднегодовые темпы прироста производства средств производства составили 37,7%, а темпы производства предметов потребления — 34,9%. В результате опережающего развития отраслей тяжелой индустрии произошли соответствующие изменения в соотношении между первым и вторым подразделениями в промышленном производстве республики.

Доля производства средств производства увеличилась с 53,9% в 1956 г. до 55% в 1960 г., а доля производства предметов потребления соответственно сократилась с 46,1 до 45%.

Коренные сдвиги произошли в производственной структуре промышленности: было покончено с колониальной однобокостью и отсталостью

в развитии ее производительных сил. Значительно окрепла и расширилась база тяжелой промышленности, по существу заново создана база легкой промышленности. От производства сырья и полуфабрикатов промышленность республики перешла к выпуску готовой продукции. Страна стала производить многие виды промышленной продукции, которые ранее ввозила из-за границы.

За годы пятилетки были созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобилестроение, тракторостроение, производство синтетических волокон, приборостроение, фармацевтическая промышленность и т. д.

Большим завоеванием трудящихся КНДР явилось быстрое развитие отечественного машиностроения — основы технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства. Оно превратилось в ведущую отрасль социалистической индустрии КНДР. За четыре года пятилетки (1957—1960) на машиностроительную промышленность было ассигновано 127 млн. вон, т. е. 12,4% всех капиталовложений в промышленность; среднегодовые капиталовложения в эту отрасль были в 2,5 раза больше, чем в годы трехлетки. Это дало возможность осуществлять широкую реконструкцию и строительство машиностроительных предприятий. К концу пятилетки в КНДР уже насчитывалось свыше 300 крупных, средних и мелких машиностроительных заводов. За годы пятилетки валовая продукция машиностроения росла более высокими темпами, чем вся промышленность. В 1960 г. она выросла по сравнению с 1956 г. в 4,6 раза; в выпуске валовой продукции промышленности доля этой отрасли в 1960 г. достигла 21,3% (против 1,6% в 1944 г.).

Уже к концу пятилетки КНДР обеспечивала потребности в машинном оборудовании на 90,6% (против 46,5% в 1956 г.) за счет внутреннего производства.

Расширилась и окрепла топливно-энергетическая база КНДР. К концу 1960 г. общая мощность электростанций составила почти 1950 тыс. кВт, т. е. в 1,2 раза превысила уровень 1949 г. Однако темпы развития этой отрасли еще значительно отставали от роста всей промышленности. Июньский пленум ЦК ТПК 1959 г. принял специальное решение «О дальнейшем укреплении электроэнергетической базы КНДР». Для стабилизации выработки электроэнергии было решено наряду с гидроэлектростанциями строить тепловые.

За годы пятилетки укрепилась материально-техническая база угольной промышленности КНДР. К концу 1960 г. функционировало свыше 40 крупных и средних угольных шахт общей производственной мощностью 10,5 млн. т против 5 млн. т к концу трехлетки.

Большое внимание уделялось и реконструкции металлургических предприятий. За годы пятилетки было восстановлено и реконструировано на новой технической основе свыше 50 металлургических агрегатов, включая доменные, мартеновские и электрические печи, прокатные станы, коксовые батареи и другое оборудование. Это позволило не только расширить производственные мощности, но и улучшить структуру металлургического производства. За 1957—1960 гг. валовая продукция металлургии выросла более чем в 3 раза.

Значительные сдвиги произошли в развитии химической промышленности; был выполнен большой объем капитального строительства. В строй вступили десятки крупных предприятий и цехов, заложена производственная база органического синтеза. В 1960 г. производство химической продукции в 4,2 раза превысило уровень 1949 г.

Большим достижением явилось создание развитой базы легкой промышленности. Капиталовложения в эту отрасль составили 180 млн. вон,

т. е. выросли почти в 2 раза по сравнению с трехлеткой. Было реконструировано и построено свыше десятка крупных и более 200 средних и мелких текстильных и шелкоткацких фабрик, пущен ряд крупных пищевых предприятий, в том числе Пхеньянская пищевая фабрика, рыбоконсервный завод в Синпхо, пищевая фабрика в Хамхыне и др. В 1960 г. объем валовой продукции легкой промышленности по сравнению с 1956 г. вырос в 3,3 раза.

Социалистическая индустриализация сопровождалась быстрым развитием транспорта. Протяженность электрифицированных участков железных дорог за 1957—1960 гг. выросла в 3,3 раза. За годы пятилетки грузооборот на железной дороге увеличился на 212%, автомобильного транспорта — на 426, водного транспорта — на 444%.

Значительно возросла техническая оснащенность транспорта. В республике было освоено производство многих видов транспортных средств, машин и оборудования, которые ранее не производились в Корее, в том числе электровозов, автомашин, троллейбусов, автобусов, пассажирских и грузовых вагонов, различных судов и т. д.

Социалистическая индустриализация оказала существенное влияние на развитие внутренней и внешней торговли КНДР. В 1960 г. объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли КНДР по сравнению с довоенным 1949 г. увеличился более чем в 6,4 раза. В результате быстрого развития тяжелой и легкой промышленности значительно расширились экспортные возможности, произошли существенные структурные сдвиги во внешнеторговом обороте страны. В экспорте КНДР заметно сократилась доля сырья и увеличился удельный вес готовой продукции. В 1960 г. объем внешней торговли КНДР по сравнению с 1953 г. вырос в 4,4 раза. Число стран, с которыми торговала КНДР, расширилось с 10 в 1956 г. до 40 в 1961 г. Ведущее место в экономических связях КНДР неизменно занимали социалистические страны, на долю которых приходилось около 94% ее внешнеторгового оборота.

Быстрый рост промышленного потенциала, освоение новых минерально-сырьевых и энергетических ресурсов, развитие транспорта привели не только к значительным структурным сдвигам, но и к изменению территориального размещения производительных сил. В северных и глубинных районах республики были созданы новые промышленные комплексы. Появились новые индустриальные центры: Канге, Хичхон, Кусон, Токчхон, Хесан. Значительно вырос промышленный потенциал в прошлом экономически отсталых провинций Чаган, Янган, Северная Пхёнан. Их удельный вес в промышленном производстве КНДР в 1960 г. по сравнению с 1949 г. вырос соответственно в 4, 2 и 1,3 раза.

Важным итогом борьбы за социалистическую индустриализацию стало дальнейшее расширение и упрочение экономических позиций промышленности в системе всего народного хозяйства КНДР. Удельный вес социалистической индустрии в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства увеличился с 60% в 1956 г. до 71% в 1960 г. В промышленности создавалось более 50% национального дохода республики.

Экономическая структура КНДР стала более гармоничной, она в значительной мере приблизилась к структуре народного хозяйства развитых социалистических стран.

Все это свидетельствует о том, что корейский народ под руководством Трудовой партии Кореи успешно решил основную задачу первого этапа социалистической индустриализации, превратив свою страну в индустриально-аграрное государство.

**Завершение социалистического кооперирования деревни
и организационно-хозяйственное укрепление кооперативов.
Рост сельскохозяйственного производства**

Быстрый рост производительных сил в промышленности КНДР на базе социалистической индустриализации требовал ускоренного развития сельскохозяйственного производства, отставание которого стало серьезным тормозом на пути социалистического строительства. ТПК считала, что для успешного решения этой проблемы необходимо прежде всего обеспечить быстрый перевод всего сельского хозяйства на рельсы социалистического развития и в ближайшие годы полностью завершить социалистическое преобразование производственных отношений в деревне. Эта политика нашла конкретное отражение в решениях III съезда ТПК и в директивах по первому пятилетнему плану.

В резолюции III съезда подчеркивалось: «Главные задачи, стоящие перед сельским хозяйством, заключаются в значительном увеличении производства продуктов, в особенности зерна, с тем чтобы удовлетворить потребности народного хозяйства; в дальнейшем развитии движения кооперирования и в организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственных кооперативов с целью завершения кооперирования всего сельского хозяйства»⁸.

Годы пятилетки явились решающим этапом в осуществлении революционного переворота в деревне.

Благодаря организаторской работе, проведенной ТПК в деревне после III съезда, благодаря высокой революционной активности широких масс трудового крестьянства и помощи со стороны рабочего класса мероприятия партии по социалистическому преобразованию деревни и подъему производительных сил сельского хозяйства успешно осуществлялись. Быстро развивалось кооперирование. В конце 1956 — начале 1957 г. основная масса крестьян вступила в кооперативы. Начался массовый приток в кооперативы середняков, хотя и оставалась значительная прослойка середняцких элементов, занимавших выжидательную позицию. Трудовая партия Кореи терпеливо разъясняла и на практике показывала им преимущества коллективного хозяйства. Одновременно партия строго ограничивала эксплуататорские тенденции кулачества; постепенно по мере развития кооперативного движения, кулаки добровольно вступали в кооперативы и превращались в социалистических тружеников. Несмотря на то что классовые враги в стране были слабы, кооперирование сельского хозяйства сопровождалось классовой борьбой, обострению которой способствовала подрывная деятельность южнокорейской реакции, поощряемая американской военщиной. В условиях общего подъема социалистического строительства классовые враги боялись выступать открыто. Они использовали отдельные ошибки и перегибы, допущенные на местах, для дискредитации самой идеи кооперирования, пытались воздействовать на колеблющиеся и неустойчивые элементы, шантажировали и запугивали крестьян, играли на частнособственнических интересах, расхищали общественное имущество, совершали диверсии. Партия и правительство КНДР, опираясь на поддержку широких слоев трудового крестьянства, дали решительный отпор классовым врагам.

К концу 1957 г. кооперирование корейской деревни вступило в свой завершающий этап; в КНДР насчитывалось уже 16 032 сельскохозяйственных кооператива, которые объединяли 95,6% всех крестьянских хозяйств и 94% всей обрабатываемой площади.

Кооперативное движение в КНДР на всех этапах характеризова-

лось не только высокими темпами развития, но и тем, что создавались кооперативы главным образом высшей, третьей формы. В 1957 г. кооперативы второй формы составляли всего 1,2%, третьей формы — 98,8% всех сельскохозяйственных кооперативов КНДР.

Подъем сельскохозяйственного производства и повышение материального уровня жизни крестьян способствовали тому, что центральной фигурой деревни постепенно становился середняк. С кулачеством, как с классом, практически было покончено путем мирного социалистического его преобразования и вовлечения в сельскохозяйственные кооперативы. Происходило постепенное организационно-хозяйственное укрепление кооперативов, совершенствовались методы руководства и управления коллективным хозяйством, укреплялись его материально-техническая и финансовая базы. Большую помощь оказали крестьянству рабочий класс и народно-демократическое государство.

Мероприятия партии и правительства, направленные на быстрое восстановление и развитие производительных сил деревни, способствовали росту сельскохозяйственного производства. Убедившись на опыте в преимуществах коллективного хозяйства, в кооперативы вступили и ранее колебавшиеся зажиточные середняки, крестьяне городских окраин и глухих горных районов. В августе 1958 г. социалистическое кооперирование корейской деревни было полностью завершено. К этому времени в Корейской Народно-Демократической Республике насчитывалось 16 309 сельскохозяйственных кооперативов высшей формы, объединявших все крестьянские хозяйства.

Все источники эксплуатации и нищеты в деревне были ликвидированы. Производительные силы сельского хозяйства освободились от пут старых производственных отношений и получили полный простор для быстрого и всестороннего развития.

На новой, социалистической основе окреп союз рабочего класса и крестьянства.

Ким Ир Сен, говоря об основных причинах быстрого завершения социалистического кооперирования корейской деревни, подчеркивал: «Объясняется это тем, что наша партия, применяя к действительности нашей страны марксизм-ленинизм и богатый опыт Советского Союза, выдвинула правильную линию кооперирования сельского хозяйства и, преодолевая все трудности и препятствия, непоколебимо боролась за ее последовательное проведение, а также тем, что наши крестьяне активно поддерживали политику партии, направленную на кооперирование сельского хозяйства, и с воодушевлением приняли участие в этом движении»⁹.

В ходе кооперирования выявился ряд серьезных трудностей. В кооперативах еще неудовлетворительно были организованы труд, система управления, распределение доходов. Сельскохозяйственные кооперативы экономически были еще маломощными, требовалась большая помощь государства. Основная трудность заключалась в отсталости материально-технической базы социалистического сельского хозяйства. Массовое кооперирование развернулось тогда, когда она еще только начинала создаваться. Не было необходимых кадров организаторов и руководителей кооперативов.

К концу 1956 г. в КНДР было всего 48 машинопрокатных станций, тракторный парк которых составлял немногим более 2,5 тыс. единиц. Ощущалась острая нехватка транспортных средств, важнейших сельскохозяйственных машин, химических удобрений и ядохимикатов, недостаточность орошения. Социальная революция в деревне значительно опережала техническую.

Исходя из объективных экономических требований, ЦК Трудовой партии на сентябрьском пленуме 1958 г. разработал и принял программу нового подъема сельскохозяйственного производства. В качестве основной задачи интенсификации сельского хозяйства была выдвинута конкретная программа технической реконструкции: электрификация, механизация и химизация сельского хозяйства. Особое внимание пленум уделил вопросам ирригации.

В развитие решений сентябрьского пленума по вопросам электрификации деревни 27 октября 1958 г. Президиум ЦК ТПК постановил повсеместно развернуть широкое строительство мелких электростанций силами кооперативов.

Приступая к осуществлению технической реконструкции сельского хозяйства, Трудовая партия считала необходимым прежде всего провести укрупнение сельскохозяйственных кооперативов. Малые размеры кооперативов становились серьезным тормозом на пути эффективного использования земельных фондов, развития многоотраслевого хозяйства и интенсификации сельскохозяйственного производства на базе внедрения передовой агротехники.

В октябре 1958 г. по решению Президиума ЦК ТПК и Кабинета министров было проведено укрупнение кооперативов. Вместо 16 309 кооперативов было создано 3843 крупных коллективных хозяйства. Если до укрупнения на каждый кооператив приходилось в среднем 80 дворов и 130 чонбо обрабатываемой земли, то после укрупнения кооперативов каждый из них в среднем стал объединять около 300 дворов и 500 чонбо земли. Кооперативы создавались по одному на каждую административную сельскую единицу — ри. Все общественное имущество и общественные накопления объединяемых кооперативов были переданы укрупненным хозяйствам.

Всереспубликанский съезд сельскохозяйственных кооперативов, состоявшийся в январе 1959 г., подвел итоги социалистического преобразования сельского хозяйства КНДР и принял Примерный устав сельскохозяйственного кооператива. Земля, закреплявшаяся ранее за крестьянами, была объявлена социалистической кооперативной собственностью. Съезд наметил программу социалистического строительства в деревне. В докладе Ким Ир Сена на съезде подчеркивалось, что «основной задачей сельского хозяйства теперь является осуществление в ближайшие годы технической и культурной революции, чтобы тем самым обеспечить дальнейшее укрепление социалистического кооперативного хозяйства в политическом и экономическом отношениях и превратить нашу деревню в зажиточную и культурную социалистическую деревню, располагающую современной техникой»¹⁰.

К концу пятилетки задача ирригации корейской деревни в основном была решена. За 1957—1960 гг. государство ассигновало на ирригационное строительство почти 10 млн. вон и направило в деревню много различных машин, механизмов, оборудования и строительных материалов. Были построены сотни гидротехнических сооружений: число водохранилищ увеличилось с 297 в 1956 г. до 1234 в 1960 г., а водоподъемных станций — с 3862 до 7797. Площади орошаемых земель расширились до 800 тыс. чонбо. Их стало в 7 раз больше, чем было до освобождения.

Развитие электроэнергетического хозяйства позволило добиться серьезных успехов и в электрификации корейской деревни. К концу пятилетки 92,1% всех деревень КНДР было электрифицировано; общий объем электроэнергии, потребляемой в сельском хозяйстве, вырос в 2,2 раза.

Успешному осуществлению задач электрификации деревни способ-

ствовали мероприятия партии и правительства, направленные на одновременное сооружение крупных государственных электростанций и мелких станций в различных сельскохозяйственных районах страны.

В решениях декабрьского расширенного пленума ЦК ТПК 1959 г. подчеркивалось, что теперь центральной задачей является форсированное осуществление всесторонней механизации основных производственных процессов в сельском хозяйстве. Пленум принял решение об увеличении производства сельскохозяйственных машин и поставках их в деревню, о преобразовании существовавших машинопрокатных станций в станции сельскохозяйственных машин, об увеличении их числа и укреплении материально-технической базы. За годы пятилетки число станций сельскохозяйственных машин увеличилось с 48 до 89. Число тракторов выросло с 2561 в 1956 г. до 12 500 в 1960 г. (в пересчете на 15-сильные), прицепных машин — соответственно с 7,4 тыс. до 41 тыс., а объем сельскохозяйственных работ, выполненных машинами и механизмами, вырос в 10 раз.

Успешно решались и задачи химизации сельского хозяйства. Из года в год социалистическая промышленность увеличивала поставки в деревню минеральных удобрений. Количество минеральных удобрений, вносимых на 1 чонбо обрабатываемой площади, выросло со 113 кг в 1956 г. до 160 кг в 1960 г.

Техническая реконструкция в деревне потребовала дальнейшего улучшения организационной структуры кооперативов, перестройки системы оплаты труда, усиления материальных и моральных стимулов производства, изменения стиля и методов управления сельским хозяйством со стороны партийных и местных органов власти. Принципы хозяйственного, партийного и государственного руководства сельскохозяйственными кооперативами были сформулированы в выступлении Ким Ир Сена в кооперативе Чхонсанни уезда Кансо (Южная Пхёнан) в феврале 1960 г. Они легли в основу нового метода управления социалистическим сельским хозяйством, который предусматривает приближение руководства непосредственно к производству, к массам, искоренение бюрократизма, глубокое и серьезное разъяснение крестьянам политики ТПК, оказание помощи сельскохозяйственным кооперативам в осуществлении технической, культурной и идеологической революции и т. д.

Победа социалистических производственных отношений, организационно-хозяйственное укрепление кооперативов и успешное решение задач технической реконструкции деревни способствовали быстрому развитию сельского хозяйства, увеличению производства основных видов сельскохозяйственной продукции. За годы пятилетки посевные площади увеличились с 2413 тыс. чонбо до 2764 тыс. чонбо. Общий сбор зерновых в 1960 г. достиг 3,8 млн. т. Заметно выросло производство овощей, фруктов и технических культур (в 1960 г. овощей было собрано 2060 тыс. т против 1049 тыс. т в 1956 г.). Площадь под яблоневыми садами за пятилетку увеличилась более чем на 52 тыс. чонбо, а урожай яблок с одного чонбо поднялся с 4,4 т в 1956 г. до 16,3 т в 1960 г. Производство льна в 1960 г. составило 23 тыс. т, т. е. выросло по сравнению с 1956 г. почти в 4,9 раза.

Поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 187 тыс. голов, а свиней — на 413 тыс. голов.

Подъем сельскохозяйственного производства явился важным условием успешного решения продовольственной проблемы в стране, расширения и укрепления сырьевой базы легкой промышленности. Переход сельского хозяйства на социалистические рельсы способствовал расширению производственных связей между городом и деревней, упрочению

союза рабочего класса с трудовым крестьянством, росту материального благосостояния и культурного уровня сельского населения.

В докладе на Всереспубликанском съезде сельскохозяйственных кооператоров (январь 1959 г.) Ким Ир Сен отметил: «Лишь благодаря тому, что мы повели единоличные крестьянские хозяйства по пути кооперирования, как этому учит марксизм-ленинизм и как показывает опыт строительства социализма в Советском Союзе, мы могли так быстро восстановить и развить в тяжелой послевоенной обстановке сельское хозяйство, улучшить жизнь крестьян и создать базу для дальнейшего превращения нашей деревни в богатую и культурную социалистическую деревню, вооруженную современной техникой»¹¹.

Опыт кооперативного движения в КНДР наглядно и неопровержимо свидетельствует об огромных преимуществах коллективного хозяйства, о том, что социалистическое кооперирование раздробленных, мелких крестьянских хозяйств — единственно правильный путь, обеспечивающий бурный рост сельскохозяйственного производства и неуклонный подъем материальной и культурной жизни крестьян. Опыт КНДР — одно из конкретных проявлений огромной жизненной силы великого ленинского кооперативного плана.

Победа социалистических производственных отношений в городе

Кооперирование сельского хозяйства ускорило процесс социалистического преобразования частной промышленности, торговли и кустарных промыслов, экономическую базу которых в основном составляло мелкотоварное крестьянское хозяйство. С коллективизацией деревни эта база была окончательно подорвана.

В ходе успешного восстановления народного хозяйства и осуществления социалистической индустриализации укреплялись и расширялись экономические позиции социалистического сектора, ослаблялись позиции частного капитала в экономике КНДР. В конце 1956 — начале 1957 г. в стране насчитывалось не многим более 600 частных предприятий; при этом лишь 14% из них составляли предприятия с числом наемных рабочих свыше 5, а остальные имели по 1—2 рабочих.

Если в 1949 г. на долю частного сектора приходилось 9,3% всей валовой промышленной продукции, то к концу 1956 г. она едва достигала 2%.

Проанализировав объективные условия, сложившиеся в ходе социалистического строительства, III съезд Трудовой партии выдвинул задачу завершить в годы пятилетки не только кооперирование деревни, но и социалистическое преобразование частной промышленности, торговли и ремесла.

С конца 1956 г. ТПК и правительство КНДР провели дальнейшее ограничение деятельности частных предпринимателей и торговцев, установив государственную монополию на продажу зерна, введя единые государственные розничные цены, укрепив систему заготовок, строго контролируя и регламентируя производственную деятельность частных предприятий, обложив их прогрессивным налогом и т. д.

ТПК и правительство КНДР учитывали, что в сложившихся тогда условиях основной формой преобразования частных предпринимателей, торговцев и ремесленников было добровольное вовлечение их в производственные кооперативы. Весьма важную роль в этом сыграло решение Президиума ЦК ТПК (сентябрь 1957 г.) «Об организационно-хозяйственном укреплении промысловых кооперативов и усилении идеологиче-

ской работы среди их членов», в котором намечались пути и формы окончательной социалистической перестройки частной промышленности и торговли с учетом специфики и особенностей их экономического положения.

В зависимости от экономического положения частных предпринимателей и торговцев, характера их деятельности, сознательности, уровня технической оснащенности предприятий и т. п. применялись различные формы социалистического преобразования.

Методы и формы кооперирования были определены на сентябрьском заседании Президиума ЦК ТПК (1957). Первая форма промышленного кооперативного хозяйства — постоянная группа кооперативного производства, первоначально объединявшая мелких ремесленников. Вторая — кооперативы, образуемые путем объединения средств производства и денежных паев, вносимых ремесленниками, частными предпринимателями и торговцами. В кооперативах этой формы сохранялось право частной собственности на средства производства, а доходы распределялись с учетом внесенного пая, количества и качества затраченного труда. К третьей форме относились кооперативы, в которых средства производства и денежные пай были обобществлены, а распределение осуществлялось только по труду.

В процессе кооперирования преимущественно создавались кооперативы третьей формы.

Социалистическое преобразование частных торговцев осуществлялось также путем вовлечения их в различные кооперативные объединения: кооперативные бригады, торговые кооперативы, промышленно-торговые кооперативы и т. д. Преобладающее место занимали промышленно-торговые кооперативы. По мере расширения производственной деятельности этих кооперативов многие из них постепенно превращались в промышленные объединения, а кооператоры — в социалистических тружеников.

Социалистическое преобразование частного капитала произошло быстро и завершилось в августе 1958 г., о чем свидетельствуют приводимые данные (в % к итогу по состоянию на 1 декабря) ¹²:

Предприниматели и торговцы	1953 г.	1957 г.	1958 г.
кооперированные . .	33,7	77,2	100
частные	66,3	22,8	0

Завершение социалистического преобразования частных предпринимателей, торговцев и ремесленников явилось важным звеном социалистического переустройства общества. Оно дало новый толчок развитию средней и мелкой кооперативной промышленности, производящей предметы народного потребления. Городские и уездные промышленные предприятия, построенные после решений июньского пленума ЦК ТПК 1958 г. о развитии местной промышленности, вместе с кооперативными предприятиями, созданными в процессе социалистического преобразования частных предпринимателей, торговцев и кустарей, составили развитую систему социалистической местной промышленности. Ее экономическое значение и роль в народном хозяйстве стали быстро возрастать, причем особенно быстро — в реализации планов расширения производства товаров народного потребления.

В 1960 г. в КНДР насчитывалось 1752 предприятия местной промышленности. Их валовая продукция в 1960 г. по сравнению с 1956 г. выросла в 9 раз, а удельный вес местной промышленности в общем

объеме промышленного производства соответственно увеличился с 13 до 39%.

К концу пятилетки на местную промышленность приходилось свыше 50% общего производства товаров народного потребления в стране.

Социально-экономические итоги пятилетки. Рост материального уровня жизни трудящихся КНДР

Важнейшим социально-экономическим итогом пятилетки явилось построение основ экономического фундамента социализма.

На базе социалистической индустриализации и развернувшейся технической реконструкции народного хозяйства в годы пятилетки было завершено социалистическое преобразование производственных отношений. В стране была ликвидирована многоукладность — выполнена главная задача переходного периода. Вопрос «кто — кого?» был окончательно решен в пользу социализма. Во всех сферах народного хозяйства КНДР безраздельно утвердились социалистические производственные отношения.

Экономическую основу КНДР составила социалистическая государственная и кооперативная собственность на средства производства. В народном хозяйстве республики полный простор получило действие экономических законов социализма.

Глубокие социально-экономические преобразования сопровождались соответствующими сдвигами в классовой структуре КНДР. Два дружественных класса — рабочий класс и кооперированное крестьянство — стали господствующей силой общества; с ними теснейшим образом связана народная интеллигенция.

Быстрое развитие социалистической промышленности и других отраслей народного хозяйства обусловило расширение и укрепление рядов рабочего класса. Если в довоенном 1949 г. на долю рабочих и служащих приходилось только 26% всего населения КНДР, то уже к концу 1960 г. они составили 52% населения. Рабочий класс КНДР из угнетенного и эксплуатируемого в прошлом класса превратился в руководящую силу общества.

Бывшие крестьяне-единоличники, кустари и ремесленники стали социалистическими тружениками кооперативных объединений, которые в тесном союзе с рабочим классом успешно строят социализм.

Развитие народного хозяйства КНДР в годы пятилетки сопровождалось значительным увеличением числа занятых в сфере материального производства. Численность рабочих и служащих, занятых в отраслях народного хозяйства (без кооператоров), за годы пятилетки увеличилась с 808 тыс. до 1458 тыс., т. е. возросла в 1,8 раза.

В результате социалистической индустриализации произошли заметные изменения в соотношении городского и сельского населения. Если в 1953 г. горожане составляли лишь 17,7%, а сельские жители — 82,3% всего населения страны, то к концу 1960 г. удельный вес первых возрос до 40,6%, а вторых сократился до 59,4%.

Новая социально-экономическая структура КНДР, сложившаяся в результате успешного решения задач индустриализации и социалистического преобразования общества, свидетельствовала о больших достижениях корейского народа в социалистическом строительстве, о превращении страны в развитое, индустриально-аграрное социалистическое государство.

Успехи КНДР в развитии народного хозяйства за годы пятилетки

обеспечили быстрый рост общественного богатства страны, неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Обобщающим показателем возросшего экономического потенциала республики являлся быстрый рост национального дохода республики, который за 1956—1960 гг. увеличился в 2,1 раза. В годы пятилетки примерно $\frac{1}{4}$ часть национального дохода была использована на накопление в целях поддержания высоких темпов социалистического расширенного воспроизводства и около $\frac{3}{4}$ — на потребление, т. е. на удовлетворение постоянно растущих потребностей населения.

Подъем народного хозяйства обеспечил быстрый рост реальных доходов населения. В 1960 г. реальная заработная плата рабочих и служащих по сравнению с 1956 г. увеличилась в 2,1 раза.

Росту реальных доходов трудящихся способствовали мероприятия партии и правительства КНДР, направленные на повышение номинальной заработной платы, увеличение размеров пенсий и других пособий, систематическое снижение розничных цен на товары широкого потребления и продовольствие, уменьшение платы за коммунально-бытовые услуги, сокращение налогов, упорядочение системы оплаты труда в отдельных отраслях народного хозяйства и т. д.

В завершающем году пятилетки (1960) номинальная заработная плата рабочих и служащих по сравнению с довоенным 1949 г. выросла почти в 4 раза.

Победа социалистических производственных отношений в деревне, большая забота народно-демократического государства об укреплении материально-производственной базы сельскохозяйственных кооперативов позволили за сравнительно короткий срок значительно улучшить материальное благосостояние крестьянства. Этому способствовали такие мероприятия партии и правительства, как снижение задолженности крестьян по ссудам и натуральному налогу, уменьшение платы за использование ирригационных сооружений, повышение государственных заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию, уменьшение в 1959 г. натурального сельскохозяйственного налога с 22,4 до 8,4%, а в ряде районов полная его отмена и т. д. К концу 1960 г. реальные доходы членов кооперативов по сравнению с 1956 г. увеличились почти в 1,6 раза.

За годы пятилетки значительно улучшились жилищные условия трудящихся города и деревни. В городах было построено 6220 тыс. кв. м, а в деревне 5060 тыс. кв. м жилой площади. Росту материального благосостояния и культурного уровня жизни населения способствовали значительные расходы народно-демократического государства на социально-культурные мероприятия. Среднегодовые расходы из государственного бюджета на социально-культурные мероприятия достигли 300 млн. вон, т. е. составили почти 20% всех бюджетных расходов. В 1960 г. они увеличились по сравнению с 1956 г. примерно в 4 раза.

Для лучшего снабжения населения продовольствием и товарами широкого потребления были приняты меры по расширению сети розничной торговли. В 1960 г. объем торговли продовольственными товарами по сравнению с 1956 г. вырос в 2,5 раза, а промышленными товарами — в 3,7 раза.

Культурное строительство

С завершением первого пятилетнего плана Трудовая партия Кореи и правительство республики осуществили постепенный переход к обязательному семилетнему обучению. Практически уже в 1957/58 учебном

году 92% всех выпускников начальных школ продолжили обучение в средних школах. С 1 октября 1958 г. в соответствии с принятым Верховным народным собранием КНДР законом было введено всеобщее обязательное семилетнее обучение. Это был огромный успех молодой народно-демократической власти; несмотря на серьезные трудности и разруху военных лет, она сумела в короткие сроки добиться решения одного из кардинальных вопросов культурной революции в стране. Успехи КНДР имели большое значение и в международном плане, служили примером для многих развивающихся стран Азиатского и Африканского континентов.

В марте 1959 г. Кабинет министров КНДР принял решение об отмене с 1 апреля того же года платы за обучение в полной средней школе, а также в средних и высших технических школах. Это практически открыло неограниченные возможности для всеобщего полного среднего образования. В целом число общеобразовательных школ возросло за пятилетку с 5306 до 7302, а число учащихся в них — с 2200 тыс. до 2400 тыс.

В плане реализации указаний III съезда Трудовой партии Кореи об укреплении связи обучения с жизнью, с производством была проведена коренная перестройка системы образования. По закону о новой системе образования, принятому Верховным народным собранием 28 октября 1959 г., предусматривалось обучение детей и подростков в начальной школе в течение четырех лет, в неполной средней школе — трех, в технической школе — двух и в высшей технической школе — двух лет. После семилетнего общеобразовательного обучения, которое являлось обязательным для всех, учащиеся могли поступать в технические и высшие технические школы. Эти школы специализировались по отраслям народного хозяйства: промышленные, сельскохозяйственные, транспортные, строительные и т. д. В 1959/60 учебном году они охватили 80% всех учащихся средних школ. Помимо общеобразовательной подготовки техническая школа, как правило, давала не только одну или две специальности с правом работать в качестве техника, но и право продолжать учебу в любом высшем учебном заведении. В 1962 г. было уже 1228 технических и высших технических школ с 407,5 тыс. учащихся.

Неотложность реформы образования в КНДР диктовалась развернувшейся технической реконструкцией, необходимостью в самые сжатые сроки удовлетворить потребности народного хозяйства в квалифицированных рабочих и техниках.

Всемерно развивая высшее образование с техническим уклоном, Трудовая партия и правительство КНДР открывали новые высшие учебные заведения и расширяли существующие. К 1 сентября 1960 г. в КНДР функционировало 24 технических вуза, а общее число высших учебных заведений к концу 1961 г. составило 92. Особо важную роль играли так называемые заводские вузы, организованные на многих крупных промышленных предприятиях. В них обучались работавшие на предприятиях рабочие и техники, имевшие среднее и среднее специальное образование. Народная власть всячески поощряла заочное высшее образование, предоставляя студентам различные льготы; в 1960/61 учебном году заочники составили 57,3% всех обучавшихся в высших учебных заведениях. В сентябре 1961 г. в различных отраслях народного хозяйства КНДР уже работали 133 тыс. инженеров и техников, т. е. вдвое больше, чем в 1956 г.

Не менее значительным достижением культурной революции в КНДР в период пятилетки стало быстрое развитие отечественной науки. На базе Академии наук и вошедших в нее восьми научно-исследовательских институтов развернулась активная организационная и научная деятельность. В 1959 г. число сотрудников научно-исследовательских учрежде-

ний увеличилось по сравнению с 1956 г. более чем в 5 раз, а число научно-исследовательских институтов в составе Академии наук возросло к концу 1961 г. до 21. Научные исследования проводились не только в академических институтах и лабораториях, но и в вузах, втузах, в научных организациях при министерствах и ведомствах. Академия наук организовала более 20 лабораторий и научных баз на крупнейших промышленных предприятиях страны.

Наука в КНДР развивалась целенаправленно, прежде всего в тех областях, которые способствовали укреплению материально-технической базы социализма, решению конкретных задач первого пятилетнего плана. Ученые добились серьезных результатов в изучении природных богатств страны, ее сырьевых ресурсов. В районе Капсана, например, были обнаружены новые крупные месторождения железной руды и составлена подробная карта. Научные работники внесли большой вклад в развитие производства химического волокна и пластмассовых изделий на базе вырабатываемого в стране ацетилена. Это имело огромное значение для обеспечения текстильной промышленности сырьем (виналоном), а населения — тканями и одеждой. Особая заслуга в разработке этого метода принадлежит академику Ли Сынги. Профессор Квак Чехон внедрил в металлургию метод плавки чугуна с помощью торфяного кокса, велась большая работа по исследованию германия и кремния в целях расширения выпуска соответствующих полупроводников, разработан способ производства целлюлозы из камыша, обеспечивающий большую экономию древесины и эффективный в условиях КНДР.

Серьезное внимание уделялось развитию агротехнических исследований, изучению передовых методов ведения сельского хозяйства. В 1956 г. сельскохозяйственный институт выделился из состава Академии наук КНДР, и на его базе была создана Академия сельскохозяйственных наук. Специалисты разработали более совершенные способы выращивания рисовой рассады в сухом открытом и закрытом грунтах, добились успехов в выращивании хлопка в питательных горшочках, сконструировали рассадосажалку для риса и т. п.

В сфере гуманитарных исследований центральное место отводилось теоретической разработке и обоснованию процесса социалистического строительства в КНДР, применению марксистско-ленинской теории к конкретной действительности Кореи, написанию истории страны, изучению развития национальной культуры. К началу 60-х годов были опубликованы значительные научные труды в области обществоведения: «Археология корейского первобытного общества», «История Кореи в средние века», «История ТПК», «История освободительной борьбы корейского народа», «История Кореи», «Механизация в сельском хозяйстве нашей страны» и многие другие.

В деле подготовки армии специалистов и в развитии науки КНДР пользовалась постоянной помощью социалистических стран, в том числе Советского Союза. Сотни инженеров и техников из СССР и других братских государств, работая на предприятиях КНДР, участвуя в восстановлении и развитии народного хозяйства, делились с корейскими специалистами и рабочими своим опытом, передавали им свои знания, помогали овладевать передовой техникой и тем самым вносили интернациональный вклад в формирование корейской народной интеллигенции. Широкий размах имела практика обучения корейской молодежи в вузах, техникумах и других учебных заведениях социалистических стран. Многие рабочие и специалисты КНДР повышали свою квалификацию на предприятиях братских стран.

В соответствии с соглашениями о научных связях осуществлялось

сотрудничество корейских ученых с учеными социалистических государств: велась подготовка научных кадров (путем обмена научными сотрудниками, обучения в аспирантуре и т. п.), согласовывалось решение научных проблем, происходил обмен научными планами, информационными материалами и трудами, проводились совместные научные изыскания. Ярким примером интернационального сотрудничества ученых СССР и КНДР стало техническое содействие в использовании атомной энергии в мирных целях. По соглашению, заключенному в 1959 г., Советский Союз помог КНДР создать первый в истории страны синхротрон для научных целей. Вместе с учеными других братских стран корейские ученые начали вести постоянную исследовательскую деятельность в Объединенном институте ядерной энергии в Дубне.

Все эти контакты оказывали самое благоприятное влияние на развитие корейской науки, обогащая ее передовыми, современными достижениями и опытом научной мысли.

Воодушевленные указаниями III съезда ТПК, решениями II съезда писателей и республиканского съезда работников искусств, которые состоялись в 1956 г., творческие силы страны приняли активное участие в построении нового общества.

На II съезде писателей главной задачей была борьба с догматизмом. В докладах отмечалось, что догматические представления о социалистическом реализме обеднили корейскую литературу, привели к ее отставанию от требований жизни, указывалось на ослабление внимания к важным темам современности.

Многие писатели были откомандированы на заводы, в сельскохозяйственные кооперативы, чтобы глубже изучить жизнь, ближе познакомиться с героями будущих произведений. В гуще трудовых будней рождались романы, повести, поэмы, проникнутые пафосом движения «Чхоллима», невиданного до сих пор революционного подъема и трудового энтузиазма. Изображение современника, строящего социализм, стало главным содержанием литературы; жизни рабочего класса были посвящены романы Юн Седжуна «Испытание», «Домна дышит», повести Ли Санхёпа «Перелом» и «Горячие ветры», послевоенной деревне — «Новая весна в Соккэуле» Чхон Себона, «Первый урожай» Ли Гынъёна и многие другие.

Большое внимание литература этого времени отводила изображению героической партизанской борьбы корейского народа против японских колонизаторов, славным подвигам во время отечественной войны 1950—1953 гг. Наиболее значительным мемуарным произведением этого рода были воспоминания старого коммуниста Пак Таля, соратника Ким Ир Сена по партизанской борьбе в 30-х годах, которые вышли в 1960 г. Горячий отклик у корейских читателей нашла тема мирного воссоединения родины и освободительной борьбы народа Южной Кореи, изнывающего под гнетом американских захватчиков и марионеточных властей. Наиболее заметными произведениями этой темы были роман Пак Унголя «Отечество», вторая часть трилогии Ли Гиёна «Земля», роман Юн Сичхоля «Родная земля», поэмы Мин Бёнгуна «Равнина Ороли» и Ким Хагёна «Юный партизан», роман Ом Хынсопа «Заря на востоке», драма Ли Джонсуна и Чхве Гёна «Так больше жить нельзя».

Значительное развитие получили и произведения, посвященные историческому прошлому страны, воспевающие национальные традиции и обычаи, открывающие новые страницы славного прошлого корейского народа. К их числу относится, например, роман писателя Чхве Мёнъика «Отец Сосан». Издавались также памятники корейской классической литературы, значительно возросли тиражи переводных книг, в том числе

советских. Лучшие произведения корейских писателей завоевывали признание далеко за пределами страны.

Больших успехов добилось в эти годы и корейское искусство. Было построено 137 новых театров и кинотеатров, включая Пхеньянский Большой театр, выпуск фильмов увеличился почти в 4 раза. В 1959 г. действовало 800 киноустановок, в республике функционировало более 60 тыс. кружков художественной самодеятельности, в которых участвовали 1252 тыс. человек.

В творчестве виднейших драматургов конца 50-х годов ведущей темой становится антияпонская вооруженная борьба корейских партизан. В театрах ставятся пьесы Сон Ёна «Пэктусан виден отовсюду» («Патриот»), «Феникс», «Я опять перехожу речку»; Пак Ёнбо «Подсолнечник» и «Дочь солнца»; Намгун Мана «Коммунист»; Пак Хёка «Мать Кореи»; Ли Джонсуна «Рассеивается туман над горами и реками родины» и др. Борьбе патриотов Южной Кореи и бдительности по отношению к затаившемуся врагу посвящены выходившие в это время пьесы Ли Джиёна «В деревне у демаркационной линии» и Сон Ёна «Взорвался вулкан гнева». Славные страницы национальной истории раскрывались в поставленном на сцене Государственного драматического театра спектакле «Флотоводец Ли Сунсин» (драматург Чо Ёнчуль). В народной музыкальной драме (чхангык) наметился выход за рамки классического лирико-эпического песенного склада. Больше стали уделять внимания сценическому оформлению спектаклей, более выразительным музыкальным средствам, вопреки классическим канонам начали вводить большие хоровые и танцевальные номера, шире использовать народные песни. Примером такого новаторства явились оперы «Флотоводец Ли Сунсин» в Государственном театре народного искусства (музыка Пак Тонсила и Чо Сансона, либретто Пак Тхэвона), «Пэбэни» (музыка Ким Джинмёна и Ю Джебока, либретто Чо Ёнчуля) и «Сказание о Чанхва и Хонён» (музыка Ким Джинмёна, либретто Ким Ёнпхаля и Чо Ёнчуля), а также спектакль «Хванхэская песнь», сочетавший в себе традиционные формы с современным содержанием (музыка Чон Намхи, Чо Сансона и Син Ёнчхоля, либретто Пак Пхаряна).

Значительным событием в театральной жизни народной Кореи в эти годы стала постановка современного (кагык) героического оперного спектакля «Расскажи, тайга!» композиторов Ли Мёнсана и Син Досона по либретто Сон Ёна. Это была постановка, рассказавшая о славном прошлом — антияпонской партизанской борьбе корейского народа; художественными средствами на основе современной музыки и танцев раскрывалась актуальная тема, волновавшая всех в Корейской Народно-Демократической Республике. Спектакль ставили все музыкальные и театральные коллективы страны. Не менее широкую известность и признание получила другая опера современного направления — «Мать Кореи» (музыка Ли Мёнсана, Ли Джонона и Ким Гирхака). В 50-х годах они составили основу быстро растущего современного оперного искусства. О дальнейшем укреплении и развитии дружеских культурных связей между Корейской Народно-Демократической Республикой и Советским Союзом свидетельствовали постановки двух русских классических опер — «Ивана Сусанина» М. И. Глинки и «Евгения Онегина» П. И. Чайковского, осуществленные Государственным художественным театром в содружестве с коллективом Московского Большого театра.

В 1956 г. Государственная балетная студия была реорганизована в Государственный театр балета, а в 1959 г. — в Государственный хореографический театр. Поставленный им спектакль «Ке Ворхян», посвященный героической борьбе корейского народа в Имджинской войне,

имел большой и заслуженный успех. Были созданы и развернули активную деятельность хореографические труппы народного искусства, центральные и провинциальные ансамбли песни и танца, художественные театры провинций, Государственное балетное училище. Из их постановок в 1956—1961 гг. выделялись: «Полевые цветы» (ГХТ) Хван Хаккына, «Симчхон» (ГХТ) Ким Ёнгю, «Красные сердца» (ГХТ) и «Непоколебимая верность» (постановка балетмейстера Кан Окчхэ), «Красное знамя» в Государственном балетном училище (либретто Чхве Гэ по мотивам пьесы Сон Ёна «Патриот»), «Новое отправление» в Государственном хореографическом театре (музыка Ким Ёнгю, балетмейстеры Чон Догвон и Ким Суджо) и др. Эти балетные спектакли отличались существенно возросшим художественным уровнем, мастерством исполнения и режиссуры.

Наиболее крупными и популярными создателями современных опер становятся в этот период композиторы Мун Гёнок, Ли Мёнсан, Хам Хонгын, Хван Сунхён, а музыки к балетным спектаклям — композиторы Чхве Оксам, Ким Гынмён, Ким Ёнгю и Ян Гибон. Их музыка на сцене корейских театров снискала горячее одобрение слушателей. Пятидесятые годы — период создания первых корейских симфоний: с «Первой симфонии» Син Досона и симфонической поэмы «За родину» Чо Гильсока начинается подъем симфонической музыки в стране.

Трудовой и революционный энтузиазм и патриотизм корейского народа, добившегося освобождения, отстоявшего демократические завоевания и независимость от посягательств империалистических сил, строящего новую жизнь, породили небывалую потребность в популярной песне. Особенно большую любовь завоевали современные массовые песни, созданные композиторами Ким Вонгю, Ли Донджуном, Ким Гирхак, На Хваилем, Хан Сихёном, Пак Ёнхилем, Пак Хангю, Ли Гванмо.

Своеобразие переживаемой эпохи породило и такую новую форму спектаклей, как музыкально-хореографическая поэма, соединяющая различные жанры музыкального и театрального искусства. В этих грандиозных представлениях участвуют обычно тысячи исполнителей. Одной из таких красочных постановок была «Славная наша родина», осуществленная в 1959 г. и получившая необычайно широкое признание в стране и за ее пределами.

После восстановления разрушенной в годы войны Государственной киностудии быстро растет производство фильмов. Уже в 1956 г. на экраны вышли семь полнометражных лент: «Больше так жить нельзя» (сценарий Ли Джонсуна, режиссер Чхон Санин), в которой в острой политической форме был поставлен вопрос о необходимости воссоединения разделенных 38-й параллелью братьев и сестер, родителей и детей, страдающих в разлуке. В фильме «Виднеется Пэктусан» (сценарий Юн Духона, режиссер Ким Наксоп) раскрывались страницы героической жизни корейских партизан. Тогда же появился и первый цветной корейский фильм — «Сказание о крепости Садо» (сценарий и режиссура Чон Джунчхэ), в красочной форме рассказывавший об одном из исторических эпизодов — обороне крепости во время нашествия японских захватчиков в эпоху Силла. Этот фильм положил начало последующему развитию цветной кинематографии в стране. Крупными достижениями корейского кинематографа стали фильмы: экранизация романа Ли Гиёна «Земля» (сценарий Ли Дыххона, режиссер Чон Донмин), «Любите будущее» (сценарий Пак Сынсу, режиссеры Чжон Санин и Чхве Намсон), «Патриот» (сценарий Сон Ёна и Чу Донина, режиссер Чон Донмин), «Феникс» (сценарий Хан Санун, режиссеры Хан Хичхоль, Чон Донмин), «Разве можно жить в разлуке?» (сценарий Хан Сануна и Ян Джэчхуна, режиссер

О Бёнчхо), «Путь один» (сценарий Чу Мин и О Бёнчхо, режиссер О Бёнчхо); фильмы по мотивам древних легенд — «Сказание о Чхунхян» (режиссер Юн Ёнгю), «Оранчхон» (сценарий Хан Сола, режиссер Юн Ёнгю), «Сказание о Симчхон» (режиссер Ким Наксон по либретто Ким Абу), — воспевавшие красоту, мужество, патриотизм, верность долгу и чувству любви.

В этот же период осуществляется совместная постановка цветного советско-корейского фильма «Братья», или «Утро Востока». Сценарий написан советским писателем А. Первенцевым и Ким Сынгу (режиссеры И. Лукинский и Чхон Санин). Фильм пользовался в Корее огромной популярностью, он очень убедительно раскрывал нерушимость дружбы советских и корейских людей, показывал огромную любовь и благодарность простых тружеников Кореи советским воинам, принесшим свободу в Страну Утренней Свежести.

Высокая идейность, актуальность тематики и разнообразие выразительных средств характерны для произведений изобразительного искусства в 50-е годы. На ежегодных художественных выставках обращали на себя внимание такие произведения изобразительного искусства, как выполненные тушью картины «После работы» Ли Пхальчхана, «Помощь фронту» Чон Джонёна, «Танец» Ким Ёнджуна или маслом — «Воины-освободители» Ким Ингвона, «Первомартовское движение» Ли Кхведэ, «Сталевары» Чон Гванчхоля, «Освоение передовой техники» Ким Манхёна, «Сын вернулся» Сон Дама и др.

Многие полотна были посвящены героизму партизан, воинов Народной армии — «Высота 1211», «Партизанка», «Перед атакой», «Последний бой». Портретный жанр пополнился серией, изображающей революционеров, участников антияпонской борьбы, героев отечественной войны, передовиков производства. Особую актуальность приобрела плакатная живопись, развивалась гравюра на дереве, заметных успехов достигла имеющая богатые национальные традиции скульптура, в особенности монументальная.

Широкие возможности для поисков и новых творческих решений в области архитектуры открылись с разработкой в 1953 г. генерального плана реконструкции и восстановления Пхеньяна и других городов Корейской Народно-Демократической Республики. Главным направлением в деятельности корейских архитекторов стало изыскание и осуществление наиболее рациональных и недорогих в строительстве проектов жилых и административных зданий, сочетающих национальные традиции и современные формы. В таком стиле были, например, построены в Пхеньяне театр «Моранбон», железнодорожный вокзал, универмаг, Большой театр, Дворец пионеров, Центральный музей революции, а также гостиница в Вонсане, кинотеатр в Хамхыне и другие здания. Городское и сельское строительство росло с каждым годом. Больницы, школы, детские учреждения, санатории и дома отдыха, жилые дома проектировались и строились под руководством архитекторов Ким Джонхи, Кан Джохван, Ли Хён, Пак Акхван, Син Сунгён и др. Ряд зданий, а в некоторых городах и целые кварталы, были спроектированы и построены с помощью архитекторов из Советского Союза и других социалистических стран.

Большое значение в борьбе за повышение идейного и художественного уровня произведений искусства имела Всекорейская конференция деятелей литературы и искусства, состоявшаяся в декабре 1958 г. Конференция призвала всех творческих работников бороться за новый подъем литературы и искусства, решительно осудила появление ряда ошибочных произведений, извращавших современную действительность. Были намечены и осуществлены меры по усилению идеологической ра-

боты среди деятелей культурного фронта и обеспечению дальнейшего развития литературы и искусства по пути социалистического реализма.

Одним из решающих условий успехов культурной революции в КНДР, раскрывшей неисчерпаемые духовные силы трудящихся свободной Кореи, стало в эти годы всестороннее сотрудничество с социалистическими странами.

Борьба за мирное объединение страны после Женевского совещания

После того как государства американского блока воспрепятствовали решению корейского вопроса на Женевском совещании, борьба за воссоединение Кореи не только не прекратилась, но стала еще более активной, особенно в 1956—1961 гг. Успехи социалистического строительства сопровождались весьма энергичной деятельностью Трудовой партии Кореи и правительства КНДР в этом направлении. Ее активизации предшествовал целый ряд акций правительства КНДР, предпринятых после международного форума в Женеве. Так, в октябре 1954 г. VIII сессия Верховного народного собрания КНДР приняла Обращение к населению Южной Кореи. В нем предлагалось в течение следующего года созвать в Пхеньяне или в Сеуле совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи или же объединенную сессию ВНС КНДР и Национального собрания Южной Кореи для обсуждения вопроса о мирном объединении родины; провести в феврале 1955 г. в Пханмунджоме или Кэсоне совещание представителей Северной и Южной Кореи для обсуждения вопроса о созыве указанного совещания или объединенной сессии верховных органов обеих частей Кореи.

Обращение высшего органа власти КНДР не встретило поддержки у правящих кругов Южной Кореи. Правительство Юга заявило, что отклоняет предложения Севера, так как любому обсуждению вопроса об объединении должен предшествовать вывод из Северной Кореи китайских коммунистических войск. Национальное собрание приняло резолюцию, направленную против объединения Кореи путем переговоров между Севером и Югом.

14 августа 1955 г. Ким Ир Сен, выступая на торжественном собрании по случаю десятой годовщины освобождения Кореи, выдвинул программу мирного объединения страны. В докладе говорилось, что корейская проблема должна решаться в соответствии с волей самого корейского народа. Необходимо вывести из Кореи иностранные войска; государствам, заинтересованным в мирном разрешении корейского вопроса, взять на себя обязательства по предотвращению новой войны или любого другого действия, которое могло бы вызвать угрозу сохранению мира в Кореи; правительствам Северной и Южной Кореи заявить, что они обязуются решать все вопросы объединения страны только мирным путем.

Эта программа легла в основу принятой III сессией Трудовой партии Кореи 28 апреля 1956 г. Декларации «За мирное объединение Родины», сформулировавшей принципиальные положения по мирному объединению страны: «Разрешение корейского вопроса должно быть осуществлено в соответствии с волей самого корейского народа на демократических началах, а единое корейское правительство должно быть создано на основе всекорейских выборов». Декларация предлагала:

Созвать объединенное совещание представителей партий и организаций обеих частей страны для создания единого фронта патриотически

настроенных политических партий, общественных организаций и отдельных политических деятелей Северной и Южной Кореи.

Добиться смягчения существующей напряженности и создания условий для взаимопонимания между Северной и Южной Кореей путем превращения перемирия в прочный мир, осуществления свободного передвижения населения между Севером и Югом, широкого обмена в области экономики, культуры, науки и искусства.

Создать общекорейский постоянный комитет из представителей ныне существующих законодательных органов, правительств, политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи.

Созвать международное совещание заинтересованных стран с участием представителей Северной и Южной Кореи¹³.

В этом важном документе говорилось о необходимости строжайшего соблюдения Соглашения о перемирии и желательности принятия властями Севера и Юга обязательства разрешать все вопросы, касающиеся объединения Кореи, мирными средствами, предлагалось сократить армию и военные расходы, добиться вывода из страны всех иностранных войск.

Принимая Декларацию, съезд подчеркнул, что к борьбе за мирное объединение страны необходимо привлечь самые широкие массы корейского народа и для этого демократизировать политическую и общественную жизнь Южной Кореи, улучшить положение трудящихся.

24—25 мая 1956 г. в Пхеньяне состоялось расширенное заседание ЦК ЕДОФ, обсудившее практические меры по установлению контактов с Южной Кореей. Представители правительства и ЕДОФ подтвердили сделанные ранее предложения о снабжении Южной Кореи электроэнергией, лесоматериалами, каменным углем, о предоставлении южнокорейским рыбакам права рыбного промысла в территориальных водах КНДР, об установлении почтового обмена, контактов в области науки, литературы, искусства, здравоохранения, спорта и т. д.

31 мая 1956 г. правительство КНДР, стремясь к разрядке напряженности между обеими частями страны, выступило с предложением об одновременном сокращении войск Южной и Северной Кореи. В заявлении по этому поводу указывалось, что правительство КНДР, как и прежде, не применит первым свои вооруженные силы против южнокорейских властей. Хотя сеульские власти отказались принять это предложение, КНДР в одностороннем порядке решила сократить свои вооруженные силы на 80 тыс. человек.

В сентябре 1957 г. на I сессии ВНС КНДР южнокорейскому правительству вновь было предложено сократить численность вооруженных сил в обеих частях Кореи до 100 тыс. человек, восстановить торговлю между Севером и Югом, созвать совещание заинтересованных государств с участием КНДР и Южной Кореи для мирного урегулирования корейского вопроса.

Однако империалистические круги США и южнокорейский режим продолжали игнорировать миролюбивые предложения КНДР, активно поддерживаемые Советским Союзом и другими социалистическими странами, так как стремились развязать на Корейском полуострове новую агрессию. После заключения перемирия армия Южной Кореи за короткий срок была увеличена с 16 до 31 дивизии и оснащена современным оружием, которое незаконно поставлялось американской стороной.

Стремясь получить свободу рук в милитаризации Южной Кореи, командование «войск ООН» добилось прекращения деятельности Комиссии нейтральных стран. С 1954 г. лисынмановский режим постоянно организует всевозможные инциденты, чтобы сорвать работу этой Комиссии. Пользуясь напряжением, созданным на 38-й параллели, как предлогом,

американский представитель в Военной комиссии по перемирию от имени командования «войск ООН» заявил, что деятельность Комиссии временно прекращается, и предложил ей вывести свои инспекционные группы из Южной Кореи. Вскоре командование «войск ООН» перестало информировать Комиссию нейтральных стран по перемирию о ввозе вооружения в Южную Корею.

Политика попустительства и прямого подстрекательства со стороны США привела к тому, что Ли Сынман, забыв о недавнем прошлом, все более определенно стал выражать намерение силой добиться объединения Кореи. В декабре 1957 г. он повторил, что вооруженные силы Южной Кореи неоднократно пытались предпринять поход на Север, но их сдерживало отсутствие необходимых военных техники и снаряжения. Он заявил, что обе части Кореи можно быстро объединить, если «войска ООН» дадут возможность выступить и начать борьбу.

Южнокорейское правительство и империалистические круги США, препятствуя мирному решению корейской проблемы, постоянно ссылались на «угрозу» со стороны находившихся на территории КНДР китайских добровольцев и обуславливали возможность переговоров с корейской стороной их выводом. В связи с этим правительство КНДР предприняло соответствующие шаги. 5 февраля 1958 г. оно выступило с предложением о мирном объединении страны и выводе всех иностранных войск из Южной Кореи. Эти предложения были продиктованы постоянной позицией КНДР, которая исходила из того, что важнейшим условием сохранения мира в Корее и мирного объединения страны является вывод иностранных войск и предоставление корейскому народу самому решать свою судьбу. Правительство Китайской Народной Республики поддержало эту инициативу, заявив, что готово обсудить с правительством КНДР вопрос о выводе китайских народных добровольцев из Северной Кореи, и призвало США и другие государства — участников корейской войны — вывести свои войска.

Предложения правительств КНДР и КНР о выводе иностранных войск из Кореи получили полную поддержку Советского Союза, социалистических стран и самых различных кругов мировой общественности как мероприятие, имеющее важное международное значение, способствующее разрядке международной напряженности, укреплению доверия между государствами и упрочению мира на Дальнем Востоке. В опубликованном 21 февраля 1958 г. Заявлении правительства СССР говорилось, что вывод войск из Кореи является первой и основной предпосылкой мирного объединения страны и создает возможность постепенного сближения между Севером и Югом. Такое сближение было бы значительно облегчено, подчеркивалось в Заявлении, если бы Северная и Южная Корея заключили соглашение о мире и взяли обязательство не прибегать к силе для решения спорных вопросов, если бы они достигли соглашения о значительном сокращении вооруженных сил и, наконец, если бы оба правительства заявили, что не допустят размещения на их территории ядерного и ракетного оружия. Правительство СССР еще раз высказалось за созыв совещания заинтересованных государств, которое обсудило бы мероприятия, содействующие сближению обеих частей Кореи.

Соединенные Штаты Америки и другие западные государства отнеслись к корейско-китайскому предложению резко отрицательно. Представитель госдепартамента США Л. Уайт, выступая на пресс-конференции 19 февраля 1958 г., заявил, что не может быть и речи о выводе американских войск. Во время обмена нотами между правительством Великобритании, которое выступало от имени стран — участниц войны в

Корею, и Китайской Народной Республикой западные державы по существу уклонились от обсуждения вопроса о выводе своих войск из Кореи. Они продолжали настаивать на проведении выборов в Корею под наблюдением ООН, т. е. вновь выдвигали условия, отвергнутые КНДР еще на Женевском совещании. Тогда, не ожидая аналогичных акций со стороны западных держав, правительство Китая до ноября 1958 г. (в три этапа — апрель, август и октябрь) вывело из КНДР всех китайских добровольцев.

Это создавало условия для решения корейской проблемы самим корейским народом. США и другие западные государства не последовали примеру Китайской Народной Республики. Американские империалистические круги преследовали на Корейском полуострове далеко идущие агрессивные цели и продолжали держать на Юге войска. Чтобы как-то оправдать их незаконное пребывание, была выдвинута новая версия, будто на корейско-китайской границе находятся большие войсковые соединения китайцев, которые, мол, представляют опасность для южнокорейского режима, и что по этой причине пребывание американских войск в Южной Корею необходимо.

Несмотря на противодействие стран американского блока, Трудовая партия и правительство КНДР продолжали добиваться справедливого решения проблемы мирного объединения страны на демократических началах. На VI сессии ВНС КНДР снова обсуждался вопрос о мирном объединении страны и было принято письмо к южнокорейскому Национальному собранию и к народу Южной Кореи, а также Обращение к парламентам всех стран мира. В этих документах для ускорения объединения страны и обсуждения вопросов, связанных с проведением общекорейских выборов, Верховное народное собрание КНДР предложило создать постоянный комитет из представителей парламента, правительств или партий и общественных организаций Южной и Северной Кореи. Верховный орган народной власти призывал всех, кто выступает за вывод американских войск и желает объединения родины, независимо от политических взглядов, партийности и прошлых деяний действовать совместно в борьбе за национальное объединение. ВНС КНДР обратилось к парламентам всех стран мира с призывом поддержать идею объединения Кореи путем свободных всеобщих выборов на демократических началах. Указанные предложения были полностью одобрены Верховным Советом СССР, парламентами всех стран социализма, всем прогрессивным человечеством.

Миролюбивая политика Корейской Народно-Демократической Республики по объединению родины, базировавшаяся на объективном учете реальной обстановки на Юге страны и пользовавшаяся постоянной активной поддержкой всех без исключения социалистических стран, шаг за шагом пробивала брешь в фундаменте южнокорейской реакции, будоражила общественное мнение, находила сочувствие среди различных слоев общества. Население Южной Кореи все чаще обращало взоры по ту сторону 38-й параллели, где видело искреннее стремление северо-корейских братьев к достижению национального единства мирными средствами. Когда в апреле 1960 г. в Южной Корею произошло восстание, свергнувшее ставленника империалистических кругов США Ли Сынмана и нанесшее серьезный удар по их колониальным позициям, то немаловажную роль в этом сыграли предложения КНДР по мирному решению корейской проблемы.

Учитывая изменения, происшедшие в Южной Корею в результате прихода к власти более демократического буржуазного правительства Чан Мёна, Трудовая партия и правительство КНДР выработали новые предложения по мирному объединению страны, которые отвечали сло-

жившейся на Юге ситуации. VIII сессия Верховного народного собрания КНДР в ноябре 1960 г. выдвинула программу мирного объединения. В этом важном документе утверждался основной принцип мирного объединения — проведение свободных всеобщих выборов в северной и южной частях страны без какого бы то ни было иностранного вмешательства. Предлагалось в качестве переходного этапа создать Конфедерацию Южной и Северной Кореи при сохранении самостоятельной деятельности правительств КНДР и Корейской республики. Если же южнокорейские власти не согласятся на конфедеративное устройство, то имелось в виду образовать экономический комитет из представителей деловых кругов обеих частей страны, чтобы, не затрагивая политических вопросов, осуществлять экономическое сотрудничество и обмен между Южной и Северной Кореей.

Предложения о создании Конфедерации наиболее соответствовали политической обстановке, сложившейся в тот период на Корейском полуострове, отвечали стремлениям народа обеих частей Кореи, отражали реальное положение дел. Они нашли отклик в Южной Корее, стали предметом обсуждения не только широких слоев населения, но и в Национальном собрании. КНДР выразила также готовность поставить в Южную Корею в порядке помощи необходимое оборудование для восстановления бездействующих предприятий и для строительства новых заводов и фабрик, направить нужное для этого сырье и предоставить кредиты, поставлять электроэнергию, уголь, цемент, листовое стекло, станки, химические продукты и т. п., столь необходимые Южной Корее для ее промышленного развития. Она предложила также оказать содействие подъему сельскохозяйственного производства и материального положения крестьянства. Предлагалось предоставить в ближайшие годы несколько сот моторных судов для южнокорейских рыбаков. Предусматривались мероприятия по развитию торговли и культурного обмена, по восстановлению транспорта и связи, развитию здравоохранения.

Все указанные предложения также соответствовали сокровенным чаяниям народа южной части страны, как и идея о создании Конфедерации, и оказали существенное влияние на дальнейшее развертывание освободительного движения в Южной Корее в конце 1960 — начале 1961 г. Рост массовых выступлений за объединение родины, против режима Чан Мёна, сменившего Ли Сынмана и столь же неспособного разрешить социально-экономические противоречия и добиться национального воссоединения, вынудил южнокорейскую реакцию прибегнуть к крайним мерам — к военному перевороту, осуществленному армейской верхушкой в мае 1961 г.

Борьба за справедливое решение корейского вопроса велась и на международной арене. На каждой очередной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в той или иной степени рассматривались проблемы национального воссоединения Кореи. На IX—XIV сессиях Генеральной Ассамблеи ООН основная позиция стран американского блока сводилась к тому, чтобы распространить лисынмановский режим на всю территорию Кореи путем проведения «свободных» выборов под наблюдением ООН. Они систематически выступали против приглашения представителей КНДР на обсуждение корейского вопроса и настаивали на соблюдении прежних резолюций, предусматривающих прямое вмешательство ООН в корейские дела.

С каждой сессией позиции делегации США и следующих в фарватере их политики стран становились все более непрочными, а силы сторонников справедливого разрешения корейского вопроса росли и крепились. Все большее число стран высказывалось за приглашение на обсуждение

корейского вопроса представителей не только Южной, но и Северной Кореи. Выступая против приглашения КНДР, некоторые страны перестали ссылаться на то, что единственно законным является лишь правительство Юга. Ряд делегатов заявили, что невозможно объединить страну насильственным путем, и начали высказываться в пользу переговоров между Северной и Южной Кореей, вывода иностранных войск из страны.

Все это говорило о том, что к началу 60-х годов в разрешении корейской проблемы на международной арене и в ООН наметился определенный сдвиг, создавались дополнительные условия для успешной борьбы корейского народа за единство родины.

КНДР В ПЕРИОД РАЗВЕРНУТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1961—1970)

Международная обстановка

В 60-х годах, на третьем этапе углубляющегося общего кризиса капитализма, главные линии мирового развития по-прежнему определялись активностью сил революции и социализма, сил мира и национально-освободительного движения. В это десятилетие многие братские страны завершили создание основ социализма и перешли к строительству развитого социалистического общества. Окрепло внешнеполитическое и внешнеэкономическое сотрудничество социалистических государств, продолжали расти роль и влияние мирового социализма на судьбы человечества. Несмотря на определенные трудности, крепла консолидация социалистических стран. Огромное значение для дальнейшего сплочения социалистических и международных коммунистических сил имело состоявшееся в июне 1969 г. Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве.

Происходило также дальнейшее обострение классовой борьбы в капиталистическом мире. С 1960 по 1968 г. в развитых капиталистических странах в забастовочной борьбе приняли участие в общей сложности свыше 300 млн. человек. Резко увеличился напор широких народных масс, требовавших социальных перемен; повсюду в капиталистическом мире классовая борьба все теснее переплеталась с выступлениями трудящихся против военных авантюристов империалистов, против возрождения фашизма, за сокращение и расширение демократических свобод, за национальную независимость. Нередко происходили мощные социальные общедемократические освободительные выступления, в которых вместе с рабочими принимали участие широкие слои крестьянства, интеллигенции, городского населения. Классовые битвы расшатывали власть монополий, обостряли противоречия капиталистического общества.

Продолжала расти роль антиимпериалистического, национально-освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки в мировом революционном процессе; 45 бывших колоний завоевали за это время независимость.

За указанное десятилетие, особенно в его вторую половину, заметно обострилось противоборство между силами прогресса и реакции, между социализмом и империализмом. Направляя главный удар своей агрессивной стратегии против социалистических государств, империализм, прежде всего его главная сила — американский империализм, любыми средствами стремился ослабить позиции социализма, воспрепятствовать борьбе трудящихся в капиталистических странах, подавить национально-освободительное движение народов. Резко активизировались реакционные круги США и других империалистических держав. За минувшие годы империализм не раз провоцировал острые международные кризисы, крайне опасные для дела мира, ставившие человечество на грань термо-

ядерного конфликта. Карибский кризис осенью 1962 г., интервенция во Вьетнаме в 1965 г., агрессия Израиля — форпоста американского империализма на Ближнем Востоке — против арабских государств в 1967 г., реакционные перевороты в Гане и в Греции в 1966 и 1967 гг., попытки возрождения с помощью НАТО германского реваншизма, вступление США в войну в Камбодже в 1970 г. и многие другие события и факты являлись неоспоримым свидетельством возросших экспансионистских устремлений империалистических сил.

Активизировалась подрывная деятельность империализма против социалистических государств. Наряду с идеологической диверсией, политикой «наведения мостов», попытками разложить социализм изнутри империалистические круги совместно с различного рода ревизионистскими и подрывными элементами стали на путь организации контрреволюционных переворотов. Летом 1968 г. они предприняли попытку свернуть развитие Чехословакии с социалистического пути. Однако объединенными усилиями европейских стран социализма и революционных сил в стране эта попытка была сорвана.

«Используя военно-политические блоки и базы на чужих территориях, экономический нажим и торговую блокаду,— говорится в Основном документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г.,— империализм сохраняет напряженность в ряде районов мира. Он оказывает финансовую и политическую поддержку реакционным организациям, усиливает политическое давление. Вооруженные интервенции, жестокие репрессии — особенно там, где борьба приобретает наиболее острые формы и где революционные силы сражаются с оружием в руках,— контрреволюционные заговоры, реакционные и фашистские перевороты, провокации и шантаж — всё пущено в ход империализмом»¹. Небывалых размеров достиг милитаристский курс Соединенных Штатов. Военные расходы США в 1967—1969 гг. составляли почти 350 млрд. долл.

Азиатский континент — один из главных районов, где особенно отчетливо проступает агрессивная сущность империализма, облаченная в утонченные, приспособленные к местным условиям неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИЕ формы. Причем в Азии наряду с империализмом Соединенных Штатов в 60-е годы усилились позиции бурно растущего японского империализма, которому американские правящие круги вынуждены предоставлять всё новые и новые возможности для экономической и политической экспансии.

В эти годы произошли существенные изменения и в неокOLONИАЛИСТИЧЕСКОМ курсе США в Южной Корее. Расширяя экспансию на Азиатском континенте, США придают большое значение Южной Корее как политическому партнеру в борьбе против национально-освободительных революций, важному бастиону антикоммунизма, противостоящему социалистическим странам азиатского региона, военно-стратегическому плацдарму. В связи с этим они еще более укрепили в Южной Корее свои позиции, активизировали прежнюю систему договоров и соглашений и вместе с тем способствовали упрочению военно-диктаторского режима Пак Чонхи, усилению его милитаристского антикоммунистического курса, привлекли южнокорейское правительство к участию во вьетнамской аванюре и к подготовке создания в Азии различных региональных блоков и систем.

Испытывая серьезные затруднения и неся большие расходы в связи с войной в Индокитае, продолжающейся гонкой вооружений, осуществлением функций международного жандарма, США вынуждены были сократить безвозмездные затраты на поддержание южнокорейского ре-

жима. Одновременно они изыскивали более эффективный способ держать этот режим в своей орбите и использовать его в агрессивных целях.

Еще в 1965 г. США добились осуществления «нормализации японо-южнокорейских отношений» вопреки воле корейского и японского народов и с помощью этой меры как бы переложили на японский империализм часть финансового бремени по поддержанию южнокорейского режима, сохраняя пока в своих руках основные политические позиции. Начинается бурное экономическое проникновение японского монополистического капитала в страну, неизбежно ведущее к усилению политического воздействия. Летом 1970 г. в соответствии с «гуамской доктриной» президента США Р. Никсона принимается решение о частичном выводе из Южной Кореи находившихся там со времен корейской войны американских войск, насчитывавших более 60 тыс. человек.

Взамен южнокорейскому режиму предоставляется все возрастающая военная помощь США на укрепление и модернизацию армии, численный состав которой превышает 600 тыс. человек; происходит активная милитаризация страны, особенно усилившаяся в последние годы. На американские средства (военная помощь США, предоставленная Южной Корее в 1945—1970 гг., превысила 3,1 млрд. долл., причем только за 1962—1970 гг. она перевалила за 1,6 млрд. долл.) Южная Корея покупает самое современное вооружение: новейшие типы самолетов и военных кораблей, танков, современное ракетное и стрелковое оружие и т. п., укрепляет и расширяет военное сотрудничество с США, проводит совместные маневры. В порядке «компенсации» за частичный вывод своих войск и полученную при этом экономию средств США обязались предоставить в течение пяти лет новую военную помощь Южной Корее (более 1,5 млрд. долл.). Процессы милитаризации Южной Кореи, вовлечение ее в экспансионистские планы и акции США в Азии, в частности в Индокитае, использование послушного южнокорейского режима для консолидации антикоммунистических сил и создания агрессивных региональных блоков под эгидой США ложатся тяжелым бременем на население страны, вызывают протесты и сопротивление, усиливают национально-освободительные тенденции и стремление к единству страны.

В то же время на севере Корейского полуострова происходил противоположный процесс — усиливалась борьба Корейской Народно-Демократической Республики за мирное демократическое решение проблемы объединения родины, расширялись ее контакты с социалистическими странами, укреплялся авторитет на международной арене.

В 60-е годы КНДР заметно активизировала внешние связи с рядом государств Азии, Африки и Латинской Америки. К 1971 г. она установила дипломатические и консульские отношения с 44 государствами мира и осуществляла торговые контакты более чем с 70 странами. При этом особенно широкий и плодотворный обмен проводился с социалистическими государствами, на долю которых приходилось более 80% всего товарооборота КНДР.

Все это способствовало укреплению международных позиций КНДР и созданию предпосылок развернутого строительства материально-технической базы социализма в стране.

IV съезд ТПК. Семилетний план развития народного хозяйства КНДР (1961—1967) и борьба трудящихся за его выполнение

Задачи нового этапа социалистического строительства были обсуждены на IV съезде Трудовой партии Кореи, который начал свою работу 11 сентября 1961 г. в обстановке всеобщего политического и трудового

подъема, всенародной борьбы за выполнение плана первого года семилетки. Делегаты съезда представляли 1 166 359 членов и 145 204 кандидата в члены партии. За отчетный период в ряды партии вступили 146 618 человек. Удельный вес членов партии из рабочих за это время вырос с 17,3 до 30%.

С Отчетным докладом ЦК IV съезду Трудовой партии Кореи выступил Ким Ир Сен. В докладе были подведены итоги борьбы трудящихся КНДР за выполнение пятилетнего плана и дана развернутая программа нового этапа социалистического строительства.

Съезд отметил, что за отчетный период были успешно разрешены основные проблемы переходного периода от капитализма к социализму, подготовлены материальные и социальные предпосылки для подъема на более высокую ступень социалистического строительства.

Съезд детально обсудил конкретные задания семилетки (1961—1967) и принял решение вынести их на всенародное обсуждение с последующей разработкой и принятием Верховным народным собранием КНДР Закона о семилетнем плане развития народного хозяйства на 1961—1967 гг.

Определяя основную задачу семилетнего плана, Ким Ир Сен сказал: «С выполнением пятилетнего плана наша страна сделала большой прогресс в строительстве самостоятельной промышленности и технической реконструкции народного хозяйства. Однако пока мы заложили лишь основы индустриализации, сделали лишь первый шаг вперед в технической революции. Следовательно, осуществление социалистической индустриализации и всесторонней технической революции во всех отраслях народного хозяйства является центральной задачей семилетнего плана»². В ходе выполнения семилетки Корейская Народно-Демократическая Республика должна была стать развитым, индустриальным социалистическим государством.

В решениях съезда подчеркивалось, что для успешного выполнения поставленной задачи необходимо неуклонно придерживаться принципа преимущественного развития тяжелой индустрии при одновременном быстром росте легкой промышленности и сельского хозяйства.

Для дальнейшего улучшения жизни трудящихся было решено в первой половине семилетки основное внимание сосредоточить на ускоренном развитии легкой промышленности и сельского хозяйства (при эффективном использовании базы тяжелой индустрии, заложенной в годы первой пятилетки).

Во второй половине семилетки главное внимание следовало обратить на дальнейшее упрочение материально-технической базы социализма — тяжелой индустрии — и на проведение широкой технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства.

В целом предусматривались высокие темпы развития социалистической промышленности. В 1967 г. объем ее валовой продукции по сравнению с 1960 г. должен был увеличиться в 3,2 раза (производство средств производства — в 3,2 и предметов потребления — в 3,1 раза).

Для обеспечения всестороннего технического прогресса и подъема экономики планировалось дальнейшее быстрое развитие профилирующих отраслей тяжелой индустрии: электроэнергетической, металлургической, горнорудной, топливной, химической и промышленности строительных материалов. В решении проблемы технического перевооружения народного хозяйства особое место уделялось развитию отечественного машиностроения, объем производства которого за семилетку должен был вырасти в 3,3 раза.

К концу семилетки в республике намечалось выработать

17 млрд. квт·ч электроэнергии, добыть 25 млн. т угля, произвести 2,3 млн. т чугуна и крицы, 2,3 млн. т стали, 75 тыс. металлорежущих станков, 17,1 тыс. тракторов (в пересчете на 15-сильные), 10 тыс. автомашин, 1,7 млн. т химических удобрений, 4,3 млн. т цемента.

Легкая промышленность должна была обеспечить производство 500 млн. м тканей, 40,7 млн. пар обуви и т. д.

Для успешного решения продовольственной проблемы большие задачи ставились перед сельским хозяйством. За семилетку производство зерна должно было вырасти до 6—7 млн. т в год. Важнейшим условием нового подъема сельскохозяйственного производства, указывалось на съезде, является широкое осуществление технической революции в деревне, прежде всего механизация сельскохозяйственного производства, дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление сельскохозяйственных кооперативов и государственных хозяйств. Быстрое развитие народного хозяйства требовало укрепления материально-технической базы транспорта, резкого расширения грузоперевозок.

Намечалось электрифицировать железнодорожные магистрали общей протяженностью более 1,5 тыс. км (включая участки Пхеньян — Синьиджу, Пхеньян — Кэсон, Пхеньян — Чхонджин, Хичхон — Коин и др.), с тем чтобы к концу семилетки на электровозную тягу приходилось 65—70% общего грузооборота на железнодорожном транспорте. В 1967 г. объем перевозок по железной дороге должен был достигнуть 75 млн. т, что в 2 раза превысило бы уровень 1960 г.

Грузоперевозки водным транспортом предполагалось увеличить в 2,3 раза, а автомобильным — в 2,9 раза по сравнению с 1960 г.

Семилеткой предусматривалось дальнейшее развитие средств связи, внутренней и внешней торговли, рыбного, лесного хозяйства и других отраслей экономики.

Высокие темпы роста общественного производства обеспечивали подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся. Национальный доход КНДР должен был вырасти в 2,7 раза, реальные доходы рабочих и служащих — в 1,7 раза, а крестьян — в 2 раза. Намечалось построить 600 тыс. квартир в городах и 600 тыс. благоустроенных домов в деревнях.

Важное место отводилось планом культурному строительству. IV съезд ТПК уделил особенно большое внимание перспективному плану научной деятельности. Было решено улучшить разработку рациональных методов механизации и автоматизации производства, сосредоточить научные силы на изучении и обследовании природных богатств страны и создании наиболее эффективных методов их использования. Ставились задачи расширить научно-исследовательскую работу в области применения атомной энергии, радиоактивных изотопов, ультразвука для нужд производства, разработать технологию выпуска полупроводников из отечественного сырья, развивать электронную технику и другие новые отрасли науки, интенсивно внедрять передовые достижения научной мысли в производство.

В области агротехнических наук главные усилия должны были концентрироваться на разработке методов получения высоких урожаев сельскохозяйственных культур и на дальнейшем развитии животноводства. Предполагалось также значительно активизировать научно-исследовательскую работу в медицине и здравоохранении, сочетая современные методы лечения с народными.

IV съезд ТПК подчеркнул необходимость всестороннего развития общественных наук. Было отмечено на съезде и отражено в семилетнем плане, что общественные науки должны быть направлены на более глу-

бокое изучение на основе марксистско-ленинской теории ценного опыта партии и народа в осуществлении революции и социалистического строительства, на изучение революционных традиций корейских коммунистов, национального культурного наследия, на освещение новых общественно-экономических проблем, на анализ положения в экономике, политике и культуре Южной Кореи.

Наряду с этим выдвигалась задача повысить уровень общеобразовательных и технических знаний трудящихся, предусматривавшая введение девятилетнего обязательного технического обучения, развитие (наряду со стационарной системой высшего образования) всевозможных форм высшего образования без отрыва от производства, организацию обучения взрослых в объеме неполной средней школы. Намечалось подготовить более 460 тыс. техников и специалистов со средним образованием и около 180 тыс. инженеров и специалистов с высшим образованием.

IV съезд ТПК поставил задачу: воспитывать трудящихся в духе идей партии и рабочего класса, коллективизма и любви к человеку, преобразовывать сознание людей и вдохновлять их на патриотические трудовые подвиги. Характерной чертой произведений литературы и искусства должны стать высокая идейность и художественность, социалистический реализм, отвечающие требованиям эпохи и стремлениям народа. Творческих работников снова призвали к решительной борьбе против буржуазного влияния, формализма и догматизма.

Выполнение семилетнего плана требовало большого напряжения всех материальных и духовных сил корейского народа. Необходимо было во всех отраслях народного хозяйства еще шире развернуть социалистическое соревнование, движение новаторов и рационализаторов производства, ввести строгий режим экономии, полнее мобилизовать все резервы и внутренние силы страны.

В решениях съезда подчеркивалось, что важнейшим условием выполнения семилетки является дальнейшее расширение экономического сотрудничества КНДР с Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

На съезде были рассмотрены также вопросы, связанные с дальнейшим организационно-идейным укреплением рядов партии как необходимым условием успешного решения революционных задач социалистического строительства и борьбы за мирное объединение страны.

Вступление КНДР в новый этап социалистического строительства ознаменовалось мобилизацией всех сил народа на осуществление задач семилетки.

На предприятиях и стройках еще больший размах получило социалистическое соревнование. Коллективы многих предприятий брали обязательства досрочно выполнить производственные программы. Значительно повысились темпы строительства важнейших пусковых объектов, широким фронтом велась работы по техническому перевооружению отраслей народного хозяйства, наращивались производственные мощности предприятий, осваивалось производство многих новых видов промышленной продукции. В мае 1961 г. страну облетело сообщение, что в рекордно короткие сроки завершено сооружение крупного современного виалонного завода в Хамхыне. Быстро расширялся Чхонджинский завод химического волокна, шло строительство Пхеньянской ТЭЦ, Пхеньянского комбината товаров широкого потребления, Кангеской ГЭС, второй доменной печи на металлургическом заводе «Хванхэ», завода химического волокна в Синьиджу и других промышленных объектов. Металлургический завод им. Ким Чхэка, Сонджинский и Чхонджинский стале-

литейные заводы обязались дать сверх плана 80 тыс. т чугуна и крицы, 110 тыс. т стали. На полях страны развернулась упорная борьба за увеличение сбора зерновых на 1 млн. т.

В борьбе за выполнение народнохозяйственного плана совершенствовались формы движения «Чхоллима». В этот период быстро распространяется движение за звание бригад, цехов и предприятий «Чхоллима». К концу августа 1961 г. в нем приняли участие уже свыше 2 млн. трудящихся. Звания «Чхоллима» было удостоено 4958 бригад и цехов, охватывавших свыше 125 тыс. человек. Почетное звание «дважды Чхоллима» завоевали 55 бригад, объединявших 1959 человек.

Народнохозяйственный план на 1961 г. был успешно выполнен. Многие предприятия республики, включившиеся в социалистическое соревнование, досрочно завершили свои производственные планы.

Валовая продукция промышленности в 1961 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 14% (в том числе средства производства — на 9% и предметы потребления — на 21%). За это же время продукция машиностроения выросла на 21%, химической промышленности — на 28, металлургической — на 14, топливной — на 8, текстильной — на 9, пищевой — на 15% и т. д.

Как и в предыдущие годы, одним из важнейших факторов успешного хозяйственного строительства явилось упрочение братского сотрудничества и взаимопомощи между Корейской Народно-Демократической Республикой, Советским Союзом и другими социалистическими странами.

В июле 1961 г. был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, еще больше укрепивший традиционную дружбу между советским и корейским народами, расширивший возможности всестороннего их сотрудничества.

Ким Ир Сен, подчеркивая огромное историческое значение Договора, отметил, что он является залогом успешного социалистического строительства в КНДР, гарантией защиты ее революционных достижений от империалистической агрессии и будет содействовать осуществлению чаяний корейского народа — мирному объединению страны, «выражает твердую решимость народов наших обеих стран в едином строю идти до конца в борьбе за общее дело социализма и коммунизма, отстаивать мир в Корее и в Азии против попыток империалистических агрессивных кругов, угрожающих миру в этом районе. Наш Договор имеет оборонительный характер и направлен на обеспечение мира»³.

Успешное выполнение заданий первого года семилетки создало реальные предпосылки для дальнейшего быстрого экономического и культурного строительства. Основные задачи народнохозяйственного плана на 1962 г. были определены на II расширенном пленуме ЦК ТПК четвертого созыва, который состоялся в конце 1961 г.

Центральной задачей плана стало взятие «шести высот» — производство 5 млн. т зерна, 250 млн. м тканей, 800 тыс. т продуктов морского промысла, строительство 200 тыс. квартир, выплавка 1,2 млн. т стали, добыча 15 млн. т угля.

Взятие «шести высот» рассматривалось ТПК прежде всего как важнейшее и необходимое условие успешного выполнения задач по коренному улучшению жизни населения, поставленных семилеткой.

Трудовая партия призвала всех трудящихся шире развернуть в стране движение новаторов производства, борьбу за освоение новой техники, лучшее использование производственных мощностей, экономию электроэнергии, топлива, сырья и материалов, за дальнейший подъем производительности труда.

В первых рядах застрельщиков борьбы за взятие «шести высот» вы-

ступили члены партии, участники движения «Чхоллима». К концу 1962 г. в нем участвовали 2790 тыс. рабочих, служащих, сельхозкооператоров, учащихся. Звания «коллектив Чхоллима» было удостоено 12 700 бригад и цехов. В борьбе за взятие «шести высот» родилось движение за звание «предприятие Чхоллима». Включившись в это движение, многие предприятия досрочно выполнили годовые производственные планы. Среди них были такие крупные заводы, как Тэанский электромеханический, Хичхонский станкостроительный, Енсенский машиностроительный, металлургический им. Ким Чхэка, Понгунский карбидный, Пхеньянская шелкоткацкая и Кэсонская ткацкая фабрики, а также Сунхунская ГЭС и десятки других предприятий.

Упрочилась база тяжелой индустрии. Были построены новый прокатный цех на Сонджинском сталелитейном заводе мощностью 80 тыс. т, обжимный цех для заготовок стальных труб производительностью 30 тыс. т на Кансонском сталелитейном заводе, цех цветного проката на 12 тыс. т на заводе цветных металлов в Нампхо, Пхеньянский завод электропроводов мощностью 12 тыс. т, завод каустической соды в Понгуне, рассчитанный на выпуск 50 тыс. т продукции, и много других предприятий и цехов.

Расширены мощности предприятий легкой промышленности — фабрики химического волокна в Чхонджине, целлюлозной фабрики в Кильчу, Хесанской текстильной фабрики, Пхеньянского текстильного комбината и т. д.

Значительно окрепла материально-техническая база сельского хозяйства.

Народнохозяйственный план на 1962 г. был успешно выполнен. Валовая продукция промышленности по сравнению с предыдущим годом выросла на 20%, в том числе по производству средств производства — на 21 и производству предметов потребления — на 18%. В республике было произведено 11,4 млрд. квт·ч электроэнергии, 13,2 млн. т угля, 1,2 млн. т чугуна и крицы, 1,05 млн. т стали, около 2,4 млн. т цемента, 256 млн. м тканей, 840 тыс. т продуктов морского промысла, 5 млн. т зерна.

Итоги выполнения народнохозяйственного плана на 1962 г. и задачи экономического строительства на следующий год были обсуждены на V пленуме ЦК ТПК четвертого созыва в декабре 1962 г.

Пленум отметил, что борьба за выполнение семилетнего плана разворачивается успешно. Народно-демократический строй еще более окреп, укрепился фундамент независимой национальной экономики, упрочилось морально-политическое единство корейского народа, в основе которого лежит нерушимый союз рабочего класса и трудового крестьянства. Свидетельством тому явились выборы в Верховное народное собрание, проходившие в октябре 1962 г. Они продемонстрировали высокую политическую активность и сознательность трудящихся КНДР, явились показателем единства и сплоченности корейского народа вокруг ТПК и правительства КНДР.

Важнейшим фактором успешного решения задач социалистического строительства в КНДР, отмечалось на пленуме, является дальнейшее укрепление мощи социалистического лагеря. Мировая социалистическая система превратилась в решающий фактор развития человеческого общества. Благодаря существованию могучего социалистического лагеря и под его влиянием борьба против империализма и колониализма охватила Азию, Африку и Латинскую Америку, сотни миллионов людей добились национальной независимости, еще шире разворачивается рабочее движение в капиталистических государствах и борьба народов за мир.

Вместе с тем на пленуме подчеркивалось, что империализм добровольно не уйдет с исторической арены, что силы империализма во главе с Соединенными Штатами активизируют агрессивные действия и военные провокации против свободолюбивых народов мира, открыто проводят политику «с позиции силы».

Отмечая возросшую агрессивность империализма, в особенности военные приготовления в Южной Корее и усилившиеся военные провокации против КНДР, Трудовая партия Кореи, наряду с экономическим строительством, обратила особое внимание на укрепление обороноспособности страны.

Этот курс обусловил появление ряда новых специфических черт в строительстве социализма в КНДР. Проведение такого курса потребовало прежде всего значительного расширения государственных ассигнований на оборонное строительство, что неизбежно вызывало дополнительные трудности в осуществлении семилетнего плана.

Реорганизация системы планирования и управления народным хозяйством

Рост масштабов общественного производства, качественные сдвиги в экономике и усложнение ее структуры, новые большие народнохозяйственные задачи, выдвинутые IV съездом ТПК, потребовали дальнейшего совершенствования методов планирования и управления народным хозяйством, повышения уровня и эффективности организационно-хозяйственной работы партийных и хозяйственных органов народной власти.

В период восстановления народного хозяйства и начала осуществления индустриализации для организационной структуры управления народным хозяйством КНДР были характерны высокая степень централизации и преимущественно отраслевой метод руководства экономикой. В новых условиях, когда значительно окрепла и расширилась индустриальная база, когда бурно росла рядом с централизованной и местная промышленность, сочеталось крупное и мелкое капитальное строительство, происходил процесс создания новых экономических районов, было осуществлено укрупнение сельхозкооперативов и т. д., — прежняя система управления народным хозяйством уже не отвечала новым задачам и требованиям социалистического строительства.

Исходя из этого, Трудовая партия и правительство КНДР приняли ряд мер, направленных на реорганизацию всей системы планирования и управления народным хозяйством КНДР.

Были выработаны новые формы и методы практического руководства социалистическим строительством с учетом максимального приближения всех звеньев партийного и хозяйственного аппарата к массам, непосредственно к производству. В основу новой системы управления лег метод «Чхонсани», начало которому было положено во время пребывания Ким Ир Сена в феврале 1960 г. в сельскохозяйственном кооперативе деревни Чхонсани. Во главу угла была поставлена политическая работа среди широких трудящихся масс, организующая и мобилизующая их на выполнение задач социалистического строительства.

Большое место в работе II расширенного пленума ЦК ТПК четвертого созыва, состоявшегося в конце 1961 г., было отведено реорганизации системы управления и повышению уровня планирования, так как это являлось назревшим требованием развития экономики КНДР.

В руководстве народным хозяйством КНДР стала применяться так называемая тэанская система, которая впервые была опробована на

Тэанском электромеханическом заводе в 1962 г. В соответствии с этой системой вскоре было упразднено единоначалие директора предприятия, а высшим руководящим органом стал партийный комитет. В нынешних условиях «тэанская система» рассматривается ТПК как наиболее эффективный метод управления, позволяющий добиться самого активного участия трудящихся в управлении производством, наилучшим образом мобилирующий творческие силы масс путем решительного повышения руководящей роли партии в управлении хозяйством. С ее введением на предприятиях было ликвидировано многоступенчатое руководство производством; часть руководящих работников стали использовать на других участках, реорганизовали систему планирования, технического руководства, материально-технического снабжения и т. д.

Большое значение для широкого внедрения «тэанской системы» имели решения V пленума ЦК ТПК четвертого созыва, состоявшегося в декабре 1962 г. Пленум подчеркнул, что партийные, государственные и хозяйственные органы должны значительно улучшить руководство экономикой, неукоснительно проводить в жизнь «тэанскую систему» и метод «Чхонсанни». Пленум сформулировал 10 конкретных задач по дальнейшему улучшению и повышению эффективности руководства народным хозяйством со стороны партийных, государственных и хозяйственных органов.

В соответствии с новыми принципами и методами была реорганизована также структура управления промышленностью, строительством и сельским хозяйством. Ее суть заключается во внедрении (наряду с отраслевым) территориального принципа руководства. Система управления промышленностью стала включать отраслевые органы управления предприятиями центрального подчинения и территориальные — экономические комитеты провинций и городов — органы управления промышленностью местного подчинения. Центральные органы управления промышленностью (комитеты и министерства) осуществляют координацию деятельности предприятий данной отрасли, определяют направление научно-технического прогресса, организуют научно-исследовательскую работу, подготовку кадров и т. д. В последние годы были учреждены новые центральные руководящие органы. В 1967 г. создан Комитет материально-технического снабжения, произошло разукрупнение министерств машиностроения и легкой промышленности, создан Государственный научно-технический комитет и т. п.

В результате укрепления экономических связей государственного и кооперативного секторов возникла необходимость изменения системы государственного руководства сельскохозяйственными предприятиями.

По постановлению Кабинета министров КНДР от 22 декабря 1961 г. по всей стране были созданы специальные уездные комитеты по управлению сельскохозяйственными кооперативами (УКУСК). Они стали центральным звеном новой системы государственного руководства сельским хозяйством, объединив функции не только административного, но и технического руководства и помощи кооперативам со стороны государства. В их ведение передали все предприятия, обслуживающие сельское хозяйство: станции сельскохозяйственных машин, управление ирригационных систем, базы по материально-техническому снабжению сельского хозяйства, ветеринарные станции и т. п. Провинциальные сельскохозяйственные комитеты стали осуществлять непосредственное руководство УКУСК и государственными полеводческо-животноводческими хозяйствами, развитием сельского хозяйства провинции.

Новая система введена для повышения эффективности руководства сельским хозяйством со стороны центральных государственных органов

управления, поднятия уровня планирования и использования техники, укрепления производственных связей между промышленностью и сельским хозяйством, между государственной и кооперативной формами собственности при ведущей роли государственного сектора.

В соответствии с новой системой управления экономикой были приняты меры по реорганизации планирования народного хозяйства. Преведняя организация планирования претерпела существенные изменения. В 1964 г. были созданы провинциальные, уездные и городские плановые комитеты, подведомственные Госплану КНДР. Они стали осуществлять комплексное и взаимосвязанное планирование деятельности всех отраслей народного хозяйства, им были подчинены плановые отделы предприятий и учреждений.

Укрепление индустриальной базы КНДР

Решающим внутренним условием осуществления технической революции, развернувшейся в годы семилетки, явилось дальнейшее укрепление и развитие социалистической промышленности КНДР.

Обеспечение высоких темпов индустриального развития, создание развитого комплекса промышленного производства, способного обеспечить техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства, требовали максимальной мобилизации всех внутренних материальных и людских ресурсов страны. Мероприятия Трудовой партии и правительства КНДР, направленные на улучшение и совершенствование методов управления народным хозяйством, на всемерное развертывание социалистического соревнования и борьбы за повышение производительности труда и эффективности общественного производства, сыграли важную роль в мобилизации средств и ресурсов страны. Однако в связи с проведением курса на параллельное хозяйственное и оборонное строительство и с необходимостью расширения государственных ассигнований на оборону (в 1967 г. они составили 30,4% всех расходов государственного бюджета и примерно на том же уровне сохранялись в последующие годы) проблема накоплений оставалась весьма острой. Это не могло не сказаться на темпах хозяйственного развития и на выполнении программы экономического строительства, предусмотренной семилеткой.

Конференция Трудовой партии Кореи, состоявшаяся в октябре 1966 г., проанализировала внутривполитическое и экономическое положение в стране, констатировала усиление напряженности в Корее вследствие агрессивных происков США и их южнокорейских приспешников. Было принято решение проводить курс на параллельное хозяйственное и оборонное строительство, одновременно перенеся сроки выполнения семилетки на три года, включая 1970 г.

В докладе на торжественном заседании, посвященном двадцатилетию основания КНДР (7 сентября 1968 г.), Ким Ир Сен отметил, что «за минувшие несколько лет перед лицом дальнейшей активизации агрессивных происков американских империалистов мы были вынуждены дополнительно направить больше сил на укрепление обороноспособности страны, в связи с чем экономическое развитие нашей страны в некоторой степени замедлилось, чем было предусмотрено»⁴.

В декабре 1967 г. I сессия Верховного народного собрания КНДР четвертого созыва утвердила Политическую программу правительства КНДР, определившую основные принципы его внутренней и внешней политики, главные направления хозяйственного развития страны и указавшую на необходимость дальнейшего укрепления и развития экономического сотрудничества КНДР с социалистическими странами.

Несмотря на серьезные трудности, связанные в частности с отвлечением огромных средств на нужды обороны, рабочий класс КНДР под руководством Трудовой партии в годы семилетки продолжал самоотверженную борьбу за осуществление задач социалистической индустриализации и создания материально-технической базы социализма.

Характерным для индустриального развития республики в период семилетки явилось то, что в первые четыре года большое внимание уделялось быстрому подъему легкой промышленности и росту сельскохозяйственного производства. Это было продиктовано необходимостью повышения жизненного уровня населения. В 1961—1964 гг. производство средств производства возросло по сравнению с 1960 г. на 62%, а производство предметов потребления — на 86%.

С 1965 г. основное внимание уделялось более быстрому развитию тяжелой индустрии, прежде всего ее профилирующих отраслей: машиностроения, металлургии, химии, электроэнергетики и горнодобывающей промышленности. Согласно решениям декабрьского пленума ЦК ТПК (1964) особое внимание было уделено топливно-энергетическим и сырьевым отраслям.

В годы семилетки значительный размах получило капитальное строительство в промышленности. Интенсивно шел процесс технического перевооружения предприятий, наращивались производственные мощности.

Выполнение широкой программы индустриального развития КНДР стало возможным благодаря неуклонному росту государственных капиталовложений в промышленность.

Примерно 60% всех капиталовложений в народное хозяйство (объем которых в 1970 г. вырос по сравнению с 1960 г. более чем в 2 раза) ежегодно направлялось в промышленность; примерно 75—80% этих ассигнований расходовалось на развитие отраслей тяжелой индустрии. За 1961—1969 гг. они составили 4 млрд. вон. В строй действующих вошли тысячи крупных, средних и мелких промышленных предприятий. Только в 1961—1965 гг. было построено свыше 300 новых крупных промышленных объектов и цехов, более 2,3 тыс. средних и мелких. Много старых предприятий подверглось коренной технической реконструкции. В последующие годы, несмотря на отвлечение значительных средств на нужды обороны, капитальное строительство и техническая реконструкция в промышленности продолжали осуществляться в широких масштабах.

База тяжелой и легкой промышленности расширилась и укрепилась. Размах индустриального строительства, ввод в действие новых промышленных предприятий, коренная техническая реконструкция заводов, фабрик, шахт, рудников, трудовой подъем рабочего класса обусловили значительное увеличение выпуска промышленной продукции. В 1970 г. промышленное производство КНДР по сравнению с 1960 г. выросло в 3,3 раза при среднегодовом приросте продукции в 12,8%. При этом производство средств производства увеличилось в 3,7 раза, а предметов потребления — в 2,8 раза⁵.

Машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность превратилась в ведущую отрасль социалистической индустрии КНДР. В 1967 г. ее валовая продукция по сравнению с 1948 г. выросла в 100 раз, а удельный вес в общем объеме промышленного производства достиг 31,4%. Значительно расширилась и окрепла материально-техническая база машиностроения. Увеличились производственные мощности, повысился уровень оснащенности предприятий. Станочный парк этой отрасли в 1970 г. по сравнению с 1960 г. вырос в 2,2 раза. На крупнейших машиностроительных заводах были введены в строй новые сборочные,

литейные, механические, инструментальные и другие цехи. Корейские машиностроители освоили производство многих новых видов промышленной продукции: новейших моделей металлорежущих станков и пресового оборудования, современных генераторов, турбин и трансформаторов, электровозов, тепловозов, троллейбусов, пассажирских вагонов, более мощных тракторов и грузовых автомашин, судов, различных строительных механизмов, сельскохозяйственной техники и т. п.

Часть необходимого промышленного оборудования, ранее ввозимого из-за границы, Народная Корея стала производить на собственных предприятиях.

Упрочилась электроэнергетическая база страны — важнейшее условие успешного осуществления технической реконструкции народного хозяйства. Широким фронтом велось строительство гидравлических и тепловых электростанций большой, средней и малой мощности, расширилась сеть электропередач. В строй действующих вступили такие крупные электростанции, как построенная при техническом содействии СССР Пхеньянская ТЭЦ, Кангеская ГЭС и ряд других. Мощности электростанций КНДР за 1961—1969 гг. выросли в 1,8 раза, при этом тепловых — в 11 раз, а выработка электроэнергии достигла 16,5 млрд. кВт·ч.

Серьезные сдвиги произошли в развитии топливной и горнорудной промышленности. В результате технической реконструкции и введения в строй новых шахт, карьеров и рудников, расширения мощностей обогащительных фабрик и освоения новых месторождений увеличилась добыча угля, руд черных и цветных металлов. Угольная промышленность уже в 1968 г. выполнила задания семилетки. В 1970 г. добыча угля составила 27,5 млн. т.

Расширилась и окрепла производственная база черной и цветной металлургии. В западном районе построен новый металлургический завод. Вступили в строй доменная печь № 2, блюминговый цех, мартеновская печь, цех тонколистового проката на металлургическом заводе «Хванхэ», конверторный цех на металлургическом заводе им. Ким Чхэка, цех цельнотянутых труб на Кансонском сталеплавильном заводе и ряд других объектов. В 1970 г. выплавка чугуна и кричного железа достигла примерно 2 млн. т, стали — 2,2 млн. т, выпуск стального проката составил более 1,4 млн. т (т. е. по сравнению с 1960 г. их производство выросло соответственно более чем в 2 раза, 3,4 раза и 2,2 раза).

Быстро развивалась химическая промышленность. В этой отрасли велось большое капитальное строительство, что дало возможность значительно расширить производственные мощности. В строй действующих вступил ряд крупных химических предприятий и объектов, в том числе виалоновый завод, Понгунский завод каустической соды, заводы синтеза аммиака и мочевины на Хыннамском химическом комбинате, цех цианамида кальция на Сунчхонском химическом заводе и т. д. При техническом содействии Советского Союза началось строительство первого в стране нефтеперерабатывающего завода, рассчитанного на ежегодную переработку 2 млн. т сырой нефти. Были расширены предприятия по производству химического волокна и медикаментов. Производство химических удобрений в 1970 г. достигло 1,5 млн. т.

Увеличились мощности по выпуску строительных материалов. В 1970 г. производство цемента составило 4 млн. т.

За годы семилетки окрепла материально-техническая база легкой промышленности. Было построено много предприятий по производству тканей, товаров широкого потребления и продовольственных, в том числе Пхеньянская шелкомотальная, Хесанская льноткацкая и Хамхынская

камвольная фабрики, Хверёнский сахарный завод. Широкой технической реконструкции подверглись предприятия местной промышленности.

Значительно увеличилось производство товаров народного потребления и продовольствия, расширился ассортимент и повысилось качество продукции. В 1970 г. производство различных тканей достигло 400 млн. м. При этом мощности фабрик, выпускающих ткани из искусственного волокна, за 1961—1969 гг. выросли более чем в 6 раз, а их удельный вес в общем производстве тканей превысил 40%. За тот же период выпуск мясоконсервной продукции увеличился в 2,2 раза.

За годы семилетки быстро развивался транспорт. Было электрифицировано 850 км основных железнодорожных магистралей; удельный вес электрической тяги на железных дорогах КНДР вырос с 12% в 1960 г. до 55% в 1970 г., построено более 300 км новых железнодорожных магистралей. Число грузовых судов за 1961—1969 гг. увеличилось в 2 раза. Значительно вырос автомобильный парк.

В результате успешного решения задач социалистической индустриализации расширилась и окрепла материально-техническая база социализма в КНДР. Были созданы необходимые условия для проведения широкой технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства.

Техническая реконструкция в деревне и подъем сельскохозяйственного производства

Вступление КНДР в новый этап социалистического строительства потребовало дальнейшего организационно-хозяйственного и материально-технического укрепления кооперативов, резкого подъема производительности и товарности сельского хозяйства. Еще встречались недостатки в организации труда кооператоров, в использовании технических средств. Была необходима большая организационно-партийная работа для повышения сознательности и трудовой дисциплины членов кооперативов.

Решение этих проблем стало центральным звеном всех мероприятий Трудовой партии и правительства КНДР, направленных на организационно-хозяйственное укрепление сельскохозяйственных кооперативов. Вместе с тем в годы семилетки, как и прежде, исключительно большое внимание уделялось проблемам технической реконструкции в деревне, укреплению материально-производственной базы сельского хозяйства и подъему материального и культурного уровня жизни крестьян.

В сельском хозяйстве была введена новая система государственного финансирования.

Согласно Закону о сельскохозяйственных производственных кооперативах, принятому Верховным народным собранием в марте 1964 г., все капитальное строительство производственного и культурно-бытового назначения в сельском хозяйстве осуществляется за счет централизованных государственных средств. Капиталовложения в сельское хозяйство значительно выросли. За 1961—1969 гг. они составили 1755 млн. вон, т. е. примерно 20% всех ассигнований в национальную экономику. На государственные средства за эти годы было построено 5,2 тыс. молотильных токов, 7,8 тыс. зерносушилок, большое число обдирных мельниц и складских помещений, 300 тыс. благоустроенных квартир. Большую роль в организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственных кооперативов сыграли ликвидация системы натурального сельскохозяйственного налога, денежной и натуральной задолженности кооперативов государству, снижение платы за пользование оросительными устройствами и го-

сударственными средствами механизации, упорядочение цен на сельскохозяйственную технику, повышение закупочных цен и т. д. Важное значение имели также расширение системы подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства, укрепление хозяйственных связей города и деревни.

Из-за ограниченности пригодных для пахоты земель и острого дефицита трудовых резервов интенсификация сельскохозяйственного производства стала главным направлением аграрной политики ТПК. Поэтому особенно большое внимание в период семилетки уделялось ирригации, электрификации, механизации и химизации сельского хозяйства.

Из общей суммы государственных капиталовложений в сельское хозяйство на ирригационное строительство в 1961—1969 гг. было выделено 680 млн. вои. Это позволило высокими темпами осуществить строительство Амнокканской, Киянской, Чхонданской, Оджидонской ирригационных систем, а также систем в районе Синге и Пхёнсана. Большой объем земляных работ (возведение защитных дамб протяженностью 14 тыс. км), выполненных на реках Амноккан, Супхунган, Чхончхонган, Тэрёнган, Сончхонган и др., обеспечил защиту от наводнений 20% всех обрабатываемых площадей. По данным на 1968 г., в КНДР насчитывалось свыше 160 тыс. различных ирригационных сооружений, в том числе более 1230 водохранилищ. Республика покрылась густой сетью оросительных каналов, протяженность которых составила почти 40 тыс. км. Мощности водохранилищ за годы выполнения семилетки увеличились в 1,5 раза, а пропускная способность водонапорных труб — в 3,2 раза. Площадь орошаемых земель стала почти в 8 раз больше, чем до освобождения, при этом площади под заливым рисом превысили 650 тыс. чонбо (1960 г. — 510 тыс. чонбо). Практически задача ирригации сельского хозяйства в основном была выполнена. Была полностью завершена электрификация, телефонизация и радиофикация всех сельских районов. Сельское хозяйство стало потреблять 1 млрд. квт·ч электроэнергии, т. е. 7% общего ее использования в стране.

Заметные сдвиги произошли в механизации сельского хозяйства. За годы семилетки значительно расширилось снабжение деревни сельскохозяйственной техникой, тракторами, грузовыми автомашинами. Число станций сельскохозяйственных машин увеличилось вдвое, тракторный парк вырос в 3,3 раза (в пересчете на 15-сильные), а грузовиков — в 6,4 раза. На полях страны в 1970 г. работало 43,8 тыс. тракторов (в пересчете на 15-сильные) против 12,5 тыс. в 1960 г. Объем механизированных сельскохозяйственных работ (в переводе на мягкую пахоту) за 1961—1970 гг. увеличился в 2,2 раза, а количество их видов — с 11 до 47.

В результате быстрого развития химической промышленности улучшилось снабжение сельского хозяйства различными минеральными удобрениями и ядохимикатами, что сыграло весьма важную роль в повышении урожайности сельскохозяйственных культур.

В 1970 г. в среднем на 1 чонбо пашни было внесено 572 кг минеральных удобрений против 160 кг в 1960 г. Объем снабжения сельского хозяйства минеральными удобрениями за 1961—1970 гг. вырос в 3,2 раза, а ядохимикатами — в 3,3 раза.

За годы семилетки успешно решалась и одна из наиболее важных проблем развития социалистического сельского хозяйства КНДР — обеспечение деревни высококвалифицированными кадрами. В деревню ежегодно направлялись тысячи специалистов с высшим и средним образованием. В кооперативах были созданы специальные курсы повышения квалификации. В 1970 г. в деревне работали уже 150 тыс. агрономов, агротехников и механизаторов (против 17 тыс. в 1960 г.). Их число в сель-

ском хозяйстве выросло по сравнению с 1953 г. в 61 раз. В среднем на каждый кооператив приходится примерно 17 агрономов и агротехников.

Все эти успехи способствовали значительному повышению уровня интенсификации сельскохозяйственного производства и увеличению продуктивности сельского хозяйства.

Объем валовой сельскохозяйственной продукции в 1969 г. по сравнению с 1946 г. вырос в 2,7 раза. Главное внимание было сосредоточено на решении зерновой проблемы, повышении урожайности основных зерновых культур — риса и кукурузы.

Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия в течение ряда лет, общее производство зерна за годы семилетки по сравнению с уровнем 1960 г. выросло более чем в 1,4 раза. В 1968 г. оно составило 5,4 млн. т, в том числе риса — 2,9 млн. т. В 1969 г. валовой сбор фруктов по сравнению с 1960 г. увеличился вдвое, расширилось производство овощей и технических культур. Были приняты меры по дальнейшему развитию общественного животноводства и повышению его продуктивности.

Государство выделило на развитие птицеводства 100 млн. вон, за счет которых было построено 70 современных птицефабрик общей годовой мощностью 700 млн. яиц и заводы по производству комбикормов. Была укреплена племеноводческая база животноводства в госхозах. В кооперативах усилилась работа по разведению продуктивных пород скота. Производство мяса в живом весе в 1968 г. выросло по сравнению с 1960 г. более чем в 2,2 раза.

Рост сельскохозяйственного производства явился одним из важных условий решения продовольственной проблемы в стране, расширения экспортных ресурсов КНДР и повышения жизненного уровня трудящихся.

Рост материального благосостояния трудящихся и развитие культуры

Успехи в строительстве социалистической экономики, быстрый рост промышленного и сельскохозяйственного производства обеспечили подъем материальной и культурной жизни корейского народа. Национальный доход — главный источник материального благосостояния корейского народа и накопленный для социалистического строительства — за годы семилетки вырос более чем в 2 раза (в 1967 г. национальный доход на душу населения возрос в 9 раз по сравнению с 1946 г. и в 4,4 раза по сравнению с 1949 г.).

В годы семилетки была повышена заработная плата низкооплачиваемых категорий трудящихся, а также работников системы общего образования. В августе 1970 г. заработная плата рабочих и служащих была повышена в среднем на 31,5%. За 1961—1969 гг. реальные доходы крестьян выросли в 1,8 раза; натуральные доходы в расчете на одну крестьянскую семью увеличились в 1,8 раза, а денежные — в 2 раза. В 1961—1969 гг. из государственного бюджета было ассигновано 2700 тыс. вон на дальнейшее улучшение материального благосостояния кооперированного крестьянства. Постепенно понижая ставки сельскохозяйственного натурального налога, правительство КНДР 29 апреля 1966 г. приняло закон о полной его отмене. За счет государственных средств были проведены большие работы по благоустройству деревни.

Росту благосостояния населения способствовало также снижение цен на ряд продовольственных товаров, ткани, различные товары для детей, в том числе на школьно-письменные принадлежности, уменьшение

платы за некоторые виды бытовых услуг, заметно расширилась сеть розничной торговли, улучшились жилищные условия трудящихся. За десятилетие (1961—1970) в городах и селах было построено 800 тыс. благоустроенных квартир. Значительно выросли общественные фонды потребления. Расходы из государственного бюджета на социальное обеспечение в 1961—1969 гг. увеличились в 2,1 раза. По официальным данным, доходы рабочих и служащих от этих фондов достигли среднемесячной заработной платы. Помощь государства в 1,5 раза увеличивает доход крестьян.

Государство почти целиком берет на себя расходы на обучение и обеспечение всем необходимым учащихся школ и студентов вузов, а также по содержанию и воспитанию детей дошкольного возраста. $\frac{2}{3}$ детей дошкольного возраста посещают ясли или детские сады.

Дальнейшее развитие получило здравоохранение. Количество медицинских учреждений увеличилось в 1961—1969 гг. в 1,3 раза, а численность медицинского персонала — в 3 раза.

За годы выполнения семилетнего плана дальнейшее развитие получили национальная культура, литература и искусство. Самые заметные сдвиги произошли в области народного просвещения. По существу именно в период семилетки завершился процесс подготовки и создания значительного отряда трудовой интеллигенции, способной решать сложные задачи социалистического строительства. Общая численность инженеров, техников и специалистов в 1970 г. составила около 500 тыс., или в 4,3 раза превысила их число в 1960 г. Удельный вес занятых в народном хозяйстве КНДР инженеров, техников и специалистов возрос с 7,2% в 1960 г. до 15,8% в 1969 г., а в расчете на один сельхозкооператив или ферму их численность увеличилась в среднем с 7,2 до 17,5 человека. Наряду с этим заметно повысились квалификация и общий уровень подготовки специалистов во всех отраслях народного хозяйства.

Произошло постепенное перемещение центра тяжести в воспитании необходимых народному хозяйству кадров на внутренние возможности. В стране выросли собственные научные и преподавательские кадры, была создана учебная и исследовательская база, опирающаяся на Академию наук КНДР, основаны вузы и втузы. Все это позволило правительству практически полностью отказаться от системы подготовки кадров в других социалистических странах. Основное внимание уделяется теперь лучшей постановке учебного процесса в национальных учебных центрах, совершенствованию знаний преподавательского состава.

Исключительно важное значение имеет обязательное бесплатное девятилетнее техническое обучение, введенное в 1967 г. Эта вторая по счету реформа системы народного образования была подготовлена всем предшествующим развитием и совершенствованием системы просвещения в стране, отвечала возросшим требованиям технической реконструкции народного хозяйства. Она стала эффективным средством дальнейшего повышения культурно-технического уровня населения, содействовала качественному улучшению производительных сил общества.

Опыт организации в КНДР среднего технического образования имеет большое значение для стран, которые освободились от колониальной зависимости и вступают на путь социального прогресса.

Суть реформы 1967 г. заключалась в том, что прежняя, трехлетняя неполная средняя школа была объединена с двухлетней технической и создана пятилетняя средняя школа, или школа первой ступени. Она дает общее среднее и начальное техническое образование. Средней школой второй ступени стала так называемая двухлетняя высшая школа, призванная дать учащимся полное среднее образование и подготовить

их к занятиям в высшем учебном заведении. Выпускники средней школы первой ступени могли поступать в двухлетнюю высшую школу, а также в высшие (или, как их еще называют, повышенные) технические школы, срок обучения в которых — три-четыре года. Высшие технические школы являются средними специальными учебными заведениями, почти полностью заменившими в рассматриваемый период первоначально созданные техникумы.

К 1967 г. в Корейской Народно-Демократической Республике численность школ всех ступеней составила 9165 (4064 народные, или начальные, школы, 3335 средних, 467 высших технических и других). Значительно окрепла материальная база учебных заведений; в 1961—1969 гг. было построено свыше 26 тыс. классных помещений и 15 тыс. лабораторий.

Число институтов за 1961—1970 гг. возросло с 78 до 129, а студентов, обучающихся в институтах и высших технических школах, — до 200 тыс. За этот же период почти в каждой провинции были открыты сельскохозяйственные, медицинские, учительские, педагогические институты, институты воспитательниц, а также коммунистические университеты.

В высшей школе КНДР преобладают технические вузы, широкое развитие получило заочное и вечернее обучение. В годы семилетки эти формы обучения укрепились и расширились. В 1964 г. на заочных отделениях вузов обучались свыше 80 тыс. студентов и аспирантов, а по решению августовского пленума ЦК ТПК (1960) практически была устранена разница в программах дневных и вечерних высших учебных заведений. Примерно с этого же времени подавляющее большинство поступающих в вузы составляли производственники с двухлетним стажем.

В результате указанных и многих других мер в области народного просвещения во всех учебных заведениях КНДР получили возможность бесплатно обучаться более 2,7 млн. человек, т. е. около четверти населения страны.

Заметные успехи были достигнуты и в культурном преобразовании корейской деревни, где построены многочисленные учреждения культурно-бытового обслуживания, во всех сельских «ри» созданы медпункты, проводится бесплатное лечение, на общественный счет организованы детские сады и ясли. Сельское население имеет возможность пользоваться издающейся в республике литературой, широкие массы крестьян принимают участие в художественной самодеятельности. VIII пленум ЦК ТПК, состоявшийся в феврале 1964 г., поставил задачу добиться в течение нескольких лет, чтобы на каждый сельскохозяйственный кооператив приходилось более пяти специалистов с высшим образованием, а на каждую бригаду — два специалиста со средним или высшим образованием. Эта задача выполняется.

За годы семилетки многое было сделано в просветительской работе: построены многочисленные библиотеки (в 1964 г. насчитывалось 13 центральных и провинциальных, 178 городских, 37 детских библиотек, книжный фонд которых составлял 7164 тыс. экземпляров), функционировало 19 музеев и 8 их филиалов, издавалось более 30 центральных и провинциальных газет, около 30 журналов, свыше 470 многотиражных газет.

В 60-е годы произошли изменения и в развитии науки. Если ранее создавались все новые и новые научные учреждения и центры, то в последнее десятилетие больше внимания обращается на повышение качества научных исследований, на научные изыскания в новых, перспективных областях с учетом требований научно-технической реконструкции народного хозяйства. Еще в 1961 г. по постановлению Кабинета минист-

ров КНДР в 14 высших учебных заведениях была создана аспирантура по специальностям: химия, биология, математика, физика, машиностроение, энергетика, филология и по другим отраслям знаний. В это же время в 21 научно-исследовательском институте АН КНДР заочно обучались 400 аспирантов из числа лучших работников, командированных производством. В 1962 г. была создана докторантура в Университете им. Ким Ир Сена, Политехническом институте им. Ким Чхэка, в Пхеньянском медицинском институте, а также в исследовательских институтах. В 1964 г. докторантура и аспирантура были открыты во многих высших учебных заведениях. На базе Академии наук КНДР образован ряд отраслевых академий. В 1970 г. Академия наук в целом имела в своей структуре уже более 20 различных исследовательских институтов, преимущественно естественно-технического профиля, Академия сельскохозяйственных наук — 19 такого рода институтов и 10 филиалов в провинциях, Академия медицинских наук — 12 институтов, Комитет архитектуры — 7 институтов и т. д.

Большую известность приобрели не только в Корее, но и во всем мире исследования, проводимые в Хамхынском филиале АН КНДР под руководством крупного специалиста в области изучения и производства синтетического сырья для искусственных тканей из карбида кальция — акад. Ли Сынги, избранного также иностранным членом АН СССР. Хамхынский филиал АН КНДР включает четыре исследовательских института: по неорганической, органической, высокомолекулярной и аналитической химии. При нем имеются обсерватория, научно-экспериментальный и комплексный экспериментальный завод АН КНДР.

В соответствии с указаниями IV съезда ТПК в 1964 г. была создана Академия общественных наук в составе институтов экономики, истории, права, философии, литературы, языкознания, археологии, этнографии. На базе этой Академии развернулась научно-исследовательская работа в области гуманитарных наук.

В 1971 г. была учреждена Академия технических наук. Излагая политическую программу правительства на I сессии ВНС КНДР, 16 декабря 1967 г., Ким Ир Сен подчеркнул: «Осуществление всесторонней технической революции, что является самой центральной задачей в строительстве социалистической экономики в нашей стране в настоящее время, настоятельно требует крутого развития науки и техники. Мы должны вести энергичную борьбу за взятие крепости науки, добиться крутого перелома в этой области и тем самым в полной мере обеспечивать актуальную работу по технической реконструкции во всех отраслях народного хозяйства»⁶.

Годы семилетки, заключительный ее этап ознаменовались подъемом научно-исследовательской работы, подчиненной этой центральной задаче. Главные силы были сосредоточены на изыскании возможностей развивать промышленное производство на основе внутренних ресурсов и сырья, на производстве заменителей, необходимых в тех случаях, когда в стране отсутствовали нужные сырье и ресурсы. В деятельности ряда научно-исследовательских учреждений важное место занимала разработка новых методов производства и технологии в области машиностроения и электроники, что диктовалось задачами технической реконструкции народного хозяйства. Крепилась связь между учеными и производственниками, повышался уровень теоретических и практических знаний работников научного фронта.

Широко осуществляется сотрудничество в науке и технике с Советским Союзом, социалистическими странами. В 1969 г. подписано Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Академиями наук

КНДР и СССР сроком на пять лет. Академии ведут совместные исследования по проблемам, имеющим взаимный интерес, взаимно командируют научных сотрудников и всемерно содействуют друг другу при решении актуальных научно-технических проблем, оказывают помощь в подготовке кадров, а также обмениваются научной литературой и другими изданиями.

Перспективы развития науки в КНДР, достижение ею научно-технического уровня передовых стран неразрывно связаны с возможностями обогащения опытом научного развития других стран и расширением сотрудничества с социалистическими государствами.

Корейский народ добился новых успехов и в развитии литературы. Наряду с романом — ведущим жанром прозы — все более завоевывает позиции эпическое отображение жизни, широкие литературные полотна о патриотической борьбе корейского народа против чужеземных угнетателей в прошлом, партизанской борьбе во главе с Ким Ир Сеном в 30-х годах, об отечественной войне 1950—1953 гг., о передовом современнике — строителе социализма. По-прежнему большой интерес вызывает литература, посвященная проблеме объединения родины, разоблачению реакционной политики южнокорейского режима, показу мрачной действительности Южной Кореи, народ которой стремится к свободе и национальному воссоединению. К их числу принадлежат роман «Рассвет над родиной» (1964—1965) Пак Тхэвона, эпопея «Рождение эпохи» (1964, 1967), Сок Юнги, романы «История бедствий» (1964—1965) Чхон Себона, «Дети» и «Заря над родной землей» (1965) Хван Гона, «Факел» (1965) Ким Бёнхуна, «Бурное течение» (1965) Юн Сичхоля, повесть «Судьба одной женщины» (1965) Ли Гиёна, романы «Молодежный авангард» (1966) Им Чхунджу, «Новый берег в тумане» (1966) Чхон Себона, «Канонада» (1966) Чон Чхангюна, «Жена» (1966) Юн Седжуна, «Густо растущие подсолнечники» (1969) Сок Юнги и многие другие художественные произведения. Для корейской поэзии стало наиболее характерным подчеркнутое изображение современника как частицы великой народной силы, строящей социализм, раскрытие героических черт революционеров, боровшихся против японского колониального порабощения, показ славных трудовых подвигов рабочих и крестьян. Можно назвать несколько таких произведений: поэмы «Призыв матери» (1964) Пак Сану, «Песнь человечества» (1964) Чон Дону, «Отзвук колокола Иджин» (1965) Хан Банмёна, «Благословение жизни» (1965) Чон Мунхяна, поэмы, созданные коллективами авторов, — «Вечно живи, зеленая сосна» (1969), «Наша мать» (1969), «Путь на заре» (1970) и др.

Был поставлен и ряд пьес на эти же темы: «Подсолнечник», «Дочь солнца», «Факел Почхонбо», «Над уровнем моря», «Наша мать», «Зеленая сосна». Переводились произведения советской прозы и поэзии, ставились пьесы советских драматургов.

В 60-е годы еще большего расцвета достигли современное и традиционное оперное искусство и балет. Для этого периода характерно широкое развитие провинциальных музыкальных театров, музыкально-хореографических трупп художественных театров в провинциях. Заметным событием в театральной жизни была постановка в Художественном театре Южной Хамгён оперного спектакля «Огромная любовь к человеку» (1961), музыку к которому написал коллектив композиторов во главе с Хван Сунхёном. Этот спектакль рассказывал о благородном труде врачей, их беззаветном служении народу. Коллектив Художественного театра Северной Хванхэ создал балетный спектакль «Чо Окхи», посвященный памяти землячки, ставшей национальной героиней. Широкую известность получил балет о тяжелом прошлом корейского народа —

«Воспоминание» (1963), созданный коллективом Ансамбля песни и танца Северной Пхёнан.

На центральной сцене в 1968 г. появилась новая опера-кагык «Платок с цветами мугунхва», поставленная творческим коллективом Государственного художественного театра. На его же сцене с большим успехом шла опера «Мать Кореи» (либретто Пак Хёка, музыка Ли Мёнсана, Ли Джонона и Ким Гирхака).

Из новых балетных постановок конца 60-х годов выделяются одноактные спектакли Пхеньянского ансамбля песни и танца, посвященные антияпонской борьбе корейских партизан в 30-е годы и событиям современности: «Дочь Вьетнама», «Трудный поход», «Горящий берег», «Падает снег», «Осень», «На строительной площадке», «Красный цветок с берегов Меконга» и др.

Свидетельством возросшего уровня изобразительного искусства КНДР явилась художественная выставка в конце 1968 г., устроенная в честь 20-летия республики. На ней экспонировалось свыше 600 картин и скульптур, выполненных в современной и традиционной национальной формах. Среди них — «С пулеметом» Ли Чхана, «Славная наша родина — КНДР» Ким Игвана и Ким Бёнхи (корейская национальная живопись), «Главнокомандующий, маршал Ким Ир Сен» Чан Хёктхэ, Киль Джунон, О Сону, «Перед боем» Хон Сончхоль (масло), скульптуры «Главнокомандующий» (группа скульпторов Художественного института) и другие.

Несомненны успехи, достигнутые мастерами декоративно-прикладного искусства, особенно в художественной керамике, где продолжают развиваться традиции изготовления корейского фарфора, шелковых тканей с национальным орнаментом, вышивки.

Искусство художников народной Кореи имеет всемирную известность. С ним не раз познакомились зрители в Советском Союзе, в социалистических государствах, а также в ОАР, Алжире, Камбодже и во многих других государствах мира.

На экранах страны в эти же годы появилось немало интересных фильмов, свидетельствовавших о возросшем идейном уровне художественного и документального кино. Наиболее популярными стали фильмы «Сквозь бурю», «Так они сражались», «На пути роста», «Семья священника», «У нас есть родина», «Пять братьев-партизан», «Пак Ёнам», «Красный агитатор», документальные ленты «Земля», «Рис и вода» и многие другие. Большим успехом пользовался фильм «Красный цветок», рассказывающий о молодой учительнице, которая все силы и знания отдает детям. Он был удостоен высокой премии «Бандунг» на III Международном кинофестивале стран Азии и Африки в 1964 г. Широко популярным стал и фильм «Судно агрессоров „Генерал Шерман“», раскрывающий одну из самых героических страниц истории борьбы корейского народа против захватнической, колонизаторской политики США на Корейском полуострове.

О войнах Народной армии и работе органов безопасности рассказывали фильмы «Невидимая граница», «Так они сражались», «На пути роста» и др. Было выпущено много фильмов, посвященных событиям в Южной Корее и дням минувшей войны, — «Семья Чхве Хаксона», «Старшина», «Молодежь в тылу врага», «Первый шаг», «Он в строю». О партизанской борьбе против японских колонизаторов повествовал и фильм «Путь, открытый мною» и др.

Большой популярностью пользуются в Корейской Народно-Демократической Республике советские фильмы, в частности посвященные революционной тематике и военным сюжетам.

Заметное развитие получила научно-популярная кинематография, стали выпускаться детские мультипликационные фильмы.

Всей творческой деятельностью работников кино руководит Союз кинематографистов, созданный в 1961 г. и входящий в Ассоциацию работников литературы и искусства КНДР.

В настоящее время в КНДР работает пять киностудий — художественных, документальных, научно-популярных и детских фильмов, а также студия «8 февраля». Кадры кинематографистов готовят в Пхеньянском институте театра и кино, созданном в 1959 г.

На основе социалистического реализма, сочетающего глубокоую народность и партийность, развивалась в 60-е годы многообразная национальная культура Корейской Народно-Демократической Республики. По своему содержанию она в основном является однородной с культурными революциями в других социалистических странах, так как направлена на преобразование духовной жизни общества, на создание принципиально новой — национальной по форме и социалистической по содержанию — культуры. Она содействует изменению духовного облика трудящихся, повышению их идейности, формированию новой, народной интеллигенции, критическому освоению и использованию в интересах социализма культурного наследия прошлого. В условиях взаимодействия, взаимообогащения культур социалистических стран, братского сотрудничества и взаимопомощи происходит постепенное выравнивание уровней культурного развития народов этих стран, в том числе и КНДР, создание коммунистической культуры будущего.

У съезд ТПК. Перспективы экономического и культурного строительства

Событием большой политической важности в жизни корейского народа явился V съезд ТПК, который состоялся в начале ноября 1970 г. Съезд подвел итоги самоотверженной борьбы трудящихся КНДР под руководством Трудовой партии Кореи за претворение в жизнь боевой программы социалистического строительства, намеченной на предыдущем съезде партии, и утвердил Директивы по шестилетнему плану развития народного хозяйства КНДР на 1971—1976 гг.

Годы, прошедшие между IV и V съездами ТПК, — время напряженной борьбы за создание материально-технической базы социализма и превращение КНДР в социалистическое индустриальное государство.

Выступая на съезде с отчетным докладом, Генеральный секретарь ЦК ТПК Ким Ир Сен сказал: «Величайшим успехом, достигнутым за отчетный период в социалистическом строительстве, являются блестящее осуществление исторической задачи социалистической индустриализации и превращение нашей страны в социалистическое индустриальное государство»⁷.

В ходе индустриализации, которая являлась центральным звеном экономического строительства в годы семилетки, значительно расширилась и упрочилась база социалистической промышленности КНДР.

За годы индустриализации (1957—1970) социалистическая промышленность развивалась высокими темпами. Среднегодовой прирост промышленной продукции составил 19,1%.

В результате индустриализации произошли коренные изменения в структуре народного хозяйства КНДР, свидетельствующие о превращении республики в развитое социалистическое индустриальное государство. Удельный вес промышленности в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства возрос с 34% в 1956 г. до 74% в 1970 г.

Доля промышленности в национальном доходе, созданном в сферах материального производства, соответственно увеличилась с 25 до 65%.

Показателем возросшего промышленного потенциала КНДР является увеличение производства важнейших видов промышленной продукции в расчете на душу населения.

В 1970 г. на одного жителя республики приходилось 1184 *квт·ч* электроэнергии, 1975 *кг* угля, 158 *кг* стали, 108 *кг* химических удобрений, 287 *кг* цемента и 28,8 *м* тканей (в 1956 г. в стране на душу населения производилось всего 590 *квт·ч* электроэнергии, 450 *кг* угля, 22 *кг* стали, 23 *кг* химических удобрений, 69 *кг* цемента и 9 *м* тканей).

Промышленное развитие сопровождалось увеличением численности рабочего класса, повышением его культурно-технического и профессионального уровня, ростом политической и трудовой активности.

Индустриализация дала мощный толчок развитию всех отраслей народного хозяйства.

Социалистическое сельское хозяйство превратилось в развитую, механизированную отрасль экономики. Значительно повысились оснащённость и технико-экономические показатели работы железнодорожного, автомобильного и водного транспорта. Быстрый рост промышленного и сельскохозяйственного производства обеспечил расширение внутренней и внешней торговли.

Все это свидетельствует о том, что в КНДР заложена прочная материальная основа дальнейшего развития национальной экономики, решения сложных задач технической реконструкции всего народного хозяйства, неуклонного подъёма благосостояния населения и укрепления оборонной мощи страны.

«Сегодня перед нашей партией и народом,— отмечал Ким Ир Сен,— стоит насущная задача — на основе уже достигнутых в революции и строительстве успехов еще более укрепить и развить социалистический строй нашей страны и приблизить полную победу социализма»⁸.

Перспективы дальнейшего социалистического строительства в Коре́йской Народно-Демократической Республике были определены V съездом ТПК в Директивах по шестилетнему плану развития народного хозяйства КНДР на 1971—1976 гг.

«Основная задача шестилетнего плана в области строительства социалистической экономики,— указывалось в Отчетном докладе ЦК ТПК V съезду,— состоит в том, чтобы упрочить и умножить успехи индустриализации, поднять техническую революцию на новую, более высокую ступень развития и тем еще более укрепить материально-техническую базу социализма»⁹.

Согласно Директивам в 1971—1976 гг. валовая продукция промышленности увеличится в 2,2 раза (среднегодовой прирост — на 14%). За шестилетку по-прежнему будет осуществляться курс на преимущественное развитие тяжелой индустрии. Производство средств производства возрастет в 2,3 раза, а выпуск предметов потребления — в 2 раза.

Мощности всех электростанций увеличатся на 2,2 млн. *квт* и в 1976 г. составят 5 млн. *квт*. Производство электроэнергии достигнет 28—30 млрд. *квт·ч*. Причем тепловые электростанции выработают половину всей электроэнергии.

Для дальнейшего укрепления сырьевой базы промышленности план предусматривает широкое проведение геологоразведочных работ, освоение новых месторождений полезных ископаемых, повышение уровня технической оснащённости шахт и рудников. В 1971—1976 гг. добыча железной руды увеличится в 1,8 раза, меди — в 1,7, свинца и цинка — в 1,8, вольфрама — в 1,9 и молибдена — в 4,4 раза.

К концу шестилетки добыча угля достигнет 50—53 млн. т. Большое место в плане отводится развитию металлургии. Реконструкция металлургических предприятий и повышение коэффициента использования оборудования позволит довести в 1976 г. производство чугуна и кричного железа до 3,5—3,8 млн. т, стали — до 3,8—4 млн. т, проката до 2,8—3 млн. т. За шестилетку выпуск цельнотянутых труб возрастет в 1,7 раза, оцинкованной листовой стали — в 4,2 раза.

Перед химической промышленностью поставлена задача увеличить производство химических удобрений до 2,8—3 млн. т. Выпуск гербицидов увеличится в 4,5 раза, химических волокон — в 1,9 и синтетических смол — в 3 раза.

Еще более расширится и укрепится производственная база машиностроения. Намечается увеличить выпуск крупных машин, комплектного оборудования, средств автоматики и электронной аппаратуры. В 1971—1976 гг. производство металлорежущих станков вырастет в 2,6 раза, экскаваторов — в 3,2, автомобилей — в 2,4, генераторов — в 5, вагонов — в 2,1 и судов — в 3,6 раза.

Большое развитие получит промышленность строительных материалов. В 1976 г. производство цемента по сравнению с 1970 г. возрастет в 2, а листового стекла — в 1,8 раза.

Большое внимание в плане уделяется развитию легкой промышленности. Крупные ассигнования будут направлены на расширение и модернизацию существующих фабрик и заводов.

Планом предусматривается расширение производства шерстяных и синтетических тканей не менее чем до 50 млн. м. Общая выработка тканей в 1976 г. будет доведена до 500—600 млн. м. Выпуск белья увеличится в 1,4 раза, верхнего трикотажа — в 2,1, чулочно-носочных изделий — в 1,8 раза. Производство обуви в 1976 г. достигнет 70 млн. пар.

Пищевая промышленность за шестилетку увеличит выпуск бакалейно-гастрономических изделий в 2,6 раза, в том числе мясных — в 5,9 раза и овощных — в 14,7 раза. Намечается также резкое расширение производства культурно-бытовых товаров для населения.

В целях интенсификации сельскохозяйственного производства намечается дополнительно оросить 300 тыс. чонбо суходольных полей, повысить уровень механизации и химизации — расширить поставки в деревню сельскохозяйственной техники, химических удобрений и ядохимикатов. За шестилетку тракторный парк должен увеличиться в 4,2 раза, а автомобильный — в 2,5 раза.

В 1976 г. валовой сбор зерновых достигнет 7—7,5 млн. т (в том числе риса — 3,5 млн. т), фруктов — 0,8—1 млн. т. Будет произведено 400 тыс. т мяса, 3 млрд. яиц, 60 тыс. т молока и 2500 т шерсти. Это позволит упрочить продовольственную и сырьевую базы страны.

Предусмотрено дальнейшее развитие транспорта, внутренней и внешней торговли и других отраслей народного хозяйства.

Директивы подчеркивают необходимость совершенствования управления экономикой и усиления борьбы за экономию во всех областях народного хозяйства.

Намеченный шестилетним планом рост промышленного и сельскохозяйственного производства обеспечит увеличение национального дохода в 1,2 раза. За годы шестилетки предусматривается повысить средний уровень заработной платы рабочих и служащих до 90 вон в месяц и довести ежегодный денежный доход на каждый крестьянский двор до 1,8 тыс. вон. Планируется также осуществить снижение розничных цен на продовольственные и культурно-бытовые товары в среднем на 30—50%, расширить их продажу населению в 2 раза. Расходы государства

на социально-культурные нужды возрастут в 1,5 раза. Все это даст возможность повысить реальные доходы трудящихся.

Запланирован широкий размах жилищного строительства. В городах и селах за шестилетие будут возведены благоустроенные дома на 1 млн. с лишним квартир.

Важное место в плане занимает улучшение медицинского обслуживания населения. Намечается увеличить число больниц, амбулаторий, санаториев, домов отдыха и профилакториев. Число больничных коек вырастет в 1,4 раза, расширится численность медицинского персонала.

В плане ставятся большие задачи в области просвещения, национальной культуры, литературы и искусства. Он предусматривает подготовку более 600 тыс. различных специалистов (с доведением общего их числа в стране до 1 млн.); удельный вес инженерно-технического состава на предприятиях и в сельхозкооперативах должен превысить 10%.

Для этого намечено осуществить ряд мер, направленных на улучшение системы народного образования. В частности, выдвинута задача повысить качество девятилетнего технического обучения, в особенности преподавания основных дисциплин, запланировано ввести в школах такие дополнительные предметы, как изучение устройства автомашины, трактора и приобретение навыков их вождения, и прикладные дисциплины. По мере совершенствования существующей системы образования предполагается начать подготовку к переходу на обязательное бесплатное техническое десятилетнее обучение. Кроме того, предусматривается расширение имеющихся вузов и проводимой в них учебной работы, организация институтов автоматизации, электроники, планирования экономики, судостроения, плодводства и др., значительное увеличение числа высших технических школ, сети институтов и технических школ при заводах, дальнейшее развертывание вечернего и заочного обучения, в том числе школ рабочей молодежи, а также всевозможных школ и курсов по обучению взрослого населения техническим дисциплинам, повышение уровня общеобразовательных и технических знаний всех трудящихся.

Существенное внимание уделяется дошкольному воспитанию; намечено строительство многочисленных детских садов и яслей, чтобы в городах и в сельской местности родители имели равные возможности ими пользоваться. В крупных городах предусмотрено открытие садов и яслей с недельным содержанием детей.

Особое внимание шестилетний план обращает на всестороннее культурное строительство в деревне и обеспечение сельского хозяйства необходимыми квалифицированными кадрами.

Предусмотрен также ряд мер по развитию библиотечного и музейного дела, по дальнейшему увеличению тиражей центральных и местных газет и журналов.

Шестилетний план развития народного хозяйства, продолжая главные направления научной деятельности, намеченные семилеткой, вместе с тем направляет усилия ученых на разработку проблем, связанных с развитием промышленности органических соединений на базе нефтехимии, атомной промышленности, электротехники, машиностроения, металлургии (в особенности производство алюминия), промышленности кислотопоров и т. д. Большое значение придается исследовательской работе в области создания новых материалов, реактивов с более длительными сроками использования, ускоряющих те или иные производственные процессы, комплексному использованию руд и сокращению до минимума отходов, эффективному применению в народном хозяйстве руд с небольшим содержанием металла и низкосортного угля. Вместе с тем пред-

усматривается широкое развертывание работ по изучению и использованию природных ресурсов, геологической разведке минералов, особенно имеющих важное значение для оборонной промышленности. Ведутся поиски новых энергетических источников, улучшаются землеустроительные работы.

В целом шестилетний план намечает значительное расширение всей научно-исследовательской деятельности, строительство опытных предприятий, научных институтов, лабораторий, создание более совершенной аппаратуры и оборудования.

На V съезде ТПК, определившем перспективы социалистического строительства в КНДР, указывалось и на необходимость всестороннего развития литературы и искусства; были намечены большие планы культурного строительства. Съезд призвал творческих работников создавать высокоидейные произведения, отвечающие жизненным интересам и чувствам народа, способные удовлетворять возросшие художественные потребности.

Культурная революция в КНДР протекает в сложных условиях расчлененной нации, постоянного воздействия буржуазного влияния со стороны Южной Кореи и США. V съезд ТПК, отмечая возросшую в последнее время идеологическую и культурную экспансию со стороны империалистических сил и антинародного южнокорейского режима, призвал развернуть борьбу с чуждым влиянием, рассматривать ее как одну из важнейших задач культурной революции в стране, очищать ряды творческой интеллигенции от буржуазных и ревизионистских элементов. На съезде было снова подчеркнуто, что в такой обстановке особое значение приобретает классовое воспитание кадров национальной интеллигенции, непримиримая борьба со всякого рода колебаниями и проявлениями ревизионизма в ее среде.

Трудовая партия Кореи уделяет большое внимание так называемой революционизации интеллигенции. Под этим подразумевается полное искоренение пережитков старой идеологии в сознании интеллигенции, вооружение ее революционным духом рабочего класса и идеями коммунизма. Об этом говорилось и в решениях партийной конференции ТПК в октябре 1966 г., указавших на необходимость преодоления недостатков в воспитательной работе с интеллигенцией и подчеркнувших, что вместе с тем нельзя и недооценивать роль интеллигенции в социалистическом строительстве, подозревать ее и отстранять от активной деятельности.

Проблема усиления идеологической работы среди интеллигенции является одной из главных в деятельности ТПК. Она строится на правильном сочетании использования старых специалистов, буржуазное сознание которых постепенно трансформируется на социалистический лад, с подготовкой преданных партии и народу молодых кадров, вышедших из рядов рабочего класса и трудового крестьянства.

Съезд обратил также внимание на то, что некоторые работники культурного фронта догматически восприняли курс партии, предусматривающий максимальное развитие национальных черт и особенностей в творчестве, стали на путь слепого, некритического использования национального наследия, начали протаскивать и реставрировать феодально-конфуцианские догмы. Съезд осудил эту тенденцию, квалифицировав ее как архаизацию, и обязал творческих работников подходить к восприятию богатого национального наследия с позиций корейской революции, т. е. заимствовать из него лишь передовое и наиболее демократичное.

V съезд ТПК — важное политическое событие в жизни корейского народа. Он открывает перспективы построения развитого социалистического общества.

Проблема объединения Кореи

С начала 60-х годов в политике ТПК и правительства КНДР по вопросу объединения происходят определенные изменения, обусловленные приходом к власти в Южной Корее реакционного, военного режима, а также значительным укреплением базы корейской революции на Севере. IV съезд ТПК в сентябре 1961 г. проанализировал новую обстановку на Юге и, учитывая сложившееся соотношение сил, сформулировал стратегическую и тактическую линию в борьбе за мирное объединение родины. Эта линия была разработана и обоснована более подробно в выступлениях Ким Ир Сена 14 апреля 1965 г. в индонезийской Академии общественных наук «Али Ахрам» и на конференции Трудовой партии Кореи в октябре 1966 г., в материалах I сессии ВНС КНДР четвертого созыва в декабре 1967 г., в докладе Ким Ир Сена на торжественном заседании по случаю 20-й годовщины образования КНДР в сентябре 1968 г., в документах V съезда ТПК в ноябре 1970 г.

Принципиальные положения стратегического и тактического курса Трудовой партии Кореи по вопросу объединения и развития революции на Юге легли в основу ее практической деятельности, нашли в той или иной мере отражение в соответствующих акциях партии, правительства и общественных организаций страны в 1961—1970 гг.

Мирлюбивая политика ТПК подкреплялась заключенными летом 1961 г. Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и КНДР и аналогичным Договором между КНР и КНДР.

В июне 1962 г. Верховное народное собрание КНДР обратилось ко всему корейскому народу с воззванием еще шире развернуть борьбу за вывод американских войск из Южной Кореи. Оно призвало представителей Севера и Юга собраться в Пханмунджоме, Пхеньяне или Сеуле для обсуждения вопроса о будущем нации, предложило сократить численность армии как в Южной, так и в Северной Корее до 100 тыс. человек (после полного вывода американских войск) и заключить конвенцию об отказе от применения вооруженной силы. ВНС КНДР обратилось к парламентам всех стран мира с просьбой поддержать требование корейского народа о выводе американских войск из Южной Кореи.

В октябре того же года ВНС вновь были сделаны конструктивные предложения по объединению страны. Они предусматривали вывод американских войск как главное условие достижения единства нации, устранение напряженности в отношениях между Севером и Югом, заключение между ними мирного соглашения о ненападении, взаимное сокращение численности армии, а на этой основе — выработку приемлемых для обеих сторон условий мирного объединения. В предложениях говорилось о необходимости наладить с Югом экономический и культурный обмен, для чего организовать экономический комитет из представителей Севера и Юга. Снова, как и до военного переворота на Юге, была выдвинута идея образования Конфедерации для осуществления первоначального объединения страны. При этом, как и прежде, имелось в виду, что при конфедеративном устройстве сохранятся существующий в Северной и Южной Корее политический строй и самостоятельная деятельность правительств, будет создан Высший национальный комитет из представителей обеих частей, который будет совместно решать вопросы общенационального характера.

Создание Конфедерации должно было способствовать установлению контактов и взаимопонимания между Севером и Югом, укреплять политические, экономические и культурные связи между обеими частями

страны, подготовить необходимую атмосферу для полного объединения родины. После этого предполагалось провести всекорейские свободные выборы на демократических началах, без всякого насилия и вмешательства извне образовать единое центральное правительство, представляющее все слои населения Северной и Южной Кореи. Населению гарантировались бы при этом свобода политической деятельности и передвижения, на Юге должны были быть немедленно прекращены репрессии в отношении патриотического и демократического движения народа, обеспечена свобода слова, печати, союзов, собраний, манифестаций, забастовок, восстановлены все политические партии и общественные организации, распущенные военным режимом Пак Чонхи. Только при соблюдении всех этих условий могло быть создано всекорейское центральное правительство, проведены подлинно демократические выборы и достигнуто единство нации.

Эти предложения ВНС по достижению мирного объединения страны в той или иной форме и в зависимости от складывающейся обстановки не раз выдвигались в последующие годы: в Заявлении Комитета по мирному объединению родины в январе 1963 г., в Обращении, принятом на совместном заседании Президиума ВНС КНДР, ЦК Единого демократического отечественного фронта и Комитета по мирному объединению в декабре 1963 г., в решении VIII пленума ЦК Трудовой партии Кореи в феврале 1964 г., обсудившего положение в Южной Корее и задачи по объединению, в письме Ким Ир Сена директору Института по изучению корейских проблем в Вашингтоне от 8 декабря 1965 г., в документах IV сессии в мае 1965 г. и V сессии ВНС КНДР в апреле 1966 г., а также в других документах и решениях партии, правительства и общественных организаций.

В Политической программе правительства КНДР, утвержденной на I сессии ВНС четвертого созыва в декабре 1967 г., снова подчеркивалось, что вопрос объединения Кореи должен решаться в условиях вывода агрессивных войск американского империализма из Южной Кореи, без какого-либо вмешательства со стороны внешних сил. «Правительство КНДР и корейский народ,— говорилось в этой Программе,— будут решительно бороться против империалистических агрессивных сил во главе с американским империализмом и будут продолжать упорную борьбу за изгнание из Южной Кореи американских империалистических аггрессоров и завершение великого революционного дела — объединения Родины»¹⁰. В Политической программе и в докладе Ким Ир Сена на торжественном заседании по случаю 20-й годовщины образования республики отмечалось также, что корейская революция развивается в тесной связи с антиимпериалистической и антиамериканской борьбой в мировом масштабе и что объединение Кореи является не только национальным, но и интернациональным долгом корейского народа, что в этой борьбе за единство правительство и корейский народ рассчитывают объединиться со всеми антиимпериалистическими силами и готовы, в свою очередь, оказывать им активную поддержку.

В 1969—1971 гг. Корейская Народно-Демократическая Республика выступила с рядом новых миролюбивых акций. Наиболее важными из них были письмо руководства Комитета по мирному объединению родины в адрес Единого фронта корейской демократии в Нью-Йорке от 9 июня 1969 г., направленное по поручению Ким Ир Сена в ответ на соответствующее послание из США, меморандум правительства КНДР в связи с 20-й годовщиной начала агрессии США в Корее и решения V сессии ВНС КНДР, состоявшейся 12—14 апреля 1971 г.

В документе сессии ВНС КНДР излагались в концентрированном

виде конкретные мероприятия по достижению единства страны. Они обобщали и развивали ранее сделанные предложения и предусматривали следующие основные меры:

вывод из Южной Кореи американских войск как первое необходимое условие разрядки напряженности и замена реакционного режима Пак Чонхи патриотической демократической властью. После вывода сокращение численности армий Южной и Северной Кореи соответственно до 100 тыс. человек и менее;

аннулирование и объявление недействительными американско-южнокорейского договора о взаимной обороне, японо-южнокорейского договора и всех других предательских и кабальных договоров и соглашений, заключенных Южной Кореей с иностранными государствами вопреки интересам нации;

создание единого центрального правительства путем свободных всеобщих выборов на Севере и на Юге на самостоятельных и демократических началах после вывода агрессивных войск американского империализма из Южной Кореи;

в случае необходимости, еще до полного объединения, введение системы конфедерации Северной и Южной Кореи как переходной меры при сохранении нынешнего социального строя Севера и Юга; организация Верховного национального комитета, призванного обеспечивать сотрудничество, контакт между обеими сторонами в общих интересах нации и постепенно добиваться полного объединения;

в случае если южнокорейские власти не будут готовы к созданию Конфедерации, имеется в виду постепенно решать (оставив в стороне на данный момент политические проблемы) такие задачи, как экономические и культурные связи, почтовая переписка и передвижение между Севером и Югом;

созыв Политического консультативного совещания Северной и Южной Кореи при участии представителей различных политических партий, общественных организаций и отдельных лиц в любое удобное время и в любом месте при согласии обеих сторон.

Конкретные конструктивные предложения Корейской Народно-Демократической Республики по объединению родины на мирных, демократических началах, выдвигавшиеся в 60-е годы и в начале 70-х годов, отвечали чаяниям корейского народа, имели важное значение не только в решении актуальной национальной задачи, но и в сохранении и упрочении мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Они неизменно пользовались полной поддержкой социалистических стран, прежде всего Советского Союза, а также всех миролюбивых сил. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС подчеркивалось, что «Коммунистическая партия Советского Союза и советский народ поддерживали и поддерживают предложения правительства КНДР о мирном демократическом объединении страны, требования корейского народа о выводе американских войск с юга Кореи».

Сеульское правительство до весны 1972 г. неизменно отвергало все эти справедливые предложения КНДР, продолжая проводить политику раскола нации. Южнокорейские власти постоянно ссылались на «возросшую агрессивность» КНДР, спекулировали на провозглашенном с 1962 г. в Северной Корее курсе на параллельное хозяйственное и оборонное строительство, изображая его как доказательство будто бы готовящегося вторжения с Севера, обвиняли КНДР в нарушении условий перемирия и в организации массовой подрывной деятельности против южнокорейского режима, прибегали к другим недостойным уловкам и приемам.

Южнокорейское правительство не раз заявляло, что оно выступает

за объединение страны путем общих выборов на Севере и на Юге, но под наблюдением ООН и с учетом численности населения каждой части страны (на Севере — 14 млн., на Юге — свыше 30 млн.). Отказываясь от разрешения проблемы объединения силами только корейского народа и настаивая на контроле со стороны Организации Объединенных Наций, правящие круги Юга по существу вели дело к тому, чтобы не допустить подлинно демократического решения корейской проблемы и навязать антинародный строй всей Корее.

В первой половине 60-х годов, когда южнокорейский военный режим еще только укреплялся, политический курс по вопросу объединения носил относительно сдержанный характер, подлинные цели военной верхушки тщательно маскировались. Фактически же ее позиция состояла в том, чтобы законсервировать сложившееся положение, добиться выигрыша в соревновании с Севером и, обеспечив себе подавляющее большинство союзников в ООН и на международной арене, вынудить (в подходящей международной обстановке) северян к объединению на условиях южнокорейской и американской политики. В 1968—1970 гг. в выступлениях южнокорейских лидеров все чаще стали звучать призывы к достижению единства вооруженным путем, стала проводиться активная милитаризация, значительно выросли вооруженные регулярные и резервные войска, развернулось большое военное строительство, резко возросла военная помощь США, активизировалась организация режимом Пак Чонхи (при поддержке мирового империализма) всевозможных военно-политических блоков в Азии. Южнокорейские военные соединения приняли широкое участие в американской аванюре в Индокитае, происходило усиленное экономическое и политическое проникновение в Южную Корею японского империализма. В новогоднем послании 1 января 1970 г. президент Южной Кореи заявил, что «страна должна объединить все ресурсы, чтобы добиться территориального воссоединения в предстоящее десятилетие, и должна быть вполне готова осуществить воссоединение в любой форме, будь то мирным или иным путем».

Настойчивая борьба КНДР за справедливое решение корейской проблемы на демократических началах и то широкое сочувствие, которое она вызывает среди южнокорейского населения, побуждают правительство Южной Кореи маневрировать, выдвигать альтернативные предложения. Именно поэтому появились предложения Корейской республики по достижению национального единства, которые изложил Пак Чонхи в своем выступлении 15 августа 1970 г. в Сеуле. Он, в частности, заявил, будто готов сделать «эпохальные и более реалистичные» шаги для воссоединения Кореи, если «Северная Корея откажется от применения силы в качестве политического средства». Он также сказал, что не будет возражать против участия Северной Кореи в обсуждении в ООН вопроса о воссоединении, «если коммунистическое правительство безоговорочно согласится с тем, что эта международная организация компетентна и полномочна заниматься этим вопросом». В этом выступлении наиболее примечательным является сам факт диалога с КНДР, который вынужден был начать южнокорейский президент. Что же касается содержания, то его фарисейская подоплека очень скоро стала очевидной. Выступая 8 сентября 1970 г. в Национальном собрании, премьер-министр Чон Ильгвон подчеркнул, что предложение Пак Чонхи о мирном территориальном объединении не означает, будто правительство считает Северную Корею законным государством. Более того, он дал понять, что те, кто будет проявлять чрезмерную заинтересованность в дискуссии по вопросу о национальном объединении, рискуют подпасть под действие Антикоммунистического закона.

В 1961—1970 гг. на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН корейский вопрос обсуждался неоднократно, однако из-за негативной позиции США не был решен.

Осенью 1970 г. на рассмотрение XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН был внесен проект резолюции о приглашении представителя КНДР на обсуждение корейского вопроса. В связи с этим министерство иностранных дел КНДР обнародовало заявление, в котором подчеркивалось, что правительство КНДР уважает Устав ООН и ее цели; если ООН искренне желает действовать согласно принципам своего Устава и своим целям, она должна дать возможность представителю КНДР участвовать в обсуждении вопроса о Корее; правительство КНДР ни в коем случае не признает и объявит недействительными любые «резолюции», сфабрикованные американскими империалистами в ООН без участия и согласия представителя КНДР, вопреки интересам корейского народа.

Принятое летом 1970 г. администрацией Р. Никсона решение о выводе американских войск из Южной Кореи согласно «гуамской доктрине» внесло новое в обстановку на Корейском полуострове, однако не означало, что США отказались от своих колонизаторских и военно-стратегических целей в этом районе, от своего «присутствия» в Азии. Под прикрытием шумихи вокруг вывода американских войск из Южной Кореи по существу развернулась еще более активная и всесторонняя милитаризация страны, укрепился военно-политический союз между США и Южной Кореей. В то же время вывод американских войск по прошествии всего лишь полугода был приостановлен и отложен на неопределенное время, численность войск США по-прежнему сохраняется на высоком уровне и достигает 40 тыс. Одновременно заметно усилились базирующиеся в Южной Корее военно-воздушные и военно-морские силы США.

Тем не менее в результате мирной инициативы правительства КНДР в конце 1971 — начале 1972 г. и состоявшихся затем в марте — мае переговоров между представителями Севера и Юга было подписано, а 4 июля опубликовано совместное заявление, определявшее основные принципы объединения Кореи. Стороны создали Координационный комитет для решения вопросов, связанных с объединением, и его Исполнительный комитет и провели несколько заседаний (поочередно в Пхеньяне и Сеуле). Была также установлена прямая телефонная связь. Однако в дальнейшем южнокорейские власти стали срывать достигнутую ранее договоренность и вели дело к увековечению раскола Кореи. Стремясь вывести переговоры из тупика, Ким Ир Сен 23 июня 1973 г. выступил с предложением ликвидировать состояние военной конфронтации, устранять напряженность между Севером и Югом, осуществлять сотрудничество и обмен в разных сферах политики, дипломатии, военного дела, экономики и культуры, созвать Великое национальное собрание с участием представителей различных слоев населения, политических партий и общественных организаций Севера и Юга для проведения диалога о воссоединении в общенациональном масштабе, ввести до объединения систему конфедерации Севера и Юга под единым названием «Конфедеративная Республика Корё» и вступить в ООН под этим названием в качестве одного государства.

Часть четвертая

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

(1948—1970)

АНТИНАРОДНЫЙ ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ РЕЖИМ (1948—1960)

Укрепление южнокорейского режима

С первых дней своего существования южнокорейское сепаратное государство оказалось весьма непрочным образованием. После формального провозглашения Корейской республики, когда закончился первый дележ министерских и прочих портфелей, противоречия между различными реакционными группировками, входившими в Хангук минджудан, вылились в открытые распри. Созданный при прямом содействии американских империалистов антинародный режим не пользовался поддержкой ни трудящихся масс, ни патриотически настроенной южнокорейской буржуазии.

Чувствуя шаткость своего положения, сеульские правители поспешили оградить себя от гнева патриотических и демократических сил. Со своей стороны, и правящие круги США предприняли все зависевшие от них меры, чтобы поддержать и укрепить созданный с их помощью антинародный режим. Вскоре после провозглашения Корейской республики между Ли Сынманом и командующим американскими войсками в Южной Корее было заключено Административное соглашение (24 августа), согласно которому «забота» о военной безопасности южнокорейского государства возлагалась на вооруженные силы США, и они на неопределенное время оставались южнее 38-й параллели. В этой связи уместно напомнить, что принятая послушным США большинством резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 ноября 1947 г., на которую как на «законную основу» ссылались американские империалисты и их сеульские приспешники при проведении сепаратных выборов на Юге страны, предусматривала вывод американских войск в течение 90 дней после образования южнокорейского правительства. Таким образом, авторитетная международная организация была использована в качестве орудия американского империализма. Для правящих кругов США резолюция ООН имела «законную силу» всего лишь девять месяцев: как только создание сепаратного южнокорейского государства стало свершившимся фактом, они отказались от этого документа.

В соответствии с Административным соглашением командование американских оккупационных войск сохранило за собой контроль над всеми имевшими военно-стратегическое значение объектами и сооружениями: портами, железными дорогами, аэродромами, средствами связи и т. д. В ведение южнокорейского правительства все эти объекты и сооружения перешли только в конце июня 1949 г., когда, согласно заявлению официальных представителей США, был закончен вывод американских войск из Южной Кореи. По американо-южнокорейскому соглашению (январь 1950 г.) был создан институт военных советников. Для боевой подготовки лисынмановской армии была оставлена «военная миссия». В нее входило около 500 американских офицеров-инструкторов.

Административное соглашение явилось начальным звеном, открывшим собою серию неравноправных договоров, навязанных правящими кругами США правителям Южной Кореи. Административное соглашение и последовавшие за ним прочие договоры ознаменовали поворотный пункт в политике американского империализма по отношению к Южной Корее: от откровенно экспансионистского курса, проводившегося в условиях оккупационного режима и проявлявшегося в беззастенчивом присвоении материальных ценностей, созданных трудом корейского народа, правящие круги США перешли к завуалированным методам экономического, политического и военного господства в формально независимом южнокорейском государстве. Впоследствии такая система господства и подчинения стала именоваться неоколониалистской политикой.

11 сентября 1948 г. было заключено Предварительное соглашение об имуществе, по которому бывшую японскую собственность, захваченную американскими оккупационными властями, надлежало передать в ведение южнокорейского правительства¹. Одновременно в соответствии с этим соглашением лисынмановские власти брали на себя обязательство «уважать права и привилегии», которыми к моменту подписания документа располагали в Корее американские подданные, и, более того, возместить таким владельцам все убытки, понесенные ими в период второй мировой войны, когда принадлежавшая им собственность перешла под контроль японских милитаристов.

Экономические привилегии, предоставленные американскому капиталу на основе Предварительного соглашения, были существенно расширены спустя три месяца (11 декабря 1948 г.), когда было заключено Соглашение об экономическом сотрудничестве, согласно которому правительство США приняло на себя экономическую помощь Южной Корее, а сеульские власти, со своей стороны, обязались создать благоприятные условия для деятельности американских монополий (в частности, поощрять американские капиталовложения в южнокорейскую экономику и допускать частных предпринимателей к ведению деловых операций) и, более того, согласовывать с правительством США все экономические мероприятия.

Краткая характеристика самых первых соглашений, навязанных Южной Корее, свидетельствует, что Соединенные Штаты, обеспечивая на «договорной» основе собственные интересы в формально независимом государстве, одновременно старались укрепить шаткое положение своих ставленников.

Однако ни военные, ни экономические, ни прочие «подпорки» не придали, да и не могли придать, устойчивости южнокорейскому режиму. Пришедшую к власти коалицию антинародных сил раздирали серьезные внутренние противоречия. Никакие вливания средств, в том числе и по линии американской помощи, не могли оживить южнокорейскую экономику, переживавшую разруху, в возникновении которой были не в малой степени повинны и американские оккупационные власти.

В то время как на Севере страны народная власть провела продиктованные жизнью социально-экономические преобразования, открывшие путь к быстрому развитию всех отраслей хозяйства, в экономической жизни Южной Кореи никаких перемен к лучшему не произошло. Непрерывно росла инфляция, сокращалось промышленное и сельскохозяйственное производство, а жизненный уровень народных масс неуклонно понижался. Все это обостряло классовые противоречия в южнокорейском обществе и подрывало устой лисынмановского режима.

Сеульские правители не только не проявили способности разрешить возникшие проблемы, но во многих случаях преднамеренно отказыва-

лись принимать какие-либо меры, чтобы стабилизировать положение и облегчить тяготы, выпавшие на долю трудящихся масс, в том числе и беднейших слоев крестьянства.

К многочисленным проблемам, требовавшим безотлагательного решения, относилась аграрная. Как известно, Американская военная администрация унаследовала в неизменном виде систему государственных поставок риса, которую в годы японского господства практиковал колониальный аппарат. Эта грабительская система всегда была объектом недовольства и жалоб со стороны крестьян. Дальнейшее ее сохранение грозило вызвать взрыв народного возмущения, и реальность этого хорошо понимал министр сельского хозяйства и лесоводства Чо Бонам. Руководствуясь стремлением успокоить крестьянскую массу, заблаговременно предотвратить грозившую катастрофу и таким путем несколько укрепить базу южнокорейского буржуазного режима, Чо Бонам предложил лисынмановскому правительству отменить систему государственных поставок риса, унаследованную со времен колониального господства, ввести систему закупок риса по справедливым ценам, приступить с весны 1949 г. к проведению земельной реформы и одновременно к организации сельскохозяйственных кооперативов буржуазного типа.

Однако меры, предложенные Чо Бонамом, показались слишком радикальными как американским советникам, так и членам лисынмановского правительства, и они сделали все от них зависевшее, чтобы похоронить или выхолостить предложенные проекты. Вместо справедливого урегулирования закупочных цен на рис южнокорейские власти 9 октября 1948 г. приняли половинчатый Закон о закупках продовольствия, который не принес существенного облегчения крестьянским массам. Что касается предложений провести земельную реформу и создать сельскохозяйственные кооперативы, то они встретили решительное противодействие со стороны Хангук минджудан. Усмотрев в проекте Чо Бонама прямое покушение на интересы крупных землевладельцев, партийные боссы развернули широкую кампанию по диффамации министра сельского хозяйства и лесоводства. Припомнив ему прошлую принадлежность к коммунистической партии, пропагандистские органы южнокорейской реакции приписали Чо Бонаму стремление нажать на земельной реформе политический капитал и таким путем пробраться к высокому правительственным постам. Кампания принесла свои плоды: в начале февраля 1949 г. Чо Бонам был вынужден подать в отставку, южнокорейское правительство освободилось от нежелательного элемента, а осуществление земельной реформы и связанных с ней мероприятий было отложено.

Надежды народных масс на ликвидацию колониального наследия были обмануты не только в аграрном вопросе. Ждал своего решения и вопрос о наказании национальных предателей. Как известно, в годы колониального господства представители компрадорско-помещичьих кругов запятнали себя позорным сотрудничеством с японскими империалистами. С приходом американских оккупантов, пользуясь их прямым содействием, бывшие коллаборационисты устроились на теплые места в различных вспомогательных органах военной администрации и обеспечили себе достаточно твердые позиции в экономической и политической областях. Немало руководящих постов они имели в армейских и полицейских формированиях. Позиции их еще более упрочились после создания сепаратного южнокорейского государства, когда многие из них заняли важные посты в различных органах власти.

Ничем не прикрытое покровительство, которое оказывали прояпонским элементам сначала американские оккупационные власти, а затем

и лисынмановский режим, всегда вызывало гнев и возмущение патриотических кругов южнокорейского населения; раздавались требования привлечь к суровой ответственности всех, кто в прошлом предавал национальные интересы страны.

Под давлением общественного мнения лисынмановские власти были вынуждены (больше для отвода глаз) принять Закон о наказании национальных предателей (22 сентября 1948 г.; вступил в силу 5 января 1949 г.). Однако претворение его в жизнь натолкнулось на ожесточенное противодействие прояпонских элементов, да и сами южнокорейские правители не спешили проводить его на практике.

Созданный в соответствии с Законом Специальный комитет по делам национальных предателей после долгих проволочек начал свою деятельность с того, что в июне 1949 г. принял решение взять под стражу некоего Чхе Ёна, занимавшего пост советника в полицейском управлении Сеула. Чхе Ён был не самой крупной фигурой в стане национальных предателей, но тем не менее одиозной: в годы японского господства этот отщепенец, будучи начальником пограничного охранного отряда, выслуживался перед колонизаторами во время карательных экспедиций против корейских партизан, действовавших на территории Маньчжурии.

Первая, весьма робкая мера властей по отношению к одному из национальных предателей потерпела фиаско: полицейские, состоявшие прежде на службе у японских империалистов, напали на здание, в котором находился Специальный комитет по делам национальных предателей, и разоружили приданную этому государственному органу охрану. Разнузданные действия полицейских носили поэтому антигосударственный характер и по южнокорейским законам подлежали суровому наказанию; однако президент Ли Синман посмотрел на эту выходку сквозь пальцы. В то же время, не приводя каких-либо резонных мотивов, он на неопределенный срок блокировал деятельность Специального комитета по делам национальных предателей и приказал распустить его охрану. Несколько позже, в июле, лисынмановские власти пересмотрели Закон таким образом, что его первоначальное содержание было окончательно выхолощено (2 февраля 1951 г. Национальное собрание приняло решение отменить Закон о наказании национальных предателей, а 14 февраля это решение вступило в силу). Путем разного рода махинаций лисынмановской клике удалось уберечь от народного гнева своих ненадежных, но нужных союзников из прояпонской группировки и на какое-то время укрепить эту коалицию. Ни один из национальных предателей не понес заслуженного наказания. Вместе с тем правительство лишней раз разоблачило перед патриотическими слоями населения свою реакционную, антинародную сущность.

Рост антилисынмановских выступлений, развертывание партизанской борьбы. Усиление репрессий против южнокорейских патриотов

Выступления против сговора реакционных сил, направленного на раскол страны, начались еще при Американской военной администрации. Дополнительным толчком к развертыванию активной борьбы против лисынмановского режима послужили сепаратные выборы, проведенные вопреки воле народных масс 10 мая 1948 г.

Начались массовые демонстрации протеста, крупные забастовки, крестьянские волнения. Наиболее решительно настроенные патриоты поднимали восстания и развертывали партизанские действия против

американских ставленников. Однако прочного единства южнокорейских патриотов не сложилось, они не всегда должным образом координировали свои выступления, разные по силе и размаху, происходившие иногда совершенно изолированно. Тем не менее все эти формы борьбы представляли серьезную угрозу антинародным порядкам, установленным при прямой поддержке американских империалистов.

Особенно опасным было восстание на о-ве Чеджудо, которое началось в период Военной администрации (3 апреля 1948 г.) в знак протеста против подготовки сепаратных выборов, а после создания Корейской республики развернулось еще шире. В сельских районах (а они занимают большую часть территории острова) власть перешла в руки восставших, которых насчитывалось около 10 тыс. Вооруженное выступление патриотов послужило вдохновляющим примером для борцов за независимое демократическое государство и получило огромный политический резонанс: во многих городах и селах Южной Кореи происходили массовые митинги, участники которых принимали решение поддержать борьбу населения о-ва Чеджудо.

Лисынмановские власти, не на шутку напуганные широким размахом антиправительственных выступлений, не желали, однако, удовлетворить даже самые умеренные требования народных масс. Они бросили против участников массовых демонстраций, рабочих забастовок и крестьянских волнений усиленные наряды полиции, а на подавление восстаний, в том числе и на о-ве Чеджудо, с сентября 1948 г. стали направлять крупные контингенты войск.

Однако ставка на военную силу поначалу не принесла ожидаемых результатов, ибо некоторые воинские части и подразделения отказывались участвовать в карательных операциях против патриотически настроенных соотечественников. Так поступили, например, солдаты 14-го полка, расквартированного в портовом городе Ёсу. 20 октября, не подчинившись приказу об отправке на о-в Чеджудо, гарнизон численностью 4 тыс. поднял восстание. Его поддержали рабочие, ремесленники, учащая молодежь города и крестьяне окрестных деревень. Преодолев сопротивление полиции и полностью овладев положением в городе, повстанцы двинулись на Сунчхон (уездный центр, расположенный в 30 км северо-западнее Ёсу) и захватили его. Вскоре восстание распространилось на близлежащие уезды Кванъян, Хадон, Куре и Коксон. На сторону повстанцев переходили многие солдаты из подразделений, посланных на подавление восстания.

Пытаясь исказить истинный характер событий и принизить его значение, официальная пропаганда пустила в ход версию, будто восстание явилось результатом «заговора левых сил», к которому якобы подавляющее большинство «законопослушных граждан» не имело никакого отношения. Руководствуясь этой версией, предназначенной для обмана общественного мнения как внутри, так и за пределами страны, лисынмановские власти ввели чрезвычайное положение, мобилизовали крупные контингенты наиболее надежных войск и под руководством американских инструкторов приступили к планомерным карательным операциям против восставших. С южнокорейскими сухопутными войсками взаимодействовали также американские корабли и авиация. После упорных и кровопролитных боев, в ходе которых было убито и ранено около 9 тыс. повстанцев, верным правительству войскам удалось отбить охваченные восстанием города и уезды, а затем каратели арестовали 23 тыс. мирных жителей по подозрению в сочувствии к восставшим. Вооруженное выступление в провинциях Южная Чолла и Южная Кёнсан было подавлено.

Повстанцы не получили действенной помощи со стороны Намчосон минджуджуй минджок чонсон, часть руководства которого отрицала насильственные методы борьбы за независимое государство. Не имея ни опытных руководителей, ни четко разработанного стратегического плана, плохо вооруженные повстанцы действовали несогласованно и разобщенно. Локальное выступление патриотических сил, не будучи поддержано в других районах страны, осталось изолированным перед лицом превосходящих сил правительственных войск, которыми лисынмановские власти свободно маневрировали, концентрируя их на наиболее угрожаемых участках.

Хотя попытка патриотов свергнуть антинародное правительство не увенчалась успехом, восстание, начатое гарнизоном Ёсу, со всей наглядностью показало, что, едва успев возникнуть, лисынмановский режим вступил в полосу глубочайшего политического кризиса, что недовольство деспотическими порядками успело проникнуть в армию и начало подтачивать одну из главных опор южнокорейских властей.

Крайне встревоженные этим обстоятельством, сеульские правители провели «чистку» в частях и подразделениях южнокорейской армии. Несколько тысяч военнослужащих, заподозренных в симпатиях к демократическим силам и «нелояльном отношении» к существующему режиму, были уволены из рядов вооруженных сил. Многие солдаты и офицеры, принимавшие участие в восстании или отказавшиеся участвовать в карательных операциях против повстанцев, были преданы суду военного трибунала и приговорены к суровым мерам наказания, в том числе к смертной казни².

Однако политика жестоких репрессий, направленных против участников вооруженного выступления в Южной Чолла, не принесла результатов, на которые рассчитывали американские ставленники. Спротивление лисынмановским властям неудержимо разрасталось, борьба южнокорейских патриотов за национальное и социальное освобождение приняла форму широкого партизанского движения. Упорные бои с правительственными карательными отрядами продолжали вести патриоты о-ва Чеджудо, избравшие своим опорным пунктом гору Халласан. Подняли восстание и перешли к партизанским действиям войска, расквартированные в городах Тэгу и Пхохан. Бывшие участники восстания в Ёсу (как военные, так и гражданские лица общей численностью свыше 10 тыс.) ушли в труднодоступные горные районы, в частности в горы Чирисан, и развернули ожесточенную партизанскую борьбу против антинародного режима. За короткий срок партизанское движение охватило 118 из 133 уездов Южной Кореи. Хотя лисынмановские власти непрерывно формировали крупные (численностью до одной дивизии) «отряды по усмирению коммунистических бандитов» и бросали их против партизан, вооруженная борьба южнокорейских патриотов, то временно затухая, то разгораясь с новой силой, продолжалась вплоть до 1957 г.

Партизанское движение, начавшееся после создания в Южной Корее независимого от США сепаратного правительства, явилось ответом патриотических сил на политику американских империалистов. В этом движении проявился активный протест широких народных масс против раскола страны и социально-экономических порядков, навязанных Южной Корее правящими кругами США. На развитие освободительной борьбы южнокорейского населения оказал стимулирующее влияние факт образования Корейской Народно-Демократической Республики и ее огромные успехи в демократическом и хозяйственном строительстве.

Когда, опираясь на всестороннюю помощь и поддержку правящих кругов США, лисынмановская клика лихорадочно готовилась к выступ-

лению против народного строя, установленного в Северной Корее, а сопротивление патриотически настроенных слоев населения расшатывало антинародный режим, американские ставленники прибегли к тотальному террору. Под флагом «борьбы с коммунистической опасностью» южнокорейская реакция выступила не только против демократических сил, но и против всех неугодных ей элементов. С помощью Закона о государственной безопасности (20 ноября 1948 г. прошел через Национальное собрание, с 1 декабря вступил в силу) лисынмановские власти взяли курс на блокирование любой антиправительственной деятельности, чем всемерно затрудняли политическим партиям, созданным патриотическими слоями национальной буржуазии, работу в массах. Средством для достижения этой цели были избраны массовые репрессии и роспуск организаций левых сил³.

Большое содействие в обуздании «неблагонадежных лиц» оказывала лисынмановским властям проправительственная организация Подо ёнмэн (Лига поддержания порядка). В нее вовлекались самые реакционные элементы южнокорейского общества. На членов организации была возложена задача проникать в партизанские отряды, внедряться в оппозиционные антинародному режиму политические партии, проводить в них подрывную работу, вести неусыпное наблюдение за каждым шагом того или иного нелояльно настроенного деятеля, незамедлительно сообщая о результатах своей слежки в административные органы.

На основании этих доносов лисынмановские власти сфабриковали немало судебных дел, причем не только против представителей левых сил, но и против лиц из буржуазного лагеря, которых по тем или иным причинам лисынмановская клика и поддерживавшая ее южнокорейская реакция считала своими политическими противниками. В последнюю категорию входили члены промежуточных, или центристских, партий, участвовавшие в известных переговорах между Севером и Югом (19—30 апреля и 29 июня — 9 июля 1948 г.), и оппозиционно настроенные депутаты Национального собрания из «молодой фракции», требовавшие вывода американских войск из Южной Кореи⁴.

Весьма показательным явилось состряпанное южнокорейскими реакционными кругами «дело о фракционности в Национальном собрании». На основе ложных обвинений в том, что парламентарии, развернувшие в конце 1948 г. борьбу за вывод американских войск, якобы «поддерживали тайные связи с северокорейскими коммунистами», лисынмановские власти, нарушив положение о депутатском иммунитете, в июне 1949 г. арестовали и бросили в тюрьму 13 депутатов. В их числе был и заместитель председателя Национального собрания Ким Яксу (род. в 1893 г.) — ранее участник национально-освободительного движения, который при японском колониальном господстве свыше шести лет провел в тюремных застенках.

Позднее южнокорейские марионетки сфабриковали и другие «дела» («о фракционности в судебных органах», «о фракционности в органах полиции» и т. д.).

На какое-то время эти меры возымели действие. Те политические партии, которые выступали против сепаратных выборов на Юге и отказались участвовать в создании марионеточного правительства (а к их числу относились и партии левых сил, и центристские, и партии патриотически настроенного правого крыла национальной буржуазии), были вынуждены либо приостановить, либо вообще прекратить свою деятельность.

Как и следовало ожидать, главный удар лисынмановские власти обрушили на политические партии, входившие в Намчосон минджуджуй

минджок чонсон (на Трудовую партию Южной Кореи, Намчосон инмин конхвадан и др.).

Все эти партии были вынуждены уйти в глубокое подполье.

Деятельность многих центристских партий и общественных организаций прекратилась потому, что их лидеры, убедившись в реакционности лисынмановского режима, не вернулись в Южную Корею после поездки на Объединенное совещание в Пхеньяне. К таким партиям относились, в частности, Минджу тонниптан, Синджиндан, Минджун тонмэн, Конминхве и др.

Как известно, в Объединенном совещании политических партий и общественных организаций Севера и Юга принимали участие и лидеры партий, созданных патриотически настроенным правым крылом национальной буржуазии. После возвращения в Южную Корею они продолжали вести ненасильственную борьбу против лисынмановского режима. Среди этих партий ведущее положение занимала Хангук тонниптан (Партия корейской независимости)⁵, основанная в 1928 г. на территории Китая видными буржуазными националистами Ан Чханхо (1878—1938), Ли Доннёнём (1869—1940), Ли Сиённом и Ким Гу (1876—1949). Последний, будучи вдохновителем и организатором многих террористических актов, пользовался большой популярностью и авторитетом среди мелкобуржуазных масс, которые окружали его ореолом праведного борца за независимость. В годы второй мировой войны Ким Гу был главой эмиграционного временного «правительства», что, с его точки зрения, давало ему неоспоримое право стать руководителем независимого буржуазного государства. После возвращения на родину Ким Гу одним из первых выступил с призывами покарать корейских коллаборационистов. Он настойчиво требовал вывести из Кореи все иностранные войска и наотрез отказывался от самых заманчивых посулов высокопоставленных сотрудников Американской военной администрации, стремившихся сделать его послушным проводником своей политики. От Ким Гу исходило также предложение начать переговоры между Югом и Севером, в ходе которых он намеревался выяснить свои шансы на единоличное руководство всей страной.

Одним словом, из всех буржуазных деятелей, претендовавших на государственную власть, Ким Гу был самым влиятельным и потому самым опасным соперником для Ли Сынмана и его союзников из Хангук минджудан. Это по существу предредило участь Ким Гу: 26 июня 1949 г. по прямому заданию сеульских правителей младший лейтенант южнокорейской армии Ан Дуки несколькими выстрелами убил Ким Гу в его собственном доме⁶.

Устранив с политической сцены Ким Гу, лисынмановская клика нанесла чувствительный удар по своим противникам из буржуазного лагеря. Однако этим дело не ограничилось. В сентябре 1949 г. правящая верхушка устроила судилище над Хангук тонниптан; партии были инкриминированы и ее якобы тесные связи с северокорейскими коммунистами, и участие в заговоре против правительства, и подготовка покушения на Ли Сынмана.

После злодейского убийства Ким Гу и затеянного вслед за тем судилища над его соратниками и единомышленниками, на котором они были объявлены изменниками и предателями, Хангук тонниптан была объявлена вне закона и ее деятельность фактически прекратилась. Так же сложилась судьба и прочих политических организаций патриотически настроенного правого крыла национальной буржуазии, в том числе и Минджок чаджу ёнмэн (Лига национальной независимости), которую возглавлял Ким Гюсик — один из видных, хотя и весьма непоследова-

тельных участников освободительного движения, ратовавший за создание буржуазно-демократической республики на территории Корейского полуострова.

Развертывая массовые репрессии против демократических и патриотических сил, Ли Сынман объявил крестовый поход против международного коммунизма. Он направил Чан Кай-ши приглашение на встречу, мотивируя ее необходимость тем, что следует безотлагательно «принять превентивные меры против постепенно усиливающейся угрозы со стороны коммунистических режимов в Азии». 6 августа 1949 г. в Чинхэ, на даче Ли Сынмана, эта встреча состоялась. Переговоры длились три дня. 8 августа было опубликовано краткое совместное коммюнике, в котором указывалось, что состоялся «исчерпывающий обмен мнениями о создании Тихоокеанского союза в составе антикоммунистических стран Азии».

Комментируя результаты переговоров с Чан Кай-ши, Ли Сынман выразил веру в успех своего начинания. Однако, прежде чем приступить непосредственно к сколачиванию антикоммунистического блока в масштабах Азии, он принял решение одолеть коммунизм военной силой в пределах Корейского полуострова.

Земельная реформа и ее социально-экономические последствия

Наряду с репрессиями южнокорейский режим осуществлял мероприятия, направленные на упрочение и расширение своей социальной базы, на затушевывание острых классовых противоречий, на подрыв и ослабление крестьянского движения.

После длительных проволочек через Национальное собрание прошел Закон о земельной реформе (21 июня 1949 г.), однако указ о вступлении этого закона в силу был опубликован лишь спустя девять месяцев (25 марта 1950 г.).

Проведенная с большим запозданием земельная реформа отнюдь не была радикальной и не могла поэтому удовлетворить растущие нужды многомиллионных крестьянских масс. Тем не менее следует констатировать, что этот шаг сеульских правителей, предпринятый в самый канун корейской войны, в какой-то мере способствовал расслоению южнокорейского крестьянства и в определенной степени притупил остроту классовых конфликтов в деревне.

Закон о земельной реформе в Южной Корее был принят Национальным собранием в результате непрекращавшихся восстаний крестьянства, принявших характер аграрной революции. Аграрная революция в южнокорейской деревне смыкалась в масштабах всей страны с демократическим движением трудящихся и прогрессивных слоев и развертывалась под знаком крепнущего союза рабочего класса и крестьянства. Большую роль в организации классовых выступлений крестьянства сыграл Намчосон нонмин тонмэн (Крестьянский союз Южной Кореи), объединивший в своих рядах 3 млн. человек. Союз выступал за совместные действия крестьянства и пролетариата, сотрудничал с рядом левых организаций.

Закон о земельной реформе (известен также как декрет президента № 31, апрель 1950 г.) был принят после жестокого подавления восстания крестьян, в обстановке разгула южнокорейской реакции. Это предопределило характер и принцип самой реформы — вопрос о конфискации всей помещичьей земли и передаче ее безвозмездно крестьянству был снят с повестки дня.

Согласно Закону помещики были обязаны за выкуп, уплачиваемый

специально выпущенными Хангук ынхэн (Корейский банк) облигациями, передать часть принадлежавших им обрабатываемых земель (сверх 3 чонбо) в государственный фонд земельной реформы. Правительство распределяло эти земли среди крестьян, оно же в течение пяти лет должно было взимать с крестьян плату за полученную землю в размере 150% стоимости среднего годового урожая. На деле крестьянство Южной Кореи вплоть до 1970 г. продолжало выплату за землю под видом «налога на приобретенную землю». Земельный фонд реформы составил примерно 600 тыс. чонбо обрабатываемых земель. Из них 450—470 тыс. чонбо были переданы крестьянам, а около 130 тыс. чонбо включены в разряд государственных земель. Землю получили 950 тыс. крестьянских, в основном арендаторских, хозяйств. Таким образом, на каждый крестьянский двор в среднем приходилось около 0,5 чонбо. Общий размер выкупа составил в денежном выражении почти 20 млрд. вон. По расчетам советских корееведов, реально земля была продана крестьянам по ее рыночной цене.

Проводя земельную реформу, на чем особенно настаивали США⁷, правящие круги Юга рассчитывали смягчить классовые противоречия в южнокорейской деревне и, изменив ее социальную структуру, оторвать крестьянство от общедемократического и революционного движения. Правители Юга рассчитывали, что крестьянство, получив землю, на время успокоится, его зажиточные слои станут опорой правительства, а помещики, не понесшие никакого материального урона от земельной реформы благодаря огромным выкупным платежам, будут вынуждены заняться капитализацией своих накоплений либо в сельском хозяйстве, либо в сферах промышленности и торговли.

Наконец с проведением земельной реформы связывались надежды на увеличение производства сельскохозяйственной продукции, в первую очередь — зерновых.

Социально-экономической сущностью земельной реформы и других аграрных мероприятий правящих слоев Южной Кореи была попытка трансформировать помещиков и кулацкую часть крестьянства в капиталистических предпринимателей (ускорив процесс пролетаризации остального крестьянства), что в конечном счете неизбежно ведет к замене старого аграрного строя новым — капиталистическим.

Аграрная реформа была завершена в Южной Корее в начале 1951 г., поэтому ее основные социально-экономические последствия стали очевидными только после окончания военных действий на Корейском полуострове, т. е. после 1953 г.

Окончание войны застало сельское хозяйство Юга в состоянии сильнейшего упадка и разрухи. И дело совершенно не в том, что производительные силы сельского хозяйства были разрушены войной. От прямых военных действий земледелие на Юге пострадало незначительно (в десятки раз меньше, чем на Севере). Основной ущерб южнокорейской деревне и производству сельскохозяйственной продукции был нанесен мобилизацией мужского населения деревни в армию, полным прекращением в течение трех-четырех лет поставок сельскохозяйственного инвентаря, удобрений (их нехватка определялась почти 1 млн. т), ядохимикатов (нехватка исчислялась 700—800 тыс. т); наконец естественным разрушением ирригационных систем Юга, на ремонт которых или замену вышедших из строя агрегатов в течение трех-четырех лет не отпущалось никаких средств.

Последнее обстоятельство особенно важно, так как в системе земледелия Юга профилирующим является земледелие поливное (в 1954 г. орошалось около 50% орошаемых до войны земель). Сокращение посев-

ных площадей под зерновыми вследствие отвода части земель под нужды американской армии (лагеря, полигоны, стрельбища, аэродромы, склады, стратегические дороги и т. д.— всего свыше 100 тыс. чонбо угодий) усугубляло тяжелое положение деревни. В результате резко упала урожайность (до 60% от уровня довоенных лет), сократился сбор зерновых (в 1953—1954 гг. собиралось 2,8—3 млн. т в год при минимальной потребности в зерне, равной почти 5 млн. т). Южная Корея постоянно испытывала нехватку зерна, равную 1,5—2 млн. т; миллионы людей голодали. Американская помощь продовольствием (в 1953—1960 гг. ввозилось в среднем до 1 млн. т зерна) не могла полностью разрешить продовольственной проблемы. Правительство Ли Сынмана непрерывно обращалось в связи с этим ко всем «дружеским» странам с просьбой о помощи продовольствием.

Реальным результатом земельной реформы явилась ликвидация крупной земельной собственности так называемых отсутствующих помещиков, значительное ограничение землевладения помещиков средних и мелких. Накануне проведения земельной реформы часть мелких и средних помещиков, используя многочисленные оговорки в Законе и затяжку его утверждения, стала дробить земли на меньшие участки, фиктивно дарить и продавать эти участки своим родственникам и членам семьи, фиктивно продавать их своим арендаторам. Так они сумели изъять из-под действия Закона о земельной реформе часть земель и сохранили значительные в условиях Южной Кореи земельные владения.

Тем не менее в результате реформы крестьянское землевладение заняло господствующее положение в системе аграрных отношений Южной Кореи. Показателем этого служит полная ликвидация арендной системы в сельском хозяйстве страны в первые годы после реформы. Накануне земельной реформы с арендой земли было связано 1548 тыс. крестьянских дворов (из 2473 тыс.), т. е. почти 63%. Полностью исчезнув в 1951—1953 гг., аренда (а она не фиксировалась даже статистикой, хотя, несомненно, существовала в небольших масштабах скрыто) в конце 60-х годов вновь появляется и фиксируется экономистами как вполне реальная категория. Ее возрождение в пореформенные годы базируется на землях, оставшихся у помещиков после реформы, и на землях крестьянских, что в известном смысле отражает усилившуюся предпринимательскую деятельность верхних слоев зажиточного крестьянства. Однако в большей степени — это аренда «из нужды», «голодная аренда».

Этот двоякий процесс в конечном счете свидетельствует о становлении капитализма в сельском хозяйстве Юга. В 1954 г. землю арендовали 21% крестьянских хозяйств⁸. В 1965 г. площадь арендуемых земель составила 15% всех сельскохозяйственных угодий (325 тыс. чонбо), а число хозяйств, прибегающих к аренде земли,—28% (698 тыс. крестьянских дворов). В это число включены хозяйства, у которых арендованная земля составляла свыше 20% обрабатываемой площади. Следовательно, фактическое число крестьянских хозяйств, приарендовывавших землю, было больше указанной цифры. Такой значительный рост арендных отношений свидетельствует, что Закон о земельной реформе оставил много лазеек, которые позволяют нарушать его.

К аренде земли прибегали прежде всего крестьяне, у которых площадь собственной земли не превышала 1 чонбо (77% всей аренды), следовательно, 23% земли арендовалось с другими, вероятно предпринимательскими, целями. В среднем размер арендованной земли у крестьян не превышал 0,25 чонбо на душу. Арендный договор, как правило, заключался устно, без указания срока аренды. Арендная плата достигала 39—40% урожая; при сдаче в аренду поливных земель свыше 90%

арендной платы взималось натурой и только менее 10% — деньгами; при аренде суходольных земель — соответственно 74 и 26%. Кроме открытой аренды существовала скрытая — «аренда на подрядных началах»⁹, по-видимому, аренда предпринимательского типа.

Эти данные относятся ко второй половине 60-х годов, однако они и сейчас не утратили значения, так как подобные процессы в самом сельском хозяйстве не появляются и не исчезают через пять-шесть лет.

Некоторые косвенные данные позволяют думать, что арендная система, явочно возродившись в Южной Корее, возможно, будет легализована Основным сельскохозяйственным законом, который обсуждается с 1967 г. и пока не принят из-за сопротивления крестьянства.

Проведением земельной реформы южнокорейские власти не смогли сколько-нибудь заметно изменить классовый состав деревни и положение ее беднейших слоев, обрабатывающих до 1 чонбо земли. Реально и заметно выросла только верхняя, кулацкая группа крестьян, о чем говорят следующие данные, характеризующие распределение крестьянских хозяйств по размерам обрабатываемой площади (в 1949 г., до реформы, и в реформенные годы — 1953, 1960, 1967, в %) ¹⁰:

Обрабатываемая площадь, чонбо	1949 г.	1953 г.	1960 г.	1967 г.
0,1—1	71,0	79,2	73,0	67,5
1—2	21,4	16,4	20,7	25,7
2—3	6,0	4,3	6,0	5,6
свыше 3	1,6	0,1	0,3	1,2

За последние несколько лет в характеристике группировок крестьян по размерам обрабатываемой ими площади изменений не произошло. Данные за 1970 г. почти полностью совпадают с показателями за 1967 г.

Эти данные свидетельствуют о несостоятельности попыток официальных органов Южной Кореи представить дело так, будто процесс «осереднячивания»¹¹ крестьянства типичен для пореформенной деревни. Число хозяйств беднейших крестьян (менее 1 чонбо) вплоть до 1960 г., т. е. почти через 10 лет после проведения реформы, сохранилось на уровне, превышающем дореформенный.

Через 20 лет (к концу 1970 г.) после завершения реформы число дворов беднейших крестьян уменьшилось на 5,5%, что, конечно, мало меняет общую картину преобладания бедняцких хозяйств в современной деревне Южной Кореи. 67,5% крестьянских дворов не способны обеспечить себя продовольствием и семенами. Главным образом за счет этой прослойки растет крестьянская задолженность. Голод — вечный спутник жизни крестьян этой группы. «Из года в год миллионные массы населения с марта по июнь испытывают так называемые весенние трудности с продовольствием и поневоле употребляют в пищу корни трав и кору деревьев»¹², — пишет японский экономист Сакураи Хироси.

Группа среднего крестьянства (1—2 чонбо) только к 1960 г. количественно близко подошла к уровню дореформенного периода и незначительно превысила его к 1970 г.

Верхняя прослойка крестьянства (после реформы в ней могли оказаться и бывшие мелкие помещики, имевшие 3 чонбо земли) сохраняет известную стабильность. К 1960 г. число хозяйств этой группы вновь достигло дореформенного уровня и несколько уменьшилось к 1970 г.

Реальностью южнокорейской деревни становится рост относительно крупного землевладения. Землевладение на Юге значительно превышает обработку. В 1970 г. оно почти сравнялось с дореформенным. В хозяйствах, обрабатывающих свыше 3 чонбо, концентрируются значи-

тельные площади садов, огородов, тутовых рощ, земель с мелиоративными сооружениями, не считая значительных лесных угодий. Поэтому нельзя закрывать глаза на объективно имеющиеся социальные сдвиги в южнокорейской деревне. Они незаметны и не всегда получают отражение в статистике Юга. Каждый год (до 1960 г.) в сельском хозяйстве страны разорялись и покидали деревни до 40 тыс. крестьянских семей¹³; после 1970 г. эта цифра несколько снизилась, но процесс разорения крестьянства продолжается. С 1957 г. согласно проекту Основного сельскохозяйственного закона (а отдельные его положения уже действуют) разрешена сдача земли в заклад под ссуду, что, несомненно, ускоряет процесс разорения беднейшего крестьянства. Без изменений осталась грабительская, лишаящая крестьян возможности накопления налоговая система и обязательные поставки зерновых, которые теперь осуществляются через сельскохозяйственные кооперативы.

Обострение противоречий в правящем лагере

Когда расправа с демократическими силами и непокорными противниками из буржуазного лагеря была в основном завершена, т. е. осенью 1949 г., лисынмановская группировка и поддерживавшая ее до определенного момента Хангук минджудан начали сводить счеты, делая ставку на безраздельную власть. Чтобы усилить свои позиции, каждая из противоборствующих группировок стремилась привлечь на свою сторону самых неустойчивых буржуазных националистов.

Поскольку деятельность Хангук минджудан, которая, как сказано выше, состояла из компрадорских и помещичьих элементов, опозоривших себя сотрудничеством с японскими колонизаторами, вызывала постоянно нараставшее недовольство народных масс, партийные боссы задались целью несколько замаскировать прояпонскую ориентацию своей организации и по мере возможности повысить авторитет партии, включив в ее ряды бывших участников национально-освободительного движения. В частности, им удалось склонить на свою сторону Син Икхи, председателя Национального собрания, вышедшего к тому времени из Хангук тонниптан, и Ли Чхончхона¹⁴ (1889—1957), который в прошлом был командующим Армией освобождения (сформированной на территории Китая буржуазными националистами и проводившей боевые операции во взаимодействии с гоминьдановскими войсками), а после возвращения на родину (в 1947 г.) — председателем созданного им Тэдон чхоннёндан (Союз корейской молодежи).

10 февраля 1949 г. Хангук минджудан была переименована в Минджу кунминдан (Демократическая национальная партия). Прояпонски настроенные круги пошли на заведомый, но оправданный риск, отдав ряд высших партийных постов видным буржуазным националистам — участникам антияпонского движения (так, например, пост председателя партии занял пользовавшийся большой популярностью Син Икхи). Однако на постах советников находились Пэк Намхун (1885—1967) и Чо Бёнок — известные в прошлом корейские национал-реформисты, скатившиеся на путь прямого сотрудничества с японскими колонизаторами. Преданными им людьми был заполнен и аппарат центрального комитета партии.

Заручившись поддержкой влиятельных, но неустойчивых буржуазных националистов и сменив вывеску, группировка компрадорских и феодальных элементов рассчитывала при благоприятном стечении обстоятельств (в частности, при содействии американских неокolonизаторов) оттеснить лисынмановскую клику и захватить власть.

Присутствие в Минджу кунминдан патристически настроенных представителей буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции наложило все же отпечаток на ее политическую программу. В частности, она обещала «обеспечить гражданские права», «вести демократическое правление на основе всеобщего равенства», «создать самостоятельную экономику на принципах равных возможностей» и т. д. Щедро раздавая весьма заманчивые посулы, Минджу кунминдан старалась привлечь на свою сторону широкие слои национальной буржуазии, чтобы при их поддержке проложить себе путь к власти. Руководствуясь этим стремлением, партия резко критиковала каждый шаг лисынмановского правительства (а недостатка в поводах не было). Демагогические обещания и критика лисынмановского режима принесли Минджу кунминдан ощутимые результаты: ей удалось расширить социальную базу за счет потянувшихся к ней представителей национальной буржуазии, а в стенах Национального собрания она возглавила блок всех оппозиционно настроенных депутатов.

Однако не бездействовала и лисынмановская клика. С момента прихода к власти Ли Сынман всегда рассматривал прояпонскую группировку как потенциального соперника. Тем не менее в борьбе против политических противников самых различных направлений он использовал эту группировку в качестве союзника, ибо она равно питала ненависть и к прогрессивным и к патристическим силам. Когда же прояпонская группировка, объединившись в Минджу кунминдан, стала реально претендовать на власть, Ли Сынман без промедления принял ответные меры.

Играя на национальных чувствах, американский ставленник провозгласил «принцип единой нации» («ильминджужуй»), предполагавший, что независимо от классовой принадлежности, от местных или иных различий все люди одной нации, имеющей одни и те же традиции и культуру, должны сплотиться воедино и слиться в одну национальную организацию, которой надлежит быть превыше любых партий и группировок.

Следуя этому принципу, в качестве первого шага лисынмановские власти 21 декабря 1948 г. объединили разрозненные молодежные организации в Тэхан чхоннэндан, а 15 января 1949 г. в соответствии со специальным президентским декретом с этой проправительственной организацией был слит Минджок чхоннэндан, руководимый Ли Бомсоком. 12 ноября 1949 г. по инициативе Ли Сынмана была создана Тэхан кунминдан. В руководство этой партии вошли верные американские выученики — Юн Чхиён, Им Ёнсин, Ким Хун (род. в 1901 г.) и др. Часть руководящих постов была отдана бывшим участникам освободительного движения в пределах страны. Их представляли Ли Ин и пастор Ли Гюган (род. в 1890 г.). Кроме того, к руководству партией ее заправили из тактических соображений допустили и бывших чиновников колониального аппарата — на посту советника их представлял Ли Бомсын (род. в 1887 г.).

Программа политических мероприятий, составленная руководителями Тэхан кунминдан в весьма пышных, но крайне расплывчатых выражениях, обещала устранить классовые и прочие различия, «расширить самостоятельное и независимое государство путем полного объединения нации», «поднять равное для всей нации благополучие в области политики, экономики и просвещения» и т. д.

Демагогическая программа на какое-то время возымела действие: привлеченные красивыми фразами, в партию стали вступать патристически настроенные буржуа и мелкобуржуазные интеллигенты. Тэхан кунминдан получила 71 депутатское место в южнокорейском парламенте

(против 69 у Минджу кунминдан) и формально стала правящей политической организацией. Однако эти заблуждения продолжались недолго. Ухудшение экономического положения и наступление на гражданские права раскрыли глаза обманутым: они поняли, что правящая партия пустыми разглагольствованиями прикрывала свою антинародную сущность. Численность партии стала заметно сокращаться, а когда, действуя по указке американских империалистов, лисынмановская клика развязала братоубийственную войну, Тэхан кунминдан оказалась на грани развала.

Неизбежному кризису, с которым столкнулась правящая партия, в определенной степени способствовала Минджу кунминдан. Располагая значительным числом депутатских мест в Национальном собрании и надеясь укрепить свои позиции за счет «независимых» депутатов, партия развернула движение за пересмотр конституции в пользу парламентской системы правления. Несмотря на негативное отношение к такой реформе со стороны официальных властей, о чем неоднократно и весьма недвусмысленно заявлял Ли Сынман, 6 февраля 1950 г. проект о пересмотре конституции был поставлен на обсуждение. В результате голосования, которое состоялось 14 марта, проект был отклонен: за него отдали голоса только 79 депутатов из 179, тогда как для одобрения требовалось большинство в $\frac{2}{3}$ голосов.

Хотя первая атака Минджу кунминдан не увенчалась успехом, она объективно способствовала дальнейшей дискредитации лисынмановского режима в глазах общественного мнения. Начало нового наступления было приурочено к выборам в Национальное собрание, срок полномочий которого истекал в мае 1950 г.

Чувствуя шаткость своего положения, лисынмановские власти приняли все зависевшие от них меры, дабы не допустить на парламентских выборах победы оппозиционных сил. Официальные органы, в первую очередь министерство внутренних дел, которое возглавлял Пэк Сонук (род. в 1896 г.), выходец из буддийского духовенства, получивший степень доктора философских наук в фашистской Германии, не останавливались перед прямым вмешательством в избирательную кампанию. Опираясь на реакционно настроенную молодежь, они запугивали кандидатов от промежуточных группировок и Минджу кунминдан; многие из этих кандидатов были вынуждены отказаться от участия в выборах.

Тактика неприкрытого террора принесла свои плоды. На состоявшихся 30 мая выборах, в которых смогли принять участие только 9080 тыс. избирателей (45% южнокорейского населения), оппозиционная Минджу кунминдан сумела обеспечить себе лишь 24 депутатских места. Однако не могла похвастаться особыми достижениями и лисынмановская клика: в Национальном собрании ей досталось всего лишь 53 депутатских мандата, из них 24 принадлежали парламентариям, избранным непосредственно от Тэхан кунминдан, и 29 мест — от заблокировавшихся с нею и поддерживавших ее прочих реакционных группировок. (Оставшиеся 133 места в Национальном собрании поделили между собой «независимые» депутаты, представлявшие центристские и реформистские силы.)

Наряду с жестоким поражением на парламентских выборах 1950 г., которое как в зеркале отразило постоянно возростающую непопулярность лисынмановской клики среди широких масс, сильнее всего ударом для сеульских правителей явились ожесточенные распри, вспыхнувшие внутри Тэхан кунминдан. Фактически после выборов в Национальное собрание правящая партия существовала лишь номинально.

В этих условиях война, развязанная лисынмановским режимом

25 июня 1950 г., имела для него исключительно важное значение, сыграв роль «спасательного круга».

Правда, перед широкими народными массами, в том числе и перед патриотически настроенной буржуазией, Ли Сынман окончательно и бесповоротно разоблачил себя как политический авантюрист, которому чужды интересы нации. Правда и то, что развитие событий на начальном этапе войны подорвало его авторитет среди реакционных, ультранационалистических кругов, денно и нощно мечтавших об уничтожении народного строя «на коммунистическом Севере». Они помнили, как Ли Сынман громогласно похвалялся, что его армия на второй день после начала военных действий принудит к капитуляции Пхеньян, а на третий день водрузит знамя Корейской республики на горе Пэктусан. Знали они и о том, что на протяжении неполного года Ли Сынману дважды пришлось уносить ноги из Сеула. Разумеется, последнее не возвышало самозванного «мессию» в глазах воинствующих кругов, и они приходили к выводу, что поставили не на ту политическую фигуру.

Воинственные настроения проникли и в стены Национального собрания. Когда с лета 1950 г. миролюбивые силы всего мира стали призывать к мирному урегулированию корейского конфликта, южнокорейские парламентарии (особенно те из них, которые представляли оппозиционные партии) дружно противодействовали любым попыткам погасить пламя войны.

2 апреля 1951 г. по решению Национального собрания были направлены послания американскому президенту Г. Трумэну, главнокомандующему интервенционистскими войсками ООН Д. Макартуру и в адрес штаб-квартиры ООН, в которых выражался протест против возможного прекращения военных действий на линии 38-й параллели. После того как советский представитель в ООН предложил начать мирные переговоры между воюющими сторонами и затем, когда в Кэсоне такие переговоры начались (правда, без представителей от Южной Кореи, так как южнокорейский делегат на переговоры по перемирию был назначен только 19 апреля 1953 г.), Национальное собрание обнародовало заявление, из которого явствовало, что воинственно настроенные южнокорейские парламентарии видят только один путь «урегулирования» конфликта — объединение страны под эгидой Корейской республики. В ноябре 1951 г. Национальное собрание приняло резолюцию, протестующую против создания нейтральной зоны в Кэсоне. Перечень попыток противодействовать урегулированию корейского конфликта можно было бы продолжить.

Внимательно прислушиваясь к воинственным заявлениям законодательного органа и памятуя о надвигающихся президентских выборах (а по действовавшей конституции от воли парламентариев зависело — быть или не быть Ли Сынману переизбранным на новый срок), американский ставленник стал подлаживаться под милитаристский угар, царивший в стенах Национального собрания. В речах, произнесенных в разное время на протяжении 1951 г., он неоднократно и самым решительным образом выступал против любых предложений уладить корейский конфликт. Так, например, 24 марта он заявил, что не будет поддерживать идею перемирия до тех пор, пока южнокорейская армия и войска ООН не продвинулись до границы с Китаем. Только в июне Ли Сынман трижды возвращался к этому вопросу и в последнем из своих выступлений заявил, что без победного исхода войны он скорее согласится умереть, чем заключить мир.

В условиях войны Ли Сынман получил возможность расправляться со всеми несговорчивыми по законам военного времени. Это позволило

ему обезопасить себя от внепарламентской оппозиции, ряды которой заметно поредели, так как многие патриоты, выступавшие против американского ставленника и его союзников, вместе с отступившей из Южной Кореи Народной армией ушли за 38-ю параллель.

В обстановке военного времени лисынмановская клика существенно упрочила диктаторский режим.

Тем не менее официально дозволенная оппозиция в лице депутатов парламента от Минджу кунминдан не прекратила своих попыток пробраться к власти. Опасность оппозиции стала особенно очевидной в мае 1951 г., когда в Национальном собрании проходили внеочередные выборы вице-президента. На досрочно освободившийся пост (9 мая Ли Сиён подал в отставку) Ли Сынман рекомендовал кандидатуру Ли Гапсона (род. в 1889 г.), в то время формально беспартийного депутата, но известного своими давними связями с американским ставленником и его заокеанскими хозяевами. Оппозиционный блок провалил эту кандидатуру, и вопреки противодействию властей вице-президентом был избран один из лидеров Минджу кунминдан, крупный капиталист Ким Сонсу, сколотивший состояние в период японского колониального господства.

Этот факт заставил Ли Сынмана серьезно задуматься. В 1952 г. должны были состояться очередные выборы президента и вице-президента. При создавшемся соотношении сил в парламенте (а по действовавшей в то время южнокорейской конституции эти выборы проводились косвенным путем, депутатами Национального собрания) шансы Ли Сынмана на повторное избрание были невелики. После долгих размышлений и консультаций со своими единомышленниками Ли Сынман принял два важных решения: пересмотреть конституцию и ввести систему прямых выборов; создать новую политическую партию и повести ее за собой. Об этих планах он открыто заявил на собрании, посвященном шестой годовщине освобождения Кореи.

На призыв президента создать новую политическую партию откликнулись полуразвалившаяся к тому времени Тэхан кунминдан, несколько обществ (в том числе женское), молодежные организации и продажная верхушка федераций рабочих и крестьянских союзов. Представители этих разношерстных организаций вошли в Инициативный комитет, который провел необходимую подготовку к Учредительному съезду, открывшемуся 17 декабря 1951 г. в Пусане. Разноликий состав объединившихся организаций дал сразу же о себе знать, но в конечном итоге учредителям удалось утвердить Манифест, Программу и устав новой партии, получившей название Чаюдан (Либеральная партия). 23 декабря лисынмановская партия правительственного большинства начала свое бесславное существование.

Для обмана широких народных масс и привлечения их на свою сторону (следует помнить, что надвигались президентские выборы) Чаюдан в своей программе демагогически обещала «создать систему подлинно демократического правления», проявлять заботу об интересах рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии, «честных предпринимателей» и инженерно-технических работников, стабилизировать и поднять жизненный уровень народа «на основе взаимопомощи», «внедрять моральные устои в политику, изживая местничество и дурные приемы клеветы и коварства для борьбы за захват влияния». С помощью этих заманчивых, но пустопорожних обещаний Ли Сынман готовил почву для победы на предстоящих президентских выборах, но ему было необходимо также, чтобы вопрос о его переизбрании решался не в стенах Национального собрания, а на избирательных участках «волеизъявлением» народных масс.

Проект пересмотра конституции в пользу прямых выборов президен-

та и вице-президента был внесен на обсуждение Национального собрания 30 ноября 1951 г. После бурных дебатов, в ходе которых выявились острейшие разногласия внутри проправительственной фракции, 18 января 1952 г. присутствовавшие на заседании депутаты парламента подавляющим большинством голосов (против — 143, за — только 19, один воздержался) отвергли проект, предложенный исполнительной властью. Таким образом, первая попытка лисынмановской клики добиться пересмотра конституции на «законных основаниях» провалилась.

Несколько месяцев Ли Сынман метал громы и молнии, угрожая распустить Национальное собрание. 26 мая неожиданно для всех он приказал ввести осадное положение. Приведенные в боевую готовность полицейские оцепили временное здание Национального собрания в Пусане, задержали многих депутатов, направлявшихся на заседание парламента, а некоторых отправили в тюрьму по ставшему уже трафаретным обвинению в том, что они якобы поддерживали «тайные связи с северокорейскими коммунистами».

Это вызвало не только бурное возмущение оппозиционных сил в Южной Корее, но и недовольство правительства США. 3 июня 1952 г. оно направило Ли Сынману официальный меморандум по поводу осадного положения. На некоторое время роспуск Национального собрания был отсрочен, однако президент Ли привел в действие тайные рычаги, чтобы создать впечатление, будто существующим составом парламента недовольны широкие народные массы. Были организованы сборища, участники которых — запуганные и подкупленные обыватели, молодежь из проправительственных союзов и террористических организаций — приняли резолюции о роспуске Национального собрания. Когда властям стало известно, что 20 июня в здании «Международного клуба» (г. Пусан) собрались 60 оппозиционно настроенных политических деятелей (в том числе бывший вице-президент Ли Сиён), чтобы составить и одобрить «антидиктаторскую декларацию спасения родины», в зал заседаний ворвались молодчики из террористических банд и учинили зверскую расправу над «непокорными элементами».

30 июня Ли Сынман потребовал, чтобы депутаты Национального собрания одобрили пересмотр конституции в пользу прямых выборов. Парламентарии не дали ему положительного ответа. Тогда он решил силой проташить через парламентам нужную ему поправку, отбросив как ненужный хлам последние остатки буржуазной конституционности.

Поздним вечером 4 июля из тюремных камер и гостиничных номеров, где депутаты находились под домашним арестом, парламентариев в сопровождении полицейских доставили в здание Национального собрания и принудили одобрить поправку, внесенную от имени правительства. Политическая цель такой диверсии состояла в том, чтобы с помощью прямых президентских выборов, в ходе которых официальные органы могли беспрепятственно прибегать к жульническим махинациям, обеспечить Ли Сынману переизбрание на новый срок.

Первые в истории Южной Кореи прямые выборы президента и вице-президента были назначены на 5 августа 1952 г. На пост президента предстояло баллотироваться четырем кандидатам (на пост вице-президента — девяти). Съезд Чаюдан, состоявшийся 19 июля, выдвинул кандидатуру лидера партии — Ли Сынмана. Другими, формально независимыми кандидатами на президентский пост были Ли Сиён, Чо Бонам и Син Хыну (1883—1959).

Не без содействия официальных органов победу на выборах одержал Ли Сынман. Однако Ли Бомсоку — другому кандидату от Чаюдан — не удалось занять кресло вице-президента. На этот пост был из-

бран формально независимый кандидат — председатель Кассационной палаты и директор Корейской духовной семинарии Хам Тхэён (1873—1964).

Примечательно, что именно в день выборов началось судилище над 12 политическими деятелями, замешанными в неудавшемся покушении на Ли Сынмана в июне 1952 г. Все участники заговора были приговорены к различным срокам наказания. Главный обвиняемый Ким Сихён (1883—1966) — депутат Национального собрания от Минджу кунминдан — был осужден на смертную казнь, которую впоследствии заменили пожизненным заключением.

Расправившись с наиболее опасными противниками из оппозиционного лагеря, Ли Сынман усилил репрессии против демократических и патриотических сил. Президентские указы о введении чрезвычайного положения следовали один за другим. В то же время, учитывая настроения мелкобуржуазных обывателей, обманутых официальной пропагандой, американский ставленник попытался изобразить себя независимым от США, истинным патриотом и непреклонным борцом против коммунизма.

Несмотря на то что переговоры о перемирии шли полным ходом и близился конец войны, Ли Сынман продолжал занимать неуступчивую позицию в вопросе о прекращении военных действий, «обосновывая» ее ссылками на «волеизъявление народных масс», выступавших якобы за «почетные условия» перемирия.

Вслед за организованными властями демонстрациями и митингами, на которые полиция сгоняла обывателей, Ли Сынман предпринимал демарши, направленные на срыв переговоров о перемирии. Так, например, 26 апреля 1953 г. в адрес президента США Д. Эйзенхауэра он направил послание, в котором протестовал против «перемирия без объединения», а 19 июня официально заявил, что подготовленные к подписанию условия прекращения огня являются совершенно неприемлемыми. Однако американские империалисты под давлением мирового общественного мнения были вынуждены пойти на подписание перемирия. Они дали понять Ли Сынману, что сделают это и без его согласия. Окрик подействовал. 25 июля было официально объявлено, что между Южной Кореей и США достигнута полная договоренность об условиях прекращения огня.

Углубление кризиса лисынмановского режима

В послевоенный период США еще больше подчинили Южную Корею своему господству, навязав марионеточному правительству «Корейско-американский договор о взаимной обороне» (август 1953 г.), «Соглашение об оказании военной и экономической помощи Южной Корее» (ноябрь 1954 г.), «Корейско-американский договор о дружбе, торговле и мореплавании» (декабрь 1956 г.) и другие кабальные соглашения. Политический, экономический и военный контроль над Южной Кореей оказался полностью в руках американско-корейского управления экономического сотрудничества, Объединенной группы советников сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, Комиссии ООН по восстановлению Кореи, являвшихся орудием неокOLONиалистской политики США.

Послевоенное развитие в Южной Корее еще отчетливее показало, что реакционное зависимое правительство Юга выражало интересы небольшой кучки компрадорской буржуазии и помещиков. Оно являлось не только аппаратом угнетения и эксплуатации широких народных масс, но и орудием неокOLONиалистской американской политики в Южной Корее, призванным активно насаждать американское влияние в стране.

Южнокорейские власти официально просили оставить американские войска в Южной Корее на длительный период, поставив экономику страны в зависимость от американского монополистического капитала, лихомерно увеличивали численность армии и одновременно пытались всемерно укрепить аппарат господства.

Правители Южной Кореи при активной поддержке и покровительстве империалистических кругов метались из одной крайности в другую, чтобы сохранить и упрочить свое господство. В ноябре 1954 г., воспользовавшись тем, что при голосовании не хватило только одного голоса (0,1%)¹⁵, они навязали Национальному собранию поправки к конституции, в соответствии с которыми prerогативы парламента и премьер-министра были сильно урезаны, а президенту предоставлены неограниченные права. Эти поправки устанавливали также пожизненное президентство Ли Сынмана и тем самым в какой-то мере упрочивали террористическую диктатуру. Наконец, с помощью таких законодательных актов, как законы о безопасности государства, о регистрации политических партий, об экстренных мерах по упорядочению печати, об установлении контроля над проведением митингов и демонстраций, которые по своей жестокости превосходили законы японских империалистов, правительство Ли Сынмана учинило неслыханную расправу с южнокорейскими патриотами.

Народные массы лишались элементарных демократических прав и свобод. Американские военнослужащие (из частей, расквартированных в Южной Корее) нередко совершали убийства, насилие, грабежи и поджоги.

После войны Южная Корея превратилась по существу в тюремный застенок, где террор и убийства стали обычным делом. Газета «Тона ильбо» (от 16 апреля 1956 г.) писала: «В прошлом у нас было шесть законов, но к ним в эти дни прибавилось еще два — „беззаконие“ плюс „насилие“, и теперь их стало всего восемь». Потерпев неудачу в своих попытках одолеть социалистический строй в КНДР военной силой, Ли Сынман после заключения перемирия вернулся к идее создать антикоммунистический азиатский блок, чтобы с помощью такого коллективного органа вести идеологическую борьбу против коммунизма на широкой основе. Как и в довоенный период, главным пособником Ли Сынмана в этой затее был Чан Кай-ши. По их инициативе были проведены соответствующие консультации с другими реакционными режимами. Летом 1954 г. на территории Южной Кореи, в г. Чинхэ, открылся Учредительный съезд по официальному оформлению антикоммунистического блока азиатских маррионеток. Датой рождения этого детища реакционных сил, получившего название Асия минджок пангон ёнмэн (Антикоммунистическая лига народов Азии), стало 15 июня 1954 г. Первоначально в ее состав вошли восемь членов. Штаб-квартира Лиги расположилась в Сеуле, а ее директор составили представители Южной Кореи, Тайваня, Южного Вьетнама, Филиппин и Таиланда. На II сессии Лиги, состоявшейся в Маниле в апреле 1956 г., был принят Устав, в котором цели организации сформулированы кратко, но выразительно: это «борьба с коммунизмом» и «обеспечение коллективной безопасности Свободной Азии». Лига поставила своей целью всеми мерами противодействовать и политике позитивного нейтралитета, которую избрали молодые азиатские государства, вставшие на путь самостоятельного развития.

Антикоммунистическая лига была незамедлительно взята под покровительство американскими финансовыми магнатами, которые начали субсидировать эту организацию, прикрываясь ширмой «благотворительных обществ». В финансировании Лиги приняли участие и правительственные органы США: под видом экономической и культурной помощи

они стали выделять специальные фонды на антикоммунистическую пропаганду и на раздувание «психологической» войны. Не отказываясь от долларовых поступлений из-за океана, лисынмановский режим, со своей стороны, изымал в фонд Антикоммунистической лиги значительные средства из бюджета страны и наносил тем самым существенный ущерб национальной экономике.

Послевоенная южнокорейская экономика находилась на грани полного развала в результате усиления грабительской, неоколониалистской политики, которую проводили США в Южной Корее под прикрытием так называемой помощи. Она находилась в крайне тяжелом положении еще и потому, что в период военных действий ей был нанесен ущерб на сумму около 4 млрд. долл.

Американские империалисты не помышляли о восстановлении южнокорейской экономики. Важнейшие экономические рычаги оказались под контролем американского монополистического капитала. Созданная в декабре 1953 г. Американско-корейская смешанная экономическая комиссия стала орудием американских империалистов, она контролировала, определяла и направляла промышленную, финансовую и денежную политику южнокорейских властей. Без согласия этой Комиссии последние не могли ни составить государственный бюджет, ни установить размер налогов с населения. Фактически лисынмановское правительство не имело права управлять экономикой страны по своему усмотрению.

Правительственные органы США разработали так называемый план восстановления экономики Корейской республики и весьма настойчиво, активно и широко стали рекламировать экономическую помощь Южной Корее. Однако подавляющая часть средств американской помощи использовалась не для развития экономики, а для оснащения марионеточной армии и строительства новых военных сооружений. Эта помощь не направлялась ни на восстановление и развитие национальной экономики Южной Кореи, ни на улучшение жизни населения. Так, например, в 1954 г. по каналам американской помощи Южной Корее было выделено 180 млн. долл. (на нужды южнокорейской армии израсходовано 73,4% этих средств, а на поставку оборудования для восстановления промышленности — только 3,5%). На оставшиеся доллары в Южную Корею были ввезены излишки американских потребительских товаров.

Предоставляя Южной Корее помощь, американский монополистический капитал принуждал население страны расходовать огромные средства на ее косвенное покрытие. Если с 1945 по 1956 г. США предоставили Южной Корее экономическую помощь на сумму 1,5 млрд. долл., то за это же время только на оснащение армии и частично «войск ООН», на содержание земельных участков, строений и подвижного железнодорожного состава, реквизированных для нужд американских войск, за использование американцами электричества, водопровода, железнодорожного транспорта и другого недвижимого имущества из южнокорейского бюджета было выделено 2,9 млрд. долл. США обирали южнокорейское население, продавая по более высоким, чем на мировом рынке, ценам залежалые товары, непрерывно изменяя обменный курс доллара по отношению к хвану, повышая цены на товары, поставлявшиеся в счет помощи.

Кроме того, Соединенные Штаты вывозили из Южной Кореи вольфрам, графит, медь и другое стратегическое сырье, подрывая и разоряя промышленные предприятия, ранее перерабатывавшие это сырье, ставили важнейшие отрасли южнокорейской промышленности в зависимость от ввозимого в страну дорогостоящего американского сырья, парализуя тем самым отечественное промышленное производство и подчиняя экономикой страны американскому монополистическому капиталу. Американ-

ские империалисты установили непосредственный контроль над десятками важнейших промышленных предприятий Южной Кореи, перешедших в собственность государства и составлявших государственно-капиталистический сектор, в том числе над электростанциями, угольными шахтами, вольфрамовыми рудниками и судостроительными верфями. Они способствовали развитию только тех отраслей горнодобывающей промышленности, которые гарантировали им получение военного сырья. Если принять объем производства 1954 г. за 100, то в октябре 1955 г. добыча графита составила 628%, меди — 200, каолина — 160, железной руды, вольфрама и монацита — 176%.

За 1952—1956 гг. США вывезли из Южной Кореи свыше 18,6 тыс. т вольфрама. Только в 1953 г. количество вывезенного американскими монополиями из Южной Кореи вольфрама превышало объем его годовой добычи в самих Соединенных Штатах¹⁶.

Национальная экономика Южной Кореи вследствие грабительской политики американских империалистов переживала глубокий кризис. В 1954 г. объем промышленного производства составлял едва 20% от уровня 1945 г., а в 1955 г. промышленность Южной Кореи удовлетворяла внутренние потребности страны всего лишь на 10%. В районе Сеула, где были сосредоточены важнейшие промышленные предприятия Юга, в середине 1954 г. бездействовало 308 средних и мелких предприятий, а в 1955 г. из оставшихся 1409 средних и мелких заводов 944 приостановили выпуск продукции. В конце 1955 г. в Южной Корее функционировало всего 32% промышленных предприятий¹⁷, в подавляющем большинстве — мелких. К тому же в результате наводнения местного рынка залежалыми американскими товарами, неуклонного роста цен на сырье и оборудование, импортируемые из США, из-за нехватки электроэнергии, топлива, средств и сырья, вследствие непосильного налогового бремени и упадка покупательной способности населения происходило массовое разорение этих мелких мастерских.

За 1956 г. только в области производства готовых изделий обанкротилось и прекратило существование 1176 предприятий, а уже в феврале 1957 г., как об этом сообщала южнокорейская Торгово-промышленная палата, около 3135 средних и мелких предприятий обрабатывающей промышленности прекратило или сократило выпуск продукции. Это составляло 92,4% общего числа всех заводов и фабрик¹⁸.

Местные промышленные предприятия, имея низкий органический состав капитала, слабо обеспеченные сырьем и электроэнергией, испытывая недостаток в подготовленном управленческом персонале и в квалифицированной рабочей силе, естественно, не могли выдержать конкуренции с товарами американского производства, заполнявшими южнокорейский рынок.

Местные предприниматели в поисках выхода из крайне неблагоприятной для них обстановки стремились уменьшить издержки производства главным образом за счет заработной платы рабочих, затрат на охрану труда и социальное обеспечение. Следует учитывать, что и без того небольшую номинальную заработную плату в значительной мере сводила к минимуму свирепствовавшая инфляция.

Месячная заработная плата рабочих Южной Кореи в октябре 1955 г. составляла только 34,4% прожиточного минимума, причем выплату заработанных денег, как правило, задерживали на весьма длительные сроки. Наряду с этим катастрофически быстро росли цены на товары. Даже по заниженным официальным данным южнокорейских властей, индекс цен на товары первой необходимости в сентябре 1955 г. возрос в 3 раза, а в декабре 1956 г. — в 2 раза по сравнению с январским

уровнем соответствующего года. В результате систематически снижалась реальная заработная плата рабочих и служащих. С 1948 по 1956 г. покупательная способность трудящихся понизилась в 2 раза. Городское население оказалось на грани нищеты и голода.

Если в период заключения перемирия в Южной Корее насчитывалось около 1 млн. полностью безработных, то уже в 1955 г. их число достигло 2 млн. Кроме того, миллионы трудящихся (около $\frac{2}{3}$ трудоспособного населения) находились на положении полубезработных. По данным газеты «Сеул синмун» от 13 мая 1958 г., к началу 1958 г. в стране насчитывалось уже 4286 тыс. безработных и полубезработных, что составляло 36,6% всего самодеятельного населения. Южнокорейская печать открыто признавала, что безработица является настоящим бедствием.

Переживало упадок и сельское хозяйство. В послевоенный период положение южнокорейских крестьян оставалось крайне тяжелым, хотя лисынмановская клика без устали разглагольствовала о том, что в результате проведенной земельной реформы помещики ликвидированы и положение крестьян улучшилось.

В послевоенный период в Южной Корее ежегодно насчитывалось более 1 млн. крестьянских дворов, которые не имели к весне продовольствия; множество крестьян ежегодно оставляли насиженные родные места, уезжали в города и вынуждены были жить и работать вдали от своих родителей, жен и детей. По данным на середину 1954 г., в Южной Корее насчитывалось более 1 млн. крестьян, покинувших родные деревни¹⁹.

Мелкобуржуазные слои общества, испытывая тяжелый гнет со стороны американского монополистического капитала и компрадорской буржуазии, разорялись. Ремесленники и мелкие торговцы лишались жилья, голодали. Многие из них, потеряв жизненную перспективу, кончали жизнь самоубийством или становились на путь преступлений. Например, в 1956 г. в Южной Корее было совершено 1314 преступлений, в том числе убийства и ограбления.

Несмотря на то что экономика страны переживала тяжелый и затяжной кризис, марионеточные власти, беспрекословно выполняя указания американских империалистов, продолжали увеличивать численность южнокорейских войск и расширять военные базы, заставляя население нести огромное бремя расходов на их содержание, а молодежь идти в армию.

Народные массы Южной Кореи находились в тисках невыносимой нищеты и бесправия; именно поэтому в послевоенный период рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия под лозунгом «Больше не хотим так жить!» повсеместно поднимались на борьбу за демократические права.

Воодушевленные укреплением демократической базы в Северной Корее, а также конструктивными предложениями Трудовой партии по вопросу мирного объединения родины, народные массы Южной Кореи с каждым днем глубже проникались сознанием необходимости свергнуть реакционное господство американских империалистов и их агентуры, осуществить мирное объединение родины и таким путем избавиться от нищеты, голода и бесправия.

Патриотическое движение народных масс Южной Кореи неуклонно нарастало и активизировалось. Постепенно росло рабочее движение, хотя его развитию препятствовали неслыханные репрессии американских приспешников, их политика обмана рабочих, засилье рабочей аристократии, подчинение деятельности южнокорейских профсоюзов интересам Чаюдан. Учащались массовые забастовки, демонстрации протеста и саботажа; рабочие выступали с требованиями повысить заработную плату, сократить рабочее время и установить 8-часовой рабочий день, признать

право на заключение коллективных договоров, предоставить профсоюзам свободу деятельности.

По явно заниженным данным лисынмановских властей, только во второй половине 1953 г. состоялось 15 рабочих выступлений, в 1954 г.— 44, в 1955 г.— 55, а в 1956 г.— уже 96. В качестве примера можно привести январскую забастовку 1954 г., когда 300 южнокорейских рабочих, обслуживавших 55 американских военных складов, выступили против бесчинств американских войск, расквартированных на юге Корейского полуострова, или мартовскую забастовку того же года, когда 800 южнокорейских рабочих, обслуживавших Комиссию ООН по восстановлению и объединению Кореи, выступили с требованиями отменить политику национальной дискриминации, повысить заработную плату и прекратить увольнение.

В августе 1954 г. объявили забастовку 10 тыс. пусанских рабочих, занятых обслуживанием американских войск, а в сентябре забастовали 1,2 тыс. докеров Пусана и Масана. Вслед за ними в Самчхоке, Нёнволе, Хвасуне и Косоне объявили забастовку рабочие шахт, входивших в государственную угольную компанию «Тэхан соктхан конса». В январе 1955 г. против рабских условий труда и мизерной заработной платы поднялись на борьбу шахтеры Нёнволя, в феврале против зверств американской военщины и увольнений — рабочие столярных мастерских 226-го пусанского арсенала американских войск. Против политики национальной дискриминации и увольнений выступили также рабочие, обслуживавшие крупный аэродром в районе Тэгу. К 18 марта 1955 г. в разных городах Южной Кореи в забастовках приняли участие свыше 100 тыс. рабочих, насильственно мобилизованных на работу по обслуживанию американских войск. Они единодушно протестовали против мизерной заработной платы и политики обмана.

С 1956 г. борьба южнокорейских рабочих, занятых обслуживанием американских войск, развертывалась преимущественно в районах Пусана и Инчхона. Выступления носили упорный и боевой характер. Только в Инчхоне рабочие (все они были заняты в оружейных складах американских войск) трижды объявляли забастовку и один раз вышли на демонстрацию.

В 1956 г. активизировалась борьба рабочих текстильной и горнорудной промышленности, железнодорожного транспорта, докеров. Рабочие швейных фабрик Пусана, которые в декабре 1955 г. добились только частичного удовлетворения своих требований, в августе 1956 г. вторично объявили забастовку и снова потребовали повысить заработную плату и заключить коллективный договор. С октября по ноябрь 1956 г. рабочие шести шахт, входивших в государственную угольную компанию «Тэхан соктхан конса», трижды объявляли забастовку и четыре раза выходили на демонстрацию.

Воодушевленные борьбой рабочего класса крестьяне тоже поднялись на борьбу. Прежде всего они сообща боролись против превращения обрабатываемых полей в военные базы. В 1955 г. более 1 тыс. крестьян уезда Чханвон (Южная Кёнсан) выступили против плана властей превратить свыше 100 тыс. пхён земли в полигоны для южнокорейской армии. В том же году на борьбу поднялись крестьяне волости Тэджон (о-в Чеджудо), крестьяне деревень Пугэдон, Ильсиндон и Кусандон (в окрестностях Инчхона). Они протестовали против экспроприации 1 млн. пхён земли под военные базы.

В сентябре и октябре 1956 г. в борьбу включились крестьяне уезда Пуё (Южная Чхунчхон), деревень Мапхогу и Тэхындон (пригороды Сеула), уезда Ёнъиль (Северная Кёнсан), уезда Мирян (Южная Кёнсан),

уезда Енъин (Кёнги). Все они боролись против властей, пытавшихся за бесценок «выкупить» у крестьян земли на военные нужды.

Крестьянские массы Южной Кореи выступали и против принудительных поставок сельскохозяйственной продукции, которые навязывали им американские империалисты и их сеульские приспешники. Только с 1950 по 1953 г. (как об этом говорилось в докладе Комиссии Национального собрания по обследованию положения в стране) задолженность крестьян по оплате за землю, полученную на основе земельной реформы, достигла 6420 тыс. сок зерна, что составляло 40% всего их долга государству. Сопrotивление крестьян привело к тому, что в 1954 г. план обязательных государственных поставок из осеннего урожая был выполнен лишь на 59%, в 1955 г. план принудительных закупок зерна — на 55, а план государственных поставок, несмотря на жестокий террор и репрессии, с которыми власти обрушились на крестьян, в том же году — на 74%. К сентябрю 1956 г. поставки зерна из летнего урожая составили только 51% к плану²⁰.

Несмотря на террор, угрозы и запугивания правительства, население Южной Кореи в послевоенный период усиливало борьбу против возроставших налогов и всевозможных поборов. В апреле — июне 1954 г., например, южнокорейские налогоплательщики внесли всего 47% государственных налогов, а в 1955 г. — 67% от общей суммы налогообложения.

После второй мировой войны на Юге постепенно усиливалась борьба молодежи и студентов, которые протестовали против насильственной мобилизации в армию, милитаризации учебных заведений, против рабской системы просвещения. Как свидетельствовали крайне заниженные данные правительства Ли Сынмана, в 1954 г. уклонился от принудительной мобилизации 31% южнокорейской молодежи призывного возраста, а в 1955 г. — уже 43,3%. По данным на март 1956 г., свыше 80% выпускников высших учебных заведений отказались от насильственной мобилизации в армию. С января по октябрь 1956 г. южнокорейские студенты 21 раз организованно прекращали занятия. В этих студенческих забастовках участвовало более 20 тыс. учащихся. В молодежном движении помимо студентов принимали участие учащиеся профессиональных и средних школ.

В послевоенный период борьба народных масс Южной Кореи оказывала заметное воздействие на политические позиции различных группировок южнокорейской буржуазии, определяла их отношение к установленным в Южной Корее неокOLONиалистским порядкам и к узурпировавшим власть американским приспешникам.

Правящая верхушка, опираясь на административную власть, снимала самые жирные сливки с доходов предприятий, входивших в систему государственного капитализма, прикарманивала часть средств, поступавших по линии американской экономической помощи, развертывала частное предпринимательство. Должностные злоупотребления и ненасытное казнокрадство стали нормой поведения в правительственных кругах. Террор, насилие и беспощадная расправа со всеми инакомыслящими — все эти атрибуты по существу ничем не ограниченного диктаторского режима вошли в повседневную практику и пустили глубокие корни. Ширмой для прикрытия разнузданного произвола служила Чаюдан.

В стране нарастало глухое недовольство антинародной политикой лисынмановских властей. Оно было настолько широким, что захватило даже отдельных членов правящей партии. Внутри этой партии, которая представляла собою весьма непрочное объединение самых разношерстных группировок, вспыхнула фракционная борьба.

19 сентября 1955 г. на южнокорейской политической сцене появилась

оппозиционная Минджудан, в состав которой наряду с крупными предпринимателями прояпонской ориентации входили и многочисленные представители национальной буржуазии. Она выступала за «устранение диктатуры и развитие демократии», осуждая злоупотребления и произвол лисынмановцев; призывала осуществлять «представительную политику на основе справедливых и свободных выборов», подразумевая под этим легализацию двухпартийной системы; ратовала за «справедливое распределение по принципу свободной экономики», предлагая тем самым устранить преграды для широкой предпринимательской деятельности.

Другими словами, Минджудан ополчилась в основном против тех аспектов политики Чаюдан, которые отстраняли первую от участия в государственных делах, и в этом смысле пеклась о сугубо корыстных интересах. Но, с другой стороны, злободневные требования, включенные в программу Минджудан с целью сделать ее привлекательной и таким образом обеспечить ей успех, отвечали интересам средней и мелкой буржуазии, равно как и трудящихся слоев населения.

Некоторую роль в повышении престижа Минджудан сыграло то обстоятельство, что для камуфляжа главой партии был избран популярный ветеран освободительного движения Син Икхи, а в верховное руководство введены известные националисты Квак Санхун (род. в 1896 г.) и Пак Сунчхон (род. в 1898 г.); первый прежде не принадлежал ни к какой партии, а вторая являлась видной общественной деятельницей, много лет подряд занимавшей пост председателя Тэхан пуинхве (Корейское женское общество).

Показателем возросшего влияния Минджудан явились результаты президентских выборов 1956 г. и парламентских выборов 1958 г. На пост вице-президента был избран крупный деятель Минджудан Чан Мён (1899—1966). На выборах в Национальное собрание кандидаты этой партии одержали победу в 79 избирательных округах, получив 33,9% всех парламентских мест.

Проявлением широкого недовольства политикой Чаюдан стал процесс создания ряда оппозиционных партий, который начался со второй половины 50-х годов. Они отличались одна от другой характером, численностью, продолжительностью существования, однако их цели во многом совпадали. Весной 1956 г. на политической арене появилась Конхвадан (Республиканская партия), которая поначалу носила другое (условное) название — Минджондан (Партия демократического правления). В ее руководство вошли известный ультралиберал с фашистскими замашками, ярый японофоб и антикоммунист Ли Бомсок, а также националистически настроенные деятели Пэ Ынхи (1899—1966) и Чан Тхэксан (1893—1969). Второй из них, по профессии — служитель культа, прежде принадлежал к Чаюдан, третий был беспартийным, что, однако, не мешало ему занимать высокие посты в правительственном аппарате.

Общие программные установки партии, равно как и многие из намеченных к претворению конкретных мер, либо были весьма схожими по своей сути, либо полностью совпадали с задачами, которые ставила перед собой Минджудан. Однако Конхвадан шла, по крайней мере на словах, гораздо дальше.

Политический курс Конхвадан был непоследовательным и противоречивым. В нем отразилась двойственная природа корейской национальной буржуазии. С одной стороны, выражая недовольство господством и произволом проамериканской компрадорской буржуазии, партия ратовала за установление ограниченных буржуазно-демократических свобод, за создание самостоятельной, «самообеспечивающейся» экономики.

С другой стороны, слабость национальной буржуазии и ее панический страх перед коммунизмом заставляли партию цепляться за иностранную помощь. Если в области внутренней политики партия ставила перед собой антиимпериалистические задачи (правда, не прямо, а опосредствованно), то ориентацией на «свободный мир» она выхолащивала антиимпериалистическое содержание своей программы, так как известно, что империалисты оказывают помощь только на выгодных для себя условиях и не считаются со стремлением слаборазвитых стран сотрудничать на началах взаимного равенства.

Часть требований Конхвадан была включена в программу в чисто спекулятивных целях, чтобы обеспечить партии поддержку избирателей на предстоящих в августе 1956 г. выборах президента и вице-президента. На последний из названных постов Конхвадан выдвинула кандидатуру своего «кумира», однако Ли Бомсок провалился, собрав всего лишь 316 579 голосов.

Неудача, постигшая партию на выборах 1956 г., имела для нее неблагоприятные последствия. Пестрый состав Конхвадан, основной состав которой составляли члены Минджок чхоннёндан (крайне правого националистического союза молодежи, построенного по типу организации «Гитлер югенд»), с самого начала таил в себе угрозу сектантской деятельности. Эта потенциальная возможность стала реальным фактом. Внутри партии образовались три фракционные группировки. Борьба между ними привела к тому, что 4 декабря 1956 г. партия распалась.

Конхвадан просуществовала недолго, но она подала пример к созданию других партий с националистическими и правосоциалистическим уклонами.

Особое место среди них заняла Чинбодан, формально созданная 10 ноября 1956 г. Председателем ее стал Чо Бонам. После ухода с поста министра сельского хозяйства и лесоводства на очередных выборах, проходивших в мае 1950 г., он вторично избирается депутатом южнокорейского парламента и четыре года (с июня 1950 по май 1954 г.) занимает пост вице-председателя палаты представителей. Достигнув этих высот, он в августе 1952 г. выставил свою кандидатуру на пост президента, но не сумел набрать на выборах нужного числа голосов. К этому времени Чо Бонам открыто перешел на позиции буржуазного национализма и, претендуя на кресло президента, бросил вызов южнокорейскому диктатору — ставленнику американского империализма. На очередных президентских выборах в августе 1956 г. он снова выдвинул свою кандидатуру, но и на этот раз не добился успеха: за него было подано 2 163 808 голосов, а за Ли Сынмана — 5 046 437. Если учесть, что выборы проводились в обстановке грубого насилия, откровенного произвола и жульнических махинаций официальных органов, то эту неудачу Чо Бонама можно расценить как относительный успех Чинбодан и националистов.

Чинбодан отводила себе роль некоей «третьей силы». Она осуждала государственный строй, утвердившийся в северной части страны, но в то же время отвергала порядки, установленные в Южной Корее с помощью американских империалистов, и критиковала проекты сверхумеренных реформ, которые выдвигала оппозиционная лисынмановскому режиму Минджудан. Идеалом, к которому стремилась социал-реформистская Чинбодан, была буржуазная демократия западного образца.

Серьезное внимание партия уделяла проблеме объединения страны; в отличие от других буржуазных партий она считала, что единственно возможным и приемлемым средством разрешения этой проблемы явля-

ется мирный путь. Именно это обстоятельство и послужило главной причиной постоянно возрастающей популярности Чинбодан. Основную массу ее членов составляли представители средней и мелкой буржуазии; в нее входили также представители рабочего класса и интеллигенции. Однако особая точка зрения Чинбодан на пути объединения страны явилась главным объектом недовольства и раздражения не только правящей Чаюдан, но и оппозиционной Минджудан. Для лисынмановских властей существование и деятельность Чинбодан были особенно нежелательны, ибо она, при всех своих слабостях и недостатках, все же отстаивала национальные интересы страны (проповедуя при этом право-социалистические идеи).

11 января 1958 г. на Чинбодан обрушились репрессии южнокорейской охранки. По подозрению в нарушении Закона о государственной безопасности было арестовано высшее партийное руководство, а 25 февраля партия была объявлена вне закона. 2 июля в суде первой инстанции часть обвиняемых была оправдана, часть — приговорена к разным срокам каторжных работ. Лидеру партии Чо Бонаму суд высшей инстанции вынес смертный приговор.

На роль «третьей силы» претендовала и Минджу хёксиндан (Партия демократического обновления). Ее появление на политической сцене было обусловлено в первую очередь ростом антилисынмановских настроений среди буржуазных националистов. Однако националистически настроенные деятели не были едины, их ряды раздирали беспринципные распри, в основе которых лежала борьба за власть. Характерно, что Минджу хёксиндан создавалась параллельно и одновременно с Чинбодан. Более того, в инициативный подготовительный комитет (на первом этапе его деятельности) входили многие политические деятели, оказавшиеся потом в Чинбодан. Есть все основания считать, что националистически настроенные деятели этой группировки замыслили создать одну партию, и только вспыхнувшие между ними раздоры привели к тому, что 15 октября 1957 г. на политической сцене появилась обособленная Минджу хёксиндан.

Состав ее был крайне пестрым и разнородным. Она объединила в немногочисленную группировку, отколовшуюся от Чинбодан, бывших членов Чаюдан и Минджудан, а также многих буржуа, не принадлежавших ранее ни к какой политической партии. Все эти разнородные мелкобуржуазные силы были представлены и в высшем партийном руководстве, в котором главную роль играли бывший советник Минджудан Со Саниль, известный в прошлом национал-реформист, и видный националист Чан Гонсан (род. в 1884). Последний до 1945 г. находился в эмиграции и занимал один из высоких постов в корейском «временном правительстве» в Чунцине, а после возвращения на родину, являясь одним из руководителей Кылло инминдан, созданной Ё Унхёном, в апреле 1948 г. присутствовал на открывшемся в Пхеньяне Объединенном совещании представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи.

Политическая платформа Минджу хёксиндан мало чем отличалась от программы Чинбодан. Хотя требования, выдвинутые этой партией, в основном были умеренными и копировали программные установки социал-демократов Швеции, Дании и Норвегии, однако ее деятельность была расценена южнокорейскими властями как опасная. В ноябре 1957 г. по обвинению в шпионаже несколько членов Минджу хёксиндан (в том числе и один из лидеров — Чан Гонсан) были арестованы, после чего партия стала разваливаться, так и не успев создать местных организаций.

Перед Минджу хёксиндан стала явственно вырисовываться перспектива исчезновения с политической сцены. Тогда ее руководители попытались объединиться на идеологической основе с так называемой Нонондан (Рабоче-крестьянская партия), которая была создана 15 февраля 1955 г. По ряду вопросов программные установки Нонондан либо полностью совпадали, либо перекликались с требованиями, выдвинутыми Минджу хёксиндан.

Ловко жонглируя националистическими лозунгами, ратуя на словах за интересы трудящихся масс и средних слоев южнокорейского населения, запугивая и тех и других «коммунистической опасностью» и одновременно возлагая ответственность за переживаемые страной трудности на «консервативные силы» — правящую Чаюдан и оппозиционно настроенную к ней Минджудан, — так называемая Нонондан сумела на первых порах привлечь на свою сторону и вовлечь в свои ряды отсталые слои рабочих, крестьян и мелкой городской буржуазии; в ряде мест были созданы первичные организации. Однако трескучие и напыщенные фразы не подкреплялись конкретными делами; выросший было авторитет партии постепенно падал, а ряды заметно редели. Симптомом начавшегося кризиса Нонондан явились парламентские выборы в мае 1958 г., когда ей не удалось провести в Национальное собрание ни одного своего представителя. Это обстоятельство и заставило ее руководство пойти на слияние с Минджу хёксиндан. Близость программных установок благоприятствовала такому объединению, и партии договорились, зафиксировав это в совместном заявлении от 7 июня 1958 г.

В ноябре того же года был образован инициативный комитет из девяти человек, в который наряду с представителями Минджу хёксиндан и Нонондан вошли политические деятели, вышедшие к этому времени из других националистических или правосоциалистических партий. К 20 ноября все формальности были завершены, и объединенная организация начала свою деятельность под вывеской Минджокчужый минджу сахведан (Националистическая партия демократического социализма).

На посту председателя остался прежний лидер Нонондан — Чон Джинхан. Он окончил (1928 г.) политико-экономический факультет университета «Васэда» и посвятил себя национально-реформистскому кооперативному движению, а после 1945 г. возглавлял ряд реакционных организаций, в том числе Тэхан нодон чохап чхонъёнхапхве, и на правах южнокорейского профсоюзного босса входил в секретариат Международной федерации свободных профсоюзов.

По своему характеру эта политическая организация являлась националистической партией реформаторского толка.

Во второй половине 50-х годов на политической арене появлялись на непродолжительный срок и другие буржуазные партии. Их недолговечность была обусловлена либо репрессиями лисынмановских властей, либо внутренними, фракционными раздорами, а иногда тем и другим вместе. Из длинного ряда партий несколько выделялась так называемая Тхонъильдан (Партия единства), созданная 16 ноября 1957 г.

Она занимала некое промежуточное положение между оппозиционной Минджудан, с одной стороны, и многочисленными мелкобуржуазными партиями националистического и правосоциалистического толка — с другой.

Костяк Тхонъильдан составляла отколовшаяся от Минджудан группировка. В ее руководство входили «странствующие» политические деятели²¹, успевшие прежде побывать в самых разнообразных буржуазных группировках. В мае 1958 г. на очередных парламентских выбо-

рах Тхонгильдан пыталась заранее заручиться поддержкой избирателей. Однако никакие уловки ей не помогли: из 13 кандидатур, выдвинутых партией, успеха добился только глава партии Ким Джунгён.

В любом капиталистическом обществе партия как политическая организация определенной группы или слоя буржуазии служит либо одним из средств сохранения власти, либо одним из возможных средств пробраться к кормилу правления. Это общее правило действовало и в Южной Корее.

После формального освобождения в 1945 г., но особенно во второй половине 50-х годов, Южная Корея отличалась многочисленностью политических партий. Их обилие было обусловлено рядом причин; среди них далеко не последнее место занимала крайняя многослойность корейской буржуазии.

В Южной Корее — формально независимой стране — вся полнота власти находилась в руках компрадорской буржуазии; национальная буржуазия как класс была совершенно отстранена от управления государством. Борьба за власть между этими основными группировками приобрела особую остроту.

Правда, как компрадорскую, так и национальную буржуазию до некоторой степени сплачивала общая и безграничная ненависть к коммунизму, ибо антикоммунизм как классовая идеология был характерной и неотъемлемой чертой значительных слоев корейской буржуазии. Раздел страны придавал ему особенно неистовый характер, и антикоммунизм принимал тем более резкие формы, чем значительнее были успехи социалистического строительства в КНДР. Не случайно в программах всех южнокорейских буржуазных партий содержались прямые или косвенные, открытые или завуалированные, но непременные выпады против северокорейского государства рабочих и крестьян. Однако ущемление правящими кругами экономических интересов национальной буржуазии делало эту ограниченную сплоченность действенной только во внешнем плане.

В программах всех южнокорейских партий то сильнее, то слабее звучали националистические лозунги, однако их назначение было совершенно разным: если для правящей партии национализм служил оборонительным оружием и ширмой для прикрытия антинациональных действий, то для оппозиционных партий, которые по-разному отстаивали интересы национальной буржуазии, национализм служил наступательным оружием и знаменем борьбы за власть. Национальная буржуазия рвалась к власти; только при этом условии она могла приступить к претворению в жизнь задач буржуазной революции, которые ждали своего решения чуть ли не с конца XIX в.

«Буржуазная революция,— отмечал В. И. Ленин,— есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т. е. капиталистического общественно-экономического строя. Буржуазная революция выражает потребности развития капитализма, не только не уничтожая его основ, а, напротив, расширяя и углубляя их»²².

Однако в борьбе за власть корейская национальная буржуазия придерживалась крайне умеренной тактики. Последнее вполне понятно. В. И. Ленин подчеркивал, что буржуазия заинтересована в проведении нужных ей преобразований реформаторским путем. «Буржуазии выгоднее,— писал он,— чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции... чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии протонародья, т. е. крестьянства и

особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, „переложить ружье с одного плеча на другое“, т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция»²³.

Корейская буржуазия никогда не боролась за свои интересы решительно и последовательно. Нерешительной и непоследовательной она была в период, предшествовавший захвату страны, когда в борьбе против феодальных порядков нарождавшаяся буржуазия встала на путь реформаторского движения. Такой она была в годы японского колониального господства, когда в борьбе за национальную независимость ее умеренные слои стали исповедовать и проповедовать национал-реформизм. Такой в конечном счете она осталась и после формального освобождения Южной Кореи в 1945 г., с той лишь разницей, что в условиях раскола страны умеренность национальной буржуазии приобрела гипертрофированный характер и она стала вести борьбу за преобразование общества с позиций социал-реформизма, используя исключительно легальные, парламентские пути и методы. Пропуск на вход в законодательный орган представители национальной буржуазии рассчитывали получить от избирателей, а завоевать симпатии масс и заручиться их поддержкой социал-реформисты намеревались с помощью щедрых посулов. Руководствуясь этим стремлением, националисты создавали партии и включали в их программные документы не только свои классовые требования, но и обещания перспективных преобразований и в политической, и в экономической, и в социальной, и в культурной областях. Надо признать, что среди этих обещаний было немало таких, которые отвечали чаяниям задавленных нуждой и несправием трудящихся масс. Однако разнородность национальной буржуазии порожила разобщенность, которая находила свое выражение в политических действиях многочисленных разномастных партий. Отсутствие единства в рядах национальной буржуазии давало возможность правящей клике расправляться с каждой партией поодиночке, тем более что полного согласия и единодушия внутри той или иной группировки, как правило, не было.

Тотальное наступление на оппозиционные лисынмановскому режиму буржуазные партии развернулось в канун и после парламентских выборов в мае 1958 г. Проводившиеся, как и обычно, в обстановке полицейского террора, угроз и произвола, в условиях самой беспардонной фальсификации, эти выборы дали следующие результаты²⁴:

	Избрано		Полученные голоса, % ²⁵
	число	%	
Чаюдан	126	54,1	42,1
Минджудан	79	33,9	34,2
Тхонгильдан	1	0,9	0,6
«Независимые»	27	11,1	21,5
Всего	233	100,0	100,0

Для правящей Чаюдан, применившей все недозволенные средства, чтобы обеспечить себе успех, выборы закончились сравнительно благополучно: от непримиримых националистов, объединенных в такие буржуазные партии, как Тхонгильдан или Минджу хёксиндан, в парламент прошел только один кандидат. Однако этот успех был призрачным, ибо формальное большинство в $\frac{2}{3}$ голосов, необходимое для утверждения законов, было потеряно. «Законные» устои лисынмановской клики угрожающе зашатались.

В этой обстановке американские ставленники предприняли решительные действия. Спустя три месяца после выборов, под предлогом

«коммунистической угрозы», парламентская фракция Чаюдан внесла на обсуждение Национального собрания проект пересмотренного Закона о государственной безопасности. Проект предусматривал «усиление надзора над коммунистическими элементами», т. е., по существу, установление всеобъемлющего и безграничного контроля над общественным мнением, ибо в условиях антикоммунистической истерии власти могли, как показывала практика, приклеить любой ярлык любой оппозиционной буржуазной партии и пресечь неугодную им деятельность.

Парламентские дебаты затянулись. Проект пересмотренного Закона встретил отрицательное отношение даже со стороны официально разрешенной оппозиции. Однако власти шли напролом. По их приказу 24 декабря 1958 г. в здание парламента ворвались 300 специально отобранных полицейских. Они изгнали из зала заседаний депутатов от Минджудан, Тхонгильдан и так называемых независимых, после чего голосами депутатов от Чаюдан проект был утвержден ²⁶.

Под самыми невероятными предложениями все националистические партии были запрещены. Им инкриминировались и подрывные действия, и шпионаж в пользу КНДР, и «непатриотические» методы борьбы за объединение страны, и многое другое, ибо «усовершенствованный» Закон о государственной безопасности содержал более 40 статей, не считая всевозможных дополнений. Карающая десница лисынмановских властей все чаще обрушивалась на официальную оппозицию — Минджудан ²⁷.

Среди многочисленной прослойки национальной буржуазии ширилось недовольство деспотическими порядками. В апреле 1960 г. оно прорвалось наружу. Поводом к взрыву возмущения послужили очередные мостеннические выборы, на этот раз — президента и вице-президента, состоявшиеся 15 марта. С помощью обмана, насилия и жульнических подтасовок Ли Сынману как лидеру правящей Чаюдан вновь удалось сохранить за собой президентское кресло. Его ближайший сподвижник Ли Гибун (1896—1960) занял пост вице-президента, до того принадлежавший Чан Мёну — представителю оппозиционной Минджудан, объединявшей многих представителей национальной буржуазии — мелких и средних предпринимателей, ремесленников, торговцев, людей свободных профессий и т. д., хотя руководство ее и было тесно связано с крупным капиталом.

После вступления в силу «обновленного» Закона о государственной безопасности националистическая прослойка в Минджудан заметно расширилась, ибо из-за резко усилившихся репрессий со стороны властей многочисленные слои национальной буржуазии уже не имели возможности создавать свои партии. Силою обстоятельств они были вынуждены податься в официально дозволенную оппозиционную партию. В результате Минджудан заметно полевела. Раньше, руководствуясь стремлением пробраться к власти, она ограничивалась в основном только критикой наиболее одиозных сторон лисынмановского режима и выступала за сверхумеренные реформы, призванные несколько подновить государственную машину. После того как в Минджудан влились значительные слои национальной буржуазии, ее выступления против Чаюдан стали более радикальными. Разумеется, как и прежде, в планы Минджудан не входило, да и не могло входить, свержение лисынмановского правительства с помощью насильственных действий. Ее главным оружием были обличительные речи с трибуны парламента, однако после выборов 15 марта 1960 г. оппозиционно настроенные слои буржуазии, не без влияния буржуазных националистов, отважились на такие методы борьбы, как массовые митинги и уличные демонстрации, которые по Закону о государственной безопасности были запрещены.

Обоснованная В. И. Лениным закономерность непримиримой борьбы в современном буржуазном обществе двух противостоящих тенденций — демократической и антидемократической²⁸ — проявилась в апреле 1960 г. в форме восстания против лисынмановской диктатуры. Это крупнейшее в Южной Корее на третьем этапе общего кризиса капитализма массовое выступление явилось результатом обострения внутренних противоречий в стране и социальных конфликтов. Предвиденное в свое время В. И. Лениным усиление политической роли средних городских слоев²⁹ отчетливо прослеживается на событиях, связанных с крушением лисынмановской диктатуры.

Поводом к апрельскому восстанию послужили фальсифицированные и насильственные выборы президента и вице-президента 15 марта 1960 г. На этих выборах основными соперниками в борьбе за руководство страной выступили Чаюдан и Минджудан. Кандидатом в президенты Минджудан выдвинула своего лидера Чо Бёнока (против кандидатуры Ли Сынмана). Однако внезапная смерть Чо Бёнока, последовавшая 15 февраля 1960 г. в американском госпитале им. Уолтера Рида в Вашингтоне, существенно затруднила положение Минджудан, ибо согласно избирательному закону невозможно было заменить кандидата на пост президента без особого решения Национального собрания.

На пост вице-президента от Чаюдан баллотировался Ли Гибун. Пользуясь особым расположением Ли Сынмана, этот крупнейший южнокорейский делец и предприниматель занимал ряд важных постов: он был председателем ЦК Чаюдан, председателем Национального собрания и т. п. Соперником Ли Гибуна являлся один из лидеров Минджудан, Чан Мён, который пользовался репутацией деятеля просвещения, а также видного сторонника католицизма. На выборах в 1956 г. Чан Мён, выступая от Минджудан, добился избрания на пост вице-президента.

Правящая верхушка поставила перед собой задачу любыми средствами выиграть избирательную кампанию. Полиция имела детально разработанный план насилий и подтасовок, которые должны были обеспечить Чаюдан успех на выборах. Наряду с использованием государственного аппарата правящая партия привела в движение и такие послушные ее воле рычаги, как руководство проправительственного профсоюзного объединения Тэхан нодон чохап чхонгёнхапхве, крайне правого Тэхан пангон чхоннёндан, руководящие органы кооперативов в деревне.

С помощью государственной машины и правых организаций, террора и насилия Чаюдан, раздувая антикоммунистическую истерию, прибегла к жульничеству и подтасовкам как в ходе выборов, так и при подсчете голосов.

Минджудан в конце дня выборов опубликовала заявление, в котором говорилось, что она считает выборы президента и вице-президента «незаконными и недействительными» по следующим причинам: проведение выборов на два месяца раньше первоначально намеченной даты; отказ местных избирательных комиссий зарегистрировать представителей оппозиции в качестве наблюдателей на избирательных пунктах и в местах подсчета голосов; манипуляции с избирательными урнами; организованное членами Чаюдан голосование группами; подмена избирательных урн и нечестный подсчет голосов.

Мартовские выборы вызвали огромное возмущение среди народа и почти повсеместную отрицательную реакцию за границей.

15 марта первые многолюдные демонстрации протеста против фальсифицированных выборов произошли в портовом городе Масане, где

особенно остро давали себя знать безработица и жилищный кризис. Студенты и учащаяся молодежь выступили застрельщиками демонстраций, которые проходили под лозунгами: «Долой фальсифицированные выборы!», «Смерть Ли Гибуну!», «Свободу учебным заведениям!». Против демонстрантов, среди которых было немало рабочих, власти бросили полицию, несколько человек было убито, многие ранены, сотни арестованных полицией демонстрантов подверглись зверским издевательствам.

Вспыхнувшая в Масане искра разожгла пламя борьбы против деспотичного правления по всей стране. В Сеуле 16 и 17 марта студенты и учащиеся провели демонстрации солидарности с участниками выступлений в Масане. Они прошли под лозунгами: «Привлечь к ответственности полицейских, стрелявших в студентов!», «Немедленно освободить арестованных студентов!». Затем выступления произошли в Пусане, Тэгу, Инчхоне, Чхонджу, Тэджоне, Кванджу и в других городах.

19 апреля возмущение диктаторским правлением Ли Сынмана вылилось в многолюдные антиправительственные демонстрации, застрельщиком которых была студенческая молодежь. В них приняло участие более 100 тыс. человек. Особенно грандиозными они были в Сеуле. Демонстрации проходили под лозунгами: «Даешь демократию!», «Не подавлять штыками демонстраций демократически настроенных учащихся и студентов!», «Народу должно быть разрешено свободное волеизъявление!», «Полиция не должна посягать на права и свободу народа!», «Принять в соответствии с законом меры в отношении лиц, проводивших несправедливые выборы!», «Провести новые выборы президента и вице-президента!».

Лозунги восставших свидетельствовали, что апрельское выступление развернулось под флагом буржуазного национализма, а это предопределило в конечном итоге его ограниченность. Основная масса его участников, представленных мелкобуржуазными городскими слоями, являлась сторонником сохранения буржуазного строя, страшилась перспективы социального переустройства общества и не шла дальше умеренного реформизма. Участие в восстании рабочего класса и крестьянства было незначительным. Мелкая буржуазия в значительной своей части проявляла приверженность к «чистой демократии» или «демократии вообще», выражая тем самым свою веру в ее универсальное, всепасающее действие. Под «чистой демократией» она понимала равное отношение ко всем классам и группам в условиях капитализма, номинальное равенство перед законом, наличие многопартийной системы и свободно действующей оппозиции, всеобщее голосование и другие формальные признаки буржуазной демократии.

В начале выступления часть студенческой молодежи питала надежду, что удастся убедить Ли Сынмана в настоятельной необходимости введения демократических прав и свобод. Многие участники восстания были убеждены, что в пороках общественного строя Южной Кореи виновен не сам Ли Сынман, а те бесчестные и равнодушные к нуждам народа люди, которые его окружали. Видимо, не случайным поэтому было отсутствие на начальной стадии выступления лозунгов, призывающих к свержению диктатора. Немаловажную роль в культивировании подобных взглядов играла сложенная буржуазной пропагандой легенда о Ли Сынмане как об «отце нации». Она беззастенчиво наделяла его ореолом самоотверженного борца за возрождение государства и национального величия. И, как это уже неоднократно было в истории, немало участников апрельского выступления искренно верило в то, что достаточно рассказать самодержцу правду в лицо, как дела перемянутся к лучшему.

Проникнутые такими настроениями, студенты университета «Тонгук» направились ко дворцу президента «Кёнмудэ», желая добиться встречи с Ли Сынманом. Однако охранявшая дворец полиция открыла огонь, убив более десяти и ранив несколько десятков человек.

К этому времени центральная часть Сеула находилась уже во власти восставших. Студенты, захватив автобусы, такси, автомашины, разъезжали по улицам с торжествующими криками и пением. Большая площадь перед Национальным собранием была заполнена демонстрантами, которые выкрикивали антиправительственные лозунги. Демонстранты напали на редакцию газеты «Сеул синмун» и подожгли ее. Нападению подверглись штаб-квартира Чаюдан, а также ряд правительственных учреждений. Полиция не смогла справиться с демонстрантами.

В полдень во дворце «Кёнмудэ» состоялось экстренное совещание кабинета министров. Руководивший совещанием Ли Сынман дал указание принять «решительные меры», чтобы положить конец волнениям, т. е. ввести военное положение в Сеуле и в четырех других крупнейших городах — Пусане, Тэгу, Тэджоне и Кванджу, где также вспыхнули антиправительственные демонстрации. Руководство по обеспечению военного положения было возложено на генерал-лейтенанта Сон Ёчхана — начальника штаба сухопутных войск.

В мобилизации сил на подавление восстания отчетливо проявилась координация действий лисынмановской клики и американских оккупационных войск, являвшихся опорой антинародного режима в борьбе против трудящихся. Командующий так называемыми вооруженными силами ООН в Корее американский генерал К. Макгрудер, который согласно со своей компетенцией осуществлял оперативный контроль над южнокорейской армией, разрешил Сон Ёчхану использовать танки против демонстрантов. Вечером воинские части в сопровождении танков прибыли в охваченную волнениями столицу и начали расправу. 19 апреля — этот день вошел в историю восстания как «кровавый вторник» — в Сеуле и в других крупных городах было убито 130 и ранено около 800 человек.

Хотя американские оккупационные войска в Южной Корее не участвовали в расправах, они были готовы выполнить роль карателей. Генерал Макгрудер приказал привести в полную боевую готовность все американские вооруженные силы, находившиеся в Южной Корее в его распоряжении.

Руководители США, не исключая перспективы непосредственного участия американских войск в подавлении волнений, прибегли прежде всего к политическому маневрированию. Американская дипломатия, руководствуясь необходимостью сохранить Южную Корею в качестве антикоммунистического форпоста дальневосточной стратегии США, стремилась предупредить появление антиамериканских лозунгов в ходе восстания, избежать открытого столкновения США с восставшими. Поэтому она начала усиленную обработку общественного мнения в Южной Корее, заигрывала с участниками демонстраций, внушала мысль о непричастности США к преступлениям лисынмановской клики. Более того, в адрес лисынмановских властей прозвучало насквозь лицемерное обвинение в попрании демократии³⁰. Публично порицая Ли Сынмана, американские должностные лица стремились вывести из-под огня критику политику своего правительства, отвлечь внимание южнокорейцев от того, что США повинны в преступлениях созданного при их активном содействии лисынмановского режима. В то же время одна из целей этого маневра заключалась в попытке оказать воздействие на лисынмановскую клику, с тем чтобы она предприняла в своих же собственных интересах

некоторые шаги, направленные на «либерализацию» правления. К разочарованию руководителей американской политики, сеульская камарилья оказалась не способной прибегнуть к эффективной тактике маневрирования и частичных уступок; она продолжала возлагать надежды на преданность армии.

Однако в настроениях солдатской массы под влиянием событий происходили значительные перемены, особенно заметные среди воинских частей, направленных в города для усмирения демонстраций. Солдаты всё более сочувственно относились к борьбе восставших, заражались их настроениями, отчетливее уясняли пороки лисынмановского правления. Солдатская масса по своему опыту была знакома с казарменным деспотизмом, возвращенным этим режимом, — муштрой, мордобоем, фаворитизмом, казнокрадством, разложением офицерской верхушки и т. д. Во время выборов старшие офицеры оказали на солдат грубый нажим, который обеспечил Ли Сынману и его приверженцу голоса в армейских частях. В канун выборов в воинских подразделениях были отменены отпуска и увольнительные, с тем чтобы уберечь солдат от воздействия оппозиционных сил. Офицеры заставляли солдат в письмах, отправляемых домой, убеждать родных и близких голосовать за представителей Чаюдан.

Колебание армейских частей (невыполнение приказов, симпатии к студенческой молодежи, отказ стрелять в восставших) наглядно проявилось во время второй волны демонстраций, поднявшейся 25 апреля. Поведение армии лишило лисынмановскую клику последней опоры и предопределило ее падение. Колебание армии свидетельствовало, что вооруженным силам Южной Кореи присущи слабости и противоречия, свойственные буржуазным армиям. Однако из этого не следует, что правящие круги не могут использовать армию в интересах контрреволюционного насилия.

Единодушным требованием участников второй волны выступлений, а их насчитывалось около 500 тыс., было: «Долой Ли Сынмана!». Но и в этих условиях диктатор все еще пытался отыскать путь к спасению. 26 апреля он опубликовал заявление, содержащее лишь условное обещание уйти с поста президента, «если народ этого пожелает». Участников выступлений не удовлетворила эта «обусловленная» отставка, и тысячи людей продолжали настойчиво требовать немедленного ухода Ли Сынмана с политической сцены³¹. В парке «Пагода» студенты сорвали с постамента статую диктатора и, обмотав ее тросом, таскали по улицам под аплодисменты горожан. Демонстранты захватили шесть танков и десяток армейских грузовиков. Солдаты не нападали на демонстрантов, а демонстранты не трогали солдат.

Тем временем состоялось экстренное заседание парламента, на котором присутствовали 136 депутатов из 233. Они приняли резолюцию, требовавшую отставки Ли Сынмана, объявили недействительными выборы 15 марта, наметили проведение новых выборов и принятие поправок к конституции. Под давлением снизу парламент отвернулся от Ли Сынмана.

Хотя парламентское постановление не содержало ни малейшего намека на готовность приступить к решению злободневных социальных проблем, оно тем не менее удовлетворило основную массу участников демонстраций, в первую очередь студенчество. Его вожаки сочли, что восстание подвело своеобразную черту под историей лисынмановского правления, что главная цель выступления уже достигнута, а потому учащейся молодежи надлежит самоустраниться от участия в определении дальнейшего хода событий. Никаких призывов к радикальным дей-

ствиям не было. Наоборот, часть студентов тотчас после восстания включилась в «наведение порядка»: разбирала завалы на улицах, подметала мостовые, регулировала движение городского транспорта и т. д.

Ограниченность целей участников восстания не может заслонить собой главного итога — свержения ненавистного диктаторского правления Ли Сынмана. Участники апрельского восстания заплатили не малую цену, прежде чем добились этой цели. За время апрельских событий погибло 183 и было ранено 6259 человек.

С политической арены в Южной Корее был изгнан связанный с империализмом США деятель, который выступал в Южной Корее ярким противником смягчения международной обстановки, ратовал за увеличение военных расходов и гонки вооружений, питал фанатичную ненависть к коммунизму и ко всему прогрессивному. До последних дней своего бесславного правления он оставался стойким приверженцем доктрины «поход на Север», предполагавшей реставрацию в северной части страны буржуазно-помещичьих порядков. Эта доктрина противоречила объективным тенденциям развития событий в Корее и находилась за пределами возможностей реакционных сил. Неосуществимость ее целей наглядно показал провал вооруженной интервенции 1950—1953 гг., когда империализм США и лисынмановская клика попытались ликвидировать завоевания трудящихся КНДР и вырвать Северную Корею из социалистического лагеря. И тем не менее Ли Сынман с непостижимым упорством продолжал цепляться за обанкротившуюся политику. Его воинствующие, угрожавшие делу мира в Корее и на Дальнем Востоке призывы не только не находили сочувствия в Южной Корее, но все более наталкивались на сопротивление различных слоев. Антинациональная политика, поглотившая столько сил и средств, породившая острые экономические проблемы, взрастившая милитаризм и антикоммунизм, провалилась, обернувшись против ее творца.

Апрельское восстание вынудило официальный Вашингтон в конце концов расстаться с Ли Сынманом — давним и верным прислужником американского империализма. США, связав свою политику с продажной лисынмановской группировкой, обрели в ее лице своеобразный защитный буфер. Эта буферная прокладка, стоявшая между народом и империализмом, помогла последнему избежать открытого столкновения с южнокорейскими массами. Хотя лисынмановская клика опиралась на военно-политический союз с США и получала значительную военную и экономическую помощь Вашингтона, это не спасло ее от поражения. Впервые в истории Южной Кореи участники движения против антинациональной политики правящих кругов, поставивших себя на службу империализма, добились успеха, хотя и не проявили стремления развить и закрепить его.

Пролетариат, не располагая революционной партией, боевыми профсоюзами, своей печатью, оказался безоружным в апрельские дни и не мог мобилизовать массы, политически и организационно возглавить восстание. Степень активности пролетариата снижалась понесенные в предыдущие годы тяжелые потери, террор и подрывные действия реакции, раскол рядов, изменение состава за счет большого притока крестьянских элементов в послевоенный период. Пролетариат не мог рассчитывать и на поддержку своего естественного и наиболее многочисленного союзника — крестьянства, дезорганизованного аграрной реформой.

ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА И ЕЕ БАНКРОТСТВО (октябрь 1960 — май 1961)

Формальная смена власти после апрельского восстания

В апрельских событиях 1960 г. средние городские слои, связанные с политикой и идеологией эксплуататорских классов, играли главную роль. Во многом это предопределило характер и направление последующих процессов. Участники апрельского восстания, добившись свержения лисынмановской диктатуры, ограничились этим. Они не предприняли творческих поисков в области политики, хотя часть из них располагала такими реально необходимыми для этого предпосылками, как образованность и политический опыт, правда ограниченный. Неспособность средних слоев к решению творческих задач в области политики, видимо, следует объяснить прежде всего их положением в обществе. Не занимая самостоятельного места в системе общественного производства, они были не в состоянии выработать четко сформулированную позитивную программу действий и целеустремленно бороться за ее осуществление. Несомненно и то, что созидательную энергию средних слоев сковывали владевшие в значительной мере их сознанием антикоммунистические идеи. Антикоммунизм серьезно мешал им освободиться от груза укоренившихся под воздействием буржуазной пропаганды искаженных представлений о социализме. Все это налагало печать ограниченности на характер их политического мышления, лишая его радикализма и порождая приверженность к умеренности в общественной практике.

В. И. Ленин писал: «Классовая борьба становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики. И в политике можно ограничиться мелкими частностями, можно идти глубже, вплоть до основного. Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой, „общенациональной“ *лишь* тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти»¹.

Отрицание прогнивших лисынмановских порядков не означало признания необходимости коренной общественно-экономической перестройки. Участники восстания не считали обязательным условием торжества демократии замену капитализма социализмом, установление общественных форм собственности. Они находились в плену убеждения, что только в условиях господства частной собственности возможна подлинная демократия. Они хотели добиться частных реформ политической структуры, сохраняя ее социальную основу.

Демократические силы не ставили вопрос о власти; это позволило господствующим классам плавно передать политическое руководство от одного своего представителя другому. 27 апреля 1960 г. министр иностранных дел Хо Джон (на эту должность его назначил Ли Сынман за несколько дней до своего падения) заявил, что будет выполнять функции главы «переходного правительства».

Неожиданному взлету этого умеренно консервативного деятеля, который до описанного события отошел от активной политической жизни вследствие разногласий с Ли Сынманом, в решающей мере содействовали американские должностные лица. Когда перед ними встал вопрос — кем заменить Ли Сынмана, они привлекли к участию в реализации своих планов находившегося в опале опытного политика и администратора, не связанного последние годы с ненавистной Чаюдан. Состоявшаяся по их инициативе встреча Ли Сынмана и Хо Джона закончилась введением последнего в состав правительства.

«Переходное правительство» Хо Джона вынуждено было считаться с процессами, происходившими в южнокорейском обществе, выставлять себя поборником демократии. В то же время, полностью оставшись верным проамериканскому курсу, оно стремилось максимально учесть интересы американской политики. Поэтому деятельность «переходного правительства», складывавшаяся под воздействием разноречивых сил и факторов, отличалась непоследовательностью и приспособленчеством.

После апрельского восстания в политической жизни страны произошли значительные изменения. В результате крушения лисынмановской диктатуры появились некоторые возможности для роста и развития демократических сил вообще и рабочего движения в частности. Трудящиеся по собственному почину стали осуществлять права на элементарные демократические свободы — свободу слова, митингов, собраний, забастовок. Во многих районах возникли различные политические партии и общественные организации, начали выходить многочисленные периодические издания, создаваться свободные от правительственного контроля профсоюзные организации рабочих.

Правительство Хо Джона под давлением требований широких слоев заявило, что проведет работу по оздоровлению государственного аппарата.

Из полиции были удалены наиболее скомпрометировавшие себя лисынмановские чиновники, произведены различные перемещения, а также арестовано несколько полицейских офицеров, которые руководили расстрелами демонстрантов и активно участвовали в фальсификации выборов.

Правительство пообещало провести расследование о фальсификации выборов и в вооруженных силах. В самой армии многие младшие офицеры открыто требовали наказания высших военных чинов, виновных в фальсификации выборов в армии, и удаления их из рядов вооруженных сил. Однако представители американской военщины, оказав грубый нажим на Хо Джона, уберегли армию от чистки.

«Переходное правительство» отвергло многочисленные требования о роспуске лисынмановского парламента, к которому широкие слои не питали политического доверия. Демонстрации с требованием немедленного его роспуска и проведения новых выборов в Национальное собрание состоялись в мае в Сеуле, Пусане, Тэгу и в других городах. Однако Хо Джон, прибегнув к угрозам и репрессиям, постарался сохранить прежний парламент, радикализм которого не вызывал опасений, и с его помощью произвести пересмотр конституции, что должно было обеспечить введение парламентской системы правления.

В середине июня парламент утвердил поправки к конституции, которые предусматривали реорганизацию высших органов управления. Согласно этим поправкам парламент должен был состоять из двух палат — нижней (представителей) и верхней (советников). Поправки предусматривали избрание президента обеими палатами большинством голосов в $\frac{2}{3}$. Президент наделялся функциями главы государства, но не

имел исполнительной власти. Право на голосование предоставлялось гражданам, достигшим 20 лет (а не 21 года, как раньше).

В результате парламентских выборов, состоявшихся 29 июля 1960 г., к власти пришла Минджудан, получившая преобладающее большинство мест в Национальном собрании. Однако практика проведения выборов вызвала крайне неблагоприятный для Минджудан резонанс, ибо она прибегла к махинациям и подкупу избирателей. Наибольшее возмущение вызвали получившие широкую огласку сведения об использовании Минджудан в ходе избирательной кампании средств, полученных от дельцов и сановников, разбогатевших на незаконных сделках при Ли Сынмане. Минджудан смогла утвердиться у власти, прибегнув к финансовой поддержке сил, выступавших оплотом лисынмановского правления, — крупных воротил и высшей чиновничьей бюрократии.

Волна протеста против махинаций Минджудан поднялась в Тэджоне, Пусане, Тэгу и в других городах, а в ряде районов были совершены налеты на избирательные участки и правительственные учреждения. Частичным признанием фальсифицированного характера этих выборов явилось решение властей о проведении новых выборов в 13 избирательных округах.

12 августа 1960 г. на заседании обеих палат президентом избирается Юн Босон (род. в 1897 г.) — выходец из дворянской семьи, получивший образование в Эдинбургском университете (Шотландия). Премьер-министром стал проамерикански настроенный Чан Мён.

1 октября 1960 г. в Сеуле провозгласили Вторую республику. Ее лидеры обещали покончить с вопиющими пороками лисынмановского правления, обеспечить демократические права и свободы, построить «государство всеобщего благоденствия».

В буржуазной историографии подчас дается характеристика Второй республики как «венца» и «золотого века» демократии. Доказательства усматриваются в расширении прав парламента, в наличии буржуазно-демократических свобод. При этом упускается из виду важное обстоятельство — то, что используемые трудящимися урезанные и нередко формальные права (свобода печати, собраний, демонстраций, право на создание политических и профессиональных организаций) были завоеваны ими в результате свержения лисынмановской диктатуры, а не дарованы свыше.

В. И. Ленин вскрыл научную несостоятельность и реакционность всяких рассуждений о том, будто народовластие возможно в условиях буржуазной демократии. Он писал: «Самая демократическая буржуазная республика не была никогда и не могла быть ничем иным, как машиной для подавления трудящихся капиталом, как орудием политической власти капитала, диктатурой буржуазии»². Ленинская оценка в полной мере применима и к «демократии» Второй республики, которая отражала и закрепляла разделение южнокорейского общества на антагонистические классы.

Сущностью Второй республики как диктатуры буржуазии являлось удержание трудящихся в рамках буржуазного способа производства, их эксплуатация и подавление. Тем не менее представляется важным и тот факт, что политические порядки парламентского режима в какой-то мере содействовали росту сознательности и организованности пролетариата и всех трудящихся в борьбе за свои интересы, не исключали из политической жизни другие политические партии и организации.

В числе появившихся после апреля политических партий заметную роль стали играть мелкобуржуазные по своему составу Сахведан (Социалистическая партия) и Сахве тэджундан (Социалистическая массо-

вая партия), которые, несмотря на свои названия, ничего общего с социализмом не имели. Они выступали выразителями иллюзий и колебаний мелких собственников, стремившихся к укреплению своего положения и к освобождению из-под гнета крупного капитала. В программах этих партий подчеркивание «достоинств» современного капитализма, преимуществ свободной конкуренции, не перерастающей, однако, в монополию, причудливо уживалось с признанием очевидных преимуществ социализма (государственное руководство плановым развитием экономики, отсутствие безработицы, социальное обеспечение и т. д.) и положительным к ним отношением.

При учете исторической ситуации не следует допускать односторонней оценки деятельности Сахведан и Сахве тэджундан. Частичное принятие идеалов социализма и отказ от некоторых составных частей буржуазной идеологии представлял для данного этапа развития средних слоев положительное явление.

Пытаясь привлечь на свою сторону массы и учитывая их сильное стремление к национальному единству, в своих программах Сахведан и Сахве тэджундан требовали установления контактов с КНДР и мирного объединения страны.

Включение в активную политическую жизнь широких слоев трудящихся поставило лидеров Второй республики перед проблемой укрепления массовой базы господства буржуазии. Однако они не смогли достаточно эффективно использовать государство и специальный механизм социальных институтов — партии и машину голосования, профессиональные объединения, средства массовой информации и т. д. — для укрепления политических и идеологических позиций в массах.

Решение этой проблемы существенно осложняла тенденция, наметившаяся в правящей Минджудан (в особенности фракционная борьба), которые были присущи ей с момента возникновения и усилились после апрельского восстания. Оппозиция к лисынмановскому правлению как-то объединяла фракции, из которых состояла партия, — «старую гвардию» и «новую фракцию». Когда исчез объединявший фракции фактор, дороги их разошлись. В партии произошел раскол. Между Чан Мёном и другим видным деятелем партии — Ким Доёном разгорелась борьба сначала за руководство партией, а затем за пост премьер-министра. Потерпев неудачу, Ким Доён и его единомышленники, составлявшие «старую гвардию», порвали с партией. 8 ноября 1960 г. по инициативе руководителей «старой гвардии» (часть из них являлась членами Национального собрания) был созван Учредительный съезд, провозгласивший создание Синминдан (Новая демократическая партия). Ее лидером был избран Ким Доён. Руководители партии заявили о своем намерении находиться в оппозиции к Минджудан.

В начале 1961 г. Синминдан располагала 62 депутатскими мандатами в нижней палате (125 принадлежало Минджудан, а 46 остальных — мелким партиям и «независимым»). В верхней палате Синминдан имела 17 из 58 мест.

Бесконечные фракционные раздоры сочетались с карьеристскими устремлениями и борьбой заправил Минджудан за «теплые местечки». Это проявлялось в многократном реформировании правительства, частой смене руководителей различных государственных учреждений и корпораций. Широкие демократические слои воспринимали раздоры, происходившие внутри правящей верхушки, как непристойный дележ власти дорвавшихся к руководству страной политиканов. Погоня за личной выгодой вместо «служения всеобщему благу» отрицательно сказывалась на престиже партии.

Нарастание кризиса правления Минджудан

Сразу же после прихода к власти Минджудан стала терять влияние, приобретенное в результате своей оппозиции к лисынмановскому правлению и широковетательной социальной демагогии. Разительное несоответствие между ее обещаниями и практическими делами вело к утрате доверия, хотя она и в большей мере, чем Чаюдан, вынуждена была считаться с настроениями масс. Уязвимым местом ее деятельности стало обещание оздоровить политическую жизнь страны, в особенности расследовать вопрос о фальсификации президентских выборов 1960 г., выявить и наказать виновников кровавых расправ в апрельские дни.

Под давлением требований демократически настроенных слоев правительство привлекло к судебной ответственности некоторых служивших при Ли Сынмапе должностных лиц, непосредственно причастных к расстрелам демонстрантов. Однако суд вынес поразительно мягкие приговоры, что вызвало возмущение. Оно с особой силой проявилось среди студенческой молодежи, которая, понеся наибольшее число жертв, настойчиво требовала справедливого отмщения за пролитую кровь товарищей.

11 октября 1960 г. большая группа студентов, возглавленная своими вожаками, получившими ранения в апрельские дни, ворвалась в здание Национального собрания и захватила парламентскую трибуну. Речи, произнесенные студенческими ораторами, изобличали некомпетентность, фракционность, пренебрежительное отношение правящей верхушки к насущным жизненным интересам народа. Студенты потребовали наказать виновников кровавых расправ, положить конец групповой борьбе в правящей партии.

Фраза, ставшая крылатой в это время, — «украли революцию» — отражала, как представляется, горькое осознание того, что плодами апрельского выступления воспользовались примазавшиеся к нему кулуарные политиканы. Гневная, но бессильная вспышка бунтарских чувств студенчества не оказала воздействия на правительство. Наоборот, Чан Мён выступил с угрозой применить силу против «смутьянов».

В студенческой среде росли антиамериканские настроения, форма проявления которых была различной. По инициативе студентов Сеульского университета было развернуто молодежное движение за «обновление жизни». Активисты движения, изобличая пороки «американского образа жизни», призывали бойкотировать американские товары и приобретать изделия южнокорейского производства в интересах развития национальной экономики. Апеллируя к чувству национальной гордости, они пропагандировали идею самостоятельного развития, без опоры на иностранные силы.

В середине ноября 1960 г. произошло выступление студентов университета «Ёнсе», требовавших удаления пролисынмановски настроенных профессоров и администраторов. Недовольство студентов обратилось прежде всего против исполнявшего обязанности ректора университета американца Ундервуда и его коллеги Сауэра. Около 1,5 тыс. студентов совершили налет и разгромили их дома. Перед зданием американского посольства студенты устроили демонстрацию, требуя немедленной высылки из страны Ундервуда и Сауэра. Тогда государственный департамент США направил южнокорейскому правительству ноту протеста, требуя обеспечить безопасность американских подданных и их имущества. Южнокорейская полиция подавила выступление.

Антиамериканскую направленность все в большей мере стали при-

обретать и требования рабочих, среди которых завоевывал популярность лозунг «Янки, убирайтесь домой!»

Наибольшим антиамериканским накалом отличались выступления рабочих, занятых на американских военных объектах. Они чаще всего возникали в знак протеста против оскорбляющих человеческое достоинство действий американского персонала. 31 января 1961 г. в Сеуле, Пусане, Инчхоне рабочие, занятые на обслуживании американских военных объектов, провели демонстрацию. Ее участники потребовали улучшения условий труда и повышения вдвое заработной платы.

19 февраля 1961 г. в Сеуле у здания американского посольства произошла антиамериканская демонстрация более 3 тыс. представителей рабочих, обслуживавших американские военные объекты в Сеуле, Инчхоне, Пупхённи и в уезде Пхаджу. На демонстрантов напали полицейские, пустившие в ход дубинки и гранаты со слезоточивым газом.

Протест рабочих против оскорблений со стороны американской военщины находил сочувственный отклик и поддержку южнокорейской демократически настроенной общественности. Их выступления воспринимались как действия в защиту национального достоинства, за освобождение страны от чужеземного хозяйничанья.

В стране обострялись классовые противоречия между трудом и капиталом, росло забастовочное движение. С апреля по сентябрь 1960 г. произошло 485 стачек, в которых участвовало около 340 тыс. человек. Рабочие требовали повышения заработной платы, выплаты задолженности, прекращения произвольных увольнений, введения 8-часового рабочего дня и заключения коллективных договоров. В ходе экономической борьбы рабочие осознавали свои профессиональные интересы, добились частичного улучшения материального положения. Под давлением выступлений рабочего класса буржуазия была вынуждена идти на частичные уступки. 141 стачка из 222, проведенных в последние четыре месяца 1960 г., закончилась полным или частичным удовлетворением требований рабочих. Однако свирепствовавшая в стране инфляция сводила на нет результаты частичных уступок, вырванных отдельными отрядами рабочих.

Для наступления на жизненные права и интересы рабочих предприниматели воспользовались безработицей, которая приняла в Южной Корее невиданные ранее масштабы (безработных и полубезработных насчитывалось несколько миллионов). Ее порождали застой в народном хозяйстве, аграрное перенаселение, пагубные последствия для южнокорейской экономики импорта американских потребительских товаров, капиталистическая «рационализация» производства и др. Безработица обостряла социальные противоречия буржуазного общества, вела к росту нищеты, бродяжничества, преступности, проституции. Преступный мир втягивал в себя все большее число жертв, особенно из среды молодежи. Во второй половине 1960 г. ежедневно фиксировалось в среднем около 1 тыс. преступлений — грабежей, краж, убийств, насилий.

Масштабы безработицы и ее социальные последствия вызывали озабоченность властей. Минджудан не смогла ослабить остроту проблемы, хотя и пыталась это сделать, ибо правительство не располагало достаточными финансовыми возможностями для развертывания отраслей промышленного и иного производства, способного поглотить часть армии безработных.

Изыскивая средства для преодоления экономических трудностей, правительство усилило налоговое обложение. Новый подоходный налог взваливал основную тяжесть платежей на трудящихся и заботливо оберегал интересы крупных собственников. Были снижены ставки обложе-

ния юридических лиц, внешнеторговых операций, недвижимого имущества и т. д. Налоговая политика правительства, носившая ярко выраженный классовый характер, породила массовое недовольство.

Его росту способствовали и неудачные попытки правительства хоть как-то ослабить острый жилищный кризис. Выдвинутый властями план жилищного строительства предусматривал обеспечение жильем к концу 1960 г. около 10 тыс. семей. Эта весьма умеренная программа не была выполнена и на 10%. По данным южнокорейской прессы, в то время в стране не хватало более 1 млн. домов, а более 300 тыс. из имевшихся срочно нуждались в ремонте. Огромная масса трудящихся продолжала ютиться на окраинах городов в сколоченных из досок и кусков жести подобиях жилья, без электричества, водопровода, канализации. Скученность, антисанитарные условия, недоступность медицинского обслуживания приводили к заболеваниям и к высокой смертности обитателей городских трущоб.

Разочарование политикой Минджудан охватывало все более широкие слои населения. Массовое недовольство проявилось в результатах проведенных в конце 1960 г. муниципальных выборов. Минджудан в ходе этих выборов вновь прибегла к посулам, запугиванию, нечестному подсчету голосов. Даже официально было признано свыше тысячи случаев нарушения порядка выборов.

Показателем недоверия правительству явился массовый отказ избирателей от участия в выборах; многие из опущенных бюллетеней оказались либо перечеркнутыми, либо содержали критические замечания в адрес властей. В выборах мэра Сеула и губернаторов провинций приняло участие менее 40% избирателей. В Южной Кёсан на избирательные участки явилось лишь 30% общего числа обладавших правом голоса. Минджудан явно теряла свое влияние на массы, которые утратили веру в ее способность содействовать решению острых социально-экономических проблем.

Правительство Чан Мёна стремилось полнее заручиться содействием США, чтобы с их помощью как-то ослабить социальное недовольство. Однако правительство США вопреки ожиданиям южнокорейской правящей верхушки не пошло на финансирование предложенной ею обширной программы развития южнокорейской экономики. Руководители американской политики, учитывая печальный опыт разбазаривания предоставленной Ли Сынману помощи, решили прежде всего усилить контроль над ее использованием. Под предлогом «унификации» ранее заключенных соглашений 8 февраля 1961 г. было подписано Корейско-американское экономическое и техническое соглашение (вступило в силу 28 февраля того же года). Оно предоставляло американским должностным лицам, в особенности послу в Сеуле, новые возможности для широкого вмешательства в деятельность южнокорейской администрации.

В южнокорейском парламенте в связи с ратификацией этого Соглашения произошли бурные дебаты. В выступлениях некоторых депутатов Соглашение было подвергнуто резкой критике как документ, ущемляющий национальный суверенитет. В его характере усматривалось сходство с «договором о протекторате», навязанном японским империализмом в 1905 г.

Курс правящей верхушки свидетельствовал о стремлении вести страну и далее по дороге подчинения интересам американского империализма. Подписание Соглашения повело к усилению антиамериканских настроений среди различных слоев населения. В ряде городов были созданы комитеты борьбы против Соглашения, куда вошли представители различных оппозиционных партий и общественных организаций. 9 фев-

раля 1961 г. Сахве тэджундан опубликовала заявление, резко осуждавшее американское засилье в Южной Корее. 14 февраля Сахве тэджундан, Минджу хёксиндан и 17 других партий и общественных организаций создали Ханми кёндже кисуль хелчон пандэ кондон тхуджён вивонхве (Комитет совместной борьбы против Корейско-американского экономического и технического соглашения). Комитет, осудив Соглашение как кабальное и унижительное, призвал развернуть против него всенародную борьбу. Состоявшийся в тот же день в сеульском парке «Пагода» многояудный митинг прошел под лозунгом борьбы против Соглашения.

Политическая практика лидеров Второй республики, объявивших демократию идеалом общественного устройства Южной Кореи, носила антидемократический характер. Ее несоответствие с декларациями отчетливо проявилось в представленных в начале марта 1961 г. на утверждение парламента Временном чрезвычайном Антикоммунистическом законе и Законе о контроле над демонстрациями, предоставлявших правительству широкие полномочия для борьбы с забастовщиками, участниками антиамериканских и антиправительственных демонстраций, сторонниками мирного объединения и т. д. Законопроекты вызвали бурю негодования. По всей стране прокатились многояудные митинги и демонстрации протеста; правительство так и не смогло протащить эти законопроекты.

Представители 39 политических партий и общественных организаций создали в Сеуле Комитет совместной борьбы против названных антидемократических законопроектов. По инициативе Комитета в столице 22 марта 1961 г. состоялся митинг протеста, участники которого осудили правительство как неспособное удовлетворить насущные нужды народа и готовящее расправу над демократическими силами. Ораторы призывали свергнуть обанкротившееся правительство. Полиция арестовала многих участников митинга. Вечером того же дня группа демонстрантов устроила сидячую забастовку перед зданием американского посольства. Демонстранты скандировали: «Американские войска, убирайтесь вон!».

24 марта митинг протеста против подготовленных законопроектов произошел в Тэгу. Он закончился факельным шествием, в котором участвовали 30 тыс. человек, представлявших различные слои городского населения.

Важную роль в движении протеста против законопроектов сыграл рабочий класс. Рабочие явились инициаторами и основными участниками демонстраций в Кванджу, Вонджу, Тэгу и в других городах.

Минджудан не смогла выработать новый подход к проблеме объединения страны и по сути дела продолжила внешнеполитическую линию лисынмановской клики (непризнание КНДР в качестве политической реальности, претензии быть «единственно законным» правительством в Корее и единолично представлять всю корейскую нацию, нежелание идти на прямые контакты с КНДР).

И все же правительство Чан Мёна вынуждено было пойти на некоторое приспособление к реальной обстановке, попыталось привести в какое-то соответствие притязания правящих южнокорейских кругов с их возможностями. Это проявилось в отказе от провалившейся доктрины «похода на Север», в намерении несколько сократить бремя военных расходов, уменьшить численность вооруженных сил. Пересмотр некоторых опрокинутых жизнью антикоммунистических догм свидетельствовал о том, что в политике правящей верхушки наметилась тенденция отказа от воинствующего курса в сторону умеренно реалистического.

Коррективы, внесенные правительством Чан Мёна, встречали сопро-

тивление крайне правых сил, реакционно-милитаристских кругов. Армейская верхушка особенно болезненно реагировала на правительственный план некоторого сокращения личного состава армии, чистки вооруженных сил от прислужников лисынмановского режима, увольнения в запас 2213 офицеров. Эти планы воспринимались в ее среде как попытка принизить роль армии в обеспечении надежности государственных устоев режима, как покушение на кастовые привилегии офицерского корпуса. Среди части офицества все более утверждалась мысль о необходимости смещения недееспособного руководства.

События, последовавшие за апрельским восстанием, свидетельствовали, что наличие различных буржуазных партий, их смена у руля правления не меняют реакционного характера государственной политики, что в условиях буржуазной демократии не могут быть удовлетворены коренные требования широких слоев населения — национальная независимость, гарантированная работа, социальное обеспечение, избавление от духовного порабощения. Политика лидеров Второй республики наталкивалась на возрастающую активность масс, которые искали решения волновавших их проблем на путях борьбы за улучшение жизненных условий, углубление демократии, мирное объединение страны. Важным фактором внутривнутриполитической обстановки в Южной Корее стало укрепление и активизация сил, выступавших за достижение единства страны.

Развитие движения за мирное объединение страны

Правление Ли Сынмана, заинтересованного не только в сохранении отживших социально-экономических порядков на Юге, но и в «освобождении» от коммунизма Северной Кореи, существенно ограничивало возможности роста и консолидации сил, проявлявших готовность приступить к решению проблемы объединения мирным путем на демократических началах. Крушение лисынмановской тирании временно позволило демократическим силам в условиях относительной свободы приступить к обсуждению различных аспектов проблемы объединения. Национальный фактор оказал весьма значительное влияние на развитие политического процесса после краха Ли Сынмана.

Учитывая новую обстановку, сложившуюся на Юге, рост стремления народных масс к единству нации и наметившуюся умеренно трезвую тенденцию внутри правящих кругов, Трудовая партия и правительство КНДР, как выше отмечалось, выступили 14 августа 1960 г. с известной инициативой по проблеме объединения.

Правительство Чан Мёна отвергло предложения о конфедерации, показав тем самым свою незаинтересованность в сближении двух частей Кореи. Позиция властей оказалась, однако, очень уязвимой, так как выдвинутые КНДР предложения привлекли в Южной Корее внимание широких кругов. Вокруг них завязалась немыслимая в условиях лисынмановской диктатуры дискуссия по проблеме объединения. Особенно оживленно она происходила в университетской среде и на страницах периодической печати. Национальный момент создавал ту общую основу, которая позволяла, несмотря на различия политических и идеологических воззрений, приступить к обсуждению путей достижения единства страны.

Одобрительное отношение к идее самостоятельного, без вмешательства извне, пути воссоединения родины было выражено в ходе общей студенческой дискуссии, которая состоялась 24 сентября 1960 г. в университете «Корё». Преобладающее большинство участников диспута считали, что необходимой предпосылкой объединения является «вывод всех иностранных войск».

Даже органы печати, являющиеся правоверными, стопроцентными сторонниками капитализма,— газеты «Хангук ильбо», «Тона ильбо», «Чосон ильбо» и др.— в известном смысле отошли от жесткой, враждебной по отношению к КНДР позиции. При всей своей антикоммунистической предвзятости органы буржуазной прессы расценивали инициативу КНДР как проявление заботы о судьбе нации. Несозвучной с официальными установками темой их выступлений стало признание полезности и даже необходимости установления контактов с Севером, прежде всего экономических, что ранее считалось просто непозволительной ересью. Продолжая оставаться на позициях непризнания КНДР как политической реальности, они усматривали в установлении хозяйственных связей с Севером одну из мер, которая могла бы содействовать решению ряда острых экономических проблем, стоявших перед Южной Кореей.

Среди органов печати консервативного толка тон задавал рупор южнокорейских деловых кругов — газета «Саноп кёндже синмун». К проблеме восстановления разорванных в результате раскола страны традиционно сложившихся связей между Севером и Югом этот орган подходил с достаточно определенных классовых позиций. Использование общенациональных ресурсов, по мнению тех, чьи взгляды отражал этот орган, должно было способствовать росту прибылей частнокапиталистического сектора и увеличению масштабов его предпринимательской деятельности.

Хозяева газеты считали оправданным организовать «вне политики» обмен электроэнергией и удобрений, производимых на Севере, на южнокорейские товары — рис, ткани, изделия из резины. С установлением таких экономических контактов связывались надежды на общее оздоровление хозяйственного положения Южной Кореи, на усиление деловой активности и как результат всего этого — на смягчение проблемы безработицы. Более того, отводя аргументы противников всякого сближения с КНДР ввиду якобы возможной опасности «быть поглощенными коммунистическим Севером», газета заявляла, что обмен не таит в себе угрозы «коммунизации» Южной Кореи.

При всем своем классовом своекорыстии сторонники таких взглядов фактически выражали неверие в то, что Южная Корея, будучи всецело привязанной к политике американской помощи, сможет без контактов с Севером выбраться из трясины экономических трудностей. Некоторые органы буржуазной печати прямо указывали на иной, более надежный ориентир — сближение с Севером. Издающаяся в крупнейшем торговом и промышленном городе Пусане газета «Пусан ильбо» аргументировала необходимость объединения страны интересами благосостояния и престижа нации, создания самостоятельной, независимой экономики страны путем слияния в единое целое тяжелой промышленности Севера с легкой промышленностью и сельским хозяйством Юга.

Последовательным пропагандистом идеи мирного объединения страны и наиболее радикальным выразителем взглядов по этому вопросу выступала газета «Минджок ильбо». В выборе такого направления огромная заслуга принадлежала ее патриотически настроенному издателю Чо Ёнсу (1930—1961), «Минджок ильбо» призывала всех корейцев, проникнутых чувством национальной гордости, решительно выступать за самостоятельное мирное объединение страны, добиваться переговоров между Севером и Югом и установления экономических, культурных и прочих связей между двумя частями страны. Чо Ёнсу и его соратники разоблачали политику США в корейском вопросе, показывая, что пребывание войск США в Южной Корее является основной прегра-

дой на пути объединения страны, источником переживаемых южнокорейскими трудящимися бедствий и страданий.

Мысль о необходимости переговоров и контактов с КНДР пробивала дорогу в сознании все большего числа представителей рабочего класса и интеллигенции. В Южной Корее возник ряд организаций, которые стремились добиться национального объединения, хотя пути решения этой задачи понимались ими весьма различно. Организационная и идеологическая слабость рабочего класса привела к тому, что главенствующую роль в создании таких организаций и в формировании их взглядов играли деятели буржуазно-националистического толка. Среди той идейной неразберихи и хаоса, которые вносили эти деятели в движение, все-таки можно уловить основное. С одной стороны, они стремились приглушить проявлявшееся в массах разочарование многими сторонами капиталистической действительности, с другой — делали упор на «опасные» последствия, связанные с социалистическим переустройством южнокорейского общества. Не случайно поэтому лозунги национального возрождения не подкреплялись требованиями радикальных социально-экономических преобразований.

Общая социально-философская концепция, которой придерживалась основная масса участников движения, определяла их представления об устройстве объединенной страны. Большинство верило в возможность создания в объединенной Корее такого общественно-политического строя, который был бы «свободен от крайностей» социализма и капитализма, а власть не имела бы четко выраженного классового характера. В этом сказались иллюзии, надежды и колебания значительных непролетарских масс Южной Кореи, для которых бесспорные преимущества социализма имели известную привлекательность. Эти воззрения содействовали высвобождению части масс из-под влияния идей оголтелого антикоммунизма, считавшего необходимым ликвидировать социализм на корейской земле и добиться единства страны на основе буржуазных право порядков.

Заметное влияние на формирование взглядов участников движения оказала созданная в начале ноября 1960 г. Минджок чаджу ёнмэн (Лига национальной независимости), головной организацией которой стал Сеульский государственный университет. В Лигу вошли также студенты и преподаватели других ведущих университетов столицы. Видную роль в деятельности Лиги играли люди свободных профессий — работники прессы, юристы. Наряду с общедемократическими устремлениями ей были присущи и реакционные тенденции. Последнее выразилось в намерении части буржуазно-националистических деятелей «переубедить Север» в правильности выбора социалистического пути развития.

Активной организацией Лиги являлся Соуль тэхак минджок тхонъиль ёнмэн (Союз национального объединения в Сеульском университете), выступивший за достижение единства нации без вмешательства извне, за контакты, переписку и взаимное посещение Южной и Северной Кореи.

В декабре 1960 г. в Сеуле был создан Минджок чаджу тхонъиль чунан хёбыйхве (Центральный совет по вопросам национальной независимости и единства), заявивший, что целью его деятельности является создание самостоятельного единого государства. Совет выступил за установление в кратчайшие сроки экономических, культурных и прочих контактов с Севером.

Сахве тэджундан предложила обменяться делегациями для взаимного ознакомления, учредить почтовый пункт для обмена корреспонденцией, обменивать товары южнокорейского производства на электроэнер-

гию и удобрения из Северной Кореи. В своем заявлении 3 декабря 1960 г. она подчеркнула, что основная и важнейшая роль в достижении объединения должна принадлежать самой корейской нации. Критикуя несостоятельность утверждений, что войска ООН должны оставаться в Корее до восстановления единства страны, авторы документа указывали, что на деле это означает отказ от объединения Кореи.

9 января 1961 г. в Сеуле возник также Минджок тхонгиль чонсон (Фронт национального единства). Эта организация выступила за то, чтобы представители общественности обеих частей Кореи собрались в условленном месте в нейтральной зоне и создали постоянный орган, который осуществлял бы экономический и культурный обмен, почтовые связи и обмен всевозможными делегациями между Югом и Севером.

За непосредственные переговоры с КНДР, обмен почтой, взаимовыгодную торговлю и т. д. выступила и Сахведан.

Движение за мирное объединение страны охватывало все более широкие слои населения и характеризовалось возраставшей политической активностью его участников.

19 апреля 1961 г., в день первой годовщины апрельского восстания, состоялся 100-тысячный митинг на сеульском стадионе, в котором приняли участие рабочие, студенты, интеллигенция. Митинг прошел под лозунгами: «Долой иностранные силы!», «Хотим независимой объединенной родины!». Участники митинга приняли Декларацию, в которой ответственность за трагическое положение в Южной Корее возлагалась на правительство Чан Мёна. В этот же день Лига приняла решение провести в Пханмунджоме встречу студентов Севера и Юга. Организованная одновременно студентами Сеульского университета демонстрация прошла под лозунгами: «Студенты Севера и Юга, встретимся в Пханмунджоме!», «Немедленно начать обмен почтой!», «Долой иностранные силы!», «Корея принадлежит корейцам!», «Корейский вопрос — руками корейцев!».

4 мая 1961 г. Лига опубликовала заявление, предлагая организовать обмен журналистами между Югом и Севером, созвать научную конференцию и провести ряд дискуссий, наладить творческий обмен в области искусства и науки, совместно проводить спортивные соревнования. Заявление заканчивалось обращением к официальным кругам Южной Кореи и КНДР призывом поддержать эти предложения и способствовать их осуществлению.

В КНДР Чосон хаксэн вивонхве (Студенческий комитет Кореи) и Чосон минджу чхоннён тонмэн (Демократический союз молодежи Кореи) поддержали заявление Лиги и высказались за проведение переговоров в Пхеньяне. От имени этих организаций в адрес Сеульского университета было направлено соответствующее приглашение. Компетентные органы КНДР заявили, что южнокорейским студентам, прибывшим в Северную Корею, будет гарантирована личная безопасность, свобода передвижения и созданы все необходимые удобства.

13 мая в Сеуле состоялся съезд сторонников национального возрождения и проведения студенческой встречи. На съезде было принято решение совершить марш в Пханмунджоме.

13 мая на сеульском стадионе участники массового митинга высказались за студенческие переговоры с целью ускорения национального объединения, а затем, построившись в колонны, направились по главному проспекту столицы к зданию правительства. Они скандировали лозунги: «Приходите к нам на Юг!», «Встретимся в Пханмунджоме!», «Не мешайте объединению!».

Повышение удельного веса и политической роли трудящихся масс

во всех этих событиях внушали серьезные опасения правящим кругам Сеула и их заокеанским покровителям. Они не могли игнорировать активизацию борьбы трудящихся масс за расширение демократии, за влияние на политическую жизнь страны, за улучшение жизненных условий и единство страны, за рост антиамериканских настроений и симпатий к КНДР. Эти факторы оказывали непосредственное воздействие на буржуазных политиков и идеологов, особенно на милитаристские круги. Возраставшая роль народных масс в политическом процессе, неустойчивость правительства Чан Мёна, его неспособность проводить действительную политику побуждали военную верхушку искать свой выход из положения. Она все более склонялась к мысли о необходимости смещения обанкротившегося руководства и замены его «твердой властью».

**ВОЕННАЯ ХУНТА У ВЛАСТИ
(1961—1963)****Государственный переворот 16 мая 1961 г.**

Из событий, последовавших за крахом лисынмановского правления, южнокорейская правящая верхушка сделала свои выводы — о ненадежности господства в условиях парламентского режима. Обострение противоречий в экономической, социальной и идейно-политической сферах усиливало тягу южнокорейских правящих кругов к установлению военной диктатуры. Ударной силой местной и империалистической реакции стала наиболее черносотенно настроенная часть южнокорейской военщины, группировавшаяся вокруг генерал-майора Пак Чонхи (род. в 1917 г.) — заместителя командующего 2-й армией.

Пак и его окружение в годы второй мировой войны прошли школу выучки японской военщины и участвовали в грабительских походах императорской армии. После разгрома японского империализма эти люди, обладая военным опытом и готовностью принять участие в новых авантюрах, привлекли к себе внимание представителей американских оккупационных войск как наиболее подходящие кадры для развертывания южнокорейских вооруженных сил. Пройдя переподготовку в американских центрах и школах, они составили командный костяк так называемой армии национальной обороны. Некоторые из них, занимая ключевые посты в различных органах разведывательной службы, поддерживали тесные контакты с американским ЦРУ. Это ведомство оказало заговорщикам деятельную поддержку в подготовке операции, которая должна была привести к установлению открытой военной диктатуры. Таким образом, США непосредственно вмешивались в решение коренных проблем общественной жизни в критические моменты развития буржуазного южнокорейского государства.

Неразрывная связь идейно-политического кризиса правящей верхушки с ее стремлением изменить тактику наглядно проявилась в поведении президента республики Юн Босона, который оказался соучастником заговора.

В условиях нарастающих экономических трудностей, банкротства Минджудан, неспособности правительства Чан Мёна удержать контроль над ходом событий Юн Босон ухватился как за якорь спасения за выдвинутый лидерами военщины метод «оздоровления» общества. Классовые интересы объединили усилия таких, казалось бы, далеких и не схожих на первый взгляд людей, как Юн Босон, пользовавшийся репутацией умеренного деятеля, и реакционного офицерства с присущим ему национализмом, отрицанием демократических институтов, обоснованием вождизма и крайних форм антикоммунистической политики. Лидеры военщины и Юн Босон полюбовно договорились о том, что и после осуществления переворота Юн останется на посту президента¹.

Кризисные явления внутривластной жизни страны усиливали

среди промышленных и финансовых кругов тенденцию делать ставку на «сильную личность», которая бы «навела порядок». Даже то небольшое, что стало достоянием гласности, указывает на непосредственную заинтересованность этой наиболее влиятельной и экономически могущественной силы в смене формы правления. Показательно, что часть средств (8,6 млн. хван) на осуществление переворота заговорщики получили от бизнесмена, имя которого не было названо.

Подготовка переворота вопреки широко распространенной в буржуазной историографии трактовке отнюдь не была изолированным явлением, ограниченным узкими рамками деятельности части южнокорейского офицерства. Нити антидемократического заговора тянулись к высокопоставленным официальным лицам Второй республики, представителям крупного бизнеса, органам американской разведывательной службы.

Свое выступление мятежные генералы начали в ночь с 15 на 16 мая. На их стороне действовали 1-я бригада морской пехоты, части 30-й и 33-й пехотных дивизий, парашютисты. Правительственные войска практически не оказали какого-либо сопротивления направлявшимся в Сеул частям, если не считать незначительной стычки с охраной на мосту через р. Ханган. Прибывшие в столицу подразделения беспрепятственно устанавливали контроль в ключевых пунктах, захватывали важные правительственные и государственные учреждения.

Созданный из числа старших офицеров так называемый Военно-революционный комитет (вскоре он был переименован в Высший совет государственной реконструкции — ВСГР) заявил утром 16 мая об успешном осуществлении «военной революции».

Хунта ввела военное положение, что было одобрено президентом Юн Босоном, распустила Национальное собрание, все политические партии и общественные организации, запретила проведение митингов и демонстраций, закрыла многие газеты и журналы, ввела строжайшую цензуру. Успеху «бескровного переворота» во многом содействовала позиция президента, который через доверенное лицо, использовавшее специальный самолет, направил в штабы корпусов и дивизий указание не только не оказывать сопротивления мятежным генералам, а, наоборот, поддерживать их. Это указание привело к тому, что многие лояльно настроенные к правительству офицеры не решились выступить в его защиту.

Поведение премьер-министра Чан Мёна также содействовало успеху заговорщиков. Получив по телефону сообщение о начавшемся военном путче, он с супругой и личным секретарем поспешно покинул свою резиденцию. Два дня Чан Мён отсиживался в укромном месте, а затем, прибыв в штаб-квартиру хунты, заявил о своем отречении от власти. Впоследствии Чан Мён неоднократно в публичных заявлениях призывал к сотрудничеству с военными главарями в создании сильного национального государства. Южнокорейская буржуазия (равно как и всякая другая) выступает сторонницей буржуазно-демократических свобод и «законности» до тех пор, пока ей это выгодно. Но как только происходит обострение классовой борьбы и трудящиеся в большей мере используют в своих интересах буржуазно-демократические свободы, она отрешивается от провозглашенных ею демократических прав, нарушает и попирает ею же введенную законность, творит насилие над народом. Лидеры Второй республики, которые широковещательно объявляли себя приверженцами атрибутов «либеральной демократии», фактически приняли участие в расчистке пути для утверждения военной диктатуры. Наличие в условиях Второй республики многопартийной системы (что выдается

буржуазными идеологами за признак демократизма вообще) отнюдь не стало гарантией против разгула политической реакции. Практическая линия южнокорейской буржуазии еще раз подтверждает правильность ленинского положения о двух тактиках политического господства буржуазии.

Указывая на переплетение двух традиционных методов господства буржуазии, В. И. Ленин писал: «На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод „либерализма“, шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»².

Эволюция южнокорейского режима в сторону тоталитаризма зависела не только от усилий правящих кругов Сеула и их американских покровителей, но и находилась в причинно-следственной связи со слабым сопротивлением трудящихся масс.

Вылазка военщины не встретила отпора трудящихся, которые не были готовы к такому неожиданному повороту событий и не располагали достаточными возможностями для предотвращения крайне реакционных тенденций в политике правящего класса. В резко изменившейся обстановке, когда речь пошла о замене парламентского режима военной диктатурой, диалектика борьбы требовала круто изменить фронт борьбы и выступить в защиту свобод, провозглашенных Второй республикой, хотя эти свободы, естественно, носили формальный и лицемерный характер.

В. И. Ленин писал: «В капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства»³. Разоблачая ограниченный характер буржуазной демократии, В. И. Ленин вместе с тем доказывал объективную необходимость ее защиты со стороны рабочего класса и всех трудящихся в условиях наступления реакции. Такая защита действительно необходима как в борьбе за ближайшие цели, так и в интересах лучшей организации для борьбы за победу социализма. Условия парламентского режима Второй республики представляли трудящимся большие возможности для организации сил и давления на правительство. Однако демократические силы вследствие разобщенности, слабой организованности, отсутствия политически опытного руководства не проявили способности к повороту, когда в этом назрела необходимость.

Важным внешнеполитическим фактором успеха переворота явилась позиция правящих кругов США. Южнокорейская военщина сразу обрела поддержку американского правительства. 19 мая 1961 г. представитель государственного департамента, комментируя происшедшие в Южной Корее события, заявил, что переворот совершен антикоммунистическими и патриотическими офицерами, и выразил им свою поддержку. 20 мая американское посольство в Сеуле заявило, что правительство США признает установленную военными власть.

В то же время американские официальные представители неоднократно подчеркивали свое одобрительное отношение к обещанию, сделанному военными лидерами в день переворота: передать власть в руки гражданских лиц после выполнения «задач революции». Выражая приверженность к «представительным» формам правления, американское руководство стремилось вывести из-под обстрела критических выступлений свою политику как в самих США, так и в Южной Корее, избежать

трудностей, вытекающих из безоговорочного покровительства военной диктатуре.

Появление на политической авансцене реакционной военщины не было случайным, а стало следствием проводимой правящими кругами США и Южной Кореи политики милитаризации, наращивания военной мощи. Эти процессы, неразрывно связанные с развитием капитализма, с самой сущностью южнокорейского государства, неизбежно вели к возвышению касты профессиональных военных, к увеличению их влияния на все стороны деятельности правящих кругов. Развитие этих тенденций делало объективно возможным захват военными власти и установление тотальной диктатуры. Используя военщину, империализм и внутренняя реакция стремились найти выход из обострившихся противоречий в стране на путях реакционной политики, предусматривавшей отказ от демократии парламентского типа в пользу авторитарных форм правления. Буржуазная демократия Второй республики сама по себе не дала гарантий против эволюции в сторону открытой диктатуры. Государственный переворот в Южной Корее и последовавшие за ним мероприятия еще раз продемонстрировали реакционную роль милитаризма, который был использован для поддержания и упрочения классового господства буржуазии. Приход военщины к руководству страной был связан с кризисом буржуазных партий, не способных справиться с подъемом демократического и рабочего движения, удержать массы от активных выступлений в пользу мирного объединения.

Усиление политической реакции после государственного переворота

Пришедшие к власти в результате переворота военные лидеры взяли в свои руки разработку и осуществление государственной политики. Важнейшей целью они считали укрепление существующего режима и подавление активности трудящихся.

Выступив под флагом антикоммунизма и национализма, они прибегли к более замаскированной апологии капитализма и к искусному затушевыванию классово-сущности политических явлений. Присвоив единоличное право на истолкование общественных процессов, они окрестили государственный переворот и последовавшие за ним мероприятия «военной революцией». Примечательно, что эта характеристика, извращающая понятие революции, прочно вошла в обиход как буржуазной южнокорейской, так и американской общественно-политической литературы.

Несостоятельность этой оценки сразу же обнаруживается при ее сопоставлении с марксистским критерием революции. В этой связи уместным представляется привести ленинскую постановку вопроса. В. И. Ленин писал, что «переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»⁴.

Переворот, совершенный южнокорейскими военными лидерами, не ставшими целью преобразовать существовавшую социальную структуру в какую-то иную, не может поэтому рассматриваться в качестве революции. Он не привел к переходу власти и средств производства в руки другого класса. Произвольное манипулирование разными по своему общественному значению явлениями как раз и должно было служить завесой для осуществления цели, прямо противоположной революции,— с помощью контрреволюционного насилия пресечь процесс развития исторически прогрессивных тенденций в Южной Корее.

Представители военной группировки прибегли к этому демагогическому приему не только для того, чтобы скрыть свое подлинное лицо. Они были вынуждены учитывать социально-психологические особенности массового сознания. При разработке своих установок и схем они не могли не считаться с широко распространенными настроениями, свидетельствованными о глубоком кризисе южнокорейского общества,— брожением масс, осознанием ими невозможности жить по-старому, постоянным ростом социального недовольства, пониманием дальнейшего отчуждения государства как силы, стоящей над обществом и действующей в интересах привилегированной верхушки. Ярко выраженные кризисные явления побуждали военных лидеров совершенствовать методы маскировки, усиливать социальную демагогию. Отсюда — стремление военных лидеров предстать перед массами носителями государственной воли, некоей «внепартийной», «надклассовой силой», которая якобы руководствуется общими интересами нации. Свое внешне обособленное положение как профессиональных военных они использовали для усиления ложного, но очень живучего представления о будто бы самостоятельности и независимости армии от политики.

Сообразно ленинской постановке вопроса, армия — не особый класс и не какая-то надклассовая сила, а орудие определенного класса. «Во всяком классовом обществе,— писал В. И. Ленин,— будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде,— угнетающий класс бывает вооруженным»⁵. В. И. Ленин подчеркивал: «Войско не может быть, никогда не было и никогда не будет нейтральным»⁶.

События, связанные с военным переворотом, показывают, что южнокорейская армия не только не являлась нейтральной, но активно втягивалась в политическую жизнь как наиболее организованная сила, она была использована для обновления методов политического и идеологического воздействия на массы.

В целях укрепления режима хунта привлекла развенчанную марксистско-ленинской теорией концепцию, изображающую вмешательство государства в экономическую и духовную жизнь общества в качестве заботы об общем благе. Трактую институт государства как механизм, служащий интересам всех, идеологи хунты усиленно поддерживали мелкобуржуазное представление о государстве как якобы надклассовой категории, призванной содействовать совершенствованию буржуазного общества.

Для «совершенствования и обновления» страны хунта предприняла существенную перестройку в системе государственного механизма. Эта перестройка была проведена на основе Закона о чрезвычайных мероприятиях по реконструкции государства, опубликованного 6 июня 1961 г. Это был свод директив, заменивших конституцию. Залогом обеспечения реконструкции считалось сохранение строжайшего тоталитарного режима. В Законе было заявлено, что до выполнения «задач революции» изменения в политической жизни не будут допущены.

В качестве верховного органа правления Закон определял Высший совет государственной реконструкции, который наделялся абсолютной властью — административной и законодательной; он контролировал органы юстиции, исполнение бюджета и т. д. Членами ВСГР могли стать от 20 до 32 офицеров действительной службы, «преданных идеям военной революции».

Закон предусматривал создание кабинета министров, но не наделял его правом принимать самостоятельные решения. Кабинет министров должен был работать под контролем ВСГР, согласовывая с ним свои действия. Установленная процедура формирования кабинета была та-

кова: ВСГР назначал премьер-министра, который с одобрения ВСГР назначал членов правительства. ВСГР с одобрения $\frac{2}{3}$ голосов своих членов мог принять отставку всего кабинета.

Огромная концентрация власти в руках узкой группы бесконтрольно действовавших лиц сопровождалась созданием и ростом новых разведывательных организаций и увеличением их значения в системе органов государства. Среди них особо важное место было отведено созданному на основе закона от 10 июня 1961 г. Центральному разведывательному управлению (ЦРУ), которое возглавил один из инициаторов переворота, профессиональный разведчик, полковник Ким Джонпхиль. Помимо организации шпионско-диверсионной деятельности против Корейской Народно-Демократической Республики ЦРУ развернуло тотальную слежку за южнокорейскими гражданами. Разветвленная сеть сотрудников Управления занялась выявлением инакомыслящих в государственном аппарате, на частных предприятиях и в учреждениях, в учебных заведениях, армейских частях, органах правящей партии.

В начале 1962 г., т. е. за год до того, как власти официально разрешили политическую деятельность⁷, Ким Джонпхиль и его сподвижники тайне приступили к созданию партии, которая должна была отразить устремления пришедших к власти лидеров и служить одной из массовых опор режима. Такая партия формально появилась на свет в феврале 1963 г. под названием Минджу конхвадан (Демократическая республиканская партия). Так как у истоков возникновения этой организации стояли люди из ЦРУ, то они утвердились и в руководстве партийного аппарата, играя на первых порах значительную роль в его деятельности. Ким Джонпхиль сколотил из своих приверженцев фракцию, получившую название «основное течение». Его стремление монополизировать власть в партии, добиться возвышения партии над государством, сращивания партийного и государственного аппарата наталкивалось на все более успешное противодействие сторонников Пак Чонхи. Последние считали, что партия не должна выступать орудием власти и управления, которые остаются прерогативой бюрократического государственного аппарата. Минджу конхвадан не сыграла существенной роли в политическом механизме Южной Кореи. Ее деятельность ограничилась в основном задачами идейного и политического воздействия на массы, проведения избирательных кампаний.

В организацию, сколоченную военными, наряду с участвовавшими в перевороте офицерами вошли и представители интеллигенции из университетских кругов, прессы, а также «старые силы» — политические деятели из Чаюдан и Минджудан. Хотя массовую базу партии составляют представители различных общественных слоев (партия насчитывает 1,5 млн. членов), на ее деятельность оказывает огромное влияние финансирующий ее большой бизнес.

Усиление политической реакции, развернутой под знаменем антикоммунизма и национализма, характеризовалось ликвидацией остатков буржуазно-демократических свобод. Свою практику лидеры военщины пытались подкрепить «теоретическим» обоснованием. Сформулированная Пак Чонхи теория «административной демократии» опиралась на тезис об оправданности всеподавляющей власти государства как якобы неизбежном и закономерном результате развития общества. Теория «административной демократии» была призвана обосновать неизбежность всемерного усиления государства, ликвидацию остатков буржуазно-демократических свобод, отстранение трудящихся от участия в политике, дальнейшую милитаризацию и бюрократизацию всей общественно-политической жизни страны. Сообразно установкам этой «тео-

рии», извращавшей сущность демократии, государство должно осуществлять полицейский, военно-бюрократический контроль над личностью и всеми областями общественной жизни.

Для насильственного подавления организаций, выступавших за единство страны, удушения прогрессивных сил, ликвидации демократических институтов военные лидеры сфабриковали ряд юридических актов, расплывчатые статьи которых позволяли подвергнуть наказанию любое неудобное режиму лицо. Среди этих актов особое место заняли Специальный закон о наказании за особые преступления (22 июня 1961 г.), Временный специальный закон о наказании особых преступлений (1 июля 1961 г.), Антикоммунистический закон (3 июля 1961 г.).

Они наделялись обратной силой, т. е. позволяли карать за действия, которые в момент их совершения не считались преступными. Южнокорейские власти развернули наступление не только против рабочих, прогрессивно настроенных интеллигентов, но и против буржуазных деятелей.

К судебной ответственности по обвинению в антигосударственной деятельности были привлечены семь лидеров Сахве тэджундан. Их обвинили в том, что они настаивали на проведении переговоров между студентами Юга и Севера, выступали за обмен экономическими, культурными и спортивными делегациями обеих частей страны, против американо-южнокорейского экономического соглашения, протестовали против Антикоммунистического закона и закона о демонстрациях.

Лидеры Сахве тэджундан были приговорены к тюремному заключению на срок от 12 до 15 лет. Столь же сурово расправились и с руководителями Сахведан, а заведующий организационным отделом этой партии Чхве Бэккын был казнен. Лидеров Минджу хёксиндан суд приговорил к различным срокам тюремного заключения — от 5 до 15 лет.

На основе обвинений в приверженности идее объединения лидеры и активисты Минджок чаджу тхонъиль чунан хёбыйхве, Соуль тэхак минджок тхонъиль ёнмэн, профсоюза учителей и других организаций были арестованы. 21 декабря 1961 г. по приговору военного трибунала был казнен Чо Ёнсу, директор издательства газеты «Минджок ильбо», два его ближайших помощника присуждены к пожизненному заключению, а другие сотрудники газеты — к длительным срокам каторжных работ. С журналистами расправились за то, что они через свою газету пропагандировали идею объединения страны, призывали к пересмотру враждебных КНДР политических догм и к трезвой оценке достижений северян.

За поддержку идеи мирного объединения был убит в тюрьме видный буржуазный экономист Ли Хунгу (1896—1961).

Военные власти бросили в тюрьмы около 20 тыс. активных сторонников объединения. Разгромленные военщиной партии по своей природе и составу были мелкобуржуазными. Их ликвидацией рассчитывали предотвратить рост организованности мелкой городской буржуазии, ее дальнейший сдвиг влево. Террор военщины имел в виду положить конец прогрессирувавшему высвобождению мелкобуржуазных слоев из-под контроля крупной буржуазии, пресечь опасные, с ее точки зрения, тенденции, проявленные этими слоями, — рост антиимпериалистических устремлений, тягу к национальному единству, требования обновить социально-экономические порядки.

Расправы над демократически настроенными лицами вызвали в широких массах крайне неблагоприятную для хунты реакцию. Тогда ее заправили постарались переключить внимание масс на другие широко разрекламированные судебные процессы. Хунта предала суду и нака-

зала часть отъявленных приспешников лисынмановского режима — лиц, ответственных за фальсификацию выборов в марте 1960 г., виновников кровавых расправ над студенческими демонстрациями во время апрельских событий, пойманных с поличным казнокрадов.

Военные лидеры ответили на борьбу трудящихся за свои права усилением социальных функций государства. Активное вмешательство государства во взаимоотношения между трудом и капиталом проявилось в издании специального декрета, который запрещал проведение забастовок, объявленных вне закона. Государство взяло на себя также контроль за заработной платой, усилило преследование рабочих функционеров и активистов, широко использовало черные списки.

Военные лидеры стремились поставить под контроль государства не только политическую и экономическую, но и духовную жизнь страны. Этой цели, в частности, должно было служить «движение за национальную реконструкцию». Его начало положил закон, изданный 9 июня 1961 г.

Установки «реконструкции» предполагали ликвидацию технико-экономической отсталости, подъем производительных сил, а также увеличение и перераспределение потребления (разумеется, менее всего в интересах трудящихся). Хотя осуществление «реконструкции» не всегда приносило желаемые руководству результаты, оно тем не менее способствовало развитию современного капитализма, углубляло его государственно-монополистический характер, вело к росту концентрации и централизации производства и капитала.

Штаб движения, действуя под руководством ВСГР, направлял деятельность широко разветвленной системы организаций на предприятиях, учреждениях, учебных заведениях и т. д. Руководители и активисты местных организаций в соответствии с установками военных властей проводили идеологическую обработку масс в антикоммунистическом духе и осуществляли различного рода практические мероприятия.

Наиболее нетерпимой формой «движения» явилось создание военизированных команд, которые мало чем отличались от практики нацистской Германии с ее «трудовыми батальонами». Власти утверждали, что одной из целей такой мобилизации трудовых ресурсов, использованных на «общественных объектах» — строительстве дорог, ирригационных сооружений и т. д., — являлось стремление уменьшить безработицу в стране. Молодые люди, загнанные в эти команды, содержались на казарменном положении, работали под надзором демобилизованных офицеров, насаждавших суровый режим и жесткую дисциплину. За свою тяжелую работу рабочие команд фактически не получали вознаграждения — им предоставлялись лишь униформа, скудный рацион и место в бараке. Эта форма «движения за национальную реконструкцию» из-за противодействия трудящихся довольно скоро прекратила свое существование.

Насилие — основное средство воздействия на массы при любых формах южнокорейского государства — заняло особенно большое место в условиях военной диктатуры. Рост организованного государственного насилия проявился прежде всего в форме массового террора и репрессий против трудящихся, демократически настроенных лиц, в подавлении всех сил оппозиции. Внутри государственного механизма на первый план выдвинулись армия, разведка, тайная полиция. Контроль государства приобрел характер всеобщего подавления гражданских прав и свобод граждан.

Однако тенденция к тоталитаризму, усиление реакции по всем линиям сталкивались с противоположающейся тенденцией — со стремлением масс к демократии.

ТРЕТЬЯ ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА (1963—1970)

Создание Третьей республики

Антагонизм, присущий буржуазному обществу, отражался в политическом процессе, происходившем после установления военной диктатуры. Усиление реакции по всем линиям вызывало отпор со стороны масс. Столкновение двух противоборствующих тенденций прослеживается в борьбе, завязавшейся вокруг вопроса о передаче власти гражданским лицам.

Хотя военные лидеры и обещали передать к лету 1963 г. власть гражданским лицам, они вовсе не собирались добровольно ее уступить. Готовя себе благоприятные позиции, военные руководители постарались сузить круг претендентов на власть из числа гражданских деятелей.

16 марта 1962 г. хунта издала Закон об упорядочении политической деятельности, который запрещал членам ранее существовавших 40 партий и организаций заниматься в течение шести лет политической деятельностью. Опубликованный в конце марта список, в который попало более 4 тыс. фамилий, включал не только лиц, отнесенных к «прокоммунистическим партиям» (Сахве тэджундан, Сахведан, Хёксиндан и т. д.), но и деятелей явно консервативного толка, входивших в такие партии, как Чаюдан, Минджудан и Синминдан. В этот список попали также члены разогнанного хунтой Национального собрания, министры свергнутого правительства Чан Мёна и ряд других неугодных офицерской верхушке лиц.

Закон вызвал среди старых политических деятелей негодование и протесты. Военные власти, стремясь ослабить недовольство «нечестных старых руководителей», несколько раз объявляли о восстановлении в правах консервативных деятелей, попавших в черный список.

Военные лидеры постарались всемерно усилить исполнительную власть. С этой целью они развернули кампанию, добиваясь пересмотра конституции.

17 декабря 1962 г. в Южной Корее был проведен референдум по новой конституции, подготовленной военной хунтой и обнародованной в начале ноября того же года. Конституция вступила в силу через год.

В ней отразилось стремление всемерно усилить режим личной власти; президент был наделен самыми широкими полномочиями: правом формировать кабинет, назначать премьер-министра и других должностных лиц, заключать и ратифицировать договоры, объявлять войну и заключать мир, выступать в роли главнокомандующего вооруженными силами, решать вопросы о помиловании и смягчении наказания, производить награждения и т. д. По конституции 1962 г. президент избирался прямым голосованием сроком на четыре года. Кандидата в президенты должна была выдвинуть политическая партия, членом которой он является. Национальное собрание стало однопалатным (число его чле-

нов — не менее 150 и не более 200). Желающего выступить в качестве кандидата в члены Национального собрания должна была выдвинуть партия, в которой он состоял. В Национальное собрание избирали прямым голосованием сроком на четыре года.

Как только в начале 1963 г. была разрешена политическая деятельность, буржуазные политиканы из числа старых деятелей приступили к сколачиванию партий, намереваясь от их лица претендовать на власть. Они полагали, что введение гражданского правления предоставит им возможность заменить военных деятелей в государственном руководстве.

Но такая перспектива явно не устраивала хунту, и она решила остаться на прежних позициях открытой военной диктатуры. 16 марта 1963 г. Пак, выступая по радио и телевидению, заявил, что страна еще «не созрела» для гражданского демократического правления, а главное, объявил о продлении срока военного правления на четыре года и отмене выборов. Одновременно вновь было введено чрезвычайное положение и запрещена политическая деятельность.

Это решение вызвало возмущение широких кругов южнокорейской общности. Студенты выступили застрельщиками антиправительственных демонстраций в Сеуле, а затем в Тэгу, Чхунхоне, Квапджу, Тэджоне, Пусане, Мокпхо. 23 марта в Сеуле демонстранты несли лозунги: «Долой военную хунту!», «Правление хунты — трагедия для народа!», «Требуем передачи власти гражданской администрации!».

На решение хунты обрушились старые консервативные политиканы — Юн Босон, Хо Джон, Ли Бомсок, Пён Ёнтхэ, Ким Доён и др., стремившиеся перехватить власть.

Решение хунты, не согласованное с Вашингтоном, вызвало недовольство в правящих кругах США и президента Дж. Кеннеди. Администрация Кеннеди, неоднократно выражавшая убеждение, что хунта в намеченный срок передаст власть гражданским лицам, сочла невозможным поддержать план военных заправил, ибо опасалась роста активности народных масс и новых политических потрясений в стране. В отличие от хунты, которая считала открытую военную диктатуру наилучшей гарантией укрепления режима, администрация Кеннеди с той же целью делала упор на «представительное правление». Поэтому американское руководство довольно определенно поставило вопрос о необходимости введения гражданского правления, проведения выборов президента и в Национальное собрание.

Наращение протестов в стране и обусловленная этим позиция США вынудили южнокорейских правителей отказаться от плана продления военного режима и изыскивать иные возможности для удержания власти. В конце августа 1963 г. состоялся съезд Минджу конхвадан, который выдвинул Пак Чонхи, ушедшего накануне с действительной военной службы, в качестве кандидата партии на пост президента. Главную цель руководители партии усматривали в том, чтобы одержать победу сначала на президентских, а затем и на парламентских выборах 1963 г.

Основным соперником Минджу конхвадан выступила Минджондан (Партия демократического правления) во главе с Юн Босоном.

Результаты состоявшихся 15 октября 1963 г. президентских выборов были таковы: Пак Чонхи получил 4 702 640 голосов (42,6%), Юн Босон — 4 546 614 (41,2%), три других кандидата получили в общей сложности 827 944 голоса. Пак выиграл на выборах потому, что оппозиция действовала разобщенно, сделав ставку на нескольких кандидатов. Однако он получил только незначительное преимущество — всего на 156 тыс. голосов больше, чем Юн Босон.

Переверс Паку создали голоса избирателей в сельскохозяйственных

районах. Он получил 3136 тыс. голосов в сельской местности против 2331 тыс. голосов, отданных Юн Босону. Военные правители, учитывая социальную структуру южнокорейского общества, в которой преобладающее большинство принадлежало крестьянской массе, сразу же после прихода к власти провели ряд мер, рассчитывая на привлечение симпатий деревни и на расширение там своего влияния. Государство взяло на себя часть крестьянской задолженности ростовщикам, выдвело кредиты на ведение сельского хозяйства. Эти меры, несмотря на их ограниченность и непоследовательность, были встречены сочувственно.

В городах Пак проиграл, получив 1150 тыс. голосов против 1999 тыс. голосов, отданных Юну (37:63). В этом проявилась антипатия к Паку средних городских слоев, а также рабочих.

На настроениях в городах сказался рост дороговизны, массовая безработица, острый недостаток жилищ, политические неурядицы, застой в экономике.

Как в ходе президентских выборов, так и во время выборов в Национальное собрание представители Минджу конхвадан опирались на поддержку бюрократического аппарата и полиции, которые при существующем порядке вещей не могут оставаться нейтральными в партийной политике. Вследствие чрезвычайной централизации государственного правления (она проявляется, в частности, в том, что мэры Сеула, Пусана и губернаторы провинций назначаются президентом, а мэры других городов и главы местных органов управления — премьер-министром) многоступенчатая лестница чиновников, особенно на местах, прямо заинтересована в успехе представителей проправительственной партии. Чтобы сохранить свое привилегированное положение, этот многочисленный отряд чиновничества прилагал все силы, добиваясь избрания кандидатов Минджу конхвадан.

На состоявшихся 26 ноября 1963 г. парламентских выборах Минджу конхвадан набрала 3 112 985 голосов (33,5%), Минджондан — 1 870 976 (20,2%), Минджудан — 1 264 285 (13,6%), Кунминьдан (Партия народа) — 822 тыс. (8,8%), Чаю минджудан (Либерально-демократическая партия) — 752 026 (8,1%). Остальные семь партий, принявшие участие в выборах, собрали в общей сложности 1 476 907 голосов (15,7%), но в Национальном собрании им не досталось ни одного места.

Согласно положениям избирательного закона ни 175 оспариваемых мест 131 место в Национальном собрании подлежало распределению между кандидатами от избирательных округов (по одному кандидату от каждого из 131 избирательного округа), а остальные 44 места должны были поделить ведущие партии (пропорционально полученному числу голосов). Такая система распределения парламентских мандатов привела к тому, что Минджу конхвадан получила 110 мест, Минджондан — 41, Минджудан — 13, Кунминьдан — 9, Чаю минджудан — 2. В результате на долю Минджу конхвадан досталось 63% мест в Национальном собрании, хотя собрала она только около 34% общего числа голосов, оппозиция же, несмотря на то что располагала 66% голосов на выборах, в парламенте получила только 37% мест.

Государственный департамент США официально приветствовал как президентские выборы, так и выборы в Национальное собрание. В связи со вступлением Пака в должность президента Л. Джонсон направил ему поздравительную телеграмму, в которой выразил уверенность, что отношения между США и Южной Кореей будут в дальнейшем укрепляться.

17 декабря 1963 г. в Сеуле состоялась церемония провозглашения Третьей республики. Было объявлено, что ее создание положило конец режиму военной власти, продолжавшемуся два года и семь месяцев, и

возвратило страну к конституционной форме правления. После церемонии состоялось открытие вновь избранного Национального собрания. В тот же день приступил к своей деятельности сформированный накануне гражданский кабинет. Почти все лица, вошедшие в кабинет, являлись сподвижниками Пак Чонхи.

Лидеры Третьей республики уделили огромное внимание укреплению государственного аппарата за счет кадров, прошедших, как правило, армейскую школу и лично преданных Паку. Его сторонники утвердились во всех звеньях государственного аппарата, особенно в ведущих учреждениях — военном и внешнеполитическом ведомстве, суде, прокуратуре, полиции, органах разведки и пропаганды.

Усиление исполнительной власти и рост бюрократического государственного аппарата обусловлены прежде всего стремлением буржуазии полнее использовать государство для активного отстаивания своих интересов в борьбе против трудящихся. Наряду с важнейшей функцией охраны данного способа производства постоянно возрастает значение и других функций государства. К их числу относится регулирование хозяйственной деятельности, ведущее к росту соответствующих звеньев государственного механизма. Среди них важную роль стало играть Управление экономического планирования, занятое составлением долгосрочных программ развития, приспособлением к требованиям научно-технической революции, определением объектов приложения местного и иностранного капитала, координацией усилий по созданию крупных промышленных, гидротехнических и иных комплексов.

Регулирование экономики, содействие развитию производительных сил осуществляется прежде всего в интересах крупного капитала. Прямое и непосредственное влияние на политику правительства оказывает созданная в июле 1961 г. Хангук кёнджеин хёпхве (Ассоциация корейских предпринимателей)¹, насчитывающая 145 компаний и 31 предпринимательское объединение. Ассоциация представляет правительству рекомендации по важным вопросам экономической деятельности, ведет изучение хозяйственной конъюнктуры в стране и за рубежом, проводит обмен экономическими и торговыми миссиями с другими странами с целью изучения рынков и содействия экономическому сотрудничеству, поощряет деловые встречи с представителями заинтересованных государств.

Южнокорейская крупная буржуазия, используя государство в борьбе за свои экономические, политические и духовные интересы, стремится оказать решающее влияние на все южнокорейское общество — на формы и масштабы распределения материальных благ, идеологию, культуру, мораль. Это влияние проводится через весь механизм политической системы, включающий партию, объединения крупного капитала, буржуазную печать, проправительственные профсоюзы.

За фасадом гражданского правления остался все тот же реакционный режим с его бесправием и нищетой для трудящихся масс. Его руководители продолжали следовать курсом антинародной политики. Но этот курс встречал сопротивление трудящихся.

В конце 1963 — начале 1964 г. заметно оживилась борьба рабочего класса за свои насущные интересы. С требованиями повысить заработную плату, улучшить условия жизни, ликвидировать реакционное, антирабочее законодательство выступили железнодорожники, шахтеры, докеры, ткачи, полиграфисты, работники торговых и иных предприятий. В этих выступлениях участвовало почти 150 тыс. человек. Всего в 1964 г. произошло 126 трудовых конфликтов, в которых приняли участие 207,4 тыс. человек.

С марта 1964 г. началась серия антиправительственных выступлений в Сеуле и в других городах. Их питало массовое недовольство безработицей, ростом дороговизны, нехваткой продовольствия и жилищ, коррупцией в высших сферах бюрократической иерархии. В начале июня демонстрации охватили Инчхон, Тэгу, Пусан, Кванджу, Тэджон, Чонджу, Чхунчхон, Мокпхо.

3 июня 1964 г. недовольство правлением Пака вылилось в требование его отставки. Массы демонстрантов, окружив в Сеуле дворец президента, скандировала требования об уходе Пака с политической арены. В завязавшихся стычках с полицией участники демонстрации ранили более 400 полицейских, захватили несколько армейских грузовиков, напали на два полицейских участка. Власти ввели военное положение и перебросили в Сеул две армейские дивизии, чтобы «восстановить порядок».

Значительное влияние на развитие борьбы против антинародного режима и американской зависимости оказала Хёнмён тхонгильдан (Партия революционного объединения). В эту подпольную организацию, созданную 15 марта 1964 г. под руководством революционеров Ким Джонтхэ, Чхве Ёндо, Ким Чильлака, Ли Мунгю, вошли рабочие, крестьяне, служащие, представители интеллигенции и учащиеся. Организация привлекла на свою сторону и некоторых офицеров южнокорейской армии. Руководящее ядро партии состояло из стойких и преданных делу революции представителей интеллигенции. В задачи партии входила борьба за демократическое развитие Южной Кореи, вывод американских войск с ее территории, самостоятельное мирное объединение родины. Под руководством партии был создан подпольно действовавший Фронт освобождения нации. Его представители развернули работу в различных организациях, охватывавших средние городские слои.

Хёнмён тхонгильдан с августа 1964 по июнь 1967 г. издавала журнал «Чхонмэк» («Свежая кровь»). В создании журнала, в руководстве его деятельностью и редактировании огромную роль сыграл председатель сеульского городского комитета Хёнмён тхонгильдан Ким Джонтхэ. Перу этого революционера, обладавшего огромной эрудицией и талантом журналиста, принадлежал ряд ярких публицистических выступлений на страницах журнала. Ким Джонтхэ и его соратники, искусно обходя рогатки цензуры, несли в массы слово правды, пробуждали национальное самосознание, вселяли в патриотов ненависть к военно-бюрократическому режиму и к его американским покровителям, усиливали тягу к самостоятельному мирному объединению страны. Используя различные жанры, прибегая к иносказаниям и намекам, к историческим параллелям, плеяда журналистов «Чхонмэк» мастерски, точно и язвительно изобличала бесчинства американской военщины, произвол и коррупцию правящей верхушки, хищническое хозяйничанье крупных воротил и их прислужничество перед иностранными силами, новую угрозу экспансии японского империализма. Журнал, поднимая злободневные вопросы политики и культуры, неизменно вызывал интерес прогрессивно настроенных сил, особенно же он был популярен в среде интеллигенции и студенческой молодежи.

Хёнмён тхонгильдан подпольно издавала и распространяла свою газету. Залог успеха партия усматривала в расширении и укреплении связей с массами, в формировании революционного ядра, его закалке и вооружении марксистской теорией.

Приспосабливаясь к трудным условиям южнокорейской действительности, руководство партии сочетало легальные и нелегальные формы борьбы. Готовя условия для вооруженного выступления, партия создала

несколько боевых групп, которые вели сбор и захват оружия, совершали нападения на некоторые военные объекты. Хёнмён тхонгильдан разоблачила антидемократический характер состоявшихся в 1967 г. выборов президента и в Национальное собрание.

Усиление режима личной власти

Хотя провозглашение Третьей республики повлекло за собой снятие полного запрета деятельности всех оппозиционных партий, однако насильственное подавление всякой оппозиции, в том числе и буржуазно-либеральной, продолжалось.

В ходе избирательной кампании 1967 г. известный буржуазный деятель Со Минхо — кандидат в президенты от Сахве минджудан (Социал-демократическая партия) — выразил намерение вступить в переговоры с премьер-министром КНДР Ким Ир Сенем относительно национального объединения и выступил в пользу установления культурного обмена между Севером и Югом. За выражение идеи прямых контактов с КНДР Со Минхо было предъявлено обвинение в нарушении Антикоммунистического закона. Преследуемый властями, Со Минхо снял свою кандидатуру.

На президентских выборах 1967 г. официально дозволенную оппозицию представлял Юн Босон — кандидат от созданной в феврале 1967 г. Синминдан. Она возникла в результате слияния Синхандан (Новая корейская партия) во главе с Юн Босоном и Кунминьидан, лидером которой являлся Ю Джиню. После длительных торгов представителей двух вышеназванных партий был достигнут компромисс: выставить от объединенной группировки кандидатом Юн Босона, а Ю Джиню избрать лидером Синминдан.

На состоявшихся 3 мая 1967 г. президентских выборах Пак Чонхи уверенно одержал верх над Юн Босоном.

В ходе президентских, а затем и состоявшихся 8 июня выборов в Национальное собрание Минджу конхвадан использовала значительные средства, предоставленные в ее распоряжение крупными фирмами и компаниями в форме взносов и пожертвований. Поддержка большого бизнеса обеспечила Минджу конхвадан важное в условиях буржуазной действительности преимущество. Было подсчитано, что кандидаты этой партии потратили в среднем 100 тыс. долл. каждый, в то время как кандидат оппозиции — в 10 раз меньше. Таким же соотношением затрат характеризовались и президентские выборы.

Финансирование избирательных кампаний является важным, но, разумеется, не единственным средством влияния крупного капитала на формирование политической элиты. Такую поддержку оказывают тем кандидатам, которые в наибольшей мере пригодны для проведения выгодной и угодной крупному капиталу политики.

В результате выборов в Национальное собрание 8 июня 1967 г. Минджу конхвадан получила 127 мест из 175, Синминдан — 47 мест, Тэджундан (Партия масс) — 1 место. Почти все депутатские места от сельских местностей достались Минджу конхвадан. Полиция и государственные чиновники при избрании депутатов от правящей партии сыграли гораздо более активную роль, чем ее функционеры.

Хёнмён тхонгильдан приняла активное участие в организации выступлений студенческой и учащейся молодежи против выборов. Углубление влияния этой революционной организации на массы, умелое использование разнообразных форм борьбы вызвали растущее беспокой-

ство правящей верхушки. Южнокорейское ЦРУ, напав на след партии, начало систематические аресты ее членов. Летом 1968 г. была арестована первая группа в составе 370 человек. Среди них было несколько руководящих работников партии.

В ноябре 1968 г. в Сеуле состоялся процесс над 27 членами Хёнмён тхонъильдан по обвинению в нарушении Антикоммунистического закона. Пять человек приговорили к смертной казни, остальных — к пожизненному заключению либо длительным срокам лишения свободы. Во время предварительного заключения и на самом судилище арестованные революционеры проявили высокое мужество. Их не смогли сломить ни пытки, ни клевета, ни оскорбления. 25 января 1969 г. в застенке был зверски убит председатель комитета Хёнмён тхонъильдан провинции Южная Чолла — Чхве Ёндо, а 10 июля того же года — председатель сеульского городского комитета Хёнмён тхонъильдан, лауреат международной премии журналистов Ким Джонтхэ. За выдающиеся заслуги в деле корейской революции Верховное народное собрание КНДР посмертно присвоило им звания Героев КНДР.

Военный трибунал, судивший военнослужащих южнокорейской армии за принадлежность к Хёнмён тхонъильдан, приговорил одного из них к смертной казни, а трех — к пожизненному заключению.

Расправляясь с противниками существующего строя, Пак Чонхи готовил «правовые основания» для продления своего правления. Так как конституция 1962 г. давала возможность одному и тому же лицу быть президентом только два срока подряд, Пак и люди из его окружения развернули кампанию за пересмотр конституции. Их усилия свелись к тому, чтобы добиться внесения в конституцию поправок, которые позволили бы одному лицу занимать пост президента три раза подряд.

Даже в правящем стане этот план не встретил всеобщей поддержки. Вокруг него разгорелась острая борьба различных групп в Минджу конхвадан. Председатель партии Ким Джонпхиль, опираясь на фракцию своих сторонников, попытался заблокировать усилия тех, кто, действуя в интересах Пак Чонхи, стремился к пересмотру конституции. Им руководили властолюбивые устремления, ибо выход Пака из игры предоставил бы Ким Джонпхилью наиболее предпочтительные шансы добиться избрания президентом в 1971 г. Этот тур борьбы за власть окончился поражением сторонников Ким Джонпхилья и существенно ослабил влияние в партии его фракции. 30 мая 1968 г. Ким Джонпхиль, который до того подвергся критике своих коллег по партии за карьеристские устремления и попытки сколотить «партию внутри партии», заявил о своем уходе с поста председателя Минджу конхвадан.

Попытка пересмотреть конституцию вызвала резкие возражения оппозиционных партий, и особенно Синминдан. Обстановка в стране стала заметно обостряться и в связи с бурными студенческими демонстрациями в конце июня — начале июля 1969 г. В Сеуле 3 июля произошло кровопролитное столкновение 5 тыс. протестовавших студентов с полицией. Студенты пустили в ход камни и железные прутья, ранив 65 полицейских. Полиция арестовала 176 студентов. На следующий день во время разгоревшихся с новой силой столкновений было ранено 130 полицейских и 64 студента. Власти, стремясь предотвратить усиление активности студенческой молодежи, временно закрыли более 40 университетов и колледжей, сотни студентов были арестованы.

Правящая верхушка протащила через парламент законопроект с выгодными для нее поправками к конституции 1962 г.: число депутатов Национального собрания увеличивалось с 200 до 250; для предъяв-

ления обвинения президенту в государственном преступлении устанавливалось квалифицированное большинство в $\frac{2}{3}$ (а не простое большинство, как было записано прежде); признавалось право за одним и тем же лицом три срока подряд занимать пост президента. Опираясь на поддержку государственного аппарата, правящая партия израсходовала для обеспечения успеха референдума 15 млн. долл. Оппозиционные партии в противоположных целях затратили 1,5 млн. долл.

Итоги проведенного 17 октября 1969 г. референдума, даже при учете практики таких мероприятий, отнюдь не могли подтвердить официальную ложь о якобы полном доверии народа к политике правящей верхушки. В референдуме приняло участие 77,1% имевших право голоса, из них высказалось за одобрение поправок 65,1% (или около 50% всех имевших право голоса). В Сеуле 40% горожан отказалось принять участие в голосовании, а из числа тех, кто явился на участки, лишь 46,9% одобрило поправки к конституции.

Практика проведения референдума вызвала резкое осуждение оппозиционных буржуазных деятелей.

Однако Пак Чонхи не пожелал, чтобы третий срок президентства был для него последним. 17 октября 1972 г. он неожиданно объявил о введении военного положения, запрете всякой политической деятельности, приостановлении действия конституции, а также роспуске парламента (хотя президент и не обладал такими полномочиями). Он заявил, что якобы в интересах диалога с Северной Кореей необходимо осуществить план политической реформы. Десять дней спустя, когда был оглашен проект поправок к конституции, смысл плана Пак Чонхи стал очевидным — обеспечить сохранение власти после истечения третьего срока президентства, лишит оппозиционные силы возможности оказывать влияние на переговоры с КНДР о мирном объединении.

Проект поправок к конституции предлагал аннулировать положение, ограничивающее право одного лица быть президентом три срока подряд, продлить срок президентства с четырех до шести лет, ввести непосредственную систему избрания президента (голосами выборщиков на так называемой национальной конференции). Поправки имели в виду наделение главы государства правом назначать кандидатов в Национальное собрание и распускать парламент. Референдум одобрил поправки к конституции.

После создания Третьей республики в стране было восстановлено функционирование парламента, однако главенствующая роль в механизме диктатуры современной южнокорейской буржуазии принадлежит отнюдь не законодательному органу. Южнокорейская правящая верхушка делает «государственную работу», опираясь на правительственные органы, разветвленный военно-бюрократический аппарат. Буржуазный парламентаризм в Южной Корее сочетается с террором против прогрессивных сил, с подавлением прав граждан, засильем бюрократических учреждений.

Неотъемлемым атрибутом современной южнокорейской «демократии» является всемерное усиление исполнительной власти, подчинение народа произволу государственной машины, физическое истребление передовых сил нации, дальнейшее приспособление избирательной системы к нуждам режима личной власти.

Коренной причиной наступления реакции по всей линии является углубляющийся процесс развития государственно-монополистического капитализма. Этот процесс предопределяет в конечном итоге изменения в надстройке южнокорейского общества.

Социальная природа южнокорейского государства отчетливо проявляется и в сфере взаимоотношений с другими странами. Внешние функции южнокорейского государства по своей классовой сущности и по методам их осуществления глубоко антидемократичны.

Они включают разнообразные виды деятельности, связанной с задачами укрепления капитализма в Южной Корее, борьбы против социалистических стран и национально-освободительного движения в Азии.

Деятельность сеульского режима на международной арене в значительной степени подчинена общей стратегии империализма, в первую очередь американского. Находясь в общем фарватере империалистической политики, сеульский режим в то же время стремится решить и свои собственные задачи. Тесная увязка своих целей с общей стратегией империализма США в Азии стала неотъемлемой частью внешней политики правящих кругов Южной Кореи.

Среди акций правящих кругов США, рассчитанных на укрепление южнокорейского режима, особое место заняла «нормализация» японо-южнокорейских отношений.

Однако попытки американской дипломатии урегулировать противоречия между правящими кругами Токио и Сеула по ряду вопросов (проблема взаимных имущественных претензий, рыболовство, положение корейских граждан в Японии) долгое время не давали результатов. Процесс японо-южнокорейского сближения тормозила враждебная к Японии позиция Ли Сынмана. Последний использовал антияпонские чувства и настроения корейцев в интересах укрепления своего влияния.

Существенным препятствием на пути японо-южнокорейского государственного сближения явились демократические силы Японии и Южной Кореи. Они активно боролись против планов Токио и Сеула и сорвали несколько туров японо-южнокорейских переговоров, инициатива которых исходила от представителей США.

Планы американской политики в отношении сближения своих союзников обрели реальные шансы на успех после прихода к власти в Южной Корее военных лидеров. Как только последние утвердились у руководства государством, они сразу же публично стали подчеркивать важность «нормализации» отношений с Японией, проявили готовность предпринять практические шаги для достижения этой главной для них внешнеполитической задачи. Посредством урегулирования отношений с Токио они стремились использовать капиталы, технические достижения и опыт высокоразвитой индустриальной державы, чтобы преодолеть экономические трудности, поставить программы хозяйственного развития на более прочную основу, реконструировать промышленность, транспорт, сельское хозяйство, расширить производство. С помощью «нормализации» сеульские заправилы намеревались мобилизовать и использовать дополнительные резервы, чтобы улучшить свое положение в экономическом соревновании двух систем в Корее.

Важнейшую роль в определении политики Японии в отношении Южной Кореи играли требования монополий. Добиваясь сближения с Южной Кореей, японские деловые круги преследовали вполне определенную цель — глубоко проникнуть в ее экономику. Опираясь на преимущества географической близости, резко возросшую производственную мощь промышленности, они деятельно готовились к вторжению в Южную Корею. В разработке неокOLONиалистского курса тон задавали крупные монополии, которые активно участвовали в эксплуатации Кореи в годы колониального господства. Они прекрасно знали местные усло-

вия, нужды и запросы рынка, располагали возможностью восстановить прежние связи в политических и деловых кругах Сеула.

Лишившись в результате поражения во второй мировой войне всех своих колоний и сфер влияния, японский монополистический капитал вынужден был приспособляться к новой обстановке, восстанавливать позиции в резко сократившемся капиталистическом хозяйстве. Чтобы вновь получить доступ к эксплуатации части Кореи, оставшейся в системе этого хозяйства, в японских деловых кругах, в рядах правящей партии консерваторов проявлялась готовность первоначально уступить Сеулу, с тем чтобы впоследствии с избытком восполнить затраты.

В планах японских промышленников и финансистов Южная Корея имела ценность и как один из источников дешевого труда. Обстановка острого соперничества на внешних рынках, борьба японских трудящихся за повышение своего жизненного уровня побуждали японских предпринимателей повышать конкурентоспособность своих товаров за счет использования низкооплачиваемого труда в азиатских странах, в том числе в Южной Корее.

22 июня 1965 г. в Токио министры иностранных дел Японии и Южной Кореи подписали «Договор об основных отношениях» и ряд сопутствующих документов, провозгласивших нормализацию отношений между Токио и Сеулом. Этот официальный акт в основном завершил долгие переговоры, которые велись с перерывами почти 14 лет. Названные документы заложили юридическую базу урегулирования политических и экономических отношений Японии и Южной Кореи, послужили отправным моментом сотрудничества на антикоммунистической основе.

Японские правящие круги пошли на ряд уступок южнокорейскому режиму. Самым серьезным отходом Японии от своих первоначальных позиций явилось признание претензий южнокорейского режима на право выступать от имени всего корейского народа. Наиболее отчетливо такая позиция проявилась в главном документе — «Договоре об основных отношениях», который провозглашал установление дипломатических и консульских отношений между Японией и Южной Кореей. В ст. 3 договора прямо было записано: «Подтверждается, что правительство Корейской республики является единственным законным правительством в Корее, как это ясно определено в резолюции № 195 (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций»².

Что же касается старых договоров, навязанных Корее Японией, то было решено ограничиться констатацией, что они «уже потеряли силу».

При решении вопросов об урегулировании имущественных претензий Япония в конце концов пошла на уступки Сеулу, а законно обоснованные права КНДР на возмещение ущерба были игнорированы.

Япония согласилась предоставить Сеулу 300 млн. долл. безвозмездных субсидий в 10-летний срок и правительственный заем в 200 млн. долл. (на условии 3,5% годовых; срок погашения устанавливался в 20 лет, причем в первые 7 лет выплата платежей не предусматривалась). Кроме того, Япония открывала Южной Корее коммерческий кредит на 300 млн. долл.

«Нормализация» содействовала более активному проникновению японского капитала в Южную Корею (ранее — монопольную сферу влияния США), что является одним из показателей частичного перераспределения сил в мировой империалистической системе. Японский капитал получил доступ в Южную Корею вследствие уступок со стороны США, которые пошли на этот компромисс, чтобы теснее связать Японию со своей дальневосточной политикой, возложить на нее часть забот по упрочению сеульского режима. Представители японского делового мира

согласились взять на себя обязательства по упрочению сеульского режима, ибо со своей стороны преследовали собственные экономические и политические цели. Увязку интересов монополий США и Японии можно объяснить наличием японо-американского союза, из которого обе стороны пытаются извлечь наибольшие выгоды.

Однако американские монополии пошли на уступку в пользу японских монополий на условиях, которые не противоречат их собственным интересам. Допуская японский капитал в Южную Корею, США отнюдь не желали, чтобы он там доминировал.

Сеульские лидеры, поощряемые американским руководством, выступили зачинателями и сыграли наиболее активную роль в образовании под эгидой США антикоммунистического союза АЗПАК — Азиатско-Тихоокеанского совета, который был оформлен в Сеуле в июне 1966 г. В АЗПАК вошли Япония, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Тайвань, Южная Корея и Южный Вьетнам. Ратуя за создание АЗПАК, США стремились с его помощью усилить борьбу против национально-освободительного движения в бассейне Тихого океана, привлечь как можно больше стран к участию в войне против вьетнамского народа.

Созданный под знаком борьбы против «коммунистической опасности», АЗПАК, постепенно превращаясь в объединение военного характера, стал инструментом политики, отвечающей интересам США. Все его участники, за исключением Малайзии, связаны с США двусторонними военными обязательствами, что стало одним из условий, позволившим американским руководителям обеспечить деятельность Совета в желательном для них направлении. Агрессивный характер этой группировки наглядно проявился в том, что шесть из вошедших в его состав членов приняли в разное время участие в военной авантюре США против вьетнамского народа.

Военно-политический союз Вашингтона и Сеула подготовил почву для вовлечения Южной Кореи в авантюристическую политику американского империализма. Южнокорейские лидеры взяли на себя отведенную им США роль душителя национально-освободительного движения в Азии. Она наглядно проявилась в такой акции южнокорейских властей, как посылка вооруженных сил во Вьетнам. Идея участия в этой войне трактовалась в правящих кругах Южной Кореи как практическое проявление антикоммунизма, солидарности с целями и задачами американской политики в отношении Вьетнама, поддержки родственного по своему характеру южновьетнамского режима.

Разумеется, антикоммунизм правящей верхушки был важным, но не единственным фактором, определившим роль Южной Кореи как соучастника американской интервенции во Вьетнаме. Ее определяли также положение страны, зависимой от американского империализма, стремление правящей верхушки расширить экономическое, политическое и военное сотрудничество с США, нажиться на грязной войне во Вьетнаме, отвлечь внимание трудящихся от внутренних трудностей.

Поощряемое американским руководством южнокорейское правительство в январе 1965 г. приняло решение направить в Южный Вьетнам первоначально 2 тыс. солдат и офицеров. Это решение вызвало ряд стихийных выступлений протеста в различных городах страны, было подвергнуто резкой критике в Национальном собрании представителями оппозиционных партий.

Во время переговоров Л. Джонсона и Пак Чонхи в Вашингтоне в мае 1965 г. последний постарался воспользоваться стремлением руководителей США придать своей агрессии во Вьетнаме «интернациона-

листский» характер, чтобы получить дополнительную помощь для наращивания военного и экономического потенциала Южной Кореи. Американское правительство обещало предоставить 150 млн. долл. в качестве кредита на развитие экономики, оказать содействие в подготовке технических и научных кадров, благоприятствовать развитию внешней торговли Южной Кореи.

Получив такой аванс, Сеул направил во Вьетнам южнокорейский экспедиционный корпус, насчитывавший 50 тыс. солдат и офицеров.

США взяли на себя расходы по оснащению и содержанию этих войск. Военное ведомство США предоставило им всю необходимую боевую технику для ведения операций, оплатило транспортировку частей во Вьетнам, расходы на жилье и довольствие, на строительство необходимых сооружений, оказало материально-техническую поддержку.

Агрессивная политика правящей верхушки принесла дополнительные доходы заправилам большого бизнеса, изворотливым дельцам и спекулянтам, получившим доступ к прибылям от военных поставок. Это обогащение обеспечивалось жизнями южнокорейских солдат, погибавших в джунглях Вьетнама, усилением эксплуатации трудящихся в Южной Корее. Правительство США разместило в Южной Корее заказы на поставки военного снаряжения, производило закупки различных материалов. Южнокорейские фирмы получили от США заказы на изготовление для войны во Вьетнаме специальной обуви, используемой в джунглях, оцинкованных железных листов, стальных плит, цемента, шин для грузовиков и т. д.

В расширении южнокорейского производства, обеспечивавшего нужды американской военщины во Вьетнаме, первостепенную роль играли два фактора — американские капиталы и материально-технические поставки японских монополий.

Южнокорейские деловые круги постарались возможно полнее использовать участие Сеула во вьетнамской войне для обогащения на новом для них поприще военных авантюр американского империализма. В Южном Вьетнаме развернули деятельность десятки южнокорейских компаний, обслуживавших американские вооруженные силы и сайгонскую администрацию на строительных объектах, транспортировке материалов, погрузочно-разгрузочных работах. 15 тыс. южнокорейских рабочих были заняты у американских и южновьетнамских подрядчиков на строительных объектах и погрузочно-разгрузочных работах в Южном Вьетнаме. Они ежемесячно переводили домой около $\frac{3}{4}$ своего заработка. Значительные суммы переводили из Южного Вьетнама также южнокорейские военнослужащие. Расширение бизнеса, связанного с войной во Вьетнаме, содействовало развитию некоторых видов производства и услуг, в которых оказалась материально заинтересована часть средних слоев. Это обстоятельство использовалось для приобщения их к поддержке проимпериалистического, агрессивного курса.

Южнокорейские правители и предпринимательские круги страшились перспективы мирного урегулирования во Вьетнаме, понимая, что вместе с прекращением военных действий иссякнет важный источник наживы. Поэтому они настаивали на продолжении войны в широких масштабах.

Южной Корее, занимающей важное стратегическое положение у самых рубежей социалистических стран на Дальнем Востоке, отводится видное место в военных планах США. Крупнейшей и дорогостоящей областью деятельности американских правящих кругов в Южной Корее стало превращение последней в опорный пункт американской военщины и создание значительных южнокорейских вооруженных сил. Упрочению

сотрудничества с США правящие круги Южной Кореи придают перво-степенное значение, считая его выгодным и жизненно необходимым. Размещенные в Южной Корее американские базы и воинские контин-генты служат орудием поддержки южнокорейского режима.

Сеульские власти, рассматривающие США как могущественного военного союзника, с помощью которого возможно поддержать и осна-стить новейшими видами оружия свою многотысячную армию, стре-мятся предельно использовать помощь США, в том числе и для развер-тывания собственного военно-промышленного производства.

ЭКОНОМИКА ЮЖНОЙ КОРЕИ (1960—1970)

Социально-экономическая обстановка в стране

Развязанная американским империализмом и лисынмановской реакцией агрессивная война против КНДР привела к подрыву производительных сил как на севере, так и на юге страны. По официальным данным, в Южной Корее из строя вышло 43% промышленного оборудования, а общий ущерб исчислялся в 354 млн. долл.

В 1951 г. объем продукции обрабатывающей промышленности Южной Кореи снизился до 52% уровня 1949 г. Экстренные меры южнокорейских властей позволили увеличить объем производства в 1953 г. до 87% уровня 1949 г.; в текстильной и пищевой отраслях уровень производства 1949 г. был даже превзойден. Но металлургия в 1953 г. давала только 37% объема продукции 1949 г., а машиностроение — 44%.

Положение в горнодобывающей промышленности Южной Кореи в целом было иным, чем в обрабатывающей. В 1951 г. добыча угля составила всего 15% объема 1949 г. Столь резкое снижение добычи угля грозило парализовать все отрасли хозяйства, что привело бы к катастрофе тыл американской и лисынмановской армий. Поэтому были приняты меры для быстреего восстановления вышедших из строя угольных шахт. В результате уже в 1953 г. добыча угля достигла 80% объема 1949 г. В годы войны (1950—1953) по сравнению с 1940 г. добыча золота, серебра, свинцовых и медных руд увеличилась более чем в 2 раза, а вольфрама — более чем в 3 раза. В 1949 г. железная руда не добывалась совсем, а в 1953 г. ее добыча составила около 19 тыс. т. Рост добычи был обусловлен двумя причинами. Экспорт минерального сырья в период войны 1950—1953 гг. (до 70% общей стоимости вывоза) являлся главным источником собственных инвалютных поступлений; за счет эксплуатации ресурсов Южной Кореи США пополняли свои запасы стратегического сырья (вольфрам).

В обрабатывающей промышленности отрасли первого подразделения почти полностью бездействовали. В 1953 г. удельный вес продукции металлургии и машиностроения даже по сравнению с 1948 г. уменьшился и составлял всего 2% общего объема производства. Резко сократился выпуск химической продукции. Наиболее полно использовались мощности текстильной и пищевой промышленности: удельный вес этих отраслей увеличился в 1953 г. по сравнению с 1948 г. до 58%.

Таким образом, в годы войны, развязанной американским империализмом и кликой Ли Сынмана, промышленность Южной Кореи специализировалась на добыче сырья и обработке полуфабрикатов, получаемых в порядке поставок американской помощи. Резче обозначился аграрно-сырьевой характер южнокорейской экономики в целом.

Все это привело в послевоенный период к усилению зависимости

южнокорейской экономики, и в частности промышленности, от американского капитала.

После провала вооруженной интервенции США против КНДР, показавшего несостоятельность попыток ликвидировать социалистический строй на севере Кореи, в политике Вашингтона по отношению к Южной Корее был сделан упор на стабилизацию и упрочение проамериканского режима. Основным звеном этой политики, преследовавшей прежде всего военно-политические интересы США, стала экспансия американского капитала под флагом помощи. Экономическая отсталость страны, в частности чрезвычайно низкий уровень внутренних капиталонакоплений, трудности производительной реализации этих накоплений (т. е. превращения денежного капитала в элементы основного капитала) обусловили большую зависимость южнокорейской экономики от иностранного капитала, прежде всего американского.

Общая сумма иностранного капитала, предоставленная (санкционированная) Южной Корее различными государствами в 1954—1969 гг., составила 5,6 млрд. долл., фактически же в этот период было получено около 4,4 млрд. долл. (из США — 3,8 млрд., из Японии — 300 млн., из ФРГ — около 100 млн., от прочих стран — 200 млн. долл.)¹.

Иностранные субсидии (только из США), займы и кредиты играли и играют большую роль в экономическом развитии Южной Кореи. Достаточно сказать, что в 1953—1969 гг. в среднем 62% ежегодных капиталовложений осуществлялось за счет иностранных средств. В 50-х годах Южная Корея получала помощь только в форме субсидий. В начале 60-х годов сеульский режим ввел в действие ряд законодательных актов, создававших благоприятный климат для притока иностранного капитала в форме займов и кредитов, а также прямых капиталовложений. Этот шаг был сделан под нажимом США, которые настаивали на том, чтобы южнокорейские власти взяли курс на «самообеспечиваемость» экономики, т. е. компенсировали бы сокращение безвозвратных субсидий за счет помощи на чисто коммерческой основе. Осуществление этого курса резко усилило внешнеторговую и финансовую зависимость Южной Кореи от иностранных держав. Об этом свидетельствуют данные платежного баланса (млн. долл.)²:

	1960 г.	1965 г.	1967 г.	1969 г.
Баланс торговых и вне- торговых операций . .	—310,6	—272,6	—588,5	—1049,7
Помощь США	+256,1	+134,6	+134,5	+ 97,6
дефицит	— 54,5	—138,0	—454,0	— 952,1
Военные заказы США	+ 48,3	+ 74,0	+171,4	+ 249,4
Переводы частных лиц	+ 19,6	+ 68,7	+ 90,7	+ 146,1
Сальдо	+ 13,4	+ 4,7	—191,9	— 556,6
Иностранные государст- венные и частные зай- мы и кредиты	2,6	19,1	303,5	675,1
Движение золотовалют- ных резервов	157,0	141,6	350,6	552,9

В связи с уменьшением помощи США дефицит платежного баланса имел тенденцию к увеличению. Если в первой половине 60-х годов за счет военных поставок армии США, дислоцированной в Южной Корее, и переводов частных лиц баланс имел положительное сальдо, то во второй половине 60-х годов этих источников покрытия дефицита стало недостаточно, несмотря на их абсолютный рост в связи с участием Южной Кореи в агрессии США против вьетнамского народа (этот рост происходил вследствие увеличения военных заказов США на обмундирование,

строительные материалы и потребительские товары для своих войск в Южном Вьетнаме, а также за счет переводов из Южного Вьетнама южнокорейских военнослужащих и гражданских лиц).

Со второй половины 60-х годов равновесие в международных расчетах Южной Кореи достигалось резким увеличением частных займов и кредитов (долгосрочных и краткосрочных) иностранных держав. В результате неуклонно рос государственный внешний долг, который в 1970 г. достиг почти 1,5 млрд. долл. (по долгосрочным займам и кредитам).

Общая сумма выплат по долгосрочным займам и кредитам составила в 1962—1971 гг. около 400 млн. долл.

Опираясь на иностранный капитал, южнокорейская экономика прошла стадию восстановления за четыре года (1954—1957). Следует, однако, подчеркнуть, что исходный уровень восстановления был очень низок. Процесс восстановления не был равномерным для различных отраслей экономики. В сельском хозяйстве уровень производства 1949 г. был достигнут в 1954 г. Добыча таких важных минералов, как вольфрам, цинк, свинец, медь, марганец, золото, серебро, в 1954 г. достигла уровня 1949 г. Производство цемента, карбида кальция, бумаги, красителей, мыла, хлопчатобумажной пряжи и тканей также достигло предвоенного уровня в 1954 г. Топливо-энергетическая промышленность восстановила объем производства 1949 г. в 1955 г. Выход стали и проката в 1957 г. превзошел уровень производства 1949 г. Примерно в 1956—1957 гг. приблизилась к довоенному объему производства и машиностроительная промышленность. В 1957 г. в основном было завершено восстановление транспорта.

К началу 1958 г. хозяйственная жизнь Южной Кореи относительно стабилизировалась. Однако восстановление не опиралось на прочную производственно-техническую и сырьевую базу, так как отрицательные последствия искусственного расчленения в экономике страны не были преодолены. Диспропорции в развитии отдельных отраслей еще более усилились вследствие разбухания отраслей легкой промышленности, куда главным образом устремился частный капитал в погоне за прибылями.

Инфляция, вызванная непосильными военными расходами и политикой дефицитного финансирования промышленности (за счет эмиссии денежных знаков вследствие нехватки бюджетных средств), привела к обесценению южнокорейской воны и быстрому росту цен. Заметное сокращение американской помощи ухудшило условия производительной реализации небольших внутренних накоплений. Резкое обострение социальных противоречий (апрельское восстание 1960 г., приведшее к свержению Ли Сынмана, военный переворот в мае 1961 г.) повлекло за собой свойственный нестабильной политической обстановке спад деловой активности.

Поэтому в 1958—1961 гг. темпы роста экономики замедлились, а в ряде ведущих отраслей промышленности общий подъем сменился депрессией и даже спадом производства. Если в 1953—1957 гг. среднегодовые темпы прироста валового национального продукта составили 5,1%, то в 1957—1961 гг. — только 4,8% (при среднегодовом темпе прироста населения 2,8%). Хотя среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственного производства в 1957—1961 гг. были несколько выше, чем в 1953—1957 гг. (4,5% против 3,3), они по-прежнему сильно отставали от потребностей экономики. В промышленности среднегодовые темпы прироста производства снизились вдвое (с 19% в 1954—1957 гг. до 9,8% в 1957—1961 гг.). В связи с падением мировых цен на минеральное сырье в 1958—1959 гг. переживала кризис горнодобывающая промыш-

ленность, продукция которой почти полностью экспортируется. Кризис сбыта охватил ведущие отрасли обрабатывающей промышленности — текстильную и пищевую, развитие которых в предшествующие годы было слабо увязано с емкостью внутреннего рынка (платежеспособным спросом и его структурой).

На мировом рынке продукция этих отраслей, как правило, не выдерживала конкуренции вследствие невысокого качества и больших издержек производства.

Обострившиеся противоречия социально-экономического развития страны южнокорейская буржуазия стремилась преодолеть путем расширения и укрепления своих военно-политических и экономических связей с империалистическими государствами, прежде всего с Японией. В этом направлении ее подталкивали и США. Уже в 1962—1964 гг. японские монополии предоставили Южной Корее ряд кредитов, а затем, после так называемой нормализации отношений в 1965 г., перешли к оказанию помощи на более широкой основе. Военно-политическая зависимость от США — посылка южнокорейских войск во Вьетнам для борьбы против южновьетнамских патриотов — была щедро оплачена военными заказами Пентагона и специальными государственными кредитами США.

Обильный приток иностранного капитала и ряд социально-экономических мероприятий властей обусловили постепенное улучшение экономической ситуации, способствовали сравнительно быстрому росту промышленного производства. В 1960—1970 гг. среднегодовые темпы прироста валового национального продукта составили около 9% (в постоянных ценах 1965 г.). Среднегодовые темпы прироста в промышленности были довольно высокими — 15,2% (сельскохозяйственное производство развивалось по-прежнему медленно — среднегодовые темпы прироста составили всего 3,5%).

В 1958—1969 гг. национальный доход увеличился примерно в 2,2 раза, причем среднегодовые темпы его прироста за 1959—1969 гг. составили около 7,6%. В расчете на душу населения национальный доход вырос приблизительно со 126 долл. в 1958 г. до 213 долл. в 1969 г. В 1958—1969 гг. в экономике Южной Кореи наметились и некоторые структурные изменения. Так, доля промышленности в валовом национальном продукте увеличилась с 13,8 до 26,3%, доля транспорта, связи, складирования — с 2,5 до 5,1%, строительства — с 2,4 до 5,2; в то же время доля сельского хозяйства уменьшилась с 47,5 до 32%.

В целом экономика страны стала приобретать аграрно-индустриальный характер. Структура промышленности также претерпела заметные изменения: удельный вес отраслей первого подразделения увеличился с 22% в 1955 г. до 38% в 1966 г. В 1954—1970 гг. объем производства электроэнергии вырос до 9 млрд. квт·ч, добыча угля — в 10 раз (10,2 млн. т); в 1966 г. введен в строй нефтеперегонный завод (нефть полностью импортируется). Однако в целом топливно-энергетическая база продолжает оставаться узким местом. Основой обрабатывающей промышленности по-прежнему является текстильная и пищевая (42,3% продукции в 1966 г.). Металлургия и машиностроение развиваются сравнительно медленно, и вследствие этого развитие горнорудной промышленности обусловлено в большой степени конъюнктурой мирового рынка. Вместе с тем в 1969 г. значительно выросло производство цемента — 5,7 млн. т, химических удобрений — около 1,2 млн. т. Продукция этих отраслей в основном удовлетворяет внутренние потребности.

Сельскохозяйственное производство резко отстает от внутреннего спроса на продовольствие. Хотя в 1960—1964 гг. среднегодовой сбор продовольственных культур увеличился по сравнению с 1955—1959 гг. на

21,8% (в том числе риса — на 16,5%), а в 1965—1969 гг. среднегодовой сбор также несколько увеличился, продовольственная проблема продолжает оставаться чрезвычайно острой и страна вынуждена импортировать 700—800 тыс. т зерна ежегодно, а в некоторые неурожайные годы — свыше 2 млн. т.

Несмотря на импорт, уровень потребления в Южной Корее в 60-х годах остается крайне низким (2100—2200 калорий на душу населения) и не обеспечивает нормального воспроизводства рабочей силы.

В целом для послевоенной экономики Южной Кореи характерны сохранение многих узких мест и крайне неравномерное развитие производительных сил в различных отраслях ее хозяйства, а также внутри отдельных отраслей. Неравномерность развития в значительной мере обусловлена многоукладностью экономики и экономической политикой южнокорейских властей, которая находит свое концентрированное выражение в принудительном обращении части национального дохода, предназначенного для личного потребления, на нужды накопления в целях стимулирования капиталистического предпринимательства — прежде всего и главным образом крупного.

Отличительной особенностью многоукладной экономики Южной Кореи является сосуществование различных стадий капиталистической эволюции — от простой кооперации до элементов монополии с одновременной трансформацией мелкотоварного хозяйства в низшие формы капиталистического предпринимательства. В экономике Южной Кореи доминирует мелкотоварный уклад, на долю которого в конце 60-х годов приходилось примерно 55% национального дохода.

Мелкотоварный уклад охватывает значительную часть сельскохозяйственного производства (где занято 52% самодельного населения), которое основано преимущественно на парцеллярном крестьянском хозяйстве. В 1968 г. из 2,6 млн. сельских дворов 1,7 млн. хозяйств (67,3% всех землевладельцев) относилось к бедняцким (земельные участки менее 1 чонбо). Общая площадь землевладения этих хозяйств составила 871 тыс. чонбо, т. е. всего 37,9% пахотного фонда.

Им противостояла группа зажиточных хозяйств кулацкого типа (земельные участки 2—3 чонбо), которых насчитывалось 133 тыс. (5,2% всех землевладельцев), и горстка крупных хозяйств (площадь землевладения свыше 3 чонбо), численность которых составляла 41 тыс. (1,6% всех землевладельцев). Общая площадь землевладения двух последних групп хозяйств составляла 482,4 тыс. чонбо (21% всего пахотного фонда). Группу хозяйств, обрабатывающих земельные участки в 1—2 чонбо (25,9% всех дворов), можно условно отнести к середняцким. Однако в эту категорию статистика включает также хозяйства «высшего слоя бедняков».

После аграрной реформы 1949—1951 гг., в результате которой крупное помещичье землевладение было упразднено и бывшие арендаторы получили землю за выкуп, развитие земледельческого капитализма шло чрезвычайно медленными темпами. Хотя в начале 60-х годов усилилась концентрация земельной собственности и дифференциация крестьянства, развитию этих процессов серьезно препятствовала и препятствует государственная политика в деревне. По закону площадь землевладения ограничена 3 чонбо, запрещена купля-продажа земли и ее аренда. С 1957 г. проводится политика кооперирования крестьянства. В этих условиях господство торгово-ростовщического капитала в деревне способствует консервации крестьянина на своем клочке земли. В целом государственная политика в деревне серьезно тормозит процессы классовой дифференциации.

Ведущим укладом экономики Южной Кореи является капиталистический. Хотя по своему месту в общественном производстве он уступает первенство мелкотоварному укладу, его роль и удельный вес неуклонно увеличиваются по мере развития южнокорейской экономики. Капиталистический уклад крайне неоднороден. В его структуре видное место занимают различные формы мелкокапиталистического предпринимательства — от мелких кустарных заведений до предприятий, являющихся по своему типу переходными от мануфактуры к фабрике. Вместе с тем значительное развитие получили и современные формы капиталистического предпринимательства — капиталистическая фабрика, акционерная компания. В 1966 г. в горной промышленности Южной Кореи из 1546 различных предприятий 213 функционировали как акционерные компании, среди которых насчитывалось 40 крупных с оплаченным капиталом 50 млн. вон и больше (из них 25 компаний с оплаченным капиталом 100 млн. вон и больше).

В обрабатывающей промышленности из 22,7 тыс. предприятий функционировало как акционерные компании 2367 (из них 270 крупных, с оплаченным капиталом 50 млн. вон и больше, а среди последних — 132 с оплаченным капиталом 100 млн. вон и больше).

В послевоенный период в промышленности Южной Кореи происходил интенсивный процесс концентрации производства и капитала. Особенно быстро он развивался в 1958—1966 гг., т. е. после завершения восстановительного периода. Этот процесс сопровождался медленным, но неуклонным вытеснением мелкого производства, возрастанием удельного веса крупного производства. Роль крупных предприятий в обрабатывающей промышленности Южной Кореи (100 человек и выше) видна из следующих данных³:

Год	Число предприятий	Процент	Число занятых тыс. %		Удельный вес продукции, %
1958	325	2,5	86,5	35,5	40,3
1966	831	3,6	283,1	52,3	63,9

Если учесть также, что в 1958—1965 гг. удельный вес крупных предприятий в общем объеме капиталовложений обрабатывающей промышленности увеличился с 44,9 до 86,8% и что доля основного капитала крупных предприятий среди всех предприятий обрабатывающей промышленности составила 56,7%, то становится совершенно очевидной ведущая роль крупного капиталистического предпринимательства.

Таким образом, в середине 60-х годов концентрация производства и капитала в экономике Южной Кореи достигла высокого уровня и обусловила серьезные изменения в соотношении мелкого и крупного предпринимательства.

По мере усиления концентрации производства и капитала в сфере крупного капиталистического предпринимательства постепенно стал выделяться верхушечный слой в форме крупных торгово-промышленных (или финансово-промышленных) корпораций с четко выраженной тенденцией к монополии. В 1965 г. в Южной Корее насчитывалось более десяти таких объединений (корпораций, группировок), которые именовались чэболь. Эти объединения в экономической и политической жизни страны играют заметную роль.

Первые финансово-промышленные объединения возникли в Корее еще в колониальный период. За редким исключением, они зародились в торгово-финансовой сфере. Постепенно, при непосредственной поддержке японских монополий и японского колониального аппарата пред-

ставители крупного корейского бизнеса начали проникать в сферу промышленного производства. В начале 40-х годов среди крупных корейских капиталистов видную роль в деловом мире играли шесть семейств, прежде всего братья Ким Сонсу и Ким Енсу, а также Пак Хынсик. Некоторые из этих дельцов дожили до наших дней, сохранились и некоторые объединения, но, конечно, в модернизированном виде.

Из ныне существующих в Южной Корее финансово-промышленных группировок четыре — «Самгян», «Хвасин», «Тэхан» и «Кэпхун» — возникли в период японского колониального господства. Текстильная компания «Кёнсон» (в 1965 г. объявленный капитал — 240 млн. вон), являющаяся головной компанией объединения «Самгян», была основана еще в 1919 г. братьями Ким Сонсу и Ким Енсу. Один из них, Ким Сонсу, в 1951—1952 гг. занимал пост вице-президента Южной Кореи, Ким Енсу продолжает возглавлять «Самгян чэболь». Объединение «Хвасин» возглавляет не менее известный в прошлом представитель корейского крупного капитала — Пак Хынсик. Торговая компания «Хвасин», являющаяся головной компанией «Хвасин чэболь», была основана в 1926 г.; в 1965 г. ее капитал составлял 1 млрд. вон.

Большинство крупных объединений с элементами монополии начало формироваться уже после ликвидации японского ига, а именно в 1949—1955 гг. Масштабы и характер деятельности «старых» корпораций, а также возникновение новых связаны прежде всего с приватизацией бывшей японской собственности, которая после юридического оформления на территории Южной Кореи лисынмановского режима (1948) была передана Американской военной администрацией в руки южнокорейских властей.

В 1949 г. был издан Закон о распродаже возвращенного имущества (так именовалась бывшая японская собственность). Предприятия распродавались на аукционах, где преимущество крупного капитала было очевидно. По Закону специальная комиссия производила тщательный отбор лиц, имевших право участвовать в торгах. Политическая благонадежность, связи с деловым миром и государственно-чиновничьим аппаратом играли решающую роль. Цена предприятия, как правило, занижалась против официальной оценки на 40—50%, а выплата растягивалась на 15 лет. В ряде случаев власти вообще игнорировали Закон и предприятия продавались на основе «специальных указов президента».

Как и в других бывших колониальных странах, финансово-промышленные группировки Южной Кореи складывались и приобретали монополистические черты, опираясь на иностранные субсидии, займы и кредиты.

Самым крупным финансово-промышленным объединением Южной Кореи считается «Самсон чэболь», капитал которого в 1965 г. составлял 12 млрд. вон (около 44 млн. долл. по официальному курсу воны по отношению к доллару). В это объединение входило 19 различных компаний и учреждений, в том числе две текстильные компании (хлопчатобумажное и шерстяное производство), компания по производству химических удобрений (330 тыс. т мочевины в год, завод в Ульсане), две страховые компании, два коммерческих банка (из пяти существующих в стране), крупная торговая фирма, имеющая свои филиалы в Нью-Йорке, Токио, Сайгоне. Это объединение контролировало сеульское радиовещание, телевизионную компанию, издавало газету «Чунан ильбо», учредило культурный фонд. Финансово-промышленная группировка «Самсон» сосредоточила в своих руках 50% производства шерстяной пряжи и шерстяных тканей в стране, 30% производства муки, около 30% производства сахара.

Не во многом уступает этой группировке «Самхо чэболь», капитал которой составляет 10 млрд. вон. В нее входят три крупнейшие в Южной Корее текстильные компании, самая крупная торговая компания (капитал — 1,1 млрд. вон), страховая компания, два коммерческих банка, информационное агентство «Тонхва тхонсин». Если «Самсон чэболь» доминирует в области производства шерстяной пряжи и тканей, то «Самхо чэболь» господствует в области производства хлопчатобумажной пряжи и тканей. На ее предприятиях насчитывается 150 тыс. веретен (1965). Предприятия этой группировки производят также поплин и фланель, мужские сорочки, спецодежду и нижнее белье. Около 35% продукции, произведенной компаниями, которые контролирует «Самхо», идет на экспорт.

Следующее крупное объединение — «Кымсон чэболь»; его капитал составляет 8,3 млрд. вон. Основные интересы этой группировки лежат в области текстильной промышленности. Одна из двух текстильных компаний, входящих в объединение, производит хлопчатобумажную пряжу и ткани, другая компания является монополистом в области производства пеньки. «Кымсон чэболь» включает также крупнейший в Южной Корее цементный завод (мощностью 1,7 млн. т в год), торговую компанию «Кымсон», компанию по производству красителей, страховую компанию, информационное агентство «Тонъян тхонсин».

Группировка «Хвасин чэболь» включает крупную торговую компанию «Хвасин» (капитал — 1 млрд. вон), две текстильные компании (производство хлопчатобумажных тканей и искусственного волокна). Основные интересы этой группировки сосредоточены в области оптовой и розничной торговли. Торговая компания «Хвасин» ведет операции с США, Японией, странами Западной Европы и Юго-Восточной Азии; она является представителем в Южной Корее таких фирм, как «Форд», «Вестингауз», «Сони». Капитал «Хвасин чэболь» составляет 6 млрд. вон.

В группировку «Самъян чэболь» (капитал — 5 млрд. вон) входит шесть различных компаний, в том числе три текстильные, одна по производству сахара, одна по производству соли, одна по производству искусственного льда; кроме того, она контролирует газету «Тона ильбо» и радиовещательную компанию.

Главные интересы «Накхи чэболь» лежат в области химической промышленности. В это объединение, капитал которого составляет 5 млрд. вон, входят четыре компании, производящие полиэтилен, целлюлозу, ацетатное волокно, мыло, глицерин, синтетические смолы, различные изделия из пластмассы, предметы косметики и парфюмерии. Сюда же входят крупнейшая в Южной Корее электротехническая компания, производящая бытовые электросчетчики, телефонные аппараты, радиоприемники (сборка) и телевизоры (сборка), холодильники, электровентиляторы, сухие батареи; одна из двух южнокорейских компаний по производству проволоки и кабеля; торговая компания «Пандо», страховая компания.

Объединение «Тэхан чэболь», капитал которого составляет 5 млрд. вон, включает текстильную компанию (хлопчатобумажное производство), компанию по производству сахара, компанию по производству проволоки и кабеля, торговую и страховую компании.

Группировка «Кэпхун чэболь» (капитал — 5 млрд. вон, глава Ли Джонним) охватывает цементную компанию (завод в Мунгёне), две небольшие металлургические компании, угольные шахты «Тэхан», две торговые фирмы, страховую компанию. Главные интересы сосредоточены в области цементной промышленности и торговли.

«Тонъян чэболь» (капитал — 3 млрд. вон, глава Ли Янгу) включает

четыре компании, в том числе цементную (мощность ее завода в Самчхоке предполагается увеличить до 800 тыс. т в год, т. е. в 2 раза) и по производству кондитерских изделий. «Пханбон чэболь», капитал которой составляет 3 млрд. вон, включает всего две компании: текстильную (хлопчатобумажное производство) и торговую. Текстильная компания «Пханбон» занимает ведущее место в хлопчатобумажной промышленности Южной Кореи. Глава объединения «Пханбон» Со Гапхо живет постоянно в Японии и является также владельцем трех японских прядильных компаний в Осака, Сакамото, Хитати.

Капиталы южнокорейских корпораций сосредоточены преимущественно в легкой промышленности, а также в торговле и страховом деле. Это направление капиталовложений соответствует уровню развития капитализма в стране, когда накопление капитала идет главным образом в тех отраслях, где оборачиваемость капитала высока и где обеспечен сравнительно емкий внутренний рынок. Южнокорейские крупные объединения безраздельно господствуют в текстильной, сахарной, мукомольной и цементной промышленности. Постепенно возрастает их роль в электротехнической и химической промышленности. Однако они пока еще не обладают соответствующей производственно-технической базой, предпочитая переложить бремя ее развития на плечи государства, что свидетельствует об определенной слабости южнокорейских крупных объединений.

Торговля (особенно внешнеторговые операции) занимает важное место в деятельности финансово-промышленных группировок. Важность торговых операций обусловлена большой зависимостью южнокорейской экономики от импорта, в том числе от ввоза товаров в счет американской помощи, которые реализуются на внутреннем рынке. Торговые операции с импортными товарами не только важны сами по себе, но приносят корпорациям еще и большую спекулятивную прибыль, порождаемую нехваткой товаров, а также сильной и непрекращающейся инфляцией (в 1955—1969 гг. обменный курс воны по отношению к доллару понижался 15 раз). Роль торговых компаний, входящих в чэболь, далеко не одинакова. В таких объединениях, как «Самхо», «Самъян», «Самсон», они являются главными, занимают центральное место. Вместе с тем торговые фирмы, входящие в объединения «Кымсон», «Накхи», хотя и играют важную роль, но не являются ключевыми. Для «Хвасин чэболь» характерно некоторое ослабление позиций в торговле, так как часть капитала была инвестирована в производство синтетических волокон. Характерно, что группировки, не включавшие крупные торговые фирмы, сосредоточили свои капиталы в отраслях, которые менее всего были связаны с импортом (особенно импортом в счет субсидий). Это характерно для объединений «Кэпхун» (до 1945 г. была известна главным образом как торговая корпорация, но затем утратила свои позиции) и «Тонъян», первыми в Южной Корее вложивших свои капиталы в цементную промышленность.

Размах деятельности созданных в начале 50-х годов группировок гораздо шире, они стремительно развиваются и по крайней мере три вновь возникших объединения по размерам капитала, который они контролировали, значительно превосходили «старые» корпорации. Это чэболь «Самсон», «Кымсон», «Самхо». В 60-х годах заметно усилила свои позиции «Накхи чэболь», чьи капиталы сосредоточивались в новых развивающихся отраслях химической промышленности и в электротехнической.

После войны в Корее упрочили свое положение и влияние именно те крупные объединения, которые начали вкладывать капиталы помимо традиционных для них отраслей (текстильная, пищевая промышленность)

также в отрасли первого подразделения. Поэтому «Самхо», которая сосредоточивает капиталы в традиционных отраслях, несколько утратила влияние, хотя капитал, который она контролирует,— второй по величине в Южной Корее (10 млрд. вон).

Бизнесмены, возглавляющие «шовые» финансово-промышленные корпорации,— выходцы из провинциальных торговцев и мелких предпринимателей. Так, глава «Самсон чэболь» Ли Бёнчоль ранее подвизался в пивоваренном деле в Тэгу, «Кымсон чэболь» возглавляет Ким Сонгон, в прошлом владелец мыловаренного предприятия в том же Тэгу. Также в Тэгу владел ранее мелким обувным предприятием глава «Самхо чэболь» Чон Джэхю. Мелким торговцем текстильными товарами был в прошлом руководитель «Накхи чэболь» Ку Инхве.

По своей организации и методам ведения дел южнокорейские корпорации чрезвычайно замкнуты. Хотя они созданы как акционерные компании, но акции, выпущенные ими, имеют хождение только среди ограниченного числа определенных деловых лиц. Отчасти это обусловлено слабым развитием фондовой биржи, отчасти тем, что крупные компании, как правило, являются семейными товариществами, а их акции сосредоточены преимущественно в руках лиц, связанных родственными узами. В 1966 г. менее 20 южнокорейских фирм имели акции, допущенные к обороту на бирже. Семейные связи внутри отдельных группировок играют большую роль; главы компаний, входящих в данное объединение, нередко являются кровными родственниками. Существуют родственные отношения и между лицами, входящими в административную элиту конкурирующих корпораций. Такие отношения связывают, например, членов семьи владельца группировки «Накхи» с семьями глав объединений «Самсон» и «Кымсон». Зачисление в штат компании часто зависит от фамильно-кланового родства.

Государственный капитализм

Развитие капиталистического предпринимательства происходит при активном вмешательстве государства в хозяйственную жизнь. Объективной предпосылкой для возникновения государственного капитализма в Южной Корее явилось острое противоречие между низким уровнем развития производительных сил (подорванных к тому же расчленением страны и войной 1950—1953 гг.) и потребностью в создании более или менее целостного современного хозяйственного организма, в ускоренном преодолении отсталости. Частнохозяйственный капитализм, даже при опоре на иностранный капитал, не смог успешно разрешить это противоречие. Поэтому государственный капитализм явился для южнокорейской буржуазии своего рода спасательным кругом, уцепившись за который она смогла решать задачи буржуазно-капиталистической трансформации полуфеодального общества, противопоставляя его социалистическим преобразованиям в КНДР.

Государственный капитализм существует в Южной Корее в двух формах: государственного предпринимательства и государственного регулирования хозяйственной жизни.

Государственная собственность образовалась двумя путями: либо из части бывшего японского имущества, оставшегося в руках государства, либо в результате строительства новых предприятий, государственного предпринимательства.

В 1965 г. южнокорейское правительство полностью контролировало 25—30 ключевых предприятий в различных отраслях хозяйства; их капитал оценивался в 145,5 млрд. вон (около 530 млн. долл.).

Государство занимает монопольное положение в производстве и распределении электроэнергии, на транспорте, в области связи и коммунального хозяйства. Ключевые позиции занимает государство в области производства и распределения твердого и жидкого топлива. Государственная угольная компания «Тэхан соктхан» дает около 40% добываемого в стране угля (1967). Единственный государственный нефтеперерабатывающий завод контролируется одной из американских фирм, вложившей в его строительство 25 млн. долл. Государству принадлежат почти все вольфрамовые рудники (95% добычи), продажа продукции которых является одним из важных источников получения иностранной валюты; под контролем государства находятся основные железные рудники (45% добычи в 1967 г.) и золотые прииски. В обрабатывающей промышленности государству принадлежат ведущие предприятия в черной и цветной металлургии, машиностроении, химической промышленности, судостроении. Южнокорейское правительство полностью контролирует внешнюю торговлю и важнейшие финансовые институты (Центральный корейский банк — «Хангук ынхэн», Банк реконструкции — «Хангук саноп ынхэн» и т. д.).

Существует государственная фискальная монополия на соль, табак, женьшень.

Соотношение государственного и частного предпринимательства в главных отраслях хозяйства характеризуется следующими данными (1965 г., %) ⁴:

Отрасль	Государственный капитал	Частный капитал
Добывающая промышленность	62,2	37,8
Обрабатывающая промышленность	18,2	81,8
Электроэнергетика	72,2	27,8
Транспорт (железнодорожный)	100,0	—
Связь	100,0	—
Кредитные учреждения	84,0	16,0

Государственное предпринимательство в Южной Корее не рассчитано на расширение государственного сектора в экономике (в отличие от стран социалистической ориентации). Его назначение имеет ограниченный характер — стимулирование частнохозяйственного капитализма путем развития инфраструктуры и других отраслей, в которые частный капитал не идет вследствие их большой капиталоемкости и медленной оборачиваемости капитала. В 1965 г. 68,5% государственных вложений приходилось на транспорт, связь, электроэнергетику; на обрабатывающую промышленность — всего 12,9, на добывающую — 3,7%. Те немногие предприятия, которые строятся за счет государственных средств (нередко с привлечением частного капитала), затем приватизируются. Хотя абсолютный объем государственных капиталовложений растет, их доля в валовых капиталовложениях в 1963—1967 гг. не превышала 27% и составила в среднем 23,4% (в 1954—1962 гг., когда частный капитал еще недостаточно окреп, государственные вложения составляли в среднем 40—50%). Государственные предприятия «обслуживают» частнохозяйственный капитализм также путем отпуска своей продукции по льготным, «убыточным» ценам.

С помощью государственного регулирования южнокорейская буржуазия пыталась решить прежде всего проблему капиталонакопления, которая в 60-х годах продолжала оставаться чрезвычайно острой. В этих целях через систему государственных финансов осуществлялось перерас-

пределение национального дохода в пользу буржуазии, регулировалась величина фонда потребления и фонда накопления. Вследствие узости финансовой базы перераспределение национального дохода идет за счет принудительных вычетов части доходов, необходимых для личного потребления основной массы населения (а эти доходы, как правило, намного ниже прожиточного минимума).

Хотя государственное регулирование способствовало росту развитых форм капиталистического предпринимательства, в целом проблема внутренних накоплений решается медленно. Об этом свидетельствуют следующие данные, характеризующие уровень внутренних накоплений и удельный вес иностранной помощи в валовых капиталовложениях в 1953—1969 гг. (%) ⁵:

Год	Удельный вес накоплений в валовом национальном продукте	Удельный вес капиталовложений в валовом национальном продукте	Удельный вес иностранной помощи в валовых капиталовложениях
1953	9,0	16,5	45,5
1956	—	10,6	100,0
1959	3,1	10,7	72,0
1961	4,8	13,0	63,1
1969	18,3	29,6	38,2

В 1953—1969 гг. средняя норма накоплений составляла 6,9% валового национального продукта, средняя норма валовых капиталовложений — 14, а удельный вес иностранной помощи в валовых капиталовложениях — 61,2%. Роль иностранной помощи в решении проблемы накопления продолжает оставаться весьма значительной, что свидетельствует о большой зависимости южнокорейской экономики от внешних источников финансирования.

Наряду с государственными финансами важным инструментом стимулирования накоплений в частном секторе являются государственные кредитные институты. Однако вследствие острой нехватки свободных капиталов возможности мобилизации денежных ресурсов невелики, и они восполняются за счет американской помощи.

В системе государственного регулирования существенное место занимает налоговая политика, которая рассчитана на поощрение крупного капиталистического предпринимательства вообще, а также экспортных отраслей промышленности. Государственный контроль над внешней торговлей является эффективным средством регулирования хозяйственной жизни. Основные рычаги — это таможенные тарифы, экспортно-импортные лицензии, валютный контроль, с помощью которых поощряется ввоз средств производства, ограничивается импорт потребительских товаров, не являющихся предметами первой необходимости. Основной упор делается на поощрение экспорта.

Большое влияние на экономическую жизнь страны государство оказывает регулированием цен на внутреннем рынке, в частности на продовольствие. Реализуя продовольствие, главным образом импортное, по твердым ценам (в условиях большого спроса), государство дает возможность буржуазии удерживать заработную плату на низком уровне и обеспечивать высокие прибыли. Ножицы цен на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары позволяют изымать дополнительно часть доходов крестьянства в пользу буржуазии.

Важным аспектом деятельности государства является кооперирование мелких товаропроизводителей в деревне и мелких капиталистических предпринимателей в городе. Кооперативная политика государства преследует экономические и политические цели. Она является попыткой

смягчить противоречия между мелкой и крупной буржуазией, возникающие на экономической почве, избежать резкого обострения социальных конфликтов.

Осуществляя все эти мероприятия, южнокорейская буржуазия пытается решить не только проблему накопления, но и ряд социально-экономических и политических вопросов. Они носят ярко выраженный классовый характер и отвечают интересам всей южнокорейской буржуазии, однако в первую очередь и главным образом они служат интересам крупной буржуазии.

Состояние производительных сил в деревне

Сравнение уровня развития производительных сил сельского хозяйства Южной Кореи в первые пореформенные годы и в настоящее время показывает, что он изменился крайне незначительно. Эти изменения не оказали сколько-нибудь заметного влияния на производство сельскохозяйственной продукции. В 1960 г. в южнокорейской деревне имелось по одному плугу на пять-шесть хозяйств, одна соха на четыре хозяйства и одна ручная прополочная машина на 14 хозяйств, одна веялка на 50 хозяйств и одна лопата на хозяйство. К 1968 г. число этих простейших орудий труда по существу не изменилось. Появилось только некоторое количество подсобных орудий (например, опылителей и распылителей — 33 тыс. штук, из них 2% — с моторами). Общее число культиваторов, молотилок, соломорезок и т. д. достигло 40 тыс., что, безусловно, очень мало даже для Южной Кореи. Увеличилось число механических помп в ирригационной сети. Если в начале 60-х годов их не было вообще, то в 1967 г. насчитывалось уже 51,9 тыс. штук (50% — с моторами).

Как и раньше, сельское хозяйство Юга не знает ни комбайнов, ни сеялок, ни тракторов. Только к 1976 г. правительство Южной Кореи планирует довести число тракторов до 7 тыс., что, по его расчетам, позволит обрабатывать машинами немногим более 400 тыс. чонбо⁶. Ручной труд был и остается основой всех сельскохозяйственных работ в южнокорейской деревне.

Из-за нехватки собственных удобрений Южная Корея до 1960 г. ежегодно импортировала химические удобрения на 50 млн. долл.⁷. Ввод в строй нескольких химических предприятий улучшил снабжение сельского хозяйства. В 1960 г. было произведено почти 85 тыс. т химических удобрений, в 1968 г. — 1243 тыс. т. Это ликвидировало дефицит и создало условия для удовлетворительного обеспечения сельского хозяйства. Вопрос о снабжении ядохимикатами полностью не решен и до настоящего времени. В 1953—1960 гг. Южная Корея теряла от вредителей сельскохозяйственных культур (рисовая головня и др.) примерно 10% зерновых в год. Закупки ядохимикатов за границей позволили уменьшить потери до 5—7% урожая, но при малых экспортно-импортных возможностях сельское хозяйство Юга будет нести урон до тех пор, пока не наладится национальное производство ядохимикатов.

Южная Корея — страна поливного земледелия. Основой земледелия, фактором, определяющим судьбу урожая, является ирригация. Южная Корея располагает значительной, но примитивной ирригационной сетью «местного значения». Это небольшие ирригационные системы, восстановленные или вновь построенные после 1960 г. на средства ирригационных товариществ (обслуживают по две-три деревни). В некоторых из них стали применяться механические помпы. Ирригационные системы Юга не имеют достаточно больших водохранилищ, поэтому продолжительная засуха обычно приводит к гибели урожая. О состоянии ороше-

ния в Южной Корее говорят следующие данные: в 1960 г. из общей площади 1,22 млн. чонбо, занятой под рисом, орошалось устойчиво (т. е. с достаточным обеспечением водой и способами ее подачи) только 669 тыс. чонбо, т. е. 55%. К 1968 г. общая площадь земель под рисом увеличилась до 1,3 млн. чонбо, устойчиво орошаемая — до 757 тыс. чонбо, т. е. до 58%. В 1968 г. засуха почти уничтожила посевы риса на площади 507 тыс. чонбо, в результате чего недобор риса составил 1244 тыс. т. К 1971 г. все земли, занятые рисом, стали орошаемыми, и это позволило увеличить его сборы.

На развитие производительных сил сельского хозяйства Южной Кореи существенное влияние оказывает незначительное развитие животноводства — самой отсталой отрасли сельского хозяйства Юга. Животноводство дает хорошее и дешевое удобрение полям. Крупный рогатый скот является основной тягловой силой. Слабое развитие животноводства ведет к недостаточному потреблению населением мясо-молочных продуктов.

В 1960 г. в Южной Корее насчитывалось 1010 тыс. голов крупного рогатого скота; в 1969 г. — 1,2 млн. голов; соответственно свиней 1,4 млн. и 1,46 млн. голов; домашней птицы — 12 030 тыс. и 23,8 млн. штук. В Южной Корее имеется также свыше 20 тыс. лошадей, которые используются только для перевозки грузов. Почти полностью отсутствует молочное животноводство. В 1970 г. в Южной Корее было 25 тыс. молочных коров.

Основным препятствием на пути развития животноводства является узость кормовой базы (отсутствие естественных пастбищ, нехватка зерна и т. д.). Южная Корея обеспечивает внутренним производством только 25% потребностей животноводства в кормах (160 тыс. т). Остальные 75% кормов импортируются. Нехватка их в 1968 г. привела к вынужденному забою скота (крупного рогатого — 301 тыс. голов, свиней — свыше 400 тыс.).

Если снабжение городского населения в какой-то мере осуществляется за счет импорта мясо-молочных продуктов, то жители сельских районов мяса почти не употребляют. Местные органы власти разрешают забой только больных или старых животных.

Продовольственная проблема — острейшая проблема не только в экономической, но и в политической жизни Южной Кореи, что является прямым следствием аграрной политики правящих клик. Южнокорейские экономисты исчисляют нехватку зерновых в стране в 25%. Фактически дефицит зерна на Юге превышает 30%. Ежегодно, по сведениям южнокорейской прессы, в стране голодают миллионы людей — в основном беднейшие крестьяне.

Экономический эффект от проведения аграрной реформы оказался ниже ожидаемого. Известно, что 90% доходов сельского хозяйства Южная Корея получает от растениеводства (в том числе 70% дают зерновые культуры), а 10% — от животноводства и шелководства. В связи с тем что страна постоянно, даже в урожайные годы, испытывает острый дефицит зерновых, прежде всего риса, власти пытаются найти выход из этого положения посредством увеличения площади, занятой под рисом. Однако с 1960 по 1968 г. площадь под рисом увеличилась всего лишь на 80 тыс. чонбо⁸. Ограниченность фонда обрабатываемых земель Южной Кореи — основное препятствие для дальнейшего увеличения площадей под посевы риса. Попытки южнокорейских властей (до 1960 г.) изменить структуру посевных площадей окончились провалом ввиду растущих требований промышленности на продукцию технических культур, площади под которыми стали сокращаться.

Крайне перенапряженный продовольственный баланс на Юге сохранился. Несмотря на то что площади, занятые рисом и особенно другими зерновыми, увеличивались и в 1968 г. составили около 80% всей посевной площади Южной Кореи, производство зерновых вплоть до 1962 г. находилось в состоянии застоя. В 1945—1969 гг. Южная Корея собирала, не считая особенно урожайных лет, 2,1—2,4 млн. т риса и 1,0—1,3 млн. т прочих зерновых ежегодно.

Некоторое упорядочение снабжения сельского хозяйства удобрениями, ядохимикатами, гибридными семенами и простейшим сельскохозяйственным инвентарем, а также незначительное улучшение и расширение ирригационной сети привело к росту сбора риса и других зерновых. В отдельные годы (1966, 1969, 1970) благоприятные климатические условия позволили снять рекордные для Юга урожаи. Но даже они не обеспечивают потребность в зерне национальным производством. Так, после рекордного урожая 1969 г. правительство Юга объявило о закупке 1,9 млн. т зерна за границей.

О производстве зерновых на Юге Кореи можно судить по следующим данным о валовом сборе продовольственных культур в 1960—1970 гг. (тыс. т.)⁹:

Год	Всего	Рис	Прочие зерновые ¹⁰	Бобы	Картофель
1960	5272	3047	1749	150	326
1961	5933	3463	1897	190	383
1962	5423	3015	1787	182	439
1963	5742	3758	1289	182	513
1964	7066	3954	1985	191	936
1965	7005	3501	2256	203	1045
1966	7568	3919	2482	195	972
1967	6836	3603	2367	235	631
1968	6857	3195	2615	288	759
1969	7740	4090	2555
1970	7475	3939	2453	...	758

При анализе динамики производства сельскохозяйственных продуктов и решении вопроса о том, насколько оно обеспечивает потребности страны, необходимо учитывать темпы прироста населения. В 1945—1962 гг. ежегодному увеличению производства сельскохозяйственной продукции на 1,5—1,7% противостоял ежегодный прирост населения, равный 2,8—3%. В 1963—1971 гг. прирост сельскохозяйственной продукции увеличился до 4—5%, а населения — до 2,2%¹¹. В условиях Южной Кореи, сохраняющей все эти годы зерновой дефицит на уровне 25% потребления, ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции должен опережать прирост населения в 3—4 раза. Только в этом случае возможно улучшение продовольственного положения страны.

Чтобы смягчить остроту продовольственной проблемы власти Южной Кореи пытаются решить три задачи: увеличить производство зерновых, изменить традиционный пищевой рацион, который, на их взгляд, включает слишком много риса, и ограничить рождаемость. Некоторого увеличения производства зерновых южнокорейской администрации удалось добиться. Но это не решило проблемы, так как снижение рождаемости продвигается весьма медленно. Хотя, по прогнозам южнокорейских экономистов, прирост населения в 1972—1976 гг. должен составить в среднем 1,5%, однако существующие темпы снижения рождаемости вызывают сомнения в реальности этой цифры. Решение проблемы заметно тормозит и ускорившийся прирост городского населения. Большие трудности существуют также и в изменении традиционного пищевого рациона.

Зерновой дефицит сохранился, и по-прежнему правительство Южной Кореи вынуждено ввозить зерно из США, Японии, Тайваня и из других мест. По сообщению южнокорейских агентств, в 1968 г. Южная Корея ввезла 897 тыс. т пшеницы и муки и 200 тыс. т риса из США, «заняла» у Японии 400 тыс. т риса. В 1970 г. ввоз зерна превысил 1900 тыс. т, а в 1971 г. — 1 млн. т.

Из-за медленного перехода господствующей системы хозяйства на рельсы крупного, капиталистического производства южнокорейское земледелие не способно заметно увеличить товарный выход зерна. Положение усугубляется тем, что голодает больше всего сама деревня, поэтому прирост производства зерна не дает увеличения его товарного выхода: прирост, если его не отбирает правительство, съедают крестьяне.

На крайне низком уровне находится производство технических культур (в 1968 г. ими было занято свыше 250 тыс. чонбо). Как и в прежние годы, Южная Корея не удовлетворяет свои потребности в наиболее важном для текстильной промышленности сырье — хлопке (в 1970 г. в США было закуплено 160 тыс. кип хлопка на сумму 94,3 млн. долл.)¹².

Важное место среди сельскохозяйственных культур Юга занимают овощи, особенно белая редька и китайская (ствольная) капуста, производство которых дает около 70% сбора овощных культур. Выращиваются также перец, чеснок, лук, огурцы, томаты и т. д. Под овощными культурами занято 100—150 тыс. чонбо, годовое производство достигает 1—1,2 млн. т в год. Основная масса овощей производится в хозяйствах крестьян. В сравнительно небольших количествах культивируются на Юге бахчевые культуры.

Несмотря на крайне благоприятные климатические условия и возможность использовать под фруктовые сады земли, непригодные для других культур, садоводство на Юге развито слабо. На Юге хорошо произрастают яблоки, груши, сливы, хурма, виноград, персики, апельсины и т. д. Общий сбор фруктов в 50—60-х годах не превышал 200 тыс. т, т. е. на душу населения производилось 5—6 кг (в пересчете на 30 млн. населения).

Огромное значение в решении продовольственной проблемы могло бы иметь рыболовство. С трех сторон Корею омывают моря, в которых обитает около 70 видов рыб, имеющих промышленное значение; прибрежные воды богаты кальмарами, осьминогами, крабами, а также устрицами и другими съедобными моллюсками, морской капустой и т. д. В Южной Корее рыболовством занимается около 1,2 млн. человек (1970). Однако добыча рыбы и морских продуктов невелика: в 1960 г. она составила 343 тыс. т¹³, в 1970 г. — 935 тыс. т¹⁴.

Аграрная политика правящих кругов

Пореформенное сельскохозяйственное производство Южной Кореи медленно трансформируется в капиталистическое производство. Не выходит из рамок капиталистической эволюции и почти стопроцентное кооперирование (не производственное) крестьянских хозяйств Юга.

С помощью кооперативов администрация Пак Чонхи (а ранее — лисынмановская) пытается внедрить в деревню новые формы организации производства. Вместе с тем создание широкой сети кооперативов и органов управления ими, бдительный надзор правительства над экономической и политической деятельностью кооперативов ставит сельское хозяйство Южной Кореи на путь превращения в своего рода государственный капиталистический сектор.

Декрет о сельскохозяйственных кооперативах был опубликован 14 февраля 1956 г. С 1957 г. он проводится в жизнь. Его авторы сделали все для создания льготных условий вложения и реализации капиталов бывшими помещиками, которые после реформы стали числиться «крестьянами», а также для объединения в кооперативах кулаков и зажиточных середняков. Декрет о сельскохозяйственных кооперативах (они планировались в основном как кредитно-снабжениеские и бытовые) открывал для этих категорий сельского населения возможность предпринимательской деятельности путем приобретения неограниченного количества паев.

Доходы кооперативов распределялись по паям; по существу для владельцев большого количества паев эти доходы превратились в прибыль на вложенный капитал. Не случайно первые кооперативы (1957—1958), как правило, состояли из зажиточных крестьян; они же занимали все руководящие должности. Вплоть до 1961 г. основная масса крестьянства, преимущественно беднейшая часть южнокорейской деревни, бойкотировала кооперативы. Правительство Ли Сынмана планировало за два-три года создать в Южной Корее 25 464 кооператива, объединив в них почти 90% крестьянских дворов. Сопrotивление крестьянства привело к тому, что к концу 1958 г. был создан 7541 земледельческий кооператив и 174 животноводческих, садоводческих и специальных. Было также организовано 110 городских и уездных управлений сельскохозяйственными кооперативами во главе с Центральным правлением.

1 февраля 1957 г. был опубликован закон о создании Сельскохозяйственного банка — «Ноноп ынхэн». Основной функцией банка было кредитование сельскохозяйственных кооперативов, ставших его акционерами. Каждый кооператив был обязан приобрести акции на 10 тыс. хван. Основным акционером становилось государство, так как оно предоставляло Сельскохозяйственному банку основную часть капитала. В 1958 г. капитал банка составил 30 млрд. хван. В разных провинциях Юга было создано 370 отделений банка.

Льготными кредитами воспользовались прежде всего бывшие помещики, широко развернувшие ростовщическую деятельность в деревне. Не случайно на 1967 г. из 22 млрд. вон (до денежной реформы это равнялось 220 млрд. хван) крестьянской задолженности 80% составляли долги сельским ростовщикам. Практически Сельскохозяйственный банк не решил проблему кредита, ибо для того, чтобы пользоваться последним, крестьянин должен был стать акционером банка, что не всегда мог сделать. В залог, кроме земли, сдавать было нечего, а сдача земли в залог до 1967 г. была запрещена. По-прежнему для крестьян доступен был лишь ростовщический кредит. В 1961 г. после прихода к власти военной хунты Пак Чонхи кооперирование стало принудительным. Уже в 1964 г. в деревнях было 21 518 кооперативов (не считая 139 городских и 138 животноводческих), охватывавших 2,2 млн. членов (в расчет принимаются только главы семей). В кооперативы полностью было вовлечено 86% деревень и сел. Таким образом, 93% всех крестьянских дворов было кооперировано¹⁵.

Для улучшения финансирования сельскохозяйственных кооперативов 15 августа 1961 г. Сельскохозяйственный банк Южной Кореи был слит с Центральным правлением кооперативов.

Через систему кооперативов правительственные органы производят закупки зерновых (обязательные поставки) и других сельскохозяйственных продуктов, взимают налоги, продают сельскохозяйственную технику, удобрения, ядохимикаты.

Кооперирование сельского хозяйства преследовало те же цели, что и проведение земельной реформы. В частности, одной из его целей было смягчение классовых противоречий в южнокорейской деревне. Однако кооперирование подобного рода, когда членами кооперативов становятся и помещики, оставшиеся в деревне после реформы, и кулаки, и середняки, и бедняки, когда распределение доходов происходит по числу паев (а их надо иметь не меньше двух), при сохранении частной собственности на орудия и средства производства, — классовые противоречия, естественно, не смягчаются. Наоборот, кооперирование будет ускорять классовую дифференциацию и образование, с одной стороны, капиталистических предпринимателей, а с другой — наемных сельскохозяйственных рабочих и пауперов. Уже в 1965 г. в южнокорейской деревне имелось 168 тыс. постоянно безработных. Если учесть, что в том же году в деревне имелось 220 тыс. сезонных сельскохозяйственных рабочих и 337 тыс. поденных, то число полубезработных и безработных в деревне составило 725 тыс. Кроме того, имелось 217 тыс. постоянных сельскохозяйственных рабочих. К найму рабочей силы независимо от сроков найма прибегали 2112 тыс. хозяйств различного типа (75 тыс. хозяйств имели от одного до трех постоянных рабочих, не считая сезонных и поденных)¹⁶. Наличие 942 тыс. человек, жизнь которых зависит от возможности продать свою рабочую силу, свидетельствует, что в южнокорейской деревне развивается процесс классовой дифференциации.

Налоговая система Южной Кореи прикрывает видимостью закона самый настоящий грабег трудящихся масс, в первую очередь крестьянства, составляющего около 60% населения. Она сохранила все основные черты налоговой системы колониального периода. В настоящее время в Южной Корее насчитывается 24 общегосударственных налога и свыше 20 местных (даже в колониальной Корее было 26 налогов). Косвенные налоги дают около 70% всех поступлений, они особенно тяжелы для трудящихся, в наибольшей степени понижают уровень их материальной жизни.

Некоторые поборы не называются официально «налог», хотя фактически это налоги (выкуп за землю, плата за удобрения и ядохимикаты). Кроме ряда местных и общегосударственных поборов, которые платят все, крестьяне дополнительно ежегодно вносят налог земельный; они также возвращают государству ссуды, выплачивают миллиарды вон за принудительно распределенные облигации государственных займов, платят взносы во всевозможные резервные фонды, вносят образовательный, дорожный и другие налоги. Все это дополняется обязательными государственными поставками зерна и других продуктов питания.

Однако основным для крестьян является земельный налог. С 1945 и до 1951 г. он исчислялся по системе, введенной после проведения земельного кадастра в 1912—1918 гг., т. е. взимался с общей площади земли в размере 1,7% ее официальной оценки независимо от урожая и рыночной цены земли. В 1951 г. система его взимания была изменена. Земельный налог стал прогрессивным и устанавливался в зависимости от размера урожая, определявшегося предварительно местными властями. От уплаты освобождались крестьяне, собиравшие с участка менее 450 кг зерна. Подходный и подворный налоги взимались отдельно. Предварительная оценка урожая часто не совпадала с реальным сбором.

В 1956 г. метод исчисления земельного налога был вновь изменен. С каждого двора независимо от размеров обрабатываемой площади взимается по 600 кг зерна — это бывший подворный налог. Его размер вычитается из урожая, а с оставшегося количества зерна взимается прогрессивный налог, состоящий из основы и градуированной надбавки, ис-

числяемой в процентах от сбора за вычетом 600 кг.

Шкала, по которой идет расчет земельного налога, выглядит так:

Сбор зерна за вычетом поворного налога, кг	Основа налога, кг	Градированная надбавка, %
Менее 750	0	7
750—1500	52,5	9
1500—3000	120	14
3000—4500	330	20
4500—6000	630	27
6000—7500	1035	35
Свыше 7500	1560	37

Налог сильно бьет даже по зажиточной части южнокорейского крестьянства, не говоря уже о бедняцких хозяйствах; земельный налог уплачивается натурой: у крестьян ежегодно изымается 450—600 тыс. т зерна. В 60-х годах земельный налог с крестьянства, по сообщению южнокорейского агентства, давал в бюджет страны 3—4 млрд. вон.

Крестьянство Южной Кореи ежегодно уплачивало 37,5—75 тыс. т зерна в счет платежей за землю, полученную по аграрной реформе; в качестве налога за удобрения оно ежегодно выплачивало около 15 тыс. т зерна, возврат ссуд государству отнимал у него 37,5—45 тыс. т зерновых. Ежегодно крестьяне должны были производить обязательные поставки зерновых государству (12% сбора риса), что давало казне примерно 220—280 тыс. т риса. Власти Южной Кореи старались также принудить крестьян продавать как можно больше зерна государству.

С 1958 г. южнокорейские власти ввели обязательные для крестьян взносы в три фонда — регулирования, резервный и семенной, несколько снизив плац закупок зерновых; по этим фондам крестьянство теряло в год от 150 тыс. до 225 тыс. т зерновых.

Фактически налоговые поборы в Южной Корее еще больше, но по многим из них нет конкретных данных.

Выкачка огромных материальных ценностей обескровила крестьянские хозяйства Юга, она создает условия, при которых подчас невозможно даже простое воспроизводство, не говоря уже о расширенном. Некоторое упорядочение вопроса о кредитах не избавило крестьян от ростовщиков, и они по-прежнему вынуждены к ним обращаться. В роли ростовщиков выступают и члены кооперативов — бывшие помещики и кулаки, и государство, предоставляющее зерновые ссуды. Для пореформенной деревни Юга характерен чудовищный рост крестьянской задолженности, которая в 1966 г. уже составляла около 25 млрд. вон. Даже реакционный южнокорейский журнал «Сасанге» («Мир идей») констатировал: «Если хотя бы один раз крестьянин попал в лапы к ростовщику, он вынужден долгие годы быть его должником и для него уже нет возможности выйти из этого положения»¹⁷.

Чтобы вести хозяйство и не потерять землю, большинство южнокорейских крестьян принуждены довольствоваться простейшей техникой, дедовскими агрономическими приемами, сводить свое потребление к минимуму, который ставит под угрозу само воспроизводство непосредственного производителя. Крайне низкая техническая оснащенность сельскохозяйственного производства зависит также и от технической отсталости промышленности Южной Кореи.

Осуществив земельную реформу, правящие круги Юга только несколько ослабили полуфеодалные путы на сельском хозяйстве. Реформа была проведена в стране с низким уровнем развития капитализма. Как до реформы, так и в настоящее время капитализм в сельском хозяйстве развивается крайне медленно и представлен самими

низшими формами: небольшая часть бывших помещиков и кулаки ведут хозяйства на полукапиталистической основе. После слияния Сельскохозяйственного банка с Центральным правлением кооперативов кредитование несколько улучшилось, однако для широкого предпринимательства в сельском хозяйстве оно явно недостаточно.

По-прежнему процветает ростовщичество: ростовщический процент доходит до 100. Власти не хотят снизить налоги и различные поборы, составляющие почти 70% бюджетных поступлений. В крестьянских хозяйствах невозможно создавать накопления. Правительство по-прежнему проводит невыгодную для крестьян политику цен на сельскохозяйственную продукцию, орудия труда, удобрения, ядохимикаты. Одновременно оно не старается создать современную инфраструктуру сельского хозяйства, организовать государственную сеть ирригации. Экономически слабые кооперативы Юга не могут сами решать эти проблемы, поэтому все узкие места сельского хозяйства, о которых говорилось выше, будут сохраняться еще длительное время, разрушая надежды крестьянства, порожденные земельной реформой.

Правящие круги Южной Кореи проводят аграрную политику, направленную на превращение сельского хозяйства в государственно-капиталистический сектор экономики страны, что, видимо, вытекает из общей программы Пак Чонхи, неоднократно заявлявшего, что он строит в Корее «корпоративное общество», что его основная забота, основная цель — улучшить жизнь крестьян, что только он понимает нужды крестьян. Социальной демагогией, мелкими подачками в виде бесплатной раздачи продуктов голодающим, отменой налогов с крестьян, у которых земли хватает только на маленький огород, Паку удалось добиться того, что крестьянство при выборах президента уже не раз обеспечивало ему победу.

В Южной Корее в настоящее время нет организованного крестьянского движения, хотя отдельные выступления участились. Крестьянство политически еще незрело, его нейтралитет в отношении различных политических событий в городах Юга тормозит процесс консолидации демократических, прогрессивных слоев южнокорейского общества в масштабах страны, ограничивает его рамками города.

ГЛАВА 6
КУЛЬТУРА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ
(1945—1970)

**Идеологическая экспансия США и Японии
в Южной Корее. Основные идеологические
концепции южнокорейского режима**

Идеологическая и культурная экспансия Соединенных Штатов и Японии в Корее непосредственно связана с их колониальной политикой. Еще на рубеже XIX—XX вв. эти молодые империалистические хищники в поисках объектов колониальных захватов столкнулись на Корейском полуострове. В то время Соединенные Штаты не смогли вытеснить Японию и дело закончилось сделкой между ними, в результате которой Корея была отдана на откуп японским колонизаторам. Вскоре последовала аннексия и Корейский полуостров был превращен в колониальный придаток Японской империи. Порабощение страны продолжалось более 30 лет; духовная жизнь народа подвергалась постоянному воздействию идеологии японского милитаризма, пытавшегося подчинить развитие корейской культуры своим колониальным интересам. Однако империализм США не примирился с утратой Кореи. В условиях полного контроля со стороны японских колонизаторов проводниками американского влияния стали главным образом миссионеры, которые вели просветительскую деятельность, строили церкви, школы, приюты, обращали в христианскую веру корейское население. Однако и здесь они оказались в значительной степени ограничены колониальными японскими властями, а к 40-м годам японцы-христиане сумели захватить руководство христианским движением в Корее.

Разгром японского милитаризма во второй мировой войне коренным образом изменил обстановку в Корее. На смену японскому колониализму пришли американские неокolonизаторы. С этого времени и до настоящих дней южнокорейское общество испытывает постоянное воздействие идеологических концепций неокolonизма США и сильное влияние западной буржуазной культуры.

Вместе с тем с начала 60-х годов возрождающийся японский империализм стал проявлять повышенный интерес к Южной Корее. Испытывая серьезные внутри- и внешнеполитические затруднения, отягощенные колоссальными военными расходами, США привлекли в Южную Корею японский империализм, рассчитывая переложить на него часть бремени по поддержанию сеульского режима, но при сохранении за собой решающих политических позиций. После «нормализации» японо-южнокорейских отношений в июне 1965 г., которая была достигнута под сильным нажимом США, начался новый, активный этап не только экономического, но и идеологического, культурного проникновения Японии в Южную Корею. Эта экспансия, расширяясь, способствовала обострению империалистических противоречий между США и Японией. Она ведет к столкновению на корейской почве неокolonизалистских идеологических концепций обеих держав и к ожесточенной борьбе за влияние.

Таким образом, в настоящее время Южная Корея вновь стала объектом империалистических устремлений не только США, но и Японии. При этом сфера идеологического и культурного воздействия в их неоколониалистской политике занимает все большее место, так как в современных условиях, когда империалистическим силам становится все труднее применять прямые методы подавления и принуждения народов зависимых стран, они охотно используют пути косвенные, прибегая к наиболее изощренным и замаскированным методам эксплуатации масс, защиты и пропаганды капиталистических «благ». Одно из важнейших средств удержания народов зависимых государств в узде — идеологическая и культурная экспансия, насаждение, сохранение и упрочение колониальных порядков, обман трудящихся, притупление их классового и национального самосознания, ярая пропаганда антикоммунизма, разжигание националистических пережитков.

Идеологическая и культурная экспансия США и Японии в Южную Корею имеет как много общего, так и много специфического, присущего только каждой из них. В задачи империализма США на данном этапе входит с помощью идеологического и культурного влияния укреплять и сохранять уже завоеванные им в прошлом позиции в Южной Корее, поддерживать зависимый режим и способствовать упрочению его социальной базы, помогать южнокорейским властям держать в повиновении народ и противостоять революционизирующему влиянию Корейской Народно-Демократической Республики. Цели японского проникновения в Южную Корею в области идеологии и культуры уже: они сейчас заключаются в том, чтобы завоевать поддержку и доверие южнокорейской общественности и создать благоприятные условия для экономического проникновения и установления политического влияния.

При различии конкретных задач на определенном отрезке времени как Соединенные Штаты Америки, так и Япония преследуют одинаковую конечную цель — всемерное укрепление своих экономических, политических и идеологических позиций в Южной Корее.

Американский империализм имеет в Южной Корее сильные позиции. Система неравноправных договоров, фактическая оккупация южнокорейской территории войсками США, большая зависимость страны от экономической и военной помощи Америки обеспечивают ему возможность проводить свою политику. Япония пока добилась наибольших успехов в сфере экономической экспансии; возможности ее политического влияния несравненно меньшие, однако они постепенно возрастают.

Идеологическая и культурная экспансия американского империализма в Южной Корее охватывает буквально все области общественно-политической и культурной жизни, она осуществляется с помощью широкой сети специальных учреждений и организаций, американских и международных. Этим в первую очередь занимаются Управление по вопросам образования и культуры и Управление по связи с общественностью в составе государственного департамента Соединенных Штатов, Управление культуры и информации (ЮСИА), Пентагон, научно-исследовательские центры по изучению Кореи в Калифорнийском, Вашингтонском, Колумбийском, Мичиганском, Индианопольском, Гавайском и других американских университетах, ЮНЕСКО и «Корпус мира»¹, а также многочисленные «фонды» («Азиатский фонд», «Американо-южнокорейский фонд», «Фонд Форда», «Фонд Рокфеллера» и др.), созданные в основном на субсидии американских монополистических объединений. Деятельность «фондов», точнее, созданных в Южной Корее их филиалов,

занимает существенное место в идеологической и культурной экспансии. Так, филиал «Азиатского фонда» был открыт в Южной Корее в 1953 г. и за прошедшие годы израсходовал несколько миллионов долларов на организацию библиотек, лекций, выставок, распространение литературы, периодических изданий и обучение молодежи и специалистов. За счет «фонда» велось строительство зданий для различных профессиональных объединений южнокорейской интеллигенции. Естественно, что содействие со стороны «фонда» оказывалось лишь проамерикански и антикоммунистически настроенным организациям и лицам. Пользующиеся его помощью вскоре оказывались в прямой зависимости от такого рода «благотворительной» деятельности. Южнокорейский печатный орган «Чиндан»² в статье «Черная завеса Азиатского фонда» писал: «Ныне имеет место крайне постыдное явление, заключающееся в том, что деятели культуры Южной Кореи пресмыкаются перед каким-либо иностранным фондом, поскольку этот фонд, например Азиатский, предоставляет им как просителям помощи доллары». «Американо-южнокорейский фонд» был основан в 1952 г. За 10 лет (1952—1961) в Южной Корее он израсходовал на пропагандистские цели 12 млн. долл. Имеются филиалы «Фонда Рокфеллера» и «Фонда Форда», которые ведут широкую антикоммунистическую пропаганду, в особенности против стран социалистического содружества.

Существенную роль играет также Управление международного развития, входящее в состав госдепартамента; наряду с оказанием экономической и технической помощи Южной Корее оно выделяет некоторые средства и на развитие в стране просвещения, науки и культуры в угодном империализму США направлении, посылает всевозможные «группы наблюдателей», «группы советников» и отдельных своих представителей в страну. Идеологическое и политическое назначение этой помощи «на цели культуры» заключается в том, чтобы противодействовать распространению коммунизма, и предоставляется она только антикоммунистическим режимам.

Часть всех этих ведомств и организаций тщательно изучает и анализирует южнокорейскую действительность, настроения творческой, научной и технической интеллигенции, взгляды и политические склонности ее ведущих представителей и, учитывая все, разрабатывает конкретные программы идеологического и культурного воздействия, наиболее эффективные формы и методы влияния на общественное мнение страны; другая же часть занимается реализацией намеченных программ и планов.

В их поле зрения находятся южнокорейская культура, искусство, печать, радио, телевидение, кино. Они поставляют для них и распространяют сами информацию и материалы, рассчитанные на самые различные слои населения: специальные пресс-бюллетени, сборники с речами американских официальных лиц и другими документами Белого дома, издают для различных категорий населения журналы, организуют распространение американских кинофильмов, направляют деятельность вещающих на Южную Корею американских радиостанций. Оказывая техническую помощь южнокорейским государственным и частным радиостанциям, США воздействуют на них и через своих «советников» и «специалистов».

«Культура ради самой культуры не может иметь места в информационной (т. е. идеологической.— Авт.) программе Соединенных Штатов»³ — так формулирует госдепартамент подлинный смысл своей идеологической и культурной деятельности за рубежом, в странах, подобных Южной Корее.

В осуществлении идеологической и культурной экспансии империалисты США опираются на функционирующие в ряде важнейших городов Южной Кореи американские «дома культуры» и информационные центры, которые ведут активную деятельность с помощью состоящих в их распоряжении кинотеатров, библиотек, кинопередвижек, лекториев и т. п. Обычно эти местные центры находятся в ведении отдела информации посольства США в Сеуле, который подчинен ЮСИА и госдепартаменту.

Существенное содействие этим «культурным центрам» оказывают созданные при поддержке США общественные организации американофильского характера — «Общество культурной связи Кореи с США», «Организация южнокорейско-американского просвещения», «Лига по распространению современных идей», «Объединенный союз культурных организаций», «Общество моральных принципов» и т. п. В их задачу входят оказание помощи в осуществлении культурных связей между США и Южной Кореей и рекомендация американской стороне тех или иных лиц для направления на учебу или на практику в Штаты. В соответствии с принятым американским парламентом законом № 584, известным как «закон Фулбрайта», ряду указанных организаций ежегодно выделяются значительные средства, получаемые от продажи излишков сельскохозяйственных продуктов.

Система идеологического и культурного проникновения Японии в Южную Корею еще только складывается. После прихода к власти в мае 1961 г. военного режима Пак Чонхи южнокорейское правительство, поощряемое империалистическими кругами Соединенных Штатов Америки, провозгласило одним из важнейших принципов своей внешнеполитической деятельности достижение «нормализации» японо-южнокорейских отношений.

Будучи крайне заинтересованными в инвестициях иностранного (в частности, японского) капитала и в расширении заграничных рынков, военные власти с 1962 г. пошли на проведение политики «открытых дверей» по отношению к Японии в области экономики и культуры⁴. Культурный обмен вплоть до «нормализации» в 1965 г. был весьма активным. Обмен спортсменами, музыкантами, учеными осуществлялся почти так же, как и между другими странами.

После заключения Договора об основных отношениях между Японией и Южной Кореей (июнь 1965 г.) начался период бурного расширения их идеологических и культурных контактов. Проникновение Японии в Южную Корею приняло уже через год такие большие масштабы, что правительство Южной Кореи вынуждено было ограничивать вторжение японского империализма по идеологическим и культурным каналам. 26 июня 1966 г. оно установило ряд запретов на ввоз литературы и других печатных изданий из Японии, ограничило импорт японских кинофильмов, рекламы; были предприняты шаги по регулированию резко возросшего приезда в страну официальных и неофициальных японских представителей и просто туристов.

Естественно, что японский империализм еще не имеет такой широкой сети культурных, пропагандистских и других учреждений и организаций, как Соединенные Штаты; его политическое влияние на правительство Южной Кореи также пока ограничено. Однако с каждым годом, по мере развития дипломатических контактов, внедрения японских монополий в экономику и расширения торговых, научно-технических и культурных связей между обеими странами, политическое влияние со стороны японского империализма возрастает. Одновременно увеличивается число каналов для идеологического и культурного проникновения Японии. При

этом японский империализм стремится восстановить на новой основе и традиционные, сложившиеся еще в колониальный период, методы и средства своего духовного влияния.

Кроме культурных контактов на высоком уровне японские империалистические круги используют для идеологического воздействия на население создаваемые в Южной Корее многочисленные представительства японских монополистических объединений, культурные центры, корреспондентские пункты, в особенности различные учебные заведения и центры в стране и в самой Японии, где с «помощью» японских специалистов готовятся технические и научные кадры для Южной Кореи.

Одним из широко применяемых империалистическими силами методов идеологической и культурной экспансии является подготовка южнокорейских кадров в американских или японских учебных заведениях, прием их на учебу, для прохождения практики, обмена опытом и т. п. Этой форме влияния придается в последнее время особое значение, прежде всего потому, что она позволяет воздействовать на молодежь. Обмен с США осуществляется обычно либо в счет научно-технической помощи, либо на средства «фондов». С 1953 по 1966 г. в Соединенных Штатах обучалось более 6,3 тыс. южнокорейских студентов и практикантов. Обмен с Японией особенно активно стал развиваться в последние годы. За один только 1966 год общая численность выехавших в Японию южнокорейцев составила больше 20 тыс. (в 3 раза больше, чем в 1965 г.), в том числе более тысячи в порядке обмена.

В процессе обучения, практики или обмена опытом значительное место отводится воспитанию молодежи в антикоммунистическом, проамериканском или прояпонском духе, внушается слепое преклонение перед «ценностями» образа жизни в США или Японии. В свою очередь, специалисты, направляемые из этих стран, особенно из США, нередко проходят предварительно курсы или инструктаж в духе идеологических и политических установок правительств обеих стран.

Другим важным средством идеологического и культурного воздействия является распространение в Южной Корее печатного слова. Из Соединенных Штатов завозится в Южную Корею около 40% всей импортируемой в страну периодики и литературы и более 50% — из Японии. Численность периодических японских изданий с 1962 по 1965 г. возросла с 83 до 216 наименований⁵. Эта литература большей частью посвящена политической тематике, проповедует реакционные философские и социально-экономические концепции современных апологетов капитализма или является малохудожественной развлекательной продукцией типа бестселлеров.

При этом США экспортируют самую разнообразную литературу и периодику, а Япония уделяет особое внимание учебной литературе, которая переводится на корейский язык и тщательно разрабатывается с учетом интересов японской политики.

В целях идеологической экспансии активно используются радиовещание и телевидение. На Южную Корею вещают более десяти всевозможных радиостанций, которые или непосредственно находятся в ведении США или в значительной степени от них зависят. Ежедневно по многу раз ведет передачи «Голос Америки», эфир забит передачами «Радио главного командования войск ООН в Корее», «Голоса свободы» (радио американских войск в Южной Корее). На слушателей обрушиваются потоки телевизионных программ, которые принимаются из США, Окинавы и других близлежащих американских телестанций.

В последние годы заметно возросла роль японского империализма в печатной, радио- и телепропаганде на Южную Корею. Захватив руко-

водство в Организации информационных агентств стран Азии и в Союзе радиовещания стран Азии, членом которых является Южная Корея, представители японской прессы и радио заметно потеснили из этих сфер американцев, оказывая большое влияние на средства массовой информации, в том числе в Южной Корее. При содействии Японии летом 1970 г. в Сеуле была построена приемная наземная станция и установлена с помощью спутника связи прямая радиосвязь Токио — Сеул. Корейские специалисты в области радио и телевидения обучаются в специальном учебном азиатском центре в Токио. Южнокорейское население подвергается постоянно воздействию японской радиопропаганды, а обладатели телевизионных приемников (304,2 тыс. в 1970 г.) имеют возможность ежедневно смотреть передачи японского телевидения.

В идеологической обработке населения Южной Кореи важную роль играет кино. С первого дня пребывания в стране вашингтонские неокolonизаторы всячески тормозили развитие национального прогрессивного кино, навязывая народу низкопробную голливудскую стряпню. Южнокорейский экран заполнялся американскими фильмами — с 1955 по 1961 г. более 1200 заграничных фильмов, преимущественно произведенных в США, показывались в кинотеатрах страны. В последующем удельный вес иностранных фильмов увеличился, достигая в отдельные годы 70% общего числа всех демонстрировавшихся лент. Основными темами импортируемых фильмов являются детективные истории с антикоммунистической окраской или секс, насилия, грабежи, убийства и т. п. Японское кино не может конкурировать с американским, однако численность экспортируемых в Южную Корею японских фильмов в последние годы несколько возросла.

Во многих крупных городах Южной Кореи — Сеуле, Пусане, Тэгу и др. — созданы и ведут активную деятельность специальные курсы по изучению японского языка.

Особое место в идеологическом и культурном воздействии на южнокорейское общественное мнение занимает религия. После ухода японских колонизаторов для деятельности христианской церкви в Южной Корее открылись в 1945 г. широкие возможности. Уже к июлю 1968 г. там насчитывалось 3 192 621 верующий протестант, свыше 13 тыс. служителей культа и 12,8 тыс. церквей и часовен, а также 751 217 верующих католиков, более 3 тыс. священнослужителей и 369 костелов и часовен⁶. Церковь располагает учебными заведениями общего типа и специальными религиозными училищами, собственными радиостанциями, издательствами газет и журналов, больницами, приютами и т. п.

Так, протестантская церковь в Южной Корее имеет в своем распоряжении 19 колледжей и университетов, 65 теологических семинарий, 38 начальных и 96 средних (2-й степени) школ, а также 10 школ по изучению библии. Католики имеют 6 колледжей, 10 начальных и 40 средних школ⁷.

В Южной Корее функционируют находящиеся под контролем церкви Кидоккё нодонхве (Христианское общество рабочих), Кидоккё нонминхве (Христианское общество крестьян), Кидоккё чхоннёнхве (Христианское общество молодежи), а также другие реакционные организации религиозного характера. Кидоккё нодонхве было создано в 1957 г. Ныне оно имеет в крупных промышленных городах районные и цеховые христианские общества рабочих, созданные на основе тесного контакта духовенства и продажных руководителей профсоюзов. В этих обществах проповедуется идея, что наниматель и рабочий обязаны поддерживать друг друга, что они взаимно заинтересованы в результатах производства и что современное социальное устройство является естественным и зако-

номерным. Стремясь парализовать рост классового сознания рабочих, они направляют на предприятия священников, проповедников, богословов. В сельской местности вокруг церквей нередко складываются Кидоккё нонминхве, в которых также проповедуются идеи классового примирения, крестьяне призываются к созданию «деревни всеобщей любви», «деревни всеобщего мира» и т. п. Молодежные христианские организации завлекают юношей и девушек с помощью разных посулов, помогают поступать в учебные заведения, организуют развлечения, оказывают материальное содействие.

Японский империализм действует в основном через две религиозно-просветительские организации — Сока гаккай и Тэнрикё. Обе широко распространены в Японии и преданно служат задачам и целям правящих кругов Страны Восходящего Солнца. Особенно бурно они развернули свою деятельность во многих странах Азии (в том числе в Южной Корее) с начала 60-х годов, это непосредственно связано с усилением экономической и политической экспансии возрождающегося японского империализма. С начала 1964 г. по август 1965 г. общая численность членов организации Сока гаккай в Южной Корее выросла в 3 раза, превысив 30 тыс. В 1965 г. был сформирован южнокорейский центр этого течения — Хангук чхончибу — и местные отделения в Сеуле, Пусане, Тэджоне, Ульсане, Кванджу, Тэгу, Сунчхоне, Чеджу и других городах.

Тэнрикё стала энергично внедряться в страну с приходом к власти Пак Чонхи, который дал согласие на возобновление ее деятельности. С этого времени Тэнрикё начала быстро расширяться. В 1965 г. она имела в своем распоряжении 3 тыс. миссионеров, 66 храмов и 600 часовен; численность ее последователей — свыше 300 тыс. Кроме главной резиденции в Сеуле организация имеет в каждой провинции и в некоторых уездах своих ответственных представителей.

Большая часть членов и почитателей обеих организаций вербуются из среды бедняков-крестьян, рабочих, мелких городских ремесленников. Организации располагают собственными издательствами, школами, колледжами и другими учебными заведениями.

Главная их цель — распространение среди населения прояпонских настроений, пропаганда соглашения с японским империализмом.

После 1945 г. Япония в основном утратила контроль над буддистским движением в Южной Корее и оно стало развиваться в условиях значительного американского влияния. В последние годы японские империалистические круги начали восстанавливать утраченные позиции и пытаются использовать это движение. На июль 1968 г. численность последователей учения Будды составляла в Южной Корее около 5 млн., функционировало 2135 храмов, которые обслуживали 14,3 тыс. лам.

Буддисты имеют в своем ведении университет «Тонгук» в Сеуле, 3 колледжа, 8 высших и 13 средних школ, а также сезонные школы, буддийские учебные заведения и детские сады. Доходы буддистов пополняются не только за счет средств прихожан, но и с помощью бизнеса (они владеют 10 промышленными предприятиями) ⁸.

Религия в Южной Корее служит средством идеологического влияния США или Японии на различные слои населения и используется правящими кругами страны для упрочения своих позиций, для затушевывания острых национальных и классовых противоречий и обмана трудящихся масс.

Вся система идеологического и культурного воздействия на Южную Корею со стороны реакционных сил США и Японии и применяемые ими методы были направлены на пропаганду антикоммунизма, они пытаются подчинить ему всю духовную жизнь южнокорейского общества, общест-

венное сознание и культуру. В распространении антикоммунистического мировоззрения империалистические круги США и Японии действуют сообща, интересы обоих государств в этом полностью совпадают. Однако ведущая роль по-прежнему принадлежит США.

В Программе КПСС подчеркивается: «Империалистическая реакция мобилизует все средства идеологического воздействия на массы, пытается опорочить коммунизм и его благородные идеи, защитить капитализм. Главным идейно-политическим оружием империализма — антикоммунизм, основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма. Под фальшивыми лозунгами антикоммунизма империалистическая реакция преследует и травит все передовое и революционное, старается расколоть ряды трудящихся, парализовать волю к борьбе... Антикоммунизм становится основным орудием реакции в борьбе против демократических сил стран Азии, Африки и Латинской Америки. В нем смыкаются империалистическая идеология с идеологией феодальных, проимпериалистических элементов и реакционных групп буржуазии стран, освободившихся от колониального ига»⁹.

В условиях южнокорейской действительности острее империалистической, антикоммунистической пропаганды направлено прежде всего против революционизирующего влияния Корейской Народно-Демократической Республики. Идеологи империализма стремятся оклеветать и опорочить достижения КНДР в социалистическом строительстве, ее миролюбивую внешнюю политику и целеустремленную борьбу за объединение родины на демократических началах, бросить тень на ее связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами, в извращенном свете представить внутреннее положение в стране. Тем самым они пытаются помешать правде о жизни на Севере Кореи проникнуть через 38-ю параллель, стараются оградить трудящихся Юга от воздействия коммунистических идей и опыта строительства нового общества.

Значительное место в идеологическом наступлении империализма на Южную Корею занимает борьба против марксистско-ленинской идеологии, мировой социалистической системы, Советского Союза. Антикоммунизм и антисоветизм стали тождественными понятиями, и именно так преподносятся в империалистической пропаганде на Южную Корею.

Особо ожесточенным нападкам подвергается марксистско-ленинское учение, его основополагающие концепции. Империалистическая пропаганда стремится внушить южнокорейскому населению, что мировой социализм якобы не выдерживает «проверки временем». В доказательство его «неминуемой гибели» приводятся различные домыслы о разногласиях в международном коммунистическом движении и наступлении эры «национального коммунизма». Нередко для подкрепления своей антисоветской, антикоммунистической пропаганды идеологи империализма приводят «аргументацию» китайского руководства и других ревизионистов, направленную против социалистических стран, мирового коммунистического движения, КПСС.

Представляя в искаженном виде теорию и практику коммунизма, империалистическая пропаганда тщится доказать народу Южной Кореи, что единственно оправданным путем общественного развития может быть только путь капиталистический, а образцом, которому необходимо следовать, являются Соединенные Штаты. На восхваление политики США, их государственного устройства, американского образа жизни направлены усилия апологетов империализма, которые всячески затушевывают классовые и национальные антагонизмы, раздирающие США. Они стремятся обосновать претензии США на мировое господство, оправдать уси-

ление агрессивного курса в Азии, неокOLONиалистскую политику в отношении развивающихся и зависимых государств Азии, Африки и Латинской Америки, сколачивание США агрессивных военно-политических блоков и т. п.

Главная цель деятельности ведомств и организаций США, занимающихся идеологической и культурной экспансией в Южную Корею, состоит в том, чтобы любыми средствами отстаивать империалистическую политику, представлять ее как «благо» для корейского народа, как естественный и необходимый атрибут южнокорейской действительности. США пытаются убедить население Южной Кореи в том, что они, мол, надежно защищают его от любых случайностей и обеспечивают «демократическое развитие» на Юге, несут процветание и прогресс народу. Империалистические круги США стараются оправдать свою политику милитаризации Южной Кореи, превращения ее в бастион антикоммунизма и важный стратегический плацдарм в Азии.

В последнее время, идя на тактические уступки националистически настроенной части южнокорейской буржуазии, Соединенные Штаты стали меньше подчеркивать свою «цивилизаторскую» миссию и стремятся всячески преуменьшить, затушевать зависимость Южной Кореи от Вашингтона, скрыть свое «присутствие» в стране. Объявив Южную Корею объектом реализации «гуамской доктрины» и провозгласив «корейзацию» основой своей политики в этой стране, они по существу навязывают южнокорейскому населению тот же американский образ жизни, восхваляют политическое и экономическое развитие Америки.

В пропаганде антикоммунизма в Южной Корее японский империализм по существу почти по всем позициям смыкается с американским. Однако в качестве примера для подражания он все более афиширует особенности капиталистического развития и образа жизни Японии, подчеркивая большую близость и приемлемость для Южной Кореи азиатского опыта.

Идеологическая экспансия империалистических сил тесно смыкается с идеологией правящей южнокорейской верхушки, не только вдохновляет и питает ее, но и всячески поддерживает основные концепции режима Пак Чонхи. Особенно отчетливо проступает эта связь в борьбе внешней и внутренней реакции против национально-освободительных тенденций, в стремлении помешать корейскому народу добиться объединения нации и демократических свобод на юге страны.

В Южной Корее каждый режим выдвигал на первое место (в соответствии с конкретной исторической обстановкой) те или иные идеологические концепции, определяющие главные направления развития общества и культуры. Так, в годы лисынмановского правления, которое было создано США и поддерживалось американскими штыками, ведущей темой была ярая пропаганда американских порядков и образа жизни. США изображались как «самый верный и преданный друг корейского народа», всячески восхвалялась роль США в Азии и на Дальнем Востоке.

Вместе с тем лисынмановский режим исключительно большое внимание обращал на подрыв авторитета КНДР и революционизирующего влияния на южнокорейские массы ее успехов в социалистическом строительстве, стремился опорочить социалистические страны, и прежде всего Советский Союз, воспитать южнокорейский народ в духе антикоммунизма и неприязни к социализму как общественному устройству. Эта антикоммунистическая линия осуществлялась под лозунгом «похода на Север» и достижения насильственного объединения страны. Не случайно войну 1950—1953 гг. лисынмановские власти и заокеанские пропагандисты пытались представить как «агрессию со стороны КНДР» и стреми-

лись фальсифицировать подлинные империалистические цели политики США на Дальнем Востоке (в частности, на Корейском полуострове).

В период лисынмановского правления, отличавшегося самой прямой, неприкрытой марионеточной зависимостью от США, прилагались отчаянные усилия, чтобы доказать наличие в Южной Корее «самобытной демократии», выросшей на чисто национальной почве в соответствии с историческим опытом корейского народа. Прибегая к националистической демагогии, рекламируя унаследованные от феодализма порядки как необходимый элемент «демократии» (здесь сказано то обстоятельство, что режим Ли Сынмана был помещичье-буржуазным), правители Южной Кореи особенно рьяно пытались доказать, что существовавший в стране полицейский режим будто бы и есть именно та система, которая полностью соответствует специфическим условиям страны, что южнокорейская республика является якобы совершенно «независимым государством».

После прихода к власти военного режима Пак Чонхи на первое место выдвинулись новые концепции, а некоторые старые были приспособлены к потребностям и интересам южнокорейской военщины. Этот режим взял на вооружение несколько подновленный антикоммунизм, воинствующий национализм и изощренную социальную демагогию. Эти направления с течением времени приобретали четко выраженный характер, становясь определяющими в идеологической и культурной жизни страны.

Антикоммунизм, присущий лисынмановскому правлению, при Пак Чонхи не только не уменьшился, но и получил новое звучание и приобрел новые формы и черты. С приходом к власти военщины были приняты драконовские законы по борьбе с коммунизмом. Даже простое упоминание о возможности каких-либо контактов с Севером было объявлено криминалом, за что по Антикоммунистическому закону только в первые годы военного правления были арестованы и брошены в тюрьмы, сосланы и казнены тысячи южнокорейских патриотов, желавших видеть свою родину единой и самостоятельной. Еще более жестокие меры в этом плане предусматривал Закон о национальной безопасности.

Антикоммунизм при Пак Чонхи стал еще более воинствующим; особенно обострилась его антисеверокорейская направленность в 1966—1968 гг., т. е. в период укрепления военно-политического блока Южной Кореи с США и установления дипломатических отношений с Японией, а также вскоре после инцидента с «Пуэбло», который был использован правящими кругами страны для провоцирования антикоммунистической истерии и военного психоза. Достижения КНДР в строительстве социализма, подъем ее экономики и культуры поставили в трудные условия идеологов антикоммунизма, видящих свою главную задачу в том, чтобы любыми способами подорвать социалистическое строительство на Севере и нейтрализовать его огромное революционизирующее влияние на трудящиеся массы Южной Кореи.

В такой форме и в таком тоне антикоммунистическая пропаганда в Южной Корее велась до начала 1972 г., когда начались контакты между Севером и Югом по вопросам мирного объединения родины. Естественно, что правящие круги Юга в обстановке огромного воодушевления, порожденного началом «эры переговоров» между обеими частями страны, вынуждены были видоизменить характер пропагандистских выступлений. И хотя принципиально они ничего в антикоммунистической кампании не меняют, однако общий ее тон на время стал менее воинственным, а острые углы порой обходятся молчанием.

Отличительной чертой южнокорейской политики антикоммунизма в последнее время стал его более широкий выход на международную арену.

ну. Правящие круги Южной Кореи принимают активное участие в деятельности международных антикоммунистических организаций, нередко сами выступают инициаторами создания в азиатском регионе всевозможных антикоммунистических лиг и союзов. Южная Корея регулярно участвует в конференциях Лиги членов парламентов антикоммунистических стран Азии, в 1962 г. создала в Сеуле «постоянный центр» этой организации, регулярно проводит конференции и заседания различных других антикоммунистических международных организаций — студенческих, молодежных, жепских и т. п. Практическим воплощением антикоммунизма стали: участие Южной Кореи в борьбе против национально-освободительного движения в Индокитае, в войне против вьетнамского народа, в Организации Азиатско-Тихоокеанского сообщества — реакционном политическом объединении под эгидой американского империализма, меры по сколачиванию агрессивных военно-политических блоков (НЕАТО, ПАТО), усиление военного сотрудничества с США и милитаризации страны, сближение с японским империализмом, в том числе на почве борьбы против пресловутой «угрозы коммунизма», и т. п.

Антикоммунизм, будучи идейно-политическим знаменем правящих кругов Южной Кореи, призван также отвлекать внимание трудящихся масс от решения насущных национальных и социально-экономических проблем, оправдывать «угрозой коммунизма», «опасностью вторжения с Севера» и тому подобными лживыми лозунгами антинародную внутреннюю и внешнюю политику южнокорейского режима.

В новых исторических условиях антикоммунизм не пользуется в массах популярностью. Учитывая это, правящие круги Южной Кореи уже не могут ограничиваться лишь отрицанием коммунизма и вынуждены видоизменять свои идеологические схемы, выдвигать какие-то конструктивные программы.

Необходимость более гибких идеологических концепций диктуется еще и тем, что в Южной Корее происходит развитие капитализма, сопровождающееся определенными социальными сдвигами, заметно выросло национальное самосознание. В таких условиях уже трудно, как это было при Ли Сынмане, неприкрыто защищать неокOLONIALИЗМ Соединенных Штатов, пропагандировать превосходство всего западного, американского в ущерб национальному.

При военном режиме, формально возникшем в противовес лисынмановскому, ведущим направлением идеологической и культурной деятельности стал махровый национализм, базирующийся на буржуазной основе. В значительной степени этот курс военных властей продиктован тактическими соображениями и преследует цель привлечь на свою сторону широкие слои населения, укрепить социальную основу режима. Главным политическим лозунгом Пак Чонхи и его окружения стало «национальное возрождение», которое предусматривает создание «кореизированной здоровой демократии» и «обновление, усовершенствование личности» на базе укрепления «национального самосознания и подъема национального духа». В программных книгах южнокорейского диктатора Пак Чонхи — «Путь нашей нации» (1962) и «Государство, революция и я» (1963) — фарисейски провозглашается, что для процветания и прогресса корейской нации необходимо установить основы «здоровой национальной этики», осуществить «революционное преобразование человека», «общественную реконструкцию», ликвидировать склонность к «рабской покорности», добиться «национального сплочения» южнокорейского населения и привить народу «дух самоуправления». Все эти «теории» широко пропагандируются среди населения Южной Кореи, вошли составной частью в программы деятельности правительства, правящей Минджу

конхвадан, Чэгон кунмин ундон и других проправительственных союзов и организаций общественного характера.

В условиях южнокорейской действительности не приходится говорить о демократии — корейзированной или какой-либо другой. Что же касается всевозможных «нравственных усовершенствований», то главная их цель — затушевать, скрыть раздирающие южнокорейское общество острые классовые противоречия. Активная идеологическая обработка населения в духе принципа «чучхе» («самобытность») фактически не направлена против неокOLONиализма империалистических сил и не преследует цели избавить страну от социальных и экономических бедствий. На деле национализм в Южной Корее, пропагандируемый правящими кругами прекрасно согласуется с колониальной зависимостью от империализма США, более того, служит интересам как внутренней, так и внешней реакции.

Национализм в Южной Корее проявляется противоречиво. Антиимпериалистическая направленность национализма при всей его классовой ограниченности обнаруживается, естественно, не в идеологии и политике правящих кругов, а у оппозиционно настроенных сил, в программах соперничающих с правящей верхушкой буржуазных партий, в деятельности патриотических слоев интеллигенции, студенчества, части мелкой и средней национальной буржуазии, в борьбе за объединение страны, в выступлениях за установление контактов и связей с КНДР. Хотя представители этих патриотически настроенных кругов часто и не видят реальных путей достижения единства и нередко выступают за решение проблемы объединения не на демократической основе, однако такие настроения и определенное давление в этом плане существуют, развиваются, накладывая отпечаток на общественное развитие страны, влияют на становление южнокорейской культуры. Эти настроения сыграли определенную роль и в том, что южнокорейскому правительству в начале 1972 г. пришлось пойти навстречу инициативе КНДР и вступить на путь переговоров, создания общенационально-координационного комитета по мирному объединению и т. д.

Вместе с тем национализм используется южнокорейским режимом в качестве приманки для обмана трудящихся и привлечения их на свою сторону.

Национализм в условиях Южной Кореи по-разному используется в идеологической экспансии США и Японии. Соединенные Штаты довольно сдержанно относятся к чрезмерным национальным эмоциям и одновременно пытаются представлять себя в роли «освободителей» корейского народа от японского колониального господства, в качестве своеобразного «мессии», принесшего цивилизацию в отсталую, поработленную страну, предоставившего ей независимость и возможность демократического развития. Они подчеркивают освободительную роль США, которые, мол, спасли Южную Корею от «вторжения коммунизма» с Севера в 1950—1953 гг. и подняли ее из руин в послевоенный период за счет «бескорыстной» помощи, направили на путь экономического и политического процветания, содействуют решению проблемы объединения страны. До сих пор среди населения сохраняются проамериканские настроения и существуют иллюзии в отношении истинных функций американского империализма. Однако с каждым годом неокOLONизаторское существо политики США обнажается все больше.

Япония, против которой долгое время был направлен корейский национализм, широко использует расовый момент; она пытается утвердить свое влияние, играя на близости истории азиатских стран, их обычаев, нравов, общности религиозно-философских концепций, основанных на

догматах конфуцианства и буддизме, семейных клановых традициях. Однако то обстоятельство, что японский империализм сравнительно недавно и довольно продолжительное время был угнетающей стороной, осложняет эту деятельность японских идеологов, мешает установить им свое влияние на широкие слои южнокорейского населения: в народе еще весьма сильны и живучи антияпонские настроения.

Особенностью внутренней политики нынешнего южнокорейского режима является гибкая, изошренная социальная демагогия. Объявив себя «продолжателями апрельской революции» (имеются в виду события, в результате которых был свергнут Ли Сынман), военщина разработала целую систему социальных мероприятий, рассчитанную на обман трудящихся и привлечение широких слоев населения, в первую очередь рабочего класса и крестьянства, на свою сторону. В уже упоминавшихся «трудах» Пак Чонхи фарисейски заявлялось, что военная хунта намерена добиваться расширения прав трудящихся в управлении предприятиями, уберечь их от произвола предпринимателей, содействовать организации контроля со стороны рабочих над деятельностью капиталистов. Там же говорилось о «развитии профсоюзного движения», о «невмешательстве» государства в это движение, о «правах» молодежи и женщин и т. д. Крестьянству было обещано превратить деревню в край зажиточных середняцких хозяйств, достигнуть процветания с помощью кооперирования деревни по образцу датских сельскохозяйственных общин и т. п.

Все эти «теории» и лозунги направлены к тому, чтобы сгладить противоречия между трудом и капиталом, разложить классовое сознание трудового народа, укрепить реакционный режим, уберечь его от национально-освободительных и социальных потрясений.

Основные идеологические концепции политики правящих кругов Южной Кореи в сочетании с идеологической и культурной экспансией США, а в последнее время и Японии определяли и оказывали решающее влияние на культурное развитие в стране, формировали мировоззрение южнокорейской интеллигенции, препятствовали росту подлинно демократических национально-освободительных тенденций в общественной и культурной жизни.

Состояние культуры в Южной Корее

В прошедшие после освобождения годы разные области культурной жизни в Южной Корее развивались по-разному — одни из них в большей степени, другие — в меньшей оказались под воздействием буржуазной идеологии колониализма США и реакционных, антинародных режимов. Наиболее характерной их чертой стали антикоммунистическая, националистическая направленность, утрата в значительной мере самобытного характера, вытеснение национальных черт упадочнической культурой капиталистического Запада, кризис и деградация. Этим, пока преобладающим, тенденциям противостоит подлинно народная демократическая тенденция, которая, несмотря на репрессии и препоны, набирает силы и приобретает постепенно все больший размах.

Южнокорейские власти уделяют крайне мало внимания культурному развитию народа, тратят ничтожную часть бюджета на цели просвещения, на развитие литературы, искусства, науки. Творческие и научные работники в большинстве своем не имеют необходимых условий для плодотворной деятельности.

Южнокорейское правительство осуществляет руководство культурной деятельностью в стране главным образом с помощью двух ве-

домств — министерства просвещения и министерства культуры и информации. В составе первого имеются управления по делам начального и среднего образования, науки и просвещения, художественного и физического воспитания, по делам издательств. Ему подведомственны Национальная академия наук, Национальная академия искусств, управление по контролю за культурными ценностями, государственные музеи и библиотеки, Комитет по составлению национальной истории и другие учреждения. В состав второго министерства входят управления по делам информации, по контролю за радиовещанием, по делам пропаганды и культуры, и др. В его подчинении находятся государственная киностудия, центральный дом информации, центральный государственный театр, заграничные информационные центры.

Важную роль играют обе южнокорейские академии. Национальная академия состоит из двух подразделений — гуманитарных и естественных наук. В первое входят отделения: философии, филологии, истории и археологии, юриспруденции, социологии, политических наук, международных отношений и т. п.; коммерческих наук, политэкономии и т. п. Во второе подразделение входят отделения: физики, прикладной химии, теоретической физики и т. п.; геологии, ботаники, биологии, и т. п.; технических наук; медицинских наук, сельского хозяйства, лесоводства и рыбоводства.

Министерство просвещения через национальные академии и институты влияет на творческие и научные круги, проводит официальную линию южнокорейских властей в области культуры. Такую же миссию выполняет министерство культуры и информации в сферах общественной информации (радио, телевидение, кино и т. п.).

Конкретными вопросами развития отдельных отраслей культуры и искусства занимаются около 10 различных ассоциаций творческих работников: архитекторов и художников, писателей и драматургов, музыкантов — специалистов по европейской и национальной классической музыке, работников кино и театра и т. д. Все они объединены в Федерацию художественных и культурных организаций. Кроме того, имеется Корейская федерация просветительских ассоциаций, охватывающая более 110 тыс. преподавателей. Как правило, в руководстве национальных академий, ассоциаций и федераций стоят сторонники правящей группировки, реакционеры и антикоммунисты, проводящие соответствующую линию. Военный режим в целях усиления контроля над деятельностью работников культурного фронта учредил Комитет по вопросам этики в области культуры и искусства, который осуществляет надзор за тем, насколько рьяно они служат интересам господствующего класса.

Реакционно настроенные, преданные режиму представители творческой и научной интеллигенции Юга пользуются покровительством официальных властей. Ежегодно различные государственные органы присуждают этой категории лиц премии, материально поощряя их создавать произведения, удобные правящим кругам. С 1949 г. в Южной Корее устраиваются выставки национального искусства, на которых распределяются премии президента, премьер-министра, председателя Национального собрания и министра просвещения. Имеются также специальные культурные фонды, созданные крупнейшими воротилами южнокорейского капитала, за счет которых подкупается часть творческой интеллигенции. К 1968 г. функционировало 7 крупных фондов, учрежденных представителями южнокорейских властей и промышленно-торговых объединений «Самиль», «Самсон», «Хынхан», «Сонгок» и др.

В мобилизации творческих сил нации на службу внутренней и внешней реакции принимают участие различные международные и амери-

канские учреждения и организации, которые также за счет премий, фондов и другими методами привлекают на свою сторону определенные группы интеллигенции. Ныне в этом же плане активизируются японские неокolonизаторы.

Вся эта многоступенчатая система руководства культурной деятельностью в Южной Корее направлена на то, чтобы обеспечить интересы господствующих классов и их заокеанских покровителей, не допустить формирования подлинно народной и демократической культуры и искусства, пресечь национально-освободительные, патриотические тенденции в их развитии.

Просвещение

Освобождение Кореи от японских империалистов не внесло существенных изменений в систему просвещения на юге страны. Борьба за демократические принципы просвещения, которую развернули на первых порах патриотически настроенные круги, не принесла ожидаемых результатов. Американская военная администрация, установив контроль в Южной Корее, немедленно распустила даже те немногие просветительские учреждения демократического направления, которые были открыты: 4 мая 1946 г. американские оккупационные власти издали Приказ о запрещении неразрешенных школ, в разряд которых попали все неудобные им учебные учреждения, открытые прогрессивными демократическими организациями и частными лицами. Фактически прежняя система образования, существовавшая при японцах, осталась нетронутой. Хотя школы начали функционировать уже с зимы 1945/46 г., однако их было мало, преподавателей катастрофически не хватало, а имевшиеся зачастую не располагали необходимой квалификацией; учебники на родном языке отсутствовали. Главное же — получили возможность учиться лишь дети состоятельных родителей, которые могли вносить большую плату за обучение. В 1945 г. общее число учащихся школ всех ступеней составляло 4 млн.; насчитывалось около 2,5 тыс. начальных школ, 166 средних школ, в том числе 97 пятилетних общих средних, 30 сельскохозяйственных 4-х летних, 22 коммерческих, 1 рыболовная, 1 морская школа и др., в которых обучались 80 тыс. человек.

Система просвещения в стране была сформирована вскоре после создания в августе 1948 г. южнокорейской Первой республики и носила явный отпечаток американской системы просвещения. Она строилась (как и в Соединенных Штатах) по принципу «6—3—3—4». Опубликованный в 1949 г. Закон об образовании вводил в Южной Корее 16-летнее обучение: начальная школа — 6 лет, неполная средняя — 3 года, полная средняя (или повышенного типа) — 3, высшая школа — 4 года. Закон предусматривал введение обязательного 6-летнего начального образования в течение 1949—1954 гг., однако эта задача не была решена и в 60-е годы.

Развязанная империалистическими кругами и режимом Ли Сынмана война 1950—1953 гг. отрицательно сказалась на состоянии образования. Было разрушено 7,5 тыс. классных помещений, приведено в малопригодное состояние — 3,3 тыс., частично пострадало 12 тыс. В эти годы функционировали лишь развернутые с помощью ООН и США редкие «учебные лагеря», где небольшая часть южнокорейской молодежи могла кое-как, под открытым небом или в палатках, без парт и классных досок, продолжить образование. В конце 1951 г. в Пусане, Тэджоне и Кванджу были открыты временные колледжи. Действующая ныне система образования по существу стала складываться и развиваться в послевоенный период. Одновременно начались восстановительные работы, которые про-

двигались крайне медленно; разрушения сохранились до сих пор. По плану восстановительных работ в 1954—1959 гг. предполагалось построить около 40 тыс. классных помещений; с большим трудом построили только 15 тыс. В 1965 г. был принят 9-летний план строительства и реконструкции учебных помещений, который выполняется так же неудовлетворительно.

В 1967 г. система образования в Южной Корее включала следующие основные ступени: начальная школа (5418 школ; 5,3 млн. учащихся), средняя неполная школа (1314 школ; 911 тыс. учащихся), средняя полная (академическая высшая школа гуманитарного профиля или профессиональная высшая школа технического профиля, 78 тыс. школ, 442,7 тыс. учащихся), колледж с двухгодичным курсом (учебное заведение, промежуточное между полной средней школой и вузом, общее техническое, гуманитарное или педагогическое, всего 56 колледжей, 37,5 тыс. учащихся), колледж или университет (68 университетов и колледжей, 124 тыс. студентов).

Все учебные заведения в Южной Корее подразделяются на три категории: государственные, муниципальные, или гражданские (содержащиеся за счет бюджета городских властей), и частные. В разряд частных входят также школы различных религиозных организаций и общин; значительная их часть принадлежит христианским миссиям. Частные учебные заведения в системе южнокорейского образования играют весьма большую роль. В 1968 г. 92 начальные школы, в которых обучались 57,4 тыс. учащихся, 641 неполная средняя школа, 22 полные средние (повышенного типа) школы, 53 университета и колледжа, в которых обучались 123,6 тыс. студентов, являлись частными учебными заведениями.

Серьезным препятствием для получения образования в Южной Корее является чрезвычайно высокая плата за обучение, всевозможные «пожертвования» и сборы как в государственных и муниципальных, так и в частных учебных заведениях. В 1964 г., например, плата за обучение составляла в неполной средней школе — 4,6—9,3 тыс. вон, в полной средней — 5,5—10,3 тыс. вон, в средней школе повышенного типа — 8,8—15,5 тыс. вон. Если к этому прибавить различные «вступительные взносы», «взносы на пожертвование преподавателям», «взносы на Комитет по содержанию учебного заведения» и т. п. (по материалам обследования Сеульского комитета образования, в 1967 г. насчитывалось около 23 видов подобных налогов и сборов в учебных заведениях), то становится ясным, что дети малообеспеченных родителей не имеют возможности получить образование и зачастую вынуждены бросать учебу. Особенно трудно получить в Южной Корее высшее образование. В 1964 г. «общий взнос» студента высшего учебного заведения при поступлении составлял 14,4—21 тыс. вон¹⁰.

Примерно до середины 60-х годов основным направлением в системе южнокорейского просвещения было гуманитарное; в школах, колледжах и университетах изучались преимущественно гуманитарные науки. Некоторое промышленное развитие страны в последние годы вынудило военный режим Пак Чонхи пойти на расширение сети технического образования. В новогоднем выступлении в Национальном собрании 16 января 1965 г. Пак Чонхи, определяя политику в области просвещения, заявил, что необходимо добиться постепенного перевода ряда институтов, где наблюдается непропорционально большой выпуск специалистов-гуманитариев, в разряд высших учебных заведений «с инженерно-техническим уклоном и практическими навыками».

В 1965 г. была осуществлена реформа среднего образования: увеличено число профессиональных и технических школ. По договоренности с

США и Японией в 1967—1968 гг. в Южной Корее было создано два специальных центра по обучению корейской молодежи различным техническим специальностям американскими и японскими преподавателями. Оба эти центра стали еще одним каналом влияния империалистических кругов США и Японии на Южную Корею.

Указанные меры не решили проблемы, по-прежнему нехватка технических специалистов является хронической. Квалифицированные кадры готовятся главным образом за рубежом — в США, Японии, Западной Германии и в других капиталистических странах. В 1967—1968 гг. только в США обучалось в общей сложности около 3,5 тыс. южнокорейских студентов и практикантов¹¹. Часть из них предпочитает не возвращаться на родину, где специалистов ожидают несравненно худшие условия работы и жизни. Так, в 1967—1968 гг. не вернулось из США в Южную Корею около 80—90% обучавшихся там южнокорейских студентов¹². В 1965 г. в Южной Корее насчитывалось около 12 тыс. научно-технических работников, что не удовлетворяло потребностей ее развития. Одной из особенностей развития системы образования является нехватка квалифицированных преподавателей.

Например, в 1968 г. на 85 368 классов начальной школы имелось в общей сложности только 78 тыс. преподавателей; 14,8 тыс. классов средней школы обслуживали 21,6 тыс. преподавателей, университеты и колледжи — около 6 тыс. преподавателей.

Примечательной чертой системы образования в Южной Корее является наличие конфессиональных школ, где обучают лишь иероглифике и конфуцианским догматам.

Южнокорейская школа в значительной мере механически перенимает американскую прагматическую педагогику — не использует единых стабильных учебников, программ и пособий. При недостаточной квалификации преподавательского состава и слабой домашней подготовке учеников такая организация обучения отрицательно сказывается на его качестве. В сочетании с большим удельным весом частных учебных заведений это порождает настоящую анархию в преподавательской работе, не позволяет готовить достаточно образованные кадры.

С установлением военного режима в школы, колледжи и университеты были посланы представители военщины и все дело просвещения было взято под строгий контроль. Пак Чонхи осуществил ряд реформ, суть которых сводилась к тому, чтобы задушить свободолобивые традиции южнокорейского студенчества, ограничить его права. Провозгласив «невмешательство» государства в суверенитет высших учебных заведений, правящие круги Юга на деле постарались свести на нет некоторую автономию университетов и колледжей, завоеванную студенчеством в длительной борьбе.

Военные власти ведут идеологическую обработку учащихся в духе антикоммунизма и национализма. Огромное количество учебного времени отводится пропаганде целей и задач «военной революции» и оправданию антинародного курса режима Пак Чонхи, предвзятому, фальсифицированному изображению коммунистической действительности, извращению успехов социалистического строительства в КНДР, восхвалению «американского образа жизни».

Важное место в политике правительства Южной Кореи занимают мероприятия по военизации учебных заведений. На военную подготовку студента-пехотинца отводится 702 часа в течение двух лет, студента-моряка — 1046 часов в течение четырех лет. Часть оканчивающих высшие учебные заведения рекрутируется в армию, в младший офицерский состав. Такая же судьба ожидает и многих из тех, кто не сдал всту-

пительные экзамены в университеты или колледжи, не смог заплатить за обучение и вынужден был бросить учебу.

Южнокорейское студенчество играет важную роль в политической жизни страны, оно имеет славные традиции борьбы и не раз выступало и выступает против антинародных режимов, за национальное единство и демократические свободы, улучшение жизненных условий, против вмешательства государственных и полицейских органов в его внутренние дела, за снижение платы за учебу, предоставление работы по окончании учебы и т. д.

До 1963 г. в студенческом движении существовали многочисленные организации и корпорации различных толков и направлений. В декабре 1963 г. по инициативе правящих кругов Юга была создана Хангук хаксэчхоннён хапхве (Ассоциация корейской студенческой молодежи), объединившая значительную часть студенчества. Несмотря на контроль со стороны государственной власти, Хангук хаксэчхоннён хапхве в 1964—1965 гг. стала одним из руководителей героической борьбы студенчества против «нормализации» японо-южнокорейских отношений.

Наука

Основной координирующий научный центр в Южной Корее — это созданная в 1954 г. Академия наук, концентрирующая усилия на гуманитарном и естественно-техническом направлениях. В научной деятельности преобладают исследования в области философии, психологии, социологии, логики, этики, истории, географии, экономики, юриспруденции. Только за последние годы больше внимания стало уделяться металлургии, лесоводству, рыбоводству, текстильному машиноведению и другим прикладным наукам, а также химии, математике, астрономии и физике. В значительной степени это продиктовано потребностями капиталистического развития страны и научно-технической революции в мировом масштабе, что частично нашло свое отражение и в Южной Корее. Южнокорейским правящим кругам постоянно приходится учитывать в своей политике и быстрое промышленное развитие КНДР; чтобы не отстать, они принимают меры и в этом плане.

В 1958 г. в Южной Корее было создано Управление по атомной энергии, в ведении которого находятся два научно-исследовательских института: атомной энергии и радиационной медицины. Основные кадры физиков-корейцев были подготовлены за границей. В решении задач развития естественных направлений в науке правительство Южной Кореи опирается на помощь США, Японии и других развитых капиталистических держав и международных организаций, активно использует средства на научно-технические цели и подготовку специалистов, которые ей выделяются этими странами и организациями.

Литература

В первые годы после освобождения Кореи от японского колониального господства в национальной литературе наступил период подъема. Получив возможность писать и публиковать на родном языке, стали выступать со своими произведениями прежде всего ветераны корейской буржуазной литературы — писатели Чу Есоп, Ким Донъин, Ли Муён, Чхве Джонхи, Чон Бисок, Ли Бомсон; поэты Ли Хаюн, Син Сокчхон, Мо Юнсук, Ю Чхихван и др. Для произведений того времени было характер-

ным изображение радости освобождения, выражение надежды на независимое и счастливое будущее. Как правило, это были большие повести, романы, стихи и поэмы, продолжавшие классические национальные традиции эпической и поэтической литературы, но исповедовавшие принципы «чистого искусства». В большинстве своем они оправдывали оккупацию Южной Кореи американскими войсками, восхваляли помощь Соединенных Штатов, защищали южнокорейский строй.

Значительное влияние на развитие южнокорейской литературы оказали военные годы (1950—1953). Южнокорейское литературоведение считает 1955 год переломным, годом вступления в литературу целой плеяды прозаиков и поэтов «новой генерации» — преимущественно участников войны. Военная тематика надолго утверждается в литературе страны как ведущая. Среди крупных произведений прозы писателей этого поколения наиболее известны повесть «Пламя» Сопу Хви, роман «Два поколения в бедствии» Ха Гынчхана, роман «Шальная пуля» Ли Бомсона, «Путь в глубокой ночи» Ким Сонхана, «Побег» Чон Ёнгиля, «Измена» О Санвона и др. Большинство же произведений того времени — главным образом антикоммунистические повести: Ким Донни «Эвакуация Хыннама», Чхве Джонхи «Минута спокойствия», Ким Сисона «Записки из сибирской ссылки», Пак Ёнджуна «Партизаны», Им Огин «Через границу» и др. В корейской литературе распространилось и новое направление — «углубление драматизма», которое главной своей целью ставит смакование душевных болезней и ненормальностей, всего уродливого и страшного. Ему присущи мистицизм, скепсис и нигилизм. Антикоммунистические произведения в жанре «углубленного драматизма» всячески поощряются правящими режимами в Южной Корее, им присуждаются премии, авторам предоставляются субсидии.

Послевоенное поколение писателей в большинстве своем стало на путь экзистенциализма и подражания Западу, отрицая социально-психологический роман старого времени.

Из писателей старшего поколения в настоящее время сохранили творческую активность Чон Бисок, Чхве Джонхи, Ким Донни, Ан Сугиль, Пак Ёнджун и Ким Исок. Их творчество обращено главным образом в прошлое, темами их произведений являются сюжеты из колониальных времен японского господства.

В отличие от ветеранов литературы молодое поколение писателей обращает свое творчество к современным темам, к модернизму. В их числе Сон Джансон, Пак Кённи, Ю Джухён и др. Значительное развитие получила в Южной Корее коммерческая литература, в которой подвизается группа «писателей»: Чхве Инсук («Голос генерал-губернатора»), Ли Бонгу («Маг»), Су Чхонгин («Река») и др., сочиняющих низкопробные бестселлеры.

В поэзии 60-х годов главной тенденцией является компилятивность и подражательность Западу. Большое влияние на нее оказали такие поэты, как Эзра Паунд, Т. С. Эллиот и др. Представителями этого направления являются Пак Инхван, Ким Гённин и др., входящие в группу «позднее поколение» и противостоящие группе поэтов традиционного классического стиля «голубой олень». Традиции классической национальной поэзии продолжают Пак Туджин, Хо Манха, Ким Джонсам, Ким Ёсон, Ким Кванним, Мин Унсик и др. В 1968 г. вышли «Избранные произведения корейской поэзии», представляющие сотни стихов и поэм периода после освобождения.

Несмотря на репрессии и террор в 1963 г. образовалась группа поэтов, девизом которых стало «Лицом к действительности!». Все чаще прозаики Юга пытаются публиковать произведения, написанные в аллего-

рической форме, которые разоблачают антинародный режим, его реакционную внутреннюю и внешнюю политику, раскрывают преступный сговор с японским империализмом, выражают стремление народа к единству нации. Летом 1965 г. полицейские власти организовали процесс по делу писателя Нам Джонхёна и кинодеятеля Ю Хёнмока, которые обвинялись в том, что их произведения и кинофильмы, реалистически отобразившие трагедию расколота нации и единодушное стремление корейского народа к воссоединению, будто бы наносят ущерб национальной безопасности и имеют коммунистическую окраску. Ярким примером такого рода выступлений может служить опубликованное в 1970 г. в журнале «Сасанге» стихотворение молодого поэта Ким Джиха «Пять воров», в котором «ворами» фактически названы правительство, чиновники, предприниматели, торговцы, полиция, разоблачается продажность и коррупция в их среде, неспособность к деятельности. Это стихотворение вызвало большой резонанс в Южной Корее; автор и издатели подверглись репрессиям.

Не имея возможности выразить в своем творчестве отрицательное отношение к правящему режиму и его зависимости от США, а ныне и от Японии, патриотически настроенные прозаики и поэты Южной Кореи борются против раблепного подражания Западу, за развитие национальных традиций, видят в этом свой долг перед родиной и народом.

Театр

Вскоре после освобождения американские оккупационные органы стали ограничивать творческую деятельность представителей прогрессивных направлений. Были распущены объединившиеся в Союз корейской драмы театральные труппы Корейского художественного театра, Сеульского художественного театра, Свободного театра и многие другие. В результате репрессий и травли со второй половины 1946 г. большая группа прогрессивных деятелей искусства покинула Юг и перешла в Северную Корею. С их уходом национальное демократическое движение в театральном искусстве значительно ослабло, подняли голову коллорабоналисты, национальные предатели, сотрудничавшие с оккупационными властями.

По приказу американской администрации в 1948 г. подоходный налог со зрелищных предприятий был повышен до 60% сбора, что привело к закрытию многочисленных небольших театральных трупп, которые не могли платить столь высокие налоги и выдерживать конкуренцию.

Южнокорейский национальный театр современной драмы практически сформировался в 1948 г. и до начала войны не успел развернуть своей деятельности. После заключения перемирия ему пришлось столкнуться с сильнейшей конкуренцией кинематографа. В Южную Корею хлынул поток иностранных фильмов, преимущественно американских, которые стали вытеснять театральное искусство. Часть южнокорейских актеров перешли на возникавшие национальные киностудии, а впоследствии — на телевидение. Отрицательно сказалось на развитии современного южнокорейского театра отсутствие достаточного числа пьес и оригинальных художественных произведений, которые могли быть инсценированы. Кризис драматического искусства затянулся надолго.

В феврале 1968 г. отмечалось 60-летие корейской драматургии. Подготовительный комитет по празднованию этой годовщины провел семинар в помещении Христианской академии в Сеуле с участием 50 наиболее видных представителей драматического искусства в стране. Семи-

нар обсуждал меры по преодолению кризиса драматургии, формы и проблемы ее популяризации. Это, однако, не сдвинуло дело с мертвой точки.

Труппы южнокорейских театров, например Государственного, «Минджун», «Тонъян», экспериментального и небольших театральных коллективов, крайне малочисленны; зрительные залы даже самых крупных из них вмещают обычно 500—700 человек, количество постановок невелико, не говоря уже об их низком художественном и идейном уровне. Посещаемость театров неуклонно падает.

Военные власти усилили цензуру, преследуют патриотически и демократически настроенных режиссеров и драматургов. Многие из них перешли в «салонный» театр.

Некоторое развитие получила самодеятельная драматургия, главным образом студенческая. Однако и здесь творческие возможности постоянно ограничиваются и подавляются правительственными чиновниками и администрацией университетов и колледжей.

Как и в сфере литературы, в южнокорейском театре преобладают постановки, проникнутые антикоммунистической и националистической идеологией, несущие в себе определенную социальную заданность, оторванные от дум и чаяний народа, притупляющие его классовое и национальное самосознание и уводящие в область нереального, чувственного, мистического. Огромно влияние западного модернистского искусства на южнокорейский театр. Попытки небольшой группы театральных деятелей спасти национальные традиции по существу не приносят желаемых результатов.

В Южной Корее пользуются большой популярностью многочисленные кукольные театры, преимущественно театры марионеток, традиционные театры масок, а также театры музыкальной драмы.

В одну из самых отсталых областей искусства в Южной Корее превратилась за эти годы хореография. С начала 60-х годов в южнокорейской Ассоциации танцоров и в Ассоциации танцевального искусства господствует модернистское направление. Такое же положение наблюдается и в Хореографической ассоциации. От национальных классических танцев и балетных постановок зачастую сохраняются только сюжеты или только названия.

Небольшие группы сторонников сохранения классического народного танца (Ким Синок, Ли Гынсон и др.) продолжают неравную борьбу с западным влиянием за возрождение былой славы корейского танцевального искусства.

Изобразительное искусство

До освобождения национальная живопись была развита крайне слабо. В 1945 г. открылось отделение изящных искусств в женском университете «Ихва» в Сеуле, а в следующем году — соответствующие факультеты в Сеульском университете и колледже «Хонгик», основан колледж изобразительных искусств. С 1949 г. стали организовываться художественные выставки. Все это послужило толчком для некоторого развития южнокорейской живописи. В современном живописном искусстве Южной Кореи существуют два основных стиля.

Восточный стиль включает в себя представителей двух тенденций. Первые («восточники») придерживаются традиционной национальной восточной манеры письма, другие наряду с этим допускают и некоторые элементы западной живописи. Среди первой группы наиболее известны произведения последователей Ли Доёна, в числе которых работы Ким

Енджина, Но Сухёна, Хо Бэннёна, Ли Санбома и картины известного в прошлом Ан Джунсика, который отказался в последние годы жизни от западного стиля. Часть художников первой группы находится под влиянием китайской или японской классической живописной манеры. Ко второй группе «восточников» относятся Ким Унхо, Ким Гичхан, Ким Енги, Пак Нэхён и др.

К «западникам» принадлежат в основном представители молодого поколения, недавние выпускники колледжа «Хонъик», члены Ассоциации молодых художников Кореи. По признанию даже южнокорейской печати, их «произведения» весьма далеки от искусства. Они в основном подражательные, представляют собою плоды увлечения всевозможными новейшими формами абстракционизма, символизма, сюрреализма и кубизма.

Главной ареной борьбы прогрессивных художников против иностранного засилья стала национальная классическая живопись. Сохраняя ее традиции, они тем самым выражают свой протест против разложения и упадка, против реакционных, оторванных от реальной действительности направлений.

В области скульптуры не возникло четко выраженной художественной школы. Поддержкой пользуются только несколько мастеров, которые обслуживают потребности властей, создавая такие «шедевры», как памятник диктатору Ли Сынману в крепости на горе Намхансан, вооруженным силам ООН в провинциях Кёнги и Южная Кёнсан (скульптор Юн Хёджу) или памятник прославившемуся своими зверствами в отношении корейского народа в 1950—1953 гг. генералу Макартуру (порт Инчхон, скульптор Ким Гёнсын) и т. п. Скульпторы в Южной Корее не имеют своей профессиональной организации.

За последние несколько лет в Южной Корее некоторые успехи достигнуты в архитектуре, что вызвано в первую очередь большим притоком в страну иностранного капитала. Однако проектируются и строятся не жилые дома (население по-прежнему испытывает огромный недостаток в жилье), а в основном здания всевозможных компаний и фирм, а также торговые помещения, в том числе 30-этажное здание суперрынка в Сеуле.

Музыка

Музыка в Южной Корее развивается в двух направлениях — традиционном и современном. Национальная музыка (кугак) обычно исполняется на корейских инструментах. Современные композиторы создают на классической основе и на фольклорном материале произведения с новыми приемами композиции, используя старинный стиль и новые формы. Музыкальные произведения предназначены как для национальных, так и для европейских инструментов.

Кугак подразделяется на придворную, или изящную (аак), и народную (согак) музыку. После освобождения от японского колониального гнета исполнение народной музыки длительное время находилось в весьма плачевном состоянии. И ныне деятельность немногочисленных музыкальных центров, организаций и учебных заведений (Институт национальной музыки, Институт придворной музыки, Ассоциация национальной музыки, музыкальные колледжи при некоторых университетах) мало способствует развитию богатой традициями национальной корейской музыки. Постоянно ведется борьба за право народной музыки на существование, несмотря на активное проникновение западных эстрадных и джазовых мелодий. Концерты с исполнением на национальных

инструментах устраиваются довольно редко, главным образом Сеульским оркестром национальных инструментов или концертной группой при Национальном центре народной музыки, а также рядом колледжей.

Широко распространена в Южной Корее современная европейская музыка, в особенности ее модернистские направления. Молодые композиторы, подражая поп-музыке Запада, перекраивают народные мелодии в модные эстрадные песенки. Налыв шлягеров столь велик, что вызывает все большее возмущение в стране, кампании протеста, которые в середине 60-х годов принимали довольно резкие формы. Однако правительство не только не приняло мер для защиты национальной музыки, но способствует усилению американского влияния, поощряя премиями и наградами представителей современного западного течения в музыке.

Многие талантливые южнокорейские музыканты еще в 50-х годах покинули страну и обрели родину в КНДР. В последнее время часть способных южнокорейских пианистов, скрипачей, певцов предпочитают по контрактам гастролировать за рубежом и не возвращаться домой, где царит произвол военщины.

Кино

После освобождения в Южной Корее возникли национальные киностудии. Среди первых кинофильмов преобладали фильмы о борьбе за свободу, против колониализма Японии («История Ан Джунгына» режиссера Ли Гуёна, «Хроника первоапрельской революции» Юн Бончхуна, «Да здравствует свобода!» Чон Чхангына, «Заря нации» и «Приключения Тольтори» Ли Гюхвана и др.)

Война 1950—1953 гг. подорвала материальную базу кино. Заметно усилились реакционные, антикоммунистические тенденции в кинематографии; под влиянием пропаганды, под давлением состоятельных владельцев киностудий и продюсеров южнокорейский экран заполнили злобные «боевики», клеветавшие на КНДР и другие социалистические страны. Наряду с этим в кинематографии наметилось умеренно либеральное направление, которое старалось «в пределах дозволенного» вскрывать язвы южнокорейского буржуазного общества. Оба направления продолжали существовать вплоть до военного переворота 1961 г. В 1955 г. было выпущено всего 15 национальных художественных фильмов, в 1956 г. — 42, в 1957 г. — 83, а в 1959 г. — более 100.

После установления военного режима на работников кино в первую очередь распространили действие Антикоммунистического закона 3 июля 1961 г. Репрессиям подвергся ряд прогрессивных деятелей кинематографии, в числе первых — режиссер Ли Манхи за фильм «Семь пленниц» (1964) и режиссер Ю Хёнмок за фильмы «Шальная пуля», «Лишний человек» и «Мученик». Фильм Ли Манхи разоблачал жестокое обращение находящихся в Южной Корее американских солдат с местным населением, а фильм Ю Хёнмока были проникнуты стремлением к национальному единству и воссоединению с Севером.

Ежегодный выпуск кинофильмов превысил 100 полнометражных лент. Тематика кинофильмов подверглась еще более активному контролю со стороны правительственных органов. Больше стало выходить фильмов на исторические сюжеты, современных мелодрам, а также подражательных детективных, приключенческих лент или фильмов военного содержания, пропагандировавших национализм и антикоммунизм.

В 60-е годы кризис национальной кинематографии, испытывающей

постоянную и все возрастающую конкуренцию со стороны западного кино, обозначился еще более резко.

В конкурентной борьбе с могущественными «китами» американского кино разоряются национальные киностудии; самые мелкие из них закрываются или сливаются с более крупными. Засилье западных (особенно американских) фильмов припало столь активные формы, что в результате протеста народных масс правительство Пак Чонхи вынуждено было принять меры по охране национального кинематографа. 3 сентября 1966 г. был издан закон, по которому мелкие кинопродюсеры, не располагавшие достаточными производственными возможностями, лишились права выпускать не только фильмы для экрана, но и телевизионные и рекламные ленты. В результате к концу 1967 г. в Южной Корее осталось 11 киностудий. Закон обязывал администрацию кинотеатров демонстрировать по крайней мере 30 картин отечественного производства.

Однако бедственное положение кинематографии в Южной Корее продолжает сохраняться, а поток западных фильмов не уменьшается. Жестокая цензура, господство западных фильмов, коммерческие интересы, идейная бедность и подражательный характер национального кино, а также финансовые затруднения углубляют кризис. Талантливые прогрессивные мастера южнокорейского кино, несмотря на препятствия, чинимые властями, пытаются бороться с антикоммунистической и националистической политикой государства, однако в обстановке репрессий и террора не идут дальше создания редких патриотических произведений или иносказаний и не могут в полной мере проявлять свои творческие способности.

Таким образом, «возрождение» нации в области национальной культуры и искусства, провозглашенное правительством Пак Чонхи в качестве одного из программных лозунгов, оказалось на деле очередной фальшивкой, рассчитанной на обман трудящихся масс страны. Как и ранее, культура и искусство в Южной Корее развиваются под непосредственным идеологическим и культурным воздействием Соединенных Штатов Америки, а также Японии и других капиталистических государств, служат интересам неокOLONиализма и реакционных правящих кругов страны.

Этим же хозяевам и их политике служат различные средства массовой информации — пресса, радиовещание и телевидение.

Средства массовой информации

Печать. В Южной Корее насчитывается 8 центральных газет на корейском языке, 2 — на английском, 1 — на китайском (общеполитического характера), 4 корейские экономические и 21 ежедневная провинциальная газета и около 590 журналов (данные на сентябрь 1969 г.). Большинство газет и журналов или непосредственно контролируются правительством, правящей партией и крупнейшими промышленно-торговыми объединениями, или же косвенно от них зависят. Это накладывает определенный отпечаток на характер публикаций и подбор материала. Печать используется как рупор правящих классов южнокорейской республики для идеологической обработки населения. Свобода слова в стране стала отвлеченным понятием.

23 мая 1961 г. Пак Чонхи запретил многие газеты и журналы, закрыл некоторые телеграфные агентства. Сделав это якобы в целях упорядочения печати, военная хунта по существу полностью запретила все прогрессивные издания, а наиболее прогрессивных редакторов и журналистов подвергла массовым арестам, судам и казням. На основании зако-

нов, ограничивающих свободу слова, только в 1964 г. было закрыто более 100 периодических изданий, а 45 журналам и газетам сделано строгое предупреждение. Все печатные издания подвергались тщательной проверке и беспощадно кромсались цензурой. В редчайших случаях (да и то лишь в периоды острой предвыборной борьбы) на страницах некоторых газет и журналов («Кёнхян синмун», «Сасанге», «Сэдэ») можно прочитать статьи патриотических деятелей, творческих и научных работников, выступающих за национальное единство, за улучшение политического устройства, против социальных язв общества.

Радиовещание в Южной Корее, разделяющееся на государственное и частное, начало регулярно функционировать с 1945 г. Официальным радиовещанием Южной Кореи является Корейская радиовещательная система (KBS), которая выходит в эфир с несколькими программами, рассчитанными на различные социальные группы населения страны. На внешний мир ведет передачи «Голос Свободной Кореи» (на корейском, английском, французском, испанском, китайском, японском и русском языках). Эти передачи носят особо злобный антикоммунистический характер и проникнуты духом ненависти к социалистическому миру. Имеется также Христианская радиовещательная система (CBS), основанная в 1955 г. и находящаяся в ведении Христианского комитета (пять радиовещательных станций — в Сеуле, Тэгу, Пусане, Кванджу и Ири), и радиостанция Евангелистской объединенной миссии, расположенная в Инчхоне. К указанным следует добавить коммерческие радиовещательные системы — Пусанскую радиостанцию «Мунхва» («Культура»), основанную в 1959 г., Сеульскую радиостанцию «Мунхва» (1961), радиостанции «Тона» (1963) и «Тонъян» (1964).

С 1961 г. в Южной Корее начало функционировать государственное телевидение (KBS — TV).

Подобно другим средствам общественной информации, радиовещание и телевидение в Южной Корее обслуживают правящую группировку, защищают интересы эксплуататорских классов и их заокеанских покровителей.

* * *

Исторический опыт Кореи, как и любой другой страны, имеет большую ценность. В органическом единстве в нем проявились общие закономерности, свойственные всему человеческому обществу, специфика развития стран Азиатского материка и, наконец, особенности, определяемые конкретными условиями самой страны. История Кореи — наглядное воплощение свойственных антагонистическим обществам противоречий. Корея — одно из древнейших государств Востока и вместе с тем еще недавно — одна из его отсталых, слаборазвитых стран. Неисчерпаемые родники народного творчества, неиссякаемая энергия и свободолюбие — и многие десятилетия колониальной зависимости. Но главное в истории Кореи — величественная летопись борьбы ее народа за независимость и прогресс. Эта борьба завершилась победой передовых сил пока только в одной части страны — в Северной Корее, но победа ее народа и его достижения оказывают огромное прогрессивное воздействие на народные массы Южной Кореи, зависимой от империализма, на народы других стран Востока. Рассматривая корейскую действительность в широком историческом разрезе, нетрудно видеть, что на территории одной страны развернулось мощное соревнование двух общественных систем, проходят проверку жизнью социалистический и капиталистический пути общественного развития, демонстрируя человечеству преимущества и великую жизненную силу социализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ В. И. Ленин, О борьбе внутри итальянской социалистической партии, т. 41, стр. 425. Здесь и далее труды В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений.

² В. И. Ленин, III конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы доклада о тактике РКП, т. 44, стр. 5.

³ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41, стр. 3.

⁴ В. И. Ленин, IV конференция профсоюзов и фабзавкомов Москвы. Заключительное слово по докладу о текущем моменте 28 июня, т. 36, стр. 457.

⁵ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, т. 27, стр. 304—305.

⁶ В. И. Ленин, Собрание актива Московской организации РКП(б). Доклад о концессиях, т. 42, стр. 61.

⁷ Закрытые служебные издания генерал-губернаторства с грифом «секретно» или «совершенно секретно», ранее хранившиеся за семью замками в архивах полиции и жандармерии, попали к букинистам, владельцам книжных магазинов Сеула, а оттуда к читателям при следующих обстоятельствах. Как только 15 августа 1945 г. было объявлено о капитуляции Японии, японские власти в Корее стали лихорадочно уничтожать эту документацию — следы своих преступлений в колонии. Сжигались служебные материалы, закрытые архивы. Служащие генерал-губернаторства, полицейские, которым это было поручено, использовали царившую в те дни панику и постарались извлечь для себя выгоду, продав владельцам книжных магазинов немало чрезвычайно интересных для научных исследований закрытых изданий полиции, жандармерии, суда, прокуратуры и т. п.

⁸ В числе крупных исследований о Корее, изданных в Японии, можно, в частности, назвать Ониси Масамити «Минами Тёсэн» («Южная Корея»), Токио, 1959; Ватанабэ Манабу «Тёсэн киндайси» («Новейшая история Кореи»), Токио, 1968; в Японии изданы также работы прогрессивного американского востоковеда Д. В. Кондэ.

⁹ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, т. 27, стр. 420.

¹⁰ R. T. Oliver, Korea the Forgiven Nation, New York, 1944.

¹¹ См., напр., H. Chang, The Case of Korea, 1921; Hugh Heung Woo-syn, The Revolution of Korea, New York, 1921.

¹² Suh Dae-Sook. The Korean Communist Movement 1918—1948, Princeton (New Jersey), 1967. За это исследование Со Дэсук получил степень доктора наук. Со Дэсук — уроженец Северной Кореи (род. в 1931 г.), сын католического священника. В 1946 г. переехал на Юг и окончил в Сеуле гимназию. В Техасском Христианском университете он получил степень бакалавра, а в университете Индиана — степень магистра. На факультете публичного права и государства Колумбийского университета изучал международные отношения и историю Восточной Азии. В 1964 г. защитил диссертацию на тему о корейском коммунистическом движении и получил степень доктора философии.

¹³ Р. Скалапино и Ли Джонсик пишут, что в руки японской полиции попадало огромное количество секретных материалов, касавшихся корейского коммунистического движения. Это соответствует действительности и является одним из последствий внутрипартийных распрей и фракционной борьбы. Авторы, по-видимому, получили возможность использовать такие материалы.

¹⁴ R. A. Scalapino, Chong-sik Lee, Communism in Korea, Berkeley — Los Angeles, 1972. R. A. Scalapino and Chong-sik Lee, The Origins of the Korean Communist Movement, — «The Journal of Asian Studies», vol. XX, № 1, November, 1960; vol. XX, № 2, February, 1961.

¹⁵ Soon Sung Cho, Korea in World Politics 1940—1950, Berkeley — Los Angeles, 1967; I. W. Morley, Japan and Korea: America's Allies in the Pacific, New York, 1965; Hahn Been Lee, Korea: Time, Change and Administration, Honolulu, 1968; Oh John Kie-Chiang, Korea: Democracy on Trial, Ithaca (N. Y.), 1968; N. D. Glick, Basic data on the Economy of the Republic of Korea, — «Overseas Business Reports», 1968,

№ 37; Kim Byong Sic, *Modern Korea. The Socialist North revolutionary Perspectives in the South and Unification*, New York, 1970; D. C. Cole and P. N. Luman, *Korean Development. The Interplay of Politics and Economics*, Cambridge (Mas.), 1970.

¹⁶ В. И. Ленин, Карл Маркс, т. 26, стр. 58.

¹⁷ «Чосон минджуджуый иимин конхвагук попкюджи», Пхеньян, 1961.

¹⁸ «Самиль ундон сасип чунён кинём нонмунджип» («Сборник статей, посвященных 40-й годовщине первоапрельского движения»), Пхеньян, 1959.

¹⁹ «Пхаоп тхуджэн чарёджип. 1920—1931» («Сборник материалов по забастовочной борьбе. 1920—1931»), Пхеньян, 1961.

²⁰ «Хациль пальтисан тхуджэн чхамгаджадыры хвессанги» («Воспоминания участников аптияпонской партизанской борьбы»), тт. 1—10, Пхеньян, 1959—1969.

²¹ «Чосон чунан ёнгам» («Корейский центральный ежегодник»), Пхеньян, [1949—1968].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

¹ «Дипломатический словарь», т. II, М., 1950, стр. 991—992.

² Население Кореи (по данным на 1921 г.) насчитывало 17 264 тыс., в том числе японцев — около 350 тыс. На государственной и общественной службе было занято более 95 тыс. японцев; в торговле и связи — около 100 тыс., в промышленности — немногим менее 40 тыс.; в сельском и лесном хозяйстве примерно столько же. Среди японцев в Корею было много темных дельцов, авантюристов, приехавших в колонию за легкой наживой. См. «Тёсэн сотокуфу токэй нёнбо» («Статистический ежегодник генерал-губернаторства Кореи»), Сеул, 1930, стр. 163.

³ «Пхаоп тхуджэн чарёджип. 1920—1931», стр. 670.

⁴ «Тёсэн кэйдзай-но кэнкю» («Экономическое исследование Кореи»), Сеул, 1929, стр. 512.

Глава 2

¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 14—15.

² В. И. Ленин, *Внешняя политика русской революции*, т. 32, стр. 335.

³ Социальный состав корейцев в России был неоднороден. В условиях двоевластия, сложившегося после Февральской революции, ускорило расслоение корейских эмигрантских масс. Подавляющее большинство корейских трудящихся поддержали Советы рабочих и солдатских депутатов, кулаки же и часть буржуазной политической эмиграции выступили в поддержку так называемых комитетов общественной безопасности, созданных буржуазией.

В мае 1917 г. в Никольск-Уссурийском был созван I Всероссийский съезд корейцев, весьма пестрый по социальному составу участников. Буржуазная часть съезда, поддерживавшая Временное правительство, оказалась лидирующей. Созданный на съезде Всероссийский Центральный исполнительный комитет корейских национальных обществ проводил курс, отвечавший интересам буржуазии.

⁴ А. П. Ким (Станкевич) родился в 1885 г. в корейском селе недалеко от Никольск-Уссурийского. С гимназических лет изучала нелегальную марксистскую литературу. В 1914—1917 гг. работала переводчицей на предприятиях Урала, где проживали тысячи корейских рабочих, и стала там одним из организаторов Союза уральских рабочих (в Союз входило немало корейцев). Вступив в партию большевиков, А. П. Ким вскоре стала видным советским и партийным деятелем. В частности, она была комиссаром Дальсовнаркома по иностранным делам.

⁵ «Речи президента Вильсона», изд. «Американского правительственного бюро печати». [б. м.], 1918, стр. 21—22.

⁶ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел Президенту США Вильсону, — «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 531.

⁷ Ли Гвансу (псевдоним — Чхунвон) родился в 1892 г. На средства Чхондогё учился в Японии в средней школе, а затем окончил университет «Васада». После событий 1919 г. эмигрировал в Китай. Вернувшись в Корею в 1921 г., занимался литературной деятельностью. Крупный писатель, Ли Гвансу играл в политической жизни страны, в освободительном движении в целом негативную роль, особенно накануне и после освобождения страны в 1945 г.

⁸ Чхве Рин (псевдоним — Коу) родился в 1878 г.; учился в Японии, где получил юридическое образование в университете «Мэйззи». Вернувшись в Корею, вступил в Чхондогё. С 1910 г. был директором колледжа «Посон» (см.: В. И. Шипаев, *Корейская буржуазия в национально-освободительном движении*, М., 1966, стр. 72).

⁹ В. И. Шипаев, *Корейская буржуазия в национально-освободительном движении*, стр. 72.

¹⁰ Чхве Намсон (псевдоним — Юктан). Получил образование в японском универ-

ситете «Васэда». С 1922 г. работал в комитете по составлению истории Кореи, созданном при генерал-губернаторстве. Автор нескольких работ по истории Кореи. Умер в 1957 г.

¹¹ Приводим их имена: Сон Бёнхи (1861—1922), Киль Сонджу (1869—1935), Ли Пхильджу (1869—1932), Пэк Енсон (1864—1940), Ким Вангю (1877—1949), Ким Бёндо (1877—1946), Ким Чханджун (1890—1959), Квон Донджин (1861—1947), Квон Бёндок (1867—1944), На Енхван (1864—1947), На Инхёп (1870—1951), Ян Джонбэк (1869—1923), Ян Хашмук (1862—1920), Ю. Едэ (1855—1930), Ли Гапсон (род. в 1889 г.), Ли Мёнён (1872—1956), Ли Сынхун (1864—1931), Ли Джонхун (1856—1932), Ли Джонгиль (1857—1925), Им Нехвап (1865—1949), Пак Чунсын (1866—1927), Пак Хидо (1889—1951), Пак Тонван (1883—1940), Син Хонсик (1872—1937), Син Соку (1875—1950), О Сечхан (1864—1953), О Хваён (1880—?), Чоп Чхунсу (1875—1951), Чхве Сонмо (1873—1936), Чхве Рин (1878—?), Хан Епун (1879—1944), Хон Бёнги (1874—1949), Хон Гиджо (1865—1938).

¹² «The Independent Movement in Korea», Kobe, 1919, стр. 16—17.

¹³ Там же, стр. 19, 22.

¹⁴ Совет по требованию Японии был разогнан колчаковскими властями.

¹⁵ «Японская интервенция в 1918—1922 гг. в документах», М., 1934, стр. 54.

¹⁶ «The Independent Movement in Korea», стр. 30.

¹⁷ Хон Бомдо родился в 1868 г. в семье крестьянина-бедняка. В 1894 г., будучи рабочим бумажной фабрики, он принял активное участие в восстании тонхаков, с 1904 г. возглавил партизанские отряды в Северной Хамгён, а в 1913 г., преследуемый японскими властями, ушел на русский Дальний Восток. В 1919 г. Хон Бомдо переправился в Северо-Восточный Китай и создал там партизанский отряд. В 1921 г. вместе с отрядом вернулся на русский Дальний Восток, где участвовал в борьбе за Советскую власть. В 1927 г. вступил в ВКП(б). Умер в 1944 г.

¹⁸ Ли Сынман родился в 1875 г. в Хванхэ в дворянской семье. Он окончил школу «Пэджэ», организованную американским миссионером Г. Аппенцеллсром. С помощью высокопоставленных родственников и друзей Ли Сынман добился назначения членом Тайного совета при корейском императоре и так рьяно покровительствовал прояпонским элементам, что корейские власти обратили на это внимание. Ли Сынман был уличен в прояпонской деятельности и должен был уйти в отставку. В 1897 г. корейские власти арестовали его и приговорили к бессрочной каторге. Но теперь у него нашелся высокий покровитель. Японский посланник в Корею Хаяси обратился к корейскому правительству с ходатайством об освобождении Ли Сынмана; бессрочная каторга была заменена семилетним тюремным заключением.

В 1904 г., после освобождения из тюрьмы, Ли Сынман уехал в США. Там он окончил Вашингтонский университет, аспирантуру Гарвардского университета и получил ученую степень магистра искусствознания, а в Принстонском университете — степень доктора философии. После аннексии Ли Сынман на некоторое время вернулся в Корею, работал в молодежном христианском союзе, затем снова уехал в США. С тех пор он стал главным «доверенным лицом» США в корейском освободительном движении, организатором и главой той социальной опоры американского империализма в Корею, с помощью которой США намеревались в подходящий момент «проглотить корейский лакомый кусок». Антинациональная деятельность Ли Сынмана долгое время прикрывалась маской борьбы за независимость Кореи, к чему немало усилий приложили миссионеры и другие ставленники США.

¹⁹ В 1934 г. «правительство» переехало в Ханчжоу и с тех пор переезжало с места на место. В 1939 г. оно обосновалось в Чунцине.

²⁰ В. И. Ленин, О нашей аграрной программе, т. 9, стр. 357.

²¹ «Самиль ундон сасип чунён кинём нонмунджип», стр. 28.

²² Там же.

²³ Характерно, что после 1919 г. в Корею началось движение против миссионеров. Борьба с их влиянием нашла отражение в документах первых рабоче-крестьянских организаций.

²⁴ «Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала», М., 1934, стр. 127.

²⁵ «Известия», 15. VIII. 1919.

²⁶ «Документы внешней политики СССР», т. II, М., 1958, стр. 223.

²⁷ В. И. Ленин, Собрание актива Московской организации РКП(б). Доклад о концессиях, т. 42, стр. 61.

²⁸ Там же.

²⁹ В. И. Ленин, Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г., т. 36, стр. 330.

³⁰ В. И. Шипаев, Корейская буржуазия в национально-освободительном движении, стр. 97.

³¹ Если до реформ в Корею насчитывалось 14,5 тыс. полицейских и жандармов, то в 1922 г. в полицейском корпусе было около 21 тыс. человек, т. е. он вырос на 45%. Была значительно расширена и сеть тайного полицейского сыска.

- ¹ «Чосон нодондан тхуджэнса», ч. II, стр. 42.
- ² Ким Ир Сен, Учение Ленина — наша путеводная звезда,— Избранные статьи и речи, М., 1962, стр. 125.
- ³ В. И. Ленин, Разногласия в европейском рабочем движении, т. 20, стр. 65.
- ⁴ В конце 1920 г. в России, преимущественно на Дальнем Востоке и в Сибири, было около 16 корейских партийных организаций, насчитывавших более 2300 членов и кандидатов (см.: М. А. Персиц, Коминтерн и Восток, М., 1969, стр. 79).
- ⁵ В 1922 г. в Сеуле было создано Синсанан ёнгухве (Общество по изучению новых идей), в 1924 г. организовалось Хваёхве (Общество «Вторника»), в 1923 г. в Токио корейские студенты организовали Пуксонхвё (Общество «Полярная звезда»). В 1924 г. оно объединилось с Консоль тонмэн (Лига созидания) и было переименовано в Пукпхунхве (Общество «Северный ветер»). Тогда же, в 1924 г., в Токио было создано Ирвольхве (Общество «Январь»), слившееся затем с Соуль синпха (Новая сеульская группа) и Манджу кончхон (Комсомол Маньчжурии) в группу Эмэльхве (Общество марксизма-ленинизма).
- ⁶ А. А. Ким, Корейская делегация беседует с В. И. Лениным,— цит. по кн.: «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания», М., 1963, стр. 615—617.
- ⁷ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 гг.», М., 1933, стр. 42.
- ⁸ Катаяма Сэн, К японским рабочим (Статьи и мемуары), М., 1959, стр. 173.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», Пг., 1922, стр. 475.
- ¹¹ «Чосон нодондан тхуджэнса», ч. I, стр. 48.
- ¹² Там же, стр. 49.
- ¹³ Там же; см. также «Чосон кындэ хёнмён ундонса», стр. 228—229.
- ¹⁴ Когда молодежное общество Чосон чхоннён ёнхвэ выступило инициатором объединения местных рабоче-крестьянских организаций и создания общекорейского союза, реформистское руководство местных рабоче-крестьянских организаций южных районов страны развернуло деятельность по формированию южнокорейской рабоче-крестьянской федерации. Это делалось для того, чтобы созданием двух параллельных центров помешать единству рабоче-крестьянских организаций.
- ¹⁵ «Пхаоп тхуджэн чарёджи», стр. 684.

Глава 4

- ¹ В. И. Ленин, II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля, т. 41, стр. 243.
- ² «Пхаоп тхуджэн чарёджи», стр. 684.
- ³ «Чосон кындэ хёнмён ундонса», стр. 242.
- ⁴ «Тона пльбо», 16.XI. 1927.
- ⁵ «Ёкса квахак», 1957, № 5, стр. 39.
- ⁶ «Чосон ильбо», 28.XI. 1927.
- ⁷ Подробнее см.: С. Г. Нам, Дискуссия в научных кругах КНДР о классовой основе национал-реформизма по журналам «Ёкса квахак», № 3, 4 за 1966 г. (рукопись).
- ⁸ Чхондогё не было единым и сплоченным. К концу 20-х годов оно раскололось на несколько группировок, каждая из которых распространяла свое влияние в определенных районах страны.
- ⁹ В. И. Ленин, Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала, т. 41, стр. 167.
- ¹⁰ «Чосон кындэ хёнмён ундонса», стр. 249—250.
- ¹¹ Там же.
- ¹² «Ироп тхуджэн», 1928, № 5, стр. 21—92.
- ¹³ Активную деятельность развернули японские власти, засылая в Синганхве провокаторов. Наиболее прогрессивные деятели Общества были брошены в тюрьмы.
- ¹⁴ О. Куусинен, О корейском коммунистическом движении,— «Революционный Восток», 1931, № 11/12, стр. 114.
- ¹⁵ «Шестой Конгресс. Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах. Тезисы»,— «Коммунистический Интернационал в документах», М., 1933, стр. 864.
- ¹⁶ О. Куусинен, О корейском коммунистическом движении, стр. 113.
- ¹⁷ «Чосон нодондан тхуджэнса», ч. II, 1958, стр. 70.
- ¹⁸ Там же, ч. I, стр. 69—70.
- ¹⁹ Фракционеры пытались опорочить решения Коминтерна о компартии Кореи, заявляя, что эти решения нанесут вред национально-освободительному движению и классовой борьбе трудящихся.

²⁰ Вонсан нодонхве внесла такие уточнения: минимальная дневная заработная плата квалифицированному рабочему должна составить 120 сэн; неквалифицированному — 80, женщине — 60 сэн. При увольнении квалифицированного рабочего выдавать ему пособие в размере трехмесячной заработной платы; неквалифицированного рабочего и женщины — двухмесячной.

²¹ Матерналы Исторического музея в Вонсане, в частности, рассказывают, что 19 февраля в фонд забастовщиков поступило 800 мешков продовольствия. Воодушевленные помощью, тысячи демонстрантов заполнили в тот день улицы города.

²² «Пхаоп тхуджэн чарэджин», стр. 248.

Глава 5

¹ «Чосон тхонса», т. 2, Пхеньян, 1958, стр. 294.

² Этот процесс проанализирован в монографии В. И. Шипаева «Корейская буржуазия в национально-освободительном движении». Рассматривая акционерные объединения, в которых участвовали корейцы, автор выделяет три группы таких объединений: первая, состоявшая главным образом из представителей мелкой буржуазии (средний размер оплаченного капитала на одну компанию — не более 25 тыс. иен), действовавшей в невоенных отраслях производства. Вторая — самая многочисленная — функционировала в разных сферах предпринимательской деятельности (средний размер оплаченного капитала — до 50 тыс. иен). В третью группу входили крупные буржуа; оплаченный капитал таких компаний значительно превышал 50 тыс. иен. Он был вложен в разные области: финансы, сельское хозяйство, горнорудную, текстильную, химическую, машиностроительную промышленность, частично в торговлю. Многие смешанные японо-корейские общества также входили в эту группу. Часть смешанных обществ относилась ко второй группе.

³ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, т. 41, стр. 36—37.

⁴ «Пхаоп тхуджэн чарэджин», стр. 684.

⁵ Там же, стр. 394.

⁶ Ли Наён, Чосон минджок хэбан тхуджэнса (История освободительной борьбы корейского народа), Пхеньян, 1958, стр. 305.

⁷ «Пхаоп тхуджэн чарэджин», стр. 415.

⁸ Зарботная плата рабочих на предприятиях, принадлежавших Ким Сонсу, составляла от 20 до 70 сэн в день.

⁹ О. Куусинен, О корейском коммунистическом движении, стр. 100.

¹⁰ В. И. Ленин, Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала, т. 41, стр. 173.

¹¹ Оригинал листовки хранится в Историческом музее Хамхына.

¹² «Чосон ильбо», 21.VII. 1930.

Глава 6

¹ «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 992.

² В. М. Мазуров, Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931—1940), М., 1958, стр. 41.

³ Листовка хранится в Пхеньянском музее отечественной освободительной борьбы.

⁴ «Сисо ихо», 1936, № 6, стр. 266.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 177.

⁷ «Сисо ихо», 1937, № 11, стр. 150.

⁸ Цой Шену, Платформа действия компартии Кореи, — «Коммунистический Интернационал», 1934, № 17, стр. 20.

⁹ Там же, стр. 26.

Глава 7

¹ «Сисо ихо», 1938, стр. 259, 261, 266.

² Там же.

³ К 1940 г. в Корее действовало 82 отделения Союза и 7 филиалов, агентура его насчитывала 3300 человек.

⁴ В 1940 г. эта организация была переименована в Кокумин сорёку рэммэй (Союз общенациональных сил). Его председателем был назначен японский генерал Кавасима Ёсиюки.

⁵ Н. И. Карпович, Колониальная политика японского империализма в Корею (1931—1941), [М., 1956], [канд. дисс.], стр. 118—119. Повсеместно в Корею проводились недели «мобилизации национального духа», «помощи фронту», кампании по «укреплению экономики военного времени», «патриотические дни». Первое число каждого месяца население должно было отмечать особенно интенсивным трудом.

Ежедневно утром по сигналу радио каждый кореец, где бы он ни находился, был обязан отвесить низкий поклон в сторону японского императорского дворца. Так же

неукоснительно всякий житель Кореи должен был в полдень произнести про себя молитву, выражающую благодарность японской армии. Все это способствовало нагнетанию милитаристского психоза. Власти и их агентура в «патриотических группах» зорко следили за выполнением названных церемоний и участием населения в проводимых кампаниях.

⁶ Ведущую роль в этом обществе играл Ли Соккю — сын национального предателя Ли Ёнгу, содействовавшего аннексии Кореи Японией.

⁷ См.: В. И. Шипаев, *Корейская буржуазия в национально-освободительном движении*, стр. 218.

⁸ В Уставе партии говорилось, что она «строится по системе демократического централизма», что общепартийный съезд является высшим органом партии.

⁹ В служебных японских изданиях, в частности в «Тёсэн кэйсацу», отмечалось, что сразу же после захвата Маньчжурии в 1931 г. в Сеуле был созван совет представителей 18 буддийских храмов, где было решено «оказать помощь тылу», конфуцианские организации также заняли прояпонские позиции.

¹⁰ Под декларацией была поставлена подпись Ким Донмёна (псевдоним Ким Ир Сена).

¹¹ О проведении такого курса свидетельствуют многочисленные воспоминания участников партизанского движения, изданные в КНДР.

¹² Эти издания представляли собой нередко рукописные тетради.

¹³ Воззвание подписал командир рейдового отряда 3 Объединенной антияпонской армии Ким Ир Сен («Ёкса чемундже», 1950, № 5, стр. 11—12).

¹⁴ «Сайкин-ни окэру Тёсэн тиан дзёкё», стр. 413.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Чосон кындэ хёнмён ундонса», Пхеньян, 1961, стр. 388—390.

¹⁷ «Сайкин-ни окэру Тёсэн тиан дзёкё», стр. 84—86.

¹⁸ И. С. Казакевич, *Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны*, М., 1958, стр. 109.

Глава 8

¹ «Кэйдзё ниппо», 30.V. 1944.

² Подробно см.: В. И. Шипаев, *Корейская буржуазия в национально-освободительном движении*.

³ 1 чоңбо равен 10 танам.

⁴ Сущность замены состояла в том, что к корейским фамилиям, которые в большинстве случаев пишутся одним иероглифом, добавлялся второй (японские фамилии пишутся преимущественно двумя иероглифами). Корейские фамилии произносились по-японски.

⁵ «Кэйдзё ниппо», 7.IV. 1943.

⁶ Приведено по записи автора.

⁷ Ё Уихён (псевдоним — Монъян) родился в 1885 г., долгое время жил в эмиграции в Китае. Участвовал в антиимпериалистическом движении. Перевел на корейский язык «Коммунистический манифест». Несоднократно подвергался арестам. После 1945 г. был руководителем Илминдан (Народной партии) и активным деятелем Намчосон минджуджуй минджок чоисон (Демократического национального фронта Южной Кореи). В июле 1947 г. убит реакционерами.

⁸ «Кэйдзё ниппо», 27.IX. 1944.

⁹ «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 8.

¹⁰ В. Б. Воронцов, *Корея в планах США в годы второй мировой войны*, М., 1962.

¹¹ Там же, стр. 63.

Глава 9

¹ С. Г. Нам, *Формирование народной интеллигенции в КНДР*, М., 1970, стр. 11.

² «Корейская литература», — «Литературная энциклопедия», т. 5, М., 1931.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

¹ «Чосон тхонса», т. 2, стр. 440.

² «Минджу Чосон», 17.III. 1950.

³ «Третий съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы», Пхеньян, 1956, стр. 98.

⁴ Б. В. Щ е с т и н н и н, Демократические преобразования в Северной Корее и образовании Корейской Народно-Демократической Республики.— «Корейская Народно-Демократическая Республика», М., 1954, стр. 222.

⁵ К и м И р С е н, Обращение к корейскому народу в связи с опубликованием программы из 20 пунктов.— Избранные произведения, Пхеньян, 1954, т. I, стр. 51—56.

⁶ В январе 1951 г. произошло слияние обеих партий в единую организацию — Чхондогё-Чхонудан.

⁷ В январе 1951 г. произошло слияние Пукчосон чигоп тонмэн (Профсоюзы Северной Кореи) и Чосон нодон чохап чоигук пхёнйхве (Всекорейская конфедерация труда) в Чосон чигоп чхондоимэн. В январе 1951 г. Пукчосон минджу чхоннён тонмэн и Намчосон минджу чхоннён тонмэн (Демократический союз молодежи Южной Кореи) объединились в Чосон минджу чхоннён тонмэн (Демократический союз молодежи Кореи).

⁸ «Пукчосон минджуджубый минджок тхонпль чонсон мунхён джип» («Документы ЕДНФ Северной Кореи»), Пхеньян, 1947, стр. 139.

⁹ Там же, стр. 126.

¹⁰ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, М., 1957, стр. 256.

¹¹ Цит. по кн.: В. Б. В о р о н ц о в, Корея в планах США в годы второй мировой войны, М., 1962, стр. 89.

¹² «Советский Союз и корейский вопрос. Документы», М., 1948, стр. 8—9.

¹³ Там же, стр. 9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 12.

¹⁶ Там же, стр. 17.

¹⁷ Там же, стр. 6.

¹⁸ Там же, стр. 11.

¹⁹ Там же, стр. 21.

²⁰ Там же, стр. 7.

²¹ «Чосон тхонса», т. 2, стр. 458.

²² Ф. И. Ш а б ш и н а, Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953 гг.), М., 1958, стр. 91.

²³ «Конституция и основные законодательные акты КНДР», М., 1952, стр. 127.

²⁴ «Чосон чунан ёнгам», 1949, стр. 71—72. Помещики получали землю в других уездах и обязаны были обработать ее своим трудом.

²⁵ «Пукчосон помнёнджип» («Сборник законов Северной Кореи»), т. I, стр. 41—42.

²⁶ «Конституция и основные законодательные акты КНДР», стр. 150.

²⁷ «Третий съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы», стр. 17.

²⁸ К и м И р С е н, Доклад на IV пленуме Трудовой партии Кореи.— Избранные произведения, т III, стр. 356.

²⁹ «Чосон нодондан канён-кюак» («Программа и устав Трудовой партии Кореи»). Пхеньян, 1952, стр. 3.

³⁰ Там же, стр. 3—4.

³¹ Там же, стр. 5.

³² «Политические партии и общественные организации Северной Кореи», Пхеньян, 1946, стр. 8.

³³ К и м И р С е н, Танный копгохварыль вихаё (За укрепление партии), Пхеньян, 1953, стр. 182.

³⁴ «Третий съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы», стр. 109.

³⁵ «Чосон чунан ёнгам», 1949, стр. 84.

³⁶ Там же.

Глава 2

¹ «Ordinances, Appointments, Instructions. Headquarters United States Army Forces in Korea, September 1945 — March 1946», Seoul, 1946.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Чосон инминбо», 17.X. 1945.

⁵ «Третий съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы», стр. 103.

⁶ «Чосон кёндже ёнбо» («Корейский экономический ежегодник. 1948»), отд. I, Сеул, 1948, стр. 101.

⁷ «Чосон чунан ёнгам», 1949, стр. 181; «Кёндже ёнгам», Сеул, 1955, отд. I, стр. 118.

⁸ Здесь и далее указы АВА приводятся по «Чосон кёндже ёнбо. 1948», отд. II, Сеул, 1948.

⁹ J. M. M e S u p e, Korea Today, New York, 1950, стр. 98.

¹⁰ «Доклад генерального агента Администрации ООН по восстановлению Кореи», Нью-Йорк, 1952, стр. 14.

¹¹ «Первая часть доклада Временной комиссии ООН по вопросу о Корее», т. I, Нью-Йорк, 1948, стр. 36.

¹² «Чосон чунан ёнгам», 1949, стр. 192.

¹³ 4 августа 1948 г. преемником Ли Сынмана на посту председателя Национального собрания стал Син Икхи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

¹ «Чогук тхониль минджуджуй чонсон мунхёнджип» («Документы ЕДОФ»), Пхеньян, 1954, стр. 112.

² «Чосон тхонса», т. 2, стр. 545.

³ Там же, стр. 546.

⁴ «Конституция КНДР», Пхеньян, 1956, стр. 3.

⁵ Ким Ир Сен, Конхвагук чонбу тепхёдан сорён панмун саоп чёнхва пого (Доклад об итогах поездки правительственной делегации КНДР в Советский Союз),— «Избранные произведения», т. 2, стр. 368.

⁶ В 1945 г. в Северной Корее насчитывалось 2,3 млн. неграмотных.

⁷ Ким Ир Сен, Чаю ва тоннибыль вихан Чосон пимпный видэхан хэбан чонджэн (Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость), Пхеньян, 1955, стр. 55.

⁸ Там же, стр. 21.

⁹ «Чосон тхонса», т. 2, стр. 584—585.

¹⁰ «Минджу Чосон», 30.VI. 1949.

¹¹ «Чосон чунан ёнгам», 1950, стр. 237—238.

¹² Там же, 1950, стр. 243.

Глава 2

¹ «Документы и материалы, разоблачающие зачинщиков гражданской войны в Корее», изд. Министерства культуры и пропаганды КНДР, Пхеньян, 1951, стр. 29—30.

² «История справедливой отечественной освободительной войны корейского народа», Пхеньян, 1961, стр. 9.

³ «Документы и материалы, разоблачающие зачинщиков гражданской войны в Корее», стр. 43.

⁴ Цит. по кн.: «История справедливой отечественной освободительной войны корейского народа», стр. 23.

⁵ Д. ж. Стюарт, Воздушная мощь — решающая сила в Корее, М., 1959, стр. 30.

⁶ Цит. по кн.: «История справедливой отечественной освободительной войны корейского народа», стр. 23.

⁷ Там же, стр. 23.

⁸ В. Мацуленко, Война в Корее,— «Военно-исторический журнал», 1970, № 6, стр. 34.

⁹ Ким Ир Сен, Справедливая отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость, Пхеньян, 1955, стр. 13.

¹⁰ «История справедливой отечественной освободительной войны корейского народа», стр. 40.

¹¹ Одновременно с интервенцией против КНДР американские империалисты усилили агрессивные действия в Азии, в первую очередь против социалистических государств. Американские войска вторглись на о-в Тайвань, выступили против Демократической Республики Вьетнам, усилили борьбу против освободительного движения филиппинского народа.

¹² «Правда», 4.VII. 1950.

¹³ В. М. Мазуров, Южная Корея и США, М., 1971, стр. 18—19.

¹⁴ Ким Ир Сен, Справедливая отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 64.

¹⁵ «Правда», 5.XI. 1950.

¹⁶ «Десятый доклад командования ООН в Корее», Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Год V. Дополнение за сентябрь—декабрь 1950. Нью-Йорк, 1967, стр. 82.

¹⁷ «Чогук тхониль минджуджуй чонсон мунхёнджип», Пхеньян, 1960.

¹⁸ Там же, стр. 266—267.

¹⁹ Р. Осгуд, Ограниченная война, М., 1960, стр. 219.

²⁰ Цит. по кн.: В. М. Мазуров, Южная Корея и США, стр. 43.

²¹ Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика, Китайская Народная Республика, Монгольская Народная Республика, Польша, Румыния, Чехословакия приняли тысячи корейских сирот войны на воспитание. В Советском Союзе и в других социалистических странах тысячи корейских юношей и девушек обучались в различных средних технических и высших учебных заведениях.

²² М. С. Капица, КНР: два десятилетия — две политики, М., 1969, стр. 36—37.

²³ Ким Ир Сен, Пролетарский интернационализм и борьба корейского народа, — «За прочный мир, за народную демократию», 25.X. 1952.

²⁴ Ким Ир Сен, Справедливая отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 200—201.

²⁵ Полный текст Соглашения см.: «Правда», 29.VII. 1953.

²⁶ Ким Ир Сен, Справедливая отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость, стр. 270.

Глава 3

¹ Хэбанху ури нараый инмин кёндже пальччон» («Развитие народного хозяйства нашей страны после освобождения»), Пхеньян, 1960, стр. 98.

² Там же, стр. 98, 99.

³ Там же.

⁴ Ким Ир Сен, Все для послевоенного восстановления и развития народного хозяйства. Доклад на VI пленуме ЦК Трудовой партии Кореи 5 августа 1953 г., — Избранные произведения, т. I, Пхеньян, 1967, стр. 469.

⁵ Здесь и далее контрольные цифры трехлетнего плана приведены по кн.: «Трехлетний народнохозяйственный план КНДР на 1954—1956 гг.», Пхеньян, 1954, стр. 59, 64, 68, 69, 73, 79.

⁶ В. И. Ленин, Великий почин, т. 39, стр. 21.

⁷ Ким Ир Сен, Отчетный доклад Центрального Комитета Трудовой партии Кореи III съезду ТПК, — «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», М., 1957, стр. 41.

⁸ Хван Доён, Послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства КНДР, М., 1958, стр. 25.

⁹ «1946—1957 Чосон минджуджуый инмин конхвагук инмин кёндже мит мунхва пальччон. Тхонгеджин» («Развитие экономики и культуры КНДР в 1946—1957 гг.») (Статистический сборник), Пхеньян, 1958, стр. 44.

¹⁰ Там же; см. также «Сборник статистических данных о развитии народного хозяйства КНДР (1946—1960)», Пхеньян, 1961, стр. 42.

¹¹ «Сборник статистических данных о развитии народного хозяйства КНДР (1946—1960)», стр. 23.

¹² Там же, стр. 17, 123.

¹³ «Резолюция III съезда ТПК по Отчетному докладу Центрального Комитета Трудовой партии Кореи», — «Материалы съезда Трудовой партии Кореи», стр. 170.

¹⁴ Хван Доён, Послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства КНДР, стр. 57, 58.

¹⁵ «Сборник статистических данных о развитии народного хозяйства КНДР (1946—1960)», стр. 21.

¹⁶ «Финансы стран народной демократии», М., 1959, стр. 287.

¹⁷ Ким Ир Сен, Торжество идей Великого Октября. К 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, — Избранные статьи и речи, М., 1962, стр. 331.

Глава 4

¹ «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», стр. 163.

² В. И. Ленин, III конгресс Коммунистического Интернационала, т. 44, стр. 9.

³ Ким Ир Сен, Учение Ленина — наша путеводная звезда, — «Избранные статьи и речи», стр. 132.

⁴ Ким Ир Сен, О предстоящих задачах народной власти в социалистическом строительстве. Речь на I сессии Верховного народного собрания второго созыва 20 сентября 1957 года, — Избранные произведения, Пхеньян, 1968, т. II, стр. 36.

⁵ Там же, стр. 32.

⁶ «Чосон чунан ёнгам», 1961, стр. 161, 166.

⁷ «Правда», 7.VII.1961.

⁸ «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», стр. 168.

⁹ Ким Ир Сен, О победе социалистического кооперирования и дальнейшем развитии сельского хозяйства в нашей стране, Пхеньян, 1959, стр. 19.

¹⁰ Там же, стр. 33.

¹¹ Ким Ир Сен, Доклад на Всереспубликанском съезде сельскохозяйственных кооператоров, 5 января 1959 г. «О победе социалистического кооперирования и дальнейшем развитии сельского хозяйства в нашей стране», — Избранные произведения, т. II, стр. 327.

¹² «Развитие народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики после освобождения», М., 1962, стр. 231.

¹³ «Третий съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы», стр. 423—428.

Глава 5

¹ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». Принято международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г., М., 1969, стр. 6.

² Ким Ир Сен, Отчетный доклад Центрального Комитета Трудовой партии Кореи IV съезду партии, — «Избранные произведения», т. III, Пхеньян, 1968, стр. 116.

³ «Правда», 7.VII.1961.

⁴ Ким Ир Сен, Корейская Народно-Демократическая Республика — знамя свободы и независимости нашего народа, могучее оружие в строительстве социализма и коммунизма, Пхеньян, 1968, стр. 35.

⁵ «Нодон синмун», 10.XI.1970.

⁶ Ким Ир Сен, Еще последовательнее воплотим революционный дух независимости, самостоятельности и самообороны во всех областях государственной деятельности, Пхеньян, 1968, стр. 67.

⁷ Ким Ир Сен, Отчетный доклад Центрального Комитета Трудовой партии Кореи V съезду партии, Пхеньян, 1970, стр. 6.

⁸ Там же, стр. 50.

⁹ Там же, стр. 51.

¹⁰ Ким Ир Сен, Еще последовательнее воплотим революционный дух независимости, самостоятельности и самообороны во всех областях государственной деятельности, стр. 88.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

¹ По данным на конец 1948 г., из-под юрисдикции военной администрации в распоряжение южнокорейских властей перешло 2586 бывших японских предприятий, из них 74 действовали в горнодобывающей промышленности (2,9%), 1667 — в различных отраслях обрабатывающей промышленности (64,4%), 75 — на транспорте (2,9%), 136 — в торговле (5,3%), 89 — в сельском хозяйстве (3,4%), 31 — в рыболовстве (1,2%) и 514 — в прочих отраслях экономики (19,9%). В состав «возвращенного имущества» не входили военно-стратегические сооружения и объекты. См. «Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945—1958 гг.)», М., 1959, стр. 82.

² По далеко не полным данным, по решению военных трибуналов от 1, 7 и 16 ноября 1948 г. в провинции Южная Чолла были казнены 152 участника восстания.

³ На основании Закона о государственной безопасности с момента вступления его в силу и до 30 апреля 1949 г. было арестовано 89 710 человек.

⁴ В ответ на акцию оппозиционно настроенных депутатов Национальное собрание подавляющим большинством голосов 21 ноября 1948 г. приняло резолюцию, в которой содержалось требование оставить американские войска в Южной Корее на неопределенное время.

⁵ Хангук тонниптан выдвигала следующие задачи: в ходе освободительного движения «отстаивать независимость Кореи», а после ее достижения «создать планируемую экономику», установить республиканский строй, возложить на государство расходы по просвещению и следовать принципу «весь мир — одна семья» на основе равенства и взаимопомощи народов. Партия имела собственные печатные органы — «Ханбо» («Корейский вестник») и «Хансон» («Голос Кореи»).

⁶ Невидимые, но могущественные заступники уберегли Ан Духи от какого бы то ни было наказания. После непродолжительного предварительного заключения, в ходе которого не столько выяснялась истина, сколько замечались следы преступления, убийца вернулся в армию и через некоторое время был произведен в полковники.

⁷ Такая позиция США определялась главным образом опасением за судьбу зависимого южнокорейского режима в том случае, если крестьяне сами начнут отбирать землю у помещиков.

⁸ «Адзия сэйджи кэйдай нэнкан. 1956» («Политико-экономический ежегодник по Азии. 1956»), Токио, 1956, стр. 225.

⁹ Материалы обследования приводятся по ст. Таниура Такао, Система земледелия в Южной Корее, — «Адзия кэйдай», 1967, т. 8, № 7, стр. 32—49.

¹⁰ Составлено автором на основе данных «Ноноп ёнгам. 1960» («Сельскохозяйственный ежегодник. 1960»), Сеул, 1960, раздел III, стр. 50—51 и сообщений южнокорейских агентств за 1968 г. Данные округлены.

¹¹ Следует отметить, что само понятие «средняк» для Южной Кореи, впрочем как и для любой другой страны Востока, не имеет конкретного содержания. Ничего общего оно не имеет и с европейским представлением о средняцком хозяйстве. По своему экономическому содержанию оно ближе к нашему представлению о бедняке.

¹² Сакураи Хироси, «Система государственных поставок зерна при Американской военной администрации и при переходном правительстве Южной Кореи», — «Адзиа кэйдзай», 1967, т. 8. № 7, стр. 50—62.

¹³ «Кёнхян синмун», 11.VII.1958.

¹⁴ Его настоящие фамилия и имя — Чи Дэхён, но он известен под фамилией и именем Чи Чхончхон.

¹⁵ Для принятия поправки к конституции требовалось, чтобы за нее проголосовали 2/3 депутатов (66,6%), присутствующих на голосовании. 27 ноября за проект пересмотра было подано 66,5% голосов.

¹⁶ Цифровые данные заимствованы из «Чосон тхонса», т. II, стр. 806.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 807.

¹⁹ Там же, стр. 809.

²⁰ Там же.

²¹ Наиболее колоритный тип такого «кочевника» являл собою заведующий орготделом Пак Енджон (1917—1959). В декабре 1954 г. он ушел из Чаудан в Минджудан, а в ноябре 1958 г. покинул и Тхонъильдан, в создании которой принимал самое активное участие.

²² В. И. Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, т. 11, стр. 36.

²³ Там же, стр. 38.

²⁴ Ониси Масамити, Минами Тёсэн (Южная Корея), Токио, 1959, стр. 99—100.

²⁵ Недостоящие 1,6% (137 228 голосов избирателей) были отданы кандидатам от прочих политических партий, не прошедшим в состав парламента.

²⁶ Ли Хонджик, Кукса тэсаджон (Большой исторический словарь), т. 2, Сеул, 1963, стр. 1142; Хал Тхэсу, Хангук чонданса (История политических партий Южной Кореи), Сеул, 1961, стр. 173.

²⁷ Тапака Наокити, Никкан канкэй (Японо-южнокорейские отношения), Токио, 1963, стр. 73.

²⁸ В. И. Ленин, Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову), т. 30, стр. 71.

²⁹ В. И. Ленин, III конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о тактике РКП 5 июля, т. 44, стр. 38.

³⁰ «Documents on American Foreign Relations 1960», New York, 1961, p. 432.

³¹ 27 апреля Национальное собрание приняло поступившее от Ли Сынмапа заявление об окончательном отрешении от власти. Опасаясь расследования преступлений своего правления, он вместе с супругой, Франческой Ли, 29 мая тайно, при содействии сотрудников американского посольства в Сеуле, вылетел на Гавайские острова, где умер в июле 1965 г.

Глава 2

¹ В. И. Ленин, О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы, т. 23, стр. 239.

² В. И. Ленин, Третий Интернационал и его место в истории, т. 38, стр. 308.

Глава 3

¹ Юн Босон оставался главой государства до 24 марта 1962 г., когда было объявлено, что исполняющим обязанности президента будет Пак Чонхи.

² В. И. Ленин, Разногласия в европейском рабочем движении, т. 20, стр. 67.

³ В. И. Ленин, Государство и революция, т. 33, стр. 90.

⁴ В. И. Ленин, Письма о тактике, т. 31, стр. 133.

⁵ В. И. Ленин, Военная программа пролетарской революции, т. 30, стр. 135.

⁶ В. И. Ленин, Между двух битв, т. 12, стр. 58.

⁷ Обнародованный 31 декабря 1962 г. «Закон о политических партиях» разрешил с начала 1963 г. создание буржуазных партий консервативного толка.

Глава 4

¹ В конце 60-х годов Ассоциация стала именоваться Чонгук кёнджеин ёнхапхе (Всекорейская федерация предпринимателей).

² «Japanese Annual of International Law», 1966, № 10, стр. 263.

Глава 5

¹ Составлено по данным: «Korea Statistical Yearbook, 1969», Seoul, 1969, стр. 308; «Korea Today and Tomorrow», Seoul, 1970, стр. 46—48.

² Составлено по данным: «Korea Statistical Yearbook, 1969», стр. 309—312; «The Growth in Korea's exports», Seoul, 1970, стр. 19.

³ Составлено по данным: «Final Report. Census of Mining and Manufacturing, 1958», Seoul, 1959, стр. 196, 230—233, 236, 328—329, 383, 407—409; «Report on Mining and Manufacturing Census, 1966», Series I, Basic Tables, Seoul, 1967, стр. 156, 242—243.

⁴ «Адзэна кэйдзай», Токио, 1967, стр. 21.

⁵ «Кёичже тхонге ёнгам, 1963» («Экономико-статистический ежегодник, 1963»), Сеул, 1963, стр. 18—19; «Korea Today and Tomorrow», стр. 27.

⁶ «Korea Today and Tomorrow», стр. 69—70.

⁷ Там же, стр. 69.

⁸ Там же, стр. 58.

⁹ Там же, стр. 64.

¹⁰ «Korea Statistical Yearbook, 1969», Seoul, 1969, стр. 110—111. За 1969—1970 гг.—сообщения южнокорейских телеграфных агентств.

Прочие зерновые — ячмень, пшеница, просо, рожь, сорго, кукуруза, гречиха; за 1969—1970 гг. учтены только ячмень и пшеница. Зерно и картофель очищенные (зерно обрубленное, картофель, по-видимому, сортированный); цифры округлены.

¹¹ «Korea Herald», 26. IV. 1970.

¹² «Korea Times», 3. VI. 1970.

¹³ «Korea Today and Tomorrow», стр. 65.

¹⁴ «Ноноп ёнгам, 1963» («Сельскохозяйственный ежегодник, 1963»), Сеул, 1963, стр. 19.

¹⁵ «Ноноп синмун», 6. VI. 1964.

¹⁶ «Канкоку-но когё» («Промышленность Южной Кореи»), Токио, 1967, стр. 103.

¹⁷ «Сасанге», 1965, № 6, стр. 34.

Глава 6

¹ Идеологическая и культурная экспансия осуществляется и через ряд международных организаций. В 1950 г. Южная Корея вступила в члены ЮНЕСКО. В 1954 г. указом Ли Сынмана в Южной Корее был создан Южнокорейский комитет ЮНЕСКО, в апреле 1963 г. военное правительство Пак Чонхи обнародовало закон относительно дальнейшего расширения деятельности ЮНЕСКО в Южной Корее. Через ЮНЕСКО в Южную Корею поступают из США и других капиталистических стран сотни тысяч экземпляров различных печатных изданий. С марта 1967 г. в Южной Корее с согласия правительства Пак Чонхи начал действовать «Корпус мира».

² «Чиндан», Сеул, 1958, № 12.

³ Ch. Thomson, W. Loves, Cultural Relations and U. S. Foreign Policy, Bloomington, 1963, стр. 86.

⁴ «Korea Annual», Seoul, 1964, стр. 190.

⁵ «Сэдэ», 1965, № 10, стр. 95.

⁶ «Korea Annual», Seoul, 1970, стр. 279.

⁷ Там же, стр. 284—285.

⁸ Там же, стр. 279, 282.

⁹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 358—359.

¹⁰ Прожиточный минимум в Южной Корее в 1964—1966 гг. составлял 30—40 тыс. вон.

¹¹ «Korea Journal», 1971, vol. 11, № 2, стр. 37.

¹² «Scientific Brain Drain from the Developing Countries. Twentythird Report by the Committee on Government Operations 90-th Congress, 2-nd Session», Washington, 1968, стр. 14.

НАЗВАНИЯ ОСНОВНЫХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Асия минджок пангон ёнмэн (Антикоммунистическая лига народов Азии)
Вонсан нодоихве (Вонсанская федерация труда)
Гэпрон хококукай (яп. Патриотический союз общественного мнения)
Ёджа чхоннён топмэн (Женский молодежный союз)
Ёнджонхве (Общество по изучению политики)
Ильчинхве (Общество прогресса)
Ирвольхве (Общество «Январь»)
Кённам чибан нонон ундон канчхинхве (Общество дружбы рабоче-крестьянского движения провинции Южная Кёнсан)
Кидоккё чхоннёнхве (Христианское общество молодежи)
Кидоккё нодонхве (Христианское общество рабочих)
Кидоккё нонминхве (Христианское общество крестьян)
Кокумин доин сокусинкай (яп. Общество содействия мобилизации нации)
Кокумин сорёку рэммэй (яп. Союз общенациональных сил)
Кокумин сэйсин содоин рэммэй (яп. Союз всеобщей мобилизации национального духа)
Конгук тонмэн (Союз возрождения государства)
Конминхве (Общество оздоровления нации)
Консоль тонмэн (Лига созидания)
Конхвадан (Республиканская партия)
Кунминдан (Национальная партия)
Кунминьдан (Партия народа)
Кылло иминдан (Партия трудового народа)
Манджу кончхон (Комсомол Маньчжурии)
Марксыхве (Марксистское общество)
Миллип тэхаг кисон чунбихве (Подготовительный комитет по созданию народного университета)
Минджокчуый минджу сахведан (Националистическая партия демократического социализма)
Минджокчуый пигё ёнгухве (Общество сравнительного изучения национализма)
Минджок тхонъиль чонсон (Фронт национального единства)
Минджок чаджу ёнмэн (Лига национальной независимости)
Минджок чаджу тхонъиль хёбыйхве (Совет по вопросам национальной независимости и объединения)
Минджок чаджу тхонъиль чунан хёбыйхве (Центральный совет по вопросам национальной независимости и единства)
Минджок чхоннёндан (Националистический союз молодежи)
Минджондан (Партия демократического правления)
Минджудан (Демократическая партия)
Минджу конхвадан (Демократическая республиканская партия)
Минджу кунминдан (Демократическая национальная партия)
Минджу тонниптан (Демократическая партия независимости)
Минджу хёксиндан (Партия демократического обновления)
Минджун тонмэн (Союз народных масс)
Мунхакка тонмэн (Союз литераторов)
Мусанджа тонмэн (Союз пролетариев)
Намчосон иминдан (Народная партия Южной Кореи)
Намчосон инмин конхвадан (Народно-республиканская партия Южной Кореи)
Намчосон консандан (Коммунистическая партия Южной Кореи)
Намчосон минджу ёсон тонмэн (Демократический союз женщин Южной Кореи)

Намчосон минджуджуй минджок чонсон (Демократический национальный фронт Южной Кореи)
 Намчосон минджу чхоннён тонмэн (Демократический союз молодежи Южной Кореи)
 Намчосон нодондан (Трудовая партия Южной Кореи)
 Намчосон понмин тонмэн (Крестьянский союз Южной Кореи)
 Намчосон нонмин чохап чхонъёнмэй (Федерация крестьянских союзов Южной Кореи)
 Намчосон нонон тонмэн (Рабоче-крестьянский союз Южной Кореи)
 Намчосон синминдан (Новая пародная партия Южной Кореи)
 Намчосон чхонудан (Партия молодых друзей Южной Кореи)
 Нодон тэхве (Рабочий конгресс)
 Нодонхве (Рабочее общество)
 Нодон чохап (Рабочая кооперация)
 Нонминса (Крестьянское общество)
 Нонондан (Рабоче-крестьянская партия)
 Нонон тонухве (Рабоче-крестьянское товарищество)
 Панминджу акпоп пандэ кондоп тхуджэн вивонхве (Комитет совместной борьбы против антидемократических драконовских законов)
 Подо ёнмэн (Лига поддержания порядка)
 Пукпхуихве (Общество «Северный ветер»)
 Пуксонхве (Общество «Полярная звезда»)
 Пукчосон мунак есуль чхонъёнмэн (Ассоциация деятелей литературы и искусства Северной Кореи)
 Пукчосон коноп кисуль ёнмэн (Ассоциация работников промышленности и техники Северной Кореи)
 Пукчосон консандан (Коммунистическая партия Северной Кореи)
 Пукчосон минджудан (Демократическая партия Северной Кореи)
 Пукчосон минджу ёсон тонмэн (Демократический союз женщин Северной Кореи)
 Пукчосон минджуджуй минджок тхонгыль чонсон (Демократический национальный единый фронт Северной Кореи)
 Пукчосон минджу чхоннён тонмэй (Демократический союз молодежи Северной Кореи)
 Пукчосон нодондан (Трудовая партия Северной Кореи)
 Пукчосон нонмин тонмэн (Крестьянский союз Северной Кореи)
 Пукчосон синминдан (Новая народная партия Северной Кореи)
 Пукчосон соби чохап (Потребительский союз Северной Кореи)
 Пукчосон чигоп тонмэн (Профсоюзы Северной Кореи)
 Пукчосон чхонудан (Партия молодых друзей Северной Кореи)
 Пхенъян нодонхве (Пхеньянская федерация труда)
 Ринсэн хококудан (яп. Патриотический союз военного периода)
 Сасан погук ёнмэн (Лига патриотических идей)
 Сахведан (Социалистическая партия)
 Сахве квахак ёнгухве (Общество по изучению общественных наук)
 Сахве минджудан (Социал-демократическая партия)
 Сахве тэджудан (Социалистическая массовая партия)
 Сиджунхве (Общество служения)
 Сипганхве (Общество обновления)
 Синджиндан (Новая прогрессивная партия)
 Синин тонмэн (Союз нового человека)
 Синминдан (Новая народная партия)
 Сипминдан (Новая демократическая партия)
 Синсасан ёнгухве (Общество по изучению новых идей)
 Синхан чхоннёндан (Молодежный союз Новой Кореи)
 Синхандап (Новая корейская партия)
 Сока гаккай (яп. религиозно-просветительская японская организация)
 Соуль синпха (Новая сеульская группа)
 Соуль тэхап минджок тхонгыль ёнмэн (Союз национального объединения в Сеульском университете)
 Соуль чхоннёндан (Сеульский молодежный союз)
 Сэйнэйдан (яп. Молодежный корпус)
 Талсон пандэ чонгук тхуджэн вивонхве (Всекорейский комитет по бойкоту сепаратных выборов)
 Тёсэн сэндзи сюкё хококукай (яп. Корейское религиозно-патриотическое общество военного времени)
 Токсохве (Читательское общество)
 Тэджудан (Партия масс)
 Тэдон ильчинхве (Общество прогресса Кореи)
 Тэдон чхоннёндан (Союз корейской молодежи)
 Тхонгыльдан (Партия единства)
 Тэририкё (яп. религиозно-просветительская японская организация — «учение Тэрири»)
 Тэхан кунминдан (Корейская национальная партия)

Тэхан кунминхве (Корейская национальная ассамблея)
Тэхан пуинхве (Корейское женское общество)
Тэхан нодон чохап чхонъёнханхве (Всеобщая федерация рабочих союзов Кореи)
Тэхан нопмин чохап чхонъёнмэн (Корейская федерация крестьянских союзов)
Тэхан пангон чхонпёндан (Антикоммунистический союз молодежи Кореи)
Тэхан тоннип чхоксон кунминхве (Национальное общество по ускорению независимости Кореи)
Тэхва тонмэн (яп. Ямато домэй — Союз великой Японии)
Уису тонухве (Товарищество транспортников)
Хангук минджудан (Демократическая партия Кореи)
Хангук тонниптап (Партия корейской независимости)
Хангук хаксэн чхонпён хапхве (Ассоциация студентов [Южной] Кореи)
Хапип сахве тонмэн (Союз корейских социалистов)
Ханми кёндже кисуль хёпчон пандэ кондон тхуджэп вивонхве (Комитет совместной борьбы против корейско-американского экономического и технического соглашения)
Хваёхве (Общество «Вторник»)
Хёксиндан (Партия обновления)
Хёнмён тхонпильдан (Партия революционного объединения)
Хынсадан (Корпус передовых борцов)
Чаюдан (Либеральная партия)
Чаю минджудан (Либерально-демократическая партия)
Чиккон санджохве (Общество взаимопомощи текстильщиков)
Чинбодан (Прогрессивная партия)
Чогук квапбокхве (Общество возрождения отечества)
Чогук тхонпиль минджуджуй чонсон (Единый демократический отечественный фронт)
Чоннам подоп ёнмэн (Объединение рабочих провинции Южная Чолла)
Чосон копсан чхонпён тонмэн (Коммунистический союз молодежи Кореи)
Чосон консандан (Коммунистическая партия Кореи)
Чосон кунминхве (Корейское национальное общество)
Чосон минджок хэбан тонмэн (Союз национального освобождения Кореи)
Чосон минджу ёсон тонмэн (Демократический союз женщин Кореи)
Чосон минджу чхонпён тонмэн (Демократический союз молодежи Кореи)
Чосон минджу тхонпиль чонсон (Единый демократический национальный фронт Кореи)
Чосон минджудан (Демократическая партия Кореи)
Чосон мунип погукхве (Патриотическое общество корейских литераторов)
Чосон мухва танче чхонпёнмэн (Корейская федерация культурных организаций)
Чосон нодон ёнмэн (Рабочий союз Кореи)
Чосон нодон конджехве (Корейское общество рабочей взаимопомощи)
Чосон нодон чохап чоигук пхёпыйхве (Всекорейская конфедерация труда)
Чосон нодон чхондонмэн (Федерация корейских рабочих)
Чосон нодондан (Трудовая партия Кореи)
Чосон нонмин тонмэн (Союз корейских крестьян)
Чосон нонмин чхондонмэн (Федерация корейских крестьян)
Чосон нонон чхондонмэн (Рабоче-крестьянская федерация Кореи)
Чоссо мухва хёпхве (Корейско-советское общество культурной связи)
Чосон охакхве (Корейское лингвистическое общество)
Чосон пангон хёпхве (Корейская ассоциация по борьбе с коммунизмом)
Чосон пролетариаты есиль чхондонмэн (Корейская федерация пролетарского искусства)
Чосон сахведан (Социалистическая партия Кореи)
Чосон тоннип тонмэн (Союз независимости Кореи)
Чосон тоннип чхонпёндан (Молодежный союз независимости Кореи)
Чосон хаксэн вивонхве (Студенческий комитет Кореи)
Чосон чигоп чхондонмэн (Объединенные профсоюзы Кореи)
Чосон чхонпён ёнхапхве (Федерация корейской молодежи)
Чосон чхонпён чхондонмэн (Общекорейский союз молодежи)
Чхондогё (Общество учения Небесного пути)
Чхондогё-Чхонпудан (Партия молодых друзей Чхондогё)
Чэгон кунмин ундон (Движение за национальную реконструкцию)
Эмэльхве (Общество марксизма-ленинизма)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абэ Нобуюки 144, 180

Ан Бёнчхан 65

Ан Гванчхон 87

Ан Гнок 157

Ан Донсу 243

Ан Джэхон 140

Ан Джунгын 450

Ан Джунсик 449

Ап Духи 344, 462

Ап Епэ 243

Ан Нёнман 217

Ап Сугиль 446

Ан Хосан 197

Ан Чханхо 344

Аппенцеллер Г. 455

Ариольд А. 180

Бела Кун 66

Брежнев Л. И. 4, 332

Брэдди О. 225

Ватанабэ Манабу 453

Ви Иичхан 125

Вильсон В. 36—39, 54, 454

Володиша Л. М. 15

Вон Сехун 194

Вон Хонгу 151

Воронцов В. Б. 13, 458, 459

Глик Н. Д. (Glik N. D.) 453

Глипка М. И. 295

Гоголь Н. В. 156

Голсуорси Д. 156

Горький М. 217

Гражданцев А. И. 7

Грегори И. 156

Громыко А. А. 227

Грязнов Г. В. 14, 15

Даллес Д. Ф. 225

Джонсон Л. 225, 397, 405

Дин В. 228

Ё Унхён, Монъян 39, 65, 143, 185, 364, 458

Ём Сансоп 151

Еременко Л. Е. 14, 15

Зайчиков В. Т. 14

Ибсен Г. 156

Иванов Вс. 218

Иванова В. И. 14, 15

Им Донгю 234

Им Енсин, Им Луиза 197, 350

Им Луиза см. Им Енсин

Им Нехван 455

Им Огин 446

Им Сонгу 155

Им Чхунджу 323

Иоснкара Таро 69

Ирвинг С. 156

Исаковский М. 217

Кавасима Ёсюки 457

Қазакевич И. С. 13—15, 458

Қан Бансок 110

Қан Гёнэ 154

Қан Гон 227, 240, 243

Қан Джохван 297

Қан Джурён 100

Қан Оччхэ 296

Қан Хо 157

Қан Хоён 243

Қапица М. С. 461

Қарпович Н. И. 457

Қатаяма Сэн 69, 456

Қвак Санхун 362

Қвак Чехон 293

Қвон Бёндок 455

Қвон Донджин 122, 455

Қвон Ёнбёк 125

Кеннеди Дж. 396

Киль Джунон 324

Киль Сонджу 455

Ким А. А. 67, 456

Ким Абу 297

Ким (Станкевич) А. П. 36, 454

Ким Бённо 87, 194, 198

Ким Бёнсик (Kim Byong Sic) 454

Ким Бёнхи 324

Ким Бёнхун 323

Ким Бёнджо 455

Ким Бокчин 155, 157

Ким В. А. 14

Ким Вангю 455

Ким Вопгю 296

Ким Вонгюн 219

Ким Вониль 234

Ким Г. Ф. 14, 16

Ким Гванджин 151

Ким Гёнджик 73
Ким Гённин 446
Ким Гёнсын 449
Ким Гиджин 155
Ким Гинок 243
Ким Гирхак 295, 296, 324
Ким Гичхан 449
Ким Гиу 240
Ким Гу 344
Ким Гунок 243
Ким Гынмён 296
Ким Гюсик 39, 344
Ким Джесон 219
Ким Джинмён 295
Ким Джинсу 234
Ким Джиха 447
Ким Джонсам 446
Ким Джонхи 297
Ким Джонпхиль 392, 401
Ким Джонтхэ 399, 401
Ким Джонхван 297
Ким Джунгён 196, 366
Ким Джэбрн 76, 87
Ким Доён 197, 377, 396, 400
Ким Донвон 99
Ким Донмён см. Ким Ир Сен
Ким Донгын 151, 154, 445
Ким Донни 446
Ким Досан 155
Ким Дуджон см. Ким Яксу
Ким Дусоп 243
Ким Ёнги 449
Ким Ёнгю 296
Ким Ёнджин 448
Ким Ёнджун 297
Ким Ёнпхаль 155, 295
Ким Ёнсу 57, 79, 94, 135, 140, 143, 414
Ким Ёсоп 446
Ким Игван 324
Ким Ипгвон 297
Ким Ингю 135
Ким Ир 227
Ким Ир Сен, Ким Донмён 13, 61, 110, 112, 113, 115, 123, 124, 126, 127, 163—165, 174, 175, 177, 201, 203, 206, 209, 216, 220, 224—226, 230, 235, 239, 244, 252, 257, 269, 271, 273, 276, 278, 281, 285—288, 294, 298, 307, 310, 312, 314, 322—326, 330, 331, 334, 400, 456, 458—462
Ким Ирён 157
Ким Исак 446
Ким Кванним 446
Ким Манхён 297
Ким Наксop 296, 297
Ким Оксон 219
Ким Саён 195
Ким Сарян 236
Ким Синок 448
Ким Сисон 446
Ким Сихён 355
Ким Сонгоп 417
Ким Сонсу 30, 57, 79, 94, 100, 135, 136, 140, 194, 353, 414, 467
Ким Сонхан 446
Ким Соран 155
Ким Суджо 296
Ким Суиль 135
Ким Сыngu 297
Ким Унхо 449

Ким Хагён 294
Ким Хасок 65
Ким Хёнджик 38, 110
Ким Хиджун 154
Ким Хун 350
Ким Чильлак 399
Ким Чханджун 455
Ким Чхогю 236
Ким Чхорхун 65
Ким Чхэк 113, 114, 227, 243, 255, 268, 278, 279, 309, 311, 316, 322
Ким Юнгён 160
Ким Ягён 38
Ким Яксу, Ким Дуджон 76, 343
Климэн А. 189
Коджон 41
Ко Хансун
Кондэ Д. В. 453
Коисо Куниаки 138, 142, 144
Кон Ханлок 65
Коноз Фумиморо 121
Кошчевич Л. Р. 15
Корнейчук А. 218
Коу см. Чхве Рин
Коул Д. С. (D. C. Cole) 454
Ку Инхве 417
Куусинен О. 66, 88, 103, 456, 457

Лебедев-Кумач В. 217
Леман П. Н. (P. N. Lyman), 454
Ленин В. И., Ленин Николай 3—5, 11, 35, 55, 60—64, 66—69, 76, 84, 86, 103, 115, 124, 158, 366, 369, 374, 376, 389—391, 453—457, 461, 463
Ленин Николай см. Ленин В. И.
Ли Бёнчхоль 417
Ли Бомсок 196, 197, 350, 354, 362, 363, 396
Ли Бомсон 445, 446
Ли Бомсын 350
Ли Болгу 446
Ли Бунмён 217
Ли Вангын 243
Ли Вангён 19
Ли Гапсон 353, 455
Ли Гванмо 296
Ли Гвансу, Чхунвон 39, 143, 151, 152, 154, 454
Ли Гвангён 63
Ли Гёндже 243
Ли Гиёп 153, 154, 217, 236, 267, 294, 296, 323
Ли Гибун 368—370
Ли Гүён 450
Ли Гынно 150
Ли Гынсop 448
Ли Гынгён 294
Ли Гюгап 350
Ли Гюхван 450
Ли Джесун 125
Ли Джиён 295
Ли Джонон 295, 324
Ли Джонсик (Chong-sik Lee) 8—10, 453
Ли Джонсун 294—296
Ли Джонхун 455
Ли Джонгиль 455
Ли Доён 448
Ли Донджун 296
Ли Доннён 344

Ли Донхви, Ли Донхы 64, 65, 67, 68
Ли Донхы см. Ли Донхви
Ли Дыкхон 296
Ли Дэхун 243
Ли Епгу 458
Ли Ип 197, 350
Ли Инсиль 243
Ли Иксан 152
Ли Кхведэ 297
Ли Манхи 450
Ли Мёнсап 157, 219, 295, 296, 324
Ли Мёнпён 455
Ли Муён 445
Ли Мунгю 399
Ли Мунсун 243
Ли Наён 457
Ли Пхальчхан 297
Ли Пхильджу 455
Ли Санбом 449
Ли Сандэ 157, 158
Ли Санхён 294
Ли Сиён 194, 344, 353, 354
Ли Сонгын 143
Ли Соккю 458
Ли Субок 240
Ли Сунсин 227, 295
Ли Сынгги 293, 322
Ли Сынман 38, 51, 145, 181, 194—198, 220,
222, 224—226, 239, 241, 270, 300—302,
337, 340, 344, 345, 347, 350—356, 361,
363, 368—376, 378, 380, 382, 403, 410,
424, 437, 438, 440, 442, 449, 455, 460,
463, 464
Ли Сынхун 455
Ли Франческа 463
Ли Ханбин (Hanp Beep Lee) 453
Ли Хаяп 445
Ли Хён 297
Ли Хонгван 114
Ли Хонджик 413
Ли Хунгу 393
Ли Чхан 217, 324
Ли Чхонгу 217
Ли Чхонмин 236
Ли Чхончхон см. Чи Дэхён
Ли Чхэк 77
Ли Юнджэ 150
Ли Юпъён 196, 197
Ли Янгу 415
Лоус В. 464
Лукинский И. 297

Мазуров В. М. 13, 15, 457, 460
Макартур Д. 179, 189, 224, 225, 230—232,
238, 350, 449
Макрудер К. 371
Маккензи Ф. 7
Мэжкюн Дж. (Mc Cune J. M.) 7, 191, 459
Малик Я. А. 238
Маркс К. 4, 11, 60, 454
Маргыннов В. В. 14
Маршалл Д. 193
Мацуленко В. 460
Маршак С. 217
Маяковский В. 217
Минами Дзиро 119, 138
Мейтүс Ю. 237
Мин Бёпгюн 217, 236, 294
Мин Гюсик 135

Мин Тхэсик 135
Мин Унсик 446
Мин Хисик 197
Мо Юнсук 445
Морган Д. 189
Морлей И. 453
Монгян см. Е Унхён
Мун Гёнок 296
Мун Сого 219

На Дохян 152
На Енхван 455
На Инхён 455
На Унгю 156, 157
На Хванль 296
Нам Джоухён 447
Нам Мапчхун 65
Нам Ир 239
Нам С. Г. 14, 15, 456, 458
Намгун Мап 295
Нго Динь Зьем 248
Неру Дж. 228
Никсон Р. 306, 334
Но Сухён 449

О Бёнчхо 297
О Джон Кичхон (Oh John. Kie-Chiang)
453
Оливер Р. 7, 224, 453
Онис Масамити 453, 463
О Санвон 450
О Сечхан 455
Сегуд Р. 232, 460
О Соу 324
Островский Н. 217
О Тхэккён 219
О Унтхак 219
О Хваён 455
Ом Хынсон 294

Пак Акхван 297
Пак В. К. 15
Пак Дин Шунь см. Пак Чинсун
Пак Епбо 295
Пак Енджон 463
Пак Енджун 446
Пак Еппхиль 296
Пак Инхван 446
Пак Кённи 446
Пак Нэхён 449
Пак Пхарян 153, 217, 295
Пак Салу 323
Пак Сонхвап 156
Пак Сеён 152, 153, 217
Пак Сихён 151
Пак Сунчхон 362
Пак Синсу 296
Пак Таль 294
Пак Тонван 455
Пак Топсиль 157, 295
Пак Тхэвон 295, 323
Пак Туджин 446
Пак Упголь 217, 236, 294
Пак Хангю 219, 296
Пак Хёк 295, 324
Пак Хидо 455
Пак Хынсик 135, 140, 414

Пак Чинсун, Пак Дин Шунь 65
Пак Чонхва 151
Пак Чонхи 305, 331, 333, 334, 387, 392,
396—402, 405, 423, 424, 427, 431, 434,
436—438, 440, 443, 444, 451, 463, 464
Пак Чунсын 455
Пак Чунхва 70
Пан Ыйсок 135
Паунд Эзра 446
Первешцев А. 297
Персиц М. А. 456
Пён Ентхэ 396
Пигулевская Е. А. 13
Постышев П. П. 66
Пу И 119
Пын Дэ-хуай 231
Пэ Ынхи 362
Пэк Ёнсон 455
Пэк Инджун 217
Пэк Намун 151
Пэк Намхун 349
Пэк Сонук 351

Ремарк Э. 155
Риджуэй М. 238
Робертс В. 224
Романенко А. А. 162
Рузвельт Ф. 146, 168

Сайто Макото 56—58, 93
Сакураи Хироси 348, 463
Самсонов Г. Е. 14
Сауэр 378
Сафаров Г. И. 66
Симонов К. 217, 218
Сианук Нородом 337
Син Досон 219, 295, 296
Син Ёнчхоль 295
Син Икхи 196, 349, 362, 460
Син Сонмо 224
Син Сокку 455
Син Сокчхон 445
Син Сунгён 297
Син Хонсик 455
Син Хыну 354
Синицын Б. В. 14, 15
Скалапино Р. А. (Scalapino R. A.) 8—10,
453
Со Гапо 416
Со Джепхиль 194
Со Дэсук (Suh Dal-Sook), 8, 9, 453
Со Иль 37
Со Минхо 400
Со Салгиль 195, 364
Сок Юнги 323
Соп Бёнхи, Ыйам 31, 32, 41, 48, 455
Соп Дам 297
Сон Жансон 446
Сон Джинну 194
Сон Ён 42, 152—155, 217, 267, 295, 296
Сон Ечхан 371
Сопу Хви 446
Сталин И. В. 228, 271
Станиславский К. С. 218
Стюарт Дж. 460
Сурков А. 217
Су Чхонгин 446
Сэболд В. 224

Танака Гиити 92
Танака Наокити 463
Таниура Такао 462
Тихомиров В. Д. 15
То Юхо 151
Толстой Л. 156
Томсон Ч. 464
Тренев К. 218
Трумэн Г. 226, 227, 232, 233, 238, 352
Тхак Вонгиль 219
Тэраути Масатакэ 19

Уайт Л. 300
Угаки Кудзусигэ 93—95, 119
Ун Ён 156
Ундервуд 378
Усами 45

Ха Гынчхан 446
Хам Тхэён 355
Хам Хонгын 296
Хан Банмён 323
Хан Ёпун 455
Хан Мёнсе 65
Хан Намсу 234
Хан Саниён 135, 136
Хан Сангъик 219
Хан Санун 296
Хан Сихён 296
Хан Сон 297
Хан Сонвён 136
Хан Тхэсу 467
Хан Хичхоль 296
Хасэгава Ёсимити 45, 56
Хара Такаси 56
Хатада Такаси 6
Хаяси 455
Хван Гон 217, 236, 323
Хван Доён 461
Хван Сунхён 296, 323
Хван Хаккын 219, 296
Хён Джуцхо 135
Хо Бэинпён 449
Хо Дам 335
Хо Джон 374, 375, 396
Хо Манха 446
Хо Хён Восин (Hugh Heung Wo-cinn) 453
Хо Хон 87, 147
Ходж Д. 180, 181, 184
Хон Бёнги 455
Хон Бомдо 38, 75, 455
Хон Гиджо 455
Хон Мёнхи 87, 147
Хон Пхильсон 219
Хон Сончхоль 324
Хосокава Кароку 6

Цой Ён Ген см. Чхве Ёнгон
Цой Шену 457

Чайковский П. И. 295
Чан Гонсан 364
Чан Джиён 150
Чан Джиксан 135
Чап Доксу 140, 194
Чан Кай-ши 146, 345, 356

Чан Мён 301, 302, 362, 368, 369, 376—378,
380—382, 385—388, 390—392, 395, 399
Чан Тхэксан 197, 362
Чан Хёктхэ 324
Чанг Г. (Chang H.) 453
Чапек К. 156
Чехов А. П. 156
Чи Дэхён, Ли Чхончхон, Чи Чхончхон
349, 463
Чи Чхопчхон см. Чи Дэхён
Чин Ынвон 280
Чистяков И. М. 161
Чо Бёнок 224, 349, 369
Чо Бомён 143
Чо Болам 197, 339, 354, 363, 364
Чо Гильсок 296
Чо Хичхон 217, 219, 236
Чо Донхён 73
Чо Дусиль 234
Чо Енсу 383, 393
Чо Ёнчуль 295
Чо Мансик 99, 143, 166
Чо Мёнхи 159, 154
Чо Оххи 243, 323
Чо Сансон 295
Чо Сунсан (Soon Sung Cho) 453
Чоп Бисок 445, 446
Чон Гванджо 122
Чон Гванчхоль 297
Чон Джинхан 197, 365
Чон Джонгён 297
Чон Джунчхэ 219, 296
Чон Джэхо 417
Чон Догвон 296
Чон Донмин 296
Чон Дону 323
Чон Ёнгиль 446
Чон Ильгвон 334
Чон Инсон 150
Чон Намхи 157, 295
Чон Мунхян 323
Чон Хабо 157
Чон Чхангын 450
Чон Чхангён 323
Чоп Чхунсу 455
Чу Джонгон 76
Чу Донин 296
Чу Ёсон 445
Чу Ехан 151, 154
Чу Мин 297
Чха Гымбон 70, 74
Чхве Гэ 296
Чхве Беккын 393
Чхве Гён 294
Чхве Джонхи 445, 446
Чхве Джунмо 122
Чхве Ён 340
Чхве Ёнгон, Цой Ен Ген 113
Чхве Ёндо 399, 401
Чхве Инсук 446
Чхве Мёнъяк 217, 294
Чхве Намсон, Юктан 41, 143, 151, 154,
296, 454
Чхве Оксан 219, 296
Чхве Рин, Коу 41, 122, 454, 455

Чхве Соннён 122
Чхве Сонмо 455
Чхве Сохэ 152, 153
Чхве Сынхи 157
Чхве Чхангук 272
Чхве Хён 243
Чхве Хёнбэ 150
Чхве Чханхак 135
Чхон Санин 296, 297
Чхон Себон 217, 237, 294, 323
Чхуивон см. Ли Гвапсу

Шабшина Ф. И. 13—15, 459
Шекспир В. 156
Шиппаев В. И. 14, 15, 454, 455, 457,
Штыков Т. Ф. 170, 185
Шолохов М. 217

Щетинин Б. В. 459
Щипачев С. 217

Эйзенхауер Д. 241, 355
Эллиот Т. С. 446
Энгельс Ф. 4

Ю Гёнсу 243
Ю Джебок 295
Ю Джино 400
Ю Джинхи 76
Ю Джухён 446
Ю Ёлэ 455
Ю Хёнмок 447, 450
Ю Чхихван 445
Юктан см. Чхве Намсон
Юмашев И. С. 161
Юн Бончхун 450
Юн Босон 194, 376, 387, 388, 396, 397,
400, 463
Юн Гиджон 153
Юн Джонхва 234
Юн Джжён 219
Юн Духон 296
Юн Ёнгу 297
Юн Сангёль 157
Юн Седжун 236, 294, 323
Юн Сичхоль 217, 294, 323
Юн Сокку 197
Юн Хёджу 449
Юн Чхиён 194, 197, 350

Ыям см. Сон Бёнхи

Ямабэ Кэитаро 6
Ян Гибон 296
Ян Джэчхун 296
Ян Джонбэк 455
Ян Сонхён 155
Ян Ханмук 455

**УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

Австралия 299, 248, 405
Азия 8, 10, 37, 60, 130, 161, 223, 231, 233,
244, 245, 248, 270, 304—306, 310, 311,
324, 333, 334, 345, 356, 403, 433—436, 438,
460, 462, 465
Албания 235
Алжир 324
Алма-Ата 14
Америка 7, 40, 54, 55, 60, 241, 436
Амноккан, Ялу, р. 46, 75, 114, 126, 219,
224, 230, 318
Амтхэдо 74
Анак 47, 232
Англия 40, 54, 130, 131, 161, 168, 229, 233,
241, 245, 246, 248
Анджу 37, 42—44, 90, 231, 234, 243
Андон 111
Аоджи 234
Асан 46
Африка 37, 60, 233, 270, 304, 306, 311, 324,
435, 436

Бельгия 229
Бирма 246
Ближний Восток 305
Болгария 235, 460

Вайвэньгоу 114
Ванцин 75, 111—114, 141
Ваньюгоу 111
Вашингтон 224, 331, 369, 373, 396, 405,
409
Великобритания 168, 459
Венгерская Народная республика 204, 269
Венгрия 235, 270, 460
Версаль 55
Верхнеудинск 66
Владивосток 49, 55, 60, 64
Вольмидо 229, 243
Вонджу 186, 243, 381
Вонсан 42—44, 61, 72, 77, 79, 89—91, 96,
99, 100, 115, 126, 127, 131, 132, 153, 161,
162, 224, 241, 259, 297, 305, 457
Восточная Азия 139, 140, 143, 453
Восточная Маньчжурия 111, 112
Вьетнам 223, 248, 305, 324, 406, 411

Гана 305
Германия 119, 130, 141, 150, 161, 355, 394

Германская Демократическая Республи-
ка, ГДР 204, 235, 269, 460
Гирин 110
Голландия 229
Греция 229, 305

Дания 364
Дайванцин 111
Дайхуанвэй 114
Дальний Восток 19, 35—37, 46, 49, 55, 61,
65, 67, 69, 109, 161, 189, 223—225, 227,
246, 248, 300, 332, 373, 406, 436, 437, 455,
456
Демократическая Республика Вьетнам
235, 331, 460
Динъюй 127
Дубна 294
Дунгуан 123
Дунин 113

Европа 60, 119, 130, 144, 161
Египет 270
Ёндынпхо 37
Ёнвон 44
Ёнсан 19, 37, 108, 116
Ёнхын 79, 90, 104, 106
Ёнчхон 105
Ёнъин 361
Ёньяль 360
Ёсу 341, 342

Желтое море 240
Женева 245, 246, 248, 298

Ивон 46
Израиль 305
Ильсиндон 360
Индиана 453
Индия 55, 228, 242, 246, 270
Индокитай 245, 248, 305, 306, 330, 333, 438
Индонезия 130
Инкоу 111
Инчхон 37, 44, 46, 50, 61, 70, 73, 78, 90,
98, 101, 195, 229, 360, 370, 379, 399, 449,
452
Ири 80, 452
Ирландия 69
Иркутск 65
Италия 130

Камбоджа 248, 305, 324
Камдок 234
Канада 229, 233
Канвон, пр. 44, 46, 77
Канге 259, 283
Каннын 46
Кансо 287
Капсан 75, 126, 127, 293
Капхён 46
Кванджу 44, 70, 71, 81, 107, 108, 116, 120,
128, 184, 370, 371, 381, 396, 399, 434, 442,
452
Квапгян 341
Квесан 45
Кёнги, пр. 46, 47, 48, 80, 151, 157, 361, 449
Кёнджу 116
Кёнсан 105
Кильчу 115, 116, 120, 126, 311
Кимпхо 47
Кпото 39, 90
Кпсан 74
Китай 9, 33, 38, 61, 67, 68, 85, 90, 92,
110—112, 118, 120, 123, 125, 126, 128—
131, 145, 146, 154, 156, 161, 166, 168, 190,
196, 221, 223, 230—233, 269, 301, 349,
352, 454
Китайская Народная Республика, КНР
204, 228, 230, 246, 269, 273, 300, 301, 460
Кобе 90
Ковон 27, 46, 80, 259, 269, 275
Кони 308
Коксон 43, 106, 234, 341
Колумбия 229
Комусан 255
Корейская Народно-Демократическая
Республика (КНДР) 6—8, 11—14, 37,
82, 111, 112, 158, 162, 199, 201—211, 213,
215, 216, 218, 220—227, 229—254, 256—
260, 262—274, 276—286, 288—295, 297—
304, 306—326, 329—334, 342, 356, 366,
368, 373, 377, 381—386, 392, 393, 400—
402, 404, 408, 409, 421, 433, 434, 439, 440,
443, 448, 449, 454, 458, 459, 460—462
Корейская Республика 65, 195, 198, 204,
246, 247, 302, 333, 337, 341, 352, 357
Корейский полуостров 32, 143, 223, 228,
246, 299, 301, 302, 305, 324, 334, 345, 346,
360, 428, 437
Кунсан 44, 73, 79, 90, 186
Куре 341
Курильские острова 161
Кусандоп 360
Кусон 269, 283
Кымчхон 43, 80, 106
Кэсон 43, 44, 108, 151, 153, 155, 239, 259,
298, 308, 352

Лаос 248
Латинская Америка 304, 306, 311, 435, 436
Липисьян 127
Лос-Анджелес 33
Люксембург 229
Ляонингоу 123

Мадон 279
Малайзия 130, 405
Мангёндэ 110
Манила 356

Маньчжоу-го 112, 123
Манихо 142
Маньчжурия 38, 74, 92, 93, 110—115, 118,
125, 161, 340, 458, 465
Мапхогу 360
Масан 70, 184, 360, 369, 370
Меконг, р. 324
Мёнчхон 115—117, 120, 126
Мирян 360
Мокпхо 184, 396, 399
Монголия 92
Монгольская Народная Республика,
МНР 125, 204, 235, 460
Моранбон 162, 297
Москва (М.) 13, 14, 54, 63, 67, 68, 125, 185,
232, 271, 304, 305, 335, 453, 455, 456,
458, 461
Муан 74
Мунпхён 89, 255
Мунчхон 116, 243
Мусан 126, 127, 131, 234

Наджин 116, 161
Наджу 107
Нактонган, р. 227—229, 236
Нам 106
Намвон 46, 47
Нампхо 26, 46, 178, 241, 255, 268, 311
Намхансан 449
Намхэ 106
Нанам 19, 161
Народная Республика Албания 204
Народная Республика Болгария 204, 269
Нёнволь 360
Нипгата 90
Никольск-Уссурийский, 48, 454
Новая Зеландия 229, 248, 405
Норвегия 364
Норьянджин 26
Нью-Йорк 331, 414, 459, 460

Объединенная Арабская Республика
(ОАР) 324
Окку 81
Онджин 43
Осака 39, 72, 90, 416

Пакистан 248
Пакчхон 243
Париж, 39, 54
Пекин 51, 232
Пёрл-Харбор 130
Польская Народная Республика 204, 269
Польша 235, 242, 246, 460
Понгун 234, 255
Понсан 43, 80
Почхонбо 126, 323
Приморская область 48
Пугедон 360
Пуджонган, р. 93
Пуё 360
Пукчхон 90, 106, 116
Пупхён 379
Пусан 44, 50, 61, 73, 90, 91, 108, 116, 128,
156, 183, 195, 353, 354, 360, 370, 371,
375, 376, 379, 383, 387, 396, 397, 399,
433, 434, 442, 452

Пхаджу 379
Пханмунджом (Паньмыньчжон) 239—
241, 246, 298, 330, 385
Пхансон 106
Пхеньяп 12, 19, 42, 44, 48, 50, 61, 70, 72,
73, 79, 89, 90, 96, 99—101, 108, 110, 116,
120, 131, 132, 141, 142, 153, 155, 161,
162, 165, 177, 178, 202, 214, 215, 218,
219, 221, 224, 230, 231, 234, 241, 257,
259, 267, 269, 297—299, 308, 330, 333,
334, 337, 344, 352, 385, 454, 457—462.
Пхёнган 46
Пхёнсан 318
Пхёнтхэк 228
Пхогхон 80
Пхохан 342
Пэксон 243
Пэктусан (кит. Байтоушань) 114, 151,
217, 267, 295, 296, 352

Россия 3, 9, 34—36, 38, 40, 55, 60, 61, 63—
65, 68, 85, 101, 232, 454
РСФСР 55

Сайгон 414
Сакамото 416
Самчхок 44, 228, 360, 416
Сан-Франциско 38
Саривон 44, 214
Северная Кёнсан, пр. 80, 105, 106, 195,
360
Северная Корея 6, 7, 11, 13, 46, 134, 161—
167, 169—178, 181, 183, 185, 186, 190,
196, 201—205, 207—216, 218—220, 224,
225, 228, 230—232, 298—303, 330—332,
334, 347, 359, 364, 373, 384, 385, 402,
452, 459, 466
Северная Маньчжурия 155
Северная Пхёнан, пр. 42, 46, 47, 105, 106,
218, 283, 324
Северная Хамгён, пр. 81, 116, 120, 218,
455
Северная Хванхэ, пр. 218, 323
Северная Чхунчхон, пр. 45, 74, 128
Северная Чолла, пр. 46, 47, 50, 81, 106
Северо-Восточный Китай 49, 110, 111,
113, 114, 120, 133, 141, 150, 152, 161, 455
Северный Китай 55
Сеул 6, 19, 30, 32, 38, 40—44, 46, 48, 50,
61, 71—74, 78, 81, 82, 89, 90, 92, 96, 97,
100, 108, 116, 120, 128, 140, 143, 150,
153, 155, 156, 170, 178, 180, 183—185,
193, 195, 198, 220, 226, 228, 229, 238,
249, 298, 334, 340, 352, 358, 370, 371,
375, 376, 379—381, 384—386, 388, 389,
396, 397, 399, 401—406, 431, 433, 434,
447, 448, 452, 453, 456, 458, 459, 462—
464
Сибирь 38, 65, 456
Сингапур 130
Синге 318
Синпхо 90, 283
Синсан 275
Сиччхон 232
Синхын 98, 99, 116
Синийджу 90, 108, 120, 126, 214, 233, 255,
259, 308, 309

Синхын 44
Советская Россия 35, 51, 60, 62, 65, 85,
107
Соединенные Штаты Америки, США 5—
8, 10, 13, 32, 33, 37—39, 45, 51, 55, 60,
85, 130, 131, 145, 150, 161, 167—170,
179—181, 183, 185—187, 189—193, 195,
197, 201, 204, 210, 220, 222—229, 232,
233, 239—241, 245—248, 270, 271, 299—
302, 304, 305, 306, 312, 314, 324, 329,
331, 333, 334, 337, 338, 342, 346, 354—
358, 371, 373, 378, 383, 387, 389, 390,
396, 397, 403—409, 411, 415, 423, 428—
440, 442, 444—447, 451, 454, 455, 458,
459, 462, 464
Сонджин (Ким Чхэк) 90, 104, 115, 116,
126
Сонним 27, 50, 132, 255, 257
Сопчхон 42, 43, 46, 243
Сопчхоган р. 318
Сохын 43
Социалистическая Республика Румыния
204, 235, 269, 460
Союз Советских Социалистических Рес-
публик, Советский Союз, СССР 8, 12,
13, 60, 61, 90, 92, 109, 115, 117, 119, 125,
127, 130, 141, 144, 147, 161, 162, 167—
170, 178, 185, 190, 201—204—206, 211,
216—218, 220, 221, 223, 227, 230, 232,
234—236, 238, 241, 245, 246, 248, 252,
253, 261, 266, 268, 269, 271—273, 278,
281, 285, 288, 293—295, 297, 299, 300,
301, 309, 310, 316, 322—324, 332, 430,
435, 436, 454, 458, 460
Суан 43, 46, 116
Сувон 157, 186, 228
Сунчхон 71, 74, 106, 184, 341, 434
Супхун 132
Супхунган р. 318
Сынхори 132, 252, 255, 257

Таиланд 229, 249, 356, 405
Тайвань, Формоза 69, 110, 144, 356, 405,
423, 460
Таңчхон 105, 106, 116
Тёсэн 19
Тихий океан 15, 130, 146, 161, 179, 405
Токно 39, 61, 65, 71, 90, 153, 155, 271, 403,
404, 414, 433, 456, 463, 464
Токчхон 283
Тоннэ 72
Туманган, р. (кит. Тумыньцзян, р.) 46, 75,
114, 126, 267
Тумынь, р. 224
Турция 229
Тхончхон 43, 99, 255
Тэгу 44, 61, 70, 71, 79, 80, 90, 120, 135,
155, 342, 360, 370, 371, 375, 376, 381,
396, 399, 417, 433, 434, 452
Тэджон 90, 101, 116, 228, 360, 370, 371,
376, 396, 399, 434, 442
Тэдоп 44
Тэрёнган, р. 318
Тэхындон 360

Ульсан 414, 434
Унги 142, 161

Унсан 44
Ухань 129

Филиппины 6, 130, 167, 229, 248, 356, 405
Формоза см. Тайвань
Франция 90, 229, 233, 241, 246, 248
ФРГ 409

Хабаровск 36, 60
Хадон 341
Хадори 102
Халласан 151, 342
Халхин-Гол 125
Хамхын 43, 46, 79, 90, 98—100, 106, 108,
115, 120, 126, 127, 155, 161, 234, 243,
269, 283, 297, 309, 457
Ханган, р. 228, 388
Хасан, оз. 125
Хасон 279
Хванджу 43, 106
Хванхэ, пр. 116, 151, 232, 255, 455
Хвасун 360
Хверён 142
Хесан 75, 126, 283
Хитати 416
Хичхон 255, 269, 283, 308
Хонвон 99, 104
Хуанпу 68
Хуньчунь 111
Хунцин 127
Хэджу 128, 153, 155, 203, 255, 279
Хэлун 75, 111, 127
Хыннам 89, 93, 97, 101, 115—117, 126, 127,
141, 214, 255, 257, 446

Цзилнь 110
Цзяндао 115

Чаган, пр. 283
Чанбэксан (кит. Чанбайшань) 126
Чанджин, оз. 231
Чеамни 48
Чеджудо, о. 102, 106, 151, 186, 195, 341,
342, 360
Чехословакия 235, 242, 305, 460
Чехословацкая Социалистическая Рес-
публика 204, 269
Чиннампхо 26, 43, 46, 49, 90, 91
Чинджу 70, 74
Чирисан 342
Чинхэ 345, 356
Чонджу 46, 47, 90, 142, 374, 399
Чонпхён 106, 115
Чоньп 46
Чунёнпхо 43
Чунцин 368, 455
Чуьль 279
Чхарон 360
Чхольсан 46
Чхонджин 90, 96, 100, 101, 115, 120, 126,
132, 141, 142, 161, 214, 230, 234, 255, 269,
308, 311

Чхоннэри 255
Чхонсанни 287, 312
Чхонсон 275
Чхорвон 44, 46
Чхончхонган, р. 231, 318
Чхунджу 228
Чхунчхон, пр. 396, 399
Чэджу 438
Чэрён 43

Шанхай 31, 33, 38, 51, 85
Швейцария 242
Швеция 242, 246, 364
Шотландия 376
Шоуванцин 111

Юго-Восточная Азия 130, 131, 248, 415
Южная Каролина 197
Южная Кёнсан, пр. 71, 74, 106, 128, 195,
341, 360, 380, 384, 449, 465
Южная Корея 7, 8, 10—12, 14, 15, 71, 74,
162, 164, 166, 167, 169—171, 179—195,
197, 198, 201—203, 209, 220—226, 228,
229, 251, 271, 294, 295, 298—303, 305, 306,
309, 312, 323, 324, 329—338, 341, 342—
348, 352—361, 363, 364, 366, 367, 369—
373, 381—385, 389, 390, 392, 395, 397,
402—418, 420—456, 458—460, 462—466
Южная Пхёнган, пр. 43, 44, 46, 218, 279,
287
Южная Хамгён, пр. 46, 91, 98, 105, 106,
116, 120, 218, 323
Южная Хванхэ, пр. 47, 218
Южная Чолла, пр. 46, 50, 71, 74, 81, 105,
106, 107, 128, 341, 342, 401, 462, 467
Южная Чхунчхон, пр. 47, 360
Южноафриканский Союз 229, 246
Южный Вьетнам 356, 405, 406, 410
Южный Китай 55
Южный Сахалин 161

Ыйджу 42

Эфиопия 229

Ялу см. Амноккан
Янган, пр. 283
Яндок 275
Янсан 106
Яньань 129
Яньцзы 111, 113
Япония 5, 6, 9, 20—24, 26, 27, 31, 32, 39—
41, 45—47, 49, 51, 54—58, 61, 64, 65, 68,
69, 72, 76, 83, 85, 90, 92—96, 110, 111,
118, 119, 121, 123, 125, 127, 128, 130—
133, 135, 137, 139, 140, 142—144, 148—
150, 152, 154—156, 161, 162, 179, 186,
187, 197, 198, 225, 404—405, 409, 411,
414, 415, 423, 428, 429, 431, 437, 439, 440,
444, 445, 451, 453, 454, 458, 467
Японское море 240

409902

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Часть первая</i>	
Корея в колониальные годы (1917—1945)	
Глава 1.	
Корея в начале периода новейшей истории. Политическое и социально-экономическое положение	19
Военно-полицейский режим	19
Сельское хозяйство. Положение крестьянства	21
Промышленность. Ограничение национального капитала	26
Положение рабочего класса	29
Слабость субъективного фактора освободительного движения. Деятельность религиозных сект и эмигрантских организаций	31
Глава 2.	
Послеоктябрьский революционный подъем. Народное движение 1919 г.	34
Влияние Октябрьской революции на Корею	34
Активизация массовой борьбы	37
Мартовские демонстрации 1919 г.	40
Перерастание мирных демонстраций в восстание	43
Причины поражения и уроки движения 1919 г.	52
«Реформы» 1919 г.	55
Глава 3.	
Распространение в Корее марксизма-ленинизма. Развитие коммунистического движения (1920—1925)	59
Первые марксистско-ленинские кружки и коммунистические группы	59
Создание организаций трудящихся	69
Выступления рабочих, крестьян, интеллигенции	72
Глава 4.	
Образование Коммунистической партии Кореи. Расстановка сил и освободительное движение во второй половине 20-х годов (1925—1929)	76
Создание Коммунистической партии Кореи. Первые документы партии	76
Июньская демонстрация 1926 г. Активизация классовых выступлений	77
Позиции национальной буржуазии. Политика компартии Кореи в отношении буржуазно-националистических сил	82
Вонсанская забастовка	89
Глава 5.	
Корея в годы мирового экономического кризиса (1929—1933)	92
Изменения в социально-экономической обстановке	92
Рабочее движение	96
Крестьянское движение	103
Выступления учащейся молодежи. События в Кванджу	107
Глава 6.	
Развитие партизанского движения под руководством коммунистов (1932—1935)	110
Предпосылки перехода к организованной партизанской борьбе	110
Попытки воссоздания Коммунистической партии Кореи	117
Глава 7.	
Создание Чогук кванбокхве. Новый этап корейского освободительного движения (1936—1939)	119
Обстановка в стране во второй половине 30-х годов. Расширение карательных акций колонизаторов	119
Усиление идеологической экспансии	120
Создание Чогук кванбокхве; его программа и деятельность	123
	477

Глава 8.	
Корея в годы второй мировой войны (1939—1945)	130
Военно-промышленное строительство и рабочий класс	130
Положение различных групп корейской буржуазии	134
Сельское хозяйство и положение крестьянства в годы войны	136
Военно-политические мероприятия колонизаторов. Освободительное движение народных масс	138
Глава 9.	
Состояние культуры в колониальной Корее	148
Народное образование	148
Наука	150
Литература	151
Искусство (театр, кино, музыка, живопись)	155

Часть вторая

Корея после освобождения (август 1945 — сентябрь 1948)

Глава 1.	
Освобождение Кореи Советской Армией. Развитие в стране революции (август 1945 — сентябрь 1948)	161
Освобождение Кореи от японского колониального ига. Пути развития страны после освобождения	161
Образование органов народной власти	164
Политика СССР и США по решению корейской проблемы. Московское совещание министров иностранных дел	167
Проведение демократических преобразований в Северной Корее	171
Образование Трудовой партии Северной Кореи	175
Укрепление органов народной власти	176
Глава 2.	
Оккупация Южной Кореи американскими войсками и создание сепаратного южнокорейского государства (август 1945 — сентябрь 1948)	179
Установление американского оккупационного режима. Борьба народных масс за независимость и демократическое развитие. Образование Трудовой партии Южной Кореи	179
Экономическая и социальная политика американской военной администрации	186
Создание сепаратного южнокорейского государства	193

Часть третья

Корейская Народно-Демократическая Республика (1948—1970)

Глава 1.	
Создание Корейской Народно-Демократической Республики (1948—1950)	201
Борьба корейского народа против раскола страны, за национальное единство	201
Выборы в Верховное народное собрание КНДР	202
Провозглашение КНДР и принятие Конституции	203
Экономическое строительство в северной части страны. Двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства	204
Социально-экономическая структура КНДР	207
Развитие культурной революции в КНДР	209
Курс Трудовой партии и правительства КНДР на мирное объединение страны	220
Глава 2.	
Отечественная освободительная война корейского народа (1950—1953)	223
Подготовка агрессии против Корейской Народно-Демократической Республики	223
Нападение лисымановских войск на КНДР. Военное вмешательство США. Начало Отечественной освободительной войны корейского народа	225
Освобождение территории КНДР от оккупантов. Героическая борьба корейского народа на фронте и в тылу	231
Заключение перемирия	238

Глава 3.	
КНДР в первые годы после отечественной войны (1953—1956)	245
Корейский вопрос и Международное совещание в Женеве	245
Переход КНДР к мирному строительству. Трехлетний план восстановления и развития народного хозяйства КНДР (1954—1956)	249
Борьба трудящихся за выполнение трехлетнего плана. III съезд Трудовой партии Кореи	254
Успехи промышленного развития КНДР в годы трехлетки — важная предпосылка перехода к социалистической индустриализации	258
Социалистические преобразования в деревне и подъем сельскохозяйственного производства	260
Укрепление социалистического уклада. Рост материального и культурного уровня жизни трудящихся	264
Интернациональная помощь социалистических стран	267

Глава 4.	
Построение социалистического индустриально-аграрного государства	270
Усиление агрессивности империалистических сил и южнокорейской реакции	270
Курс на социалистическую индустриализацию. Первый пятилетний план развития народного хозяйства КНДР на 1957—1961 гг.	272
Борьба корейского народа за превращение КНДР в индустриально-аграрное социалистическое государство	276
Завершение социалистического кооперирования деревни и организационно-хозяйственное укрепление кооперативов. Рост сельскохозяйственного производства	284
Победа социалистических производственных отношений в городе	288
Социально-экономические итоги пятилетки. Рост материального уровня жизни трудящихся КНДР	290
Культурное строительство	291
Борьба за мирное объединение страны после Женеевского совещания	298

Глава 5.	
КНДР в период развернутого социалистического строительства (1961—1970)	304
Международная обстановка	304
IV съезд ТПК. Семилетний план развития народного хозяйства КНДР (1961—1967) и борьба трудящихся за его выполнение	306
Реорганизация системы планирования и управления народным хозяйством	312
Укрепление индустриальной базы КНДР	314
Техническая реконструкция в деревне и подъем сельскохозяйственного производства	317
Рост материального благосостояния трудящихся и развитие культуры	319
V съезд ТПК. Перспективы экономического и культурного строительства	325
Проблема объединения Кореи	330

Часть четвертая

Южная Корея (1948—1970)

Глава 1.	
Антинародный южнокорейский режим (1948—1960)	337
Укрепление южнокорейского режима	337
Рост антилысынмановских выступлений, развертывание партизанской борьбы. Усиление репрессий против южнокорейских патриотов	340
Земельная реформа и ее социально-экономические последствия	345
Обострение противоречий в правящем лагере	349
Углубление кризиса лысынмановского режима	355
Апрельское восстание 1960 г. против лысынмановской диктатуры	369
Глава 2.	
Вторая республика и ее банкротство (октябрь 1960 — май 1961)	374
Формальная смена власти после апрельского восстания	374
Нарастание кризиса правления Минджудан	378
Развитие движения за мирное объединение страны	382

Глава 3.		
Военная хунта у власти (1961—1963)		387
Государственный переворот 16 мая 1961 г.		387
Усиление политической реакции после государственного переворота		390
Глава 4.		
Третья южнокорейская республика (1963—1970)		395
Создание Третьей республики		395
Усиление режима личной власти		400
Участие Южной Кореи в политике империалистических сил в Азии		403
Глава 5.		
Экономика Южной Кореи (1960—1970)		408
Социально-экономическая обстановка в стране		408
Государственный капитализм		417
Состояние производительных сил в деревне		420
Аграрная политика правящих кругов		423
Глава 6.		
Культура в Южной Кореи (1945—1970)		428
Идеологическая экспансия США и Японии в Южной Кореи. Основные идеологические концепции южнокорейского режима		428
Состояние культуры в Южной Кореи		440
Просвещение		442
Наука		445
Литература		445
Театр		447
Изобразительное искусство		448
Музыка		449
Кино		450
Средства массовой информации		451
Примечания		453
Названия основных партий и общественных организаций		456
Указатель имён		468
Указатель географических названий		473

ИСТОРИЯ КОРЕИ

(с древнейших времен до наших дней)

Т О М II

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Б. Л. Модель*
Младший редактор *Р. Г. Селиванова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Г. В. Стругова* и *Т. А. Алаева*

Сдано в набор 15/1 1973 г. Подписано к печати 25/1 1974 г. А-07923. Формат 70 × 108^{1/16}. Бум. № 1
Печ. л. 30,0 + 0,25 вкл. Усл. п. л. 42,35. Уч.-изд. л. 41,94. Тираж 3000 экз. Изд. № 3036. Зак. № 2075
Цена 3 руб.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16